

МАТЕРИАЛЫ

XII МЕЖДУНАРОДНОГО ФОРУМА
ИСТОРИКОВ-КАВКАЗОВЕДОВ

Абхазия, г. Сухум
1–4 октября
2025 г.

НАРОДЫ КАВКАЗА

В XVIII–XXI вв.:
история, политика, культура

НАРОДЫ КАВКАЗА

В XVIII–XXI вв.:

история, политика, культура

Материалы XII Международного форума
историков-кавказоведов
(г. Сухум, 1–4 октября 2025 г.)

Ростов-на-Дону
Издательство ЮНЦ РАН
2025

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ФЕДЕРАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ЦЕНТР
ЮЖНЫЙ НАУЧНЫЙ ЦЕНТР
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

СЕВЕРО-КАВКАЗСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

ЮЖНЫЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

АКАДЕМИЯ НАУК АБХАЗИИ

АБХАЗСКИЙ ИНСТИТУТ
ГУМАНИТАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ
ИМЕНИ Д.И. ГУЛИА

УДК 94(47)(063)
Н30

*Издание осуществлено при финансовой поддержке
Абхазского института гуманитарных исследований имени Д.И. Гулиа*

Ответственный редактор
академик Г.Г. Матишов

Редакционная коллегия:
к.филол.н. А.Е. Аишуба, д.г.н. С.В. Бердников,
д.и.н. М.Е. Колесникова, д.и.н. Е.Ф. Кринко,
д.филол.н. М.Ч. Ларионова, к.филол.н. И.В. Пащенко,
к.филол.н. А.С. Тищенко, Р.Г. Михалюк

Н30 **Народы Кавказа в XVIII–XXI вв.: история, политика, культура:** материалы XII Международного форума историков-кавказоведов (г. Сухум, 1–4 октября 2025 г.) / [отв. ред. акад. Г.Г. Матишов]. – Ростов-на-Дону: Издательство ЮНЦ РАН, 2025. – 620 с. – ISBN 978-5-4358-0274-0.

В сборнике содержатся материалы исследований истории, политики и культуры народов Кавказа в XVIII–XXI вв., результаты которых были представлены на XII Международном форуме историков-кавказоведов. В предлагаемых читателю статьях рассматриваются актуальные проблемы кавказоведения, этнополитические, социально-экономические, демографические, социокультурные и религиозные процессы на Кавказе, а также национальная политика и национально-государственные преобразования, вооруженные конфликты и их последствия, вопросы региональной безопасности, исторической памяти и идентичности.

Издание предназначено для научных работников, преподавателей, аспирантов, студентов, а также всех заинтересованных читателей.

УДК 94(47)(063)

Редколлегия не несет ответственности за недостоверность приводимой авторами информации. Ответственность за нарушение интеллектуальных прав третьих лиц несут авторы либо лица, их представляющие.

ISBN 978-5-4358-0274-0

© ЮНЦ РАН, 2025
© Авторы, 2025

PEOPLES OF THE CAUCASUS in the 18th–21st Centuries: History, Politics, Culture

Proceedings of the 12th International Forum
of Historians – Specialists in the Caucasian Studies
(Sukhum, 1–4 October 2025)

Rostov-on-Don
SSC RAS Publishers
2025

MINISTRY OF SCIENCE AND HIGHER EDUCATION
OF THE RUSSIAN FEDERATION

FEDERAL RESEARCH CENTRE
THE SOUTHERN SCIENTIFIC CENTRE
OF THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES

NORTH-CAUCASUS FEDERAL UNIVERSITY

SOUTHERN FEDERAL UNIVERSITY

ACADEMY OF SCIENCES OF ABKHAZIA

THE D.I. GULIA
ABKHAZIAN INSTITUTE
FOR THE HUMANITIES

UDC 94(47)(063)
M39

*The publication was financially supported by
the D.I. Gulia Abkhazian Institute for the Humanities*

Managing Editor
Academician RAS *Matishov, G.G.*

Editorial Board:

PhD (Philology) *Ashuba, A.E.*, Dr (Geography) *Berdnikov, S.V.*,
Dr (History) *Kolesnikova, M.E.*, Dr (History) *Krinko, E.F.*,
Dr (Philology) *Larionova, M.Ch.*, PhD *Pashchenko, I.V.*,
PhD (Philology) *Tishchenko, A.S.*, and *R.G. Mikhalyuk*

M39 Matishov, G.G. (Ed.) (2025). Peoples of the Caucasus in the 18th–21st Centuries: History, Politics, Culture: Proceedings of the 12th International Forum of Historians – Specialists in the Caucasian Studies (Sukhum, 1–4 October 2025). Rostov-on-Don: SSC RAS Publishers. 620 p. (In Russian). ISBN 978-5-4358-0274-0.

The collected proceedings cover the materials examining the history, politics, and culture of the peoples of the Caucasus in the 18th–21st centuries presented at the 12th International Forum of Historians – Specialists in the Caucasian Studies. The authors of the proceedings proposed to the readers consider the relevant issues of the Caucasian studies, ethno-political, socio-economical, demographic, socio-cultural, and religious processes in the Caucasus, as well as the issues of ethnic-national policies and ethnic-national-state transformations, armed conflicts and their consequences, the issues of regional security, historical memory, and identity.

The publication is intended for researchers, university teachers, postgraduate and undergraduate students, as well as readers interested in the subject.

UDC 94(47)(063)

The Editorial Board is not liable for the possible inaccuracy of the information provided by the authors. The authors or/and their representatives are responsible for the violation of the third parties intellectual property rights.

ISBN 978-5-4358-0274-0

© SSC RAS (2025)
© Authors (2025)

Посвящается

*80-летию Победы в Великой Отечественной войне
(1941–1945 гг.)*

*80-летию со дня рождения первого президента Республики Абхазии
Владислава Григорьевича Ардзинба*

*100-летию Абхазского института
гуманитарных исследований имени Д.И. Гулиа
Академии наук Абхазии*

Дорогие друзья!

Кавказ был и остается уникальным во многих отношениях регионом, привлекающим широкое внимание огромного количества исследователей из разных стран мира. Сама история изучения Кавказа насчитывает уже не одну сотню лет и охватывает самые различные предметные области знаний. История, география, этнология, языкознание, фольклористика, экономика, политология, социология, литературоведение, искусствоведение, юриспруденция, конфликтология, религиоведение, философия, этика и другие дисциплины, составляющие классические направления исследований в данной сфере, не исчерпывают ее проблемного поля.

Существенный вклад в развитие кавказоведения внесла академическая наука России, начиная с первых комплексных экспедиций на Кавказ, состоявшихся в XVIII в. Значительный шаг в этом направлении был сделан в советское время, когда во всех республиках Закавказья возникли академические научные организации, сыгравшие важную роль в освоении природных богатств и глубоком изучении других вопросов как необходимой основы их успешного хозяйственного и культурного развития. С распадом СССР на базе данных учреждений были созданы национальные академии наук, в составе которых в настоящее время действуют научные институты, специализирующиеся на историческом кавказоведении.

На Северном Кавказе научно-исследовательские центры, входящие в систему Российской академии наук (далее – РАН), были созданы в Республике Дагестан, Кабардино-Балкарской Республике, Республике Северной Осетии – Алании, Чеченской Республике, а также в городе Сочи Краснодарского края. В Республике Адыгее и Карачаево-Черкесской Республике существуют собственные научно-исследовательские институты, а в Чеченской Республике еще и собственная Академия наук, помимо Комплексного научно-исследовательского института РАН. Региональные учреждения при проведении исследований в области гуманитарных наук, как правило, специализируются на изучении истории и культуры титульных этносов своих республик.

Созданный в Ростове-на-Дону академиком Г.Г. Матишовым Южный научный центр Российской академии наук (в настоящее время – Федераль-

ный исследовательский центр Южный научный центр Российской академии наук, далее – ЮНЦ РАН) с начала своей деятельности обращался к вопросам межэтнических отношений, социально-экономическим и геополитическим процессам на Кавказе, связанным с ними угрозам и рискам его безопасности. Традиционный интерес к Кавказу поддерживается во многих других центральных научно-исследовательских учреждениях, а также Южном федеральном университете (далее – ЮФУ), Северо-Кавказском федеральном университете (далее – СКФУ), столичных и региональных вузах.

К сожалению, в постсоветских исследованиях и публикациях нередко сказываются политические и идеологические факторы, отрицательно влияющие на развитие научной интеграции. Порой они перерастают в настоящие «бои за историю», способствуют распространению ксенофобии и этноцентризма, ведут к мифологизации событий прошлого и настоящего. Использование современных информационных технологий придает особую опасность данным тенденциям, провоцирующим новые межэтнические конфликты.

В целях возобновить диалог между учеными в 1999 г. в Ростове-на-Дону по инициативе ректора Ростовского государственного университета (в настоящее время – ЮФУ) члена-корреспондента РАН Ю.А. Жданова состоялся съезд кавказоведов. Эту инициативу продолжил известный кавказовед В.В. Черноус. По его инициативе с 2013 г. проводятся международные форумы историков-кавказоведов. Организаторами форумов стали ЮФУ, ЮНЦ РАН, Академия наук Чеченской Республики, СКФУ, другие научные и общественные организации. Задачи форумов заключаются в выработке и обсуждении достоверных и научно обоснованных представлений об истории, культуре и современном развитии Кавказа, в создании площадки для научного диалога исследователей из различных стран и регионов, представителей разных научных школ и направлений, объединенных общим предметом изучения. Большинство форумов проходило в Ростове-на-Дону. В 2021 г. VIII форум проводился в Пятигорске, а следующий IX в 2022 г. – в Черкесске, что позволило еще более расширить круг участников мероприятий.

В этом году очередной XII Международный форум историков-кавказоведов проводится в Сухуме по предложению директора Абхазского института гуманитарных исследований им. Д.И. Гулиа Абхазской академии наук А.А. Ашуба. Следует отметить, что и до этого абхазские ученые принимали активное участие почти во всех предыдущих форумах историков-кавказоведов. А еще ранее, в 2010 г., на международной конференции в Сухуме было создано Научное общество кавказоведов, в которое вошли ученые не только из Абхазии, но и других государств.

В представляемом вашему вниманию сборнике опубликованы 90 статей 111 ученых из различных государств и регионов, однако участников форума значительно больше. Среди них как опытные, хорошо известные и давно состоявшиеся ученые, так и молодые, начинающие исследователи, получающие ценный опыт участия в таком крупном научном мероприятии.

Научная кооперация является необходимым условием для проведения комплексных и междисциплинарных исследований, для поиска и обсуждения новых подходов и концепций в осмыслении и решении стоящих перед нами задач. Мы уверены, что проведение очередного форума историков-кавказоведов станет еще одним важным шагом на этом пути, а публикуемые материалы будут интересны и востребованы в научной и образовательной сферах.

Оргкомитет

***Уважаемые коллеги,
гости форума,
друзья и братья наши!***

Я рад приветствовать всех вас в Абхазии на XII Международном форуме историков-кавказоведов!

Наша встреча посвящена не только очередному форуму, но и другим важным событиям – знаменательным юбилеям этого года.

Первому Президенту Республики Абхазия, главнокомандующему Абхазской армии, под руководством которого добыта Победа в грузино-абхазской войне, основателю Абхазского государства в его новейшей истории и одному из предыдущих директоров Абхазского института гуманитарных исследований Владиславу Григорьевичу Ардзинба исполнилось бы 80 лет.

80 лет исполнилось Победе в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. И эту Победу приближали воины из Абхазии, как и все солдаты великой страны под названием СССР. В этой войне принимал участие и отец Владислава Ардзинба.

И еще одна важная дата – нашему институту 100 лет! Иначе говоря – институту исполнился целый век! И за это время в его историю вместились очень много фактов – и хороших, и плохих. Вообще же хорошего было больше, иначе столько лет институт – духовный, культурный и научный центр абхазов – не просуществовал бы. Если даже описывать каждый год его существования и развития хотя бы в объеме небольшой брошюры, то получилось бы 100 брошюр! И объединить их потом можно было бы в несколько томов книг...

Словом, мы решили все эти праздничные даты совместить с кавказским форумом.

Некоторые задаются вопросом, почему форум кавказоведов проводится в Абхазии? Напомню, что абхазские ученые участвовали почти во всех предшествующих форумах историков-кавказоведов. Кавказоведение изучает культуру, быт, историю и другие грани существования народов Кавказа. Этими же вопросами занимаются и ученые Абхазского института гуманитарных исследований. Абхазия и Кавказ – неразделимые понятия, мы были, есть и всегда будем частью Большого Кавказа как территориально, так и духовно. Вспомним, что, когда была совершена агрессия со стороны Грузии в 1992 г., добровольцы с Кавказа шли к нам на защиту именно как

к своим братьям. И защитили! И для нас этот их героический поступок является понятным и незабвенным. Словом, мы все едины, и я еще раз всех вас сердечно, искренне приветствую и рад видеть здесь, в Абхазии.

История института, под эгидой которого проходит XII форум историков-кавказоведов, интересна и многообразна. За 100 лет его название менялось семь раз:

- Академия абхазского языка и литературы (1925–1930);
- Научно-исследовательский институт абхазского языка и литературы (1930–1931);
- Абхазский научно-исследовательский институт краеведения (АБНИИК) (1931–1935);
- Институт абхазской культуры имени Н.Я. Марра (1935–1939);
- Абхазский научно-исследовательский институт языка и истории им. академика Н.Я. Марра (1939–1950);
- Абхазский институт языка, литературы и истории (с 1960 г. – им. Д.И. Гулиа) (1950–1994);
- Абхазский институт гуманитарных исследований им. Д.И. Гулиа (с 1994 г.) Академии наук Абхазии.

Таковы были веления времени и различные установки сверху.

Директорами института в разное время были Андрей Чочуа, Дмитрий Гулиа, Герасим Берзения, Арсений Хашба, Валерьян Ивардава, Прокофий Ратиани, Пармен Гуджабидзе, Хухут Бгажба, Георгий Дзидзария, Владислав Ардзинба, Василий Авидзба. Временно исполняли обязанности директора института Владимир Дарсалия, Эмма Килба, Шота Арстаа, Сослан Салакая.

До создания 100 лет тому назад первого государственного научного учреждения, именуемого ныне АБИГИ, в Абхазии функционировали различные научные организации и общества. Первой научной организацией стало созданное в 1898 г. Сухумское общество сельского хозяйства. Позже на его базе были учреждены Сухумская садовая и сельскохозяйственная станция (начало XX в.) и Общество любителей и исследователей природы и населения Сухума и Сухумского округа (1913 г.).

После установления советской власти в Абхазии эстафету научных изысканий края продолжило созданное 26 августа 1922 г. Абхазское научное общество – АБНО. Высказывалось мнение, что отсчет истории нашего института стоило бы вести именно с этой даты. Учитывая значимость проделанной данной организацией научной и научно-организационной работы, такая точка зрения имеет под собой определенные основания. В то же время АБНО, как и более ранние научные общества, осуществляло свою деятельность в качестве общественной организации.

Самым тяжелым ударом для центра абхазоведения стали годы грузино-абхазской войны, когда были дотла сожжены здания Абхазского института

и Абхазского государственного архива со всеми хранившимися в них материалами. Но Абхазский институт возродился, как возрождается из пепла птица Феникс. Научная интеллигенция, несмотря на послевоенные годы, связанные с трудностями, в том числе и материальными, когда надо было просто выживать, не имея зарплаты или имея мизерную, начала работать для восстановления института. Отсутствие какой-либо базы, архивных документов, библиотеки, рукописей, в том числе и личных, никого не сломило. Шел трудный, но постепенный восстановительный процесс. Проводились фольклорно-этнографические, археологические экспедиции, издавались книги, начал публиковаться печатный орган института «Абхазоведение». Нас стали поддерживать коллеги из России, с которыми у нас и ранее были налажены контакты...

В возрождение института особый вклад внес Владислав Григорьевич Ардзинба, который был избран новым директором перед началом войны, в 1988 г. Являясь ученым, доктором наук, он знал цену научным специалистам и всему, что они делают, оберегал и поддерживал их. Институт сейчас располагается в здании, в котором он работал в первые послевоенные дни и в котором провел доступный в те времена ремонт. К сожалению, институт требует нового ремонта...

С приходом Ардзинба институт взял курс на большую самостоятельность в разработке тематики, планирования и организации научных мероприятий. Ставился вопрос и о взаимоотношениях института с Академией наук Грузии, что было в то время очень актуальным.

Послевоенный процесс восстановления института был непростым и длительным. Но когда Российская Федерация признала независимость Абхазии, у нас появилась возможность возобновить сотрудничество с научно-исследовательскими институтами и вузами России, участвовать в различных научных форумах, проводить на базе нашего учреждения международные и региональные конференции, различные научные экспедиции на территории Абхазии. В комплектовании фондов научной библиотеки и архива существенную помощь оказали многие научные учреждения Российской Федерации. Это Институт востоковедения, Институт мировой литературы им. А.М. Горького, Институт археологии, Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая, входящие в систему Российской академии наук, а также Музей искусств народов Востока, Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера), институты и университеты Республики Адыгеи, Карачаево-Черкесской и Кабардино-Балкарской республик, научные учреждения г. Ростова-на-Дону, Ставропольского и Краснодарского краев. Отдельные ученые передали в дар свои личные библиотеки (Н.Г. Волкова, А.Х. Халиков и даже итальянский профессор Дж. Пистрино).

Большое количество сборников научных статей было издано по результатам проведенных в АБИГИ международных, республиканских и институтских конференций и чтений. Словом, всего не перечислить. Институт живет, развивается, готовит научные кадры, изучает свою культуру и историю.

Всем желаем и в дальнейшем больших научных достижений, творческих успехов, мира и благополучия! Я уверен, того же желаете нам и вы, участники форума из других регионов нашего общего Большого Кавказа. Будем всегда вместе!

*Директор Абхазского института
гуманитарных исследований им. Д.И. Гулиа
кандидат филологических наук Арда Ашуба*

РАЗДЕЛ 1

Современное кавказоведение от истоков к современным проблемам: подходы, оценки, источники

М.Е. Колесникова

КАВКАЗОВЕДЕНИЕ И ЕГО РОЛЬ В ПРОЦЕССАХ ФОРМИРОВАНИЯ НАУЧНОГО ПРОСТРАНСТВА КАВКАЗА (вторая половина XVIII – начало XXI в.): ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

В настоящее время кавказоведение – это междисциплинарное знание. Оно вышло далеко за свои первоначальные рамки и является важнейшей составной частью совокупности изучающих Кавказ общественных наук, таких как политология, экономика, социология, религиоведение. Междисциплинарный подход к изучению Кавказа заложили еще российские комплексные академические экспедиции второй половины XVIII в. Впоследствии Кавказ стал предметом изучения представителей многих научных специальностей. Такой подход способствовал интенсификации работы с источниками и обеспечивал прирост исторического знания. В данной работе мы будем рассматривать историческое кавказоведение как составляющую отечественной и мировой историографии, акцентирующую «внимание исследователей на особенностях и закономерностях развития исторического процесса в регионе» [13; 14: 177].

Современный уровень развития кавказоведения – это результат труда многих поколений исследователей, занимающихся регионом, как профессионалов, так и историописателей, историков-любителей, которые изучали Кавказ, выявляли, накапливали и анализировали источниковую базу исследований, формировали историческое знание о регионе. Первые сведения

о регионе были зафиксированы еще в период античности [1; 3]. Образы, запечатленные в сочинениях античных авторов, наиболее читаемых на протяжении столетий, «стали основополагающими при формировании исторических представлений», и, как отмечала Э.А. Шеуджен, «в известном смысле фрагментарность дошедших до нас свидетельств заставляет напряженно пульсировать исследовательскую мысль, порождая все новые вопросы, подерживая не снижающийся накал научных дискуссий» [17: 53].

В XVII в. зарождается кавказоведение как европейское научное направление и Кавказ становится объектом научного изучения [11: 8]. В XVIII столетии российские исследователи начинают изучать Кавказ и его народы. Благодаря их деятельности по выявлению, собиранию, изучению и введению в научный оборот источников во второй половине XVIII – начале XX в. происходило становление различных направлений в кавказоведении, шло формирование исследовательской, а позже и историографической традиции изучения Кавказа [9]. Научное изучение Кавказа в XVIII–XIX вв. явилось определенным шагом по органичному включению ряда его территорий в единое социокультурное пространство страны, способствовало налаживанию межэтнического диалога и взаимопонимания народов Кавказа и России.

Российская наука обладала большим интеграционным потенциалом, в период вхождения народов Кавказа в состав Российской империи способствовала развитию просвещения, созданию системы образования, научных обществ, со временем превратившихся в научные центры, которые получили поддержку и развитие уже в советский период истории. Историографический обзор исследований дореволюционных и советских авторов позволил выявить одну из приоритетных тематик – проблему формирования российско-кавказского социокультурного единства в конце XVIII – XX в. [6].

Необходимость в знании о регионе, его территории и социуме явилась своеобразным импульсом для развития науки и научных исследований, расширения деятельности столичных и создания кавказских научных учреждений и обществ по его изучению. Изучение края в дореволюционный период осуществлялось в специфических социально-экономических, военно-политических и социокультурных условиях, связанных с процессами колонизации и освоения северокавказских территорий, событиями Кавказской войны, удаленностью от столичных научных центров, приоритетным влиянием академической гуманитарной науки. Приоритет проблематики определялся военно-стратегическими задачами в условиях активной политики России на Кавказе во второй половине XVIII – XIX в. В поле зрения исследователей находились традиционные общественные институты, быт и нравы горцев, их взаимоотношения с имперскими властями, особенности интеграции региона в российскую социально-политическую, экономическую и культурную систему, модернизация северокавказских обществ.

В дореволюционный период историографическая традиция прошла путь от накопления сведений о народах Кавказа и проведения первых научных исследований региона в ходе комплексных академических и военных экспедиций до создания местных научных обществ и региональных научных структур, объединивших усилия со столичным академическим научным сообществом и историками-любителями по формированию целого ряда исторических сочинений о Кавказе. Главными центрами по изучению региона в этот период стали крупнейшие научные общества России: Императорское Русское географическое общество и его Кавказский отдел, Общество любителей естествознания при физико-математическом факультете Московского университета и его этнографический отдел, Императорское Московское археологическое общество, – которые в институциональном отношении представляли собой своеобразные научные центры по изучению региона. Их структура, специфика работы с провинцией, исследовательские программы, направленные на изучение истории, археологии и этнографии Северного Кавказа, а также методы работы способствовали оживлению научного интереса к историческому прошлому края, консолидации местных исследовательских сил и дальнейшему развитию северокавказской историографической традиции.

Во второй половине XIX – начале XX в. при содействии столичных научных учреждений и обществ происходила активизация местных исследовательских сил, создание кавказских научных обществ, вокруг которых шло формирование интеллектуального пространства региона. Работа обществ стала той самой основой, на которой в XX в. развернулась деятельность последующих поколений историков по созданию фундаментальных трудов по кавказской истории, создавались научно-исследовательские институты и центры на местах.

В научный оборот был введен значительный пласт документальных источников (деятельность Кавказской археографической комиссии, кавказских статистических комитетов и научных обществ). Это время начала разработки понятийного аппарата и первых попыток теоретического осмысления кавказских проблем в историографии. Так, постепенно формировался концепт «Кавказ» в научном дискурсе. Уже тогда определились характерные черты отечественного кавказоведения: гуманистические традиции; полидисциплинарность и комплексность подходов к изучению макрорегиона; представление о Кавказе как о едином историко-культурном регионе; гуманитарная направленность исследований; комплексный анализ всех доступных источников по истории региона.

В советский период происходило дальнейшее структурирование основных проблем истории Кавказа, в частности российско-кавказских отношений, появились и первые обобщающие труды по истории региона. В приоритете

было рассмотрение социально-экономических процессов, административно-политических и судебно-правовых изменений в регионе в XIX в., международных отношений в XVIII – начале XIX в.; модернизационные процессы в этнополитической, социально-экономической и духовной сферах общественной жизни народов Кавказа в рамках Советского государства.

Последовательность этапов историографической традиции была связана с изменением политических ориентиров в обществе, оказывающих влияние на историографический процесс и непосредственно влиявших на содержательные характеристики исследовательской деятельности кавказоведов. В конце 1980-х гг. в свете политических «перестроечных» процессов в советской исторической науке появились новые сюжеты, заполнявшие белые пятна не только национальной, но и местной истории. В это же время появилась методологическая и идеологическая «разногласица», несовпадение идейно-теоретических подходов, в дальнейшем вылившееся в методологический плюрализм, в том числе в оценках российско-кавказских связей и взаимоотношений. Радикальное переосмысление предшествующей истории дореволюционного и советского периодов в дальнейшем стало идеологической основой центробежных тенденций, приведших к последующему распаду СССР и, как следствие, к кардинальному пересмотру историографических концепций [10].

Анализ негативных тенденций, появившихся в последующий период в северокавказской историографии, был дан в работе известных кавказоведов В.А. Кузнецова и И.М. Чеченова [12]. В ней авторами была поставлена задача сохранения и приумножения огромного позитивного наследия фундаментального российского кавказоведения как инструмента сближения народов Кавказа и интеграционных процессов. Эти проблемы постоянно находились в центре внимания Международной кавказоведческой археологической конференции «Крупновские чтения» и Первого съезда ученых-кавказоведов, проходившего в 1999 г. в Ростове-на-Дону. Съезд, как и открытый годом раньше в Северо-Кавказском научном центре высшей школы в г. Ростове-на-Дону Научно-исследовательский институт Кавказа, были инициированы членом-корреспондентом Академии наук СССР Ю.А. Ждановым, прилагавшим немало усилий для интеграции кавказоведов.

Несмотря на некоторую тенденциозность, свойственную историографии советского периода, игнорирование в определенной мере предшествующих знаний по ряду вопросов, намеченные подходы и направления изучения истории интеграции Кавказского региона в состав Российской империи и его последующей модернизации не утратили своей актуальности и сегодня.

Современный период развития исторической науки, начавшийся в 1991 г., характеризуется появлением новых подходов и методов к изучению

дореволюционной истории. Произошли изменения в проблемном поле исторической науки, на повестку дня выдвинулись новые исследовательские задачи, значительно обновилась источниковая база, усовершенствовались методы, определяющие общую результативность исследовательской практики. В современной российской историографии наметился системный переход от революционных и политизированных подходов, сформировавшихся в 1990-е гг. и направленных на радикальный пересмотр достижений предшествующей историографической традиции. Ведущие представители научных школ отказались как от радикального пересмотра творческого наследия советской историографии, так и от некритического отношения к многочисленным трудам дореволюционных ученых.

Современная историография представляет собой сложное явление. Своеобразный научный объективизм позволил не только сформировать идеологически нейтральные подходы к комплексной оценке имперской инкорпорации Большого Кавказа, но и представить адекватные характеристики значимых исторических событий и явлений, неразрывно связанных с рассматриваемым регионом. Современная историографическая ситуация открывает новые возможности для интерпретации различных социальных процессов в регионе в последней трети XVIII – начале XX в. Становление новых научных школ кавказоведения отличается различными подходами к выявлению ключевых факторов и процессов в истории Кавказа, ряд авторов исходят из представлений о самостоятельности его развития в составе Российского государства.

Сегодня в историографии идет процесс осмысления интеллектуального взаимообмена и взаимного обогащения национально-государственных и региональных исторических и историографических исследований на основе изучения истории народов Кавказа. Внимание ученых обращено на междисциплинарный синтез в области кавказоведения.

Несмотря на значительное количество работ по различным аспектам истории Кавказа, отечественная и зарубежная историография испытывает заметный дефицит в комплексном исследовании истории региона, особенно периода интеграции его народов в политико-правовое пространство Российской империи, а также процессов модернизации в советский период. И эту историю необходимо писать совместно кавказоведам, представителям Российской Федерации и разных государств Кавказа. Опыт такого научного взаимодействия кавказоведов имеется.

По инициативе российских и абхазских ученых в целях объединения научного потенциала в 2010 г. в г. Сухум было создано Научное общество кавказоведов, в которое в индивидуальном порядке вошли ученые из Абхазии и других государств Южного Кавказа. Организация призвана усилить позиции науки и гражданского общества для урегулирования и профилактики

конфликтов и информационных войн, способствовать консолидации научных сил в области кавказоведения.

С 2013 г. проводятся международные форумы историков-кавказоведов, ставшие феноменом в пространстве современной науки [15]. Форумы проводятся по инициативе Южного научного центра Российской академии наук (ЮНЦ РАН, г. Ростов-на-Дону) при поддержке ряда образовательных и научных учреждений региона. Организаторами первого форума выступили Южный федеральный университет, Академия наук Чеченской Республики, Институт социально-экономических и гуманитарных исследований ЮНЦ РАН, Российский институт стратегических исследований, Гуманитарный фонд «Кавказ – новые горизонты». С 2021 г. в числе организаторов выступил и Северо-Кавказский федеральный университет (СКФУ, г. Ставрополь). На Юге России это одно из немногих регулярно проводимых мероприятий, которое собирает на своей площадке не только широко известных экспертов и ученых, но и молодых исследователей Кавказа [4]. В прошедших форумах историков-кавказоведов (2013–2022 гг.) приняли участие представители 19 стран и 21 региона Российской Федерации. Всех их объединила история Кавказа, желание внести вклад в развитие кавказоведения.

В 2014 г. в рамках работы III Российско-абхазского гуманитарного форума в г. Сухум был заключен договор о сотрудничестве между СКФУ и Абхазским государственным университетом (АГУ, г. Сухум), предусматривающий обмен студентами, образовательные и научные стажировки, проведение совместных научных исследований, в т.ч. в области кавказоведения. С 2014 г. СКФУ тесно сотрудничает с Абхазским институтом гуманитарных исследований им. Д.И. Гулиа Академии наук Абхазии (АБИГИ, г. Сухум). Договор предусматривает международное научное сотрудничество, участие в научных конференциях, сохранение исторической правды и противодействия фальсификациям истории в международном общественном пространстве, экспертную работу, программы широкого гуманитарного сотрудничества (грантовая деятельность, подготовка энциклопедических материалов, посвященных Республике Абхазия и др.). На базе СКФУ создана совместная Международная научно-исследовательская лаборатория «Лаборатория биографических исследований». В 2019–2021 гг. коллективом ученых СКФУ и АБИГИ осуществлялись исследования в рамках гранта Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ) и Академии наук Абхазии по подготовке библиографического указателя, который содержит список изданий по истории изучения Абхазии в XIX – начале XX в., кавказоведению, теории и методологии исторической науки [7].

Совместно с грузинскими коллегами в 2023 г. выполнялось исследование по теме «История взаимоотношений России и Грузии в X – первой

половине XIX в.», подготовлено учебное пособие, посвященное основным вехам становления российско-грузинских взаимоотношений, влиянию на этот процесс внутривосточного развития России и Грузии, внешнеполитического контекста и подписания Георгиевского трактата [8].

В 2024 г. в сотрудничестве с учеными Армении и Грузии в рамках научного проекта был подготовлен сборник документов, в котором представлены материалы из архивов Армении, Грузии, России, посвященные социально-экономическому, политическому и культурному развитию Закавказья в XIX – начале XX в. и политике российского правительства в данном регионе [16].

В 2024 г. вышла коллективная монография «Армянский вопрос в международных отношениях (1895–1923 гг.)» [2], подготовленная в рамках совместной научной программы Комитета по науке Министерства образования, науки, культуры и спорта Армении и РФФИ. Впервые в российской историографии предлагается комплексное видение подходов и реальной политики всех участников событий в отношении проблемы реформирования армянских территорий Османской империи.

Сегодня в содержательном отношении кавказоведение отличается значительной открытостью, расширение возможностей сотрудничества российских историков с зарубежными исследователями, издание и переиздание неизвестных или неопубликованных прежде в России трудов дореволюционных, эмигрантских и зарубежных авторов.

Источники и литература

1. Античные источники о Северном Кавказе: хрестоматия / сост. В.М. Аталиков. Нальчик, 1990.
2. Армянский вопрос в международных отношениях (1895–1923 гг.). Ставрополь, 2024.
3. Геродот. История / пер. Г.А. Стратановского. Л., 1972.
4. Горюшина Е.М. VIII Международный форум историков-кавказоведов: о разном на Кавказе // Новое прошлое / The New Past. 2021. № 4. С. 333–337.
5. Дзидзария Г.А. Ф.Ф. Торнау и его кавказские материалы. М., 1976.
6. Журтова А.А., Колесникова М.Е., Кринко Е.Ф., Пономарева М.А. Проблема интеграции формирования российско-кавказского социокультурного единства в конце XVIII – XX вв.: историографический аспект // Гуманитарные и юридические исследования. 2023. № 1. С. 42–49.
7. Историография и источниковедение истории Абхазии XIX – начала XX века: библиографический указатель / авт.-сост.: А.Ф. Авидзба, М.Р. Аргун, А.Е. Ашуба, Л.П. Ермоленко, И.В. Зозуля, Н.В. Касландзия, М.Е. Колесникова, С.Ш. Салакая, О.И. Шафранова. Ставрополь, 2021.
8. История взаимоотношений России и Грузии в X – первой половине XIX в.: учебное пособие. Ставрополь, 2023.

9. Колесникова М.Е. Северокавказская историографическая традиция: вторая половина XVIII – начало XX века. 2-е изд., доп. Ставрополь, 2011.
10. Константинов С., Ушаков А. Восприятие истории народов СССР в России и исторические образы России в постсоветском пространстве // Национальные истории в советском и постсоветских государствах. М., 1999. С. 74–103.
11. Кузнецов В.А. Введение в кавказоведение (историко-этнологические очерки народов Северного Кавказа). Владикавказ, 2004.
12. Кузнецов В.А., Чеченов И.М. История и национальное самосознание (проблемы современной историографии Северного Кавказа). 2-е изд. Владикавказ, 2000.
13. Кузьминов П.А. Кавказоведение на грани веков // Кавказоведение: опыт исследований: мат-лы Междунар. науч. конф. (г. Нальчик, 13–14 октября 2005 г.). Нальчик, 2005. С. 5–8.
14. Кузьминов П.А. Эпоха реформ 50–70-х годов XIX века у народов Северного Кавказа в дореволюционном кавказоведении. Нальчик, 2009.
15. Матишов Г.Г., Кринко Е.Ф. Вместо предисловия: форумы историков-кавказоведов в пространстве современной науки (краткие итоги 2013–2022 гг.) // Народы Кавказа в XVIII–XXI вв.: история, политика, культура: мат-лы X Междунар. форума историков-кавказоведов (г. Ростов-на-Дону, 12–13 октября 2023 г.) / [отв. ред. акад. Г.Г. Матишов]. Ростов н/Д., 2023. С. 5–14.
16. Россия и народы Закавказья (конец XVIII – начало XX века): модернизационные процессы и межкультурный диалог: сборник документов. Ставрополь, 2024.
17. Шеуджен Э.А. Адыги (черкесы) в пространстве исторической памяти. М.; Майкоп, 2010.

А.Р. Чедия

ВОСТОЧНОЕ ПРИЧЕРНОМОРЬЕ И ЗАПАДНЫЙ КАВКАЗ НА КАРТЕ ХАДЖИ ХАЛИФЕ КЯТИБА ЧЕЛЕБИ

С XIII по XVI в. Османская империя проводила территориальную экспансию в разных регионах Причерноморья. На западном направлении ее внимание было сосредоточено на Балканах, где под османский контроль последовательно переходили Добруджанский деспотат, Восточная Фракия и Тырновское царство. На юге османы захватили Константинополь, анатолийское побережье и Трапезундскую империю. На северном направлении установили влияние над Крымским ханством, княжеством Феодоро

и генуэзской Каффой. В Восточном Причерноморье закрепились на побережье западногрузинских княжеств, а также Абхазии и Черкесии.

Следует отметить, что в восприятии османской политической элиты как Восточное Причерноморье, так и Западный Кавказ на протяжении значительной части XVI в. оставались периферийным регионом, не входившим в число приоритетных направлений имперской экспансии. Обладание этим регионом первоначально не сулило Османской империи значительных экономических или военно-стратегических выгод. Основные цели внешнеполитической экспансии Порты в этот период были связаны с Балканским полуостровом, Центральной Европой и Восточным Средиземноморьем. Тем не менее в последние десятилетия XVI в. значение Восточного Причерноморья возросло в связи с османо-сефевидскими войнами, хотя этот период продолжался недолго. Противостояние с Сефевидами, угрожавшими позициям Османской империи на Кавказе, заставило Порту обратить внимание на черноморское побережье региона как на зону стратегического прикрытия. Были предприняты шаги по строительству крепостей и укреплению береговой линии, особенно на Таманском полуострове. Однако с завершением активной фазы конфликта и стабилизацией ситуации в регионе интерес к этим территориям вновь снизился. Уже в начале XVII в. регион снова оказался на периферии внешнеполитических интересов Османской империи.

Несмотря на отсутствие устойчивого военного контроля, местное население, особенно в XVII в., было экономически ориентировано на османские рынки, прежде всего на побережье Южного Причерноморья. Торговые связи, религиозные контакты и символическое подчинение позволяли Османской империи сохранять влияние в регионе без прямой оккупации. Однако именно в это время абхазское и черкесское пиратство стало наносить все более ощутимый ущерб морской торговле. Ответом Порты стало строительство крепостей: Сухума, Суджука, Анапы, – игравших важную роль в обеспечении безопасности османского судоходства, пресечении морского разбоя и поддержании политического присутствия в регионе. Значимость Восточного Причерноморья и Западного Кавказа в османской внешнеполитической стратегии вновь возросла с конца XVII в. на фоне активной экспансии России в Приазовье и на Северном Кавказе.

Кятиб Челеби (Мустафа бин Абдуллах, также известен как Хаджи Халифе) – выдающийся османский ученый XVII в., историк, географ, библиограф и мыслитель. Он родился в Стамбуле в 1609 г. Его отец служил при дворе, что обеспечило ему хорошее образование с раннего возраста. В юности он участвовал в нескольких военных походах в Анатолии, Ираке, Сирии, где увидел тяготы войны, после чего полностью посвятил себя научной деятельности. Изучал религиозные, философские и естественные науки, свободно владел арабским и персидским языками. При этом Кятиб Челеби проявлял

большой интерес к западной науке и активно использовал европейские источники, что было редкостью в Османской империи того времени. Он собрал большую библиотеку, писал труды по истории, географии, библиографии и исламским наукам. Умер в 1657 г. в Стамбуле [5].

Одним из самых значительных трудов Кятиба Челеби является «Джиханнума» (Cihannümâ), что в переводе с турецкого означает «Зерцало мира». Это первая систематическая географическая работа в истории Османской империи. К написанию книги автора подтолкнуло осознание нехватки качественных географических трудов на арабском, персидском и турецком языках и, напротив, активное развитие географии в Европе [4].

Произведение было написано в двух редакциях, но обе остались незавершенными. Первая из них, начатая в 1648 г., была построена по модели арабской средневековой космографии и делилась по структуре «четырёх стихий» (вода, воздух, огонь, земля). Из нее была полностью завершена лишь часть, посвященная водам – морям, рекам и озерам. Вторая редакция, начатая в 1654 г., после получения перевода Atlas Minor Меркатора и Хондиуса [1], была более системной и научной. В ней Кятиб Челеби использовал около 150 восточных и 10 западных источников, включая такие труды, как Kitâb-ı Bahriyye («Книга морей»), Târîh-i Hind-i Garbî («История Нового света») и другие. Описание мира было организовано по континентальному принципу: Азия, Европа, Африка, Америка, Магелланика (Австралия) и Полярные земли [4].

Автор начал описание с Японии, что придает труду оригинальность. В книге подробно описываются административное устройство стран, формы правления, нравы народов, климат, реки, горы, флора и сельское хозяйство. Источники дополнялись личными наблюдениями и устными рассказами. Несмотря на раннюю смерть автора, вторая редакция дошла до описания османской территории, рассмотрение завершает город Ван [4].

«Джиханнума» была впервые напечатана в 1732 г. в типографии Ибрахима Мютефаррики и стала одиннадцатым его изданием. Он планировал выпустить книгу в двух томах – об Азии и о Европе с остальным миром, но вышел только том об Азии. Издание включало дополнения и карты (всего 40), часть из которых была взята из труда сирийского ученого Эбу Бекира ад-Димашки. Некоторые сведения автора не вошли в печатную версию, но были заменены аналогичными данными из других источников [2]. «Джиханнума» сыграла важную роль в переходе от восточной к западной научной традиции в области географии. Она расширила кругозор османской интеллектуальной элиты, оказала влияние на европейских путешественников (особенно в XIX в.), использовалась при описании географических объектов и стала символом стремления к культурному и научному сближению Востока и Запада.

Рис. 1. Карта Кавказа из произведения «Джиханнума» [3]

Таблица 1

Список природных ориентиров, городов, фортификационных сооружений, этнических и административных образований, этнических групп на карте Восточного Причерноморья и Западного Кавказа в труде Хаджи Халифе Кятиба Челеби «Джиханнума»

Османская надпись	Транслитерация	Перевод
<i>I</i>	<i>II</i>	<i>III</i>
1. قره دکز	1. Kara Deniz	1. Чёрное море
2. قلعه فاش	2. Kaley-I Faş	2. Крепость Фаш (Поти)
3. قوپی или قوی	3. Kui, или Kupa	3. Возможно, местность у реки Хоби
4. پوتی	4. Poti	4. Поты
5. کوتاش	5. Kutaş	5. Кутаис
6. بجا	6. Baca	6. Местность на западе Грузии
7. ممالک گورجستان	7. Memalik-i Gürcüstan	7. Грузинское царство
8. سبیا سبا تر	8. Sebia Saba tr	8. Местность на западе Грузии
9. انقره	9. Anakara	9. Анаклия
10. ایلور	10. Ilor	10. Илор
11. اسقورجه بورانی	11. Iskurca buranı	11. Скурча ветренная
12. سحوم	12. Shum	12. Сухум
13. ارسلان لر	13. Arslanlar	13. Арсланлар
14. صولح	14. Sulh	14. Сулх
15. نهیر قوبان	15. Nehir-I Kuban	15. Река Кубань
16. غچه	16. Ача	16. Вероятно, пристань рода Ач (ба)
17. ولایت ابزه	17. Vilayet-i Abaza	17. Область Абазы (Абхазия)
18. صبغوق صو	18. Soğuk Su	18. Пристань Соук Су у села Лыхны
19. بوجنده	19. Bucunde	19. Пицунда
20. دربند	20. Derbende	20. Гагра
21. نخل	21. Nahile	21. Местность в горах Абхазии
22. جندلی	22. Candeli	22. Вероятно, описанное Эвлией Челеби племя/род Чанда
23. قودوش	23. Kodoş	23. Мыс Кодош вблизи Туапсе
24. کلنجک	24. Kelencik	24. Геленджик
25. برية	25. Baria	25. Дикая местность

Продолжение табл. 1

I	II	III
26. صوجوق	26. Suvçuk	26. Суджук-кале, Новороссийск
27. حاتوقای	27. Hatukay	27. Хатукай – адыгская субэтническая группа
28. قزلطاش	28. Kızıлтаş	28. Кызылташ – османская крепость
29. کرش	29. Karş	29. Карш
30. قلعه..یده	30. Крепость иде	30. Возможно, имеется в виду Арабат
31. تمرک	31. Temruk	31. Темрюк
32. طامان	32. Taman	32. Тамань
33. اچو	33. Açu	33. Ачу
34. جنه	34. Cane	34. Жаней – адыгская субэтническая группа
35. طموقای	35. Tamukay	35. Тамукай – адыгская субэтническая группа
36. نهر قوبین	36. Nehir Kuban	36. Река Кубань
37. مساکن چراکسه	37. Maskan-I Çerakise	37. Жилища, территория проживания черкесов
38. بوزادق	38. Buzaduk	38. Вероятно, бжедуги – субэтническая группа адыгов
39. جبال الکزی	39. Cebal Alkazi	39. Вероятно, горы Кавказа
40. کوه البرز	40. Kuh-I Elbruz	40. Гора Эльбрус
41. نهر قودور	41. Nehir-I Kodor	41. Река Кодор
42. ولایتی مکریل	42. Vilayet-i Mekril	42. Область Мегрелия
43. ترنته	43. Taranta	43. Вероятно, село Дранда Гульрипшского района Республики Абхазии
44. موقوی	44. Mokvi	44. Вероятно, село Моква Очамчирского района Республики Абхазии
45. ولایتی صوان	45. Vilayet-I Svan	45. Область сванов – Сванетия
46. کوه البرز	46. Kuh-I Elbruz	46. Гора Эльбрус
47. جبل سریر اللان	47. Cebel Serir Allan	47. Гипотетически – горы между средневековыми политиями Алан и Серир
48. تمرکوی	48. Temirköy	48. Темиргой – субэтническая группа адыгов
49. بستنی	49. Besteni	49. Вероятно, Бесленей – субэтническая группа адыгов

Окончание табл. 1

I	II	III
50. قره چركس يرلری	50. Kara Çerkes yerleri	50. Вероятно, Карачай
51. طاعی چركس يرلری	51. Tay Çerkes yerleri	51. Земли мирных/покорных черкесов
52. قبارطای	52. Kabartay	52. Кабарда
53. کوه البرز	53. Kuh-I Elbruz	53. Гора Эльбрус

На карте, которая включает Восточное Причерноморье и Западный Кавказ, представлены десятки топонимов как географического, так и этнополитического характера. Изучение этих надписей позволяет реконструировать образ региона в османской картографической традиции, понять структуру османского знания о северных рубежах империи и выявить политические амбиции в отношении Кавказа.

1. Основные природные ориентиры (табл. 1).

Среди ключевых географических объектов карты выделяются:

- قره دکز (Kara Deniz) – Чёрное море,
 کوه البرز (Kuh-i Elbruz) – гора Эльбрус (повторена трижды),
 نهر قوبان / نهر قوبین (Nehir-i Kuban) – река Кубань,
 نهر قودور (Nehir-i Kodor) – река Кодор (в Абхазии).

Наличие этих объектов говорит о стремлении османской географии систематизировать региональное пространство по стратегически важным природным координатам.

2. Города и фортификационные сооружения (табл. 1).

На карте указаны как действующие крепости и города, так и условные пункты:

- قلعه فاش (Kal'a-i Faş) – крепость Фаш (Поти),
 پوتی (Poti) – город Потти,
 کوتاش (Kutaş) – Кутаиси,
 بوجنده (Bucunde) – Пицунда,
 شوم (Shum) – Сухум,
 صووجق (Suvçuk) – Суджук-кале (современный Новороссийск),
 کلنچک (Kelencik) – Геленджик,
 تمرک (Temruk) – Темрюк,
 طامان (Taman) – Тамань.

3. Этнические и административные образования (табл. 1).

Ряд надписей указывает на этнополитическую структуру региона:

- ممالک گورجستان (Memalik-i Gürcüstan) – «земли Грузии» (обобщенно),
 ولایت ابזה (Vilayet-i Abaza) – область Абхазия,
 ولایتی مکريل (Vilayet-i Mekril) – Мегрелия,
 ولایتی صوان (Vilayet-i Svan) – Сванетия,
 مساکن چراکسه (Maskan-i Çerakise) – места проживания черкесов,

طای چرکس یرلری (Tayî Çerkes yerleri) – земли «покорных» черкесов,
قره چرکس یرلری (Kara Çerkes yerleri) – земли «черных» черкесов (вероятно, Карачай).

Такая детализация отражает практику включения этнических наименований в административные структуры – характерную черту османской геополитической культуры.

4. Названия этнических групп (табл. 1).

На карте Хаджи Халифе фиксируются субэтнические группы адыгов, что представляет интерес в контексте османской этнографии:

حاتوکای (Hatukay) – хатукайцы,
تاموکای (Tamukay) – тамукайцы,
تمیرکوی (Temirköy) – темиргоевцы,
بستنی (Besteni) – бесленеевцы,
جنه (Cane) – жанейцы,
بوزادق (Buzaduk) – вероятно, бжедуги.

Это позволяет утверждать, что османские картографы, возможно, опирались не только на письменные источники, но и на разведданные или сообщения купцов, путешественников и военных.

Карта Восточного Причерноморья и Западного Кавказа, представленная в труде «Джиханнума» османского ученого Хаджи Халифе Кятиба Челеби, является ценным источником по исторической географии и этнополитической картине региона XVII в. Несмотря на периферийное положение данных территорий в структуре внешнеполитических интересов Османской империи, их картографическое отображение свидетельствует о наличии устойчивого интереса к региону и определенного уровня знания о его географии, населении и политической структуре. Анализ топонимики и этнонимики демонстрирует высокую степень детализации и осведомленности османских географов о природных и этнополитических реалиях Кавказа. Отражение субэтнической структуры адыгских народов, обозначение границ абхазских, адыгских, грузинских, мегрельских, сванских областей, а также фиксация ключевых рек, крепостей и городов свидетельствуют о многоуровневом подходе к описанию региона. Карта выступает не просто как географическое изображение, но и как отражение османского восприятия Кавказа – пространства, одновременно чуждого и включенного в орбиту имперского влияния. Отчетливо прослеживается стремление обозначить зоны контроля, важные транспортные и стратегические узлы, а также этническую мозаичность региона, что делает этот источник значимым для реконструкции османской геополитической картины мира.

Таким образом, карта Кятиба Челеби не только дополняет сведения по истории Восточного Причерноморья и Западного Кавказа, но и позволяет более глубоко понять механизмы восприятия и репрезентации пограничных пространств в интеллектуальной традиции Османской империи XVII в.

Источники и литература

1. «Атлас» Меркатора и Хондиуса. URL: <https://www.uu.nl/en/special-collections/collections/maps-and-atlases/world-maps-and-atlases/the-atlas-by-mercator-and-hondius> (дата обращения: 30.05.2025).

2. *Erhan Afyoncu*. İbrâhim Müteferrika. İlk Türk matbaasının kurucusu, yayımcı, Osmanlı devlet damı ve aydını. TDV İslâm Ansiklopedisi. URL: <https://web.archive.org/web/20200612161422/https://islamansiklopedisi.org.tr/ibrahim-muteferrika> (дата обращения: 09.07.2025).

3. Map of the Caucasus. Çelebi Katib Kitabi-Cihanüma (Osmanlıca). URL: https://commons.m.wikimedia.org/wiki/File:K%C3%A2tip_%C3%87elebi%27s_Cihann%C3%BCm%C3%A2_-_map_of_the_Caucasus.tif (дата обращения: 24.03.2025).

4. *Orhan Saik Gökyay*. Cihannüma. TDV İslâm Ansiklopedisi. URL: <https://islamansiklopedisi.org.tr/cihannuma--katip-celebi> (дата обращения: 08.07.2025).

5. *Orhan Saik Gökyay*. Katip Çelebiana. TDV İslâm Ansiklopedisi. URL: <https://islamansiklopedisi.org.tr/katip-celebi> (дата обращения: 08.07.2025).

П.А. Кузьминов, Э.А. Кокова

КАРТОГРАФИЧЕСКИЕ ПРАКТИКИ А. БЕКОВИЧА-ЧЕРКАССКОГО¹

«Какое значение имеет подвиг, если он не запечатлен словом, буквой; историческое деяние бывает закончено не в момент его свершения, а лишь тогда, когда становится достоянием потомства» [21: 31]. В этих словах кабардинца Александра Бековича-Черкасского заключается понимание службы как подвига, совершенного автором высказывания во имя России. Мы солидарны с О.Л. Опришко, который, изучая трагическую судьбу Бековича, заметил, что «ни одна из работ, посвященных эпохе Петра I, не обходится без упоминания об Александре Бековиче» [17: 236], но в основном пишут о его участии в борьбе с Турцией и Крымским ханством, Хивинском походе. Материала о его вкладе в научное познание Каспия крайне мало.

Основателем рода Бековичей-Черкасских был кабардинский князь из рода Бекмурзиных – Девлет-Гирей, которого в Москву «вызвала супруга своего князя Петра Эльмурзича» княгиня Анна Васильевна Черкасская (урожденная Нагая) после смерти сына своего, князя Михаила Петровича Черкасского [13: 5]. По имени отца – Бекмурзы – Александра стали называть Бековичем, чтобы отличать от уже обрусевших князей Черкасских.

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда, № госрегистрации проекта 25-28-20355.

Первый российский документ, в котором Александр упоминается в качестве аманата крепости Терки, относится к 1689 г. В российское «поле» он вошел в 1691 г., когда приехал в Москву служить государю, как это делали до него многие кабардинские князья. Виды российского правительства на юношу из Кабарды были обусловлены тем, что часть кабардинских князей Джамбулатовых, включая и отца Бековича-Черкасского Бекмурзу, ориентировались на Крымское ханство. Молодой человек 15–16 лет должен был стать «инструментом» мягкой силы влияния на «крымскую партию». В силу этого он не случайно поселился не у троюродной бабки Анны Васильевны Черкасской, а в доме одного из воспитателей Петра I, боярина Бориса Алексеевича Голицына. После крещения Девлет-Гирей стал Александром, был «обучен грамоте и воспитан» [17: 242] вместе с сыновьями Б.А. Голицына, который и представил его Петру I. Бекович произвел на государя хорошее впечатление, по воспоминаниям секретаря императора Священной Римской империи Иоганна Георга Корба, «благородством и твердостью духа, обличающими воина по происхождению» [17: 242].

С эпохи позднего Средневековья Российское государство формировалось как многонациональное. В этом была его сила, которая не уничтожала, а вбирала в свой состав соседние малые и большие народы. Характерной чертой развития государственности было комплиментарное отношение к элитам соседних или присоединенных народов, что давало возможность, во-первых, приглашать на службу их наиболее выдающихся представителей, укрепляя тем самым свой военный потенциал и одновременно ослабляя сопредельные общества, во-вторых, пополнять количественно и качественно сословие дворян и бояр, которое было социально-политической и военной основой государства, в-третьих, «развивать традиции полиэтнического симбиоза, восходящие к эпохе расширения Московского великого княжества, которое принимало на службу всех, кто умел держать меч, щит, копье» [12: 256].

Правительство создавало условия для кооперации с этническими элитами, которые, по мнению А. Каппелера, легко входили в состав российского наследственного дворянства [9: 47]. Такая политика привела к тому, как утверждал Д.А. Валуев, что «в первой половине XIX в. среди наследственных дворян России нерусских было значительно больше, чем русских» [3: 51]. В рамках нового государства они не потерялись, а нашли новое поприще для развития своих способностей.

Полинациональная структура российской элиты, подчеркивает В.В. Трепавлов, неминуемо «сталкивалась с проблемой – определиться в отношении к могущественной государственной системе, частью которой им (представителям элит. – *Прим. ред.*) довелось стать в силу сложившихся исторических обстоятельств» [20: 265]. На этом фокусирует внимание и К.Ф. Дзамихов,

который подчеркивает, что «полиэтничность является постоянной константой российской истории с XVI века» [8: 188].

В эпоху Средневековья и Нового времени широко практиковался выезд на службу военной элиты в соседнее государство или княжество, причем это было характерно не только для европейских, но и кавказских народов. По данным В.Н. Сокурова, в этом плане наиболее активными среди народов Кавказа были адыгские князья [19: 29]. Это было связано с военным образом жизни, посвященным воспитанию воина, неразвитостью государственно-политических институтов, острой конкуренцией княжеских родов за верховное княжение, жадой славы и др. [18: 20]. Традиция выезда на службу у адыгов, подчеркивает К.Ф. Дзамихов, приобрела законченную форму и получила характер постоянно действующего института [7: 33].

Был и другой, менее почетный вариант вхождения в состав российской знати – институт аманатства. Аманат в понимании В.И. Даля – это «заложник, человек, взятый в залог» [6: 14]. В условиях периодического обострения отношений России с народами Северного Кавказа в XVII – первой половине XIX в. в качестве залога верности и сохранения дружеских отношений дети высшей знати горцев брались в аманаты. В случае нарушения соглашений аманаты отправлялись в крупные российские города, где детей крестили, устраивали на учебу в кадетские или пажеские корпуса. Они вливались в ряды российской военной элиты и в последующем становились волеисполнителями проводниками политики России на Кавказе.

Путь Александра (Девлет-Гирея) в Россию, с одной стороны, был типичным, проторенным, логичным для кабардинских князей, с другой – уникальным, поскольку он вошел в ближайшее окружение Петра I благодаря личным качествам, став одним из тех, кого позднее стали называть «птенцы гнезда Петрова». Формируя свою команду, с которой он собирался переустроить Россию, царь отправлял на учебу в Европу тех, кто, как он считал, мог стать его опорой в делах. В 1707 г. он направил и Бековича «для изучения наук и в особенности мореплавания» [17: 243]. Экзамен по освоенным наукам принимал сам Пётр Алексеевич и качеством знаний гвардейского поручика Преображенского полка остался доволен.

С этого времени Бекович стал выполнять особые поручения царя. Во время Русско-турецкой войны 1710–1711 гг. он возглавил кабардинские войска и разгромил крымскую и ногайскую конницу. Это был едва ли не единственный успех в этой войне.

29 мая 1714 г. по приказу Петра I Александр возглавил восточное – среднеазиатское – направление российской политики, которое открывало перспективы развития торговли, добычи «песочного золота», сближения с Ираном, Индией, возможного посредничества между странами Востока и Европы. Открывалась новая линия внешней политики, которая могла принести ко-

лоссальные дивиденды [14: 197]. Надо было проверить поступившую информацию и определиться со стратегией освоения этого курса. Причинами разворота во внешней политике были сообщения из разных источников о перспективах восточного варианта российской политики.

В 1713 г. знатный туркмен Ходжа Нефес появился в Астрахани, где сблизился с персом Михаилом Замановым, принявшим христианство, и рассказал ему, что по берегам Аму-Дарьи местные жители добывали песочное золото. Эта река раньше впадала в Каспийское море, но затем по приказу хивинского хана была перекрыта, а вода направлена в Аральское море. Заманов обратился к Бековичу, который представил его царю. Полученная информация заинтриговала Петра I. Шла Северная война, которая требовала громадных расходов, а золото из Азии казалось легкодоступным.

В том же году губернатор Сибири князь М.П. Гагарин получил сведения от купцов, что в «Малой Бухарии, возле г. Эркета (Яркента) на р. Сыр-Дарье находят золотой песок» [17: 257], причем «образец такого золота Гагарин привез с собой» [11: 12]. В беседе с хивинским послом, прибывшим в Петербург с официальным визитом, выяснилось, что «песочное золото имеется и в Верхней Бухарии», причем посол «предложил Петру I построить крепость на берегу Каспийского моря, там, где раньше впадала в него река Аму» [5: 306].

Три не связанных между собой источника сообщили царю о перспективах освоения среднеазиатского внешнеполитического направления. Даже если разговоры о золоте могли оказаться преувеличенными, реализация этой идеи обещала позволить найти новый способ получения золота посредством торговли с Индией. Так родился план отыскания золота по Аму-Дарье. Еще более важным было найти место ее прежнего впадения в Каспийское море, чтобы проложить водный путь в Среднюю Азию и Индию.

Хивинский внешнеполитический вектор был неслучайным во взаимоотношениях России и народов Средней Азии. По данным Д.В. Васильева, точкой отсчета сближения России и Хивы является 1700 г., когда «хивинский хан Исхак-Ага Шах-Нияз направил в Москву своего посла с просьбой о покровительстве, благосклонным ответом на которую стала грамота, направленная уже его преемнику Араб-Мухаммеду II в 1703 г.» [4: 24]. Но торговые связи Бухары и Хивы с Россией были заложены значительно раньше. Многие из хивинских и бухарских купцов жили в Казани и Астрахани [5: 307].

Быстрый на принятие решений царь поручил это дело молодому, грамотному кабардинцу. 29 мая 1714 г. появился Высочайший указ Правительствующему Сенату о посылке для отыскания устья Аму-Дарьи лейб-гвардии Преображенского полка капитан-поручика князя Александра Черкасского [5: 308]. 14 февраля 1716 г. князь Бекович был назначен послом в Хиву, Бухару и Индию, что свидетельствовало о мирном варианте сближения с народами Средней Азии. Тогда же князю была дана специальная инструкция,

которая требовала основать крепости на Аму-Дарье и в ее старом устье, а также принять меры к обводнению последнего. От начальника экспедиции требовалось склонять хивинского хана «к верности и подданству, обещая наследственное владение оному, для чего представлять ему гвардию к его службе и чтоб он за то радел в наших интересах» [4: 24]. В случае благоприятного развития событий в Петербурге «рассчитывали на содействие хана в исследовании как золотоносных песков, так и возможных путей в Индию» [4: 25].

Во время трех экспедиций по обследованию восточного берега Каспийского моря и экспедиции в Хиву Бекович не только собирал военно-политическую, историческую и географическую информацию о регионе, но и фиксировал эти сведения, создав лучшую в мире на то время карту. Собранный материал имел большое научное значение, о котором до недавнего времени было известно немного. Известный географ Е.А. Княжецкая обнаружила эту карту и ввела ее в научный оборот, обогатив представления о Бековиче-Черкасском и его вкладе в науку [10; 22; 23].

Указ от 29 мая 1714 г., написанный собственноручно Петром I, ставил перед начальником экспедиции серьезные задачи. Необходимо было отправиться в Астрахань через Казань, где Бековича обеспечить людьми, предоставят суда, продовольствие, деньги. Из Астрахани с флотилией обследовать восточный берег Каспия до границы с Персией, составить карту всех примечательных мест, рек, гаваней. У местных жителей выяснить, куда впадает Аму-Дарья и есть ли реки, связывающие город Яркенд с Каспийским морем, а также узнать, где расположено прежнее устье Аму-Дарьи, когда-то впадавшее в Каспий. Если оно будет найдено, то построить в этом месте небольшую крепость на 400–600 человек гарнизона. Из этого стратегического пункта тщательно изучить прежнее русло Аму-Дарьи.

В конце XVII в. Россия уже располагала точными данными о впадении Аму-Дарьи в Аральское море. «На чертеже Сибири, составленном переводчиком посольского приказа Андреем Виниусом, – отмечает Княжецкая, – обе главные среднеазиатские реки – Аму-Дарья и Сыр-Дарья – впадают в Аральское море. На чертеже из атласа С.У. Ремезова эти реки также впадают в Аральское море» [11: 15]. Но в Европе утверждали, что Аму-Дарья течет в Каспийское море, поэтому надо было точно определиться с этим вопросом, поскольку овладение устьем реки открывало дорогу вглубь среднеазиатского края, путь к «песошному золоту», торговле с Индией и Китаем. Таким образом, решалась важная государственная экономическая задача и одновременно научная.

Экспедиция Бековича началась де-факто в 1714 г. Позднее ее задачи усложнились, и мы выделяем три взаимосвязанных стадии ее реализации: изучение берега Каспия в 1715 г., подготовку к походу на Хиву в 1716 г. и поход в Хиву в 1717 г.

Первый шаг на юго-восток Азии оказался неудачным. После долгих приготовлений 28 октября 1714 г. Бекович собрал флотилию из 30 судов, на которых разместилось 1900 человек с 33 пушками. Ранняя зима, шторм, обледенение судов привели к тому, что, не дойдя до Гурьева, флотилия вернулась 3 декабря в Астрахань, потеряв несколько стругов, людей, часть провианта.

Фактически сразу же началась вторая фаза со строительства скампов – крупных морских судов, способных выдержать удары стихии. 25 апреля 1715 г. при хорошей погоде Бекович направил флот к Гурьеву. Отсюда двинулись на юг в сторону Персии для отыскания старого устья р. Аму-Дарья, одновременно изучая окрестности и нанося их на карту. У мыса Тюб-Караган на полуострове Мангышлак эскадра вошла в залив, где встретилась с главой местных туркмен Шидамет-султаном, который считался подданным калмыцкого хана Аюки, признавшим подданство России.

На встрече с аксакалами Черкасский узнал, что Аму-Дарья, по их словам, действительно впадала в залив Красные воды. Старейшины обещали князю Бековичу показать урочище, где находится плотина, перегородившая течение реки на запад, в Каспий. По их словам, для возвращения воды нужно от теперешнего русла, которое идет в Аральское море, прокопать в степи ров длиною не более двадцати верст. По этому рву река дойдет до своего старого русла и вновь потечет в Каспийское море. На просьбу Черкасского дать ему проводника, чтобы он показал путь к месту, где следует прокопать ров, туркмены предложили ему его знакомого Ходжу Нефеса, того самого, который привез в Петербург так сильно заинтересовавшее царя сообщение о прежнем течении Аму-Дарья в Каспий. По приказу Бековича Иван Дванский и Николай Фёдоров в сопровождении Ходжи Нефеса должны были провести разведку, дойти до нового русла Аму-Дарья, обнаружить место, где река была перегороджена плотиной, повернувшей ее к Аралу. Двухнедельная разведка Ходжи Нефеса, Дванского и Федорова показала, что действительно есть сухой дол, некая плотина высотой до полутора метров, но идет ли сухое русло до самого Каспийского моря, выяснить не удалось, поскольку Ходжа Нефес боялся нападения хивинцев и отказался идти дальше.

Задачу проследить путь сухого дола от берега моря до урочища Атай Ибраим должна была выполнить вторая разведка во главе с Алексеем Тараковским, но и она окончилась неудачно, так как туркмены, сопровождавшие отряд, отказались идти до урочища Атай Ибраим, опасаясь хивинцев. Направление сухого русла тогда так и не было установлено.

Пока на суше искали сухой дол, морская экспедиция под руководством Черкасского отыскивала старое устье Аму-Дарья. Это устье, по его мнению, было обнаружено в Балханском заливе. В письме Петру I от 4 августа 1715 г. Черкасский сообщал: «Сего августа 3 дня доехал до места званием Актам, где текла Аму-Дарья река в море Каспийское. Ныне в том месте нет воды, понеже

не в ближних letech для некоторых причин она река запружена плотиною на урочище Каракачи» [11: 18]. Но убеждение начальника экспедиции о том, что сухое речное русло, протянувшееся по направлению к Аральскому морю, является старым руслом Аму-Дарьи, оказалось неточным. Вопрос о генезисе этого русла, названного туркменами Узбой, был разрешен в конце XIX в. известным русским географом В.А. Обручевым. Он обосновал, что Узбой – это сухое русло не Аму-Дарьи, а самостоятельной реки, вытекавшей из некогда существовавшего большого озера Сарыкамыш. Это озеро питалось избыточными водами Аму-Дарьи и служило источником питания вытекавшей из него реки Узбой, которая впадала в Балханский залив Каспийского моря [16: 201]. Черкасский, ошибившись в происхождении Узбоя, сделал географическое открытие – обнаружил в Балханском заливе Каспийского моря его прежнее устье – Актам, считая, что это устье Аму-Дарьи [2: 164].

Исследуя проблему «старого русла», А. Андреев пришел к выводу, что «легенда о “старом русле” представляется одним из популярных нарративов у всех народов, обитавших в пространстве от Хивы до Аральского моря и до побережья полуострова Мангышлак. Сам нарратив отражал в себе реальные события, когда дважды вследствие воздействия антропогенного фактора – активного строительства ирригационных систем в XIII в. и в XV–XVII вв. – русло Амударьи “поворачивалось” в сторону Аральского моря» [1: 48].

Более значимо для науки описание залива Кара-Богаз-Гол, который местные жители называли «Черная пасть» и утверждали, что все, кто попадал на его акваторию, гибли. Три корабля вошли в залив под руководством Бековича, сделали инструментальную съемку береговой линии, провели замеры глубины, определили пять безопасных якорных стоянок. Бекович первым в науке нанес на карту «Море Карабугазское», совершив подвиг первооткрывателя [17: 265].

Отсюда экспедиция двинулась на юг к Астрабадскому заливу, произведя съемку побережья. Но осмотреть южный (иранский) берег моря не удалось, и Бекович нанес его на свою карту по описанию туркмен, указав на нем город Астрабат (ныне г. Горган). Посчитав задачу выполненной, начальник экспедиции повернул на север, и 16 октября 1715 г., пройдя 3000 верст, флотилия вернулась в Астрахань, не потеряв ни одного человека. Во время движения по морю Бекович и прикомандированная группа морских офицеров производили картографическую съемку восточного побережья Каспийского моря, он сам наносил на карту очертания морского берега, заливы и бухты, острова и полуострова, горы и пустыни, глубину прибрежных вод и др. [17: 262].

Благополучное возвращение экспедиции Черкасского не было просто счастливой случайностью – оно явилось результатом хорошей организации экспедиции и заботы ее начальника о здоровье доверенных ему людей.

Источники и литература

1. Андреев А.А. «Старое» русло Амударьи: от древних легенд и проектов XVIII в. к научной дискуссии второй половины XIX – первой половины XX в. // Новое прошлое / The New Past. 2019. № 2. С. 36–51.
2. Берг Л.С. Первые русские карты Каспийского моря // Известия Академии наук СССР. Серия географическая и геофизическая. 1940. № 2. С. 158–172.
3. Валуев Д.А. Симбирский сборник. М., 1844.
4. Васильев Д.В. Страница азиатской политики Петра I: к истории похода Бековича Черкасского в Хиву // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2015. Т. 17. № 3. С. 24–29.
5. Голосов Д. Поход в Хиву в 1717 г. отряда, под начальством лейб-гвардии Преображенского полка капитана князя Александра Бековича-Черкасского // Военный сборник. 1861. Т. XXI. № 10. С. 303–364.
6. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. В 4 т. Т. 1. М., 1981.
7. Дзамихов К.Ф. Адыги в политике России на Кавказе (1550-е – начало 1770-х гг.). Нальчик, 2001.
8. Дзамихов К.Ф. Адыги и Россия (формы исторического взаимодействия). М., 2000.
9. Каппелер А. Россия – многонациональная империя. М., 2000.
10. Княжецкая Е.А. Литература о Западном Узбое, 1714–1950: библиографический указатель / под ред. К.И. Шафрановского. Ашхабад, 1956.
11. Княжецкая Е.А. Судьба одной карты. М., 1964.
12. Кузьминов П.А. Национальные элиты в повседневности Российского государства XVI–XVII в. (на примере рода князей Черкасских) // История семьи – история народа: мат-лы Междунар. науч. конгресса (г. Сантьяго-де-Компостела, 23–25 ноября 2011 г). Сантьяго-де-Компостела; Москва; Рязань, 2012. С. 250–256.
13. Любимов С.В. Князья Бекович-Черкасские: материалы для родословной. М., 1915.
14. Материалы Военно-ученого архива Главного штаба / под ред. А.Ф. Бычкова. Т. 1. СПб., 1871.
15. Налоева Е.Д. Кабарда в первой половине XVIII века: генезис адыгского феодального социума и проблемы социально-политической истории: сб. ст. / сост. А.С. Мирзоев. Нальчик, 2015.
16. Обручев В.А. Закаспийская низменность // Записки Императорского Российского географического общества. 1890. Т. 20. № 3. С. 198, 201–203.
17. Опрышко О.Л. По тропам истории. Нальчик, 2007.
18. Сокуров В.Н. Институт выезда на службу у черкесов // Эльбрус. 1999. № 1. С. 97–135.

19. Сокуров В.Н. О роде князей Черкасских // Генеалогия. Источники. Проблемы. Методы исследования: тез. докл. и сообщ. межвузовской науч. конф. Москва, 31 января – 3 февраля 1989 г. М., 1989. С. 29–31.

20. Трепавлов В.В. Русско-кавказские отношения в XVI–XVIII вв.: историческая реальность и историографические схемы // Россия и Кавказ: история и современность: мат-лы науч. конф., 11–12 ноября 2004 года / сост. В.Д. Дзидзоев. Владикавказ, 2005. С. 265–273.

21. Цвейг С. Подвиг Магеллана. М., 1956.

22. Шафрановский К.И., Княжецкая Е.А. Карты Каспийского и Аральского морей, составленные в результате экспедиции Александра Бековича-Черкасского 1715 года // Известия Всесоюзного географического общества. 1952. Т. 84. № 6. С. 539–551.

23. Шафрановский К.И., Княжецкая Е.А. О картах залива Кара-Бугаз-Гол первой половины XVIII столетия // Известия Академии наук СССР. Серия географическая. 1955. № 4. С. 60–70.

М.М. Картоев

АРЕАЛ РАССЕЛЕНИЯ ИНГУШСКИХ ОБЩЕСТВ В XVIII в. ПО МАТЕРИАЛАМ РУССКИХ КАРТОГРАФИЧЕСКИХ И ПИСЬМЕННЫХ ИСТОЧНИКОВ

Вопросы расселения и этнотерриториальных границ в XVIII в., основные направления миграционных процессов северокавказских народов вообще и ингушей в частности достаточно достоверно и полно реконструируются на основе данных русских картографических и письменных источников.

Среди письменных источников следует выделить сведения историко-этнографического и военно-топографического характера, составленные иностранцами на российской военной и дипломатической службе, а также учеными-энциклопедистами, посещавшими в этот период Кавказ. Из них наиболее известны имена Иоганна Антона Гильденштедта (Гюльденштедта) (1745–1781), Якоба Рейнегса (1744–1793), Леонтия Леонтьевича фон Штедера. На основе комплексного изучения данных письменных источников и литературы кавказоведами А.Н. Генко [2], Н.Г. Волковой [1], Т.Х. Муталиевым [7] и др. рассматривались вопросы миграций и расселения ингушей в XVIII столетии с воссозданием общей картины колонизации равнинных земель.

Так, согласно письменным источникам, в верховьях рек Камбилеевки и Сунжи в первой половине – середине XVIII в. уверенно фиксируются ингушские общества Ангушт и Ахки-юрт, состоящие из группы небольших населенных пунктов. Ангушт упоминает также Вахушти Багратиони (1696–

1758) в своем известном труде, посвященном истории и географии Грузии, работа над которым им была окончена в Санкт-Петербурге в 1745 г. [5: 13]. Ингушам он посвящает три небольших абзаца: «О Кистетии», «О Дзурдукии» и «О Глигви», описывая их в границах современной горной Ингушетии и частично в границах современной горной Грузии. Также он упоминает селение/общество Ангусти (Ангушт), располагавшееся в верховьях Камбилеевки в Тарской долине: «Селение большое; и ущелье это с строениями и селениями <...>. А жители Ангусти похожи на черкесов, по вере они магометане, сунниты» [18: 150–152].

В изданном географическим департаментом Академии наук в 1745 г. «Атласе Российском» помещена карта «Положение мест между Чёрным и Каспийским морями, представляющее Кубань, Грузинскую землю и достальную часть Волги с ее устьем» [9]. В основу данной карты был положен атлас Грузии (Кавказа) Вахушти Багратиони 1735 г. [6: 109–110]. На данной карте, со скидкой на условность обозначенных границ между народами и историко-этнографическими областями Кавказа, довольно достоверно передана общая схема их расположения по отношению друг к другу. Ингушетия, обозначенная на карте грузинским наименованием Глихви, граничит к юго-западу с Усети (Осетией), к западу с Малой Кабардой, к югу в Дарьяльском проходе с Грузией и к востоку с Чечнёй (Чатхни).

На картах Кавказа и в письменных источниках второй половины XVIII в. ингушские общества и отдельные населенные пункты устойчиво фиксируются в предгорно-плоскостной зоне Терско-Сунженского бассейна.

Не позже 1760-х гг. на картах Кавказа появляются этнонимы «карабулаки», «галашки» («галашевцы») и собственно «ингуши». Последнее этническое наименование, первоначально обозначавшее жителей общества (группы селений) Ангушт, расположенного в верховьях р. Камбилеевки, постепенно вытесняет в русских источниках второй половины XVIII – начала XIX в. обобщающие наименования ингушских этнических групп грузинского происхождения – «кисти/кисты» и «глигви/глихви».

На карте Кавказа, датированной по архивной описи Российского государственного военно-исторического архива (РГВИА) серединой XVIII в. [10], обозначены этнонимы «корбулаки» и «ингуши», расположенные по правобережью Терека к юго-западу от Чечни («чечинцев»). К северу от ингушей указана Малая Кабарда, а к западу, на левом берегу Терека, осетины («тагаурцы»).

Часть жителей Тарской долины в 50–60-х гг. XVIII в. переселяется к северу, и, «пройдя дефиле, отделяющее ее от равнины», занимает оба берега р. Камбилеевки, где и основывает новую группу селений Шолхи [1: 158]. Побывавший в этих местах в 1770 г. И. Гильденштедт засвидетельствовал, что у выхода рек Камбилеевки и Сунжи из горных ущелий расположено 24 ингушских села, объединенных меж собой в две «колонии», называемые

русскими «Большие Ангушты» и «Малые Ангушты» [7: 7]. Будучи приграничным, округ «Малые Ангушты» («Малые Ингуши»), или «Шолхи», постоянно подвергался нападениям кабардинских князей. Л. фон Штедер, заставший в этом районе уже более 300 дворов [2: 694], отмечал, что «одна лишь эта колония, благодаря ее мужеству и силе нации могла держаться, сбрасывая при каждой попытке кабардинцев налагаемое ярмо» [1: 160]. Судя по сведениям, сообщаемым Л. фон Штедером, в Тарской долине (Ангуште) проживали ингуши, выходцы из Ассинского и Армхинского ущелий горной Ингушетии, распадавшиеся на «семь племен»: Тергимхоевы, род Эги, Хамхоевы, Картыевы, Цикмабухоевы (Оздоевы), Евлоевы и веппинцы (фяппи) [2: 694].

Ингуши также переселялись вдоль правого берега реки Терек. Здесь, на старом пути в Грузию, к середине XVIII в. возникло поселение Заур-юрт (Заурово). Строительство Военно-Грузинской дороги и возведение укреплений для ее защиты, включая крепость Владикавказ, существенно повлияли на дальнейшее распространение ингушской миграции, направив ее на север, к берегам Сунжи и Камбилеевки.

Во второй половине XVIII в. сформировалось общество Орстхой (также известное как Карабулак), получившее название от реки Аршты или тюркского термина, означающего «черный родник», или «черная речка». Это общество возникло из поселенцев, покинувших ущелье реки Фортанги. В процессе освоения равнинных территорий карабулаки расселились вдоль обоих берегов рек Ассы и Фортанги, продвигаясь на север до слияния этих рек с Сунжей. Кроме того, часть выходцев из этого общества мигрировала на северо-восток, занимая земли на правом берегу Сунжи. Одним из первых поселений карабулаков на реке Сунже было Казак-Гечу, упомянутое в описании Л. фон Штедера в 1781 г. Фон Штедер отмечал, что это селение было населено как карабулаками, так и ингушами (выходцами из Тарской долины).

Галашкинское общество, одно из старейших в предгорной зоне, сформировалось благодаря миграции из Галанчожа (представителей рода Галай), а также из верховьев реки Ассы (Гагиевых из Галаевского общества) и селений в бассейне реки Фортанги (обществ Орстхой). Археологические и картографические данные подтверждают его древность: на карте 1768 г. в районе впадения Ассы в Сунжу зафиксированы поселения «Галачи» [1: 157], а на карте Л. фон Штедера 1782 г. они уже именуются «Галашка» [16].

Последним сформировалось Назрановское общество, основанное переселенцами из верховьев Камбилеевки и Сунжи (известных как «Большие и Малые Ингуши»), а также из Карабулака и Галашек. Его возникновение датируется не позднее 1780-х гг. В 1781 г. Л. фон Штедер отмечал на р. Назрань посты ингушей, он писал о том, что границы плоскостных земель ингушей по р. Сунже и ее притокам продвинулись к северу до р. Конч [2: 694] (современное село Экажево Назрановского района). Ингушские населенные

пункты на р. Назрань фиксируются с 1785 г. Массовое же заселение Назрановской долины надо отнести к первой трети XIX в.

Два последних общества (Назрановское и Карабулакское), образованные на равнинных землях, стали впоследствии самыми крупными, на основе которых формировалась плоскостная Ингушетия.

В январе 1782 г. Л. фон Штедер, квартирмейстер дивизии, создал «Карту пограничной линии Российской империи между Каспийским и Азовским морями» [17]. Эта карта основывалась на свежих данных, собранных им лично на Центральном и частично Северо-Восточном Кавказе. Особое внимание уделялось территориям, прилегающим к будущей главной дороге, соединяющей Кавказскую линию с Грузией (известной как «дорога из Моздока в Тифлис», или Военно-Грузинская дорога). Л. фон Штедеру было поручено детально изучить этот маршрут, определить места для строительства укреплений, провести топографическую съемку и проанализировать этнополитическую обстановку в регионе. Он также имел полномочия тесно взаимодействовать с местными жителями для сбора информации и привлечения их к переселению на равнинные территории.

На основе данных карты Л. фон Штедера можно восстановить картину расселения ингушей к началу 1780-х гг. В западных границах территория ингушей начинается с правобережья Терека, где расположена деревня Заурово, далее на восток она включает земли между Терекон и верховьями р. Камбилеевки, где в самой северной точке, на входе в Тарское ущелье, расположено общество Шолхи («Ингушевский уезд Шолхи»), известное из письменных источников под названием «Малые Ингуши» [3: 241]. В самой Тарской долине, по обоим берегам Камбилеевки, указаны пунсонами населенные пункты общества Кисти, известного из источников под наименованием «Большие Ингуши», или собственно «Ингуши», т.е. жители общества Ангушт. Оба этих названия употреблял и сам Л. фон Штедер в своем дневнике, описывающем путешествие 1781 г.: «Через 5 верст на запад мы вышли на реку Кумбелей, к ингушам, или кистам, которые живут у ее истока в лесистых предгорьях» [19: 213]. На восток от общества Кисти, в верховьях Сунжи, указаны населенные пункты общества Шаттей, также известного из упомянутого дневника и других источников под названием «Ахки-юрт». По обоим берегам р. Ассы указаны населенные пункты общества Галашки и вниз по ее течению, на правом притоке, ряд населенных пунктов, также обозначенные как «Шаттей». На обоих берегах р. Фортанги обозначены населенные пункты общества Карабулак, причем это название указано дважды, в верховьях этой реки и в среднем течении, где отдельно указан «уезд Карабулаки». Наконец, в горной части Ингушетии отмечены общества Ширах (Джейрах) на правом притоке Терека (р. Армхи) и уезд Галга, последнее общество в верховьях р. Ассы. Также надо отметить, что на стыке предгорно-горной зоны нанесена надпись: «Ингуши,

или Кисти», то есть общее (унифицирующее) наименование в русских источниках указанного периода ингушских этнотерриториальных сообществ.

Представленная на карте Л. фон Штедера картографическая ситуация фиксирует расположение ингушских обществ перед началом их очередного активного миграционного движения на плоскость, которое будет осуществляться начиная с середины 1780-х и до 1830-х гг.

Для более целостной реконструкции обозначенной темы рассмотрим вкратце еще несколько обзорных карт Кавказа, созданных в последней четверти XVIII в.

Не ранее 1784 г. может быть датирована «Новая карта Кавказа, составленная по рукописным планам, сделанным Гюльденштедтом» [14]. На карте обозначены общества Ангушты и Карабулак, последнее – между Ассой и Фортангой.

Другая обзорная карта Кавказа, на которой также отсутствует указание даты [13], может быть датирована по содержанию тем же периодом (не ранее 1784 г. нанесена линия укреплений: крепость Владикавказ, редуты Потёмкина и Григориопольский). Эта карта интересна тем, что она отражает практически современную этнополитическую структуру Центрального и Северо-Восточного Кавказа, поскольку на ней на основе метода генерализации, т.е. обобщения данных в соответствии с масштабом, представлена этническая карта Северного Кавказа. В частности, не указаны территориальные общества Ингушетии и Чечни, как это было ранее и как это зачастую будет практиковаться на картах XIX в., а обозначены два отдельных этноса: «ингуши» и «чеченцы».

На «Карте Кавказской линии с показанием смежных с ней разных владений горских народов и частью Персии» [15], датированной нами по содержанию началом 1790-х гг., Ингушетия обозначена отдельными областями: «Кисти, или Ингуши» и «Карабулак». При этом о возросшей роли Карабулакского общества в политической жизни региона и, в частности, об особом интересе к карабулакам со стороны российской администрации свидетельствует выделение внешних этнополитических (территориальных) границ общества Карабулак, которое граничит, согласно данным карты, к северо-западу с «Малой Кабардой», к юго-востоку с «Чеченцами», к западу и югу с «Ингушами, или Кистами». Территория карабулаков, выделенная по контуру границ синим цветом, охватывает, насколько это возможно определить по схематичному рукописному картографическому изображению, отчасти верховья и среднее течение рек Сунжи, Ассы и Фортанги.

Области «Кисти, или Ингуши» и «Карабулак» без определения границ обозначены также на карте «полуденной части Российской империи, с показанием соседственных с нею народов и Кавказских гор» [12], датированной 1789 г. При этом два пунсона, обозначающие населенные пункты,

по-видимому, относящиеся к обществу Карабулак, указаны на правом притоке Сунжи, под которым следует понимать р. Яндаре, и один пунсон на левом притоке той же реки – р. Назрань, то есть первое поселение назрановских ингушей, будущего крупного Назрановского общества.

Итог обзорного картографирования этнической территории ингушей в XVIII в. показан на карте, «представляющей Астраханскую губернию, Кавказскую линию и прикосновенных к ней всех горских народов, также части Турецкой империи и Персии» [11], датированной 1799 г. Согласно данным карты, этническая область, обозначенная как «Ингуши», занимает довольно широкое географическое пространство, простирающееся от чеченского общества Нашехи на юго-востоке до среднего течения Камбилеевки и правобережья Терека на юго-западе. В труде, изданном в 1796 г. по материалам Я. Рейнегтса под названием «Всеобщее историко-топографическое описание Кавказа», указывалось: «Правый берег Терека, северо-западную вершину Восточного Кавказа и всю его центральную часть гор в направлении север – запад – север населяет народ, который называет себя ингуши» [4: 80].

Таким образом, к концу XVIII в. этническая территория ингушей в предгорьях и на плоскости охватывала в основном земли по правобережью Терека в бассейнах рек Камбилеевки, Сунжи, Ассы, Фортанги, в восточных границах достигая р. Гехи, где находились в смежности ингушские и чеченские селения [1: 168–169]. На юге горные ингуши граничили с горскими народами Грузии, а на западе, в верховьях Терека, с осетинским обществом тагаурцев. На севере и северо-западе ингушские населенные пункты граничили с Малой Кабардой, при этом зона их хозяйствования доходила до земель, расположенных по нижнему течению Терека напротив казачьих станиц от Наура до Червлёной: «Безымьянная земля простирается верст на 40 по правому берегу Терека от Наура до Девлетгиреевой деревни. Она принадлежала прежде князьям Малой Кабарды, которые не заводили тут постоянных селений, но только для скота своего имели привольные выгоны вообще с ингушами» [8: 162].

На русских картах Кавказа второй половины XVIII в. уверенно фиксируются ингушские территориальные группы – «ингуши», «карабулаки», «галашевцы» (или «шадгойцы»), «джерахи», «кисты», «галгаи», легшие в основу современного ингушского этноса.

Рассмотренные русские картографические и письменные источники XVIII в. свидетельствует о том, что территория Ингушетии, в особенности ее часть, прилегающая к Военно-Грузинской дороге, была в указанный период довольно известна и достоверно нанесена на карты Кавказа. В то же время картографические источники позволяют в наглядной (визуальной) форме проследить процессы, связанные с изменениями этнополитической карты региона (например, в связи с массовым перемещением горского населения на равнинные земли) и формированием новых границ расселения

этносов, а также и другими проблемами этнической и политической истории Северного Кавказа. В равной степени это характерно и для Ингушетии как составной части Северо-Кавказского региона. В значительной степени на это явление оказала влияние Российская империя, в рамках административной политики которой определялись векторы миграций, формировалась карта этнических и региональных границ.

Источники и литература

1. Волкова Н.Г. Этнический состав населения Северного Кавказа в XVIII – начале XX в. М., 1974.
2. Генко А.Н. Из культурного прошлого ингушей // Записки Коллегии востоковедов при Азиатском музее АН СССР. Т. 5. Л., 1930.
3. Гильденштедт И.А. Путешествие по Кавказу в 1770–1773 гг. СПб., 2002.
4. Ингуши и их соседи в трудах немецких исследователей XVIII–XX веков: сб. мат-лов / пер. с нем. языка, сост., предисл. и коммент. М.М. Хдзиевой. Ростов н/Д., 2020.
5. Кодзоев Н.Д. Российские и иностранные исследователи и путешественники XVI–XIX вв. об Ингушетии и ингушах. М., 2015.
6. Маруашвили Л.И. Вахушти Багратиони, его предшественники и современники: географические труды и путешествия. М., 1956.
7. Муталиев Т.Х. Тернистый путь народа. М., 1992.
8. Новейшие известия о Кавказе, собранные и пополненные Семеном Броневским: в 2 т. / подг. текста к изданию, предисл., примеч., словарь малоупотребительных слов, указатели И.К. Павловой. СПб., 2004.
9. Российская государственная библиотека (РГБ). Отдел картографических изданий (Ко 12 / IX-I) по каталогу: «Territorium pontum Evxinum et mare Caspium, interiacens Cubaniae at Geogragiae, delineationem geographicam retiquamque partem fluvil Volgae eisque ostium exnibens».
10. Российский государственный военно-исторический архив (далее – РГВИА). Ф. 416. Оп. 1. Д. 302.
11. РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 20156.
12. РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 20481.
13. РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 20494.
14. РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 20517.
15. РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 20519.
16. РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 25675.
17. РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 25676.
18. Царевич Вахушти. География Грузии / введение, перевод и примеч. М.Г. Джанашвили. Тифлис, 1904.
19. Штедер Л.Л. Дневник путешествия из пограничной крепости Моздок во внутренние местности Кавказа, предпринятого в 1781 году / сост. Г.И. Цибиров. Владикавказ, 2016.

Д.С. Ткаченко

**ВОЕННОЕ ВЕДОМСТВО
В РАЗВЕДКЕ ТЕРРИТОРИЙ РОССИЙСКОГО КАВКАЗА
И ПРИЛЕГАЮЩИХ К НЕМУ ЗЕМЕЛЬ
В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX в.¹**

Вступив в начале XVIII в. на путь строительства империи на Кавказе, Россия столкнулась с рядом типичных для европейских государств проблем. Одна из них была связана с интеллектуальным освоением территорий, представлявших военно-стратегический интерес.

Границы российского Кавказа в XVIII–XIX вв. неуклонно расширялись, что смещало фокус внимания имперских властей от буферной зоны между российскими, османскими и персидскими землями всё глубже на территории, подконтрольные соседним государствам.

Исследователи отмечают, что разведку интересующих империю территорий можно проводить несколькими способами. Наиболее прямолинейный состоял в анализе сведений, полученных от частных путешественников. Так, командующий Отдельным кавказским корпусом Г.В. Розен в середине 1830-х гг. активно переписывался с русскими путешественниками по Ближнему Востоку, интересуясь данными о приграничных территориях. Одним из респондентов корпусного командира стал известный российский писатель, любитель древностей П.Ю. Львов, посетивший в 1834 г. Ближний Восток и описывавший в одном из своих частных писем положение дел в регионе. Сожалея, что не может сообщить многого о Трапезунде и о том, что «по причине больших снегов» он не мог добраться до Эрзерума, путешественник тем не менее приобщил к своему письму «некоторые сведения о положении дел в Сирии и Лазистане» [17: 1], выражая дальнейшую готовность использовать свое пребывание в регионе с пользой для кавказского командования [17: 1 об.]. Следует отметить, что Львов выполнил возложенное на него задание. Весной 1835 г. он отправил обещанные Розену сведения на адрес его начальника штаба, В.Д. Вольховского [16: 41 об.]. Приведенный пример переписки первых лиц кавказской военной администрации показывает, насколько трудно было на фронтире провести грань между частным путешественником и политическим агентом [30: 1].

Сбор сведений производился и у иностранных путешественников, попавших проездом на Кавказ. Ярким примером может выступать нашумев-

¹ Исследование выполнено за счет гранта РФФИ № 25-28-00152 «Кавказский центр российского военно-разведывательного изучения Востока в XIX – начале XX в.» <https://rscf.ru/project/25-28-00152/>

шее в середине 1830-х гг. дело о прибытии в регион афганских посланников. Командование назначило к прибывшим двух молодых офицеров – поручиков В.И. Мочульского и С.Г. Стишинского – для сбора сведений [24: 1 об.]. Хотя военные выяснили, что они имеют дело не с официальными представителями афганских владетелей, а с авантюристами, из показаний лжепослов были извлечены данные как об Афганистане, так и о тех землях, через которые они ехали на Кавказ. Материал, полученный от самозванцев, был обобщен, сверен с имевшейся информацией и проанализирован в двух засекреченных записках [26], направленных через Г.В. Розена военному министру А.И. Чернышеву, начальнику Азиатского департамента Министерства иностранных дел К.К. Родофиникину и личному адъютанту императора П.А. Клейнмихелю. Неизвестно, читал ли обе записки сам Николай I, но в деле значится, что об их содержании императору было доложено в мае 1835 г. в Москве [24: 1] и они «были удостоены Всемилостивейшим вниманием» [14: 6 об.].

Не скрываясь и при полных регалиях часто вели разведку на прилегающих к российскому Кавказу землях и военные, направленные в соседние государства с различными дипломатическими миссиями. Примером может служить знаменитое посольство А.П. Ермолова в Персию 1817 г. Как сам командующий Кавказским корпусом, так и входившие в состав посольства Н.Н. Муравьев и М.А. Коцебу собирали детальные сведения о подконтрольных шаху землях Армении, Северного и Южного Азербайджана и, конечно, самого Персидского государства. Свои впечатления о южном соседе Ермолов высказал в «Записках» [7], а сопровождавшие его офицеры составили травелоги на русском [11] и английском [29] языках. В сферу внимания военных исследователей попадала география тех мест, через которые они проезжали, этнографические детали жизни людей и особенно военный потенциал вероятного противника.

При этом военная составляющая часто преобладала над любой другой информацией, что заметно даже на примере работ некоторых ученых, описывавших кавказские земли и народы в начале XIX в. Так, участник последней академической экспедиции на Кавказ Г.Ю. Клапрот должен был, собирая сведения, не только уделить большое внимание описанию этнографии проживавших в регионе народов, но и высказать свою оценку, какие из них «могут управляться Россией, а кого из-за их грубых нравов или каких-то иных материальных соображений лучше оставить за рамками влияния Санкт-Петербурга» [28: 104]. В результате в ходе выполнения своей научной миссии Клапрот, по образной оценке Ч. Кинга, «покинул Санкт-Петербург как ученый, а вернулся как стратег, меньше заинтересованный в решении туманных вопросов происхождения местных этносов, а гораздо больше – в решении тех, что были связаны со способами включения беспокойных горцев в сферу российского контроля» [28: 105]. Таким образом, пример

деятельности Клапрота показывает, что даже изначально научные экспедиции часто служили прикрытием военным целям [27: 6].

При этом генеральные описания регионов, составляемые посредством обобщения сведений, полученных от военных или гражданских исследователей, имели, как правило, общий недостаток, связанный с нехваткой конкретных деталей. По образному замечанию П. Хопкирка, исходя из них можно было составить только самую общую мелкомасштабную карту региона, на которой размещалось множество объектов, а палец держащего закрывал громадное пространство. Однако во время планирования конкретного военно-политического мероприятия на крупномасштабной – тактической – карте выяснялось, что под пальцем скрывалась *terra incognita* [27: 430].

В результате, кроме академических исследователей, у военных властей часто находилось большое количество добровольных помощников, желавших проверить сведения ученых и скорректировать их на крупномасштабной карте. Примером реализации аллегории Хопкирка на кавказском материале может послужить попытка уточнения очертаний Каспийского побережья, предпринятая в середине XIX в. российскими военными моряками. Обстоятельная записка одного из них, капитана В. Стодольского, «О неточности карт», составленных еще в первое десятилетие XIX в. именитым исследователем А.Е. Колодкиным, хорошо отражает проблему [22]. Автор записки не стремился умалить вклад в научное освоение региона своего предшественника, составившего карту огромного моря по замерам, проведенным всего в 46 точках [9: 2]. Он просто описывал несколько типичных ситуаций, связанных с трудностями навигации во время выполнения служебных обязанностей [22: 3].

Замечания Стодольского вместе с уточненными данными других капитанов и рисунками отдельных участков Кавказского и Туркменского побережья Каспия были переданы в Гидрографическое депо, откуда направлены в Петербург начальнику Главного морского штаба [22: 9] с предложением учесть их при разработке новых карт региона.

Не только морские, но и сухопутные офицеры слали разного рода записки, уточнения и разъяснения интересовавших их аспектов фронтирной действительности. Прибыв на Кавказ в рамках выполнения служебного распоряжения, многие из них увлекались романтикой региона и, желая донести свои мысли и впечатления до соотечественников, создавали разного рода рукописи, вплетая научные или просто любопытные сведения в канву описаний вынесенного из региона личного опыта.

Ярким примером этого подхода выступает рукопись поручика лейб-гренадерского полка И.В. Романуса «Краткие записки похода в Персию» [13], посвященные Русско-персидской войне 1826–1828 гг. Автора не интересовали причины и ход военных действий. Даже события заключительного этапа

войны – Персидского похода И.Ф. Паскевича, в которых офицер принял непосредственное участие, – представлены им как фон для сообщения любопытных сведений о Грузии, Армении и Персии. При этом в центре внимания автора находился он сам, точнее, тот опыт, который Романус вынес из контактов с людьми, населявшими эти земли. Это приближало его произведение к стилю так называемых сентиментальных путешествий [31: 76], пользовавшихся особым вниманием среди европейских читателей первой половины XIX в. Обилие ярких этнографических деталей и хорошие, но несколько манерные рисунки сделали его произведение настолько любопытным, что современники сначала хранили рукопись в музее гвардейского полка, в котором служил офицер, а затем передали ее в библиотеку Генерального штаба.

Вместе с тем сбор сведений о регионе и сопредельных с ним землях с помощью «добровольных помощников» был ограничен их возможностями проникнуть вглубь фронта. Все уточнения обычно касались только какого-то узкого участка земли. Кроме того, информация оказывалась субъективной и зависела от настроений, политических взглядов или просто общей эрудиции тех лиц, которые предоставляли сведения.

Гораздо более объективную информацию кавказские власти получали через сознательно организованную разведывательную деятельность, которую вели специально подготовленные лица – чаще всего кадровые военные. Для них генералом А.И. Нейдгартом в начале 1830-х гг. была создана специальная инструкция – «Руководство для офицеров Генерального штаба, при войсках состоящих» [12]. Она детально регламентировала характер тех данных, которые должен был зафиксировать в своем военно-статистическом описании офицер-квартирмейстер или разведчик, посланный на территорию театра потенциальных военных действий.

Следует отметить, что часть офицеров, составляя описания Кавказа и прилегавших к нему земель Востока, просто добросовестно выполняла свои должностные обязанности. Примером может служить упоминавшийся выше С.Г. Стишинский. Составленное им обстоятельное и информативное описание Афганистана, его индийского и персидского фронтиров осталось единственным исследованием этого автора. Послужной список офицера [23] указывает, что он не принадлежал к числу людей, увлеченных научными изысканиями, а считал творчество не более чем средством для продвижения по служебной лестнице [8]. Закончив карьеру на Кавказе в должности начальника штаба Черноморской береговой линии, он не оставил после себя больше никакого научного следа в изучении как Кавказа, так и всего Востока.

По-иному сложилась судьба другого офицера Генерального штаба – И.Ф. Бларамберга. Составленное им в 1832 г. «Историческое, топографическое, статистическое, этнографическое и военное описание Кавказа» [1] стало не только обобщением имевшихся разведывательных материалов

о народах региона, но и важной вехой в научной карьере офицера. По требованию командования он занимался составлением военно-статистических описаний восточного берега Каспийского моря и прилегающих к нему регионов Средней Азии [4], а с 1838 г. был включен в число российских военных советников при дворе персидского шаха. Бларамберг участвовал в Гератском кризисе, описав его в одноименной работе [2], затем составлял военно-статистические обозрения Хорасана, Белуджистана и Афганистана, а в 1853 г. написал обширный обзорный труд о состоянии Персидского государства [3]. Покинув в 1840 г. Кавказ, исследователь был переведен в Оренбургский корпус, где продолжил заниматься составлением описаний восточного приграничья Российской империи.

При сопоставлении сведений об одном и том же участке местности по документам разных ведомств особенно выделяется слабая согласованность в их деятельности. До последней четверти XIX в. каждое ведомство стремилось к самостоятельному сбору интересующих его данных. Ярче всего эта тенденция прослеживается на примере составления описаний Каспийского побережья Кавказа. Первоначально морское ведомство пыталось картографировать и описать портовые места и якорные стоянки на западном побережье Каспия, но дальше карты А.Е. Колодкина не продвинулось. Затем местные «сухопутные» власти пытались добыть интересующие их сведения, зачастую дублируя работы моряков. Так, М.С. Воронцов выписал в штаб Кавказской армии из штаба Черноморского (а не Каспийского) флота адмирала В.И. Истомина для того, чтобы тот заново составил описание якорных стоянок и свежим взглядом оценил, где должен быть размещен главный каспийский порт Кавказа [15]. После проведения этой работы уже морское ведомство выслало просьбу кавказским властям предоставить в его распоряжение полученные данные.

Сбор сведений о Черноморской береговой линии был организован более согласованно. Так, разрабатывая вопрос о строительстве сети российских фортов для развертывания Черноморской береговой линии, кавказское командование активно использовало сведения военных разведчиков, посланных в регион. Одним из них стал Г.В. Новицкий, составивший военно-топографический обзор «Краткое топографическое описание Юго-Западной, Северной покатостей Кавказского хребта с одной стороны, начиная от крепости Анапы до крепости Сухум-Кале, а с другой – до истока Кубани» [6: 10–14]. Он был передан Морскому ведомству, в фондах которого хранится копия работы разведчика с пометками и исправлениями, внесенными в нее капитаном Е.П. Манганари [19], посланным на побережье с той же целью. Сам же Манганари составил не только один из первых точных атласов Чёрного моря [10], но и собственную записку «О предполагаемых укреплениях на берегах Абхазии» [20]. Последняя была передана из Морского ведомства кавказскому командованию, которое, в свою

очередь, вносило корректировки в творчество капитана, сопоставляя его данные со сведениями, полученными генералом А.А. Вельяминовым во время военной экспедиции к Черноморскому побережью [25: 2].

Личностный фактор часто играл значительную роль в принятии решений о степени достоверности приносимых военными сведениями. Харизма писателя иногда затмевала собой объективные суждения о собранных им данных, что приводило к казусам. Один из них случился при уточнении военными рельефа гор Северо-Западного Кавказа в ходе разработки ими проекта прокладки дороги через перевалы Главного Кавказского хребта из Абхазии в Карачай. Работа по разведыванию перевалов была проведена в 1851 г. лично начальником участка Черноморской береговой линии адмиралом Л.М. Серебряковым, который, поднявшись на Марухский перевал, доказал возможность перехода через Кавказские горы по этому маршруту. По результатам своей экспедиции Серебряков составил военно-статистический обзор «Краткий топографический и этнографический взгляд на Цебельду и описание пути, пройденного в 1851 году» [21]. Его текст оказался настолько ярким и убедительным, что отвлек военное командование от поисков иных маршрутов в пользу решения о строительстве предполагаемой дороги по одной из самых труднодоступных местностей [5: 586]. Ошибка обнаружилась только в 1863 г., когда отряд солдат, посланный на рекогносцировку через Марухский перевал, оказался не в состоянии вести строительные работы [18: 64].

В целом изучение того, как военное ведомство исследовало приграничные области, прилежавшие к расширяющимся границам российского Кавказа, – новая тема в отечественном кавказоведении. Она раскрывает на региональном материале известную благодаря творчеству Э. Саида и его последователей проблему связи власти и знания. Обращение к фактическому материалу, с одной стороны, высвечивает стремление военных организовать научное изучение региона, чтобы установить контроль над ним, а с другой – отражает то, как характер знаний о регионе определял стиль и методы работы администрации разных уровней.

Источники и литература

1. *Бларамберг И.Ф.* Историческое, топографическое, статистическое, этнографическое и военное описание Кавказа / пер. И.М. Назаровой. М., 2010.
2. *Бларамберг И.Ф.* Осада города Герата, предпринятая персидской армией под предводительством Магомед-шаха в 1837 и 1838 годах // Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии. Вып. XVI. СПб., 1885. С. 1–40.
3. *Бларамберг И.Ф.* Статистическое обозрение Персии // Записки Императорского Русского географического общества. Кн. VII. СПб., 1853. С. 1–62 (разд. паг.).

4. *Бларамберг И.Ф.* Топографическое и статистическое описание восточного берега Каспийского моря от Астрабадского залива до мыса Тюк-Карагана // Записки Императорского Русского географического общества. Кн. IV. СПб., 1850. С. 49–120.

5. *Воронов Ю.Н.* Драма Военно-Сухумской дороги // Воронов Ю.Н. Научные труды: в 7 т. Т. 2. Сухум, 1994. С. 582–607.

6. Государственный архив Краснодарского края. Ф. 249. Оп. 1. Д. 3028.

7. *Ермолов А.П.* Записка генерала Ермолова о посольстве в Персию в 1817 году // Записки Алексея Петровича Ермолова. Ч. II. М., 1868. С. 1–74 (разд. паг.).

8. Записка об афганцах, составленная по приказанию командира Отдельного Кавказского корпуса генерал-адъютанта барона Розена 1-го по случаю прибытия в Тифлис афганцев с некоторыми предложениями <...> прикомандированным к Генеральному Штабу Апшеронского пехотного полка штабс-капитаном Стишинским / публикация, вступительная заметка и примечания Оксаны Водневой, вступительная заметка Якова Гордина // Звезда. 2022. № 10. С. 168–206.

9. *Колодкин А.Е.* Атлас Каспийского моря. СПб., 1826.

10. *Манганари Е.А.* Атлас Чёрного моря. Николаев, 1841.

11. *Муравьев-Карсский Н.Н.* Путешествие в Персию // Муравьев-Карсский Н.Н. Собственные записки: 1816–1820. М., 2016. С. 15–336.

12. Научно-исследовательский отдел рукописей Российской государственной библиотеки (далее – НИОР РГБ). Ф. 68. Оп. 1. Д. 49.

13. НИОР РГБ. Ф. 68. Оп. 1. Д. 87.

14. Отдел письменных источников Государственного исторического музея. Ф. 6. Оп. 1. Д. 66.

15. Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (далее – ОР РНБ). Ф. 417. Оп. 1. Д. 4.

16. ОР РНБ. Ф. 646. Оп. 1. Д. 87.

17. ОР РНБ. Ф. 646. Оп. 1. Д. 216.

18. *Пантюхов И.* Перевалы через западный Кавказский хребет // Кавказ. 1865. № 12. С. 64–65.

19. Российский государственный архив Военно-морского флота (далее – РГА ВМФ). Ф. 19. Оп. 4. Д. 370.

20. РГА ВМФ. Ф. 19. Оп. 4. Д. 375.

21. РГА ВМФ. Ф. 19. Оп. 4. Д. 377.

22. РГА ВМФ. Ф. 402. Оп. 1. Д. 879.

23. Российский государственный военно-исторический архив (далее – РГВИА). Ф. 395. Оп. 48. Д. 799.

24. РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 1144.

25. РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 6247.

26. РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 18251.
27. Хопкирк П. Большая Игра против России: Азиатский синдром. М., 2004.
28. King Ch. Ghost of Freedom: A History of the Caucasus. Oxford; New York, 2008.
29. Kotzebue M. Narrative of a Journey into Persia in the Imperial Russian Embassy in the Year of 1817. London, 1819.
30. Nash G. From Empire to Orient: Travellers to the Middle East, 1830–1926. London; New York, 2016.
31. Pratt M.L. Imperial Eyes: Travel Writing and Transculturation. London; New York, 1992.

Т.А. Колосовская

КАК ВОЕННАЯ ИСТОРИЯ КАВКАЗА ОБРЕЛА СВОЕГО ЛЕТОПИСЦА: НЕИЗВЕСТНЫЙ ЭПИЗОД СЛУЖЕБНОЙ БИОГРАФИИ В.А. ПОТТО¹

В начале 1909 г. военная элита Кавказа торжественно отметила 50-летний юбилей литературной деятельности генерал-лейтенанта Василия Александровича Потто. В приказе по штабу Кавказского военного округа отмечалось, что нет войсковой части, нет библиотеки, где бы не было его произведений, а читателями В.А. Потто являются все, начиная от императора до рядового солдата [1: 2]. Прижизненное признание заслуг В.А. Потто на историко-литературном поприще ставило его в один ряд с выдающимися военными историками Российской империи. И даже в советское время, когда по идеологическим причинам его историко-литературное наследие было отодвинуто на второй план, оно не было забыто и активно использовалось в работах отечественных кавказоведов.

Особый интерес к творчеству В.А. Потто проявился на рубеже XX–XXI вв. В это время переиздаются его основные труды, выходят в свет специальные исследования, посвященные анализу его жизненного пути и вклада в изучение военной истории Кавказа [3; 4]. В них показываются главные вехи служебной биографии В.А. Потто: получение военного образования, участие в событиях Крымской войны на Кавказском театре военных действий, работа воспитателем юнкеров в Николаевском кавалерийском училище, а с 1870 г. – многолетняя и весьма плодотворная деятельность во главе Оренбургского казачьего юнкерского училища.

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 25-28-00152, <https://rscf.ru/project/25-28-00152/>

Блестящая карьера В.А. Потто была резко прервана в 1882 г. По итогам инспекторской проверки в училище выявили многочисленные служебные злоупотребления и нарушения по хозяйственной части. В.А. Потто отстранили от должности начальника и открыли против него следственное дело. Этот эпизод жизни военного историка не нашел отражения в историографии, поэтому остановимся на его рассмотрении более подробно и покажем, как произошедшее тогда повлияло на его творческий путь.

Источниками для этого послужат документы, отложившиеся в фонде Главного военно-судного управления Российского государственного военно-исторического архива [5–8]: приговоры судов различных инстанций, протесты военного прокурора и кассационные жалобы подсудимого, переписка между различными подразделениями военного ведомства по данному вопросу, а также записка В.А. Потто, в которой он излагает свой взгляд на случившееся.

Дело бывшего начальника Оренбургского казачьего юнкерского училища тянулось четыре года и рассматривалось судами различных инстанций, которые приходили к неодинаковым заключениям. Сначала В.А. Потто был осужден Временным военным судом в Оренбурге и признан виновным: 1) в отсутствии должного контроля за ведением хозяйственной документации, следствием чего стала «возможность со стороны всех служащих фуражиров, конюхов и др. лиц, соприкасавшихся с предметами довольствия, небрежно обращаться, излишне и напрасно расходовать, разбрасывать эти предметы и даже пользоваться ими, что в свою очередь причинило училищу убытки» [8: 18–18 об.]; 2) в самовольном, без согласования с начальством, зачислении в долговую ведомость суммы 1372 руб. 49 коп.; 3) в незаконном удержании 20 руб., принадлежащих училищу; 4) в заведомом преувеличении средств, запрашиваемых из казны, на устройство при училище церкви [8: 19–20 об.]. Причем в приговоре подчеркивалось, что делал это В.А. Потто не из корыстных побуждений и не для личной выгоды, а исключительно для блага вверенного ему училища.

Временный военный суд приговорил В.А. Потто к исключению из службы без лишения чинов. Кроме того, суд постановил взыскать с него задержанные им казенные 20 руб. и двойные казенные проценты с этих 20 руб. за время их удержания, а также причиненный училищу убыток в размере 5000 руб., произошедший из-за бездействия власти [8: 23].

С таким решением суда В.А. Потто не согласился и подал на него кассационную жалобу, которая была рассмотрена в Главном военном суде. По решению последнего дело В.А. Потто направили в Петербургский военно-окружной суд, который, в свою очередь, признал бывшего начальника Оренбургского казачьего юнкерского училища виновным в следующих преступлениях: 1) в бездействии власти; 2) в превышении власти; 3) в неверном

донесении, без всякого противозаконного намерения, об обстоятельствах дела, в существе и истине которых надлежащим образом не удостоверился; 4) в присвоении вверенных ему по службе денег; 5) в подлоге по службе.

По совокупности совершенных преступлений Петербургский военно-окружной суд приговорил В.А. Потто к лишению всех прав и преимуществ и ссылке в Сибирь [6: 6]. Однако, имея еще в виду положительные отзывы всех бывших начальников подсудимого как о его служебной деятельности, так и в особенности о пользе его продолжительной педагогической работы по воспитанию юнкеров в Николаевском кавалерийском и в Оренбургском казачьем юнкерском училищах, а также то, что полковник В.А. Потто «впал в преступление не ради каких-либо корыстных или иных личных целей, а увлекшись желанием придать более благолепия устроенному им при Оренбургском казачьем юнкерском училище храму» [6: 7 об.], суд постановил ходатайствовать перед императором о полном помиловании полковника В.А. Потто.

Главный военный суд, на рассмотрение которого был направлен приговор Петербургского военно-окружного суда, вследствие протеста военно-прокурорского надзора с таким решением не согласился и настоял на смягчении наказания полковнику В.А. Потто и ограничении наказания лишь тем, чтобы исключить его из службы, без лишения чинов [6: 7 об.]. Мнение Главного военного суда было подано на высочайшее рассмотрение в форме доклада, на котором 10 сентября 1885 г. император собственноручно написал: «Быть по сему» [6: 5].

Согласно высочайшему приказу 7 октября 1885 г., последовало исключение Потто из военной службы без лишения чинов. Отчаявшись добиться справедливости в суде, 14 октября 1885 г. В.А. Потто обратился с прошением о помиловании на имя Александра III, в котором надеялся на монаршее снисхождение [7: 17]. Прошение дополнялось запиской, в которой он объяснял обстоятельства, приведшие его «к четырем годам тяжелой нищеты, нравственным и физическим страданиям» и доказывал, что «суть дела – не в преступности моих действий, составлявших только отдельные звенья в общей цепи моей деятельности, а в различных взглядах именно на эту самую деятельность» [6: 33 об.–34].

В.А. Потто признавал, что хозяйственной части, в отличие от организации учебного процесса и воспитательной работы с юнкерами, он уделял значительно меньше времени, за что и оказался жестоко наказан. При этом он аргументированно обосновал, что созданная им материальная база училища позволяла реализовывать главную цель – готовить из юнкеров верных слуг государя, давать им умственное и строевое образование [6: 38–38 об.].

Апеллируя к официальным финансовым отчетам, имеющимся в следственном деле, В.А. Потто подчеркивал, что из 16 тыс. руб., ежегодно отпускаемых

на содержание училища, целая треть, более 5 тыс., оставалась в чистой экономии. В записке отмечалось: «Вот эти-то громадные остатки, немислимые при дурном управлении хозяйственной частью, и были употреблены мной на приобретение научных пособий и кабинетов, богатство которых обращало на себя внимание всех лиц, инспектировавших училище...» [6: 39].

Одной из причин произошедшего В.А. Потто называл неприязненное отношение к нему инспектора юнкерских училищ генерал-майора М.А. Нарбута, с которым он расходился во взглядах на организацию учебно-воспитательного процесса [6: 43]. Среди документов следственного дела отложилось письмо Главного начальника военно-учебных заведений Н.А. Махотина, которое подтверждает такое предположение. Из него следует, что вскоре после назначения Н.А. Махотина на должность он получил от начальника Оренбургского училища негативный отзыв: «Потто представлялся человеком, на которого нельзя положиться, который хозяйство училища ведет, преследуя, главным образом, свои личные выгоды в ущерб заведению и обучающимся, ему вверенных» [6: 73]. При этом Н.А. Махотину доложили, что если полковник В.А. Потто не был отстранен от должности начальника училища ранее, то исключительно благодаря особым о нем ходатайствам бывшего командующего войсками Оренбургского округа генерала Н.А. Крыжановского.

Получив такой сигнал, Н.А. Махотин поручил состоящему при Главном управлении военно-учебных заведений генерал-майору М.А. Нарбуту осмотреть некоторые юнкерские училища и в том числе особое внимание обратить на Оренбургское. По итогам инспекторской проверки М.А. Нарбут нашел в училище ряд нарушений и тогда же написал начальнику штаба Казанского округа (с 1881 г. в его состав вошел упраздненный Оренбургский округ) о необходимости отстранить В.А. Потто от должности [6: 73 об.].

Обвинения начальника Оренбургского училища в злоупотреблении служебным положением стали основанием для проведения ревизии. По мнению В.А. Потто, это действительно было не следствие, а ревизия, по которой составлялись протоколы следующего характера: например, почему в 1879 г. 10 коробочек спичек по 3 коп. каждая, а всего на сумму 30 коп. отнесены на отдел «освещения», а не на отдел «мелочных расходов». Или почему подпилки для оттачивания пил куплены на деньги, вырученные от продажи дров, тогда как (по мнению следователя) их приличнее было бы купить на деньги, отпускаемые на ремонт вещей, и т.д. [6: 45].

Пока писались такие протоколы, В.А. Потто вынужден был жить в Оренбурге без всякого содержания. Причем он остался не только без жалованья, но и без вещей, обращенных в казенную собственность на том основании, что они были в училище, хотя и не значились в его инвентарных книгах. «Обязанный не переменять места жительства, носить военный мундир,

строго соблюдать форму, не заниматься частными делами, не соответствующими офицерскому званию, а вместе с тем не получая от казны ни копейки денег, вопреки закона, положившего всем подсудимым половинное содержание, лишенный собственных вещей, – сокрушался В.А. Потто, – я был обречен на совершенную нищету, и я нищенствовал в мундире полковника, украшенном шестью орденами» [6: 47].

Только через два с половиной года после увольнения В.А. Потто был назначен суд. Предъявленные тогда Временному военному суду многочисленные обвинения, каждое из которых при доказанности влекло за собой ссылку в Сибирь, были судебным следствием опровергнуты. Осталось несколько менее тяжких пунктов: бездействие и превышение власти, ненамеренное удержание 20 руб. казенных денег и неточное донесение начальству. Эти пункты и послужили поводом к суровому для В.А. Потто приговору об исключении из службы [6: 47 об.].

Последующим судам после приговора Главного суда дело уже не подлежало рассматривать по существу, и потому оправдать они В.А. Потто не могли. Тем не менее один из судов постановил ходатайствовать перед государем только об исключении В.А. Потто из службы без лишения чинов, а другой – о полном помиловании.

Как считал В.А. Потто, такая разница произошла из-за того, что в приговоре, предъявленном Главному военному суду, сделаны были существенные перемены не в его пользу. Например, выражение «Не упомянул в рапорте о пожертвованных деньгах», что не могло заключать в себе тяжкого преступления, было заменено фразой «Намеренно скрыл о пожертвованных деньгах» [6: 48]. Обстоятельство, что в рапорте об отпуске денег на церковь следовало пояснить точнее, что некоторая часть средств требуется на заказанную уже переделку пожертвованных вещей, обратилось в обвинение: «Показал пожертвованные вещи купленными» [6: 48 об.] и т.д. В.А. Потто не без основания полагал, что изменения эти были сделаны Главным судом, чтобы сократить переписку, но в конечном итоге они не позволили ходатайствовать перед императором о его полном помиловании.

Заслуживают внимания приводимые в записке В.А. Потто оправдания поступков, которые стали причиной обвинительного приговора. Манипуляции со счетами на средства, выделяемые для устройства церкви, он объяснял желанием оказать училищу услугу даже с затратой собственных денег [6: 56]. Оправдывая удержание у себя 20 руб. училищных денег, В.А. Потто указывал на тот факт, что эти средства он распорядился заведующему хозяйством зачесть в счет 1 тыс. руб., которые училище было должно ему за черные мраморные доски и раму для портрета императора [6: 57 об.]. По поводу покупки в долг без всякой надобности различных вещей, например анатомической разборной лошади, «Актон Кавказской археографической

комиссии» и эдиссонова пера (в обвинительном акте эти вещи были определены как ненужные и бесполезные), В.А. Потто настаивал на важности для будущих кавалеристов знаний об анатомическом строении лошадей. При этом необходимость приобретения «Акт...» и пера никак не комментировал [6: 58–58 об.].

Наконец, по поводу обвинения в бездействии власти В.А. Потто писал: «Бездействие власти может происходить или из корыстных целей, или от недостатка способностей, или от лени и небрежности. По отношению ко мне корыстные цели судом отвергнуты, о своих способностях судить не смею, но что касается лени и небрежности, то трудно совместить эти качества с моей трудовой жизнью, с моей инициаторской деятельностью... Очевидно, что не преступные свойства, а физический недостаток времени и сил человека при той широкой деятельности, которую я создал сам себе, были причиной тех ошибок, а частью и тех недоразумений, которые были замечены судом и в которых я должен сознаться» [6: 60–60 об.].

В заключение В.А. Потто подчеркивал, что «суд, запутанный в мелочных обстоятельствах дела, в юридических тонкостях и в особом представлении ему этих обстоятельств обвинителями, не проник в простейшую суть дела и в мои простые, быть может, и небыстречные, но совсем не преступные действия» [6: 63–63 об.]. Уставший от четырехлетней нужды, физических и нравственных страданий, В.А. Потто надеялся только на милость императора и разрешение вернуться на службу.

Прошение В.А. Потто возымело действие. 29 ноября 1885 г. командующий Императорской главной квартирой О.Б. Рихтер обратился к военному министру П.С. Ванновскому с просьбой поддержать опального офицера. В своем письме он подчеркивал, что вмененные В.А. Потто в вину упущения по заведыванию хозяйственной частью Оренбургского казачьего юнкерского училища «не имеют корыстного характера, не нарушили ничьих законных интересов, не принесли никакого вреда казне и состояли лишь в неумышленном несоблюдении установленных формальностей отчетности» [6: 64]. Особое внимание обращалось на пользу воспитательной деятельности В.А. Потто среди молодежи и его достижениям на поприще создания военно-педагогических произведений патриотического характера.

Последнее обстоятельство сыграло особую роль в жизни В.А. Потто. Находясь под следствием и не имея возможности выполнять служебные обязанности, он всё свое свободное время посвятил литературной деятельности, которая в тех условиях имела для него важный терапевтический эффект. Именно в это время из-под его пера выйдет сочинение «Кавказская война в отдельных очерках, эпизодах, легендах и биографиях», которое главный начальник военно-учебных заведений признает «весьма полезным и интересным чтением для воспитанников военно-учебных заведений» [6: 27].

По его распоряжению все учебные заведения должны были приобрести книгу В.А. Потто в достаточном количестве экземпляров, причем кадетским корпусам и военным прогимназиям следовало включить ее в состав библиотек, предназначенных для воспитанников старших и средних классов [6: 27].

Успех новой книги В.А. Потто решил его судьбу. Главный начальник военно-учебных заведений Н.А. Махотин, отвечая на запрос военного министерства, характеризовал автора «Кавказской войны...» как человека талантливого и обладающего двумя выдающимися способностями – хорошо говорить и писать. По мнению Н.А. Махотина, «посвятив себя исключительно военно-литературной деятельности, он, несомненно, принес бы большую пользу армии своими литературными трудами» [6: 73 об.]. И хотя полного помилования В.А. Потто так и не получил, ему разрешили вернуться на службу в том же чине.

Местом своего нового пребывания В.А. Потто выбирает Кавказ – регион, который привык принимать опальных. Не исключено, что на такое решение повлияли и обстоятельства его личной жизни. В это время в г. Шуше с семьей проживал сын В.А. Потто – Александр Васильевич. Молодой офицер был на хорошем счету у главнокомандующего М.А. Дондукова-Корсакова и ожидал перевода в г. Тифлис [6: 19].

Высочайшим приказом от 3 февраля 1887 г. полковник В.А. Потто был назначен состоять в числе штаб-офицеров при войсках Кавказского военного округа [6: 105]. С этого времени его служебная и творческая деятельность будет развиваться исключительно на кавказской окраине Российской империи. Здесь В.А. Потто напишет свои знаменитые сочинения, посвященные постепенному утверждению российского присутствия в регионе, биографиям выдающихся кавказских деятелей (Я.П. Бакланова, И.Д. Лазарева), путешествию Александра III по Кавказу, а также истории военных подразделений, боевой путь которых оказался связанным с Кавказом. В 1899 г. он возглавит военно-исторический отдел при штабе Кавказского военного округа, который под его умелым руководством превратится в главный институт сохранения памяти о военном прошлом Кавказа [2: 207–214].

Таким образом, рассмотренный эпизод из жизни Василия Александровича Потто, который он сам называл не иначе как катастрофой, является важным дополнением к реконструкции полной биографии военного историка, к сожалению, до сих пор не написанной. Несмотря на весь трагизм ситуации, в произошедшем тогда с В.А. Потто можно увидеть и положительные моменты. Ведь благодаря его отстранению от работы в сфере военно-учебных заведений он смог сосредоточиться на военно-литературной деятельности и в полной мере раскрыть свой творческий потенциал, а военная история Кавказа обрела своего летописца.

Источники и литература

1. Кавказ. 1909. № 1. 1 января.
2. Колосовская Т.А., Ткаченко Д.С. Военные кавказоведы Российской империи: биобиблиографический словарь. Ставрополь, 2021.
3. Маркелов Н.В. Летописец кавказских сражений Василий Александрович Потто (13 января. К 170-летию со дня рождения) // Ставропольский хронограф на 2006 год. Краеведческий сборник. Ставрополь, 2006. С. 17–19.
4. Матвеев О.В. Василий Александрович Потто (1836–1911): Биобиблиографический очерк. Сер. «Российские исследователи Кавказа. История, археология, этнография». Вып. 17. Армавир, 1997.
5. Российский государственный военно-исторический архив (далее – РГВИА). Ф. 801. Оп. 3. Д. 107.
6. РГВИА. Ф. 801. Оп. 35. Д. 46.
7. РГВИА. Ф. 801. Оп. 43. Д. 9.
8. РГВИА. Ф. 801. Оп. 43. Д. 49.

М.В. Кирчанов

ВКЛАД Н. МАРРА И И. КИПШИДЗЕ В ВООБРАЖЕНИЕ И КОНСТРУИРОВАНИЕ ПЕРИФЕРИЙНЫХ РЕГИОНОВ ЗАКАВКАЗЬЯ В 1900–1910-е гг.: МЕЖДУ ИМПЕРСКОЙ МОДЕЛЬЮ ЗНАНИЯ И ГРУЗИНСКИМ НАЦИОНАЛИЗМОМ

В современной историографической ситуации, в условиях углубляющегося междисциплинарного диалога, в рамках размывания существовавшей ранее ортодоксии отдельных форм и дисциплин в области исторического знания особую актуальность приобретают исследования, сфокусированные на переосмыслении, пересмотре и ревизии предложенных ранее интерпретацией истории народов Кавказа. Динамично развивающимся направлением в современной историографии является интеллектуальная история, связанная с историей идей, а также археология идей, что позволяет анализировать истоки современных политических феноменов, деконструируя последние через призму их истории, политической, социальной и культурной генеалогии.

Особую актуальность подобные исследовательские практики имеют для изучения Кавказского региона. Исторически на территории Кавказа и Закавказья как уникального культурного пространства сосуществовали и софункционировали различные религиозные, этнические и языковые традиции, что оказало существенное влияние на основные векторы и траектории

развития государственных и политических институций. Особую важность для современной историографии имеют исследования, связанные с изучением истоков противоречий, которые в XX в. определяли векторы и траектории развития Кавказа.

В центре авторского внимания в представленной статье – проблемы интеллектуальной истории, точнее рефлексии грузинских интеллектуалов начала XX в., исследования которых были сфокусированы на изучении внутренних периферийных регионов Закавказья. Целью статьи является выявление особенностей интеллектуальной и культурной активности грузинских интеллектуалов в начале XX в. в контексте проводимых ими исследований Закавказья.

В число задач автора входят: 1) анализ общих интеллектуальных предпосылок, которые вынуждали грузинских интеллектуалов (в данном случае – Н. Марра и И. Кипшидзе) заниматься изучением региона; 2) выявление и выделение особенностей сформировавшегося интеллектуального и культурного дискурса; 3) выяснение его исторической роли и значения для последующего развития представлений о регионе в условиях изменившейся ситуации, запущенной социально-политической модернизацией, которая спустя немногим более 15–20 лет была инициирована советскими политическими элитами [9].

Методологически представленная статья основана на достижениях современной междисциплинарной историографии. Автор использует принципы и методы истории идей, интеллектуальной истории и археологии идей. Использование модернистской и социально-конструктивистской методологии изучения национализма и предложенного в их рамках языка описания национальных проблем позволяет анализировать деятельность интеллектуалов через призму конструирования идентичности, изобретения сообществ [7] и воображения традиций [14].

Предполагается, что интеллектуальная активность являлась формой и попыткой конструирования идентичности, проявлением стремления грузинских интеллектуалов вообразить пространство в определенной системе политических и идеологических координат, подготовив его для последующей возможной интеграции в политические, культурные и экономические среды. Языковые и этнографические исследования грузинских интеллектуалов анализируются и деконструируются в контексте модернистского подхода. Изучаемые авторы рассматриваются как сознательные интеллектуалы-националисты, вовлеченные в процесс модернизации, в основе которой лежали воображение сообщества и изобретение его традиций, т.е. наделение грузин идентичностью современной нации [11].

Методологически представленная статья пересекается с достижениями новой имперской истории [5], сфокусированной на междисциплинарном

и комплексном изучении феномена имперских государственныхностей, включая Российскую империю [6]. Поэтому, используя две упомянутые методологии, автор стремится интегрировать результаты, полученные в рамках научной и академической активности грузинских интеллектуалов как представителей миноритарной группы с развитыми социальными структурами в начале XX в., фактически в процесс воображения и конструирование имперского политического пространства, которое ими представлялось как исходя из общеимперской политической конъюнктуры [8], так и с учетом грузинской национальной специфики и растущего грузинского национализма.

В рамках изучения процессов модернизации Кавказа особую важность приобретают подходы, сфокусированные на попытках осмысления истории региона через призму разного рода интерпретационных моделей и практик, соотносящихся и пересекающихся с традициями колониализма и постколониальных деконструкций. Значительная часть подобных исследований в современной историографии сфокусирована на изучении истории советской модели политической модернизации и попытках регулирования межнациональных отношений в регионе путем создания современных современных политических и этнических наций, а также соответствующих государственныхностей для них в рамках советского проекта политического переустройства общества [10]. Другая группа работ сфокусирована на анализе постсоветских реалий, которые некоторыми авторами интерпретируются через призму постколониального анализа [13]. Оба направления в современной историографии отличаются междисциплинарным характером, интегрируя достижения истории и смежных наук, включая литературоведение и культурные студии.

Первым источником наших сведений о представлениях грузинских интеллектуалов раннего XX в. о Закавказье, точнее, о его внутренних периферийных регионах, являются материалы, полученные российским и грузинским ученым Николаем Яковлевичем Марром во время его поездки в Южную Грузию, в рамках которой он посетил в 1904 г. Шавшети и Кларджети, в 1909 г. – Лазистан. Н.Я. Марр, подобно его современникам, которые принимали участие в грузинском национальном движении [1], подчеркивал принципиальную роль и значение изучаемых им регионов для грузинской истории и исторического процесса в целом, указывая, что «тао-кларджетские развалины для политической, особенно культурной истории Грузии так же важны, как для армянской истории Городище Ани, они важны не только для выяснения поздней государственности, именно лазской, в 6 веке для формирования еще нового грузинского государства, для выяснения роли самостоятельной грузинской церкви, но и для так называемой доисторической эпохи, эпохи архаической культуры иверо-чанов, связанной и с развитием

металлургии у тубал-кайнов и халибов, и колхским могуществом, давшим пищу для сказания о золотом руне» [4: 8].

В этом контексте было заметно стремление Н. Марра интегрировать историю изучаемого им региона не просто в культурный и исторический контексты грузинских земель, но и превратить их в часть грузинского политического и государственного опыта, что свидетельствовало о значительных не просто академических, но и идеологических амбициях грузинского национализма в начале XX в. Последовательно «грузинизируя»/«картвелизируя» историю региона, интегрируя ее в грузинский исторический контекст, Н. Марр подчеркивал, что эти земли представляли собой особое пространство для развития традиций грузинской государственности и культуры, так как именно «это была этническая среда выработки грузинской социальной фармации, грузинской национальности, древнейший этап в этом исторически важнейшем для Кавказа процессе, породившем картов, или картвелов» [4: 10]. Особое внимание Н. Марр уделял связям этой территории не только с Россией, т.е. восточным миром, но и с Западом, полагая, что культурно, политически и исторически эти пространства в прошлом имели собственные уникальные традиции и государственные институты. Поэтому он подчеркивал: «Хандзта приковал мое внимание как центр литературной деятельности, укрепивший почву для непосредственного приобщения грузин к западной византийской культуре, и в то же время поддерживавший или возрождавший древнее общение грузинской мысли с армянской и восточной как центр литературной деятельности, плодотворно повлиявший на последующий культурный рост Грузии» [4: 10].

В рамках такого видения прошлого центральным элементом исторического и этнографического воображения, которым руководствовался Н. Марр во время своих научных экспедиций, постепенно становился грузинский политический и этнический национализм. Описывая и анализируя современные для начала 1910-х гг. этнографические, культурные и языковые реалии Южной Грузии и Лазистана, Н. Марр был вынужден учитывать результаты развития национального движения [12] и поэтому указывал на важность и необходимость сохранения именно грузинского, картвельского этнического языкового элемента, крайне негативно оценивая процессы как русификации, так и тюркизации местного населения, последний из которых, по его мнению, был связан с распространением на этой территории ислама.

В такой ситуации формально российские ученые, которые одновременно были фактически грузинскими интеллектуалами и националистами, констатировали, что «было грустно слышать на твердыне некогда живого христианства торжествующий голос ислама. Родные дети тех, кои сооружали эти памятники христианства, спешили вверх в храм изливать свое молитвенное настроение в формах, чуждых строителям... грустно было смотреть, грустно

было слышать» [4: 19]. Вместе с тем, стремясь описывать историю Южной Грузии и Лазистана почти исключительно в картвельской, грузинской системе политических и культурных координат, Н. Марр подвергал этот регион определенной мифологизации и идеализации, полагая, что «ни один лаз не опозорил себя участием в турецкой контрреволюции... еще в половине прошлого столетия лазы чувствовали себя самостоятельной силой... Гонения и пренебрежение ко всему лазскому сделали то, что это местное спряталось куда-то далеко в тайники души и проглядывается лишь в обычаях и обрядах, которые соблюдают женщины и дети; звучит в немногих песнях, стихах и играх; прорывается в страсти к соколиной охоте у местного дворянства. Страна эта заброшена... Носители современной культуры точно сговорились обходить лазский край» [4: 21], тем самым в определенной степени максимизируя или преувеличивая их включенность в широкие грузинские контексты.

Сетуюя и переживая относительно заброшенности Лазистана, его изолированности и оторванности лазов от других грузин, Н. Марр не только предлагал программу их академического и этнографического исследования, но и последовательно настаивал на политической интеграции Лазистана и его обитателей в грузинские политические и культурные контексты, что свидетельствовало о стремлении ученого видеть Лазистан как неотъемлемую часть будущей Грузии. Позиция Н. Марра в отношении Лазистана в более поздней историографии была воспринята как проявление грузинского национализма и грузинского национального самосознания, обеспокоенного судьбой грузиноязычного и родственного ему картвельского населения на территориях Южной Грузии и Лазистана, впоследствии оказавшегося в составе Турции.

В такой ситуации взгляд Н. Марра воспринимался как видение убежденного грузинского патриота, который «перед лицом великого прошлого своей страны... чувствовал себя маленьким, но разве он не был ее преданнейшим сыном, разве он не чтит ее заслуг перед культурой со всем вниманием историка» [4: 9]. Ученики, идеологические и академические наследники Н. Марра впоследствии подчеркивали, что именно он представил и предложил уникальную и всеобъемлющую программу изучения Лазистана в грузинских культурном, этнографическом и языковом контекстах, так как «наблюдал человека, его речь, его жилище, обиход. Этот человек по большей части говорил по-турецки, но часто выяснялось, что дома, в семье говорят по-грузински или что его отец и, особенно, дед хорошо знал грузинский язык. Физический тип свидетельствовал о грузинском происхождении; имя он носил турецкое, фамилию – грузинскую» [4: 10–11].

Именно поэтому К.Д. Дондуа, один из учеников Н.Я. Марра, подчеркивал, что его полевые заметки и дневники, составленные по результатам этнографических и языковых экспедиций в Южную Грузию и Лазистан в 1904 и в 1909 гг., представляют собой «непревзойденный образец

филологического лингвистического анализа, почти беспримерный в истории перевод гениально прощупанного текста, изученного в свете его реалий, как живой документ подлинной истории грузинской феодальной знати раннего Средневековья» [4: 21]. После смерти Марра его научное и академическое наследие, несмотря на сложности и противоречия восприятия на уровне советской науки в целом, оказалось интегрированным не только в интеллектуальную историю грузинской науки, в историю идей, в археологию идей грузинской этнографии и сравнительно-исторического языкознания, но и в более широкие контексты грузинского культурного и политического национализма. Благодаря деятельности Марра в первые годы XX в., которая была направлена на грузинизацию Лазистана, этот исторический регион был подвергнут интеграции в более широкие грузинские воображаемые культурные и исторические каноны, несмотря на то что позднее Грузия утратила фактический контроль над этими территориями. Тем не менее земли лазов, благодаря академическим штудиям, оказались глубоко интегрированными в качестве мест памяти в идеологию грузинского национализма.

Вторым источником являются записки Иосифа Алексеевича Кипшидзе о лингвистической экскурсии в Русский Лазистан, изданные в 1911 г. Анализируя ситуацию в Русском Лазистане в начале 1910-х гг., И. Кипшидзе указывал на то, что в прошлом регион в значительной степени был интегрирован в грузинские культурные, религиозные, этнические и языковые контексты. В своих путевых заметках И. Кипшидзе констатировал: «На три-четыре версты дальше Бордчихи от большого тракта отходит ветвь, которая, перейдя на левый берег Чороха, скоро вступает в ущелье реки Мургули, левое притока Чороха... у нижнего течения реки стоит старинный и почти вполне уцелевший одноарочный каменный мост, под ним сейчас совершенно сухо... вообще в этих местностях не редкость встретить развалины старинных мостов, крепостей и храмов, ибо, как известно, этот край, начиная с 8 века, занимал в строительном отношении чуть ли не первое место во всём Грузинском царстве» [2: 2]. Это делалось им сознательно и намеренно, с целью подчеркнуть в прошлом грузинский, картвельский этнический и культурный характер региона, который позднее стал турецким, а на момент его изучения являлся периферией Российской империи.

Столь активное и откровенное подчеркивание того, что в прошлом регион был преимущественно грузинским, свидетельствовало о росте исторического воображения в рамках грузинского национализма, который начинал открывать конфликтовать с имперской политической конъюнктурой. Если империя стремилась к ассимиляции Закавказья и его интеграции в социальные и культурные пространства Российской империи, то грузинские интеллектуалы, которые принимали активное участие в националистическом движении, ставили совершенно иные задачи, в основе которых лежала интеграция Лазистана

в символические и культурные пространства Грузии. Словно полемизируя со сторонниками имперского видения Закавказья, которые были склонны отрицать культурную самобытность региона, населенного, по их мнению, исключительно «инородческими племенами», И. Кипшидзе указывал, что развитие народного образования и просвещения содействует росту национального самосознания грузинского населения. В такой ситуации им подчеркивалось, что «в Мургули недавно открыта школа для детей окрестных жителей, главным образом грузин-мусульман. В школе обучают, кроме русского, грузинскому и турецкому языкам» [2: 3].

Поэтому И. Кипшидзе, как участник грузинского национального движения [3], с одной стороны, и как представитель российской академической науки – с другой, был вынужден подчеркивать одновременное софункционирование диаметрально противоположных тенденций в этническом и культурном развитии закавказских периферий, населенных носителями картвельских и тюркских языков. С одной стороны, как этнограф, посланный империей, и как исследователь, выполнявший миссию по изучению неимперского, но местного населения, И. Кипшидзе подчеркивал мультикультурный и многосоставный характер населения Лазистана. С другой – он не упускал возможности указать на преобладание именно грузинского элемента в этом регионе, что было своеобразной оппозицией имперской научной этнографии, сфокусированной на идеологически мотивированном и политически санкционированном изучении инородческого населения, представляя собой попытку подчеркнуть принадлежность территории Лазистана Грузии и его включенность в грузинское политическое и этническое пространство.

Таким образом, грузинские авторы действовали в системе организации науки, связанной с воспроизводством знания не о современных нациях, но об империях с центром и многочисленными инородческими группами в ее периферийных окраинах. Исследуя периферийные регионы империи, исходя из подобных методологических установок, грузинские авторы были вынуждены лавировать между конъюнктурой науки того времени и политическими требованиями, связанными с тем сообществом, к которому они формально и фактически принадлежали на региональном политическом и культурном уровне. Будучи представителями грузинской национальной интеллигенции и активистами грузинского национального движения, интеллектуалы тем не менее фактически оказывались в статусе конструкторов и изобретателей империи и имперского пространства, действуя на ее перифериях, населенных группами, которые следовало изучить, систематизировать, каталогизировать, локализовать и картировать в рамках сложившихся имперских иерархий в начале XX в.

Несмотря на такую формально негативную стартовую ситуацию, грузинские интеллектуалы смогли не только интегрировать полученные ими

результаты в общеимперский дискурс гуманитарного и этнографического знания, но и положить начало появлению и последующему развитию собственно грузинской независимой гуманитарной науки, связанной с изучением Закавказья с этнографической, языковой и культурной точек зрения. Таким образом, академическую активность грузинских интеллектуалов, проанализированную выше, мы можем рассматривать как одно из проявлений грузинского культурного национализма, который содействовал изобретению новых историографических традиций, связанных с интеграцией изучаемых объектов и субъектов в более широкие грузинские контексты.

В целом интеллектуальная и культурная активность грузинских интеллектуалов как представителей миноритарной группы в структуре Российской империи и характерных для нее формальных иерархиях имперского социума демонстрирует уникальный вариант адаптации и существования национального интеллектуального сообщества в рамках композитарного государства имперского типа, для которого сама идея нации была новаторской. Империя конструировала пространство в соответствии с собственными нуждами и интересами, трансформируя региональные сообщества и запуская в их рамках механизмы форсированной социальной, политической, культурной и экономической модернизации. Эти сообщества, представленные в грузинском случае элитами миноритарных групп, постепенно трансформировались не просто в этнические, но и в политические, частично гражданские нации, которые обладали собственной идентичностью, сформированной в том числе и в результате научной деятельности интеллектуалов. Подобная интеллектуальная активность стала важным шагом как для развития проекта имперской идентичности, так и для более адаптивных альтернатив, представленных национальными идентичностями отдельных современных наций Закавказья, что указывает на необходимость дальнейшего изучения проблемы в междисциплинарной перспективе.

Источники и литература

1. Канделаки Д., Ачаидзе М. Деятельность европейской интеллигенции в Грузии // Междисциплинарные исследования о европейской интеллигенции на рубеже XIX–XX вв. Пула, 2019. С. 58–65.
2. Кипишидзе И.А. Дополнительные сведения о чанском языке (Из лингвистической экскурсии в Русский Лазистан). СПб., 1911.
3. Кирчанов М.В. От грузинского дворянства к грузинской политической нации. История и археология идей грузинского национализма от традиционного общества к постсовременному миру. Воронеж, 2015.
4. Марр С. Поездка Н.Я. Марра в Южную Грузию (в Шавшети и Клардже-ти в 1904 году и в Лазистан в 1909 году). Тбилиси, 1949.

5. Новая имперская история Северной Евразии. Ч. 1: Конкурирующие проекты самоорганизации: VII–XVII вв. / под ред. И. Герасимова. Казань, 2017.
6. Новая имперская история Северной Евразии. Ч. 2: Балансирование имперской ситуации: XVIII–XX вв. / под ред. И. Герасимова. Казань, 2017.
7. *Anderson B.* Imagined Communities: Reflections on the Origin and Spread of Nationalism. London, 1983.
8. *Chaudet D., Parmentier F.* When Empire Meets Nationalism: Power Politics in the US and Russia. London, 2016.
9. *Goff Krista A.* Nested Nationalism: Making and Unmaking Nations in the Soviet Caucasus. Ithaca, 2020.
10. *Greenfeld L.* Nationalism: Five Roads to Modernity. Harvard, 1993.
11. Identities and Modernizations / ed. T. Buksinski. Berlin, 2013.
12. *Lang D.* A modern History of Georgia. London, 1962.
13. Nationalism and the Postcolonial / eds. S. Dinter, J. Marquardt. Leiden – Boston, 2021.
14. The Invention of Tradition / eds. E. Hobsbawm, T. Ranger. Cambridge, 1983.

Р.М. Султанбеков

ОТЧЕТ АКАДЕМИКА Д.Н. АНУЧИНА О ПОЕЗДКЕ ПО ДАРГИНСКОМУ ОКРУГУ КАК ИСТОЧНИК ПО СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ ДАРГИНЦЕВ

Статья посвящена анализу небольшого по объему сочинения Д.Н. Анучина «Отчет о поездке в Дагестан летом 1882 г., совершенной при содействии Императорского Русского географического общества» [1]. Дмитрий Николаевич Анучин – русский географ, антрополог, этнограф, археолог, музейевед, основоположник научного изучения географии, антропологии и этнографии в Московском университете, «создатель русской университетской географической школы» [2], заслуженный профессор Императорского Московского университета. Являлся почетным членом Императорской Санкт-Петербургской академии наук (1898), членом-корреспондентом Парижского антропологического общества (1879), действительным членом Итальянского общества антропологии и географии (1880), Американского антропологического общества в Вашингтоне (1883), почетным членом Королевского антропологического института в Лондоне (1897), членом Русского горного общества (1900). С 1916 г. – почетный член Императорского Московского университета [6: 29–31].

Книга «Отчет о поездке в Дагестан летом 1882 г., совершенной при содействии Императорского Русского географического общества» была издана в 1884 г. в Санкт-Петербурге в типографии А.В. Суворина небольшим тиражом. Она имела большой успех в научных кругах, в Русском географическом обществе дали высокую оценку результатам поездки академика Д.Н. Анучина в Дагестан. В дагестанской историографии «Отчет о поездке...» также нашел широкий отклик. Оценки наблюдениям Д.Н. Анучина даны в работах члена-корреспондента РАН Р.М. Мунчаева, академика Х.А. Амирханова, профессора Б.Г. Алиева, А.Дж. Магомедова и других исследователей. Из работ, непосредственно посвященных жизнедеятельности академика Д.Н. Анучина, следует отметить монографию Ю.Ю. Карпова. Непосредственно анализу и оценке сведений Д.Н. Анучина о поездке по даргинскому округу посвящена исследовательская работа А.Дж. Магомедова [3]. Автор обращает внимание на то, что Д.Н. Анучин хорошо известен «дагестанским ученым как археолог (разведка) и этнограф, оставивший в наследство интересные материалы о Дагестане» [3: 918]. Тем не менее он считает, что «недостаточно изучены заслуги Д.Н. Анучина по дагестанской тематике» [3: 918]. Пребывание Д.Н. Анучина в Кубачи и оценка его сведений нашли отражение в ряде публикаций этнографов, археологов. Так, Е.М. Шиллинг в 1949 г. в своей книге «Кубачинцы и их культура» писал о том, что в 1882 г. Д.Н. Анучин побывал в с. Кубачи и посвятил кубачинцам целую историко-этнографическую главу в вышедшей в 1884 г. специальной публикации [9]. Также об этом эпизоде написано и в монографии дагестанского исследователя М.М. Маммаева [4].

Несмотря на то, что в медийном пространстве, интернет-ресурсах достаточно уделяется внимания вкладу академика Д.Н. Анучина в изучение археологии, этнографии, дагестанская тематика остается малоизученной [4].

Первоначальная цель поездки академика заключалась в проведении археологической разведки, выявлении памятников каменного века на территории Дагестана. Организаторами поездки в 1882 г. в Дагестан выступили Московское археологическое общество совместно с Русским географическим обществом. Древняя история Кавказа, в частности Дагестана, в то время вызвала большой интерес в научных кругах России, особенно в том, что касалось каменных ущелий и пещер нагорного Дагестана, в надежде отыскать следы стоянок первобытных людей.

Однако в ходе поездки Д.Н. Анучин не ограничился только проведением археологической разведки, его интересовало буквально все, что было связано с фольклором и этнографией. В течение времени, отведенного на экспедицию, Д.Н. Анучин изучил более 20 пещер и гротов, но ни в одном из них не обнаружил следов деятельности первобытного человека. В своем отчете он писал, что «кроме исторических древностей, относящихся к определенным эпохам и народностям Кавказа, ...многие находки последних лет

заклучают в себе и богатые материалы для изучения доисторической культуры» [1: 1].

Наибольший интерес для нас представляет этнографический материал, собранный им в ходе поездки, в частности по Даргинскому округу. В его отчете упоминаются почти все крупные даргинские села, такие как Губден, Кадар, Урари, Кубачи, Акуша, Леваша, Урахи. Д.Н. Анучин кратко, но достаточно подробно дает описание традиций, обычаев, промыслов, жилья, одежды, народных поверий и сказок. Почти во всех населенных пунктах даргинцев свое описание он начинает с дома юзбаши (старшины) селения, где останавливался на ночлег. Называет имена старшин, их родословную, происхождение, что представляет несомненный интерес для современных исследователей истории и культуры Дагестана.

Так, в с. Губден Д.Н. Анучин «остановился в доме старшины Алибека» и отмечал, что «его дом дает понятие об обстановке зажиточного туземца» [1: 28]. Далее он пишет, что «комната, в которой мы остановились, имела два окна без стекол, между окнами камин, в стенах две ниши, обведенные черной каймой <...>. В нишах черная фаянсовая посуда, в промежутках между нишами висят металлические тазы и фаянсовые блюда; а еще ниже – оружие: ружье, шашки, пистолеты» [1: 28].

В описании с. Кадар Д.Н. Анучин отмечает, что «Гадар (или Кадар) – большой аул, расположенный на одиноко стоящей горе и знаменитый тем, что умел всегда (даже во времена Шамиля) отстаивать свою независимость... в Кадаре 7700 домов» [1: 30]. Здесь он записал легенду о взятии крепости Кадар завоевателем Тимуром, которая, как он отмечает, «несколько напоминает легенду о взятии Трои» [1: 30]. Очень интересны сведения об археологических памятниках Кадара. «В самом Кадаре находятся старинные кладбища... Я разрыл несколько могил, но не нашел в них ничего, кроме костей и обломков бронзовых колец и браслетов» [1: 31]. Он не придал значение этим находкам, поскольку задача стояла разыскать места стоянок первобытных людей каменного века. Сообщения Д.Н. Анучина – фактически первые документально зафиксированные сведения о могильниках с бронзовым инвентарем в Кадаре. Уже в советский период археологи исследовали эти памятники эпохи поздней бронзы в Аркасе, Кадаре, Мекеги [5: 24].

Далее Д.Н. Анучин дает сведения о социальном строе и зависимых отношениях внутри общества кадарцев: «Всех беков теперь насчитывается здесь десять, и предки их были правителями Кадара и окрестных сел... население оказывает им известный почет, и они пользуются некоторыми материальными преимуществами... имеют право на большие участки земли и даровую обработку их жителями» [1: 31]. Из текста сообщения Д.Н. Анучина четко просматривается социальная иерархия кадарского общества. Так, первым при распределении земель участок по выбору получал «старший бек Уцуми»,

затем следовали «младшие беки», далее «чанка беки», «судьи и кадии» [1: 31], остальные жители получали земли уже по жребью. Размер получаемой земли тоже был не одинаковым: так, «старший бек имел право на семь участков, младшие беки на два участка, чанки на один, судьи и кадии на два участка...» [1: 31].

Кадарские беки так же, как и беки Карабудахкента, Губдена, Эрпели, Каранае, были потомственными и не связанными с ханскими [5: 130]. Беки были полновластными хозяевами в своих владениях, имели охрану и считались неприкосновенными, взимали подати с подвластного населения. За право пастбы на принадлежащем ему выгоне бек взимал «с каждого хозяина, имеющего 30 баранов, – барана с барашкой» [1: 31]. Таковых в Кадаре, по сведениям Д.Н. Анучина, имелось «60 хозяев» [1: 31], следовательно, он получал «60 баранов и 60 барашек» [1: 31]. Кроме того, жители платили подать в размере «2 рубля с дыма, что составляет 1500 руб.» [1: 31].

Следующим пунктом маршрута поездки Д.Н. Анучина стал Кубачи, куда он направился из Левашы через Акуша-Урахи-Урари. Будучи специалистом в области географии и биологии, академик дает описание природно-климатических условий местности: рек, водоемов, горных пород, почв, растительности, животного мира и т.д. «Дорога на Акушу довольно удобная: небольшие подъемы и спуски. Местность безлесная: по пути встретились 2–3 маленькие речки. Местами на западе были видны снеговые горы» [1: 33]. К сожалению, он не приводит названия местностей, рек, возвышенностей, что затрудняет применение этих сведений в исследовательской работе.

При описании меловых шаровидных отложений из известняка Д.Н. Анучин ссылается на исследования Г.В. Абиha, немецкого геолога на российской службе, основоположника геологического изучения на Кавказе [10]. Из сведений об Акуше интерес представляет личность наиба Акушинского наибства «Кадила Баганда Муртазалиева»: «...акушинский набз заведует несколькими селениями, насчитывающими до 5000 дворов» [1: 34]. Интересный факт: «...большинство набзов – прапорщики милиции, и некоторые из них служили в конвое Его Величества... Кази-Баганд также пробыл несколько лет в Петербурге и получил в отставке чин прапорщика... он владеет несколькими языками: арабский, персидский, татарский и турецкий, неплохо говорит на русском» [1: 34]. Из текста узнаем, что «должность наиба почетна, от правительства он получает 600 руб., в его функции входит обязанность принимать вышестоящих начальников» [1: 34]. Происхождение же свое он ведет от «акушинских кадиев» [1: 34].

Знакомство с текстом сочинения создает впечатление, что Д.Н. Анучин либо копирует известные тезисы дореволюционных авторов о миграционной теории происхождения народов Дагестана, либо довольствуется сведениями, полученными от местных жителей. Так, он пишет, что «Акушинцы

производят себя от армян», а «цудахары – ...от грузин, аул Микахе – от евреев, Усиша – от русских, Кубачи – от французов» [1: 35]. Ошибочность этой теории была доказана в более позднее время советскими дагестанскими археологами. Объектом внимания исследователя также стала одежда и наряды акушинцев: «Женщины носят на голове красный платок, спускающийся назад в виде полотенца» [1: 36]. Особое внимание он уделил технологии изготовления «кизяка и его складыванию в аккуратные ряды вдоль стен дома» [1: 36].

Анучин указывает на факт социального расслоения в акушинском обществе, выделения сельской знати, использующей труд «батраков, которые получают обыкновенно в год 20–30 руб., на хозяйских харчах и одежде» [1: 36].

Судя по сведениям Д.Н. Анучина, следующий отрезок пути он проделал по территории сюргинского общества. Сюргинское общество было одним из крупных союзов сельских общин даргинцев – густонаселенная область, 52 селения и их отселков с общим числом населения 16 тыс. человек [8: 87]. Далее перечисляются сюргинские селения: Ургани, Цугни, Гулебки, – которые встретились по пути следования. Приехав в Урари, Д.Н. Анучин пишет, что «в Урахи», они приехали к вечеру и «остановились в доме местного наиба Нур-Деханда Алихаджиева... тип наиба не имеет ничего специфичного кавказского, это был плотный, красивый блондин... подобного которому можно встретить русских военных и артельщиков, с георгиевским крестом и тремя медалями» [1: 43]. Из особенностей социально-экономического развития сюргинского общества, отмеченных Д.Н. Анучиным, следует указать, что «земли в обществе мало», пахотный «участок земли 12 саб в горах стоит 100 руб.» [1: 43]. Далее он отмечает, что «собственного хлеба хватает 10–15 хозяевам, остальным только на 1–3 месяца», потому вынуждены закупать на деньги «вырученные от продажи баранов», а «самые бедные уходят на заработки» [1: 43], что свидетельствует о развитости отходничества.

Из промыслов, по сведениям Д.Н. Анучина, наибольшее развитие получило сукноделие: «Сукна (в кусках 10–15 аршин стоимостью 5–10 руб.) делается почти во всех домах, и отвозятся раз год двумя-тремя из жителей в Нуху». Интерес представляет сообщение Д.Н. Анучина о фольклорном празднике, который проводился в местности «Сутвукля Муза» в определенное время: «...в июне или июле» здесь сходились с даргинских селений «около 100 человек» и весь день «проводили в еде, плясках и скачках на призы» [1: 44].

В Кубачи Д.Н. Анучин также остановился в доме старшины. В селе он сразу же приступил к осмотру достопримечательностей аула в течение трех дней. Кубачинцы и их традиционная культура произвели на исследователя большое впечатление. По его словам, «вообще Кубачи принадлежит к числу наименее посещаемых местностей Кавказа, но зато сами кубачинцы, народ

весьма подвижный, в качестве оружейников, серебряников и медников расходятся по всем главным городам Кавказа» [1: 33]. Эти и другие наблюдения Д.Н. Анучина о кубачинцах мы сравнили с материалами посемейного списка кубачинского общества 1886 г. и убедились в достоверности этих материалов [9: 5–30].

Не остались вне поля зрения Д.Н. Анучина традиции кубачинцев по украшению интерьера комнат декоративными тарелками. Он указывает на особенности данного обычая кубачинцев, отмечая, что комнаты украшают и другие горцы, однако без особенного вкуса, а «у кубачинцев же и формы сосудов весьма оригинальны, и украшения их нередко художественны» [1: 58].

Поездка Д.Н. Анучина в Дагестан летом 1882 г., несмотря на то, что ему не удалось найти в здешних пещерах следы памятников каменного века, была в целом удачной. Во время 70-дневной поездки им был собран и издан в виде отчета интересный материал по этнокультуре, фольклору, народным промыслам многих даргинских сел (Губден, Кадар, Акуша, Урари, Кубачи).

Источники и литература

1. *Анучин Д.Н.* Отчет о поездке в Дагестан летом 1882 года, совершенной при содействии Императорского Русского географического общества. СПб., 1884.
2. *История Дагестана с древнейших времен до наших дней.* Махачкала, 1997.
3. *Магомедов А.Д.* Академик Д.Н. Анучин и его «Отчет о поездке в Дагестан летом 1882 года» // *История, археология и этнография Кавказа.* 2024. Т. 20. № 4. С. 918–924.
4. *Маммаев М.М.* Искусство Зирихгерана-Кубачи XIII–XV вв. и его место в системе художественных культур Востока и Запада. Махачкала, 2014.
5. *Постановления Совета Министров СССР от 10 августа 1948 года «Об увековечении памяти академика Д.Н. Анучина»* // *Вопросы географии.* Сборник 9. Ломоносовские чтения географического факультета Московского ордена Ленина государственного университета им. М.В. Ломоносова. М., 1948.
6. *Соловей Т.Д., Гутнов Д.А.* Анучин Дмитрий Николаевич // *Императорский московский университет 1755–1917 гг.: энциклопедический словарь.* М., 2010. С. 29–31.
7. *Султанбеков Р.М.* Общества Кубачинско-даргинского нагорья в XVIII – первой половине XIX в. Махачкала, 2013.
8. *Традиционные ремесла и культура Кубачи. Материалы посемейного списка 1886 г.* / авт.-сост. А.Дж. Магомедов. Махачкала, 2018.
9. *Шиллинг Е.М.* Кубачинцы и их культура. Историко-этнографические этюды (переиздание книги 1949 г.). Махачкала, 2012.
10. *Hermann Abich.* Aus Kaukasischen Ländern: Reisebriefe. Wien, 1896.

Т.В. Пантюхина

БОЛЬШОЙ КАВКАЗ РУБЕЖА XIX–XX вв. В ВОСПРИЯТИИ АНГЛИЙСКОЙ ПУТЕШЕСТВЕННИЦЫ

На рубеже XIX–XX вв. Кавказ постепенно утверждается в качестве важной туристической дестинации как для российских, так и для иностранных путешественников. Кавказ притягивал, как магнит, любителей экстремального отдыха, в частности альпинизма – нового вида спорта, стремительно набиравшего популярность в европейских странах в XIX в. Для английских альпинистов, покоривших во второй половине XIX в. все горные вершины Европы, Кавказские горы с их неисследованными и непокоренными пиками расценивались как новый вызов.

Произведения о Кавказе, принадлежащие перу английских альпинистов, выходят за рамки традиционной литературы путешествий. Многие их работы – это полноценные научные исследования, благодаря которым удалось составить подлинно научную карту Кавказа и продвинуть научное знание европейцев о регионе. Весомый вклад в изучение Кавказа внес Дуглас Фрешфильд, на счету которого два подробно документированных восхождения на Эльбрус и Казбек. Результаты своей экспедиции Фрешфильд изложил в двухтомной работе «Исследование Кавказа» [4]. Она до сих пор считается наиболее влиятельным исследованием Кавказа в англоязычной литературе [11: 126] и получила признание отечественных ученых [1: 126–220].

Более традиционный травелог о Кавказе оставил Ф.К. Гроув, один из первых президентов английского Альпийского клуба. В 1874 г. вместе с двумя англичанами он совершил путешествие пешком от Кутаиса до Сухума, а также поднялся на вершину Эльбруса. В книге «Морозный Кавказ», изданной в 1875 г., со свойственным английским авторам снобизмом Ф.К. Гроув отмечает, что «дикий», опасный Кавказ в будущем, возможно, будет облагорожен цивилизацией и притянет своей новизной путешественников, уставших от Швейцарии и Тироля. Он рекомендует Кавказ как идеальное место для сильных ощущений тем, кто увлекается активными видами отдыха и не боится трудностей и опасностей пребывания в диком, но прекрасном краю [6: 340]. Из других английских авторов, оставивших свои письменные впечатления о поездках на Кавказ на рубеже веков, упомянем книгу барона Аберкромби «Поездка по Восточному Кавказу» (1889 г.) [3] и Стивена Грэма «Бродяга на Кавказе» (1911 г.) [5].

Авторами абсолютного большинства травелогов являлись мужчины. Исключение составляют сочинения Агнес Герберт, в частности ее травелог «Случайности на Кавказе: дневник спортивного отпуска» [7]. Эта удивитель-

ная английская женщина осмелилась вырваться из predetermined ее полом и классом сферы домашней жизни и вторгнуться в мир мужских привилегий – путешествия. Причем Герберт, как правило, совершала эти путешествия без сопровождения мужчин, что считалось явлением недопустимым и вульгарным, шокирующим добропорядочных обывателей британского общества.

Справедливости ради следует заметить, что на рубеже XIX–XX вв. женщин-авантюристок, бросивших вызов общепринятым гендерным стереотипам, было уже достаточно. Уникальность Агнес Герберт в том, что она посягнула еще на один исключительно мужской домен – охоту на крупную дичь. Она была страстной охотницей. Среди ее трофеев были животные Африки и Северной Америки: носорог и лев, лось и гризли, барibal (черный медведь) и морж, но самый первоклассный трофей был добыт на Большом Кавказе – дагестанский тур. В поездке на Кавказ она совместила два главных увлечения своей жизни – путешествия и охоту.

До кавказских приключений Агнес Герберт совершила две охотничьи экспедиции в дальние страны. Вместе со своей кузиной Сесиль она ездила на сафари в Африку, а затем на Аляску. По итогам своих экспедиций Герберт издала травелоги «Две Дианы в Сомали» [10] и «Две Дианы на Аляске» [9]. Третью из своих охотничьих экспедиций она совершила на Кавказ. Компанию ей составили ее кузены Сесиль и Кеннет, которые, к счастью для нее, хорошо говорили по-русски, так как выросли в Петербурге. Эту поездку Агнес Герберт и описала в книге «Случайности на Кавказе: дневник спортивного отпуска» (1912). Название объясняется тем, что охота в то время считалась видом спорта, а охотники называли себя спортсменами. Написанная живым, образным языком с хорошей долей юмора книга не только завоевала популярность у современников, но и была переиздана в наше время [8].

«Случайности на Кавказе» во многом повторяют стереотипы и идеологемы травелогов других английских путешественников. Например, типичны описания неудобств дороги, почтовых станций и провинциальных гостиниц. Автор сетует на дороговизну тех мелочей, которые составляют комфорт, или «тех вещей, которыми хотелось бы себя побаловать» [8]; огорчается, что в России заваривают некрепкий чай; возмущается, почему на улицах больших городов и малых поселений горы гниющего мусора.

Агнес Герберт недоумевает по поводу российского таможенного законодательства и радуется тому обстоятельству, что оно не очень строго соблюдается. Согласно законам Российской империи, разрешался ввоз огнестрельного оружия, однако запрещалось провозить патроны к нему. Строгость закона компенсировалась не очень строгим досмотром на таможне. Герберт пишет, что они с кузиной «придумали хитроумные нижние юбки, куда поместился обычный арсенал, и в маленьких карманчиках, искусно зашитых,

тайно перевезли десятки патронов. Вес был ужасающим, и они торчали, как кринолины, но с этим ничего нельзя было поделать». Таможенники делали вид, что не замечали маленьких выпуклостей, бугорков и выступающих складок под одеждой странствующих спортсменов. Как законопослушная гражданка, Агнес испытывает некоторые уколы совести, но оправдывается: что поделаешь, «если в странах такие глупые законы!» [7: 9].

Как и все путешественники, А. Герберт восхищается красотой кавказских пейзажей: в книге много восторженных описаний разных ландшафтов. Вот одно из них: «Оказаться на рассвете в горах Дагестана – значит снова стать ребенком... Ощущение утреннего воздуха, аромат колышущихся трав, желание увидеть другую сторону каждой скалистой вершины – все это часть детского очарования, которое манит вас и зовет снова и снова. Это чудесно!» [7: 162]. С теплотой автор пишет о кавказском гостеприимстве. Где бы ни приходилось путешественникам останавливаться на отдых: в русском военном поселении, или на кошаре в горах Дагестана, или в охотничьем домике местных жителей, – везде их принимали как самых дорогих гостей [7: 92; 124–126; 145–146]. «Каждый путешественник, возвращаясь домой, с восхищением повторяет выученное в России русское слово “гостеприимство”. В нашем случае это побило все рекорды», – пишет Герберт, вспоминая, как в крошечной охотничьей хижине, состоящей из одной комнаты, хозяева уступили ее гостям, а сами расположились на ночлег в палатках [7: 146].

Описание охоты занимает значительное место в травелогe. Как писатель, пробивающийся в преимущественно мужской мир литературы путешествий, Герберт, очевидно, понимала, что внимание пресыщенного подобной литературой читателя может привлечь фокус истории, а именно тот факт, что главными героями были две женщины, отправившиеся в экспедицию, что ассоциируется с мужской бравадой. Из повествования о хождениях по горам, физически тяжелых даже для мужчин и зачастую рискованных, читатель убеждается, что Агнес и ее кузина Сесиль («две Дианы») были столь же целеустремленными, как и мужчины-охотники, когда дело касалось охотничьих трофеев. Герберт объясняет это своими природными наклонностями, ссылаясь на «настоящую ликующую радость погони, которую могут понять только те, кто ее испытал. Я не была бы человеком и охотницей, если бы вид этих двух великолепных зверей не пробудил в моем сердце страсть к спорту» [9: 139]. Она признает, что охотничий азарт не имеет гендерных границ: «Инстинкт преследования силен в каждом из нас и является частью великого замысла Природы. Я была так же полна жажды убийства, как и любой из них», – пишет Герберт, имея в виду мужчин-охотников [9: 145]. Однако это не означает, что «две Дианы» охотились таким же образом или с таким же отношением к делу, как мужчины.

В одном, что касалось местных жителей, и английские женщины, и мужчины были полностью солидарны. По их мнению, местные совершенно не разбирались в охоте. Это может показаться странным наблюдением о народах, которые на протяжении веков добывали пропитание охотой. И все же в этом заключается разница между охотой коренных жителей гор, которые вели натуральное хозяйство, и идеалом охоты как вида спорта, который сложился среди европейцев. В то время как для англичан азарт погони и добыча трофеев были столь же важны, а иногда и важнее, чем добыча пищи, для местных охотников весь процесс был сфокусирован на мясе. Поэтому Агнес и ее компаньоны не могли понять юзбаши в одном горном ауле Дагестана, который их приютил. Узнав, что после утомительного и неудачного дня охоты на тура англичане вернулись без трофеев и услышав, что они собираются продолжить на следующий день, юзбаши «предложил избавить нас от дальнейших хлопот, потому что у него во дворе было свалено сколько угодно турьих рогов, ему ненужных. Он предложил нам сразу же пойти и посмотреть трофеи и выбрать любые». Для настоящих охотников за трофеями это, конечно, означало бы упустить смысл всего мероприятия. Герберт с юмором описывает реакцию хозяина: «Наш щедрый друг совершенно не мог понять нас, когда мы отказались от такого лакомого предложения. Ситуацию упростил наш проводник Али, объяснив хозяину, что все англичане ненормальные, а эта группа безумнее других» [7: 171–172].

Герберт отмечает еще одну особенность, отличающую их от местных жителей. Поскольку для англичан охота была видом спорта, здесь также обязательны были правила спортивной этики. В частности, нельзя было наносить удар сопернику, если он находился в уязвимом положении, например не видел опасность. Она описывает одно любопытное происшествие в горах. По узкой тропинке навстречу путешественникам выбежал заяц и, увидев их, оцепенел от страха и не мог пошевелиться. Проводник Али, ехавший впереди, спрыгнул с лошади и, схватив камень, уже собирался нанести зайцу смертельный удар, когда Сесиль громким криком помешала этому. Заяц, воспользовавшись заминкой, убежал в лес. Всю дорогу Сесиль объясняла изумленному, сбитому с толку Али этику «закона спортивного шанса»: заяц не мог смотреть прямо перед собой из-за строения глаз, не мог видеть приближающуюся опасность, так что убивать его в такой ситуации было неэтично [7: 87–88].

Охота ради спортивного интереса есть явление необычное для юга России, отмечает автор. Тот, кто занимается этим, считается чудаком. Для иллюстрации она приводит где-то услышанную русскую поговорку «погоня хуже рабства». За время путешествия по кавказским горам им встретилась лишь пара русских охотников, приехавших, как и англичане, в горы за трофеями. Но и они оказались «другими»: великодушно показали и уступили

англичанам лучший участок для охоты на тура, чем их совершенно изумили [7: 146]. Более того, они оказались начисто лишены охотничьего тщеславия, по меркам англичан. Один день англичане и русские охотились вместе, разделившись на интернациональные пары. Для Агнес день оказался удачным: она подстрелила тура. Ее русский напарник радовался ее успеху больше нее самой. По возвращении он стал восторженно рассказывать об этом Кеннету, спутнику англичанок, но на середине рассказа остановился, чтобы дать Агнес возможность самой похвастаться своей победой. Кеннет так прокомментировал ситуацию: «Странные люди эти иностранцы! Англичанин в подобной ситуации повел бы себя совершенно иначе» [7: 146]. Культ успеха, индивидуального достижения, то, что являлось неотъемлемой чертой охоты как спортивного состязания для англичанина, было чуждо русскому охотнику.

В истории о приключениях «двух Диан» на Кавказе сочетаются живая наблюдательность с остроумием, поочередно язвительным и сдержанным. Герберт не обходит вниманием этнографическую составляющую любого травелога о Кавказе: описание внешнего вида, быта и нравов местных народов. Она признает, что ее предшественники оставили многочисленную литературу по этому вопросу, и часто ссылается на них. Например, в главе «Кавказ и его народы» она отсылает своего читателя за географическими и топографическими подробностями к книге Дугласа Фрешфильда «Исследование Кавказа». В ее собственных описаниях присутствуют традиционные характеристики: храбрые, воинственные горцы, трудолюбивые и неприхотливые; дикие и нецивилизованные, хотя и очень гостеприимные. Ее удивляет, что они довольствуются малым в своей повседневной жизни.

Интересным представляется сравнение на тему «мы» и «они». Герберт пишет: «В отличие от африканских аборигенов, горцы вовсе не завидовали нашим ружьям. Им нравились гораздо более обыденные вещи. Губка, плавающая в резиновом тазике, спиртовка с метиловым спиртом, испускающая голубое пламя, сачок для ловли бабочек вызывали у них крайнее восхищение и алчность». После такого, казалось бы, уничижительного описания она тут же продолжает: «Пожалуй, из всех их достоинств я больше всего желала обладать их безграничным хладнокровием и свободной, царственной, грациозной походкой. Это было их главным достоинством. Они шли так, словно весь мир лежал у них под ногами и полностью принадлежал им» [7: 171].

Герберт подробно описывает ритмы городской жизни крупных центров – Тифлиса и Владикавказа – и их жителей. В столице Грузии ее поразило всеобщее увлечение поэзией и обширные знания поэтического творчества, свойственные образованным жителям столицы. Приятно удивил англичанку тот факт, что местный театр ставил пьесы Шекспира [7: 48–50]. Тифлис произвел впечатление насыщенной светской жизнью: театры, концерты, балы. Истинным потрясением было узнать, что в Тифлисе издается бесчисленное

множество газет: «Не знаю ни одного места, где бы издавалось столько газет. Тифлис соперничает с Лондоном», – пишет она [7: 329].

Светская жизнь в Тифлисе похожа на лондонскую, отмечает Герберт. В летнюю жару общество разъезжается из города на курорты. Англичанам удалось застать начало светского сезона в сентябре, и он произвел на них впечатление. Женским взглядом Герберт замечает, что дамские наряды явно из новейших коллекций парижских и венских модельеров [7: 327]. Стоит отдать должное английской путешественнице: она признает, что аристократки тифлисского общества – безупречные красавицы. Сделав такое мужественное для любой женщины заявление, Герберт не может обойтись без «перчинки» в адрес красавиц: «У них безжизненные, ничего не выражающие лица» [7: 69–70]. Тифлисские красавицы великолепно танцуют: «Танцевать для них столь же естественно, как и ходить», – замечает автор. Популярны европейские бальные танцы, но любой бал заканчивается лезгинкой, при общем восторге всех присутствующих на балу. «В этой стране балалаек очень мало балалаек», – так автор комментирует бал в Тифлисе, подшучивая над стереотипом о России [7: 328–329].

Свое повествование о Кавказе Герберт завершает следующими словами: «Поезжайте на Кавказ! Но не ездите, если не сможете туда вернуться, когда он позовет. Кавказские горы будут преследовать вас, и звать, и молить, и манить» [7: 331].

Подводя итог, следует подчеркнуть, что травелоги рубежа XIX–XX вв. воссоздают образ Кавказа таким, каким он существовал в воображении английских путешественников. Как справедливо отмечал Д.С. Ткаченко, изучавший литературу путешествий о Кавказе первой половины XIX в., идеи, представлявшие в сознании путешественника «воображаемый Кавказ» зачастую были одинаковыми, со схожими стереотипами и идеологемами [2]. Этот воображаемый Кавказ был притягателен своей противоречивостью. На его вершинах можно было обрести нечто важное, как писал Д. Фрешфильд, но можно было многое потерять. Кавказ был местом, где перспектива эмоционального обогащения могла уравниваться перспективой трагического происшествия. Пребывание на Кавказе было равнозначно существованию на грани опасности, на границах цивилизации и норм морали, на предельном напряжении эмоций. Кавказ был местом для наслаждения непревзойденной красотой гор, неизведанным миром горских народов.

Источники и литература

1. Ильин А. Ушба // Известия Императорского Русского географического общества. Т. 19. СПб, 1883. С. 166–220.

2. Ткаченко Д.С. Путешествие по Кавказу в заметках российских и иностранных военных середины XIX века // Проблемы археологии и истории

Кавказа и Европы (к 70-летию С.Л. Дударева): междунар. сб. науч. ст. Армавир; Ставрополь, 2021.

3. *Abercromby H.J.* A trip through the Eastern Caucasus, with a chapter on the languages of the country. London, 1889. URL: <https://archive.org/details/atripthrougheas01abergoog> (дата обращения: 20.04.2025).

4. *Freshfield D. W.* The Exploration of the Caucasus. Vol. 1–2. London, 1896. URL: <https://archive.org/details/explorationofcau01fres> (дата обращения: 20.04.2025).

5. *Graham S.A.* Vagabond in the Caucasus: with some notes of his experiences among the Russians. London, 1911. URL: <https://archive.org/details/avagabondincauc00grahgoog> (дата обращения: 28.04.2025).

6. *Grove F.C.* The frosty Caucasus. London, 1875. URL: <https://archive.org/details/frostycaucasusa00grovgoo> (дата обращения: 28.04.2025).

7. *Herbert A.* Casuals in the Caucasus: the diary of a sporting holiday. London, 1912. URL: <https://archive.org/details/casualsincaucasu00herb/page/n5/mode/2up> (дата обращения: 20.05.2025).

8. *Herbert A.* Casuals in the Caucasus: the diary of a sporting holiday. London – New York, 2019.

9. *Herbert A.* Two Dianas in Alaska. London, 1909. URL: <https://archive.org/details/twodianasinalask00herbiala> (дата обращения: 18.05.2025).

10. *Herbert A.* Two Dianas in Somaliland: the record of a shooting trip. London, 1908. URL: <https://archive.org/details/twodianasinsomal00herbrich> (дата обращения: 18.05.2025).

11. *King C.* The Ghost of Freedom. The History of the Caucasus. Oxford, 2008.

Е.Ю. Оборский

ВОЗМОЖНОСТИ ПРИМЕНЕНИЯ КОНЦЕПЦИИ «СОЦИАЛЬНОГО ПРОСТРАНСТВА» А. ЛЕФЕВРА К ИЗУЧЕНИЮ ПОВСЕДНЕВНОЙ ЖИЗНИ ГОРОДОВ КАВКАЗСКИХ МИНЕРАЛЬНЫХ ВОД В 1920–1930-е гг.¹

Изучение повседневной жизни городов Кавказских Минеральных Вод в 1920–1930-е гг. показывает сложный конгломерат самых различных проявлений общественной, экономической, политической и культурной жизни.

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 241820073 «Городская повседневность южной провинции. Эволюция массового сознания и повседневные практики горожан Ставрополя и Кавказских Минеральных Вод в 1920-е – 1930-е гг.», <https://rscf.ru/project/24-18-20073/>

Общепринятый образ Пятигорска, Кисловодска, Ессентуков и Железноводска как городов-курортов при тщательном анализе фактически закрывает собой разнообразные формы бытия горожан. Коренные жители выступают как некий фон и обслуга огромной текучей массы отдыхающих и путешественников.

Одним из интересных методологических инструментариев, преодолевающих указанное противоречие, является концепция французского исследователя Анри Лефевра. Он пишет, что «понятие пространства связывает между собой ментальное и культурное, социальное и историческое» [4: 11]. Несмотря на разность процессов: открытие, производство и созидание социального пространства в разных измерениях, – А. Лефевром выделяется общая логика синхронности, «ибо любой пространственный механизм основан на соположении в сознании и на физическом совмещении элементов, чью синхронность производим мы» [4: 11].

Для исследования городов Кавказских Минеральных Вод важно уточненное А. Лефевром понятие «пространственная практика», которая «связывает в воспринимаемом пространстве повседневную реальность (временное проживание) и реальность городскую (маршруты и сети, соединяющие места работы, “частной” жизни и досуга). Это необычная связь, поскольку она включает в себя жесткое разграничение локусов, которые она соединяет» [4: 52].

Исходя из этих посылок, в повседневной жизни городов Кавказских Минеральных Вод можно выделить несколько пространств.

Главным пространством региона, конечно, является курортное. Именно в 1920–1930-е гг. были созданы основы санаторно-курортного лечения как сложной многоуровневой системы. Начало было положено знаменитым «Декретом о лечебных местностях общегосударственного значения» [1: 19], когда все курорты РСФСР стали собственностью государства. С 1922 г. в каждом городе был образован курортный городок, т.е. проводилось разграничение территории между курортным управлением и местными властями [3: 234–235]. Все здания, которые имели отношение к отдыху и лечению, национализировались, но главное – началось широкое строительство новых здравниц.

Флагманами становились санатории, созданные по уникальным проектам: в Ессентуках – санаторий им. Дзержинского по проекту архитектора А.А. Оля (ныне корпус санатория «Шахтер»), в Железноводске – «Ударник» по проекту архитектора И.А. Фомина (сейчас санаторий «Здоровье») и санаторий № 42 имени Героев Магнитогорска по проекту М.И. Мержанова (сейчас перестроенное здание входит в санаторий им. Кирова) [2: 77–78]. Венцом градостроительной мысли и жемчужиной курорта стал санаторий Наркомтяжпрома, ныне санаторий им. Г.К. Орджоникидзе в Кисловодске. Он изначально создавался как образцовый, своеобразный дворец здоровья,

в котором лечило сочетание климатических, лечебных и архитектурных условий.

К новым санаториям прибавлялись здания поликлиник, водных и грязе-лечебниц, благоустроенные маршруты терренкуров, новые бюветы и галереи минеральной воды.

Все построенные и благоустроенные элементы санаторного оздоровления являлись частью другого пространства – инфраструктурного, поскольку физически находились в городах, но у них было иное целеполагание. Они пересекались с повседневным пространством горожан в первую очередь как места работы, которые давали возможность получать регулярную заработную плату.

Другая часть этого пространства – дороги, водоснабжение, электрификация, зеленые насаждения, торговые точки и прочие элементы – также «работала» не только на курортников, но и на горожан. Однако непосредственно инфраструктурой занимались уже местные власти, только соприкасаясь с властями курортными. При этом общее впечатление о любом городе-курорте формировалось часто именно через каждодневное соприкосновение с грязью, темнотой, буераками, мусором (или позитивное восприятие в случае отсутствия таковых). Например, жители Пятигорска указывали депутатам городского Совета перед выборами 1934 г. «привести в культурный вид окраины, реконструировать и благоустроить бульвары и скверы; провести озеленение города; благоустроить городской сад, превратив его в парк культуры и отдыха, с превращением его в культурное место отдыха трудящихся» [5: 19].

О важности соответствующей инфраструктуры постоянно говорили сами отдыхающие и жители городов. Вот свидетельства из Ессентуков: рядом с домом отдыха «у входа – помойная яма. От этой помойки и от коровника стаи мух беспрепятственно перелетают в комнаты отдыхающих» [9: 6]. Или: «В парикмахерской РОККа около гостиницы “Ялта” (г. Ессентуки) мастера обращаются с посетителями грубо, в особенности в тех случаях, когда посетитель отказывается от одеколона, массажа» [10: 8].

Общей бедой всех городов Кавказских Минеральных Вод к середине 1930-х гг. было отсутствие даже одной больницы на весь регион, благоустроенных бань и прачечных. Канализационная сеть по каждому городу только проектировалась, в наличии была острая нехватка жилого фонда [8: 5]. Решены подобные проблемы были только после Великой Отечественной войны.

Важнейшей частью жизни всех городов Кавминвод было «колхозное» или, точнее, «сельскохозяйственное» пространство. Ессентуки и Железноводск получили статус городов только в 1920 г. Станица Кисловодская полностью вошла в состав города Кисловодска только в 1959 г., сохраняя свое сельскохозяйственное влияние.

В каждом из четырех городов-курортов в 1920–1930-е гг. было прочно обустроено сельское хозяйство через городские и пригородные колхозы и совхозы. В Пятигорске, например, в черте города в 1925 г. было пахотной, выгонной и сенокосной земли свыше 1500 десятин [7: 28]. Даже с учетом того, что это были окраины города, их жители уже стали горожанами. Получался уникальный статус – «колхозник/совхозник-горожанин». Горожане, занимавшиеся сельским хозяйством, реализовывали свою продукцию на специальных рынках и, безусловно, были важной частью бесперебойного снабжения продуктами курортников.

В Кисловодске и Пятигорске колхозное пространство получило еще дополнительное измерение в середине 1930-х гг. Эти города стали административными и досуговыми центрами. Именно тут проводились комплексные колхозные спартакиады и чемпионаты по разным видам спорта. Здесь находились Дома колхозника, ставшие центрами просвещения и методической агрономической помощи и выполнявшие функции гостиниц для временно приезжавших.

Фактически сельскохозяйственное пространство очень долго не позволяло формироваться городской культуре и городским формам повседневности в классическом виде.

Важной частью городской жизни этого периода стало детско-юношеское пространство. Оно включало в себя не только образовательную и воспитательную сферы, но и досуговую деятельность. Власти стремились полностью контролировать это пространство, ставя задачу создавать нового советского человека в новом социалистическом обществе.

Была создана новая система всеобщего школьного образования: постоянно росло число школ, выпускалась учебно-методическая литература. Содержание учебников и уроков контролировалось на всех уровнях: от разработки до воплощения. Формировалась целая сеть внешкольных научных и просветительских кружков, спортивных секций. Для этого строились соответствующие сооружения: от стадионов до квартальных детских площадок. В Пятигорске в 1936 г. в ведение городского отдела народного образования передали парк культуры и отдыха для создания в нем только детского парка. И в 1937 г. в нем уже были новые аттракционы, летняя площадка звукового кинотеатра [6].

Безусловно, такое деление на пространства фактически позволяет применить абстрагирование для решения научно-познавательных задач. Хотя многие пространства перемешивались и взаимодействовали. Можно выделять и другие пространства. Снабжение городов-курортов товарами народного потребления тесно увязывается с торговой сферой, а снабжение продуктами – с системой общественного питания. Продовольственное пространство пересекалось с сельскохозяйственным (производство продуктов),

с торговым (снабжение), с «общественно-питательным» (потребление) пространствами-системами.

В каждом из рассмотренных пространств можно выделить материальное (физическое) и идейное (духовное) наполнение. Строительство детских площадок несло опосредованную функцию контроля за детьми. Развитие канализации создавало общее ощущение чистоты и порядка. Новые здания санаториев и новое медицинское оборудование улучшали здоровье граждан, при использовании только собственных ресурсов. Бесперебойное снабжение продуктами, особенно во время голода, который накрывал регион дважды за период 1920–30-х гг., позволяло наладить круглогодичную работу курортов и создать ощущение постоянной заботы о своих гражданах.

Кратко обрисованные возможности применения подхода А. Лефевра для анализа городской повседневности показывают серьезный исследовательский потенциал. Города Кавказских Минеральных Вод в 1920–1930-е гг. были уникальным местом пересечения разнообразных пространств, часть из которых впоследствии исчезла.

Источники и литература

1. Декрет СНК о лечебных местностях общегосударственного значения // Декреты Советской власти. Т. V. 1 апреля – 31 июля 1919 г. М., 1971.
2. Ежегодник Общества архитекторов-художников. Вып. 13. 1930.
3. Кавказские Минеральные Воды. Хронология. 1803–2003 / сост. В.И. Михайленко, Э.В. Стативкин, В.Н. Вышинский, Ю.А. Лебедев. Пятигорск, 2003.
4. *Лефевр А.* Производство пространства. М., 2015.
5. Наказ избирателей Пятигорскому совету X созыва 1934 г. Пятигорск, 1935.
6. *Оборский Е.Ю.* Детско-юношеский досуг в 1930-е гг. на примере городов Кавказских Минеральных Вод // Гуманитарные и юридические исследования. 2024. Т. 11. № 3. С. 487–495.
7. Отчет Пятигорского городского совета рабочих, крестьянских, красноармейских и казачьих депутатов созыва 1924–25 гг. № 9. Пятигорск, 1926.
8. Северо-Кавказский большевик. Орган крайкома ВКП (б), оргкомитета Северо-Кавказского края и оргбюро ВЦСПС. Пятигорск. 1934. № 160. 9 сентября.
9. Северо-Кавказский большевик. Орган крайкома ВКП (б), оргкомитета Северо-Кавказского края и оргбюро ВЦСПС. Пятигорск. 1934. № 175. 27 сентября.
10. Северо-Кавказский большевик. Орган крайкома ВКП (б), оргкомитета Северо-Кавказского края и оргбюро ВЦСПС. Пятигорск. 1934. № 183. 8 октября.

Н.Ю. Кулиш

**«РАСКРЕПОЩЕННАЯ» ЧЕРКЕШЕНКА:
ПОРТРЕТЫ СТРОИТЕЛЕЙ НОВОЙ ЖИЗНИ В АДЫГЕЕ
(по материалам бюллетеня Адыгоргбюро РКП(б),
Адыгоблсполкома и Адыгоблплана за 1925 г.)**

В 1925 г. увидел свет бюллетень, вышедший в типографии Краснодара. Подготовлен он был совместными усилиями областного бюро партии, исполнительного комитета и областной плановой комиссии Адыгеи. В него вошли материалы, подытожившие трехлетие существования Адыгейской (Черкесской) автономной области: о развитии сельского хозяйства, животноводства, кооперации, решении вопросов здравоохранения, развитии национальной письменности, работе по просвещению населения, в том числе и политическому, о привлечении в комсомол и партию, о работе среди горянок и т.д. Помимо всеохватного и при этом емкого освещения изменений во всех сферах жизни области, бюллетень особенно примечателен вклейками с портретами черкешенок, уже к тому времени активно проявивших себя в партийной и общественной работе.

Среди них можно увидеть основательницу черкесских яслей – Шилехан Магометовну Бекух из аула Шенджий. Составители бюллетеня подчеркивали, что ее начинание было прорывом, первым подобным опытом не только в Адыгейской (Черкесской) автономной области, но и среди всех национальных областей Северо-Кавказского края [2: 128а]. Ясли активистка открыла прямо в собственном доме. Помимо того, женщина также вела активную агитационную и просветительскую работу с черкешенками родного аула и близлежащих населенных пунктов.

Жизненный путь Шилехан Бекух можно рассматривать как хрестоматийный образец реализации черкешенки в общественно-политических реалиях современности и на этом примере выявить механизмы, которые такой реализации поспособствовали.

Так, в 1924 г. Шилехан поступила в совпартшколу в Краснодаре, а после ее окончания направились на курсы горянок в Ростов-на-Дону. Затем она отучилась в Северо-Кавказском коммунистическом университете. По возвращении в Адыгею после учебы Шилехан начала свою карьеру в областном комитете партии, а затем была назначена заведующей отделом по работе среди работников и крестьянок Тахтамукайского района. Обладая опытом агитационной работы, она с энтузиазмом взялась за задачу повышения бытовой и политической грамотности женщин, подчас лично посещая и убеждая

не приходивших на занятия и собрания в необходимости обучения и рассказывая о его позитивном влиянии на их будущее.

Активная агитационная работа Шилехан Бекух поспособствовала увеличению числа женщин-черкешенок, вовлеченных в партийные и комсомольские организации. Собственный опыт Бекух демонстрирует, что этот процесс не был простым. Так, она вспоминала, что в Тахтамукае имела место ситуация, когда отец не разрешал дочери вступить в комсомол, хотя та очень хотела. Шилехан Магометовна пыталась убедить мужчину, что в рядах молодежи, строящей новую жизнь, его дочь будет счастлива, однако отец был непреклонен: и прогонял заведующую женотделом, и даже не раз бил палкой. Однако всё-таки впоследствии удалось принять девушку в комсомол, более того, она стала одной из активисток ячейки.

Это был далеко не единичный случай. В Шенджие однажды к Шилехан Магометовне прибежали сестры Гошехан и Дахагуаш Батмен. Они рассказали заведующей женотделом, что хотят вступить в комсомол вопреки желанию родителей, и добились своего, став проводниками политики партии в деревне [1: 2].

В 1926 г. Шилехан Бекух избрали во Всероссийский центральный исполнительный комитет (ВЦИК), она активно участвовала в региональном управлении, будучи депутатом краевого Совета Северного Кавказа и членом Президиума исполнительного комитета областного Совета.

Во время коллективизации Ш.М. Бекух активно агитировала население вступать в колхозы, несмотря на противодействие кулаков, которые оказывали давление на бедняков и активистов, уговаривали и угрожали. Она не боялась разоблачать их действия. За такую принципиальность и активное участие в коллективизации Ш.М. Бекух однажды даже подверглась нападению – ее жестоко избили после собрания в ауле Шенджий. Однако этот инцидент не сломил ее: Шилехан старалась сделать еще больше, вовлекать черкешенок в общественно-политическую работу, помогать им, в том числе и в получении образования.

Шилехан Бекух уделяла большое внимание борьбе за равноправие, особенно в отношении избирательных прав женщин. Во время предвыборной кампании конца 1920-х гг. она активно просвещала женщин, подчеркивая их равное право с мужчинами избирать и быть избранными. Подтверждением ее усилий на этом направлении служит случай, произошедший на собрании в ауле Афипсип: «В день выдвижения кандидатов в депутаты, – вспоминала Шилехан, – в Афипсипе, в клубе, собралось много женщин. Это очень обрадовало меня. Но когда уже началось собрание, один мужчина соскочил и закричал: “Женщинам здесь не место! Пусть они дома варят кашу. Что, пришли заглядывать в рот мужчин и поучать их? Не выйдет! Уходите!” Женщины решили было покинуть зал, но тут я их остановила.

Объяснила законы советской власти, потребовала, чтобы его удалили. Мужчину заставили признать свою ошибку и извиниться. Женщины остались. Провели собрание» [1: 2].

Помимо Шилехан Бекух, в бюллетене также упоминаются Галима Куадже и Мин-Кутас Зачериевна Азаматова, которые в 1925 г. были курсантками Донской совпартшколы. Г. Куадже, кроме того, являлась еще и кандидатом в члены партии, а также была известна как активная и деятельная работница среди женщин [2: 128а]. А М. Азаматова, будучи еще подростком (в 1924 г. ей было всего 17 лет), очень рвалась на учебу в совпартшколу. Тогда она решила втайне от родителей уехать в Краснодар. Завершив обучение в Донской совпартшколе, Азаматова два года проработала в женотделе райкома аула Хакуринохабль [3].

В 1928 г. М.-К.З. Азаматова была направлена на учебу в Коммунистический университет трудящихся Востока имени И.В. Сталина. После его окончания на протяжении десяти лет работала в Адыгейском обкоме партии, была активисткой женского движения в Адыгее. Однако наиболее значительный вклад она внесла в развитие культуры и науки Адыгеи. М.-К.З. Азаматова по сей день считается одной из самых известных женщин Адыгеи XX в. Она стояла у истоков послевоенной реконструкции Областного краеведческого музея (ныне – Национальный музей Республики Адыгея) и восстановления его утраченного фонда, возглавляла музей в период 1949–1964 гг. Позднее, с 1964 г., работала научным сотрудником в Адыгейском научно-исследовательском институте. Сферу ее научных интересов составляли материальная культура и религиозные верования адыгов. Из-под ее пера вышло несколько книг по этой проблематике: «Адыгейский народный орнамент» (1960), «Адыгейские блюда» (1971), «Адыгейская кухня» (1979).

На страницах бюллетеня также рассказывается и о Готагогу Кадырхан – члене Российского ленинского коммунистического союза молодежи (РЛКСМ), активной работнице среди черкешенок, окончившей курсы горянок в Ростове-на-Дону, о Сенок Богус – одной из членов сельсовета аула Габукай. При этом для сравнения приводятся статистические показатели: отмечается, что в 1924 г. черкешенок среди членов сельсоветов Адыгеи было всего 4, в 1925 г. – уже 29.

Большинство уже неоднократно упоминавшихся в тексте черкесских активисток стали делегатами Первого краевого съезда горянок Северного Кавказа в Пятигорске, состоявшегося в 1925 г. С фотографии, помещенной в бюллетене, на нас смотрят Капралова – заведующая женотделом Адыгейской (Черкесской) автономной области, уже упомянутые Куадже и Азаматова; Меретукова из аула Кошехабль, Довлетхан из аула Тахтамукай, Бекух из аула Шенджий и ряд других активисток. Всего на фотографии 21 женщина – делегат съезда.

Таким образом, бюллетень позволяет поближе познакомиться с эталонной «раскрепощенной» черкешенкой-активисткой – образованной, подкованной в политических вопросах и стремящейся к дальнейшему развитию в общественной и социальной сферах. В издании можно встретиться с такими черкешенками буквально лицом к лицу – их фотографии поистине ценны своей уникальностью, тем, что на них зафиксированы черкесские активистки. Это материалы для дальнейшего изучения как широким кругом читателей и интересующихся, так и научным сообществом: историками, краеведами и другими специалистами.

Источники и литература

1. Большая жизнь Шилехан Бекух // Согласие. Общественно-политическая газета Тахтамукайского района Республики Адыгея № 17. 11 марта 2022 года. С. 2. URL: <https://gazetasoglasie.ru/wp-content/uploads/2022/03/11-март-2022-г..pdf> (дата обращения: 03.03.2025).
2. Советская Адыгея. Бюллетень Адыгоргбюро РКП(б), Адыгоблисполкома и Адыгоблплана. Вып. 1. Краснодар, 1925.
3. Черкешенка Мин-Кутас Зачериевна Азаматова – одна из самых известных женщин Адыгеи XX века // Адыгея – НатПресс: национальное агентство новостей. 19 ноября 2024 г. URL: <https://natpress.net/index.php?newsid=102> (дата обращения: 03.03.2025).

А.А. Татаров

САМОРЕФЛЕКСИЯ В АНГЛОЯЗЫЧНОЙ ИСТОРИОГРАФИИ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ: ПРОБЛЕМА СОВЕТСКО-ГЕРМАНСКОГО ФРОНТА

Цель исследования состоит в анализе саморефлексии западной историографии в контексте вопроса о недооценке роли Восточного фронта Второй мировой войны (ВМВ) в англоязычных трудах. Наибольшее внимание уделено периоду с начала перестройки до начала 2000-х гг. Доминирование западногерманских подходов к войне, использование немецких источников без учета советских данных, влияние духа и наследия холодной войны и другие факторы, отмечаемые англоязычными аналитиками, весьма показательны для понимания особенностей исторической политики западных стран по принижению вклада советского народа в победу над нацизмом.

В нашей стране укоренился образ среднестатистического западного исследователя Второй мировой войны как сторонника идеи об англо-американской

победе над нацизмом. Такое восприятие отражает взаимосвязь политической повестки, международных отношений и национальных школ историографии.

Эпоха холодной войны отмечается острыми дискуссиями между советскими и «буржуазными» историками. Отечественные эксперты по зарубежной историографии Второй мировой войны (Б.И. Марушкин, Н.Н. Яковлев, Г.Н. Реутов, О.А. Ржешевский, А.Н. Мерцалов и др.) подчеркивали не только фальсификационные черты и политизированность западных трактовок, но и стремились заглянуть вглубь критериев дифференциации. То, почему одни специалисты по Второй мировой войне придерживались очевидного антисоветского тона, а другие стремились к большей объективности, объяснялось связью с классовой принадлежностью и политической ориентацией, источниковой базой и профессиональными интересами исследователя.

Политическая игра Запада вызывала ответную реакцию по ту сторону «железного занавеса». В качестве примера можно вспомнить статью А.С. Якушевского (1981 г.), в которой подчеркивалось усиление попыток иностранных историков «бездоказательно обвинить Советский Союз в проведении “экспансионистской политики” в 1939–1941 гг.» на фоне начавшегося Афганского конфликта [2: 48]. Чтобы продемонстрировать читателям несостоятельность такого подхода, автор обратился к малоизученной в то время проблеме англо-французских планов по уничтожению советской нефтяной промышленности на Кавказе в 1939–1940 гг.

К концу 1980-х гг. недооценка значения Восточного фронта Второй мировой войны оказалась достаточно заметной проблемой, чтобы побудить западных историков разобраться в причинах такого положения. Ослабление «железного занавеса» позволило им в новом свете увидеть расхождения их и советских трактовок, гиперболизацию англо-американского вклада в победу над Германией. Эти вопросы ставились, например, на первом советско-американском коллоквиуме по проблемам истории Второй мировой войны в октябре 1986 г. в Москве. Принявший в нем участие американский военный историк, научный руководитель отдела по изучению Советской армии в Центре объединенных родов войск армии США Д. Глентц (в настоящее время указывается как Гланц) в своем докладе, переведенном позднее на русский язык для журнала «Вопросы истории», отмечал заметный дисбаланс в освещении войны Германии на Востоке и на других фронтах в трудах 1940–1950-х гг. Авторы опирались на немецкие источники, и лишь вовлечение в оборот советских данных позволило начать преодоление некоторых неверных интерпретаций. Тем не менее, считал историк, во многом из-за хорошо укоренившегося немецкого видения войны антисоветский тон сохранял прочные позиции [1: 38–39].

Для понимания немецкого видения войны достаточно ознакомиться с мемуарами и исследованиями из Западной Германии, искажавшими картину оккупации на Северном Кавказе в 1942–1943 гг. За недолгий период регион понес огромные демографические и экономические потери, о чем свидетельствуют многочисленные опубликованные данные. Вопреки этому в своих воспоминаниях немецкий дипломат, работавший в отделе абвера штаба командования сухопутных войск Германии Х.-Х. Херварт фон Биттенфельд, сопровождавший генерала кавалерии Э. Кестринга, уполномоченного по вопросам Кавказа при группе армии «А» на Северном Кавказе осенью 1942 г., отмечал: «Новая политика... дала поразительные результаты. Не было ни партизан, ни случаев саботажа. Область была спокойна. Усилия Клейста и Кестринга принесли плоды» [3: 231]. Крупный архивист и убежденный антисталинист, немецкий военный историк Й. Хоффманн рассматривал северокавказскую оккупационную политику как успешную и позитивную [7: 305], на которую местное население отреагировало со «спонтанной сердечностью» [6: 444].

Идеологические препятствия и ограничения доступа к альтернативным источникам и исследованиям из СССР блокировали более объективные подходы ко Второй мировой войне на Западе. Как подмечает Д.М. Глентц, вплоть до конца 1950-х гг. практически все труды по Восточному фронту на английском языке были написаны либо немецкими авторами, либо исключительно на базе немецких источников [1: 33]. Специалист по истории тыла и пропаганды США в период Второй мировой войны из университета Майами А.М. Винклер считает, что до 1970–1980-х гг. причиной слабого внимания американских историков ко Второй мировой войне служил их повышенный интерес к холодной войне [11: 5]. По мнению британского военного историка и специалиста по вооруженным силам СССР Дж. Кигана, советские работы рассматривались как продукты марксистской историографии и не пользовались доверием на Западе [8: 41].

Не говоря уже про преодоление идеологических препон, для углубления в проблемы Восточного фронта англоязычному специалисту следовало обладать определенными навыками и данными. Военный историк из Эдинбургского университета Дж. Эриксон, в двух томах описавший военные операции на Восточном фронте, выучил русский язык и приобрел необходимые знания о советской специфике, будучи офицером внешней разведки в послевоенной Великобритании. Сведения британского журналиста и эксперта по Восточному фронту Второй мировой войны А. Верта отличаются глубиной во многом за счет его личного общения с представителями советского командования и посещения СССР в 1940-х гг. Наконец, то, что Д.М. Глентц и специалист по военной истории из университета Калгари А. Хилл сравнительно объективно раскрывали роль Красной армии и Восточного фронта

в победе над Германией, не случайно. Оба владеют русским языком, используют в своих текстах русскоязычные документы и труды, а также поочередно возглавляли редакцию журнала "The Journal of Slavic Military Studies" (до 1993 г. – "The Journal of Soviet Military Studies").

В 1990-х гг. появилось окно диалога и определенного оптимизма между зарубежными и отечественными историками. Дж. Киган предположил, что советско-германский фронт в долгосрочной перспективе будет признан центральным событием ВМВ, но пока остается в западной науке наименее исследованной ее частью [8: 41]. Один из ведущих британских экспертов по биографии Гитлера и истории нацистской Германии Я. Кершоу, называя Великую Отечественную войну «эпицентром Второй мировой войны», полагал, что распад СССР открыл новые технические возможности для преодоления пренебрежения: «[У]дивительно, как мало даже сейчас известно на Западе об этом фронте. Неудивительно, что акцент здесь делается на войне, которую вели британские и американские союзники» [9: 7].

Еще одним продуктом осмысления интерпретаций событий Второй мировой войны в западной исторической науке стало положение о неизбежности противоречивых официальных версий, которые специалист по фашизму из университета Западной Австралии Р.Дж.Б. Босворт обозначает как истории «различных Вторых мировых войн» [4: 516]. Некоторые более поздние мнения обращают внимание на сложившийся набор тактических инструментов занижения важности Восточного фронта, включающий преувеличение роли морских и воздушных операций США и Великобритании [10: 568] или их мемориальные комплексы и памятные мероприятия с идеологическим посланием без упоминания вклада остальных союзников [5: 1].

С учетом вышеизложенного становится еще очевиднее, что современные отечественные историки должны осознавать высокую важность ответственности и готовности при выстраивании конкурентоспособной исторической политики. Нет необходимости излишне обосновывать ведущий вклад СССР в победу над нацизмом, который выразился в масштабах героизма и жертв советского народа. Но стоит непреложно изучать тактические и историографические основы тех зарубежных исследований, которые занижают роль Великой Отечественной войны.

Источники и литература

1. Глентц Д.М. Представления американцев об операциях на Восточном фронте в годы Второй мировой войны // Вопросы истории. 1987. № 8. С. 28–48.
2. Якушевский А. Агрессивные планы и действия западных держав против СССР в 1939–1941 гг. // Военно-исторический журнал. 1981. № 8. С. 47–57.
3. Bittenfeld H.-H. *Herwarth von. Against Two Evils*. New York, 1981.

4. *Bosworth R.J.B.* Nations Examine Their Past: A Comparative Analysis of the Historiography of the «Long» Second World War // *History Teacher*. 1996. Vol. 29, No. 4. P. 499–523.
5. *Davies N.* Europe at War 1939–1945: No Simple Victory. London, 2006.
6. *Hoffmann J.* Kaukasien 1942/43: Das deutsche Heer und die Orientvolker der Sowjetunion. Freiburg, 1991.
7. *Hoffmann J.* Stalins Vernichtungskrieg 1941–1945. München, 1995.
8. *Keegan J.* In The Battle for History: Re-fighting World War II. New York, 1996.
9. *Kershaw I.* Foreword // *Rees L.* War of the Century: When Hitler Fought Stalin. New York, 1999. P. 7–8.
10. *Lak M.* Contemporary Historiography on the Eastern Front in World War II // *The Journal of Slavic Military Studies*. 2015. No. 28 (3). P. 567–587.
11. *Winkler A.M.* World War II Homefront: A Historiography // *OAH Magazine of History*. 2002. Vol. 16. No. 3. P. 5–8.

А.А. Тимошенко

МУЗЫКАЛЬНОЕ КАВКАЗОВЕДЕНИЕ В РОССИЙСКОМ ИНСТИТУТЕ ИСТОРИИ ИСКУССТВ (органологические исследования)

Становление Санкт-Петербургской инструментоведческой школы в стенах Российского института истории искусств теснейшим образом связано с развитием этноорганологии – науки, объектом которой являются народные музыкальные инструменты и традиционная инструментальная музыка. Началом научного систематического изучения традиционных музыкальных инструментов народов Российской империи во второй половине XIX – начале XX в. стала деятельность плеяды исследователей из самых разных областей знания – среди них инженеры, кадровые военные, этнографы, композиторы, филологи, историки, государственные чиновники разных рангов, меценаты, представители аристократического сословия, путешественники. Со второй половины XIX в. активно шли исследования в регионах Средней Азии, Кавказа, Поволжья, Сибири. Особую роль в этом процессе сыграли такие значимые для отечественной музыкальной науки фигуры, как А.С. Фаминцын, С.Г. Рыбаков, А.Л. Маслов, А. Эйхгорн, В.Е. Чешихин, Н.И. Привалов; изучавшие традиционные культуры Кавказа И.Е. Попов, И.В. Липаев, Е.А. Багдасарянц, В.Д. Корганов, Д.И. Аракчиев (Аракишвили) и др.

Данные о народных инструментах и исполнительских традициях народов Кавказа в числе прочих традиций народов Российской империи, их изучение, систематизация стали целью научной и издательской деятельности известного

музыкального деятеля, критика, издателя Н.Ф. Финдейзена [2], основателя и главного редактора «Русской музыкальной газеты» (1894–1918), публиковавшего на ее страницах доклады В.Д. Корганова, Д.И. Аракишвили о музыке народов Кавказа, приобретавшего у своих кавказских информантов аутентичные музыкальные инструменты, которые впоследствии составили фонды коллекции музыкальных инструментов Музея придворного оркестра (с 1921 по 1928 г. – Музыкально-исторический музей Петроградской (Ленинградской) государственной филармонии), с 1940 по 1991 г. – Музей-выставка музыкальных инструментов Ленинградского института театра, музыки и кинематографии (ЛГИТМиК), ныне – Музей музыки в Шереметевском дворце, филиал Музея театрального и музыкального искусства).

В первые годы советской власти в стране целенаправленно создавалась система научных, образовательных и культурных учреждений (научные институты, вузы, средние специальные учебные заведения, школы искусств, дома народного творчества), формировалась культурная политика, направленная на сохранение и развитие национальных музыкальных традиций. К этому периоду относится и возникновение ныне празднующего свое столетие Абхазского института гуманитарных исследований имени Д.И. Гулиа Академии наук Абхазии (1925 г.), а также созданного в 1928 г. в Самарканде Государственного института музыки и хореографии, в дальнейшем переведенного в Ташкент и известного как Институт искусствознания им. Хамзы Хаким-заде Ниязи (с 2009 г. – Институт искусствознания Академии наук Республики Узбекистан). Активная деятельность сотрудников этих учреждений и многих других ученых этого времени, их огромный труд по собиранию музыкальных инструментов, записи народной инструментальной музыки и ее транскрипции такими учеными, как В.А. Успенский, В.М. Беляев, А.А. Семёнов, Уз. Гаджибеков, А.М. Авраамов, И.С. Цей, Б.А. Галаев и другими, способствовали развитию этноинструментоведения в СССР.

Поступившая в ведение Российского института истории искусств в начале 1940-х гг. коллекция музыкальных инструментов, насчитывавшая сотни этнических музыкальных инструментов, стала научной базой и рабочей лабораторией существовавшего в Институте сектора инструментоведения и основой его главного труда – Атласа музыкальных инструментов народов СССР (1963 г.), удостоенного правительственной награды – премии им. М.И. Глинки.

Этот фундаментальный труд, с одной стороны, стал результатом этапа развития этноорганологии в России, начавшегося еще в середине XIX столетия, с другой – обозначил перспективы развития науки на несколько десятилетий вперед. Задачей Атласа стало органологическое описание наиболее репрезентативных музыкальных инструментов народов СССР, выявление их общности «как следствия этнического родства и многовековых исторически сложившихся культурных связей между народами Советского Союза» [1: 8].

Получив возможность знакомства со столь широким этнографическим материалом, исследователи создали уникальный свод музыкальных инструментов большей части Евразийского континента, позволивший наглядно увидеть типологические сходства, реликты родства между музыкальными традициями народов Прибалтики, Восточной Европы, Кавказа, Средней Азии, Сибири, Алтая.

Авторы Атласа поставили перед исследователями последующих поколений задачу более подробного изучения отдельно взятого инструмента и исполнительской традиции, с ним связанной, дальнейшее изучение межэтнических связей народов евразийского культурного пространства. Сложно представить, что этот титанический труд был осуществлен силами всего лишь трех исследователей: заведующего сектором К.А. Верткова, Э.Э. Язовицкой и Г.И. Благодарова. Конечно, он создавался в сотрудничестве с целой армией информантов и консультантов на местах – исследователей и собирателей народных инструментов, музыкантов, мастеров по изготовлению музыкальных инструментов, руководителей творческих коллективов, ученых республиканских НИИ, педагогов консерваторий. Неоценимую помощь в создании разделов, посвященных музыкальным инструментам Кавказа, оказали авторам Атласа Д. Аракишвили, К. Караев, Г. Гасанов, А. Петросянц и многие другие. Ленинградские ученые и сами выезжали в экспедиции в различные республики и области для знакомства с народными музыкантами, мастерами-изготовителями музыкальных инструментов, уточнения сведений о музыкальных инструментах, ареалах и особенностях их функционирования. История создания Атласа как история научных контактов между учеными и мастерами искусств достойна стать темой отдельного исследования.

Музыкальный инструментарий народов Кавказа составлял четвертый, наиболее обширный раздел Атласа. Его автором была Эльза Эдуардовна Язовицкая. В разделе представлено более 170 музыкальных инструментов – среди них азербайджаские¹, армянские², грузинские³, абхазские⁴,

¹ Духовые: мусигар, нэй, тутек, баламан, зурна; струнные щипковые: саз, тар, уд, канун; смычковые: кеманча; ударные: гоша нагара, кус, дяф, нагара, думбек, кяман, гымро, халхал, зиндж [1: 107–116].

² Духовые: базмапох сринг, блул, швик, сусук, пепук, тутак, пку, паракапзук, дудук, зурна, пох; струнные щипковые: саз, чанкюр, тар, уд, канон; смычковые: кямани, кяманча, джутах; ударные: сантур, даф, гос, нагара, дапликя, доол, цнцха, ерранкюн [1: 117–123].

³ Духовые: ларчеми, уэно-саламури, буль-буль, саламури, дудуки, зурна, ствири, гу-даствири, чибони, бузика, хоротото (савхвири, санкэр), буки; струнные щипковые: пандури, чонгури, чанги, эбани, кнари, тари; смычковые: кеманча, чианури, чунири, сантури; удраные: дайра, диплипито, доли [1: 124–131].

⁴ Духовые: ачарпын, ашырышър, ачби, ашьамшиг, акабакхуци, амырзакан, абык; струнные щипковые: аюмаа, ахымаа, ачангур, пандури; смычковые: апыарца; ударные: адаул, доли, аиньага, ачар, акунджьапхьарца [1: 132–135].

аджарские¹, североосетинские², адыгейские³, карачаево-черкесские⁴, кабардино-балкарские⁵, дагестанские⁶, чечено-ингушские⁷ духовые, струнные и ударные инструменты. Во вступительной статье К.А. Верткова сообщается, что исследования позволили выявить две главные подгруппы музыкальных инструментов – закавказскую и северокавказскую, находящиеся по разные стороны Главного Кавказского хребта и имеющие свой набор инструментов сходной конструкции. В самом разделе приводится органография инструментов (морфология, эргология, звукоряд, способы держания и звукоизвлечения), исторические сведения об исполнительских традициях и современном бытовании, информация об исполнителях и современных коллективах. Несмотря на обобщающий характер материалов Атласа, его научная ценность и сегодня высока: его появление во многом подготовило «органологический взрыв» (И.В. Мацеевский) 1960-х гг., проявившийся в создании большого количества исследований о народных музыкальных инструментах и исполнительских традициях народов СССР [3]. Сектор инструментоведения с выходом Атласа приобрел статус не только одного из ведущих европейских научных центров органологии, но и всесоюзного центра подготовки кадров высшей квалификации, куда приезжали специалисты из всех республик и регионов страны. Известно, например, что выдающийся ученый, основатель абхазского этноинструментоведения И.М. Хашба, создавая свой труд «Абхазские народные музыкальные инструменты» (1967 г.), приезжала в начале 1960-х гг. в Ленинградский государственный институт театра, музыки и кинематографии для консультаций с сотрудниками секторов инструментоведения (прежде всего – с Э.Э. Язовицкой) и фольклора (с И.И. Земцовским), а также для работы с коллекцией абхазских народных инструментов, хранившейся

¹ Духовые: чабан саламури, кавали, саственелай, сапрацуна, ствири, зурна, чибони, гармони; струнные щипковые: пандури, чонгури, сази; смычковые: арданучи, кеманча, чианури; ударные: депи, доли, давли [1: 135–137].

² Духовые: уадынз, стили, лалым-уандыз, ирон-кандзал-фандыр, фидиог; струнные щипковые: дала-фандыр, дуадастанон, смычковые: киссын-фандыр; ударные: гумсаг, карцганг [1: 138–140].

³ Духовые: камыль, пшинэ, бжами; струнные щипковые: апепшинэ, пшинэтарко; смычковый: шичепшин; ударные: шонтринэ, пхачич [1: 141–142].

⁴ Духовые: сибизга, нуупу, гыбыт-кобуз, кобуз; струнные щипковые: пшедегкуакуа, дунгыртыу; смычковый хамлач; ударный саткрациало [1: 142–143].

⁵ Духовые: бжам, балабан, накурэ, дудук, пшинэ; струнный щипковый: пшина-дыкуако; смычковый: шича-пшина; ударные: бубен, барабан, пхачич [1: 143–144].

⁶ Духовые: ксюл, кшул, симси, балабан, куша балабан, ясти балабан, зурна, комуз; струнные щипковые: тамур, агач-кумуз, сааз, тар; смычковые: чагана, кеманча, хурку чигани; уданные: тэп, тплипитом, далдам, чанг-чугур [1: 145–150].

⁷ Духовые: дутра, цузам, зурна, шедаг, маа, комуз; струнные щипковый дечик-пондур; смычковый адхоку-пондур; ударные: теп, гавал, гемма, альчики [1: 150–151].

в Музее-выставке музыкальных инструментов Института, о чем она упомянула в своей работе [7: 9]. Уникальный труд И.М. Хашбы, жизнь которой рано трагически оборвалась, имеет непреходящее значение для абхазской музыкальной культуры: собранные исследователем сведения о морфологии и эргологии музыкальных инструментов, тщательно проведенные обмеры, записи спектрограмм звуков, описания способов держания и техники игры на инструменте, нотации образцов народной инструментальной музыки могут служить основой реконструкции целых пластов инструментальной традиции Абхазии.

Деятельность восстановленного в 1991 г. в Российском институте истории искусств сектора инструментоведения под руководством доктора искусствоведения, профессора Игоря Владимировича Мациевского в полной мере реализовала задачи, поставленные его предшественниками, авторами Атласа. В 1980-е гг. И.В. Мациевским был создан системно-этнофонический метод, предполагающий изучение инструментальной традиции в неразрывной триаде «инструмент – музыка – исполнитель», по которому и ныне работают научные инструментоведческие школы регионов России, Казахстана, Украины, Литвы, Палестины, Израиля, Узбекистана, Таджикистана, Туркмении и др.

Особенностью работы сектора инструментоведения, начиная с 1960-х гг. и до настоящего времени, является полиэтничность состава, взаимодействие этноинструментоведов – представителей самых разных культур Европы и Азии. Этноорганонологи-кавказоведы также оказались в уникальной ситуации многонациональной научной среды, что не могло не повлиять на формирование их собственной концепции, в которой наряду с глубоким осмыслением своеобразия своей культуры присутствуют аспекты сравнительно-типологические.

На рубеже XX–XXI столетий в Российском институте истории искусств под руководством И.В. Мациевского было проведено несколько исследований о традиционной инструментальной музыке Кавказа. В их числе кандидатская диссертация Аллы Николаевны Соколовой «Народная инструментальная культура адыгов» (1994 г.) [5] – первое исследование, посвященное системному анализу традиционной инструментальной музыки адыгов. Следует отметить, что работа над докторской диссертацией [6] осуществлялась А.Н. Соколовой в тесном контакте со специалистами сектора, в частности с выдающимся этноинструментоведом и композитором Ю.Е. Бойко.

Среди исследований, осуществленных в рамках системно-этнофонического метода И.В. Мациевского, особое место занимают работы, посвященные культуре макамата. В 1981 г. Виолетта Николаевна Юнусова (Садыхова) защитила кандидатскую диссертацию, посвященную системному анализу азербайджанской мугамной традиции [4]. Ее уникальным научным

результатом стало рассмотрение музыкальной формы мугамных композиций как реализации технических и выразительных возможностей музыкального инструмента (прежде всего – тара).

Исследования азербайджанской мугамной традиции получили продолжение в работах выдающегося азербайджанского музыканта, педагога и ученого Фаика Ибрагим оглы Челебиева (Челеби) (1948–2020). Будучи учеником народных музыкантов-мугаматистов, Ф. Челеби соединил свой исполнительский и научный опыт осмысления мугама, предложив анализировать мугамную традицию с привлечением понятийного и категориального аппарата «мугамной теории».

Свою докторскую диссертацию «Морфология дастяха» Ф. Челеби посвятил многочастной циклической вокально-инструментальной композиции, репрезентирующей традицию азербайджанского мугамата [9]. Работа эта подытожила более чем полувековой исполнительский и научный путь этого выдающегося музыканта, посвятившего свою жизнь изучению искусства мугама. Каждое выступление Ф. Челеби в Институте становилось особым событием: звучание утонченной философской мугамной композиции создавало эффект сложной и прекрасной гармонии с изысканным интерьером Зеленого зала в стиле рококо, объединяя искусство и традиции Востока и Запада.

В творческом пути Ф. Челеби органично соединилась восточная музыкальная культура и западная интеллектуальная традиция, породившая ряд ценных работ ученого в области мугамоведения и азербайджанского фольклора. Его теоретические взгляды сформировались в рамках фольклористической и этноинструментоведческой ленинградской/петербургской научной школы: непосредственными учителями Ф. Челеби были его руководитель кандидатской диссертации [8] доктор искусствоведения, профессор И.В. Мациевский, доктор искусствоведения И.И. Земцовский, доктор искусствоведения В.А. Лапин, кандидат искусствоведения Ю.Е. Бойко, кандидат искусствоведения Л.М. Ивлева и др. Исполнительскому искусству Ф. Челеби учился у великих азербайджанских музыкантов, представителей мугамной традиции. Участвуя в деятельности двух секторов – сектора фольклора и сектора инструментоведения, – в конференциях и научных сборниках, обсуждениях работ, неформальном общении, Ф. Челеби, обладая философским складом и широтой ума, знанием традиции, собственным взглядом на искусство, образование, жизнь в целом, вносил неповторимую ноту человека древней восточной культуры, страстно желавшего донести до нашего слуха и ума прекрасный и сложный мир мугамата.

Кавказский вектор исследований в настоящее время в Российском институте истории искусств реализуется в многолетнем проекте Международный научно-практический форум «Проблемы художественной культуры горских народов». С 2019 г. сектором инструментоведения проведено пять форумов:

в 2019 г. – во Владикавказе и Цхинвале совместно с Северо-Осетинским институтом гуманитарных и социальных исследований им. В.И. Абаева, а также Юго-Осетинским научно-исследовательским институтом им. З. Ванеева (Цхинвал) и Юго-Осетинским государственным университетом им. А.А. Тибилова (Цхинвал); в 2020 г. – в Сухуме совместно с Абхазским институтом гуманитарных исследований им. Д.И. Гулиа, в 2021–2022 гг. в Санкт-Петербурге, в 2023 г. – совместно с Институтом искусств Национальной академии наук Республики Армения; в 2024 г. – в Махачкале совместно с Дагестанским государственным педагогическим университетом имени Р. Гамзатова и Центром музыкального фольклора Республики Дагестан. В настоящее время по материалам форумов готовится к публикации несколько сборников научных трудов. И мы уверены, что это только начало.

Источники и литература

1. Атлас музыкальных инструментов народов СССР / К.А. Вертков, Г.И. Благодатов, Э.Э. Язовицкая. М., 1975.
2. Космовская М.Л. Инструментальное музицирование как особая этнографическая сфера бытия: от Н.Ф. Финдейзена – к нашим дням // Музыка. Искусство, наука, практика. 2015. № 3(11). С. 37–42.
3. Мациевский И.В. Народная инструментальная музыка как феномен культуры. Алматы, 2007.
4. Садыкова В.Н. Проблем формообразования в азербайджанских инструментальных мугамных импровизациях: дис. ... канд. искусствоведения. Л., 1981.
5. Соколова А.Н. Народная инструментальная культура адыгов: автореф. дис. ... канд. искусствоведения. СПб., 1994.
6. Соколова А.Н. Традиционная инструментальная культура западных адыгов: системно-типологическое исследование: дис. ... д-ра искусствоведения. СПб., 2006.
7. Хаиба И.М. Абхазские народные музыкальные инструменты. Сухуми, 1979.
8. Челебиев Ф.И. Азербайджанские ренги: проблемы музыкальной формы: дис. ... канд. искусствоведения. СПб., 1999.
9. Челебиев Ф.И. Морфология дастяха: дис. ... д-ра искусствоведения. СПб., 2009.

РАЗДЕЛ 2

Политическое и социально-экономическое развитие Кавказа в XVIII–XXI вв.

А.Х. Абазов

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ СТАНОВЛЕНИЯ И РАЗВИТИЯ ИНСТИТУТОВ РОССИЙСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ НА ЦЕНТРАЛЬНОМ КАВКАЗЕ НА РУБЕЖЕ XVIII–XIX вв.

Инкорпорация народов Центрального Кавказа в политико-правовое пространство на рубеже XVIII–XIX вв. – многослойное явление, связанное с обстоятельствами и условиями принятия ими российского подданства и деятельностью должностных лиц по формированию здесь системы управления народами и территориями. В 1763–1858 гг. эти процессы протекали на фоне принятия властями соответствующих нормативно-правовых актов, выстраивания коммуникации между представителями российской власти и региональных этноэлит, возведения военных крепостей и образования новых населенных пунктов, учреждения органов управления и суда, преобразования административно-территориальной структуры и т.п. Именно со строительством крепости Моздок в 1763 г. началось административное освоение Россией региона, которое можно условно рассматривать в рамках двух качественно разных, но взаимосвязанных векторов. В рамках первого из них после строительства Азово-Моздокской кордонной линии в 1777–1778 гг. и учреждения Кавказской губернии в составе Кавказского наместничества в 1785 г. началось формирование административной системы по российскому образцу в соответствии с «Учреждением для управления губерний Российской империи» (1775). Это повлекло за собой череду административно-территориальных преобразований: в 1796 г. губерния была реорганизована путем присоединения к Астраханской губернии, в 1802 г. она

была отделена от Астраханской, а центр переместился в Георгиевск; в 1822 г. переименована в Кавказскую область, а в 1847 г. – в Ставропольскую. В рамках второго вектора в качестве временных переходных моделей для коренного населения, проживавшего за пределами кордонной линии, но отнесенного на основании международных договоров к российской юрисдикции, создавались учреждения локального судебно-административного контроля (УЛСАК). Их основу составляли приставские управления и временные суды с полномочиями пограничного контроля. Начало развития системы приставских управлений в данном субрегионе Кавказа было положено в 1769 г. после назначения майора Д. Таганова (в некоторых источниках – Тоганова) на должность кабардинского пристава. А спустя 24 года (в 1793 г.) эта модель была апробирована и в отношении ногайского населения региона, для отдельных групп которого было создано 4 таких управления. К началу XIX в. стала создаваться двухуровневая система приставских управлений, в рамках которой к подведомственности Главного пристава относилась целая группа расположенных по соседству частных приставов. Сеть приставских управлений на Центральном Кавказе постоянно расширялась по мере изменения территориальной юрисдикции России в регионе. Пограничные суды поэтапно создавались и функционировали в порубежных военных крепостях: Моздокский верхний пограничный суд (МВПС) (1793–1822), Кабардинский временный суд (1822–1858), Владикавказский инородный суд (1828–1830), Владикавказский окружной суд (1830–1836), Чеченский народный суд (1852–1858) и некоторые другие. Здесь также властями была предпринята единичная попытка создания двухуровневой системы пограничных судов: МВПС в качестве вышестоящей апелляционной инстанции и родовых судов и расправ в Большой и Малой Кабарде в качестве первичной, базовой. Кроме того, на их примере были апробированы первичные принципы введенной в регионе после 1858 г. системы военно-народного управления, когда в органах власти и правосудия ключевые позиции занимали служащие российской военной администрации, а на базовые должности назначались представители местного населения (зачастую на выборных началах).

Мы считаем, что именно с внедрением Россией первых форм локального судебно-административного контроля в последней трети XVIII в. в виде приставских управлений и пограничных судов началось непрерывное развитие органов российской государственности на Центральном Кавказе в длительной исторической перспективе. Этот процесс продолжается до настоящего времени. Зародившаяся в этих условиях инерция вектора государственно-политического развития в последующем выражалась в расширении сети учреждений локального судебно-административного контроля по мере продвижения России вглубь Кавказа в первой трети XIX в., преобразовании административной системы и введении в регионе военно-народ-

ного управления, образования национальных административных округов в конце 50-х гг. XIX в. и их объединении в составе Терской области в 1860 г., административно-территориальных преобразований по итогам Октябрьской революции 1917 г. и Гражданской войны, создании Горской Автономной Советской Социалистической Республики в составе РСФСР в 1921 г. и поэтапном образовании национальных автономных областей в составе РСФСР в 1922–1924 гг., преобразовании некоторых автономных областей в автономные республики в 1936 г., перестройке системы государственного управления в начале 90-х гг. XX в. и в последующем развитии республик региона как демократических правовых государств в составе Российской Федерации.

УЛСАК на Центральном Кавказе перестали существовать после 1858 г., когда на смену временной была создана постоянная административно-территориальная структура, а инкорпорация коренных народов в имперскую политико-правовую систему приобрела качественно новые смыслы и наполнения. В конце 50-х гг. XIX в. было введено военно-народное управление и образована окружная/областная административная система (когда с 1860 г. в состав Терской области вошли округа, которые, в свою очередь, состояли из участков и наибств).

Функционировавший с 1793 по 1822 г. МПВС в системе органов власти и учреждений локального судебно-административного контроля на Центральном Кавказе в конце XVIII – первых десятилетиях XIX в. представлял собой временное адаптивное судебное учреждение, созданное для включения в политико-правовое поле России населения порубежных территорий и наделенное судебными, административными, полицейскими, нотариальными, таможенными и некоторыми другими полномочиями. Сразу же после своего основания Моздокский верхний пограничный суд стал вызывать интерес у исследователей. Исследовательская традиция в отношении него начала складываться в первые годы его функционирования, что в определенной мере заложило устойчивый вектор изучения истории его деятельности вплоть до настоящего времени. Эта проблематика затрагивалась в трудах Н.Ф. Грабовского [5], Т.Х. Кумыкова [10], З.М. Блиевой [3], Х.М. Думанова [7], Г.Н. Малаховой [11], В.Х. Кажарова [8], Ж.А. Калмыкова [9], М.И. Афауновой [2], Н.Г. Айдаровой [1], И.Г. Гайдабуры [4], А.Д. Дзидзоева [6], некоторых наших работ, обобщающих трудах по истории и этнографии народов Кавказа и работах некоторых других авторов. В системе органов власти и учреждений локального судебно-административного контроля на Центральном Кавказе в конце XVIII – первых десятилетиях XIX в. МВПС представлял собой временное переходное судебное учреждение, созданное для включения в политико-правовое поле России населения порубежных территорий и наделенное судебными, административными, полицейскими,

нотариальными, таможенными и некоторыми другими полномочиями. Устоявшийся в историографии перечень характеристик (исторические обстоятельства и условия учреждения, структура и объем полномочий, территориальная организация и реакция местного населения на нововведения) применялся исследователями для изучения особенностей социально-политической и экономической истории региона.

Инкорпорация народов Центрального Кавказа в политико-правовое пространство России в 1763–1858 гг. на всех этапах тщательно документировалась. В частности, документы о деятельности Моздокского верхнего пограничного суда отложились в фондах Российского государственного военно-исторического архива (РГВИА, г. Москва), Российского государственного исторического архива (РГИА, г. Санкт-Петербург), Архива Русского географического общества (Архив РГО, Санкт-Петербург), Центрального государственного архива Республики Северная Осетия – Алания (ЦГА РСО – Алания, г. Владикавказ), Центрального государственного архива Республики Дагестан (ЦГА РД, г. Махачкала), Государственного архива Ставропольского края (ГАСК, г. Ставрополь), Управления Центрального государственного архива Архивной службы Кабардино-Балкарской Республики (УЦГА АС КБР, г. Нальчик), Государственного архива Астраханской области (ГААО, г. Астрахань), Центрального государственного исторического архива Грузии (ЦГИАГ, г. Тбилиси), а также среди документов, опубликованных в Полном собрании законов Российской империи (ПСЗРИ), и в некоторых тематических сборниках. Основной массив документов по этой части хранится в фонде 244 «Моздокский верхний пограничный суд» в ЦГА РСО – Алания. За время функционирования МВПС был накоплен большой массив различных по видовой принадлежности документов, значительная часть которых к настоящему времени еще не введена в научный оборот. Здесь в количественном измерении преобладает нормативно-правовая и делопроизводственная документация. Последняя формировалась в рамках взаимодействия военно-административных и подведомственных им учреждений и стала неотъемлемой частью механизма российского управления регионом. Всё многообразие делопроизводственных материалов обусловлено основными задачами, компетенцией и функциями того или иного структурного подразделения военно-административного аппарата. Документы составлялись с опорой на принципы российской делопроизводственной культуры и обеспечивали коммуникацию различных по иерархии органов власти и должностных лиц, а также их взаимодействие с представителями региональных этноэлит. Формы документирования коммуникации учреждений локального судебно-административного контроля зависели от характера иерархических связей коммуникантов: рапорты и представления – от нижестоящих организаций в вышестоящие; предписания и ордера –

из вышестоящих в нижестоящие; отношения, уведомления и сообщения между организациями, не состоявшими в административной зависимости. Их коммуникация изначально выстраивалась с опорой на достижения военно-политической и социально-экономической риторики. Доступные источники (нормативно-правовые, делопроизводственные с элементами статистического обобщения, картографические и т.п.) позволяют ставить и решать новые научные задачи. В рамках исторического институционализма эти источники дают возможность исследовать учреждение Моздокского верхнего пограничного суда как одно из первых мероприятий по установлению институтов российской государственности в этом регионе.

В целом анализ источниковой базы позволяет рассмотреть такие особенности становления и развития институтов российской государственности на Центральном Кавказе, как применение различных источников права при решении споров и конфликтов, ритуально-символическое закрепление статусов населения в новых политико-правовых реалиях, особенности выполнения ими нотариальных функций и коммуникация с представителями региональной этноэлиты. Кроме того, источники на примере МВПС позволяют подробно исследовать механизмы коммуникации российской власти и коренного населения, нотариальные функции на примере засвидетельствования сделок и договоров, проблемы признания и закрепления социального статуса отдельных жителей и групп населения. Анализ этой части делопроизводственной практики МВПС позволяет глубже исследовать такие общие и частные вопросы инкорпорации народов Центрального Кавказа в политико-правовое пространство России в конце XVIII – первых десятилетиях XIX в., как история учреждения и деятельности российских органов власти на Кавказе, решение споров и конфликтов местного населения в условиях соционормативного плюрализма (основанного в то время на применении в практике российского, мусульманского и обычного права), социальная мобильность региональных этноэлит в новых политических реалиях, сбор сведений об обычаях и традициях местного населения, расположении и численности населенных пунктов и т.п.

Таким образом, в рамках исторического институционализма эти источники дали возможности исследовать учреждение УЛСАК как одно из первых мероприятий по установлению институтов российской государственности на Центральном Кавказе, определить их роль и место в системе органов власти и учреждений локального судебно-административного контроля, изучить особенности финансового и кадрового обеспечения их деятельности, состава участников процесса и правоприменительной практики. Всё это подчеркивает их значимость как важнейших институтов российской государственности на начальных этапах интеграции народов Центрального Кавказа в политико-правовое пространство России.

Источники и литература

1. Айдарова Н.Г. Эволюция судебной системы в Осетии в конце XVIII – XIX в. // Право и государство: теория и практика. 2009. № 6 (54). С. 105–108.
2. Афаунова М.И. Попытки установления родовых судов и расправ в Кабарде (1793–1807) // Вестник института гуманитарных исследований правительства КБР и КБНЦ РАН. 2008. Вып. 15. С. 37–54.
3. Блиева З.М. Система управления на Северном Кавказе в конце XVIII – первой трети XIX в.: уч. пос. Владикавказ, 1992.
4. Гайдабура И.Г. Становление системы административного управления на Северном Кавказе: конец XVIII – начало XX в.: дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2007.
5. Грабовский Н.Ф. Очерк суда и уголовных преступлений в Кабардинском округе // Сборник сведений о кавказских горцах. Вып. IV. Тифлис, 1870. С. 1–72 (разд. паг.).
6. Дзидзоев А.Д. Судебная политика на Северном Кавказе в XIX – первой трети XX в.: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2011.
7. Думанов Х.М., Кетов Ю.М. Адыгэ Хабзэ и суд в Кабарде во второй половине XVIII – XIX в. Нальчик, 2000.
8. Кажаров В.Х. О времени и обстоятельствах учреждения «духовных судов» в Кабарде // Исторический вестник. 2006. № 3. С. 398–425.
9. Калмыков Ж.А. Интеграция Кабарды и Балкарии в общероссийскую систему управления (вторая половина XVIII – начало XX века). Нальчик, 2007.
10. Кумыков Т.Х. Из истории судебных учреждений в Кабардино-Балкарии (конец XVIII – XIX в.) // Ученые записки КБНИИ. Т. 19. Нальчик, 1963. С. 90–101.
11. Малахова Г.Н. Становление и развитие российского государственного управления на Северном Кавказе в конце XVIII – XIX в. Ростов н/Д., 2001.

Ю.Ю. Клычников, А.Н. Рябиков

«НЕ ДОСТИГЛИ МЫ ОДНАКО Ж В ПРЕДЕЛАХ ТОЙ ЧАСТИ ИМПЕРИИ НАШЕЙ ТИШИНЫ И БЕЗОПАСНОСТИ...»: КРЫМСКОЕ ХАНСТВО И СЕВЕРНЫЙ КАВКАЗ В ПОЛИТИКЕ ЕКАТЕРИНЫ II

Среди внешнеполитических приоритетов начального периода правления Екатерины II выделяется решение задачи, связанной с крымским вопросом, и, как результат, выстраивание диалога с северокавказскими обществами исходя из динамично меняющихся геополитических реалий. Представляется целесообразным рассматривать их совокупно, так как наметившееся еще со времен Ивана IV сближение между Российским государством и народами

региона в значительной степени зиждилось на совместном противостоянии крымской экспансии. Долгое время справиться с ханством, которое опиралось на поддержку своего влиятельного покровителя – Османской империи, Россия не могла. Но по мере роста собственного могущества и ослабления своих давних южных соперников такой шанс появился. Екатерине II предстояло решить задачу, с которой не сумели совладать ее предшественники.

Между тем, даже не избавившись полностью от угрозы экспансии со стороны Бахчисарая, российское правительство уже начало активно расширять свое присутствие на Северном Кавказе и выказывало готовность нести издержки от ухудшавшихся отношений с рядом местных владетелей, недовольных такими изменениями. Речь идет о возведении в 1763 г. в кабардинском пограничье крепости Моздок, крайне болезненно воспринятом рядом князей, для которых появление укрепления грозило обострением отношений с собственным «черным народом». Под защиту русского гарнизона стали переходить общинники, спасаясь от произвола знати. Кроме того, здесь появились выходцы из осетинских и ингушских обществ, которых кабардинские князья желали видеть в качестве своих подданных. Если в Петербурге в крепости видели прежде всего средство для укрепления северокавказского пограничья от внешней угрозы, то для местной элиты она стала преимущественно инструментом вмешательства в их внутренний уклад. Империя явно не собиралась делегировать кабардинским владетелям право представлять ее интересы в глазах прочих народов Кавказа, хотя и ценила общие страницы двухвековой истории [4: 34–35].

Россия и ранее стремилась к строительству в этих местах форпостов, причем делала это в том числе и по просьбе своих северокавказских вассалов. Но то, что еще недавно воспринималось ими как благо, теперь приобретало новое звучание. «Нейтральный» статус Кабарды, полученный ею по условиям Белградского трактата 1739 г., стал поводом для формирования запроса на политическую автономию, и Моздок воспринимался как покушение на эту независимость. Умело играя на противоречиях крупных «игроков» за доминирование на Кавказе, в данном случае России и Турции, местная элита вполне могла получать от Петербурга и Стамбула немалые преференции.

Осознавая важность собственной лояльности в сложившихся обстоятельствах, кабардинские князья готовы были идти на обострение, в том числе и с оружием в руках, в диалоге с российским правительством. Но такая позиция вызвала неприятие со стороны собственного «черного народа», который не пожелал стать на сторону Крыма и Турции даже исходя из выгоды сложившейся политической конъюнктуры. Во время начавшейся войны 1768–1774 гг. между османами и Россией они заявили о своей готовности перейти под власть Петербурга, в случае если их князья отдадут предпочтение турецкому выбору [5: 216].

Следует отметить, что сторонников сближения с Российской империей было немало и среди других народов края. О своем желании присягнуть на верность Екатерине II говорили правители Дагестана, старшины от ингушских и осетинских обществ. Мотивы таких обращений могли различаться, и в каждом случае имелся собственный приоритетный интерес. Но важно отметить, что в сложившихся обстоятельствах проявляла себя устойчивая тенденция к формированию взаимовыгодного партнерства, которое демонстрировали все стороны происходящего сближения.

Российское правительство готово было искать приемлемые компромиссы, в том числе и в переговорах с княжеской верхушкой. Проблема заключалась в том, что этот компромисс оплачивался ущемлением интересов других участников интеграционного процесса. Так, не желая поступиться Моздоком, вопрос о ликвидации которого власти империи даже не собирались обсуждать, они в качестве компенсации готовы были отказать в защите и приюте беглецов из числа зависимых сословий. Лишь если речь шла о белых ясырях-христианах, их готовы были выкупать [9: 302]. Таким образом, лояльность кабардинской верхушки покупалась за счет «черного народа».

Выбор позиции Петербурга был обусловлен потребностями продолжавшегося противостояния со Стамбулом и заинтересованностью не только в лояльности воинственных феодалов, но и в возможности использовать их потенциал в боевых действиях против неприятеля. Нельзя отрицать и фактор социальной близости феодальной верхушки, статус которой был понятен имперской администрации. В то время как прочие слои местных сообществ не могли предложить внятную и договороспособную фигуру, наделенную необходимыми для переговоров полномочиями, князья обладали пусть и не всеобъемлющей, но по местным меркам вполне легитимной властью.

Реальный политический статус Кабарды продемонстрировал Карасу-базарский трактат, который был заключен новым крымским ханом Сагиб-Гиреем и российским правительством в ноябре 1772 г. [10: 45–50]. По договору сторон она признавалась в подданстве Российской империи, тем самым лишившись прежнего, пусть и формально нейтрального статуса. Буферная роль северокавказского фронта постепенно утрачивалась, и Петербург стремился закрепить этот процесс с позиции международного права [5: 327].

Для Оттоманской Порты такой сценарий был чреват неминуемой утратой своего давнего вассала, а потому в конце 1773 г. на Черноморском побережье Кавказа был высажен турецкий экспедиционный корпус. Планировался поход в Кабарду и погром Моздоко-Кизлярской линии, для чего предполагалось привлечь силы крымских татар, сторонников лояльного султана Девлет-Гирея и отряды из числа горских владетелей, враждебно настроенных к российской власти. Но эта операция завершилась разгромом османского войска [2: 65].

Неудачи и в дальнейшем преследовали турецкое командование, заставив османов в итоге сесть за стол переговоров. Выдвинутые Россией условия еще больше сужали сферу влияния султана. Предполагалось объявить Крым независимым и уступить Петербургу порты на Чёрном море. Это было неприемлемым для османов, и они попытались получить преимущество на поле боя, чтобы усилить свои переговорные позиции. Вместо этого последовала череда новых поражений, и, по условиям заключенного в июле 1774 г. Кючук-Кайнарджийского мира, Россия получила желанный результат [6: 278–307].

Крымское ханство, лишённое турецкого покровительства, отныне не могло совершать свои промысловые набеги на Северный Кавказ. Давняя угроза, которая во многом определяла внешнеполитические предпочтения части кабардинской элиты, была ликвидирована. Это привело к изменению характера ее отношений с российской властью и принципиальному расхождению имперской и кабардинской сторон в оценке сути подданства. Не нуждаясь отныне в военно-политическом покровительстве, местная знать начинала тяготиться регламентацией и ограничениями, которые стремилось распространить на них государство.

Но если Кабарда несла издержки, связанные с утратой позиции прежнего регионального лидера, то для целого ряда других обществ открывались существенные возможности. Они были связаны с переселением на равнинные земли, которые ранее являлись недоступными в связи с опасностью разорения от рук более сильных соседей. Осенью 1774 г. в Моздоке прошли переговоры с осетинскими старшинами, и присягнувшие на верность новые подданные стали постепенно осваивать равнины Центрального Кавказа [12: 8–9]. Аналогичные возможности ранее открылись и перед ингушскими сообществами [8: 55]. Выгоды от подданства, судя по череде присяг в 1781 г., оценили и чеченцы [3: 14]. Впрочем, эти присяги не стали гарантией замирения сторон и в дальнейшем сопровождались чередой вооруженных столкновений и взаимных претензий.

Расширяя свое влияние на местные народы, Россия, помимо усиления позиций в крае, понесла немало издержек, так как теперь должна была вмешиваться в процесс разрешения конфликтов между своими новыми подданными. Они обращались к имперской администрации в расчете на получение выгодного им результата, а если решение не устраивало того или иного владетеля, он мог сменить свои политические симпатии и искать поддержки у соперников России на Кавказе. Безусловно, возможности Персии и Турции на Северном Кавказе в рассматриваемый период существенно сократились, но они по-прежнему имели сторонников среди горцев. Найти возможность кардинального решения проблемы в сложившихся обстоятельствах Петербург не мог. Наиболее приемлемым выходом сочли минимизацию военного

вмешательства в местные конфликты и использование преимущественно переговорной практики с целью примирения беспокойных подданных. Рассчитывать на долговременный результат в этом случае не приходилось, но иные действия могли закончиться существенным ослаблением российских позиций в регионе.

Представляется, что российское правительство осознавало всю зыбкость положений Кючук-Кайнарджийского договора. Тревожные события в Крыму, чреватые очередной войной с Турцией, заставляли действовать с повышенной осторожностью и усиленно укреплять пограничье в Предкавказье. Попытка османского ставленника Девлет-Гирея вновь закрепиться на бахчисарайском престоле весной 1775 г. наглядно показывала уязвимость российских позиций на юге. Отсюда закономерность начала строительства Азово-Моздокской линии в 1777 г., которая должна была армировать «рыхлый» и во многом символический кавказский фронт [7: 87–90].

Вполне предсказуемой стала реакция кабардинских князей на происходящие изменения. После полученного отказа остановить строительство они в 1779 г. силой попытались воспрепятствовать возведению крепостей и инициированному властями империи военно-колониционному освоению Предкавказья [11: 41]. Суть взаимных претензий сводилась в значительной степени к оспариванию прав на владения пастбищными землями, часть которых оказывалась занята новыми фортификациями и передавалась для нужд гарнизона и жителей формирующегося при крепостях посада. Если ранее эта территория из-за угроз крымских нападений не обладала привлекательностью, то теперь ее ценность существенно возросла, и каждая из сторон собиралась воспользоваться выгодами изменившихся внешнеполитических обстоятельств.

Сложившейся конфликтной ситуацией смогли воспользоваться османские власти. Стало известно о переговорах, которые велись от имени султана с различными горскими народами, которых призывали совместно выступить против новой угрозы. В случае нападения на Азово-Моздокскую линию им обещали помощь закубанских владетелей и содействие со стороны турок. Таким образом, происходящие на Северном Кавказе события стали результатом не только внутренних противоречий, но и внешнеполитического вмешательства, сделавшись продолжением противостояния между Петербургом и Стамбулом в борьбе за этот регион.

Последовавший в 1779 г. поход генерала И.В. Якоби в Кабарду привел к разгрому отрядов противников империи и временному ослаблению накала противостояния, которое, впрочем, сохранилось, хотя и приобрело иные формы. Судя по высказываемому рядом кабардинских владетелей желанию уйти со своими подвластными людьми в Грузию, одна из ключевых, тревожащих их проблем была связана с «черным народом». Наличие в опасной

близости русских крепостей провоцировало побегі зависимого населения и сказывалось на благосостоянии горской знати. Российские власти, выявив уязвимость сложившегося в Кабарде общественного устройства, постарались накрепко привязать ее к собственной модели жизнєсуществования, играя на противоречиях «холопьего вопроса» и выказывая готовность поддєржать те силы, которые проявляли к ней лояльность.

Не осталась без прикрытия и пограничная территория Прикубанья. О важности этих замыслов говорит тот факт, что воплощать в жизнь задуманное отправили А.В. Суворова, уже завоевавшего славу успешного и умелого полководца [14: 89–146]. Представляется, что заключение в июне 1779 г. Айналы-Кавакской конвенции с Османской империей стало результатом весомости аргументов, которые могла использовать на переговорах Россия. Возросшие военные возможности Петербурга заставили турецкое правительство пойти на подтверждение условий Кючук-Кайнарджийского мира, обременительная тягость которого продолжала определять настрой на конфронтацию Стамбула со своим северным соседом [6: 331–333].

Упорство Оттоманской Порты в попытке вернуть утерянное влияние в Крыму и на Северном Кавказе было вполне объяснимо и не лишено рациональности. По мере расширения российских пределов на юге империя начинала восприниматься местными народами не как покровитель и щедрый сюзерен, а как сила, которая заставляла принять собственную модель общественно-политического устройства, сурово наказывая тех, кто пытался воспрепятствовать ее замыслам.

Лояльный к России Шагин-Гирей не пользовался авторитетом в глазах своих подданных. Отказавшись от набегов, он лишил их важного элемента в системе жизнеобеспечения и поэтому перестал соответствовать тем критериям, которые принято было демонстрировать представителям этой воинственной династии. Прикубанские ногайцы уже не обращали внимания на его волю и по собственной инициативе тревожили российское пограничье. Здесь сосредоточилось около 56 тыс. семей кочевников, сомневаться в лояльности которых у имперской администрации были все основания [15: 21]. Это в значительной степени предопределило дальнейшие действия российского командования.

Весной 1783 г., окончательно разуверившись в способности своего бахчисарайского протєже контролировать собственных подданных, Екатерина II подписывает манифест «О принятии полуострова Крымского, острова Тамана и всей Кубанской стороны под Российскую Державу», в котором пояснялась причина такого шага. Государыня выказывала недовольство ситуацией, сложившейся после Кючук-Кайнарджийского мира на южных границах государства: «Не достигли мы однако ж в пределах той части империи нашей тишины и безопасности...» [13: 897]. Дальше мириться с этим она не собиралась.

Возникло опасение, что происходящие изменения вызовут волнения среди ногайцев, а потому решено было нанести упреждающий удар. В ходе предпринятой осенью 1783 г. военной экспедиции в устье Лабы произошел разгром значительной части ногайских сил, в результате которого турки, не отказавшиеся от реванша, уже не могли использовать их потенциал [16: 91–92].

С окончательной ликвидацией последнего осколка Золотой Орды Российская империя должна была внести существенные коррективы в свою северокавказскую политику. Исчез один из весомых интеграционных факторов, который ранее способствовал сближению части местных обществ с российской государственностью. Следовало найти альтернативу той общности интересов, ранее заключавшихся в совместной борьбе против воинственных кочевников. И, как покажут дальнейшие события, сделать это, избежав ожесточенной конфронтации, оказалось невозможно.

Источники и литература

1. Бутков П.Г. Материалы для новой истории Кавказа. Ч. I. СПб., 1869.
2. Виноградов Б.В. История российского Северного Кавказа в XVIII – начале XIX века. Славянск-на-Кубани, 2010.
3. Виноградов Б.В., Хашегульгов Б.М. Основные вехи истории Чечено-Ингушской АССР. Грозный, 1988.
4. Город Моздок: исторический очерк / ред. А.Г. Кучиев (отв. ред.), Г.В. Адамов, В.А. Кузнецов и др. Владикавказ, 1995.
5. Гугов Р.Х. Кабарда и Балкария в XVIII веке и их взаимоотношения с Россией. Нальчик, 1999.
6. Дружинина Е.И. Кючук-Кайнарджийский мир 1774 года (его подготовка и заключение). М., 1955.
7. Емельянов О.Б. Азово-Моздокская линия – естественное продолжение Кизлярской оборонительной линии // Азово-Моздокская оборонительная линия и ее роль в становлении российской государственности на Северном Кавказе: сб. мат-лов Межрегион. науч.-практ. конф. К 240-летию учреждения Азово-Моздокской оборонительной линии (19 апреля 2017 г., Ставрополь). Ставрополь, 2017. С. 87–90.
8. Ингуши / отв. ред. М.С.-Г. Албогачиева, А.М. Мартазанов, Л.Т. Соловьева. М., 2013.
9. Кабардино-русские отношения в XVI–XVIII вв.: документы и материалы. В 2 т. Т. 2. М., 1957.
10. Карасубазарский трактат 1772 года: сборник документов / сост., ред.: А.В. Мальгин, И.В. Зайцев. Симферополь, 2015.
11. Киняпина Н.С., Блиев М.М., Дегоев В.В. Кавказ и Средняя Азия во внешней политике России (вторая половина XVIII – 80-е годы XIX в.). М., 1984.

12. Осетины / отв. ред. З.Б. Цаллагова, Л.А. Чибиров. М., 2015.
13. Полное собрание законов Российской империи. Т. 21. С 1781 по 1783. СПб., 1830.
14. Соловьёв В.А. Суворов на Кубани: 1778–1793. Краснодар, 1992.
15. Ялбулганов А.А. Ногайцы: история расселения и демографии XVIII–XIX вв. М., 2016.
16. Ялбулганов А.А. Очерки военной истории ногайцев. М., 1998.

С.М. Багаутдинов, М.-П.Б. Абдусаламов

К ВОПРОСУ О ПРОИСХОЖДЕНИИ КАЙТАГСКИХ УЦМИЕВ

В историю Дагестана кайтагские уцмий вошли как влиятельные владельцы Кайтагского уцмийства – государственного образования на Северо-Восточном Кавказе. Правившие до второй половины XIX в. уцмий оставили заметный след в истории Кавказского региона, выступали самостоятельными акторами во взаимоотношениях с Сефевидской и Российской державами. Между тем вопрос о происхождении уцмиев Кайтага до сих пор остается недостаточно освещенным в отечественном кавказоведении. Ранее предпринимались попытки связать происхождение уцмиев с арабами, однако эта версия не нашла подтверждения в более ранних источниках [18: 127–128]. По мнению профессора В.Ф. Минорского, утверждение об арабском происхождении «хайдакского князя» «есть, конечно, чистая выдумка» [10: 127].

Мы в данной статье на основе сведений ряда авторов XVII–XVIII вв. рассмотрим версию, предусматривающую единые династические корни кайтагских уцмиев и правителей кумыков – шамхалов. Прежде всего следует обратить внимание на локализацию Кайтагского уцмийства – феодального государственного образования Дагестана. Первоначальной территорией Кайтага являлась равнина и предгорья с тюркским населением, которые входили в состав древнего Царства гуннов (VI–VII вв.), затем – в состав Хазарского каганата, Дешт-и-Кипчака, Золотой Орды и шаухальства Тарковского до XVII в. Следовательно, напрашивается мысль, что династия уцмиев происходит из местной феодальной верхушки, утвердившей свою власть в Кайтаге после распада Золотой Орды. Постепенное усиление влияния уцмиев предопределило подпадание под их власть верхнедагестинских обществ, получивших позже название Каракайтаг.

По крайней мере с XVII столетия в письменных источниках фиксируется этническая идентификация правителей и князей Кайтагского уцмийства с кумыками. Так, в государстве Сефевидов, согласно источникам, упоминается

один из российских посланников – глава посольства М.Н. Тихонов, которого заметили за шахским столом вместе с «уцмийскими князьями», которых он называл кумыкскими: «Да кумык-усминские князи и мурзы... [прибывшие] с кумыцким князем Гиреем»¹ [2: 56]. Здесь следует обратить внимание на тот факт, что шах Аббас I Великий, обращаясь как к уцмийским князьям, так и к князю Гирею Тарковскому, применял словосочетание «кумыцкие люди» [2: 56]. В своей шерти от 1634 г. о службе российскому царю и самодержцу Михаилу Фёдоровичу Романову уцмий Рустем-хан упоминал среди подданных Кайтага «своих кумычан служилых» [13: 126]. В 1635 г. посол уцмий в своей челобитной царю подчеркивал, что он «холоп твой Кумыцкие (Кумыкской. – С.Б., М.-П.А.) земли усмина (уцмий. – С.Б., М.-П.А.) кайдатцкого посол Бадарханко-бег» [13: 131]. Весьма любопытно, что путешественник из Гольштинии XVII столетия Адам Олеарий, посетивший Дагестан в 1636–1638 гг., называл уцмий «татарским князем» [11: 414], вероятно, стремясь подчеркнуть его кумыкское происхождение. Другой, не менее известный голландский путешественник, картограф, предприниматель, бургомистр Амстердама Николаас Витсен отмечал, что область Кайтаг подчинена татарскому принцу [3: 704].

Примечательно, что сами кайтагцы, подданные уцмий, в более ранних источниках фигурируют как татары. Так, арабский географ XIV–XV вв. ал-Калкашанди писал о кайтагцах, что это «народность из тюрок, которые живут в горах, граничащих с Лакзом с Севера... Они – разбойники на дорогах, а горы их господствуют над Баб ал-хадилом» [6: 292]. В аналогичном сообщении участника похода турок-османов на Кавказ в 1578 г. Эбубекира б. Абдуллы кайтагцы упоминаются как «из рода татар» [20: 673–674]. Летописец XVI столетия А. Даврижеци также писал о кайтагцах как татарах [7: 466]. Описывая племя «кайтак», турецкий путешественник и богослов XVII в. Э. Челеби отмечал: «Это выходцы из огузского (племени)» [17: 160]. Немецкий путешественник, доктор медицины, военный врач, находившийся на русской службе (XVIII в.), И.Я. Лерхе писал: «Самые худшие татары были хайтаки, находившиеся под начальством прежнего изменника Усмы и султана Утешкова (Утемышского. – С.Б., М.-П.А.), с которыми также и россияне многие дела (сражения. – С.Б., М.-П.А.) имели» [8: 82]. Польский ученый-археолог, путешественник Ян Потоцкий, посетивший Кавказ в 1797–1798 гг., приводит интересные сведения о кайтагцах: «Белые кайтаки, живущие на берегу моря, говорят на тюркском диалекте, который обычно называют “тюрки”, что доказывает его происхождение от тюрок-сельджуков. Черные кайтаки, или горцы, являются лезгами, или породнились с лезгами, как, например, акуши» [14: 61]. Он же указывал, что кумыкские князья находятся «в Кайтаке, в Эндери, в Аксай Брагуме» [14: 53].

¹ Следует обратить внимание, что правитель шаухальства князь Гирей Тарковский также указан как кумыкский князь.

Интересные сведения о языке общения в Кайтаге приводит участник Персидского похода, немец И.-Г. Гербер, в 1720-х гг. В частности, он отмечал, что кайтагский язык «сходство имеет с кумыкским языком; только усмей сам, также и знатнейшие люди из хайтаков и карахайтаков употребляют турецкой с татарским помешанной язык» [4: 83]. Данные И.-Г. Гербера позволяют сделать вывод, что типичным языком в уцмийстве являлся южный диалект кумыкского языка. В конце XVIII в. царский офицер Д.И. Тихонов также сообщал, что жители Кайтага «говорят языком, называемым тюркю» [15: 131].

В контексте рассматриваемой нами проблемы значительный интерес представляет процедура и место коронации кайтагских уцмиев. Согласно сведениям, кайтагский уцмий избирался влиятельным кумыкским обществом села Башлы. По данным современников той эпохи, Башлы имело статус города и являлось столицей уцмийства («городок Башлы первый из начальных» [9: 179]). Именно здесь и проводилась коронация уцмиев. Так, из рапорта генерал-майора Н.М. Хатунцева генералу Н.Ф. Ртищеву известно, что «в избрании на Уцмийское достоинство башлынды имеют главное влияние» [1: 625]. Как показывает источник «Записка о сословно-поземельном строе в Кайтаге», церемониал провозглашения нового уцмий проходил в селе Башлы. Здесь по традиции во время венчания на правление на голову избранного владельца надевали специальный головной убор, символизирующий власть [16: 182–183]. Согласно старинному обычаю, почетной привилегией старшего из тухума Гасанбека являлось возложение на голову нового уцмий специального головного убора как знака власти. После этого избранный уцмий одаривал присутствующих почетных лиц козами, овцами, быками, а также деньгами или оружием, а всему народу устраивал угощение [5: 20].

В русских документах правитель южных кумыков уцмий нередко упоминается как «кумыцкий владелец» [12: 7–9], а сам Кайтаг или Хайдак (здесь имеются в виду равнинные земли и предгорья, населенные кумыками. – С.Б., М.-П.А.) – «Кумыцкой землей». Так, в 1659 г. шаухал Тарковский Сурхай III в 1659 г. выразил свое недовольство по поводу намерения сефевидского шаха Аббаса II воздвигнуть крепость в Кайтаге. Сурхай III прямо заявил наместнику в Шемахе Хосров-хану: «В уцмееве деревне городу шахову отнюд быти не уметь искони де того не бывало, чтоб в Кумыцкой земле шаху города ставить за то де станут всеми горами» [19: 52–53].

Думается, не будет лишним вскользь упомянуть и о вооруженных силах кайтагских правителей на примере войска уцмий Ахмад-хана, прозванного современниками «Уллу» Ахмад-хан. Мы полагаем, что основа войска уцмий была кумыкской. По крайней мере, кумыки составляли ее большинство. Так, по сведениям Я. Марковича, участника походов императорской армии против владений шаухала Тарковского в 1725–1726 гг., уцмий Ахмад-хан мог

собрать до 16 000 воинов: «собственных своих 2000¹, татар 8000² и тавлинцев 6000³ человек» [9: 171].

Таким образом, подытоживая представленный в данной статье материал, мы полагаем, что династию кайтагских уцмиев целесообразно отнести к тюркам автохтонного происхождения – кумыкам. Как нам думается, титул «уцмий» берет начало от кумыкских слов «уьст», «оз» («верховный») и «бий» («князь»), то есть означает «верховный князь». Данный титул действительно отражал реальное положение, которое занимал правитель Кайтагского уцмийства как один из самых влиятельных на Кавказе, и как тюрк по происхождению был признан южными кумыками как свой, ибо происходил из местной среды.

Источники и литература

1. Акты, собранные Кавказской археографической комиссией. Т. 5. Тифлис, 1873.
2. Бушев П.П. История посольств и дипломатических отношений Русского и Иранского государств в 1613–1621 гг. М., 1987.
3. Витсен Н. Северная и Восточная Тартария. В 3 т. Т. II. Амстердам, 2010.
4. Гербер И.-Г. Описание стран и народов вдоль западного берега Каспийского моря. 1728 г. // История, география и этнография Дагестана XVIII–XIX вв. Архивные материалы. М., 1958. С. 60–120.
5. Гидулянов П.В. Сословно-поземельный вопрос и райятская зависимость в Дагестане. М., 1901.
6. Григорьев А.П., Фролова О.Б. Географическое описание Золотой Орды в энциклопедии ал-Калкашанди // Тюркологический сборник. 2001. Золотая Орда и ее наследие. М., 2002. С. 261–302.
7. Даврижеци А. Книга историй / пер. с армянского, предисл. и коммент. Л.А. Ханларян. М., 1973.
8. Лерхе И.Я. Продолжение известия о втором путешествии доктора и коллежского советника Лерхе в Персию от 1746 по 1747 год // Новые ежемесячные сочинения. СПб, 1790. Часть I. Август.
9. Маркович Я.А. Дневные записки малороссийского подскарбия генерального Якова Марковича. Ч. 1. М., 1859.
10. Минорский В.Ф. История Ширвана и Дербенда X–XI веков. М., 1963.
11. Олеарий А. Описание путешествия в Московию / пер. с нем. А.М. Ловягина. Смоленск, 2003.

¹ Под «своими 2000» явно имеются в виду башлинцы, ближайшие из подданных и принадлежавшие лично уцмию.

² Здесь под татарами имеются в виду кумыки из населенных пунктов Кайтагского уцмийства.

³ Под тавлинцами подразумеваются горцы: верхнекайтагцы, отчасти табасаранцы.

12. Российский государственный военно-исторический архив. Ф. 52. Оп. 194. Д. 161.
13. Русско-дагестанские отношения XVII – первой четверти XVIII в. Документы и материалы / сост. Маршаев Р.Г. Махачкала, 1958.
14. *Соснина Е.Л.* Ян Потоцкий и его «Путешествие в Астраханские и Кавказские степи». Пятигорск, 2003.
15. *Тихонов Д.И.* Описание Северного Дагестана. 1796 г. // История, география и этнография Дагестана XVIII–XIX вв. Архивные материалы. М., 1958. С. 125–137.
16. Феодальные отношения в Дагестане. XIX – начало XX в.: Архивные материалы / сост., предисл. и примеч. Х.-М. Хашаева. М., 1969.
17. *Челеби Э.* Книга путешествия. Вып. 3 / сост. и отв. ред. А.Д. Желтяков. М., 1983.
18. *Шихсаидов А.Р.* Дагестан в X–XIV вв. Махачкала, 1975.
19. *Шмелёв А.С.* О борьбе уцмийства с экспансией сефевидского Ирана в середине 40-х годов XVII в. // Освободительная борьба народов Дагестана в эпоху средневековья. Махачкала, 1986. С. 51–54.
20. *Lokmacı S.* Osmanlı Tarih Yazıcılığında Gazavatnameler ve Ebubekir b. Abdullah'ın Şark Seferleri İsimli Gazavatnamesi // Atatürk Üniversitesi Sosyal Bilimler Enstitüsü Dergisi. Haziran, 2017. № 21 (2). S. 665–677.

Р.Д. Скрипкин

ЭВОЛЮЦИЯ СИСТЕМ ЗЕМЛЕДЕЛИЯ В НАЛЬЧИКСКОМ ОКРУГЕ ТЕРСКОЙ ОБЛАСТИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX в.

Земледелие связано с жизнью человека на протяжении многих тысячелетий, занимает ведущее место в экономике традиционных обществ, являясь основой национального благосостояния государства. Среди ученых есть мнение, что земледелие не было спланировано людьми, а его зарождению способствовала близость «жилищных трав» [12: 5]. Труд земледельца достаточно тяжел и требует непрерывных усилий в течение всего года, а пахота есть основа земледелия, которая формирует культуру самого народа.

Аграрный вопрос в России является не только наиболее важным вследствие преобладания в ней земледельческого населения, но и наиболее жгучим, насущным вопросом [10]. Он занимал ведущее место и в Нальчикском округе Терской области [8; 13]. Следует заметить, что сельскохозяйственная деятельность имеет здесь давние традиции, но «занятие земледелием

осуществлялись лишь в той мере, в которой это было необходимо для обеспечения себя в течение года» [6: 56].

Природно-климатические условия сформировали у крестьян свои агротехнические приемы обработки земли, которые позволили населению Терской области, как казачьему, так и туземному, добывать средства к жизни почти исключительно земледелием и скотоводством [3: 2]. По данным этнографических исследований, использовались следующие основные формы земледелия: переложно-залежная, подсечная, паровая и чередование культур.

Переложно-залежная система практиковалась исключительно на равнине, где имелись значительные участки земли, пригодные для обработки. Она характерна для равнинных жителей, прежде всего для кабардинцев и кумыков, контролировавших предгорные районы Северного Кавказа до вхождения в состав России. Подсечная и террасная система земледелия [5: 11] получили развитие в горах Балкарии, Карачая, Осетии, Ингушетии, Чечни и др.

Значительным был вклад в хозяйственное освоение северокавказских земель русским крестьянством и казачеством. В опыте русского землепашца уже к XVII в. сформировались навыки использования сельхозугодий как в режиме трехполья, так и в режиме перелога, а также практика перехода от одной системы к другой. В основе сельского хозяйства региона лежала отсталая переложная система, и только в отдельных районах накануне крестьянской реформы 1861 г. стали переходить к трехполью [2: 49].

Трехпольная система земледелия была популярна со времен средневековья как в России, так и в Западной Европе, но была раскритикована еще первым русским агрономом А.Т. Болотовым. Исследуя разные способы заделки семян в землю, он разработал учение о системе земледелия в разных районах России [4: 1]. Против трехпольной системы земледелия выступал первый в России доктор земледелия А.В. Советов, который впервые в мировой науке обобщил многовековую историю земледелия и наметил пути дальнейшего его развития. Он требовал оставить «почти рабское следование немецким указаниям и учебникам, составленным для иной природы, для иных людей и для иного общественного экономического строя». Например, «Германия с своим тесным населением ведет с выгодой 30-миллионное овцеводство, а в России с ее необозримыми степями с трудом воспитывает и 7 миллионов» [14: 104].

А.С. Ермолов, ученый и министр земледелия и государственных имуществ в 1891 г., писал, что исследователями был построен по степени интенсивности землепользования «эволюционный ряд развития систем земледелия: переложная (подсечная) – трехполье – многополье (плодопеременная) и промышленная» [7: 60]. Однако следует отметить, что даже А.С. Ермолов, противопоставляя залежную систему трехпольной, характеризовал первую как примитивную. При этом он выдвинул положение о том, что «каждая

система может совершенствоваться сама по себе, не переставая существовать» [7: 64–65].

Трехпольная система широко использовалась и в Нальчикском округе, хотя требовала от русского крестьянина большого напряжения сил. В условиях земельного простора на начальном этапе освоения Северного Кавказа задача сохранения плодородия почвы решалась просто – распашкой новых плодородных земель и забрасыванием старых пахотных участков на неопределенное время. Ведь при соблюдении необходимых сроков запуска залежная система вполне обеспечивала нормальное функционирование сельскохозяйственного производства.

Изменения, происходившие в экономике Терской области во второй половине XIX в., исследователи рассматривают как переход от военной жизни к мирной. Утверждение рыночных отношений захватило все сферы экономики Терской области, в том числе и аграрный сектор. В определенной степени это было связано с ростом славянского населения. Самую крупную группу жителей Нальчикской слободки составляли русские («великороссы»). Например, только в крепости Нальчик в 1864 г. проживали 608, в 1872 г. – 1114 и в 1884 г. – 1635 человек (не считая жителей горско-еврейского поселения) [16: 104]. Увеличение переселенческого движения способствовало повышению объемов торговли, появлению новых центров продажи товаров и домашних изделий, крупных оптовых центров закупки зерна, а вместе с этим наблюдался рост всех отраслей сельского хозяйства. Это хорошо описано в газете «Терские ведомости» за 1868 г.: «Мы видим, как Кавказ и Закавказье быстро начинают развиваться в XIX в., теперь слышна русская речь, устанавливается порядок правления, умершая навеки война не мешает успешному, спокойному течению из России на Кавказ мирных учреждений и преобразований. Губернии и уезды приобретают права и активно развиваются» [9: 3].

Получив земли от государства, купив их у владельцев или взяв в аренду, казаки и крестьяне занимались земледелием. Сложилась устойчивая традиция – перенимать опыт и трудовые навыки местного населения. Переселенцы прекрасно понимали, что горцы-старожилы опытным путем определили лучшие способы ведения земледелия. Ведь земледелие являлось древнейшим занятием кабардинцев и балкарцев. Так, например, был заимствован новый сельскохозяйственный календарь и новые культурные растения [2: 49]. В свою очередь горцы под влиянием совокупных условий окружающей природы и мировоззрения, слагавшихся совершенно особым образом под наплывом переселенцев, приносивших уже готовые выработанные формы земледелия, переходили от одного способа обработки пашен к другому.

Однако хозяйственные возможности казачества и русского крестьянства Нальчикского округа были ограничены. Во-первых, для пахоты использовался

тяжелый «малороссийский» плуг, в который надо было запрягать до 10 волов. Но у большинства казаков и крестьян не было такого большого количества скота, поэтому им приходилось спрятаться и вспаханную землю делить между собой пропорционально числу рабочего скота. Поэтому они могли вспахать только небольшую часть имевшейся у них земли. Во-вторых, казаки были заняты на военной службе, сельскохозяйственные работы часто выполняли женщины, подростки, старики и инвалиды, которые не могли обработать большие земельные наделы [15: 2], поэтому пашни к посеву старались готовить заблаговременно. Из этого видно, что крестьянам занятие земледелием давалось сложно. Обычно после пахоты землю оставляли «киснуть» все лето в пластах и более не перепаживали, а только боронили по мере надобности. Повторно вспашку делали весной, только если пашня зарастала сорняками. Крестьяне и казаки могли себе позволить не сеять и на второй год, благодаря наличию большого количества свободных земель широко использовалась система, когда после двух-четырёхразового использования земельные участки оставляли «отдыхать», перенося пахоту на новые территории – целинные или залежные [2: 45] – на 8–12 лет, иногда даже 15–20 лет.

Например, корреспондент газеты «Терские ведомости» отмечает, что казачье население области гораздо лучше обеспечено землей, чем соседи-горцы и пришлое русское население. К примеру, русский крестьянин имел в 1872 г. 4,1 десятины на душу населения, а терские казаки в конце 1889 г. – 21,3. Но «обилие земли породило здесь явление совершенно неизвестное массе крестьянского населения России: казачьи семьи просто не в состоянии обрабатывать свои земли собственными силами и прибегают к найму пришлых рабочих, отдают излишки земли в аренду или просто оставляют их без всякой обработки» [3: 2].

Никаких удобрений при выращивании культурных растений практически не вносилось, корневища успевали хорошо перегнить, вековой дерн под механическим воздействием плуга и бороны разрушался. Но при подъеме высокогорных почв оборот поднимаемого пласта был необходим и особенно важно было уложить верхний растительный слой в низ борозды, чтобы создать условия для быстрого разложения дернины.

Пахать каменистые и залежные горные земли крестьяне считали делом не только трудным, но и ненужным. Бесполезным – в связи с тем, что хлеб хорошо рос и на мелко вспаханной новине, а невыгодным потому, что глубокая вспашка ускоряла истощение земли. Этим требованиям обработки почвы отвечал плуг. Интересно, что переселенцы пробовали пахать российскими сохами — «рогальюхами», но из этого, как показала практика, ничего хорошего не получилось. Плуг намного лучше переворачивал землю, в отличие от сохи, он был прочным, позволял срезать, поднимать и переворачивать слой земли [11: 92], у сохи же полица не столько отваливала пласт, сколько

его крошила и перемешивала. Конечно, по сравнению с плугом соха требовала при пахоте меньшего тягового усилия лошади, но зато больших физических усилий и мастерства от пахаря. Глубина обработки почвы сохой – до 12 см. Соха использовалась в основном для пахоты горных почв около ледников и снежников, где толщина плодородного слоя редко достигала 15 см.

На территорию Нальчикского округа Терской области русскими переселенцами привозилась и новая техника, сделанная по лучшим зарубежным образцам на заводах и фабриках; они переносили на новые места свои навыки, знания и умения, использовали новые технологии для борьбы с сорняками, почву бороновали, ведь грамотное боронование позволяет не только сохранить драгоценную влагу, но и значительно улучшить состояние почвы [20].

Приемы и способы обработки земли, выработанные многолетней практикой народной агрономии, исходили из местных условий. На их основе решались главные проблемы земледелия – сохранение влаги в почве и уничтожение сорняков. Для горного земледелия характерно было широкое применение искусственных террасных полей. Земледельцу необходимо было приложить огромное количество труда, чтобы сделать самую маленькую по площади террасу. Для этого нужно было сначала выровнять склон, затем очистить его от камней, укрепить края и принести на него почву и удобрение. Террасирование горных склонов в целях повышения сохранения и аккумуляции почв, влаги, повышения урожайности признано одним из величайших достижений древнего населения наряду с одомашниванием растений и животных. Человек менял гору, но и она обратным воздействием меняла сознание горца, меняла само общество, сотворившее эту культуру [1: 30].

При таких огромных усилиях, которые затрачивались для выращивания хлебов в горах, продуктивность урожая была самая низкая, но зато горные районы Нальчикского округа славились своими высококачественными сортами зерновых культур. При этом система земледелия отличалась от равнинного. Так, например, если в конце XIX – начале XX в. в горных селениях сохранялась переложная система, то на равнине, благодаря русским крестьянам, стала применяться паровая. Переход от перелога к паровой системе означал прогресс земледелия, способствовал увеличению производства хлеба [5: 11].

Выше мы уже показали, что земледельческая полоса горных районов была крайне сложной для хлебопашества. Пашенное земледелие находилось в прямой зависимости от количества удобных земель и почвенных условий. Так, начальник Нальчикского округа в отчете за 1883 г. отмечал, что на 1-м участке округа, значительную часть которого составляло горское общество

(Балкарское, Безенгиевское и Хуламское), были проблемы с земледелием, поэтому хлеб покупали у населения, которое жило на плоскости, на средства, полученные за счет скотоводства, которое было их главным промыслом [17]. На 2-м, 3-м и 5-м участке, которые находились в южных степных и лесостепных зонах, где состав почв благоприятствовал хлебопашеству, процент земледельческой прибыли был, естественно, выше. В 1883 г. количество собранного хлеба во всем округе, насчитывавшем 134 917 жителей, составило 324 192 четверти. По участкам этот размер был приблизительно таким: 1-й участок – 1,36 четверти, 2-й участок – 2,18, 3-й участок – 3,53 и 5-й участок – 2,25 четверти.

Таким образом, горная местность 1-го участка значительно отставала от других участков Нальчикского округа. Проблема заключалась не только в природно-климатических и почвенно-грунтовых условиях участка, но и в низком уровне агрокультурных знаний среди местного населения. Здесь преобладали крупные помещичьи и мелкие арендованные хозяйства [18]. Крестьяне же страдали от недостатка передового опыта и инициативности, испытывая острую нужду в финансах и грамотных рекомендациях по ведению эффективного хозяйства.

Подтверждением значимости аграрного вопроса является информация начальника Терской области и атамана Терского казачьего войска, сообщавшего 22 февраля 1900 г.: «Главное занятие жителей моей области составляет хлебопашество, которое для большей части населения служит едва ли не единственным источником благосостояния» [19]. Этот документ подчеркивает важную роль сельского хозяйства в экономике региона и необходимость своевременного решения проблем, связанных с его развитием.

Таким образом, приведенный материал свидетельствует, что население Нальчикского округа Терской области прошло сложный путь развития аграрного сектора, начиная от примитивных форм земледелия и заканчивая внедрением передовых агротехнологий в конце XIX – начале XX в. Природные условия региона определили специфику формирования агротехнических традиций, адаптированных к местным особенностям ландшафта и климата. Социально-экономическая ситуация, обусловленная миграционными процессами, колонизацией и развитием аграрной инфраструктуры, существенно повлияла на динамику изменений в сельскохозяйственной деятельности. Исследование выявило разнообразие систем земледелия, использовавшихся местными жителями, в зависимости от места проживания, что указывает на гибкость и приспособляемость горцев к внешним изменениям. Подводя итог, можно утверждать, что изучение истории земледелия в регионе позволяет лучше понять механизмы адаптации сельского хозяйства к новым экономическим условиям, сложившиеся после прихода русских крестьян на территорию Северного Кавказа.

Источники и литература

1. Агларов М.А. Еще раз о сельскохозяйственных террасах Дагестана // Вестник Дагестанского научного центра. 2016. № 62. С. 30–53.
2. Басиев С.С., Бекузарова С.А., Чииева М.Ч., Айсханова Е.С. История земледелия на Северном Кавказе // Аграрный вестник. 2023. Т. 16. № 1. С. 43–50.
3. Белобородов А. Земледелие в Терской области // Терские ведомости. 1895. № 107.
4. Болотов А.Т. Избранные сочинения по агрономии, плодоводству, лесоводству, ботанике. М., 1954.
5. Болурова А.Н., Атабиев И.Б. Основные системы земледелия у народов Северного Кавказа // Кронос. 2021. № 1 (51). С. 11–14.
6. Дзалаева К.Р. Особенности сельскохозяйственного развития Терской области во второй половине XIX – начале XX в. // Известия СОИГСИ. 2022. № 44 (83). С. 55–65.
7. Еромолов А.С. Организация полевого хозяйства: системы земледелия и севооборот. СПб., 1891.
8. Калоев Б.А. Земледелие у горских народов Северного Кавказа (некоторые итоги работы над Кавказским историко-этнографическим атласом) // Советская этнография. 1973. № 3. С. 43–53.
9. Кеиев. Несколько слов о значении издания «Терских ведомостей» // Терские ведомости. 1868. № 1.
10. Маслов П.П. Аграрный вопрос в России: в 2 т. Т. 1–2. СПб., 1905–1908.
11. Меркулов А.В., Бабенков А.И., Полохин А.М. Этапы и основные направления развития машин для основной обработки почвы // Агротехника и энергообеспечение. 2014. № 1. С. 91–96.
12. Найдёнов А.С., Цаценко Л.В. История земледелия в комментариях и иллюстрациях: уч. пос. Краснодар, 2012. 86 с.
13. Психомасова А.Р. Развитие сельского хозяйства на Северном Кавказе в XIX веке // Agrarian History. 2024. № 17. С. 54–61.
14. Советов А.В. О системах земледелия. СПб., 1867.
15. Тхамокова И.Х. Особенности землепользования терского казачества XIX – начала XX в. // Вопросы казачьей истории и культуры. Майкоп, 2008. Вып. 4. С. 61–67.
16. Тхамокова И.Х. Этносоциальный облик Нальчика по материалам переписи населения 1897 г. // Общество: философия, история, культура. 2018. № 8 (52). С. 103–107.
17. Управление Центрального государственного архива Архивной службы Кабардино-Балкарской Республики (далее – УЦГА АС КБР). Ф. И-6. Оп. 1. Д. 71. Л. 28 об.
18. УЦГА АС КБР. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 71. Л. 57.

19. Центральный государственный архив Республики Северная Осетия – Алания. Ф. 11. Оп. 1. Д. 52.

20. Шархова В. Сухой полив: боронование как способ эффективного влагосбережения // Панорама. 2025. 15 мая.

С.О. Текеев

К ИСТОРИИ КАРАКЕНТСКОЙ УГОЛЬНОЙ КОПИ НА ТЕРРИТОРИИ КАРАЧАЕВО-ЧЕРКЕСИИ В XIX в.

Территория современной Карачаево-Черкесии богата полезными ископаемыми, часть которых (прежде всего полиметаллические руды) добывалась здесь с глубокой древности. В 1830–1840-е гг. в рассматриваемом регионе были выявлены месторождения каменного угля. Практически все они находились в бассейне р. Кубани, причем на относительно небольшой площади (около 20 верст) в предгорной зоне – от Каменного моста до Верхнениколаевского поста (в районе будущей ст. Красногорской). Российские власти проявили к этим месторождениям большой интерес и были заинтересованы в их разработке. Однако в условиях нестабильной военно-политической ситуации в регионе, связанной с продолжавшейся Кавказской войной, частный капитал Российской империи не спешил вкладываться в угольные разработки. В итоге начавшиеся в регионе в 1846 г. промышленные разработки угля были инициированы государством и велись за казенный счет. Первыми начали разрабатываться Хумаринские копи, к которым постепенно добавились и другие месторождения.

Разработка каменного угля на интересующем нас Каракентском месторождении (названном так по одноименной небольшой речке – левому притоку Кубани) началась в 1861 г. Она велась открытым и подземным способами. Первоначально промышленная разработка здесь также была инициирована государством. К угледобыче привлекли солдат расквартированного неподалеку линейного батальона. Они являлись основной рабочей силой на копи в течение пяти лет. В 1861 г. ими было добыто 170 000 пудов угля, в 1862 г. – 200 789, в 1863 г. – 147 320, в 1864 г. – 140 000, в 1865 г. – 144 000 [4: 110–115]. Таким образом общий объем угледобычи за это время составил 802 109 пудов, или 13 138,5 т.

Основными потребителями каракентского и в целом кубанского угля были окрестные укрепления и казенные (государственные) учреждения в соседних городах и станицах степной зоны. Большая часть топлива поставлялась в города Кавказских Минеральных Вод (Пятигорск, Георгиевск, Кисловодск и др.), а также в Ставрополь.

В 1866 г. Каракентская шахта перешла в частную разработку горного инженер-капитана Д.В. Пиленко. Он получил ее в откуп на десять лет, заключив контракт со штабом войск Кубанской области. Условия договора предусматривали, что откупщик не будет выплачивать государству за пользование угольными копиями арендную плату, но налагали на разработчика определенные обязательства. Д.В. Пиленко должен был поставлять уголь государственным учреждениям в Ставрополе, Пятигорске и Георгиевске в объеме не менее 175 тыс. пудов по цене 25 – 27 копеек за пуд; содействовать в устройстве в казенных зданиях соответствующих печей; открыть в Ставрополе угольный склад для продажи топлива частным лицам. После истечения срока договора предприниматель обязывался передать Каракентскую шахту вместе со всеми «устройствами и постройками» обратно в собственность государства [1: 242 – 243].

В сентябре 1866 г. на Каракентской копи вместо солдат уже трудились вольнонаемные рабочие (45 человек), что привело к небольшому увеличению стоимости одного добытого пуда угля с 5 до 6 копеек [5: 86].

После проведенной реорганизации на шахте начали постепенно увеличивать добычу угля. На него имелся устойчивый спрос. В то же время в 1874–1875 гг. на северокавказском рынке потребителей угля произошли серьезные изменения, которые привели к резкому увеличению потребности в местном топливе. В эти годы начала функционировать Ростово-Владикавказская железная дорога, для поездов которой стали массово приобретать кубанский уголь. Увеличившийся спрос привел к резкому росту угледобычи, в том числе на Каракентской копи. Буквально за несколько лет добыча увеличилась более чем в два раза: с 170 до 400 тыс. пудов в год [7: 63–64].

В то же время в 1876 г. наступил срок окончания аренды Каракентской шахты. Она должна была перейти обратно в собственность государства, которое в дальнейшем должно было определить ее правовой статус. Законы того времени позволяли вновь передать шахту путем публичных торгов в аренду частному лицу на определенный срок. Однако наместник на Кавказе, великий князь Михаил Николаевич, отмечал, что аренда частными лицами государственного имущества часто ведет к его «хищнической» эксплуатации, которая приводит его в полную негодность. Это же относилось к шахтам, где оборудование и залежи природных ископаемых к концу срока аренды часто становились непригодными к дальнейшей разработке. В связи с этим Кавказский наместник предлагал продать Каракентскую угольную копи частным предпринимателям [4: 157–158]. Это решение было поддержано, и Кавказский комитет в 1876 г. решил, устроив публичные торги, продать «Каракентский каменноугольный рудник» с прилегающей «рудничной площадью в одну квадратную версту» [4: 257].

Однако быстро продать шахту не удалось. В течение нескольких месяцев покупатель не находился. Тогда было принято решение вновь передать Каракентскую шахту во временную аренду частному лицу. В октябре 1876 г. права арендатора получил барон Рудольф Васильевич Штейнгель. Он согласился платить государству по 0,5 копеек с каждого пуда добытого угля. При этом он не ограничивался ни в объемах добычи, ни в ценовом потолке на реализуемое топливо. В то же время Управление горной частью на Кавказе обязывало арендатора содержать шахту в исправности, следить за ее обслуживанием, предотвращая затопления, обрушения и другие повреждения. В обеспечение этих обязательств Р.Ф. Штейнгель предоставлял залог в размере 1000 рублей. Он также получал право пользоваться всеми турлучными и деревянными постройками шахты, включавшими помещения для проживания рабочих и смотрителя, хранения инвентаря и угольный склад [7: 68–69].

Одновременно с подачи государственных структур было инициировано обследование Каракентских залежей угля на предмет их количества и перспективности разработки. Его провел горный инженер А.П. Карпинский, согласно подсчетам которого запасы угля составили около 22,15 млн пудов (около 362,2 тыс. т) [7: 68]. Таким образом, при сохранении текущих темпов добычи шахта могла быть рентабельной еще как минимум 50 лет. Это привело к росту популярности Каракентской копи и продемонстрировало перспективность разработки местных угольных месторождений.

Обнарожденная информация способствовала тому, что в 1878 г. нашелся частный предприниматель, пожелавший выкупить Каракентскую шахту. Им оказался В. Утяков, уже владевший к тому времени Хумаринскими копиями, а вскоре приобретший Макарьевскую шахту. Таким образом, он стал крупнейшим угольным магнатом Северного Кавказа, в значительной степени монополизировавшим данную отрасль [6: 31].

В 1870-е гг. в регионе в целом и на Каракентской шахте в частности наблюдался угольный бум. Однако успехи в данной отрасли оказались кратковременными. В 1880-е гг. кубанский уголь столкнулся с серьезным конкурентом в виде донецкого антрацита. Последний был гораздо качественнее, отличался большей теплоотдачей, меньшей дымностью и т.д. Хотя он и стоил дороже кубанского угля (на 10–15 копеек с пуда), но в первую очередь железнодорожники стали отдавать предпочтение именно ему. Это привело к затяжному кризису в угольной промышленности региона Верхней Кубани. Угледобыча стала заметно падать. В 1881 г. на всех местных шахтах она составила всего 175 тыс. пудов, а к 1884 г. сократилась до 52 тыс. пудов [6: 31–32]. И хотя в дальнейшем ситуацию удалось несколько стабилизировать (в 1887 г. на шахтах рассматриваемого региона было добыто 115,7 тыс. пудов угля [2: 127–128]), к показателям 1870-х гг. вернуться так и не удалось.

Параллельно с падением угледобычи резко снижалась численность рабочих на шахтах. По данным на 1889 г., на Каракентской копи работало всего 3 шахтера, которые добывали 32,5 тыс. пудов угля в год [2: 151–153]. Тем не менее это составляло 19,5 % от всего объема добываемого в регионе топлива; а из 5 действовавших на тот момент шахт региона Каракентская показывала второй результат по угледобыче. На первом месте находилась Хумаринская угольная копь, на которой 10 рабочих добывало 110 тыс. пудов (66 % от всего объема) угля в год [2: 151–153].

В целом кризис 1880-х гг. тяжело отразился на работе Каракентской угольной копи. Попытки реанимировать ее прежние успехи и нарастить производство оказались неудачными. Проблемы в сфере угледобычи все же привели к закрытию шахты. В начале XX в. в регионе осталось только две действовавших угольных копи – Хумаринская и Георгиевская [3: 108]. Возрождение же угледобычи на Каракентском месторождении произошло только в советский период (1930-е гг.).

Таким образом, попытка наладить эффективную добычу каменного угля и выстроить соответствующую инфраструктуру в районе р. Каракент на территории современной Карачаево-Черкесии в имперский период не увенчалась успехом. Одной из главных причин этого следует считать угольный кризис, охвативший регион в 1880-е гг. В то же время определенную роль, как представляется, сыграли предпочтения частного предпринимателя, в условиях кризиса отдавшего приоритет сохранению и развитию добычи на более известном и разработанном месторождении (Хумаринском). Тем не менее опыт работы Каракентской угольной копи показал наличие в данном районе богатых и перспективных угольных залежей. В дальнейшем это привело к возобновлению разработок и основанию целого шахтерского поселка (сегодня носящего название Орджоникидзевского), предтечей которого можно считать Каракентскую угольную копь с сопутствующей инфраструктурой.

Источники и литература

1. Кошкуль Ф., фон. О кубанском каменном угле // Горный журнал. 1867. Кн. 5. С. 222–244.
2. Отчет г-ну Министру государственных имуществ о деятельности Управления горною частью Кавказского края в 1887 году. Тифлис, 1888.
3. Отчет о состоянии горного промысла в Кубанской области и работах горного отделения Кубанского областного правления / сост. Е.М. Юшкин, Д.Р. Бакланов. Екатеринодар, 1914.
4. Социально-экономическое, политическое и культурное развитие народов Карачаево-Черкесии (1790–1917). Сборник документов / под ред. П.А. Шацкого, С.П. Шацкой. Сост. В.П. Невская и др. Ростов н/Д., 1985.

5. Статистические сведения о состоянии и производительности горных заводов и разработок на Кавказе и за Кавказом в 1866 году // Сборник статистических сведений о Кавказе, издаваемый Кавказским отделом Императорского Русского географического общества. Т. I. Тифлис, 1869. С. 77–94.

6. Тебуев Р.С. Зарождение промышленности в Карачаево-Черкесии (40-е годы XIX в. – 1917 г.). Черкесск, 1975.

7. Фелицын Е.Д. Кубанский каменный уголь // Памятная книжка Кубанской области на 1877 год. Екатеринодар, 1877. С. 35–70.

С.М. Дугинец, А.В. Полещук

СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННЫЕ ВЫСТАВКИ 1850–1860-х гг. КАК ОДИН ИЗ ФАКТОРОВ РАЗВИТИЯ СТАВРОПОЛЬСКОЙ ГУБЕРНИИ

К началу второй половины XIX в. Российская империя сохраняла статус преимущественно аграрной страны. Обработка почв, культивация растений и внедрение агротехнических новшеств составляли значительную часть экономики страны, что обуславливало приоритетное финансирование сельского хозяйства. Тогда же ключевой проблемой стало определение потенциальных регионов для развития аграрного сектора. В этом контексте выставки сельских произведений, организованные в середине XIX в. по инициативе Министерства государственных имуществ, а в дальнейшем – местных властей в честь знаковых событий, выполняли просветительскую и популяризаторскую функции [6: 340].

Ставропольская губерния к середине XIX в. всё больше подтверждала свой статус приоритетного региона для масштабного развития агропромышленного комплекса. В крае применялась трехпольная система, но широкого развития интенсивных сельских хозяйств еще не проводилось [7]. Специализированные выставки, организованные местной администрацией, способствовали решению задач в рамках данной цели: их программа включала демонстрацию достижений жителей региона как в сфере сельского хозяйства, так и в смежных отраслях. Подобный фактор выделял Ставропольскую губернию как наиболее востребованную для империи территорию, развивающуюся в области животноводства, богатую разнообразными земледельческими культурами, включая ценные зерновые.

В Российской империи 1850-е гг. ознаменовались экономическим напряжением, вызванным Крымской войной (1853–1856) и проведением реформ, предвещающих отмену крепостного права в следующем десятилетии. На Ставрополье основу экономики составлял труд государственных

крестьян, представлявших основную массу населения губернии. Постепенно устанавливались контакты с кочевниками, открывались меновые дворы для обмена товарами с горцами. В августе 1850 г. Ставропольский земский суд объявил о скором открытии выставки «всех произведений и изделий фабричной, заводской, ремесленной и другой местной промышленности» [4: 1]. Уведомление было направлено и атаману Кавказского линейного войска с распоряжением «о приглашении мирных горцев к участию в сказанной выставке» [4: 2]. Хотя изначально выставка обозначалась именно как промышленная, последующие уведомления о предстоящем событии членам городских дум содержали формулировку о выставке «произведений природы или своих искусств» [4: 3].

Несмотря на административные усилия, многие населенные пункты отказались от участия. В рапорте членов Кизлярской городской думы гражданскому губернатору Ставрополя горожане обосновывали свой отказ от участия тем, что «в выставке участвовать не могут по случаю неудобства в доставлении винограда – единственного в здешних местах произведения, шелководство же в упадке, а более продуктов, достойных внимания, нет» [4: 7]. Население Георгиевска также отказалось представлять свои произведения ввиду отсутствия каких-либо особых достижений [4: 8]. Причина могла состоять в том, что объявление о проведении выставки было издано поздно: подготовить соответствующие экспонаты было для многих жителей затруднительной задачей. В то же время Ставропольская палата государственных имуществ начала требовать от населенных пунктов уезда описи «по предметам из произведений сельского хозяйства, представляемых на имеющую быть во время проезда Его Высочества наследника цесаревича выставку» [4: 12].

Выставка приобретала характер сельскохозяйственной. В начале сентября Кизлярско-Моздокский начальник окружного управления государственных имуществ представил в палату образцы произведений хозяйства и промышленности жителей села Калаева Яма: «Шелка в размотанном и сученном видах, крашеной шерсти и коренья марины, разведенной калаево-ямскими жителями, из коей добывается красная краска, очень способная для выкрашивания шерсти» [4: 13]. В результате Александру Алексеевичу Волоцкому, гражданскому губернатору Ставрополя, 27 сентября был прислан рапорт, в котором сообщалось следующее: «Одна только экономия помещика Скарятинского прислала 7 волотников шелку, который представлен в суде; все же прочие отозвались неимением ничего заслуживающего быть представленным на ту выставку, а помещик Ребров, как отозвалась контора его имения, требуемые произведения имеет представить только прямо от себя» [4: 18–18 об.]. Горцы также отказались от участия «по неимению у них никаких предметов, заслуживающих особенного внимания» [4: 20 об.].

Помимо местных мероприятий, жители Ставропольской губернии имели возможность представлять свои произведения на более масштабных выставках в ближайших крупных городах. Так, в ноябре 1853 г. планировалось провести вторую выставку естественных и промышленных произведений Кавказа в Тифлисе, для организации этой выставки был образован комитет под председательством барона Мейендорфа. О проведении мероприятия А.А. Волоцкого оповестили еще в марте, к сообщению прилагалось 20 экземпляров программы выставки, которые следовало разослать уездным начальникам, участковым заседателям и «всем лицам, занимающимся сельским хозяйством и промышленностью в губернии» [5: 1 об.]. Описание каждого предмета должно было содержать сведения о способах и количестве его производства, употреблении, месте сбыта, цене как оптовой, так и розничной [5: 18]. Также подчеркивалось, что, если всё же найдутся желающие показать свои произведения, они должны будут, не дожидаясь общего сбора со всего региона, отправить экземпляры в канцелярию князя-наместника Кавказского. Характерно, что в завершении сообщения предстоящая выставка именовалась председателем комитета как «полезное для края дело» [5: 1 об.].

Заседатели Новоселицкого и Медвеженского участков сообщали, что на их территориях желающих представить на выставке произведения не оказалось [5: 50–51]. Заседатель четвертого участка Ставропольского земского суда Авдиковский также не нашел участников, однако предложил на рассмотрение «кусочек белой глины, в том внимании, что такая добывается в селении Белой Глины и Преградном в весьма значительном количестве» [5: 52 об.]. В большинстве случаев проведение сельскохозяйственных выставок планировалось на начало или середину осени. В 1863 г. Ставропольскому полицмейстеру сообщалось о приказе великого князя Михаила Николаевича, бывшего на тот момент наместником Кавказским, открыть в Тифлисе выставку «всякого рода сельских и городских произведений Кавказского и Закавказского края» [1: 1]. Ставропольские сельские хозяева, заводчики, промышленники, известные высоким качеством изготавливаемых произведений или выращиваемых культур, должны были отправиться в Грузию. Административные сроки были крайне сжатыми: извещение губернатора датировано 20 сентября, а сама выставка планировалась на 15 октября, соответственно, на подготовку оставалось менее месяца. Конкретных требований относительно проведения мероприятия установлено не было, однако губернатор рекомендовал использовать некие общие правила, напечатанные в «Кавказском календаре». Относительно финансирования пути участников предполагалось, что «за провоз продуктов, отправляемых на вольнонаемных подводах, деньги будут уплачиваемы из сумм Кавказского Общества сельского хозяйства» [1: 1 об.]. Необходимо было также установить цену на каждое произведение, определить «количество его производства» [1: 1 об.].

В дальнейшем полицмейстеру от частных приставов приходили рапорты об объявлении полученной информации лицам соответствующих профессий. Данных об участии ставропольчан в данной выставке в фондах Государственного архива Ставропольского края нами пока не установлено.

В мае 1865 г. ставропольский губернатор Константин Львович Пашенко, согласно утвержденным бывшим министром государственных имуществ правилам, обязывался провести в подведомственной ему губернии выставку сельских произведений [2: 4]. В приложенном объявлении уточнялись дата – 12 октября, место проведения – город Ставрополь, а обязанность управления предстоящим событием возлагалась на особый комитет, «который для этого будет составлен из разных лиц под председательством начальника губернии» [3: 2]. Там же подробно были прописаны требования, предъявляемые к подготовке каждым участником своих экспонатов, и сразу же указывалось, что «на выставки сельских произведений принимаются все предметы сельскохозяйственной промышленности в сыром виде» [3: 2]. Впрочем, согласно примечанию, для некоторых видов произведений допускалось их представление «как в первообразном виде, так и в степенях домашней обделки»: варенье, пастила, медовые пряники и т.п. [3: 2]. Показательно, что на выставку допускались «мануфактурные домашние изделия, выработанные из собственных сырых материалов и своими домашними средствами, и особенно фабричные изделия», при этом последние не получали каких-либо наград, а их творцы могли быть только «удостоены публичной похвалы в описании выставки и похвальных листов от комитета» [3: 2].

В городскую думу губернатор отослал 10 экземпляров объявлений, предводителю дворянства – 33, что, возможно, объясняется предложением последнему стать членом комитета выставки и пригласить других помещиков, дворян также вступить в него [2: 1 об.]. В результате, однако, многие из приглашенных отказались от предложений: полковник Давыдов и штаб-ротмистр Колонтаров «по случаю болезненного их состояния» [2: 21об.], коллежский ротмистр Аршев из-за необходимости лично контролировать сбор винограда [2: 14 об. – 16]. Согласился на предложение полковник Шавиков [2: 11].

Предводитель был обязан сделать распоряжение о рассылке приложенных объявлений «во все волостные и сельские управления для предъявления их временно-обязанным крестьянам» [2: 2]. В уже упомянутых ранее приложенных губернатором «Нормальных правилах для губернских выставок сельских произведений», утвержденных министром государственных имуществ 4 мая 1861 г., основная цель подобных мероприятий определялась как стимул к поощрению и совершенствованию «всех отраслей сельского хозяйства и сельской ремесленности» [2: 4]. Выставки должны были сближать производителей между собой для дальнейшего сотрудничества,

обеспечивать обмен опытом в конкретных сферах производства, поощрять путем состязаний дальнейшее производство. Наиболее значимым представляется, что сельскохозяйственные выставки «составляют пособие к определению степени развития, на которой находится сельское хозяйство в данной местности, и таким образом указывают правительству на мероприятия, нужные для дальнейших успехов хозяйства» [2: 4]. Принять участие в выставке могли представители всех сословий: в итоговом описании выставки, составленном распорядителем, в специальной таблице приводились число представителей каждого сословия, количество представленных ими произведений с приблизительной суммой и т.п. [2: 4].

Распорядители выставки составляли особую книгу, куда вносили все экземпляры с обозначением их представителей. Комитет определял количество и размер денежных премий, мог удостоить лучших представителей публичной похвалы. Частная инициатива поощрения приветствовалась, но все финансовые операции проходили только через комитет. В одном из последних пунктов правил довольно поверхностно были даны критерии присуждения премии. Так, для получения награды предметы должны были составлять «важнейшее по обширности и развитию своему занятие местных жителей, или в развитии которых ощущается особая потребность» [3: 2 об.]. Особое внимание уделялось также способам, количеству и объему производства конкретного предмета.

Таким образом, выставкам сельских произведений отводилась роль просветительских и стимулирующих прогресс мероприятий, которые с каждым годом предполагалось проводить в более масштабном формате. В 1850-е гг. специализация выставок еще не была достаточно точно очерчена: изначально предполагалось представлять достижения технические, но затем в тематику входил и элемент сельскохозяйственной продукции. Однако основная масса населения Ставрополя также еще не была вполне знакома с таким явлением, как выставочная деятельность, что осложняло сбор экспонатов. Следующее десятилетие ознаменовалось частыми попытками представить продукцию Ставрополя как в самом регионе, так и за его пределами. Специализация вновь была расплывчатой. Несмотря на сохраняющуюся размытость специализации, ситуация изменилась в 1865 г., когда Министерство государственных имуществ поручило ставропольскому губернатору организовать выставку сельхозпродукции. Это мероприятие отличалось более высоким уровнем подготовки: были четко прописаны правила участия, конкурсные условия, система состязаний и критерии награждения. В дальнейшем, используя накопленный опыт, на Ставрополье начнут проводить специализированные тематические выставки, которые будут отражать постепенное экономическое развитие региона. Наибольшего расцвета выставочная деятельность на Кавказе достигнет в начале XX в.

Источники и литература

1. Государственный архив Ставропольского края (далее – ГАСК). Ф. 8. Оп. 33. Д. 1279.
2. ГАСК. Ф. 48. Оп. 1. Д. 116.
3. ГАСК. Ф. 95. Оп. 1. Д. 5781.
4. ГАСК. Ф. 101. Оп. 1. Д. 1705.
5. ГАСК. Ф. 101. Оп. 1. Д. 2801.
6. Гусева Т.М. Пропаганда агрокультурных новаций среди сельского населения Среднего Поволжья во второй половине XIX – начале XX века // Историко-культурное наследие российской деревни: сохранение и развитие: сб. ст. IX Всерос. (XVII средневожской) конф. историков-аграрников, археологов, этнографов Евразии. Казань, 2023. С. 339–346.
7. Климашкина Е.Ю. Сельскохозяйственные общественные организации в поисках путей преодоления агроэкономической отсталости на Дону и Северном Кавказе во второй половине XIX – начале XX века // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 2010. № 6. С. 50–55.

А.А. Боголюбов

ВОЕННАЯ И СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПОЛЯКОВ В АБХАЗИИ В XIX – НАЧАЛЕ XX в.

Выбор темы для доклада и публикации продиктован, с одной стороны, многолетними исследованиями автора истории поляков на Северном Кавказе. Деятельность представителей польского народа в Абхазии не могла не оставить следа на полях авторских работ. С другой стороны, тема может представлять огромный интерес для организаторов и гостей нынешней конференции с точки зрения места ее проведения, внося тем самым вклад в изучение еще одного аспекта социально-этнических отношений в регионе. Следует отметить, что под названием Абхазия автор подразумевает Республику Абхазию в ее нынешних границах.

Хотя временные рамки данной статьи охватывают XIX – начало XX в., приступить к изложению заявленной в заголовке темы автор хотел бы с сообщения о польском военном инженере Себастьяне Андерсе, который еще в XVII в. под видом купца путешествовал вдоль Черноморского побережья Кавказа, изучая турецкие береговые укрепления [5: 28]. По мнению автора статьи, часть этих укреплений находилась на побережье Абхазии,

а следовательно, не могла остаться вне поля зрения Андерса. В то время когда Андерс совершил свою разведывательную поездку, Речь Посполитая еще была одним из крупнейших в Европе независимых государств, игравшим существенную роль в европейских делах.

В период, о котором пойдет речь в статье, Польша уже утратила свою независимость и исчезла с политической карты Европы. Большая земля Речи Посполитой на рубеже XVIII–XIX вв. вошла в Российскую империю и оставалась в ее составе вплоть до начала XX в., когда Польша вновь обрела независимость. XIX – начало XX в. было временем, когда поляки приезжали на Кавказ как в качестве ссыльных, отправленных туда за участие в различного рода конспиративных организациях, боровшихся за возрождение независимой Польши, так и добровольно ввиду наличия условий для быстрого карьерного роста. Об этих двух категориях поляков, которые прибывали на Кавказ в описываемый период, и пойдет речь в статье.

Весной 1828 г. на Кавказ были высланы трое студентов Виленского университета – Константин Зах, Адам Тржасковский и Юзеф Гронтковский – за принадлежность к тайной организации «Племя сарматов», или «Друзья Отчизны» [10: 336; 638–639; 695]. Конечной целью своей деятельности организация ставила возрождение независимости Польши. Впрочем, никаких конкретных шагов «Сарматы» так и не предприняли.

Один из них, Адам Тржасковский, служа преимущественно в Абхазии, сделал там блестящую для ссыльного карьеру. В 1838 г. он был произведен в прапорщики и заведовал канцелярией управляющего Абхазией, Мингрелией и Гурией. Его исследовательские работы о Кавказе были опубликованы в газете «Кавказ». В 1841 г. А. Тржасковский стал адъютантом генерала Н.Н. Раевского, а в 1850-е гг. вышел в отставку в чине майора [10: 177].

Служившие в Абхазии, скорее всего, в 1850-е гг. польские ссыльные, которых принудительно включили в состав Отдельного Кавказского корпуса, воевавшего тогда с горцами, – Матеуш Гралевский и некий Ковалевский (имени установить не удалось) – выезжали в курортный Пятигорск. По словам Гралевского, являвшегося выдающимся мемуаристом, целью этих выездов было не только лечение, но и встречи с приезжавшими туда же под видом лечения родственниками, доступ которым в действующую армию, в том числе в Абхазию, был, естественно, закрыт [7: 409–410].

В 1830-е гг. в Польше, Украине, Литве и Беларуси активно действовала тайная организация, возглавляемая Шимоном Конарским. В дальнейшем к ней примкнула организация Францишека Савича. В 1838–1839 гг. организация была разгромлена, а многие ее члены сосланы на Кавказ «в солдаты» [9: 76]. Одному из сосланных членов организации, Владиславу Бахриновскому, в 1840 г. чудом удалось уцелеть в разгромленном горцами укреплении Вельяминовское (ныне Туапсе). Девять лет спустя, уже будучи унтер-офицером,

В. Бахриновский основал в Сухум-Кале ботанический сад, став его первым руководителем [10: 44].

Если уже упоминавшийся в этой статье Матеуш Гралевский может быть отнесен, по мнению автора, к разряду русофобов, то человека, о котором будет сказано далее, можно с полным основанием причислить к русофилам. Речь пойдет о Генрике Держеке, чьи мемуары о путешествии по Кавказу были опубликованы в Польше еще в 1848 г. [6: 77–215]

Восхищаясь славой русского оружия во время десанта российских войск в укрепление Вельяминовское с целью повторного овладения этим опорным пунктом и его восстановления, Держек затем подробно не только описывает свои впечатления от путешествия практически по всему Северному Кавказу, но и, что для данной статьи особенно важно, рассказывает о путешествии по Абхазии. Тогда, в 1840-е гг., этот край еще только осваивался русскими: строились крепости, прокладывались дороги. Судя по описаниям Держека, Абхазии еще достаточно долгое время предстояло быть ареной военных столкновений между российскими войсками и местными горцами. Однако вера Держека в силу русского оружия оставалась непоколебимой. Дальнейшие события доказали правоту польского мемуариста, который, к сожалению, оказался в нынешней Польше совершенно забытым.

В дальнейшем речь пойдет о тех добровольно служивших и воевавших в западной части Кавказа, в том числе в Абхазии, поляках, которые, увы, не оставили мемуаров, и судить об их деятельности возможно, только опираясь на архивные материалы.

Ян (Иван) Корзун, поляк и католик, происходил из польской дворянской семьи Могилевской губернии. В 1815 г. в возрасте 15 лет поступил на службу в Дворянский полк. С 1830 г. воевал с горцами на Западном Кавказе и в Абхазии. За эти бои удостоен высочайшей благодарности и ордена Святой Анны. В связи с полученным в 1837 г. тяжелым ранением в голову даже удостоился позволения носить фуражку вместо кивера. С 1854 г. в чине подполковника командовал 12-м Черноморским линейным батальоном [2: 229–247].

16-м (резервным) Черноморским батальоном с 12 января 1849 г. командовал Юзеф Вилямовский. Он родился около 1810 г. в польской дворянской семье в Виленской губернии и был неплохо для своего времени образован: за плечами была Виленская гимназия, которую он окончил. Знал арифметику, географию, русский и польский языки. Служа с 1840 г. на Кавказе, воевал с горцами, в том числе в Абхазии, за что был удостоен ряда боевых наград [2: 287–293].

В 1841 г. российское командование на Северо-Западном Кавказе ожидало довольно большой высадки группы польских эмигрантов, проживавших в Европе, – от нескольких десятков до нескольких сотен человек –

на Черноморском побережье, в том числе в Абхазии. Они должны были, по донесениям российских агентов, совместно с горцами воевать против России [1: 18]. Ожидания не оправдались [1: 5–6].

Во второй половине XIX в. война с горцами на Северном Кавказе была окончена. К сожалению, для автора исчерпан и поток материалов, относящихся к этому периоду, о поляках в Абхазии. Ситуация изменилась в начале XX в. Рассмотрим некоторые из материалов о поляках в Абхазии того периода.

Викентий Качиньский, агроном из Херсонской губернии, накануне Первой мировой войны несколько лет проработал в Сухуме. Несмотря на его желание переселиться в Кубанскую область, Качиньскому было в этом отказано [3: 1; 6].

Что касается периода революции и вспыхнувшей вслед за нею Гражданской войны, когда Польша обрела независимость, то автор в том, что связано с деятельностью поляков в Абхазии, располагает лишь некоторыми сведениями. Например, о том, что в 1919 г. польский консульский отдел как часть польского консульства в Новороссийске был организован в Гаграх [4: 23].

В середине 1930-х гг. путешествие по Закавказью совершил адъютант Юзефа Пилсудского Мечислав Б. Лепецкий, составивший подробное описание портов Черноморского побережья региона, а среди них – портов Абхазии. Описание содержало основные данные об истории, климате, растительности и населении региона [8: 28–36].

В заключение следует отметить, что попытка организации в Абхазии польского национально-культурного общества из постоянно проживавших там лиц польского происхождения была предпринята в 1990-е гг. Тогда во время одного из приемов в посольстве Республики Польша автору статьи довелось услышать выступление представительницы абхазской колонии, которая жаловалась на многочисленные трудности, связанные с организацией полонийного объединения. Более никаких сведений о такого рода деятельности автор не имеет.

Хотелось бы особо подчеркнуть, что деятельность поляков в Абхазии – неисчерпаемое поле для будущих исследований.

Источники и литература

1. Государственный архив Краснодарского края (далее – ГАКК). Ф. 260. Оп. 1. Д. 199.
2. ГАКК. Ф. 260. Оп. 1. Д. 1834.
3. Центральный государственный архив Республики Северная Осетия – Алания. Ф. 11. Оп. 64. Д. 571.
4. Archiwum Akt Nowych w Warszawie. Ministerstwo Spraw Zagranicznych. Departament Polityczno-Ekonomiczny. Wydział Wschodni. Sygn. 6674 B.
5. Baranowski B., Baranowski K. Polaków kaukaskie drogi. Łódź, 1985.

6. *Dzierżek H.* Wspomnienia Kaukazu // *Athenaeum*. 1848. Oddział drugi. T. III. Nr. 4. S. 77–215.
7. *Gralewski M.* Kaukaz. Wspomnienia z dwunastoletniej niewoli. Lwów, 1877.
8. *Lepecki M.B.* Sowiecki Kaukaz. Podróż do Gruzji, Armenii i Azerbejdżanu. Warszawa, 1935.
9. *Smirnow A.F.* Więziii rewolucyjne narodów Rosji i Polski w latach trzydziestych – sześćdziesiątych XIX wieku. Warszawa, 1972.
10. *Śliwowska W.* Zesłańcy polscy w Imperium Rosyjskim w pierwszej połowie XIX wieku: Słownik Biograficzny. Warszawa, 1998.

О.М. Морозова

КРИМИНАЛЬНЫЕ СОБЫТИЯ ВРЕМЕН АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ РЕСПУБЛИКИ в 1918–1920 гг.

Переломные точки истории изучаются под углом зрения политических событий, составляющих содержание эпохи, и последующих ее оценок. Но это не исчерпывает сути локальных происшествий, которые оказываются богаче складывающихся схем. Они помогают понять каркас исторических процессов, который формируется под действием движущих сил и выражается в периодизации, представляющей собой мысленную конструкцию, в которую мы «помещаем» историю [8]. Для реализации второго аспекта слишком мал разбег событий, но для проявления первого аспекта фактов достаточно. Случаи криминального характера дают богатый материал, так как совершаются на линиях разлома социального пространства, как точки подземных толчков обозначают границы соприкосновения тектонических плит.

Этот прием выявит перечень конфликтов разной природы, влиявших на развитие политических событий в период существования Азербайджанской Демократической Республики (АДР). Среди документов из фондов бывшего республиканского партийного архива (ныне Архив политических документов управления делами президента Азербайджанской Республики) встречаются не только воспоминания участников революционных событий на стороне большевиков и их союзников, но и документооборот прокуратуры и следственных органов АДР. Из всего массива происшествий криминального характера, как попавших в поле зрения органов правопорядка, так и оставшихся вне его, отобраны несколько отражающих степень партийно-политического, этнического и конфессионального размежевания населения региона.

1. Роль политического фундамента АДР выполняла партия «Мусават», которая сочетала в идеологии умеренный социализм с местным национализмом. Она возникла, отколовшись от социал-демократической тюркской партии «Гуммет». Идеологическое родство влияло на место партии «Гуммет» в АДР. Мамед Багирбек Шихзаманов, первый руководитель организации по борьбе с контрреволюцией (нередко называемой контрразведкой), объяснял, что лицо партии «Гуммет» проявилось не сразу, долгое время она рассматривалась как политический союзник «Мусавата».

Как реагировали политически активные лица на отсутствие идейного единства, демонстрирует случай, произошедший 5 сентября 1919 г. в кафе «Новый свет», когда в результате возникшей перестрелки были застрелены Гашим Алиев и Мир Фаттах Мусави (в документах он упоминается также как Мусеви). Оба – члены партии «Гуммет». В связи с последующим вхождением этой партии в РКП(б) ее членов стали считать большевиками. Наиболее справедливо это в отношении Алиева, который участвовал в советизации уездов. Мусави – высокопоставленный чиновник АДР, заместитель руководителя контрразведки.

Инцидент развивался так. Мусави, Алиев и председатель рабочей комиссии Левон Гогоберидзе ужинали в ресторане Галуста Мкртычева, когда туда пришли Гаджибек Саидбеков, его двоюродный брат Рагимбек Таиров (следователь Сараинского участка и мировой судья) и ремингтонистка управления железной дороги Бардина. Дальнейшие события участники и очевидцы инцидента описывают примерно одинаково. Саидбеков не сразу заметил своих знакомых Мусави (они оба родом из Шуши) и Алиева, но, когда заметил, раскланялся. Алиев иронично заметил, что, имея в родственниках вице-губернатора, кланяться нет нужды. В обмен колкими репликами вмешался Мусави, сказавший, что скоро вместо министров будут сидеть комиссары и Гогоберидзе будет одним из них. Мусаватист Саидбеков в ответ предложил своей компании тост за свободный Азербайджан. После этого разговор приобрел резкую форму. Саидбеков заявил о своей готовности умереть, но не отдать власть «большевикам-мошенникам и головорезам» [4: 8]. Заметив, что Мусави потянулся за револьвером в карман (или ему так показалось), выхватил свой парабеллум и, не целясь, стал стрелять. Направившегося к нему Гогоберидзе он ранил в живот. А Мусави и Алиев были убиты выстрелами сзади. Это значит, что они пытались выбежать из зала [4].

Режим АДР не имел прочной и однородной партийно-политической опоры. Внезапно вспыхнувшая пальба в кафе стала реакцией на это состояние. В массовых слоях политическое определение также не имело законченного характера, но это имело другие проявления. Продолжало действовать правило патриархального мира о помощи землякам и родственникам, невзирая на политическую позицию.

Оказавшись после падения Муганской советской республики в Порт-Петровске (ныне – Махачкала), контролируемом деникинцами, Рябов, командир одного из отрядов неопределенного политического оттенка, скрыл, что среди доставленных арестованных с о. Сара находится большевик Жириков. Рябов указал его представителю штаба Вооруженных сил Юга России генералу Д.П. Драценко в качестве сторонника муганских крестьян, что позволило Жирикову избежать расстрела, хотя он и остался под арестом.

2. В правоохранительных органах АДР продолжали работать юристы и следователи имперского периода. Следствие проводилось ими тщательно и непредвзято. Национальная рознь пока слабо влияла на работу этих органов исполнительной власти.

Случай первый. Дело об убийстве на горной дороге в Елисаветпольской губернии в феврале 1918 г. заведующего Журнабатской противочумной станцией А. Сильванова, ветеринарного врача Г. Жерновкова, ямщика С. Харченко. Следствие вели два армянина и один русский. Дознаватели сразу поняли, что это сделали не местные разбойники (кочи), которые по традиции не убивали своих жертв. В итоге было установлено, что причиной убийства стали месть и ложная информация, по которой преступники думали, что Сильванов вез большую сумму денег. Все убийцы оказались армянами-милиционерами. Один из убийц, комиссар 2-го участка Елисаветпольской губернии Баграт Михайлов, раньше работал на станции, но был уволен и поступил в милицию. Он был близким другом прежнего заведующего Лусса, уволенного в 1917 г. за нераспорядительность. При нем Михайлов и его друзья-милиционеры жили на территории станции, кормились и пользовались ее имуществом [5].

Случай второй. Убийство семьи Шушинского уездного воинского начальника Рачковского. Мотивы преступления оказались традиционными – месть и нажива. Началось с того, что молодой мусульманин Абульфаз Кулиев покончил с собой из-за безответной любви к дочери воинского начальника Нине Рачковской. Семья Кулиевых погрузилась в горе. В мае 1919 г. к его отцу Хушуду, члену правления общества взаимного кредита, явился Сумбат Гулиянц и предложил «осушить слезы матери», и для этого расправиться со всей семьей Рачковских – за деньги, которые ему заплатит Кулиев. Трупы четырех Рачковских – родителей, сына, дочери – и мальчика-армянина, жившего у них, были обнаружены на следующий день после убийства. Они были задушены или зарезаны, Нина перед смертью изнасилована. Дом ограблен. Группа армян и один мусульманин, совершившие преступление, были обнаружены и дали показания против Кулиева. Тот не признал вину, назвав это оговором на почве национальных противоречий. Было установлено, что незадолго до убийства Рачковских Гулиянц был принужден

к противоестественному половому акту мусульманином. Как это было связано с преступлением, неясно. Дело вели следователи – русские и армяне. Поскольку армяне не могли работать в мусульманском квартале, там свидетелей опрашивали русские коллеги [6].

К моменту завершения истории АДР политические пристрастия уже влияли на итоги ведущихся следствий.

Один из руководителей партии «Гуммет» Али Байрам-оглы Байрамов был убит 23 марта 1920 г., за месяц до прихода 11-й Красной армии в Баку. Только накануне этого события началась «чистка» госаппарата и города от членов партии «Гуммет». Проводились аресты. Байрамов исчез. Через три дня был обнаружен его труп, при этом тело и голова находились в разных местах.

Следствие вел товарищ прокурора Кремповский. Он установил, что полицейские, посланные для ареста Байрамова, взяли в заложники его семью, потому что того дома не оказалось. На следующий день Али сдался властям, был препровожден в тюрьму, но отпущен полицией, а затем убит своими однопартийцами за деятельность «азефовского характера» [7: 7]. Слухи о том, что с ним расправилась полиция, распространяли сами члены «Гуммет». Мамед Багир-бек Шихзаманов, тот самый первый начальник контрразведки, сообщил следствию, что по агентурным сведениям, полученным 16 апреля в типографии газеты «Новруз», большевик Али Байрамов (тезка и не родственник убитого) говорил, что смерть Байрамова, как кассира партии «Гуммет», пришлось кстати, так как избавила члена парламента Али Гейдара Караева от ответственности перед «русской компартией» за растрату 15 млн партийных денег. И теперь растрату можно было свалить на покойного [7: 5].

Насколько Мамед Шихзаманов может рассматриваться как добросовестный источник? В документах встретился отзыв некоего К. Амир-заде, бывшего члена «Гуммет», о Шихзаманове и руководимой им организации. Он, будучи гумметистом, состоял и агентом контрразведки АДР. Эта организация возникла только в июне 1919 г., на работу в нее были приняты представители «Мусавата» и «Гуммета». Из-за подрывной работы гумметистов Амир-заде назвал работу контрразведки «кукольной комедией» [2: 109–110]. Иногда приходилось для вида арестовывать своих же, а потом выпускать под разными предлогами. Если попадались деникинские агенты, то гумметисты в составе контрразведки выполняли свои обязанности аккуратно. Сами мусаватисты были мало заинтересованы в работе. Их начальник Шихзаманов «был дешевый на куплю», плохо понимал дело, передав оперативное управление контрразведкой Мусави [2: 109–110]. Возможно, рассказывая версию о растрате, Шихзаманов наделил убитого Байрамова своими представлениями о жизни.

Действия полиции не увязывались с версией прокурора. Полицейские утверждали, что Байрамова вообще не было в тюрьме, вместо него был ошибочно задержан другой человек, но после обнаружения оплошности отпущен. Однако один из полицейских дал показания, что несколько городских отвезли Байрамова на квартиру полицмейстера Рустам-бека Мирзаева, в полиции шептались, что увезенного убили те самые городовые по приказу Мирзаева.

Следствие продолжил другой прокурор, Назаров. Выяснилось, что первым об аресте и пропаже Байрамова заговорил Башир-бек Ашурбеков, известный в криминальных кругах человек. Назаров нашел в биографии Байрамова несколько интересных эпизодов. Али Байрамов был моряком, капитаном судна «Демосфен», команда которого была известна своим большевистским настроем. В июне 1918 г. турки конфисковали судно вместе с командой, но без капитана. Когда оно было возвращено в порт, команды на нем не оказалось. Некоторые считали, что турки расправились с моряками, а сдал их Байрамов. Судебный следователь Бакинского окружного суда по наиболее важным делам Коваленко не посчитал тему мести серьезной и обвинил Мирзаева и четверых городских в преднамеренном убийстве группой лиц [6].

Насколько убедительна эта версия, говорит то, что Мирзаеву, бывшему полковнику царской армии, служившему в казачьих частях, в это время было 80 лет, он уже 10 лет как находился в отставке. Его назначение на пост полицмейстера, как и его деятельность на этом посту, эффективными никак не назовешь, прежде всего из-за солидного возраста полковника. Не исключено, что Коваленко придерживался левых взглядов и его выводы испытывали влияние враждебного отношения к слугам «старого режима».

3. Религиозное многообразие придавало событиям дополнительные оттенки, далекие от сословно-классовой борьбы. В воспоминаниях Бочарова, в 1918 г. чрезвычайного комиссара Шемахинского района, предстают линии этноконфессионального разлома в Восточном Закавказье.

В Шемахе была создана широкая коалиция левых сил для отражения наступления турецкой армии. Отряд дашнаков С. Лалаева не столько держал фронт, сколько орудовал по тылам, занимаясь грабежом и насилием. Однажды им попали в руки три женщины-мусульманки, лалаевцы собирались их убить, предварительно надругавшись над ними. Бочаров с отрядом отбил женщин и отправил на автомобиле в Баку. Когда пришли турки, в плен к ним попали советские уездные руководители Бочаров, Соловьёв и Баширов. Соловьёва, как старообрядца, по просьбе старообрядческого совета отпустили. Баширова, как армянина, расстреляли. Бочарова стали допрашивать, кто такие большевики, перемежая расспросы с побоями. Старообрядцы помогли ему бежать. Он прятался в горах за селением Алты-Агач на водяной

мельнице, принадлежавшей русскому поселенцу. Спустя время ему сообщили, что им интересуется мулла из села Мугань по фамилии Ахундов. Они встретились, и оказалось, что спасенные Бочаровым женщины – жена и дочери муллы. Он пригласил Бочарова укрыться у него. Тот сомневался, насколько можно ему довериться. Ахундов успокоил, сказав, что он шиит (шагит), а вокруг – сунниты (сюиты), к которым ему самому было страшно попасть, и обещал провести Бочарова тайными тропами. На второй день они добрались до села муллы. В благодарность тот даже предложил жениться на одной из дочерей. Бочаров поблагодарил и уехал в Баку [1].

Принято считать, что русские, жившие в Закавказье, если и размежевывались, то по классовому и политическому признаку. Но нет, специфика региона сказалась и на них. Летом 1919 г. в муганской степи шла война, названная позже войной между советскими и антисоветскими селами. Большевистскими селами считались Привольное, Грибоедовка, Петровка, Григорьевка. Большинство из них – села сектантов-субботников. Контрреволюционными считались молоканские и малороссийские села Пришиб, Новоголовка, Андреевка, Астрахановка, Покровка, Николаевка. За Советы более всего выступали русские субботники. В отличие от молокан, они не уклонялись по религиозным причинам от призыва в армию, а на фронте «кое-что почерпнули и научились». Представляются существенными в возникновении между ними конфликта различия в управляющих органах этих сел: в Привольном по инициативе местной ячейки был избран совет, а в Пришибе продолжало существовать комиссарство (со времен Временного правительства). Обе сельские власти конфликтовали между собой. Нищающее население переселенческих сел воспринимало местный обычай баранты (захват скота у жителей соседних сел), приводивший, случалось, к гибели грабителей, потерпевших или случайных людей.

По версии эмигрантского мемуариста Добрынина, причиной вражды между Привольным и Пришибом были земельные споры, ведь села находились на расстоянии трех верст друг от друга [9]. Союзником привольненцев стали жители разоренного татарами села Григорьевка, осевшие поблизости Пришиба и понемногу прибиравшие к рукам земли и другое имущество пришибенцев. Большевики обещали узаконить их пребывание на новом месте, и григорьевцы стали большевиками. Но решающим поводом стало взаимное требование выдачи пришлох офицеров и вожаков из числа местных. Если первое требование принималось легко, то второе вызвало непреодолимые затруднения.

В июле 1919 г. между селами Привольное и Пришиб произошел артиллерийский бой. Пришиб обстреливался пушками с двух сторон: с запада из Привольного, с востока из Григорьевки. Казалось, Пришиб обречен, однако конфликт закончился признанием привольненцами своего поражения.

Перелом в их настроениях наступил тогда, когда на сельской площади снарядом, выпущенным из единственной пушки Пришиба, разнесло телегу и лошадь. И бабы потребовали прекратить усобицу [10].

Участники происшествий, мотивы их действий и мера вины, как представляется, могут достаточно много рассказать о политических процессах в Закавказье в 1918–1920 гг. Население явно не было готово принять участие в вызванных крушением имперского центра процессах идейно-политического самоопределения. Исключение составляли представители немногочисленного слоя активистов и вожаков различных партий. Население руководствовалось в своих действиях привычными моделями опознавания врагов, друзей и нейтральных. Этноконфессиональные признаки были самыми доступными и привычными для использования в регионе, где обособление стало способом выживания групп. Среди мотивов преступлений доминировали два, и оба традиционные: деньги как инструмент повышения статуса и месть – для укрепления пошатнувшегося статуса.

Армяно-татарская вражда уже влияла на жизнь многонационального общества, но еще не стала тем всепоглощающим потоком, что проявил себя, начиная с трагических беспорядков в Сумгаите (1988), будучи практически погашенным при советской власти. В рассмотренный период раскол внутри ислама на два течения был более веским мотивом для вражды и страха за свою жизнь.

Источники и литература

1. Архив политических документов Управления делами Президента Азербайджанской Республики (далее – АПД УДПАР). Ф. 276. Оп. 2. Д. 20. Л. 85–86.
2. АПД УДПАР. Ф. 276. Оп. 2. Д. 24. Л. 109–110.
3. АПД УДПАР. Ф. 276. Оп. 2. Д. 28. Л. 57–59.
4. АПД УДПАР. Ф. 276. Оп. 3. Д. 107. Л. 1, 6, 8.
5. АПД УДПАР. Ф. 276. Оп. 3. Д. 213. Л. 1–7.
6. АПД УДПАР. Ф. 276. Оп. 3. Д. 214. Л. 1–4.
7. АПД УДПАР. Ф. 276. Оп. 3. Д. 90. Л. 3–26.
8. Грин В.А. Каркас истории // Интернет-ресурсы проф. Н.С. Розова URL: <https://nrozov.nsu.ru/rpha/papers/period/greenred-w.htm> (дата обращения: 12.04.2024).
9. Добрынин В.А. Оборона Мугани, 1918–1919: записки кавказского пограничника. Париж: [Б.г.].
10. Morozova O.M. Mugan Region in 1918–1919 // Русская старина. 2015. № 1 (13). С. 46–61.

А.Т. Джумагулова

**СОВЕТИЗАЦИЯ ЗЕМЛЕПОЛЬЗОВАНИЯ:
ПОЛИТИКА СЕДЕНТАРИЗАЦИИ НОГАЙСКОГО
НАСЕЛЕНИЯ В КОНТЕКСТЕ ЗЕМЕЛЬНО-ВОДНОЙ
РЕФОРМЫ ДАГЕСТАНСКОЙ АССР (1920–1930-е гг.)**

Земельно-водная реформа в Дагестанской АССР (ДАССР) в 1920–1930-е гг. являлась ключевым элементом советской аграрной политики, направленной на перераспределение ресурсов между горными и равнинными районами. Особое значение в этом процессе имела седентаризация (принудительная оседлость) ногайцев – кочевого и полукочевого населения, традиционно занимавшего обширные степные территории Предкавказья. В 1920–1930-е гг. Дагестан, как и другие национальные регионы, подвергся радикальным преобразованиям, направленным на ликвидацию феодально-родовых пережитков и интеграцию в социалистическую экономику. Земельно-водная реформа стала инструментом решения нескольких ключевых задач: ослабления перенаселения гор через расселение малоземельных хозяйств на равнине, отвода в степи зимних пастбищ населению горных районов и перевода на оседлость кочевых народов республики. В этом контексте седентаризация ногайцев была не просто изменением образа жизни, а политически мотивированным проектом, обеспечившим освобождение степных территорий для переселенцев из горных районов и создание системы зимних пастбищ для колхозов, страдавших от нехватки кормовой базы.

Цель статьи – проанализировать процесс седентаризации ногайцев в контексте реализации земельно-водной реформы в ДАССР в 1920–1930-е гг. Введение в научный оборот новых архивных материалов позволит по-новому взглянуть на логику принятия решений советскими органами власти и их долгосрочное воздействие на традиционные системы хозяйствования ногайцев.

Территория Ногайской степи¹ традиционно являлась зоной расселения и хозяйственной деятельности ногайских кочевых и полукочевых обществ.

¹ Под Ногайской степью традиционно понимают обширный равнинный регион на Северном Кавказе, исторические границы которого в XIX – начале XX в. определялись следующими природно-географическими рубежами: на севере естественной границей служила Кумо-Манычская впадина, которая условно отделяла Ногайскую степь от калмыцких земель. На юге степь граничила с предгорьями Дагестана и Ставропольской возвышенности. Западная граница проходила по среднему течению Кубани и землям Ставропольской губернии, тогда как восточный предел степных просторов определялся Прикаспийской низменностью, простираясь до реки Терек. Эти естественные границы на протяжении столетий формировали уникальный природно-хозяйственный ареал, где традиционно кочевали и занимались кочевым животноводством ногайские общества.

В 1920–1930-е гг. ногайцы переживали глубокие социально-экономические изменения, проходившие в сложных условиях. После Гражданской войны, засух и эпидемий народ столкнулся с катастрофическим сокращением поголовья скота, кочевое животноводство оказалось на грани краха. К примеру, в Ачикулакском районе в течение двух десятилетий (дореволюционный/советский периоды) количество крупного рогатого скота уменьшилось на 95,75 %, овец – на 97 %, лошадей – на 84 % [13: 25]. Мероприятия советской власти по поддержке населения объективно становились единственным механизмом преодоления кризиса. Специфика социально-экономического положения ногайцев во многом предопределила успешность реализации большевистского проекта модернизации в данном регионе, основой которого выступал перевод кочевников к оседлой форме жизни. Процесс седентаризации ногайцев осуществлялся в русле общегосударственной политики культурной и социально-экономической трансформации.

Вхождение Ногайской степи в состав ДАССР в 1922 г. стало результатом сложного процесса административно-территориальных преобразований. После неудачных попыток решения земельных конфликтов в рамках прежнего административного деления (несанкционированного переселения славянского населения в Ногайскую степь) [13: 25] ногайцы выступили с инициативой присоединения к Дагестану, что соответствовало интересам республики, стремившейся расширить свои пастбищные и рыбопромысловые ресурсы [5: 11–17].

Перед региональными властями ДАССР встала задача восстановления хозяйственного упадка ногайских районов, центральными проблемами были землеустройство и кооперирование населения. Земельные споры в степи, возникавшие между ногайцами, туркменами (трухменами) и русскими поселенцами, сильно осложняли процесс землеустройства. В апреле 1925 г. начала работу специальная комиссия по наделению землей в Караногайском и Ачикулакском районах [6: 93–96]. В процессе регулирования земельного перераспределения региональные органы власти руководствовались нормативными положениями, закрепленными в принятом 23 августа 1920 г. «Положении об осуществлении декрета Российской Советской Федеративной Республики о социализации земли». Данный нормативный акт предписывал земельным комитетам осуществлять наделение крестьян участками на принципах уравнильно-трудового распределения [12: 59].

6 сентября 1926 г. было утверждено «Положение о сплошном и обязательном землеустройстве ДАССР», учитывавшее специфику местных народов – выделение страховых земельных участков на случай неурожая или бескормицы, предоставление дополнительных наделов малоземельным селениям, создание отдельных участков для переходящих к оседлости

хозяйств¹. Административные меры землеустройства были направлены на решение аграрного вопроса всего населения республики, особенно малоземельной и безземельной части. Ключевой проблемой являлись организация переселения значительной части горского населения на равнину и обеспечение земельными ресурсами овцеводческих хозяйств горных районов, т.е. выделение зимних пастбищных угодий в степи [12: 55–65].

В ходе обсуждения земельно-водной реформы на VI съезде Советов Дагестана (март 1927 г.) нарком М.Т. Ахундов подчеркивал принципиальное отличие дагестанской модели от среднеазиатской: в отличие от Узбекистана и Туркмении, где реформа предполагала экспроприацию байских земель, в Дагестане речь шла исключительно о распределении «свободных» равнинных земель (в отличие от горных районов, где, по их мнению, все земли и пашни были уже распределены). Однако подобный подход игнорировал сложившуюся систему землепользования и фактически отрицал наличие собственных земельных проблем у коренных народов равнины [12: 87].

Начальный этап аграрных преобразований (до 1926 г.) характеризовался отсутствием единой системной программы. Принятое партийным обкомом постановление констатировало необходимость решения проблемы аграрного перенаселения горных районов ДАССР посредством организованного переселения. В документе особо подчеркивалась важность разработки комплексного плана переселенческих мероприятий, интегрированного в общую схему народно-хозяйственного развития республики, создания специализированного органа – Комитета по переселенческим делам при Центральном исполнительном комитете ДАССР (ДагЦИК), перевода кочевых народов (ногайцев и туркмен) к оседлому образу жизни. Значимость данного решения заключалась в том, что впервые вопрос седентаризации кочевых народов рассматривался на высшем партийно-государственном уровне. Несмотря на объективные трудности переходного периода, реализация этих установок осуществлялась в приоритетном порядке под строгим партийным контролем [1: 22].

Проект земельно-водной реформы получил официальное одобрение Совета народных комиссаров и Государственной плановой комиссии РСФСР. Согласно утвержденному плану, срок реализации землеустроительных

¹ Земельный фонд Дагестанской области в начале XX в. характеризовался крайне ограниченной сельскохозяйственной освоенностью. По данным на 1913 г., из общего земельного массива в 1 275 472 десятины пашня составляла 261 659 десятин (20,5 % от общей площади), пастбища – 812 740 десятин (63,7 %), несельскохозяйственные земли – свыше 200 000 десятин (15,8 %). Наиболее остро проблема малоземелья проявлялась в Андийском округе (0,6 десятины/хозяйство), Даргинском округе (0,6 десятины/хозяйство), Гунибском округе (1,1 десятины/хозяйство). В горных округах преобладала частная собственность на пахотные земли с выраженной неравномерностью распределения, что усугубляло положение малоземельных крестьянских хозяйств [12: 55–65].

мероприятий определялся в 4 года (1927–1931 гг.), комплекса сопутствующих мероприятий – 7 лет (1927–1934 гг.) [9: 59–60]. На общесоюзном и региональном уровнях осуществлялся беспрецедентный социально-экономический эксперимент, не имевший аналогов в мировой практике, включавший два взаимосвязанных процесса:

1) масштабное переселение – организованное перемещение значительных масс горского населения на равнинные территории, создание принципиально новых моделей расселения, коренная трансформация традиционных форм жизнеустройства;

2) программа седентаризации номадов юга России – планомерный перевод кочевых и полукочевых ногайцев и туркмен на оседлый образ жизни, формирование стационарных поселений, внедрение новых форм хозяйственной деятельности [1: 24].

Создание коллективных хозяйств стало важным инструментом перевода кочевого населения к оседлому образу жизни, сопровождавшегося коренной модернизацией животноводства и развитием земледелия через внедрение передовых агротехнологий. Процесс коллективизации в Ногайской степи характеризовался более медленными темпами по сравнению с центральными регионами СССР. Основные трудности реализации коллективизации в регионе были связаны с технической отсталостью скотоводческого хозяйства, экстремальными природно-климатическими условиями, дефицитом квалифицированных кадров, сохранением элементов патриархального уклада [7].

Для обеспечения седентаризации населения требовалось обводнение территорий, поэтому ключевым элементом данной политики выступала мелиорация засушливых территорий. В 1930–1940-е гг. в Ногайской степи был реализован комплекс масштабных гидротехнических мероприятий, включавший строительство оросительных систем, каналов и плотин (в 1937 г. в Караногайском районе начато строительство канал Сулу-Чубутла (125 км), а Ачикулакский район в рассматриваемый период был включен в состав Терско-Кумской ирригационной системы Кубань-Егорлыкского (Невинномысского) канала) [7: 143–149]. В рамках политики перевода кочевого населения к оседлости Народный комиссариат земледелия (Наркомзем) СССР выделял целевые кредиты для ногайцев. Особое значение имело распространение на район льгот, освобождавших от сельхозналога, зерно- и молокопоставок в неурожайные периоды для укрепления колхозов [4: 31–32]. Данные меры отражали комплексный подход советского руководства к модернизации традиционного животноводства в условиях перехода к оседлости.

Согласно отчетным данным органов власти ДАССР за 1927–1933 гг., в Ачикулакском районе процесс седентаризации охватил 3460 крестьянских хозяйств [7: 140–141]. К 1937 г. процесс коллективизации в степи охватил 80 % хозяйств. Наиболее высокие темпы преобразований наблюдались

в Ачикулакском и Каясулинском районах, где к 1938 г. уровень коллективизации значительно превышал среднерегиональные показатели [11: 107]. Тем не менее ключевой целью данных преобразований являлось системное перераспределение земельных ресурсов Ногайской степи для решения проблемы аграрного перенаселения горных районов Дагестана, заложенных в середине 1920-х гг. административной элитой Дагестана, включая председателя ДагЦИКа Н.П. Самурского и наркома земледелия ДАССР М.Т. Ахундова [12: 102–108]. Институциональное оформление переселенческой политики произошло 9 октября 1926 г., когда III сессия ЦИК ДАССР 5-го созыва утвердила «Положение о специально созданном Переселенческом комитете» [10]. Принципиально новые подходы были закреплены решениями X областной партконференции (апрель 1929 г.), которая провозгласила ускоренное проведение аграрной революции в регионе, полную ликвидацию помещичьего землевладения, переход к коллективным формам хозяйствования, перераспределение изъятых земель в пользу малоземельных и безземельных хозяйств. Реализация этих мер имела существенные этнотерриториальные последствия: исторический ареал расселения ногайского населения подвергся кардинальной трансформации. Традиционная система землепользования ногайцев была де-факто ликвидирована в процессе земельно-водной реформы [12: 119].

В рамках реализации программы по снижению аграрного перенаселения горных районов планировалось организовать переселение 9175 хозяйств (17 % от общего числа землепользователей в горах), относящихся к категориям бедняков и середняков. Однако практическое осуществление земельно-водной реформы столкнулось с рядом существенных трудностей, обусловленных как объективными, так и субъективными факторами. Вопреки ожиданиям инициаторов преобразований, социально-экономическая значимость реформ не находила понимания среди всех участников процесса. Несмотря на предоставление переселенческим хозяйствам финансовой поддержки в виде безвозвратных (75 руб.) и возвратных (100–325 руб.) ссуд, выделяемых средств оказалось недостаточно не только для расширения производства, но и для поддержания минимального уровня хозяйственной деятельности. Как следствие, фиксировались случаи реэмиграции горцев, что побудило государственные органы к последовательному наращиванию мер экономической поддержки и субсидирования. Данная политика способствовала постепенной стабилизации и закреплению переселенцев на новых территориях [12: 120]. Параллельно с программой массового переселения горского населения на равнинные территории земельная реформа предусматривала выделение дополнительных наделов горным овцеводческим хозяйствам для их поэтапного освоения через введение севооборотов. В 1935–1937 гг. Наркомзем ДАССР провел масштабное закрепление земельных

участков в Ногайской степи за местными колхозами, оформив на них государственные акты о бессрочном (вечном) пользовании. Эта политика преследовала несколько стратегических целей: во-первых, создание устойчивой правовой базы для перехода кочевого населения к оседлому образу жизни, во-вторых, юридическое оформление уже сложившегося перераспределения земель в пользу горных районов, в-третьих, организацию планового сельскохозяйственного производства на вновь освоенных территориях [3: 25]. К примеру, десять горных районов занимали в Ногайской степи 306 000 га зимних пастбищ, из которых 82 000 га (26,8 %) были официально закреплены за ними на правах постоянного пользования. Особенностью хозяйственной практики являлось то, что около 90 % населения этих колхозов ежегодно проводило до 8 месяцев в равнинных районах Северного Дагестана [4: 45].

Первые результаты системы отгонного животноводства оказались недостаточно эффективным: не все горные колхозы располагали необходимым поголовьем скота для полноценного использования равнинных пастбищ. Однако стратегическая необходимость закрепления степных территорий за Наркоматом земледелия ДАССР привела к формированию новой модели землепользования. Была создана система зимних пастбищ, доступная не только дагестанским, но и соседним республикам: Кабардино-Балкарской, Чечено-Ингушской, Северо-Осетинской АССР и даже Грузинской ССР. В результате перераспределения земельных ресурсов Ногайской степи около двух третей ее территории были официально закреплены в качестве зимних пастбищ для горных колхозов [3: 23]. К примеру, в Кизлярском районе из общей земельной площади в 554 000 га лишь 44 000 га использовалось под посевы, тогда как остальные 510 000 га составляли пастбищные и сенокосные угодья. Аналогичная ситуация наблюдалась в Шелковском районе, где из 286 547 га посевами в 1937 г. было занято только 21 369 га, а в Ачикулакском районе посевная площадь составляла 38 215 га при общей территории 500 000 га. Подобное распределение земель отражало характерные черты советизации землепользования, предполагавшей централизованное регулирование сельскохозяйственных ресурсов в соответствии с плановой экономикой [4: 54]. Параллельно аналогичные процессы происходили в Калмыцкой АССР, где степные территории были организованы для нужд животноводов соседних регионов [2: 285–302]. Такая политика позволяла централизованно управлять пастбищными ресурсами, способствовала интенсификации животноводства, создавала экономические взаимосвязи между регионами, обеспечивала контроль над кочевым населением. Эта трансформация отражала общую тенденцию планового перераспределения природных ресурсов в рамках социалистической модернизации сельского хозяйства.

Низкая естественная продуктивность пастбищных угодий Ногайской степи обусловила необходимость государственного регулирования кормовой

базы для местных колхозов и совхозов в период коллективизации. Решение данной проблемы виделось в административно-территориальном включении региона в состав Орджоникидзевского края, где с середины 1930-х гг. осуществлялись масштабные мелиоративные проекты, включая строительство Невинномысского канала и создание Кубань-Егорлыкской обводнительно-оросительной системы. Однако дагестанское руководство выступило с категорическим протестом против реализации указанного проекта. Для разрешения возникших противоречий в Москву был делегирован представитель ногайской общины, который представил аналитический доклад о состоянии агропромышленного комплекса в ногайских колхозах. В документе констатировался устойчивый рост посевных, который сдерживался недостаточным развитием ирригационной инфраструктуры. Одновременно были зафиксированы многочисленные факты пассивного отношения региональных властей к решению стратегических задач экономического развития этих территорий [4: 31–70]. Дагобком ВКП(б) в свою очередь обратился непосредственно к И.В. Сталину, настаивая на сохранении Ногайской степи в составе республики. Ногайский вопрос оказался в центре административно-территориальных споров, требующих вмешательства союзных органов [4: 45].

4 февраля 1938 г. М.И. Калинин заявил: «Районы придется передать, но нужно гарантировать колхозникам пастбища» [4: 23]. 22 февраля 1938 г. Президиум ВЦИК принял постановление о выделении Кизлярского административного округа (включавшего Кизлярский, Ачикулакский, Каясулинский, Караногайский и Шелковский районы) из состава ДАССР и его включении в Орджоникидзевский край. В соответствии с данным решением административная граница между ДАССР и Орджоникидзевским краем фиксировалась по руслу реки Терек. При этом за горными районами Дагестана сохранялось право безвозмездного пользования пастбищными угодьями на территории Ногайской степи [4: 23]. Совет народных комиссаров СССР постановлением № 942 от 1938 г. закрепил за Дагестанской АССР, Кабардино-Балкарской АССР, Чечено-Ингушской АССР, Северо-Осетинской АССР и Грузинской ССР право долгосрочного безвозмездного пользования земельными участками общей площадью 800 000 га (что составляло примерно две трети территории Ногайской степи) сроком на семь лет. Данная система землепользования сохранила свою актуальность и в послевоенный период, продолжая функционировать по установленному административному механизму [3: 22].

В контексте проведенного анализа земельно-водной реформы в ДАССР в 1920–1930-е гг. можно сделать вывод о ее двойственной природе. С одной стороны, реформа представляла собой масштабный социально-экономический эксперимент, направленный на модернизацию аграрного сектора через

перераспределение земельных ресурсов, седентаризацию кочевых народов и интеграцию региона в общесоюзную плановую экономику. С другой – ее реализация сопровождалась глубокими трансформациями традиционных систем землепользования, что имело долгосрочные последствия для этносоциального развития ногойского населения. Ключевым результатом реформы стало формирование новой модели землепользования, основанной на централизованном распределении пастбищных угодий между горными и равнинными районами. Это привело к кардинальному сокращению земельной базы ногойских хозяйств, вынужденных адаптироваться к оседлому образу жизни в условиях жесткого административного регулирования. Несмотря на декларируемые цели социально-экономического развития (мелиорация, коллективизация, поддержка населения), приоритетным направлением политики оставалось обеспечение горных районов зимними пастбищами, что закрепляло зависимое положение ногойских колхозов. Административно-территориальные изменения 1938 г., связанные с передачей Кизлярского округа в состав Орджоникидзевского края, формально закрепили сложившуюся систему, но не решили глубинных противоречий. Таким образом, земельно-водная реформа в Дагестане 1920–1930-х гг. стала не только инструментом аграрной модернизации, но и механизмом глубокой социальной ломки традиционных форм жизни кочевников Юга России, изменившей хозяйственный уклад и идентичность ногойцев. Ее последствия – от формирования системы отгонного животноводства до межрегиональных земельных конфликтов (см. «ногойская дилемма» [8: 329–347]) – продолжали влиять на развитие региона и в последующие десятилетия, что требует дальнейшего изучения в контексте постсоветских трансформаций.

Источники и литература

1. Баглиев З.Д. Руководство партийной организации Дагестана переселением горцев на равнину. Махачкала, 1975.
2. Бадмаева Е.Н. Отгонно-пастбищное животноводство регионов Юга России в природно-климатических условиях «Черных земель» Калмыкии в 1930-е годы // Научный диалог. 2025. Т. 14. № 3. С. 285–302.
3. Государственный архив новейшей истории Ставропольского края. Ф. 1. Оп. 1. Д. 482.
4. Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф. Р-1235. Оп. 141. Д. 2152.
5. ГАРФ. Ф. Р-1318. Оп. 7. Д. 100.
6. Джумагулова А.Т. Рецепция советского проекта в ногойских степях Северного Кавказа в 1920–1930-е гг. // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2023. № 2 (75). С. 91–101.

7. Джумагулова А.Т. Советский проект в Ногайской степи в 1930–1940-е гг.: от коллективизации к мелиорации // Электронный журнал «Кавказология». 2023. № 3. С. 133–152.

8. Карпов Ю.Ю., Капустина Е.Л. Горцы после гор. Миграционные процессы в Дагестане в XX – начале XXI века: их социальные и этнокультурные последствия и перспективы. СПб., 2011.

9. Кириллов С.А. Земельная реформа в Дагестане. М., 1928.

10. Красный Дагестан. 9 октября 1926 г.

11. Кужелева Л.Н. Социалистические преобразования в хозяйстве, культуре и быту ногайцев: дис. ... канд. ист. наук. Ленинград, 1964.

12. Османов А.И. Аграрные преобразования в Дагестане и переселение горцев на равнину (20–70-е годы XX в.). Махачкала, 2000.

13. Российский государственный архив социально-политической истории. Ф. 17. Оп. 13. Д. 988.

14. Современная культура и быт народов Дагестана. М., 1971.

А.А. Аганов

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ СЕВЕРО-КАВКАЗСКОГО КРАЕВОГО ОТДЕЛЕНИЯ ОБЩЕСТВА БЫВШИХ ПОЛИТКАТОРЖАН И ССЫЛЬНОПОСЕЛЕНЦЕВ (по материалам Государственного архива Ростовской области)

Настоящая статья посвящена исследованию деятельности Северо-Кавказского краевого отделения Общества бывших политкаторжан и ссыльнопоселенцев (ОПК) на территории Северного Кавказа в 1924–1935 гг. на основе неопубликованных архивных материалов, хранящихся в Государственном архиве Ростовской области. Актуальность настоящего исследования заключается в необходимости изучения деятельности региональных отделений советских общественных организаций. Необходимо отметить, что деятельность Северо-Кавказского краевого отделения ОПК не исследована историками. На сегодняшний момент имеются лишь две работы, посвященные деятельности групп политкаторжан и ссыльнопоселенцев, входящих в состав Северо-Кавказского краевого отделения. Деятельности таганрогской группы политкаторжан и ссыльнопоселенцев посвящена работа историков А.В. Аверьянова и Н.В. Шишканова [1]. Ученый Я.В. Леонтьев изучил деятельность артели «Политкаторжанин», которая функционировала в Хосте [13]. Отдельно необходимо выделить работы, посвященные деятельности Одесского [11], Саратовского [12], Якутского [10] и Сибирского [14] отделений ОПК. Несмотря на то, что отделения ОПК действовали в различных

условиях, исследователи пришли к общему выводу о том, что в условиях НЭПа они имели определенную независимость от коммунистической партии, но уже в начале 1930-х гг. надзор за их деятельностью был усилен.

Всесоюзное ОПК было создано в Москве 12 марта 1921 г. [16: 11] бывшими политическими заключенными, которые в годы правления династии Романовых находились на каторге или в ссылке из-за участия в революционной деятельности. Целью организации было создание объединения бывших политзаключенных, занимающегося научно-исследовательской, издательской, агитационно-пропагандистской деятельностью, в которой должна была отражаться жизнь членов организации на каторге и в ссылке. Большую часть участников организации составляли члены социалистических партий – меньшевики, эсеры и анархисты. При этом в рядах Общества были члены коммунистической партии, составлявшие примерно 24 % [16: 182] от общего количества участников Общества. Это привело к тому, что организация находилась под постоянным наблюдением советских властей.

Северо-Кавказское краевое отделение ОПК было создано в Ростове-на-Дону в 1924 г. [2: 27] на базе Донского отделения. Руководителем (старостой) отделения с 1924 по 1928 г. был известный революционер И.Д. Гольман. В 1928 г. старостой отделения был А.С. Гендлин [2: 19]. После его отъезда из Северо-Кавказского края на заседании совета при президиуме отделения 30 ноября 1928 г. старостой снова был избран И.Д. Гольман [2: 16], который возглавлял организацию до своей кончины в 1934 г. [2: 1]. В состав краевого отделения входило 7 групп [5: 10]: таганрогская, краснодарская, терская, новороссийская, ейская, грозненская и сочинская. В таком формате оно существовало до 1934 г., когда Северо-Кавказский край был разделен на две части: Азово-Черноморский край с центром в Ростове-на-Дону и Северо-Кавказский край с центром в Пятигорске.

Для того чтобы вступить в ряды отделения, потенциальные кандидаты должны были соответствовать ряду критериев: принадлежать к числу политических каторжан или ссыльнопоселенцев, то есть фактически быть приговоренным к каторге или ссылке за совершение политических преступлений до падения монархии в России. Помимо этого они должны были сохранить «моральный уклад, считавшийся обязательным» [7: 2] для революционеров, то есть не подавать прошений к представителям государственной власти в период правления династии Романовых с просьбой о помиловании во время нахождения в заключении или в ссылке. Другим обязательным требованием было наличие рекомендаций от 2 членов Общества [7: 2]. Для принятия новых членов руководство краевого отделения регулярно на заседаниях рассматривало биографии потенциальных кандидатов. Это стало одним из важнейших направлений деятельности в работе краевого отделения, так как для принятия потенциального кандидата необходимо было

иметь не только биографические сведения (заполненная анкета и текст автобиографии), но и другие доказательства, подтверждающие его статус политкаторжанина. При этом комиссия по приему новых членов организации далеко не всегда учитывала наличие рекомендательных документов от городских и региональных структур ВКП(б). Весьма вероятно, это было связано с тем, что подобные кандидаты сообщали о себе ложную информацию в анкетах и автобиографиях, это и приводило к отказу, так как устав Общества запрещал брать в ряды организации революционеров, выступавших против советской власти.

Важнейшей задачей краевого отделения было выполнение социальных функций перед членами организации. Организация оказывала финансовую поддержку пожилым революционерам и их семьям, решала проблемы с жильем и выдавала путевки для санаторно-курортного лечения. Очень часто за финансовой поддержкой обращались женщины, которые в прошениях заявляли о том, что являются вдовами политкаторжан или матерями революционеров, погибших в годы Гражданской войны. Подобная поддержка оказывалась лишь после тщательной проверки биографий политкаторжан или революционеров. Очень часто отделение отказывало в предоставлении финансовой поддержки из-за отсутствия документов, подтверждающих сведения в прошениях.

В рамках культурно-просветительской работы Северо-Кавказское краевое отделение Общества бывших политкаторжан и ссыльнопоселенцев организовало ряд мероприятий, приуроченных к памятным для революционерам датам: 100-летию восстания декабристов в 1925 г., 10-летия Октябрьской революции в 1927 г., 25-летию начала Первой русской революции в 1930 г. Так, в рамках 100-летия восстания декабристов [6] и 25-летия начала Первой русской революции [6] на территории Северного Кавказа политкаторжане организовали ряд вечеров, сделали доклады, посвященные значению данных событий для революционного движения. Подобные вечера воспоминаний проводились в том числе и по распоряжению Центрального совета Всесоюзного ОПК. Так, члены организации в рамках празднования 25-летия Первой русской революции в 1930 г. провели вечер воспоминаний, в рамках которого они рассказывали о своем участии в революции в Ростове-на-Дону [4]. Среди выступавших был и Г.В. Черепяхин [4: 20], который в декабре 1905 г. участвовал в вооруженном восстании в Ростове-на-Дону.

Одним из важнейших направлений деятельности организации было сотрудничество с Северо-Кавказским краевым отделением Международной организации помощи борцам революции (МОПР). В рамках сотрудничества с региональным МОПРом члены Северо-Кавказского отделения ОПК отправляли своих членов читать доклады для различных групп населения. Подобное сотрудничество осуществлялось во многом благодаря тому, что

руководители отделения ОПК одновременно занимали руководящие посты в краевом отделении МОПРа. Так, И.Д. Гольман являлся членом Центрального комитета МОПРа и председателем краевого комитета организации [2: 7]. Г.В. Черепашин был заместителем председателя краевого комитета МОПРа [3: 46]. В рамках взаимодействия с МОПРом члены отделения публиковали статьи в советских журналах, устраивали вечера воспоминаний. Так, к 10-летию Октябрьской революции Северо-Кавказское краевое отделение ОПК и краевое отделение МОПРа издавали газету «Пути Октября». Бывшие политкаторжане опубликовали в газете воспоминания о своем участии в революционных событиях в 1905 г., о погибших во время Гражданской войны товарищах и о своем нахождении в ссылке в Сибири [3: 29]. Помимо этого организация отправляла письма политическим заключенным, которые находились в тюрьмах Польши, Болгарии и Румынии.

Отдельным направлением деятельности Северо-Кавказского краевого отделения ОПК являлась работа в архивах, которая была необходима для создания исторических трудов, посвященных участию членов организации в революционном движении до падения монархии в России в 1917 г. Другая причина работы членов организации в архиве заключалась в том, что в краевое отделение постоянно обращались с просьбой о приеме других лиц, биографию которых требовалась проверять на предмет их участия в революционном движении и для подтверждения статуса политкаторжанина или ссыльного. Такой ответ могли дать только архивы царской полиции и охранного отделения. При этом организация сталкивалась с различными трудностями при осуществлении этой деятельности, которые возникали из-за нежелания регионального партийного руководства иметь конкурента при создании исторических трудов, посвященных революции. О данных препятствиях руководство регионального отделения сообщило Центральному совету ОПК в письме от 28 октября 1925 г. [7: 9]. В нем Северо-Кавказское отделение ОПК сообщало о том, что руководство краевого Истпарта не допускает членов организации к работе в региональных архивах по причине того, что те не являются членами ВКП(б).

После свертывания НЭПа в конце 1920-х гг. со стороны ВКП(б) и государства был усилен надзор за деятельностью Всесоюзного ОПК и его отделений. Доказательством выступает то, что на IV конференции Северо-Кавказского краевого отделения ОПК, проходившей в Ростове-на-Дону в 1931 г., староста отделения И.Д. Гольман полностью поддержал действия советских властей по изгнанию из организации политкаторжан, которые подверглись репрессиям в конце 1920-х гг. в рамках проходившего в марте 1931 г. процесса «Союзного бюро меньшевиков» [4: 1]. С этого момента и до конца своего существования отделение участвовало в различных агитационно-пропагандистских мероприятиях, которые инициировала ВКП(б).

Так, по итогу IV конференции Северо-Кавказского краевого отделения ОПК было решено усилить взаимодействие с различными общественными организациями (МОПР, Осоавиахим) и региональными предприятиями (Ростсельмашем, Донской государственной табачной фабрикой, Лензавоводом и др.) [4: 207]. При этом руководство краевого отделения прекрасно осознавало, что организация слабо взаимодействует с группами политкаторжан на Северном Кавказе, не ведет отчетность расходованию финансовых средств, не занимается музейной работой и не взаимодействует с Истпартом [4: 207]. Фактически многие члены организации не принимали активного участия в деятельности организации, это лишний раз свидетельствует о том, что отделение находилось в состоянии кризиса.

После убийства 1 декабря 1934 г. советского государственного и партийного деятеля С.М. Кирова в СССР резко усилились политические репрессии. Советские власти начали искать «врагов народа» и среди членов Общества политкаторжан. 25 июня 1935 г. организация была ликвидирована решением Президиума Центрального исполнительного комитета СССР (ЦИК СССР) [13]. Ликвидация Азово-Черноморского краевого отделения Общества началась 19 августа 1935 г. после создания комиссии президиумом Азово-Черноморского краевого исполнительного комитета [8: 38]. Она должна была разработать «порядок дальнейшего обеспечения материальных нужд политкаторжан и ссыльнопоселенцев» [8: 38], то есть сохранить за ними все льготы, которые сохранялись по решению ЦИК СССР. Архивные документы свидетельствуют о том, что региональные и местные органы советской власти выделяли средства и оказывали различную поддержку политкаторжанам и их семьям до 1937 г. [8: 1].

Таким образом, Северо-Кавказское краевое отделение Всесоюзного ОПК объединило в своих рядах бывших политических каторжан и ссыльнопоселенцев, которые занимались революционной деятельностью в царской России. За время своего существования отделение занималось активной деятельностью на территории Северного Кавказа, которая заключалась в сохранении исторической памяти о революционных событиях начала XX в., оказании финансовой помощи и решении бытовых проблем членов организации и их семей, а также в сотрудничестве с другими общественными организациями.

Источники и литература

1. Аверьянов А.В., Шишканов Н.В. Политико-просветительская деятельность Таганрогской группы Всесоюзного общества бывших политзаключенных и ссыльнопоселенцев в 1925–1930 гг. // Научная мысль Кавказа. 2023. № 3 (115). С. 70–77.

2. Государственный архив Ростовской области (далее – ГАРО). Ф. Р-3594. Оп. 1. Д. 120.

3. ГАРО. Ф. Р-3594. Оп. 1. Д. 602.
4. ГАРО. Ф. Р-3594. Оп. 1. Д. 659.
5. ГАРО. Ф. Р-3594. Оп. 1. Д. 662.
6. ГАРО. Ф. Р-3594. Оп. 1. Д. 665.
7. ГАРО. Ф. Р-3594. Оп. 1. Д. 666.
8. ГАРО. Ф. Р-3594. Оп. 1. Д. 675.
9. ГАРО. Ф. Р-3594. Оп. 1. Д. 699
10. Дьячкова А.Н. Деятельность якутской секции Общества политкаторжан и ссыльнопоселенцев // Вопросы общественно-политической и социально-экономической истории Якутии: сб. науч. ст. Якутск, 1992. С. 13–19.
11. Курбатов Ю.А. Общественно-политическая деятельность Одесского отделения Всесоюзного общества политкаторжан и ссыльнопоселенцев // Глазами молодых историков: мат-лы науч. конф. молодых ученых Саратова. Саратов, 1992. С. 85–89.
12. Курбатов Ю.А. Саратовское отделение Всесоюзного общества политкаторжан и ссыльнопоселенцев. 1924–1935 гг. // Культура русских и немцев в Поволжском регионе. 1993. Вып. 1. С. 86–100.
13. Леонтьев Я.В. Из истории артели «Политкаторжанин» в Хосте // Проблемы истории массовых политических репрессий в СССР. К 70-летию начала «Большого террора»: мат-лы III Всерос. науч. конф. Краснодар, 2006. С. 59–64.
14. Папков С.А. Общество бывших политкаторжан и ссыльнопоселенцев в Сибири (1924–1935 гг.) // Институты гражданского общества в Сибири (XX – начало XXI в.): сб. науч. ст. Новосибирск, 2009. С. 94–107.
15. Постановление Центрального Исполнительного Комитета. О ликвидации Общества бывших политкаторжан и ссыльно-поселенцев. 25 июня 1935 г. // Электронная библиотека исторических документов. URL: <https://docs.historyrussia.org/nodes/353765> (дата обращения: 10.06.2025).
16. Юнге М. Революционеры на пенсии. Всесоюзное общество политкаторжан и ссыльнопоселенцев, 1921–1935. М., 2015.

А.Ф. Авидзба

В.Г. АРДЗИНБА – ВЫДАЮЩИЙСЯ АБХАЗСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ДЕЯТЕЛЬ

Не бывает не великой родины. Всякая Отчизна единственная и незаменимая, а война за Отечество – Великая война. Народ, выстоявший в такой войне, достоин восхищения и уважения. Достоин, безусловно, восхищения и уважения и лидер, который вместе со своим народом шел «на смерть, чтобы жить» [12: 134].

Абхазский поэт М. Ласуриа приводит слова известного российского политика В. Жириновского, сказанные им сразу после Московской встречи 3 сентября 1992 г.: «У вас есть один-единственный человек, который может спасти Абхазию» [17]. Российский и абхазский журналист С. Пегов метко подметил: «Не припомню, чтобы политика просто называли по имени, и всем вокруг становилось ясно, о ком речь идет» [13: 124]. Абхазский поэт Г. Аламия заметил: «Есть люди, ради встречи с которыми стоило посетить сей мир» [20: 21]. Это всё про Владислава Ардзинба – основателя современного абхазского государства.

Героями, как правило, становятся те, кто не думает об этом. В. Ардзинба не хотел быть героем войны, даже той, символом победы в которой он стал; и уже будучи победителем, он называл ее «оскорблением памяти на века» [12: 284].

Владислав Григорьевич Ардзинба родился 14 мая 1945 г. в с. Нижняя Эшера. Окончил исторический факультет Сухумского государственного педагогического института (1966), аспирантуру при Институте востоковедения АН СССР (1969). Сравнительно недолгое время понадобилось ему, чтобы стать признанным авторитетом в одной из сложнейших отраслей гуманитарной науки – хеттологии. Академик РАН и его учитель Вяч. Вс. Иванов назвал это «поразительно быстрым и блистательным вхождением Славы Ардзинба в науку» [7: 11]. Защитил кандидатскую диссертацию на тему «Хеттские истоки социальной организации древнехеттского общества: функции должностных лиц с титулами хеттского происхождения» (04.06.1971), докторскую «Ритуалы и мифы древней Анатолии» (11.04.1986). В. Ардзинба – научный сотрудник (1969–1987), заведующий сектором идеологии и культуры Древнего Востока Института востоковедения АН СССР (1987–1988). Его работы были посвящены таким темам, как хаттское наследие в социальной организации хеттского общества; хеттские культы, ритуалы, сакральные празднества и мифология; хеттская дипломатия; хеттские законы; генетические связи хаттского языка; кавказский нартский эпос; традиционная религия и мифология абхазов.

Выбор В. Ардзинба профессии историка был судьбоносным для всего абхазского народа и его государственности, ибо это способствовало становлению системного аналитика древних цивилизаций. Он, как историк, прекрасно разбиравшийся в закономерностях процессов прошлого, мог смотреть на настоящее из будущего. В июне 1994 г. В. Ардзинба заметил, что история не учит, наверно, потому что «вырастает новое поколение, которое плохо знает историю» [12: 134]. Тогда это было сказано в контексте абхазо-грузинских взаимоотношений, но, бесспорно, и в более широком смысле для него прошлое являлось ключом к пониманию настоящего. Сам он как-то заметил, что «занятия наукой как раз позволяют мне иметь сторонний

взгляд на многие вещи в абхазской культуре, в абхазских традициях» [12: 172]. Именно умения увидеть себя со стороны порой не хватает большим и тем более не очень большим политикам.

В 1988 г. В. Ардзинба избрали директором Абхазского института языка, литературы и истории имени Д.И. Гулиа и почти одновременно – депутатом Верховного Совета Абхазии. В Абхазском институте под его руководством было подготовлено и издано учебное пособие по истории Абхазии [9], практически весь тираж которого, находившийся еще в типографии, после оккупации Сухума грузинскими войсками был захвачен и уничтожен. Оно было переиздано в ходе войны [8]. Также при непосредственном содействии В. Ардзинба был подготовлен и издан сборник архивных материалов, свидетельствовавших о грузинской экспансии в Абхазию [2]. Он также разработал концепцию дальнейшего развития абхазоведения, и многие его предложения и сейчас остаются ориентиром и руководством к действию. Директором Абхазского института В. Ардзинба оставался до 1999 г.

В Верховном Совете Абхазии 11 созыва В. Ардзинба был одним из тех депутатов, благодаря которым стали возможными разработка и принятие Декларации о государственном суверенитете и Постановления «О правовых гарантиях государственной независимости Абхазии» (25.08.1992). Впоследствии В. Ардзинба был избран его председателем (24.12.1990). Президиум Верховного Совета во главе с ним принял постановление «Об обеспечении экономической основы суверенитета Абхазии» и ряд других законодательных актов, призванных заложить основы экономической самостоятельности республики (27.09.1991), а после официального оформления распада СССР создал отдельный полк внутренних войск Абхазии (29.12.1991).

В марте 1989 г. В. Ардзинба, несмотря на противодействие руководства Грузии, был избран народным депутатом СССР. По мнению Р. Чанба, «сопротивление ЦК КП Грузии против Ардзинба было вызвано наущениями Академии наук Грузии о неприемлемости его кандидатуры» [19: 175], она «с самого начала увидела в нем чужака, который не идет ни на какие компромиссы в вопросах истории и культуры абхазского народа» [19: 174].

Затем уже на Первом съезде народных депутатов В. Ардзинба не давали слово, которого он добивался с первого дня начала работы форума – 25 мая 1989 г. Слово ему дали в тот день, когда он собирался в знак протеста отказаться публично от своего мандата. Произошло это 2 июня 1989 г. и то выступление В. Ардзинба в одночасье возвело его в ранг лидера абхазского народа. Вместе с тем он в тот же день превратился в глашатая интересов всех малочисленных народов Советского государства, стал неформальным лидером в их борьбе за свои права. В. Ардзинба – один из основателей Всесоюзной ассоциации представителей национально-государственных, национально-территориальных образований и народов, не имеющих своей

государственности (22.09.1990). Его аргументы в пользу равноправия народов были, казалось бы, безупречны, но они тогда воспринимались далеко не всеми: «Отправной точкой здесь должны стать не автономии как таковые, а народы. Если мы исходим из принципа равноправия народов, все автономии – это форма самоопределения конкретных народов, это их государственность. Если мы ставим народы в равное положение, то мы должны и их государственность поставить в равное положение» [1].

В. Ардзинба был в числе политиков союзного масштаба, выступавших против развала Советского Союза. Уже после начала войны в сентябре 1992 г. в интервью газете «Московские новости» он скажет: «Да, я выступал за сохранение СССР потому, что он был гарантом для национальных меньшинств от физического истребления. И только история рассудит, кто был прав» [12: 34]. Позже, в сентябре 1995 г., о своей деятельности в Верховном Совете СССР он вспоминал: «Я был в Комиссии по национальной политике, где по моей инициативе была создана подкомиссия по автономным образованиям. В общей сложности почти в 50 законов, принятых Верховным Советом, были включены статьи и положения по настоянию представителей автономных образований. Более того, в Конституции СССР были три статьи, в которых речь шла об автономиях. Затем меня избрали членом Президиума Верховного Совета» [12: 214]. Среди названных законов следует выделить «О порядке решения вопросов, связанных с выходом союзной республики из СССР» (03.04.1990) и «О разграничении полномочий между Союзом ССР и субъектами Федерации» (26.04.1990).

6 января 1992 г. В. Ардзинба был избран Председателем Верховного Совета Абхазии 12-го созыва, которым, в частности, были приняты закон «О действии законов и других юридических актов на территории Республики Абхазия в связи с прекращением существования Союза ССР» (25.01.1992) и постановление о переподчинении военных комиссариатов Абхазии (25.02.1992); создано военно-мобилизационное управление Абхазии (27.02.1992); введена в действие Конституция 1925 г., утверждены флаг, герб и новое название страны – Республика Абхазия (23.07.1992).

14 августа 1992 г., в день начала вооруженной агрессии Грузии против Абхазии, В. Ардзинба обратился к гражданам с призывом встать на защиту Родины и возглавил абхазское сопротивление. Между тем в Тбилиси рассчитывали решить «абхазский вопрос» путем изъятия В. Ардзинба. В ночь с 13 на 14 августа в аэропорту г. Сочи приземлился самолет ТУ-134 из Тбилиси с 75 вооруженными людьми на борту. Там собирались перехватить членов руководства Абхазии, которое, по логике грузинского военного командования, должно было бежать [14]. Э. Шеварднадзе в интервью грузинскому телевидению 15 августа заявил, что «с Ардзинба Грузии не по пути» [10: 35]; Т. Китовани тогда же объявил по телевидению: «Мы распустили парламент

Абхазии и освободили от должности его председателя В. Ардзинба» [11: 33]. К этому же ряду следует отнести целый спектакль, разыгранный оккупационными властями в январе 1993 г. вокруг «убийства» абхазского лидера. Показательным также является заявление Д. Иоселиани, сделанное им 15 августа, т.е. на второй день после вторжения грузинских войск в Абхазию: «Мы уйдем, если уйдет Ардзинба» [10: 33].

Однако В. Ардзинба не ушел, а стал Председателем Государственного комитета обороны (18.08.1992), Главнокомандующим Вооруженными силами Абхазии (8.01.1993). Во время войны на обвинение в свой адрес, что он не ищет мира, а настаивает на выводе грузинских войск из Абхазии, В. Ардзинба ответил: «Если бы Гитлер захватил Москву, согласился бы русский народ на то, что в этих условиях надо примириться с тем, что столица его государства находится в руках Гитлера в силу того, что у него больше силы?» [12: 71]. Этот метод он использовал и в дальнейшем; к примеру, отвечая на тезис о самопровозглашении независимости Абхазии, парировал: «Назовите мне хотя бы одно государство, независимость которого была провозглашена его соседями?» [16], а утверждавшим, что количество абхазов недостаточно для своей государственности, напоминал, что «в высыхающем море капля умирает последней» [20: 10].

30 сентября 1993 г. грузинские войска были изгнаны из Абхазии, а 6 октября В. Ардзинба заявил, что его страна будет «искать пути создания демилитаризованного нейтрального государства при наличии международных гарантий» [15]. В ноябре 1993 г. в Женеве начался переговорный процесс между Абхазией и Грузией под эгидой ООН, при содействии России и участии СБСЕ. В них также принимала участие группа стран, объединившихся в организацию под названием сначала «Друзья Грузии», а позже – «Друзья Генсека ООН по Грузии». В. Ардзинба на создание этой группы отреагировал следующим образом: «Неужели это в самом деле достойное занятие – бороться всем миром против такого маленького народа?.. Если кто-нибудь желает действительно добра Грузии, стремится выступить в роли миротворца, то пусть создаст комитет “Друзья Грузии и Абхазии”» [12: 138–139].

Это было время, когда, по оценке В. Ардзинба, «самое страшное у нас позади, самое трудное впереди...», а переход от состояния войны к миру оказался еще тяжелее, чем переход от мира к войне [12: 137]. Лейтмотивом всего поствоенного времени можно назвать следующие высказывания В. Ардзинба, которые в той или иной форме он повторял часто, чтобы донести свое мнение, а порой достучаться сквозь непробиваемую стену неприятия его позиции: в ноябре 1993 г. в интервью газете «Северный Кавказ»: «Сначала надо восстановить суверенитет и независимость Абхазии, добиться ее признания» [12: 93]; в январе 1994 г. в интервью Абхазскому

телевидению: «Какой статус будет у Абхазии, это должно решаться народом Абхазии», «Никто извне статус государства определять не должен» [12: 106]; в феврале 1994 г. газете «Спасение»: «Санкции были применены против маленькой Абхазии, которую год и два месяца методично уничтожали» [12: 111]; в декабре 1994 г. газете «Вольная Кубань»: «Если нам дадут жить спокойно, если не будут угрожать войной, мы себя прокормим. Но нам пока этого сделать не дают» [12: 165]. К этому же ряду можно отнести его формулировки, касавшиеся взаимоотношений Абхазии и России: в ноябре 1994 г. газете «Утро России»: «Что касается российско-абхазских отношений, то и здесь пока господствуют стереотипы» [12: 154]; в сентябре 1995 г. газете «Правда»: «Наши настроения на союз с Россией – устойчивые» [12: 201]; в августе 1995 г. газете «Смена»: «Нам надо дожить и продержаться до того момента, когда политика России будет определяться ее национальными интересами» [12: 186]; то же самое слово в слово повторил «Независимой газете» в ноябре 1995 г. [12: 221].

Помощник В. Ардзинба в его бытность Президентом Абхазии А. Тания свидетельствует, что «мирного времени-то у него и не было». Далее он констатирует, что первый президент смог «практически на голом месте, без соответствующих традиций и преемственности, сформировать все институты, обеспечивающие функционирование независимого государства» [12: 6]. Соратник В. Ардзинба В. Чамагуа подчеркивал, что «нет такой сферы деятельности в республике (экономика, политика, дипломатия, культурная и духовная жизнь, социальная сфера, совершенствование институтов государства, развитие абхазского языка, молодежная политика, военное строительство и др.), где не просматривалось бы следов деятельности Первого Президента Абхазии» [12: 9]. Показательным является то, что одно из первых распоряжений лидера после деоккупации столицы было посвящено ремонту (хотя бы косметическому) здания разграбленного оккупантами Абхазского драмтеатра. В сложнейшее для послевоенной Абхазии время, 25 июля 1995 г., Главнокомандующий Вооруженными силами Абхазии В. Ардзинба издает Приказ № 4 «О сдаче документов и материалов ВС РА периода грузино-абхазской войны в архив МО РА» [4: 9]. Представляет интерес в этом смысле и распоряжение Президента 26 августа 1996 г., в котором говорилось о том, что «при отдании воинской чести без головного убора прикладывать правую руку к голове в таком же порядке, как и при наличии головного убора» [5: 19]. Сам В. Ардзинба в ноябре 1995 г. в интервью «Независимой газете» сказал: «У нас маленькое государство, но у нас есть все, что есть в любом государстве» [12: 223].

В начале октября 1999 г. В. Ардзинба в интервью «Независимой газете» сказал: «Некоторые в Москве думают, что признание Абхазии невыгодно для России, но это очень примитивная позиция... Думаю, что рано или

поздно мы дождемся того, что Россия признает независимость Абхазии. И дождемся мы этого не от каких-то политических кругов, а именно от тех, кто будет руководить Россией» [21: 261]. И, как известно, дождались, что лишний раз подчеркивает политическую прозорливость и стратегическую дальновидность В. Ардзинба. Здесь важен и другой аспект рассматриваемой проблемы, в связи с которым считаю уместным привести следующее мнение абхазского политолога Л. Тания: «В постсоветской политической суматохе Ардзинба сделал безошибочную геополитическую ставку на стратегический союз с Россией, при том что последняя была, во-первых, слаба, а во-вторых, откровенно на стороне Грузии как в период войны, так и после войны... Именно Владислав Ардзинба своей последовательной и смелой политикой защитил не только независимость Абхазии, но и геополитические интересы России, без чего невозможен был бы и ее стратегический выигрыш через международное признание абхазской независимости в 2008 г.» [18: 65–66]. В этом контексте весьма показательна оценка деятельности Ардзинба, данная первым послом Российской Федерации в Республике Абхазия Семёном Григорьевым. На торжественном заседании в связи с 70-летием первого Президента Абхазии в Сухуме 14 мая 2015 г. он сказал: «В российской столице – городе Москве – существует добрая традиция – устанавливать памятники государственным деятелям, которые внесли особо выдающийся вклад в укрепление отношений дружбы и братства своих стран и народов с Россией... Представляется, что свое достойное место в Москве мог бы занять памятник Владиславу Ардзинба» [6: 198].

В сентябре 1995 г. в беседе с башкирской журналисткой И. Николенко В. Ардзинба поведал о том, что «в политике приходится иметь дело с людьми, начисто лишенными каких-либо нравственных принципов и идеалов». Тогда он продолжил свою речь: «У таких людей нет совести, а с бессовестными людьми очень трудно разговаривать, приходится сильно нервничать, переживать. Но коль скоро на мою долю выпало такое испытание, я пока держусь» [12: 214]. И он держался и продержался, хотя опасности подстерегали не только извне. «История – череда предательств, и мое окружение не исключение», – скажет В. Ардзинба в конце своего президентства [12: 218]. Сия чаша не могла миновать его, как и всех отмеченных историей печатью величия, ибо трагичность – спутница Великого.

В связи с этим позволю себе привести цитату из собственной статьи, опубликованной в марте 2004 г. на фоне набравших обороты требований о досрочной отставке В. Ардзинба. В ней говорилось: «Наверное, трудно найти человека, трезво оценивающего ситуацию, который стал бы отрицать тот факт, что все наши завоевания за последние 15 лет связаны с именем этого человека (я не сказал: его одного). И если мы сегодня поступим так, как предлагают поступить горячие головы, т. е. отправим его в отставку

против его воли и незаконно, то мы перечеркнем все то, за что он боролся и добивался, будучи символом этой борьбы. Да, он и теперь, и навсегда символ, просто большое видится на расстоянии. И если кто-то не понимает этого, так это не вина Президента В. Ардзинба» [3].

В.Г. Ардзинба – Президент Республики Абхазия (26.11.1994–12.02.2005) (избирался дважды – 26.11.1994 и 03.10.1999). В эпоху Ардзинба были созданы Министерство обороны и Вооруженные силы (11.10.1992), Министерство иностранных дел (17.05.1993) и другие институты; принята новая Конституция (26.11.1994); учреждена Академия наук Абхазии (1997), принят Акт о государственной независимости РА (12.10.1999); заложен фундамент Абхазского государства и основа для его международного признания.

В.Г. Ардзинба ушел из жизни после тяжелой болезни 4 марта 2010 г. Его уход – невосполнимая утрата для всей современной политической системы, ибо ушел политик от нравственности, пронесший с честью высокое знание морали сквозь бездушное сплетение конъюнктур, интересов и целесообразностей; ушел последний романтик в политике. При этом его романтизм каким-то невообразимым образом сочетался с необходимостью считаться с жестокими законами реальной политики, для которой такие понятия, как «правда» и «справедливость» никогда не были серьезными аргументами. Тем не менее он настаивал: «Для меня нравственность в политике имеет принципиальное значение» [12: 153].

Его соотечественники, как он любил к ним обращаться, считают, что В. Ардзинба не умер в клинической палате, а погиб на поле брани, защищая интересы своего народа; похоронен он на линии фронта, где решалась судьба Абхазии. Как выяснится позже, рождение, каждая фаза его жизни и деятельности, наследие и даже сама смерть Владислава Ардзинба наполнены глубоким символизмом. И в будущем, думается, этот символизм будет проявляться все явственнее и отчетливее.

Для того, чтобы оценить вклад того или иного человека в историю, недостаточно знать и перечислить то, что он сделал, но необходимо понять, как и в каких условиях ему приходилось работать, ибо иного добиться можно только ценой собственной жизни, а то же самое в других обстоятельствах не требует никаких усилий...

Наследие В. Ардзинба для Абхазского государства – это одновременно и фарватер для корабля, обеспечивающий ему безопасное плавание, и совет для человека, подсказывающая достойный выход из любой ситуации...

«Свобода Апсны – смысл всей моей жизни». Сказать такое не все имеют право. Такое право дается избранным, каковым, по воле истории, был и будет оставаться основатель современной Абхазии – Владислав Григорьевич Ардзинба.

Источники и литература

1. Абхазия. 1991, 23 апреля. № 19.
2. Абхазия. Документы свидетельствуют. 1937–1953 / отв. ред. Б.С. Сагария. Сухум, 1992.
3. Авидзба А. Цель – кресло Президента // Новый день. 2004, март. № 001.
4. Архив Министерства обороны Республики Абхазия (далее – Архив МОРА). Ф. 19. Оп. 2. Д. 3.
5. Архив МОРА. Ф. 19. Оп. 2. Д. 7.
6. Владислав Ардзинба. К 70-летию со дня рождения. Сухум, 2015.
7. Иванов Вяч. Вс. В.Г. Ардзинба как ученый // В.Г. Ардзинба. Собрание трудов. Т. 1. М.; Сухум, 2015.
8. История Абхазии / гл. ред. С.З. Лакоба. Гудаута, 1993.
9. История Абхазии / гл. ред. С.З. Лакоба. Сухум, 1991.
10. Кубрава А.М. Дорога к сраму... Сухум, 2010.
11. Лакоба С.З. Абхазия – де-факто или Грузия де-юре? Sapporo, 2001.
12. Мы шли на смерть, чтобы жить. Сборник интервью и выступлений В.Г. Ардзинба. 1992–2005. Сухум, 2011.
13. Пегов С. Способность смотреть в корень проблемы // Наш Владислав. Сухум, 2010. С. 124.
14. Республика Абхазия. 1993. 1 июля. № 31.
15. Республика Абхазия. 1993. 6 ноября. № 44.
16. Республика Абхазия. 1998. 11 апреля. № 39.
17. Созвездие. 2010, ноябрь–декабрь. № 11–12.
18. Тания Л. О Владиславе Ардзинба – национальном герое и интеллектуальном лидере нации // Слово о Первом Президенте / сост. В. Зантария. Сухум, 2014.
19. Чанба Р.К. Ардзинба – богатырь земли абхазской // Абхазия! Ардзинба! Свобода! Сухум, 2023.
20. Эпоха Ардзинба. Стамбул, 2009.

М.Г. Дбар

ЭПИЗОД ИЗ ДИПЛОМАТИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

В.Г. АРДЗИНБА

(на примере Московской встречи 3 сентября 1992 г.)

Изучение Московской встречи 3 сентября 1992 г. как дипломатического эпизода представляет собой не только историографический интерес, но и позволяет проанализировать дипломатический стиль Владислава Ардзинба, его тактические решения, правовую аргументацию и способность действовать

в условиях серьезного политического давления и неравенства ресурсов. Его деятельность была направлена не только на защиту интересов воюющей стороны и сохранения абхазского народа, но и на формирование международной субъектности Абхазии как политико-правового образования.

Целью настоящей статьи является анализ дипломатической деятельности Владислава Ардзинба на примере Московской встречи 3 сентября 1992 г. с акцентом на особенности его соответствующей риторики, стратегических подходов, а также значение достигнутых договоренностей для восприятия позиции Абхазии за пределами республики.

Источниковая база статьи включает официальные материалы переговоров, выступления и обращения Владислава Ардзинба, воспоминания членов абхазской делегации, а также исследовательскую литературу. Особое внимание уделяется третьей главе книги А.Ф. Авидзба «Проблемы военно-политической истории Отечественной войны в Абхазии (1992–1993 гг.)», в которой Московская встреча рассматривается в широком контексте дипломатических усилий абхазской стороны.

Московская встреча 3 сентября 1992 г., ставшая первым официальным переговорным форматом между абхазской и грузинской сторонами при посредничестве России, проходила в сложных условиях продолжающихся боевых действий, гуманитарной катастрофы, разрушений, массовых репрессий против гражданского населения и массового исхода людей с территории Абхазии, оккупированной грузинскими формированиями.

В состав участников вошли Президент России Б.Н. Ельцин, Председатель Верховного совета Абхазии В.Г. Ардзинба, глава Государственного совета Грузии Э.А. Шеварднадзе, а также представители северокавказских республик и эксперты [1: 584]. Формат встречи, разработанный российской стороной, формально подчеркивал равноправие участников, хотя реальное соотношение сил было очевидно неравным.

Уже на начальном этапе переговоров Ардзинба столкнулся с откровенным давлением – новый вариант соглашения был передан абхазской делегации всего за пять минут до начала встречи. В этой ситуации руководитель Абхазии был вынужден открыто заявить Ельцину: «Мы получили этот текст, Борис Николаевич, вот сейчас, пять минут тому назад. Текста этого настоящего документа мы не видели, и если бы была возможность хотя бы его внимательно тогда прочитать, потому что мы текст получили только сейчас, этот текст на руках мы не имели» [3: 422]. Этот эпизод наглядно демонстрировал изначальноную неравноправность.

Центральным вопросом переговоров стал вывод грузинских войск с территории Абхазии, который абхазская сторона рассматривала как необходимое условие прекращения огня. Однако грузинская делегация категорически отвергала саму постановку этого вопроса, настаивая на том, что их войска

находятся «на своей территории». Даже компромиссное предложение главы Северной Осетии Ахсарбека Галазова о поэтапном выводе войск к 10 сентября было в итоговом документе существенно изменено: грузинские формирования оставались в Абхазии под предлогом «охраны железной дороги».

Несмотря на эти сложности, Ардзинба добился нескольких принципиальных уступок. Во-первых, в документах закрепилось название «Абхазия» вместо «Абхазская АССР». «Мы не настаиваем на том, чтобы здесь была записана Республика Абхазия, как государство называется. Но Абхазская АССР – так она не называется, поэтому есть нейтральное название, с которым можно согласиться. Будет Абхазия – это нейтрально» [3: 424]. Во-вторых, конфликт признавался двусторонним (между Абхазией и Грузией), а не внутренним делом Грузии. Особое значение имела редакция 11-й статьи соглашения – благодаря настойчивости Ардзинба, из нее было исключено осуждение добровольцев, защищавших Абхазию: «Я не могу с точки зрения ни нравственной, ни правовой осуждать людей, которые пришли в Абхазию жертвовать своей жизнью ради абхазского народа» [3: 436]. Кроме того, было согласовано участие Абхазии в трехсторонней комиссии по урегулированию конфликта, что закрепляло ее право голоса в дальнейших переговорах.

Как отмечал член абхазской делегации Юрий Николаевич Воронов, многие ключевые предложения Абхазии, включая требование о немедленном выводе войск, не были учтены: «Остался без ответа даже призыв Ельцина найти формулировку о выводе войск, без чего мир в регионе невозможен» [2: 124]. Часть окружения Ардзинба восприняла подписание документа как уступку, однако, как справедливо отмечает А.Ф. Авидзба, это был тактический шаг: «Если в тех условиях абхазская сторона не подписала бы этот документ, то всю ответственность за дальнейшее развитие событий возложили бы на нее» [1: 601].

Несмотря на крайне жесткое давление, которому подвергалась абхазская делегация, В. Ардзинба демонстрировал исключительное самообладание. После длительных и напряженных обсуждений итогового документа в зале начал формироваться консенсус – почти все участники были готовы подписать соглашение. На этом фоне Борис Ельцин, стремясь завершить процесс, предложил подписать текст прямо «под шампанское», подчеркнув, что документ уже можно считать принятым большинством. Однако Ардзинба вновь проявил твердость, вежливо, но решительно заявив о необходимости дополнительного обсуждения с делегацией. Он не поддался эмоциональному давлению и не уступил моменту – даже когда ситуация была подана как формальность. Это был четкий дипломатический ход: сохранить лицо, проявить уважение к протоколу и выиграть дополнительное время.

Более того, Ардзинба прямо высказал свое отношение к такому формату давления: «Мне весьма обидно, Борис Николаевич, что такой важный

документ, от которого зависит судьба народа, который я здесь представляю, все же подписывается путем такого жесткого давления на представителя маленькой Абхазии» [3: 189].

Представители республик Северного Кавказа и российской делегации откровенно призывали Ардзинба подписать документ. Некоторые из них прямо указывали, что в противном случае Абхазия рискует «отсечь себя от поддержки» и что «другой возможности не будет». Несмотря на давление, Ардзинба избрал тактику деликатного сопротивления: не отказывался на прямую, но фиксировал разногласия письменно, просил времени, предлагал альтернативные формулировки. Его настойчивость увенчалась успехом: ключевые формулировки были изменены, а позиция Абхазии – услышана.

Особенно значимо то, как Ардзинба использовал инструмент «особого мнения» по статье 11. Подписывая документ, он публично заявил, что не может осудить тех, кто пришел защищать Абхазию, и потребовал зафиксировать это в протоколе. Такая форма дипломатического выражения несогласия позволила ему не блокировать процесс, но и не допустить морального компромисса. Это решение иллюстрирует его стратегический подход: уступка ради главного, но без потери принципов.

Московская встреча показала, как в условиях полной асимметрии ресурсов и давления возможна дипломатия сопротивления – не через бойкот, а через тонкую тактику, юридическую точность и моральную аргументацию. Ардзинба не только отстаивал интересы своей страны, но и показал, как даже в самых неблагоприятных условиях можно добиться того, чтобы голос меньшинства был услышан.

Сразу после подписания документа началась активная интерпретация его содержания в информационном пространстве. Некоторые формулировки были представлены искаженно, из-за чего создавалось впечатление, будто абхазская сторона пошла на принципиальные уступки, включая согласие с осуждением добровольцев. Возникла необходимость восстановить подлинную картину переговоров – с тем, чтобы не допустить размывания результатов, достигнутых ценой сложных дипломатических решений.

На итоговой пресс-конференции по результатам переговоров Ардзинба открыто заявил о вынужденном характере подписания соглашения: «Я подписал этот документ в силу того обстоятельства, что на территории Абхазии осуществляется геноцид абхазского народа... И сейчас, коль есть возможность в какой-то мере не допустить дальнейшего кровопролития... я тоже подписал этот документ, хотя отдаю себе отчет в том, какие значительные подводные камни есть под всем этим документом» [1: 602].

Историк Станислав Зосимович Лакоба, анализируя итоги встречи, подчеркивает, что, «несмотря на очевидный сговор между Ельциным и Шеварднадзе, огромную роль сыграло выступление Владислава Ардзинба»,

который прямо заявил о геноциде абхазского народа [4]. Этот взвешенный, но принципиальный комментарий стал важным моментом в формировании международной позиции Абхазии.

Как вспоминает присутствовавший тогда на встрече журналист Руслан Хашиг, по поручению Владислава Григорьевича ему удалось получить уникальные материалы: «...хотя это документ для служебного пользования под грифом “секретно” – такие документы хранятся в МИД и могут быть открыты для общего доступа по истечении 20–25 лет. Нам передали два экземпляра стенограммы» [4]. Особую остроту ситуации придадо то, что вечером того же дня, как отмечает Хашиг, «в 21:00 на Первом канале выходила программа “Время”, а встреча к тому времени еще продолжалась. В блоке новостей передали информацию, что документ подписан в том варианте, в котором он был предложен изначально. Тем самым, получалось, что Ардзинба согласился с осуждением добровольцев, прибывших на помощь братскому народу Абхазии. Конечно, это вызвало очень бурную реакцию. Я хорошо помню звонок Сергея Шамба, который передавал информацию о возмущении в Абхазии. Услышав это, Владислав Григорьевич поручил мне заняться поиском стенограммы Московской встречи. Позже северокавказские братья узнали о реальном развитии событий, о том, какой именно был подписан документ» [4].

Этот продуманный шаг Владислава Ардзинба имел принципиальное значение: он прекрасно понимал, как важно, чтобы люди знали правду о том, что действительно происходило на переговорах: как на абхазскую делегацию оказывалось беспрецедентное давление, как пытались навязать неприемлемые условия, но при этом – как ему удалось, проявив невероятную стойкость и дипломатическое мастерство, отстоять ключевые позиции. Да, это была небольшая, но чрезвычайно важная победа – не только в плане конкретных пунктов соглашения, но и как демонстрация того, что даже в условиях полной информационной блокады правда может и должна быть услышана. Публикация стенограммы стала актом восстановления исторической справедливости, позволившим союзникам и всему миру увидеть, какой ценой давалось каждое слово в тех драматических переговорах.

Несмотря на то, что соглашение о прекращении огня, подписанное в Москве 3 сентября, вскоре было нарушено грузинской стороной, а война продолжилась, сама встреча имела важное значение: Абхазия впервые была признана стороной переговоров, получила возможность представить свою позицию на международном уровне и зафиксировала ключевые положения, имевшие значение для дальнейших политико-правовых аргументов. Московская встреча также продемонстрировала стиль дипломатии Ардзинба – жесткой, но конструктивной, основанной на апелляции к международному праву, историческим фактам, политической логике и моральным аргументам. Он умел убедительно представлять позицию Абхазии,

не прибегая к популистской риторике и не поддаваясь давлению, в том числе со стороны посредников.

Московская встреча 3 сентября 1992 г. стала поворотным моментом в формировании международного статуса Абхазии. Преодолевая неравенство условий и информационную блокаду, Ардзинба создал прецедент дипломатии сопротивления, где каждая уступка становилась тактической победой, а моральные аргументы – оружием в борьбе за признание. Этот опыт заложил основы особой школы переговорного процесса в условиях военного конфликта.

Источники и литература

1. Авидзба А.Ф. Проблемы военно-политической истории Отечественной войны в Абхазии (1992–1993 гг.). Сухум, 2013.

2. Воронов Ю.Н. Интервью газете «Правда» // Газета «Ткварчельский горняк»: 15 августа 1992 г. – 9 июня 1993 г. / сост. А.Ф. Авидзба, М.Г. Квициния. Сухум, 2023. С. 123–124.

3. Стенограмма Московской встречи руководителей республик кавказского региона 3 сентября 1992 г. // Газета «Ткварчельский горняк»: 15 августа 1992 г. – 9 июня 1993 г. Сост. А.Ф. Авидзба, М.Г. Квициния. Сухум, 2023. С. 416–431.

4. 30 лет назад был подписан итоговый документ Московской встречи по урегулированию грузино-абхазского конфликта // Апсныпресс. 03 сентября 2022 г. URL: <https://apsnypress.info/ru/home/novosti/item/1078-30-let-nazad-byl-podpisan-itogovyj-dokument-moskovskoj-vstrechi-po-uregulirovaniyu-gruzino-abkhazskogo-konflikta> (дата обращения: 07.07.2025).

Н.В. Багапш

ЭТНОДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ ТКУАРЧАЛА (1939–2024 гг.)

Ткуарчал является самым молодым по времени возникновения городом Абхазии. Его строительство началось в 1920-е гг. на месте одноименного селения и было связано с интенсификацией изучения местного каменноугольного месторождения. В 1930-е гг. в пределах современного Ткуарчала располагались два поселка городского типа – Акармара и Кузан (в тот период официально назывался Квезани). В 1942 г. путем их слияния был образован город Ткуарчал, выведенный из состава Очамчирского района и образовавший самостоятельный горсовет. В течение XX в. площадь застроенной территории города постоянно расширялась. Центральная часть Ткуарчала – Кузан – географически была разделена на верхнюю (правобережье р. Аалдзга)

и нижнюю (левобережье) площадки, соединенные между собой кольцевой и канатной дорогами, а также длинной лестницей. Выше по течению р. Аалдзга располагались жилые районы Акармара, Джантуха и Поляна.

Первые статистические сведения об этническом составе населения поселков городского типа Акармара и Куазан относятся к Всесоюзной переписи населения 1939 г. По ее итогам совокупное население двух указанных поселков составляло 8434 человека. Абхазов насчитывалось 691 человек, или 8,2 % от общей численности населения. Доля русского населения в двух поселках составила 62,4 %, или 5265 человек. Украинцев было 1378 (16,3 %) человек, белорусов – 41 (0,5 %) человек. Суммарная численность представителей восточнославянских народов составляла 6684 (79,3 %) человека. Абсолютное преобладание восточнославянского населения было связано с началом активной угледобычи, вводом в эксплуатацию многих промышленных предприятий, предопределивших превращение Ткуарчала в главный индустриальный центр Абхазии и всего Западного Закавказья, что в тот период почти всегда сопровождалось массовыми миграциями населения. Закономерно, что львиную долю переселенцев составили представители этнического большинства СССР. Грузин было 646 человек, или 7,6 %. Численность армян составила 99 (1,2 %) человек. В Ткуарчале также проживали 135 (1,6 %) греков и 16 (0,2 %) турок. Общая численность представителей остальных этносов составляла 163 (1,9%) человека [6].

За двадцатилетний межпереписной период с 1939 по 1959 г. население Ткуарчала выросло с 8434 до 28 440 человек, то есть более чем втрое. Этнический состав населения города, по данным переписи 1959 г., выглядел следующим образом. Из 28 440 жителей Ткуарчала абхазами были 5670 (19,9 %) человек. Суммарная численность русских и украинцев составляла 13 892 (48,8 %) человека. Численность грузин в Ткуарчале составила 6140 (21,6 %) человек, армян – 961 (3,4 %), греков – 284 (1,0 %), представителей прочих этносов – 1493 (5,2 %) человека [7].

В рассматриваемый двадцатилетний период обозначилось несколько тенденций в этнодемографическом развитии Ткуарчала. Резко возросшая численность населения объясняется активным ростом промышленного центра Абхазии в военные и послевоенные годы, поскольку после захвата немцами Донбасса в 1942 г. именно Ткуарчал стал одним из главных центров советской угледобычи, что определило бурное развитие города и в послевоенные годы. Неудивительно, что в этот период произошел существенный рост численности славянской общины. Абхазское население Ткуарчала в 1939–1959 гг. выросло многократно, что обозначило отчетливо утвердившуюся линию активной урбанизации абжуйских абхазов, пиковые показатели которой придется на позднесоветский период. Рост грузинского населения был соразмерен росту абхазского.

За одиннадцатилетний межпереписной период с 1959 по 1970 г. общая численность населения Ткуарчала несколько сократилась, однако наметились тенденции изменения этнической структуры населения. По данным Всесоюзной переписи населения 1970 г., население города составляло 25 805 человек, в том числе абхазов – 7862 (30,5 %) человека, представителей восточнославянских народов в совокупности – 9323 (36,2 %), грузин – 6745 (26,1 %), армян – 578 (2,2 %), греков – 234 (0,9 %), осетин – 213 (0,8 %), азербайджанцев – 75 (0,3 %), евреев – 52 (0,2 %), татар – 50 (0,2 %), представителей прочих этносов – 673 (2,6 %) человека [8].

Данные переписи 1970 г. демонстрируют ряд этнодемографических тенденций, наметившихся в Ткуарчале с конца 1950-х гг. Абхазы впервые с момента основания города приближаются по численности к восточнославянской общине, город в 1970-е гг. уверенно встает на путь демографической коренизации. Происходит это даже раньше, чем в Гудауте, другом преимущественно абхазском городе советской Абхазии. Абхазское население активно растет вследствие миграции жителей из сельской местности Очамчирского района, а также частично из Бзыбской Абхазии. Славянское население, продолжая оставаться доминирующей стратой в пестрой этнической палитре города, входит в фазу депопуляции, которая теперь уже будет носить необратимый характер. Это было связано с сокращением угледобычи вследствие существенного истощения разведанных ресурсов Ткуарчалского месторождения. В период с 1935 по 1967 г. в городе было введено в эксплуатацию 7 угольных шахт. В 1960 г. был достигнут максимальный уровень добычи угля – 1209 тыс. т, а уже к 1986 г. добыча снизилась до 459 тыс. т [4: 5].

Более позднее по сравнению с Сухумом и Гудаутой проявление первых признаков демографической деславянизации в Ткуарчале вызвано как существенно более активной инфильтрацией картвельского населения в сталинский период, так и общими закономерностями этнодемографического развития городских поселений Восточной Абхазии в рассматриваемый отрезок времени. В первой половине XX столетия в формировании этнического ландшафта городов Абхазии отчетливо просматривались признаки географического детерминизма: во всех городских поселениях Западной Абхазии численно доминировало восточнославянское население, в то время как в городах Восточной Абхазии преобладало картвельское население.

Исключение составлял как раз город Ткуарчал, вектор этнодемографического развития которого на раннем этапе сильно отличался от процессов, протекавших в других городах Восточной Абхазии, что объясняется непосредственной причиной его возникновения как крупного промышленного центра внутри аграрной предгорной абхазской глубинки. Исходя из общей логики этнодемографических процессов в новых промышленных городах СССР,

Ткуарчал на раннем этапе своего развития закономерно аккумулировал значительное славянское население, которое будет долгое время преобладать в промышленной столице Абхазии. Таким образом факт наличия крупной картвельской общины на раннем этапе развития Ткуарчала предопределил временной сдвиг процесса депопуляции славянского населения города.

У грузинской общины Ткуарчала в межпереписной период с 1959 по 1970 г. наблюдается отчетливая стагнация численности и удельного веса. Это справедливо и для армянского населения города, тогда как численность и доля греков несколько повышаются. Появляется в городе и осетинское население: это преимущественно выходцы из Южной Осетии и внутренних районов Восточной Грузии, приехавшие в Ткуарчал для работы на местных промышленных объектах, в первую очередь на предприятиях угледобычи.

Таким образом, трансформации этнической структуры населения Ткуарчала в период между переписями 1959 и 1970 гг. были обусловлены двумя разнонаправленными процессами: урбанизацией сельского населения Абжуйской Абхазии, вызвавшей опережающий прирост коренного населения главного урбанизационного центра Восточной Абхазии, и началом процесса депопуляции славянского населения. В Сухуме же депопуляция восточнославянской общины началась на десятилетие позже и была зафиксирована в межпереписной период 1970–1979 гг. По всей вероятности, задержка демографической деславянизации Сухума относительно Ткуарчала связана как с его столичным статусом, так и со снижением промышленного потенциала Ткуарчала в 1960-е гг.

В 1959–1970 гг. население Ткуарчала снизилось на 2635 человек, или на 11 %, при этом абсолютные показатели прироста абхазов были вдвое ниже показателей убыли восточнославянской общины. Абхазское население Ткуарчала выросло примерно на 2192 человека, или на 43,3 %, а убыль русского и украинского населения составила около 4569 человек (–18,2 %). Численность грузин возросла примерно на 133 человека, или на 1,6%, а показатели сокращения численности армянской общины были столь же незначительными: 23 человека, или –1,5 %. Вновь начинает расти численность и доля греческого населения.

В 1970-е гг. траектория этнодемографического развития Ткуарчала выходит на качественно новый этап, хотя фундамент этих подвижек был заложен несколькими десятилетиями ранее. Непродолжительный период с начала 1970-х гг. до 1992 г. может быть охарактеризован как демографическая коренизация, поскольку динамика этнической структуры населения в рассматриваемое время имела ярко выраженный транзитный характер. Этнодемографические процессы демонстрировали транзит от полиэтничности (с отчетливой славянской доминантой) раннесоветской и сталинской эпох к признакам устойчивой абхазской моноэтничности постсоветского периода.

По итогам Всесоюзной переписи населения 1979 г. население Ткуарчала составило 21 549 человек. Численность абхазов достигла 7958 человек, а их удельный вес – 36,9 %. Абхазы вышли на первое по численности место в этнической структуре населения города. Второе место занимали русские и украинцы, чья совокупная численность составила 7064 (32,8 %) человека. За ними следовали грузины – 5171 (24 %), армяне – 306 (1,4 %), осетины – 176 (0,8 %), греки – 144 (0,7 %), евреи – 31 (0,1 %), азербайджанцы – 13 (0,1 %) человек. Представителей других этносов было отмечено 686 (3,2%) человек [9].

В девятилетний межпереписной период с 1970 по 1979 г., ознаменовавшийся переходом Ткуарчала на этап демографической коренизации, вновь было отмечено общее, хотя и незначительное, сокращение численности населения. Этот процесс явился следствием депопуляции представителей большинства нетитульных этносов Ткуарчала, которая не была полностью компенсирована продолжающейся урбанизацией абхазского сельского населения Очамчирского района. Положительная динамика прироста наблюдалась только у абхазского населения города и достаточно малочисленной греческой общины. Число абхазов в обозначенный период возросло на 195 человек или на 7,2%, а греков – на 3 человека или на 3,9%. Депопуляция русского и украинского населения составила 1065 человек. По отношению к численности на 1970 г. русское и украинское население вкупе сократилось на 23,5 %, армянское – на 7,8 %, грузинское – на 6,2 %.

В 1980-е гг. Ткуарчал стремительно приобретает отчетливую абхазскую этническую доминанту. Этот процесс активизируется вследствие нарастающей урбанизации сельского абхазского населения Очамчирского района и попутного сокращения численности всех остальных основных этносов города, теперь уже включая и грузин. Общая численность населения Ткуарчала, по данным последней советской переписи 1989 г., составляла 21 744 человека. Этнический состав выглядел следующим образом: абхазы – 9202 (42,3 %) человека; русские и украинцы – 6094 (28,1 %); грузины – 5086 (23,4 %); армяне – 337 (1,5 %); осетины – 188 (0,9 %); греки – 139 (0,6 %), представители прочих этносов – 698 (3,2 %) человек [5].

В межпереписной период 1979–1989 гг. численность населения Ткуарчала практически не изменилась. Число абхазов увеличилось на 1335 человек, тогда как восточнославянская община продолжала пребывать в фазе активной депопуляции, что верно и для ткуарчалских грузин, армян, осетин и греков. Показатели депопуляции были отмечены у всех этнических меньшинств города.

К моменту распада СССР Ткуарчал подошел городом с пока еще не абсолютной, но уже отчетливо выраженной абхазской этнической доминантой. Устойчивые депопуляционные тенденции у всех нетитульных общин города также способствовали ускоренному росту удельного веса абхазского населения.

В отличие от Сухума, который во время Отечественной войны народа Абхазии был оккупирован войсками Госсвета Грузии, в блокадном Ткуарчале, как и в военной столице – Гудауте, не было отмечено почти тотального исхода абхазского населения, однако некоторая часть горожан (особенно женщины, старики и дети) с трудностями, но смогла покинуть город из-за тяжелейшего гуманитарного положения. Удельный вес абхазского населения Ткуарчала в рассматриваемый период вырос еще больше вследствие массового оттока представителей грузинской общины и значительной доли представителей остальных меньшинств города.

Завершение войны запустило процесс резкой и бурной урбанизации абхазского этноса и изменения традиционной для постмахаджирского периода географии его расселения внутри страны. Наиболее привлекательными городскими центрами для стремительно урбанизирующегося абхазского этноса в послевоенное время стали Сухум и Гагра. В то же время Ткуарчал, наряду с Очамчирой, были теми городами, откуда, напротив, происходил массовый отток населения.

В послевоенное время в Абхазии был проведен всеобщий учет населения 2003 г. и перепись населения 2011 г. По данным учета 2003 г., численность населения Ткуарчала составляла 4786 человек [1: 14]. Сведения по этническому составу населения Ткуарчала предоставляет только перепись 2011 г. При всех возможных изъянах и недочетах этого официального мероприятия, его данные демонстрируют общие закономерности этнодемографического развития современного Ткуарчала, а именно: превращение его в относительно этнически гомогенный абхазский город и резкое сокращение численности населения по сравнению с довоенным периодом.

По данным переписи 2011 г., общая численность населения Ткуарчала насчитывала 5013 человек, из которых абхазы составляли 3334 (66,5 %) человека, картвелы – 871 (17,5 %), русские и украинцы совокупно – 552 (11 %), армяне – 54 (1,1 %), греки – 19 (0,4 %), представители прочих этносов – 183 (3,5 %) человека [3: 139]. В городе имелось 1739 домохозяйств, в том числе 460 одиночных, 421 – с двумя жителями, 288 – с тремя, 252 – с четырьмя и 318 – с пятью и более жителями [3: 12].

Межпереписной период с 1989 по 2011 г. в Ткуарчале ознаменовался четырехкратным сокращением общей численности населения. Это максимальный показатель для всех городских поселений Абхазии. Такое резкое сокращение численности населения было вызвано, помимо прочего, коллапсом промышленного комплекса города, создававшим основу экономической активности в советское время. На этот факт накладывалась географическая и транспортно-логистическая удаленность Ткуарчала от экономически более перспективных западных и центральных регионов Абхазии. Еще один существенный момент, определяющий уникальность траектории

этнодемографических процессов в Ткуарчале в послевоенное время, прослеживается в большей депопуляции славянской общины по сравнению с грузинской. В Сухуме и Гагре показатели депопуляции картвельского населения в 1989–2011 гг. многократно превосходили аналогичные показатели у славянского, армянского и прочего нетитульного населения.

К сожалению, материалы переписи 2011 г. не содержат сведений о возрастной структуре отдельных этносов как в Абхазии в целом, так и в пределах отдельно взятых административно-территориальных единиц и населенных пунктов. Однако эмпирические данные позволяют предположить, что для большинства этнических меньшинств Ткуарчала характерна искаженная возрастная структура, вызывающая неуклонное демографическое старение, что при ограниченности миграционной подпитки и более активной, чем у абхазов, эмиграции определяет стабильное сокращение их удельного веса в населении города.

По данным Управления государственной статистики Республики Абхазия, численность наличного населения города Ткуарчала на 1 января 2024 г. составляла 5038 человек [2: 22], практически не изменившись с момента проведения переписи 2011 г. В то же время очевидно, что реальная численность населения города меньше официальных данных, поскольку многие зарегистрированные в Ткуарчале жители по факту проживают в других регионах Абхазии: преимущественно в Сухуме, Сухумском и Гулрыпшском районах.

Следующая диаграмма визуализирует рассмотренную выше более чем семидесятилетнюю этнодемографическую историю Ткуарчала (рис. 1). Обращает на себя внимание в целом достаточно стабильная доля грузинского населения в Ткуарчале на протяжении всего советского периода, тогда как в Сухуме оно постоянно увеличивалось, а максимальные показатели пришлось на конец советской эпохи. В 1939 г. доля восточнославянского населения Акармара и Кузан составляла 79,3 % вследствие активной индустриализации будущего города после начала разработки угольного месторождения. С конца 1950-х гг. и вплоть до распада СССР процент славянского населения Ткуарчала начинает постепенно, но неуклонно снижаться, что сопровождалось параллельным ростом численности и удельного веса абхазов. Последний процесс наиболее активизировался в 1970–1980-е гг., благодаря чему именно Ткуарчалу, а не Очамчире удалось взять на себя роль главного урбанизационного центра абжуйских абхазов. Любопытно, что, по данным переписей 1959 и 1970 гг., в Ткуарчале проживало больше абхазов, чем в Сухуме. Очевидно, что успешная оборона блокадного Ткуарчала в ходе Отечественной войны народа Абхазии стала возможной в первую очередь благодаря тому, что промышленная столица Абхазии в 1980-е гг. превратилась в преимущественно этнически абхазский город.

Отчетливо выраженной предстает граница, проведенная в истории города Отечественной войной народа Абхазии и ознаменовавшая кардинальное изменение вектора этнодемографического развития Ткуарчала. Это проявилось в резком падении численности и удельного веса всех этнических меньшинств и в столь же резком сопутствующем росте доли этнически абхазского населения.

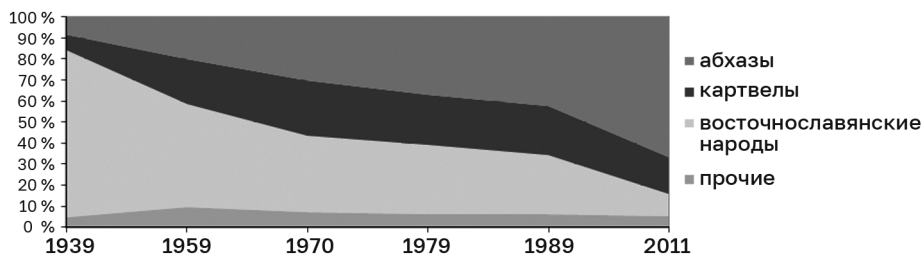

Рис. 1. Динамика этнического состава населения Ткуарчала (по данным переписей 1939–2011 гг.)

Динамика численности населения Ткуарчала с конца XIX в. по настоящее время характеризуется различными тенденциями: период поступательного роста в 1930–1950-е гг. сменился с 1960-х гг. затяжной, но в целом плавной депопуляцией, связанной с сокращением объемов добычи каменного угля. В 1990-е гг. наступает фаза резкой депопуляции, вызванная последствиями войны (рис. 2).

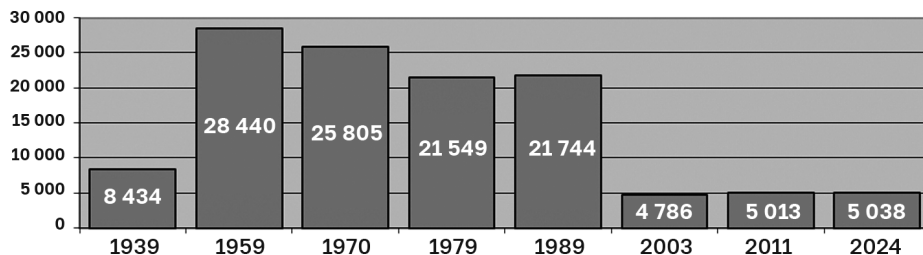

Рис. 2. Динамика численности населения Ткуарчала (по данным переписей и учетов 1939–2024 гг.).

Источники и литература

1. Абхазия в цифрах. Сухум, 2005.
2. Абхазский статистический ежегодник – 2023. Сухум, 2024.
3. Итоги переписи населения Республики Абхазия 2011 г. Сухум, 2012.
4. Народное хозяйство Абхазской АССР. Сухуми, 1988.
5. Российский государственный архив экономики (далее – РГАЭ). Ф. 1562. Оп. 69. Д. 273.

6. РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 336. Д. 999.
7. РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 338. Ч. 1. Д. 572.
8. РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 338. Ч. 2. Д. 333.
9. РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 338. Ч. 3. Д. 481.

Г.В. Чакветадзе

К ВОПРОСУ О ДЕЯТЕЛЬНОСТИ НАЦИОНАЛЬНЫХ ОБЩИН РЕСПУБЛИКИ АБХАЗИИ

Национальные общины в Абхазской АССР играли важную роль в сохранении культуры и языка. Общины создавали культурные центры, проводили культурно-образовательные мероприятия, поддерживали школы, где обучение велось на родном языке. Общины участвовали в социальных проектах. Например, русская община участвовала в благотворительных проектах, направленных на поддержку малоимущих, ветеранов, детей-сирот. Общины поддерживали межнациональный диалог, их представители участвовали в форумах и конференциях, посвященных вопросам межнационального сотрудничества.

В многонациональной Республике Абхазии известно о существовании русской, армянской, греческой, еврейской, эстонской, польской, немецкой и других общин, о которых мы собрали сведения. Республика Абхазия, благодаря своей географической близости и историческим связям с Россией, на протяжении веков оставалась привлекательным местом для переселенцев.

Во второй половине I тысячелетия до н.э. на территории современной Абхазии проживали греки. Они основали портовые города-колонии: Диоскуриаду на месте нынешнего Сухума, Гюэнос на месте Очамчиры, Питиунт на месте Пицунды. В XIX – первой половине XX в. греческая община в Абхазии была многочисленной и играла одну из ведущих ролей в республике. Греки образовывали селения: Александровское, Георгиевское, Ольгинское, Михайловское, Павловское, Константиновское, Екатерининское, Андреевское, Мариинское, Дмитриевское. Во всех селах возводили православные церкви, где служба велась на греческом языке. Были построены церковь Св. Георгия Победоносца в селе Георгиевском, Св. Димитрия в Ольгинском, каменная церковь Св. Петра и Павла в Михайловском (Кума), Св. Иоанна в Павловском, Св. Константина и Елены в Константиновском и др. Сухум называли тогда маленькой Грецией [3].

В 1909 г. в Сухуме была открыта греческая школа. Работал греческий театр. В 1909 г. построена греческая церковь – сегодняшний кафедральный собор – это бесценное наследие греков в городе. С установлением в Абхазии советской власти начали закрывать национальные школы, в том числе

и греческие, обучение перевели на русский язык, а в деревнях – на грузинский. В связи с этим многие греки стали массово уезжать на историческую родину. Храм был закрыт на несколько лет, и лишь в 1943 г. было получено разрешение вновь открыть церковь, где вели литургию на греческом языке, а потом на русском. В 1949 г. десятки тысяч семей абхазских греков, всего около 50 тысяч человек, подверглись массовой депортации в необжитые районы Казахстана [5].

Несмотря на то, что некоторые семьи сумели вернуться в Абхазию, тем не менее греческая община в республике навсегда утратила свою силу и влияние. Оставшиеся греки 22 января 1994 г. учредили общество греков Абхазии. Первым председателем общества был поэт Николай Патулиди. Он же был и ответственным секретарем греческого культурного центра «Ирини» (в переводе с греческого – «мир»). Затем общество возглавлял Николай Исаков. В 2008 г. греческий культурно-благотворительный центр «Ирини» был переименован в общественную организацию «Диоскуриада» во главе с Дмитрием Карсаниди. Планировалось создать центр по изучению греческого языка, обучению греческим народным танцам.

В конце 2009 г. была возобновлена деятельность культурно-благотворительного центра «Ирини» и возвращено название. Община выпускала в качестве вкладыша к газете «Нужная» свое издание – «Греческая община». С 2022 г. общество греков возглавляет Александр Константириди. В 2023 г. в здании бывшей греческой школы открыт класс дошкольного образования.

Переселение эстонцев в Закавказье началось в середине XIX в. Переселенцы выбрали участок земли недалеко Сухума и назвали его Линда. Эстонские села были и в Сальме и Сулево. На Кавказе эстонцам пришлось привыкать к новым природным условиям: они стали выращивать кукурузу, табак, разводить пчел, свиней, охотиться на туров и медведей. В селах были свои кузнецы, сапожники, портные, столяры, фотографы. Вскоре среди эстонцев появились чиновники, домовладельцы, аптекари и владельцы магазинов. Основой культурной жизни поселений были эстонские школы и общества и, конечно, лютеранская церковь, которую построили в Сухуме. Церковный приход составляли эстонцы, немцы и латыши. С приходом советской власти церковь закрыли, а школьное обучение на эстонском языке запретили.

В постсоветское время было создано эстонское общество «Линда». В том же году начала свою работу частная школа по изучению эстонского языка [11]. С 2003 г. школа прекратила свою деятельность в связи с небольшим количеством учеников. К настоящему времени общество не располагает офисом, у него нет председателя и сведений о верующих. Молодое поколение эстонцев в Абхазии не является полноценным носителем своей культуры и языка.

Царские власти поощряли колонизацию новоприобретенных территорий представителями «культурных» наций. Переселение немцев на Кавказ

началось в 1804 г. В 1878 г. тридцать немецких семей поселились недалеко от Сухума. В 1915 г. в Сухуме построили лютеранскую церковь Св. Иоанна. В советское время ее закрыли, а в 2011 г. правительство Абхазии передало храм в бессрочное пользование лютеранам республики. В селах, где преобладали немцы, в школах изучали немецкий язык. В период массовых репрессий 1937–1938 гг. церкви были закрыты, а священники арестованы. В начале 1940-х гг. прибывали пленные немцы, которые помогали отстраивать послевоенную страну. В 1945 г. в Сухуме и Агудзере открыли два секретных научных объекта, где над урановым проектом работали немецкие физики. К 1955 г. немцы покинули Абхазию. За короткое время военнопленные немцы построили Красный мост в Сухуме, железнодорожную платформу «Гумская», несколько зданий в Ткуарчале, развязку «Тещин язык» и колоннаду на Сухумской горе.

В 1990 г. немцы Абхазии образовали общину. Представителем общины и председателем церковной общины Евангелистской лютеранской церкви немцев Абхазии был Гарт Лаврентий. Целью и задачей общины являлось объединить потомков, чтобы они не забывали свои корни. Возрождение лютеранской традиции в Абхазии было связано с именем епископа Евангелическо-лютеранской церкви Грузии Герта Хуммеля. Именно он внес огромный вклад в развитие церкви, восстановленной за его счет. Благодаря Г. Хуммелю при церкви была организована церковно-приходская школа, где обучалось около 10 человек. Помощь церкви оказывала региональная лютеранская церковь, находящаяся в Грузии, которая получает спонсорскую помощь из Германии. В церковную общину входило около 50 человек. Во время грузино-абхазского вооруженного конфликта 1992–1993 гг. и после него многие вынуждены были уехать из-за тяжелого материального положения. Лютеране в Абхазии тесно общаются с католиками и баптистами. Иногда проводятся совместные богослужения. С 2015 г. председателем общества немцев Абхазии является Агрба Тамара Павловна. В настоящее время количество верующих составляет 60 человек.

В XIX в. в Абхазию переселились представители еврейской общины из Тифлиса. С середины XIX в. еврейская община стала стремительно расти. Евреи в тот период занимались мелкой торговлей и ремеслами. В Сухуме всегда функционировала небольшая синагога и школа [4]. Первая еврейская синагога в г. Сухум находилась по улице Карла Маркса (ныне – Энгельса), после была перенесена на улицу Гоголя и просуществовала до 1953 г. В середине 1950-х гг. в Абхазии проживало около 3 тыс. евреев. Большая часть общины принадлежала к так называемым грузинским евреям. В 1958 г. на их средства была построена новая синагога, во дворе которой два здания, где располагались и мирно существовали две синагоги: в первой молились грузинские (сефардские) евреи, в другой ашкенази (крымчаки).

По разным причинам в 1970–1980 гг. евреи, в основном грузинские, стали переезжать в Россию и Израиль. В те годы евреи занимали видное положение в абхазском обществе. Среди них было немало отличных юристов, инженеров, музыкантов, ученых и особенно врачей: кардиолог, профессор Давид Какиашвили, главный терапевт Абхазии Татьяна Зализняк, неврохирург Изя Орловский, стоматолог Александр Городецкий и др. [4].

В Абхазии также проживают представители небольшой этнической группы евреев, которые называют себя крымчаками. Они исповедуют иудаизм, но говорят на татарском языке. В 1991 г. раввином синагоги был назначен Михаил Бениашвили. После его смерти в 2005 г. в синагоге не было штатного раввина. Его миссию выполнял член общины врач Игорь Черняк. С 2012 г. численность евреев составляла около 200 человек. В настоящее время в синагоге нет раввина.

После 1993 г. в здании синагоги располагались еврейское культурно-благотворительное общество «Шалом», организованное Львом Хайкиным, и благотворительный фонд «Надежда». Девизом общества «Шалом» служили слова: «Возьмемся за руки, друзья, чтоб не пропасть поодиночке» [9]. Деятельность общества «Шалом» в большей степени носила религиозный характер и прекратилась после смерти Л. Хайкина. В 2022 г. организована новая религиозная община ортодоксального иудаизма «Маген Давид». Председателем еврейского общества Абхазии с 2022 г. является Бэцалель Эфраим Малис. Приверженцев иудаизма немного, преимущественно это люди пожилые. Синагога не функционирует, иудейская религия теряет своих последователей.

На протяжении XIX в. в Абхазии появились ссыльные польские переселенцы [1]. В 1908 г. в Сухуми сосланные поляки-католики и прибывшие из Турции армяне построили Римско-католическую церковь Св. ап. Симона Кананита. Первое польское религиозное общество в Абхазии “Dom Polski” появилось в 1917 г. В 1937 г. церковь была закрыта советской властью, общество перестало существовать. С этого момента до 1993 г. в здании церкви находился государственный музей.

В 1993 г. настоятель сочинского костела ксендз Богдан Северин, прибывший в Россию из Польши, получил разрешение правительства Абхазии на возобновление в стране деятельности католической церкви. В этом же году была организована польская община «Звензек поляку в Абхазии Вспульнота Польска». Первым председателем была Валентина Фёдоровна Щековская. Задача общины заключалась в том, чтобы поляки не забывали свой язык. В 1996 г. председателем общины стала Лина Николаевна Гоглоева-Зеленска. В 1999 г. в частном доме она создала воскресную школу и преподавала польский язык. В 1999 г. был создан детский ансамбль «Полонянка» (состоял из 12 детей).

В Абхазии действовали два польских общества – «Союз поляков Абхазии» и «Центр польской культуры Абхазии». Обе организации занимались культурно-просветительской деятельностью. Благодаря связям с исторической родиной «Центр польской культуры» организовывал бесплатное обучение в вузах Польши. Председателем общины было подано прошение в Сейм Польши на обучение в Польше детей из Абхазии. Пятеро детей: И. Гицба, Д. Горбатко, Н. Гулия, М. Гулия и Н. Воронов выехали в Польшу на учебу. Но лишь И. Гицба вернулся на свою историческую родину.

Через польское посольство в Москве польская община Абхазии получала финансовые средства. В настоящее время община Сухума состоит из 80 человек, преобладают прихожане преклонного возраста. Большинство из них составляют армяне и поляки. Встречи членов польских обществ проходили в католической церкви. Сейчас община не функционирует.

Исторические сведения об амшенских армянах, переселившихся из Западной Армении в Абхазию, стали появляться в конце 1860-х гг. Первые армянские переселенцы обосновались в селе Мцара, затем армяне появились в Верхней Эшере, а позже – в Анухве, Цебельде, Армянской Атаре, Аракиче, Гаваклуге и в других местах.

В 1906 г. была открыта Сухумская армянская школа. В 1908 г. на отведенном городской управой земельном участке на народные средства была построена церковь Св. Григория Просветителя, а позже, в 1913 г., – здание школы при ней. Издавались несколько газет на армянском языке: «Луйс» (1912–1913 гг.), «Нор-Кянк» (1913 г.), «Парос» (1919 г.), «Кармир астх» (1920 г.). В Сухуме действовал армянский государственный театр, педагогическое училище, ансамбль песни и танцев. Значительную роль армяне играли в строительстве государственности в Абхазии.

К концу 1980-х гг. в Абхазии функционировали две крупные армянские общины: Сухумская «Крунк» и Гагрская «Маштоц», а также Армянский культурный центр. Сухумская община под руководством А. Тополяна активно участвовала в политической жизни Абхазии. Гагрская община под руководством А. Чакряна больше напоминала культурно-благотворительное общество, контактируя с Министерством культуры Армении, активно занималась благотворительностью.

В 2000 г. была создана единая Армянская община Абхазии. Председателем был С. Керселян. Основные цели и задачи общины – содействие духовного, культурного и социального развития армянского населения Абхазии во взаимодействии с другими народами, населяющими республику. Число активных членов общества достигало более 1000 человек. В 2014 г. в г. Гагра был открыт храм Армянской апостольской церкви Сурб Аменаприкч [10]. В настоящее время главой армянской общины является председатель благотворительного фонда «Амшен» Алик Минасян.

Присутствие русских в Абхазии началось еще в XVIII в., но особенно усилилось после присоединения Абхазии к Российской империи в XIX в. В советские годы русская община значительно увеличилась за счет миграции специалистов, инженеров, учителей и врачей, приехавших на работу в Абхазию. После распада СССР и в силу ряд обстоятельств часть русских покинула Абхазию, однако многие остались, поддерживая стабильность и развитие республики. На сегодняшний день русская община в Абхазии является одной из самых крупных и влиятельных национальных групп. Взаимодействие с другими этническими группами, участие в общественной жизни и сохранение русской культуры делают русскую общину важной частью многонационального общества Абхазии. При содействии Юрия Воронова в 1994 г. в Абхазии был создан «Конгресс русских общин соотечественников России в Абхазии» (КРОСПА), он был и председателем Конгресса.

Еще до официального признания Москвой независимости республики было принято решение о создании ассоциации общественных объединений «Русская община Республики Абхазия». Тогда четыре русские общины – Ткварчельская, Гульрипшская, Гагрская и Сухумская – обещали, что направят все усилия на строительство вместе с абхазским и другими народами, проживающими в Абхазии, суверенного государства. После признания в 2008 г. русские общины договорились координировать усилия по достижению общественно значимых результатов в жизни республики и укреплять связи с общественными организациями России. Был создан Координационный совет российских соотечественников в Республике Абхазия. Председателем Координационного совета (КС) на год был избран руководитель «Конгресса русских общин Абхазии» Геннадий Никитченко. КС создан с целью защиты прав русских и объединения разобщенных русских общин. «Нам не нужны многочисленные сообщества, нам нужна одна организация, которая сможет отстаивать наши проблемы, четко и ясно выражать наши цели и задачи», – заключил сопредседатель совета С. Пигарь [2].

В 2017 г. учреждено общественное объединение «Русская община Абхазии». Председателем общины является Роман Сергеевич Рязанцев. Цель общины – консолидация русского народа, соотечественников, русскоязычных общественных объединений и организаций, с целью сплочения и укрепления единства русского народа, проживающего на территории Республики Абхазия. Деятельность общины направлена на укрепление единства многонационального общества Абхазии, развитие Абхазской государственности, развитие и укрепление союзнического и стратегического партнерства между Абхазией и Россией [8].

Нынешний этап истории отмечен резким ростом роли этнонациональных объединений в решении глобальных проблем мирового устройства. Несмотря на все прогнозы о неминуемом исчезновении этнонациональных

различий в результате всемирной универсализации жизни, этнические общины не только выжили, но и превратились в один из определяющих факторов общественного развития, удовлетворяя потребность людей в солидарности ради достижения общей цели и реализации совместных социальных идеалов. И поскольку решение всех социальных проблем осуществляется через политический процесс, этносы стали не только объектами, но и субъектами политики [6].

Источники и литература

1. *Васильев-Пишибельский В.* Дружеский визит в Варшаву // Литературная Абхазия: литературно-политический альманах. Сухум, 1998. С. 215–228.
2. В Абхазии создан Координационный совет российских соотечественников // Русский век. 29.03.2011. URL: <https://ruvek.mid.ru> (дата обращения: 20.05.2025).
3. Историк Георгий Григориадис: Сухум был маленькой Грецией // Sputnik Абхазия. 14.06.2015. URL: <https://sputnik-abkhazia.ru/20150614/1014918123.html?ysclid=mdfoutqnvs467842717> (дата обращения: 2.06.2025).
4. Еврейская община Абхазии // Абхазия-Апсны.ру. URL: <https://abkhazia-apsny.ru/evrejskaya-obshchina-abkhazii?ysclid=mdfptmk4cr75795365> (дата обращения: 2.06.2025).
5. Краткая история сухумских греков // ВКонтакте. «Кавказ сейчас». 12.10.2020 URL: https://vk.com/wall-53322044_880573?ysclid=mdfozq9cr7131934595 (дата обращения: 8.06.2025).
6. *Кирилюк Ф.М., Обушный М.И., Хилько М.И.* Этнонациональные общности как субъект и объект политики. М., 2004.
7. Мы приходим сюда как в свою семью // Асаркья. Общественная организация. 16.12.2022. URL: <http://asarkia.info/culture-and-society/57/2548/?ysclid=mdfpw867m0409037021> (дата обращения: 2.06.2025).
8. Роман Рязанцев: «Консолидация общества необходима ради будущего Абхазии» // Русская община Абхазии. 23.04.25. URL: <https://rusabkhazia.ru/2025/04/23/роман-рязанцев-консолидация-обществ/?ysclid=mdfq4ycf2588053567> (дата обращения: 23.05.2025).
9. *Хайкин Л.* Мы живем на другом берегу Псоу // Лехаим Сочи. Сочи, 2003. № 5. Июнь.
10. *Оганесян С.* Храму Сурб Аменапркич в Абхазии исполнился один год // Еркрамас. Газета армян России. 15.11.2014. URL: <https://yerkramas.org/article/84160/xramu-surb-amenaprkich-v-abkhazii-ispolnilsya-odin-god/> (дата обращения: 23.05.2025).
11. Эстонская история Абхазии. История образования эстонских сел в Абхазии, и села Красная Поляна. URL: <https://www.glebzverev.ru/abkhazia/abkhazia-estonia.htm> (дата обращения: 8.06.2025).

РАЗДЕЛ 3

Национальная политика и этнокультурные преобразования на Кавказе в советский период

Ю.А. Яхутль

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ ОБРЕТЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ АВТОНОМИИ СЕВЕРО-ЗАПАДНЫМИ АДЫГАМИ в 1917–1920 гг.

Большевики к завершению Гражданской войны вынуждены были разрабатывать формы сохранения России и ее территориального единства. Именно в начале 1920-х гг. были созданы экономические и организационные основы федеративного устройства, предполагавшие равноправие народов и их самоопределение. Но вопрос об отношении к национальным окраинам Российской империи стал актуальным уже в конце XIX в. Так, право народов на самоопределение было записано в программе РСДРП, принятой на I съезде партии в 1898 г.

В период с 1912 г. по 1916 г. В.И. Ленин в своих работах: «Критические заметки по национальному вопросу» [5], «К вопросу о национальной политике» [6], «О праве наций на самоопределение» [7] «Рабочий класс и национальный вопрос» [8] и др. – разработал основные программные требования к национальному вопросу. Идея лидера большевиков заключалась в том, что социализм станет основой для ликвидации национальных различий. Одновременно национально-освободительное движение народов России рассматривалось как союзник, поэтому он выдвинул тезис о предоставлении нациям свободы и самоопределения [10]. Лозунг права наций на самоопределение привлек на сторону РКП(б) абсолютное большинство народов и этносов России. Менялась и формула национально-государственного устройства. До 1917 г. В.И. Ленин настаивал на единстве всех народов,

выступая против идеи федерализма, но потом обратился к идее федерации двух типов – национально-территориальной автономии внутри государства и союзных договорных отношениях республик.

После прихода РКП(б) к власти в ноябре 1917 г. появилась необходимость определиться с политикой в отношении многонационального населения России и растущим национально-освободительным движением. Первые правительственные заявления по этому вопросу основывались на ленинских принципах национальной политики [1; 10]. II Всероссийский съезд Советов в октябре 1917 г. провозгласил право всех наций на самоопределение, что нашло свое отражение в «Декларации прав народов России», принятой 2 ноября 1917 г.:

- равенство и суверенность народов России;
- их право на свободное самоопределение (вплоть до образования самостоятельного государства);
- отмена всех национальных и национально-религиозных привилегий и ограничений;
- свободное развитие национальных меньшинств и групп, населяющих территорию России.

Законодательное оформление новых принципов национальной политики и государственного строительства завершилось на III Всероссийском съезде Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, проходившем с 10 по 18 января 1918 г. в Петрограде, где была утверждена «Декларация прав трудящегося и эксплуатируемого народа», а также принято постановление «О федеральных учреждениях Российской Республики». На политической карте мира появилось новое государство – Российская Социалистическая Федеративная Советская Республика.

Первая Конституция РСФСР окончательно определила федеративный статус Советской России. Пункт 2 первой главы Конституции гласил: «Российская Советская Республика учреждается на основе свободного союза свободных наций как федерация Советских национальных республик» [4]. В пятой главе было закреплено право объединяться в национальные автономные союзы в составе РСФСР.

В условиях Гражданской войны и после ее завершения центром принятия решений по национальному вопросу и разработке концепции национально-государственного строительства стал Народный комиссариат по делам национальностей РСФСР во главе с И.В. Сталиным. Наркомнац вел свою деятельность с 1917 по 1923 г. В июле 1918 г. при Наркомнаце был учрежден отдел горцев Кавказа во главе с Умаром Алиевым, большевиком-карачаевцем.

На Северном Кавказе процесс формирования многонациональной федерации начался одновременно как инициатива правящей партии и как движение интеллигенции и духовенства местных народов.

Первые попытки создания автономий были предприняты в Кубанской области и Черноморской губернии еще в конце 1917 – первой половине 1918 г., однако Гражданская война прервала этот процесс. В марте 1917 г., после событий в Петрограде, на Кубани был учрежден временный Кубанский областной исполнительный комитет как представительство Временного правительства. На следующем этапе, в апреле 1917 г., I съезд представителей населенных пунктов Кубани сформировал областной Совет как высший орган гражданской власти. В ходе съезда казаки объявили себя Кубанской краевой войсковой радой, а 17–22 апреля 1917 г. в Екатеринодаре прошел I казачий съезд. Осенью на II съезде Кубанская краевая рада объявляла себя верховным органом Кубанского края. В выборах могли участвовать казаки, горцы и коренные крестьяне. Краевая рада из числа своих членов должна была сформировать Законодательную раду – постоянно действующий орган. 1 ноября 1917 г. открылась первая сессия Кубанской законодательной рады, на которой Председателем избрали Н.С. Рябовола, сторонника кубанской государственности в рамках федерации. После его смерти в 1919 г. председателем Кубанской законодательной рады стал его заместитель Султан Шахим Гирей.

3 апреля 1917 г. по инициативе горской интеллигенции в ст. Баталпащинской созвали съезд уполномоченных местных пунктов мусульманского населения, который признал Временное правительство высшим государственным органом власти в стране. Съезд делегировал в состав Кубанского временного исполнительного комитета двух представителей от адыгов [12: 43]. В начале апреля 1917 г. в г. Новороссийске состоялся съезд горской интеллигенции, где приняли решение об издании газеты «Горская жизнь» с целью ознакомления российского общества с жизнью горцев. Рост политической активности вызвал недовольство региональных властей, поэтому на собрании горцев в Екатеринодаре заявили об отсутствии каких-либо намерений к выделению из состава края. Нарастание революционного движения оказывало существенное влияние на региональные элиты. В этих условиях часть адыгской интеллигенции пошла на сближение с Кубанским войсковым правительством. С 10 по 17 августа 1917 г. в ауле Хакуринохабль прошел съезд горцев, на котором рассмотрели как политические, так и хозяйственные вопросы. С докладом о национальном самоопределении горцев выступил С. Шахим Гирей. Приемлемой формой была признана автономия в составе федеративной республики. С учетом особенностей административно-территориальных границ расселения горцев Северо-Западного Кавказа, а именно их разобщенности и отсутствия возможности объединить, предлагалось выделить особые округа с центром в Екатеринодаре.

Попытки консолидации совместных усилий горцев и казаков по защите своих интересов проявились в создании межнационального регионального объединения – Юго-Восточного союза казачьих войск, горцев Кавказа

и вольных народов степей, но приход к власти большевиков в Петрограде изменил ситуацию в стране и регионе.

В этот же период прошел Первый областной съезд иногородних. Он отверг предложение большевиков о признании советской власти. Но уже в декабре на Втором съезде иногородних произошел раскол. Часть делегатов объединилась с краевой радой, и был проведен общеобластной съезд представителей казаков, иногородних и горцев, где была избрана Объединенная законодательная рада с равным представительством казаков и иногородних (по 45 человек), а также горцев (8 человек). В январе 1918 г. на сессии объединенной Кубанской законодательной рады Кубанский край был провозглашен самостоятельной республикой, входящей в состав России на федеративных началах.

Параллельно шло формирование советских органов. 1 февраля 1918 г. в г. Армавире прошел I съезд Советов Кубанской области. Активным участником съезда был Мос Шовгенов, один из первых горцев-коммунистов. Шовгенов Мос Хакарович родился 8 мая 1876 г. в ауле Урупском Кубанской области. Получил начальное образование. Трудовую деятельность продолжил в Армавире. В 1894 г. уехал в Америку, где учился в течение трех лет в технической школе Чикаго. После возвращения в 1897 г. продолжал работать в г. Армавире, где включился в революционные движения.

28 февраля 1918 г. революционные части большевиков вынудили уйти из Екатеринодара Кубанское войсковое правительство. На территории Кубанского округа активно устанавливалась советская власть. В адыгских аулах проводили собрания в поддержку новой власти. По заданию Кубанского исполнительного комитета М. Шовгенов вел агитацию среди черкесов в поддержку советской власти, собирал средства для боевых отрядов. 13 апреля 1918 г. в Екатеринодаре прошел очередной II съезд Советов Кубанской области, на котором провозгласили образование Кубанской советской республики в составе РСФСР. В работе съезда приняли участие адыги, выступившие в поддержку советской власти. Съезд сформировал региональное руководство, а М. Шовгенов в составе нового правительства был утвержден Народным Комиссаром по национальным вопросам. Однако события на юге страны разворачивались таким образом, что большевикам пришлось мобилизовать имеющиеся силы и средства для противостояния Белому движению. М. Шовгенову, который возглавил весной 1918 г. Комиссариат по горским делам, поставили задачу сформировать добровольческие отряды из горцев. К этой работе были привлечены и другие сотрудники Комиссариата по горским делам – И. Цей и М. Мамижев. В результате проведенной работы аулы Тахтамукай, Джамбечий, Понежукай делегировали до 80 бойцов каждый. Так создавали Черкесский добровольческий кавалерийский полк, в состав которого добровольцами вступили М. Хатит, С. Каджесау, Н. Наурзов, Б. Куижев, Ш. Хурумов, А. Байбеков и др. [11: 46].

К середине 1918 г. ситуация в регионе заметно меняется. Возрастает угроза внешней интервенции. В этой ситуации партия большевиков проводит 5 июля объединительный Северо-Кавказский съезд Советов Кубано-Черноморской, Терской и Ставропольской советских республик. На карте России появляется Северо-Кавказская советская социалистическая республика.

На Юге России разворачивается широкомасштабная Гражданская война, которая прервала советское строительство и государственное самоопределение горцев. Однако события Гражданской войны развивались таким образом, что весной 1920 г. уже А.И. Деникин вынужден был покинуть Родину под натиском войск 11-й и 9-й Красной армии. Адыги, опасаясь повторения большевистских погромов 1918 г., тоже оказались в числе вынужденных эмигрантов [9: 52].

Еще в феврале 1920 г. на сессии ВЦИК РСФСР была создана комиссия, которая должна была изучить вопросы федеративного устройства РСФСР и разработать предложения по его совершенствованию [13: 137]. Но, кроме общих теоретических установок, изложенных в работах В.И. Ленина, программы национального строительства у РКП(б) не было. Не имели их этнические и религиозные элиты Северо-Западного Кавказа. Поэтому на данном этапе национально-государственного самоопределения народов Кавказа явно проявились противоречия между центральной властью и политическими запросами этнических элит. Кроме того, существовало значительное количество фактов, препятствовавших формированию национальных автономий: слабая социальная база советской власти; проживание в регионе большого количества народностей, малочисленных и раздробленных (адыгские аулы находились в разных отделах Кубанского округа: Екатеринодарскому отделу подчинялся 31 аул, Майкопскому – 13, Туапсинскому округу – 9 аулов); неурегулированные земельные отношения; сохранение в исторической памяти горцев событий и последствий Кавказской войны; отсутствие национальных партийных и советских кадров; протест региональных функционеров против национальной автономии горских народов.

После повторного восстановления советской власти на Кубани весной 1920 г. активизировалась деятельность адыгов по созданию автономии с целью обеспечения национальных, правовых и культурных интересов [2: 98]. Приход советской власти горцы встретили с готовностью к сотрудничеству. В частности, газета «Горская беднота» отмечала, что черкесы сочувствуют советской власти. Весной 1920 г. процессы национально-государственного строительства возобновляются в контексте создания союзного государства и формирования автономий. Это стало одной из причин учреждения Кавказского бюро ЦК РКП(б). Новая партийная структура стала активно вмешиваться в общественно-политические процессы, происходившие в регионе. В частности, осенью бюро провело совещание с участием 108 представителей партийных

организаций региона, на котором обсуждали вопросы взаимоотношения с народами Кавказа. В сентябре 1920 г. Политбюро ЦК РКП(б) тоже дважды рассматривает ситуацию на Северном Кавказе и принимает решение о создании автономий горских народов – Дагестанской и Горской АССР в составе РСФСР. Горская Автономная Советская Социалистическая Республика была провозглашена 20 января 1921 г. в составе шести национально-государственных образований. Адыгея и Карачай не вошли в состав Горской АССР и остались подконтрольны Кубано-Черноморскому областному революционному комитету. Так проявилось противоречие между завышенными ожиданиями части этнической интеллигенции, предлагавшей создать Северо-Кавказскую либо Адыгейскую ССР, и позицией органов власти, предполагавших крайне узкие масштабы автономии. Соответственно, организационные формы автономий, уровень их полномочий формировался методом проб и ошибок.

Но завершение Гражданской войны в регионе ознаменовалось началом нового витка военно-политического противостояния большевиков и части населения как следствие проводимой военно-коммунистической практики. Горцы оказались вовлечены в антибольшевистское движение. Ситуация оставалась нестабильной. Разведывательные органы РККА сообщали о сохранении значительных сил белой эмиграции и горской диаспоры в Турции [3: 138]. Как отмечал полномочный представитель ВЧК по Северному Кавказу К.И. Ландер в докладной записке в ЦК РКП(б) (январь 1922 г.), в регионе тесно переплетались долгосрочные и краткосрочные проблемы, усугублявшиеся неумелыми действиями органов управления, что вынуждало корректировать содержание национальной политики [13: 60, 61].

Подводя итог, отмечаем, что национально-государственное строительство горцев Северо-Западного Кавказа с 1917 по 1920 г., в том числе и адыгов, прошло сложный и противоречивый путь. Этот период характеризуется поиском со стороны большевиков приемлемой формы самоопределения национальных меньшинств Юга России. Адыги же вынуждены были выбирать между красными и белыми в надежде реализовать в последующем свои планы по национальной автономии.

Источники и литература

1. Декларация прав трудящегося и эксплуатируемого народа (1918 г., 16 января). URL: <https://www.hist.msu.ru/ER/Text/DEKRET/declarat.htm> (дата обращения: 12.04.2025).

2. Емтыль З.Я. Адыгская интеллигенция и проблема национального самоопределения в начале 20-х годов XX века // Научная мысль Кавказа. 2014. № 2. С. 98–104.

3. Жуникова Е.Ф. Повстанческое движение на Северном Кавказе в 1920–1925 гг. М., 2016.

4. Конституция (основной закон) Российской Социалистической Федеративной Советской Республики. М., 1918.
5. Ленин В.И. Критические заметки по национальному вопросу // Ленин В.И. Полн. собр. соч. М., 1977. Т. 24. С. 113–150.
6. Ленин В.И. К вопросу о национальной политике // Ленин В.И. Полн. собр. соч. М., 1977. Т. 25. С. 64–72.
7. Ленин В.И. О праве наций на самоопределение // Ленин В.И. Полн. собр. соч. М., 1977. Т. 25. С. 255–320.
8. Ленин В.И. Рабочий класс и национальный вопрос // Ленин В.И. Полн. собр. соч. М., 1977. Т. 23. С. 149–150.
9. Машишлев Р.М. К вопросу о военно-политической активности адыгов в сентябре – декабре 1918 года // Современная научная мысль: научный журнал НИИ истории, экономики и права. 2015. № 4. С. 49–59.
10. Обращение Совета народных комиссаров «Ко всем трудящимся мусульманам России и Востока». 20 ноября (3 декабря) 1917 г. URL: <https://docs.historyrussia.org/nodes/343040> (дата обращения: 12.04.2025).
11. Октябрем озаренная: Адыгея за 50 лет. Сборник [статей]. Майкоп, 1967.
12. Раенко-Туранский Я.Н. Адыгея до и после Октября. Ростов н/Д.; Краснодар, 1927.
13. ЦК РКП(б) – ВКП(б) и национальный вопрос / сост. Л.С. Гатагова, Л.П. Кошелева, Л.А. Роговая. В 2 кн. Кн. 1. 1918–1933 гг. М., 2005.

С.А. Бегуев

СТРЕМЛЕНИЕ НАРОДОВ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА К НАЦИОНАЛЬНОМУ И ПОЛИТИЧЕСКОМУ САМООПРЕДЕЛЕНИЮ в 1917–1918 гг.

В период с XVI по начало XX в. на Северном Кавказе постепенно складывались условия для формирования национального самосознания и стремления к политической независимости. До второй половины XIX в. Северный Кавказ не был объединен под властью единого государства. Его политические силы, несмотря на существование в окружении таких мощных государств, как Турция, Иран и Россия, «имели возможность действовать соответственно своим внутренним побуждениям, проявлять себя в выборе той или иной политической ориентации» [2: 20–21].

Отечественные историки на протяжении долгого времени изучают, как революционные события и Гражданская война повлияли на формирование национального самосознания и политических устремлений горских

народов Северного Кавказа. Советская историография свела национально-государственные преобразования к упрощенной схеме – заранее спланированной и последовательной эволюции форм государственности, которая не всегда отражала реальную сложность и противоречивость исторических событий.

Постсоветский период ознаменовался новым витком изучения государственных и политических процессов народов Северного Кавказа. Это привело к появлению исследований, основанных на ранее недоступных архивных материалах, и к пересмотру устоявшихся взглядов.

В отличие от советского периода, когда изучение национально-государственного развития народов Северного Кавказа базировалось на определенной идеологии, современная историческая наука, исследующая эту проблему, не выработала принципиально новых теоретических подходов. Причина в том, что глубокие постсоветские трансформации в политике, обществе и культуре требуют пересмотра устоявшихся аналитических методов.

События на Северном Кавказе после Февральской революции 1917 г., в частности, создание Союза объединенных горцев Северного Кавказа и Дагестана, проведение I съезда горских народов Кавказа в начале мая 1917 г., вызывают значительный интерес у современных исследователей, открывая новые грани понимания национального самоопределения и государственного строительства в эту переломную эпоху. Период после Февральской революции в России ознаменовался активизацией национального самосознания народов Северного Кавказа, что мотивировало их к активному объединению и борьбе за претворение в жизнь своих политических идей.

Революционные волнения, потрясшие горские народы, привели к смене власти на всех уровнях управления, начиная с областного и заканчивая районным. Это стало мощным стимулом для формирования национальных правительств и государственных структур, фундамент которых был заложен демократически настроенной горской интеллигенцией.

Еще в 1905 г., в эпоху, когда само понятие «самоопределение» только начинало набирать вес в политическом лексиконе, общественный и политический деятель В.-Г. Джабагиев выдвинул идею, которая сегодня кажется очевидной, но в то время была поистине революционной: «...право горских народов на самоопределение имеет основополагающее значение». Он верил, что автономия даст горским народам возможность восстановить свою национальную самобытность и процветать [1: 199].

На собрании горцев, состоявшемся 6 марта 1917 г., Магомед Джабагиев и Рашидхан Капланов выступили с инициативой включения в состав создаваемого комитета как минимум одного представителя от каждого горского народа. По их мнению, горцы имели полное право не только на справедливое представительство в органах власти, но и на статус полноправных

хозяев своей территории [4: 15]. Был создан временный центральный комитет, представлявший интересы различных горских народов. Этот комитет стремился объединить усилия для осуществления широкомасштабных реформ, направленных на улучшение жизни народов Кавказа. Позже он выступил инициатором проведения I съезда горских народов [10: 3–4]. В состав комитета вошли Басият Шаханов (балкарец), Абдул-Межид Чермоев (чеченец), Магомед Абуков (карачаевец), Гаппо Баев, Сафарбек Дударов, Измаил Баев, Владимир Абаев, Александр Цагоров (осетины), князь Рашидхан Капланов и Таджуддин Пензулаев (кумыки), Башир Далгат (даргинец), Пшемахо Коцев и Таусултан Шакманов (кабардинцы), Тонта Укуров, Гапур Ахриев, Бексултан Льянов (ингуши). По итогам выборов председателем комитета стал Басият Шаханов, а финансирование его работы было возложено на Тапу Чермоеву. Для продвижения сотрудничества и внесения конкретных предложений комитет направил своих представителей на Южный Кавказ и Кубань [2: 29].

I съезд горских народов Северного Кавказа прошел во Владикавказе в начале мая 1917 г., собрав около четырехсот делегатов, представлявших широкий спектр северокавказского общества: интеллектуалов, духовенство, представителей как старой, так и новой элиты, а также простых рабочих. Среди участников были известные общественные деятели и национальные лидеры, которые находились в процессе формирования своих политических платформ.

Председательствующий на заседании Б. Шаханов высказал общие чаяния кавказских народов, при этом акцентируя внимание на необходимости создания в России республики, где демократия будет воплощена в выборных органах власти – парламенте и правительстве, ответственных перед народом и возглавляемых избранным президентом. Он призывал народы Кавказа проявить осознанность в отношении произошедших политических перемен и ясно заявить свою позицию. Он особо подчеркнул, что республика, созданная на фундаменте свободы, гарантирует всем национальностям, проживающим на ее территории, право на самостоятельное определение своего пути, основываясь на самоуправлении, самоопределении и широкой автономии [7: 16–17].

В выступлении Б. Шаханова были обозначены основные пути развития идеологии будущего союза. Три основных принципа легли в основу идеологической концепции национального интеграционного движения кавказских горцев. Первым из них было признание того факта, что русская революция дала свободу горским народам. Вторым принципом было формирование единого союза горских народов, охватывающего территорию от Чёрного до Каспийского моря, с целью укрепления их новообретенной свободы и внедрения демократической системы. Третий принцип подчеркивал необходимость как внутренней согласованности, так и внешнего

сотрудничества с революционными силами всей России для достижения этих задач [4: 50].

Съезд завершился провозглашением автономии и созданием Союза объединенных горцев, который действовал как «единый государственный орган». В этот союз были включены все горские народы Северного Кавказа и Дагестана, а также ногайцы и туркмены из Ставропольской губернии [2: 32].

Классовая дифференциация еще не успела сформироваться ни на съезде, ни в его центральном комитете. Среди делегатов съезда выделялось значительное число мулл и шейхов. Однако организация не имела ни достаточных денежных средств, ни компетентного руководства, ни сил для поддержания порядка.

Чтобы предоставить горским народам возможность самостоятельно управлять своими делами и определять свою судьбу, были сформированы национальные комитеты и советы. Центральный комитет Союза объединенных горцев Северного Кавказа и Дагестана ставил своей целью объединение всех горских народов Кавказа, а также ногайцев и туркмен, для защиты их свобод, которые были обретены в результате революционных событий [9: 50б.].

Способность Союза объединенных горцев решать насущные проблемы народов Кавказа определила их национальные и политические перспективы. Одной из наиболее острых проблем стал земельный вопрос, который на Кавказе традиционно порождал межэтническую напряженность. Несмотря на многократные призывы к скорейшему урегулированию этой ситуации в Чечне, Ингушетии, Дагестане, Осетии, Балкарии и Карачае, I горский съезд, хотя и одобрил саму концепцию передачи земли трудовому народу, перенес решение этого вопроса на неопределенный срок [8: 15].

Раскол внутри Союза объединенных горцев Северного Кавказа и Дагестана привел к ослаблению горской интеллигенции, которая потеряла влияние в политике. Горцы доверяли мусульманскому духовенству гораздо больше, чем интеллигенции, и это доверие позволило духовенству укрепить свои позиции на политической арене [5: 45].

Октябрьская революция в Петрограде и приход к власти Советов коренным образом перекроили политическую карту России. На Северном Кавказе эти перемены вызвали сильное противодействие. Непризнание советской власти Союзом объединенных горцев усилило его стремление к самоопределению. 15 ноября 1917 г. ЦК Союза объединенных горцев Кавказа объявил себя «правительством горских народов Кавказа». Его возглавил Абдул-Межид Чермоев [6: 202–203].

В соответствии с курсом, определенным на I съезде в мае 1917 г., политическая программа горского правительства по-прежнему была направлена на объединение народов Кавказа. Ключевой целью правительства

было создание независимой республики, гарантирующей равные права и благополучие всем своим гражданам. Главной целью республики было предотвращение гражданской войны на Северном Кавказе и построение демократического общества. В ее состав входили Дагестанская область, шесть округов (Владикавказский, Хасавюртовский, Нальчикский, Грозненский, Веденский и Назрановский) и караногайский участок Терской области, а также территории ногайцев и туркмен Ставропольской губернии [7: 59–60]. Позже, на II съезде в сентябре 1917 г., к Союзу горцев были причислены Закатальский округ, Абхазия (Сухумский округ), а также земли черкесов, абазин и карачаевцев в Кубанской области.

На фоне растущего неприятия большевистской идеологии, горские народы и казачество нашли общий язык для сближения. Это сближение вылилось в публичное объявление 1 декабря 1917 г. о создании Терско-Дагестанского правительства, зафиксированное в совместной декларации Войскового правительства и ЦК Союза объединенных горцев.

Главной целью формирования Терско-Дагестанского правительства было укрепление региональной стабильности. Для достижения этой цели правительство сосредоточило внимание на ряде важных направлений: организации Учредительного собрания, обеспечении безопасности жителей, восстановлении экономической жизни, создании справедливого земельного законодательства, поддержке демократических институтов управления на национальном уровне и построении долгосрочного мира, основанного на демократических принципах.

В условиях, когда демократическая интеллигенция утрачивала свои позиции, а Войсковое и Горское правительства теряли власть, большевистские организации на Тереке, совместно с возглавляемыми ими Советами рабочих и солдатских депутатов, перешли к более активным действиям. Политическая ситуация на Тереке в первые месяцы 1918 г. претерпела радикальные изменения, которые привели к полной утрате роли Терско-Дагестанского правительства [3: 206]. Однако оно продолжало демонстрировать видимость активности, опубликовав приказы о кадровых перестановках в своей официальной газете «Вестник» и готовившись к избирательной кампании в Терско-Дагестанский краевой учредительный сейм, который так и не был созван [9: 60].

В марте 1918 г. была провозглашена Терская советская республика, что окончательно положило конец Терско-Дагестанскому правительству. Его бывшие члены эмигрировали в Грузию, а к маю того же года некоторые из них уже приступили к исполнению своих обязанностей в Горской республике, основанной 11 мая 1918 г.

С целью укрепления своих позиций, большевистское руководство прибегало к недобросовестным способам воздействия на народы Северного

Кавказа, используя ложь и пропагандистские уловки для формирования позитивного образа своей политики. К середине 1918 г. Горская республика оказалась в крайне тяжелом положении. Надежды на поддержку со стороны Германии и Турции не принесли желаемых результатов, равно как и попытки наладить сотрудничество с Терской республикой.

Деятельность обеих республик была прекращена в результате вторжения Добровольческой армии в Терскую область в феврале 1919 г. Таким образом, с приходом Добровольческой армии самостоятельность этих образований была полностью ликвидирована.

1917–1918 гг. стали периодом национального подъема на Северном Кавказе, когда народы получили возможность заявить о своих правах. Несмотря на незавершенность процесса самоопределения, этот опыт оказал значительное влияние на формирование у них национальной идентичности и политического самосознания.

Источники и литература

1. Бегуев С.А. Национально-политическое самоопределение народов Северного Кавказа в 1917–1918 гг. // Кавказоведение: опыт, проблемы и перспективы. Материалы Всероссийской научной конференции с международным участием, посвященной 100-летию известного ученого-кавказоведа, профессора Валентины Павловны Невской. Карачаевск, 2019. С. 198–201.

2. Даудов А.Х., Месхидзе Д.И. Национальная государственность горских народов Северного Кавказа (1917–1924 гг.). СПб., 2009.

3. История Чечни с древнейших времен до наших дней. В 2 т. Т. 2. История Чечни XX и начала XXI веков. Грозный, 2008.

4. Музаев Т.М. Союз горцев. Русская революция и народы Северного Кавказа, 1917 – март 1918 года. Нальчик, 2012.

5. Научный архив СОИГСИ им. В.И. Абаева (отдел рукописных фондов). Ф. 21. Оп. 1. Д. 290а.

6. Половцов П.А. Дни затмения. Записки главнокомандующего Войсками Петроградского Военного Округа / под ред. Л.М. Суриса. М.; Берлин, 2016.

7. Союз объединенных горцев Северного Кавказа и Дагестана (1917–1918 гг.) и Горская Республика (1918–1920 гг.). Документы и материалы / отв. ред. А.И. Османов. Махачкала, 2013.

8. Тахо-Годи А.А. Революция и контрреволюция в Дагестане. Махачкала, 1927.

9. Центральный государственный архив Республики Дагестан (далее – ЦГА РД). Ф. 8-п. Оп. 3. Д. 240.

10. ЦГА РД. Ф. 8-п. Оп. 3. Д. 259.

А.А. Байрамкулова

СТАНОВЛЕНИЕ КАРАЧАЕВО-ЧЕРКЕССКОЙ АВТОНОМНОЙ ОБЛАСТИ: ЭТАПЫ И ОСОБЕННОСТИ

Проблема национально-государственного строительства на Северном Кавказе в начале XX в. занимает одно из ключевых мест в изучении истории советского периода. Формирование автономий в регионе отражало сложный процесс согласования интересов центральной власти и местных этнических сообществ, стремившихся к самоопределению и сохранению своей культурной идентичности. Особое значение в этом контексте имеет создание Карачаево-Черкесской автономной области (далее – КЧАО) в январе 1922 г. – уникального примера объединения нескольких народов (абазин, карачаевцев, ногайцев, русских и черкесов) в рамках общей национально-государственной структуры.

Настоящая статья посвящена анализу основных этапов и специфики формирования Карачаево-Черкесской автономии как составной части широкой политики советского национально-государственного строительства 1920-х гг. Особое внимание уделяется роли партийных и государственных институтов, народных съездов, а также участию местных этнополитических элит, в частности таких деятелей, как У.Д. Алиев. Исследование опирается на архивные документы и научные работы, что позволяет комплексно осветить проблему.

Степень научной разработанности данной темы остается неравномерной: большинство исследований затрагивают лишь отдельные аспекты политических и этнокультурных процессов в регионе, но не дают комплексного анализа становления автономии. В раннесоветский период в центре внимания находились вопросы национальной политики коммунистической партии и социалистического строительства. Проблематика национального самоопределения интерпретировалась сквозь призму ленинской национальной политики, представляемой безальтернативной и всесторонне успешной.

Советская историография 1930–1980-х гг. трактовала создание национальных автономий, включая КЧАО, как результат «мудрой политики» партии и стремления братских народов к единению. В рамках этих установок публиковались обобщающие труды по истории народов Северного Кавказа и отдельных автономий. Особое значение в формировании научных подходов к проблеме имело наследие У.Д. Алиева. Уже в 1920-х гг. он заложил методологическую базу изучения национального вопроса в условиях становления советской государственности, подчеркивал неразрывную связь между культурным саморазвитием и политической формой автономии [3].

Переосмысление темы началось в постсоветский период. Исследователи получили возможность более критически анализировать события 1920-х гг., обращая внимание на этнополитическую специфику региона и сложные процессы взаимодействия центральной власти и местных элит. Среди авторов, внесших значительный вклад в изучение национально-государственного строительства на Северном Кавказе, следует назвать Н.Ф. Бугая и Д.Х. Мекулова [5], А.М. Бугаева [4], Е.Ф. Кринко [12], Т.П. Хлынину [14], А.Х. Даудова и Д.И. Месхидзе [9], В.З. Акопяна [1] и др.

Вопросы самоопределения народов Карачая и Черкесии в начале XX в. остаются недостаточно исследованными. Современные работы показывают растущий интерес к этой теме и подчеркивают необходимость применения междисциплинарного подхода при анализе процессов национального строительства в 1920-е гг.

Таким образом, совокупность классических и современных исследований позволяет рассматривать национально-государственное самоопределение народов Карачая и Черкесии как сложный и многогранный процесс, включающий политическую автономию, культурное возрождение, языковую стандартизацию и адаптацию к новой модели советской государственности.

Еще в первой половине 1920-х гг. У.Д. Алиев подчеркивал важность сочетания культурных и политических основ национального развития, говоря о необходимости «единства культурной идентичности и государственной формы» [3: 9]. Это свидетельствует о необходимости комплексного подхода к изучению национального строительства на Северном Кавказе.

Установление советской власти на Северном Кавказе заложило основу для последующих национальных и государственных преобразований. После победы Красной армии и восстановления советской власти в регионе весной 1920 г. начался процесс формирования национальных автономий. Эта идея возникла неслучайно. Признание государственной и правовой субъектности этнических групп было одним из первых актов, провозглашенных советской властью. «Декларация прав народов России» (2 ноября 1917 г.) определила политические основы социалистического государства, которые закреплены в качестве фундаментальных принципов национальной политики России. «К ним относятся равенство и суверенитет народов, их составляющих; право на свободное самоопределение, вплоть до отделения и создания независимого государства; отмена всех национальных и национально-религиозных привилегий и ограничений, а также свободное развитие национальных меньшинств и этнических групп, проживающих на территории России» [10: 40].

Решение, принятое в марте 1918 г. о преобразовании Черноморской области в Черноморскую Советскую Республику и Кубанской области в Кубанскую Советскую Республику ознаменовало начало процесса административного

и политического объединения в регионе. Важным шагом в этом направлении стал III Чрезвычайный съезд Советов Кубанской области и Черноморской области, проведенный в конце мая – начале июня 1918 г., на котором было выдвинуто предложение объединить две республики и создать единую Кубано-Черноморскую советскую социалистическую республику.

Первый этап интеграционных процессов на Северном Кавказе завершился проведением 5–7 июля 1918 г. в Екатеринодаре I съезда Советов Северного Кавказа. Главным был вопросом об объединении всех советских северокавказских республик в одну общую Северо-Кавказскую Советскую Республику. В нее вошли Кубанская и Терские области, а также Ставропольская и Черноморская губернии. Были предприняты шаги по формированию новой системы государственного управления на Северном Кавказе, создан комиссариат по делам горских народов. С августа 1918 г. центр переносился из Екатеринодара в Пятигорск.

Процессы национально-государственного строительства охватили и народы Карачаево-Черкесии, на территории которой советская власть утвердилась 5 марта 1918 г. [6: 1; 7].

Территория нынешней Карачаево-Черкесии с 1 апреля 1918 г. входила в состав Кубанской Советской Республики. 28 мая 1918 г. она вошла в Кубано-Черноморскую Советскую Республику, а с 5 июля по декабрь того же года – в Северо-Кавказскую Советскую Республику. С декабря 1918 г. по апрель 1920 г. территория находилась под контролем Белой армии на Юге России. «Лишь с окончанием гражданской войны и восстановлением советской власти на территории современной Карачаево-Черкесии 5 марта 1920 г. у народов появилась возможность решать вопросы национального и государственного самоопределения» [8: 1].

На I съезде народов Востока в Баку 1–7 сентября 1920 г. была выдвинута идея о создании национальных автономий. Идеи, озвученные на съезде, нашли отражение в резолюции Политбюро Центрального комитета Российской коммунистической партии большевиков (ЦК РКП(б)). На основании этого решения Кавказское бюро ЦК РКП(б) под руководством Г.К. Орджоникидзе и С.М. Кирова приступило к подготовке съездов народов Северного Кавказа, на которых необходимо было принять решения по организации горских районов Кавказа.

11 ноября 1920 г. был созван съезд трудящихся Карачая, на котором было принято решение о провозглашении Карачаевского округа. Приказ о создании Карачаевского округа, включающего Кубанскую и Терскую части Карачая, был издан 19 ноября 1920 г. У. Алиев был назначен председателем Карачаевского окружного революционного комитета [11: 37]. Образование Карачаевского округа стало одним из важных итогов съезда, первым шагом на пути формирования национальной государственности карачаевского народа.

В ауле Эльбурган Баталпашинского отдела Кубано-Черноморской области состоялся съезд горцев (около 200 делегатов), на котором было принято решение объединить черкесов, абазин и ногайцев в Эльбурганский национальный округ. Главой округа стал Кучук Чапаров. «На проходившем 2–8 марта 1921 г. в Краснодаре 2-м областном съезде трудящихся горцев Кубано-Черноморской области, был рассмотрен вопрос о создании органа самоуправления для горских народов и принято решение о создании Горского исполкома для управления делами горского населения Кубано-Черноморской области» [8: 1].

Важным этапом национально-государственного строительства на Северном Кавказе стало создание Горской Автономной Советской Социалистической Республики (далее – ГАССР) в составе РСФСР, 20 января 1921 г. В ее состав вошли территории, на которой проживали чеченцы, ингуши, осетины, кабардинцы, карачаевцы и балкарцы, а также жившие между ними казаки и иногородние. Соответственно ГАССР делилась на шесть административных округов, каждый со своим окружным исполкомом: Балкарский, Ингушский, Кабардинский, Карачаевский, Осетинский, Чеченский [11: 115].

Эльбурганский национальный округ существовал до 1922 г. в составе Баталпашинского отдела Кубано-Черноморской области [11: 37].

ГАССР создавалась прежде всего на территориальной, а не национальной основе. Отсутствие этнонима в названии отражало многонациональный состав республики и стремление к формальному равенству народов. Однако существовала она в первоначальном составе менее года. В 1921–1922 гг. из ГАССР последовательно выделялись отдельные автономные области, что отражало общее стремление народов региона к национальному и государственному самоопределению.

К лету 1921 г. в среде карачаевского руководства появилось намерение создать отдельную автономную область. Председатель окружного исполнительного комитета У. Алиев по этому вопросу писал: «После образования Кабардинской автономной области Карачаевский округ оказался отрезанным от ГАССР и был вынужден поднять вопрос о более удобном административном зонировании» [2: 202]. Экономически карачаевцы тяготели не к Тереку, а к Кубани. В своей работе С.Э. Эбзеева отмечала: «Карачай в большей степени, чем Кабарда, был экономически связан с соседней Кубанской областью, в состав которой он входил до образования Горской республики. Кроме того, удаленность Карачая от Владикавказа – административного центра ГАССР – значительно осложняла оперативное решение ключевых вопросов управления и хозяйственной деятельности. Географически Карачай был тесно связан с Кубанской долиной, естественно изолируясь от остальной части республики» [15: 120]. Такая ситуация усиливала стремление местного населения к административной самостоятельности, что

соответствовало как экономическим, так и культурно-этническим реалиям региона.

Вопрос автономии волновал и жителей аулов Большого Зеленчука. В мае 1921 г. в ауле Тохтамышевский (Икон-Халк) состоялся съезд, на котором Д. Гутякулов выступил с докладом о советской власти и создании автономии, получив поддержку делегатов. Аналогичный съезд прошел 5–6 ноября в ауле Тазартуковский (Бесленей), на котором пришли к выводу, что «единственной приемлемой формой местного административного управления для них является создание собственной автономной области с центром в Баталпашинске с прямым подчинением этого региона непосредственно соответствующему административным органам РСФСР в Москве» [13: 88].

В октябре 1921 г. в Москву была направлена делегация от Карачаевского и Эльбурганского округов, в состав которой вошли У. Алиев, Д. Гутякулов, М.-Г. Мансуров и А. Калмыков. «После рассмотрения доводов делегатов Коллегия Народного комиссариата создала комиссию для тщательного изучения вопроса. Для этого в регион был направлен член коллегии Г. Ибрагимов» [6: 3].

7–8 ноября 1921 г. в ауле Эльбурган прошел съезд представителей 22 аулов черкесов, абазин и ногайцев, которые единогласно поддерживали образование единого Карачаево-Черкесского автономного округа. Съезд принял резолюцию: «Просить высшие органы власти РСФСР образовать Карачаево-Черкесскую автономную область с включением в нее неизбежных приграничных русских сел...» [13: 88].

8 ноября в Кисловодске состоялось заседание организационного бюро РКП(б) Карачаевского округа, Совета Народных Комиссаров ГАССР и Карачаевской партийной организации, на котором было констатировано принципиальное решение о создании автономной области с объединением Эльбурганского округа и присоединением казачьих станиц.

20 ноября 1921 г. в ауле Учкулан прошел чрезвычайный съезд карачаевского народа с участием около 500 делегатов, на котором была принята резолюция с просьбой к Центральному исполнительному комитету «выделить Карачай из состава Горской республики в автономную область совместно с зеленчукскими черкесами и смежно с ними расположенными станицами» [13: 89].

26 ноября 1921 г. в Баталпашинске, на съезде народов Баталпашинского отдела состоялось окончательное подтверждение создания Карачаево-Черкесской автономной области, где данная инициатива была поддержана и получена официальная готовность центральной власти к ее реализации. В своей речи представитель Народного комиссариата заявил: «Что касается автономии, то если съезд найдет необходимым выделиться в автономную область, центральная власть пойдет этому желанию навстречу» [8: 112–113].

Инициатива самоопределения исходила в первую очередь от рядовых представителей горского общества. Уже с осени 1921 г. в народный комиссариат поступали многочисленные обращения от аулов ногайцев, абазин и черкесов с просьбами о создании самостоятельной автономной единицы.

9 января 1922 г. делегация, сформированная на съезде народов Карачая и Черкесии, представила идею объединенной автономии в коллегию Народного комиссариата по делам национальностей РСФСР. Коллегия постановила «выделить Карачай из состава Горской АССР, включить Черкесию и шесть казачьих станиц Баталпашинского отдела Кубано-Черноморской области, образовав Карачаево-Черкесский автономную область с административным центром в Баталпашинске (ныне – г. Черкесск), подчиненный напрямую РСФСР» [2: 203–204]. Значительную роль в признании и формализации автономии сыграли инициативы местных лидеров. 12 января 1922 г. председатель ВЦИК М.И. Калинин подписал соответствующий декрет об образовании объединенной автономной области.

Карачаево-Черкесская автономная область объединила пять округов: Баталпашинский, Эльбурганский, Хумаринский и Малокарачаевский. Чуть позже был создан Зеленчукский округ. «Площадь области составляла 1 070 906 десятин, с населением в 163 тыс. человек (1925 г.), в том числе русских – 71 930, караевцев – 50 740, абазин – 14 290, черкесов – 13 965, ногайцев – 6 229» [13: 89].

Таким образом, образование Карачаево-Черкесской автономной области в 1922 г. представляет собой сложный и многослойный процесс, включавший в себя политические, культурные и социально-экономические аспекты. Опыт формирования и функционирования Карачаево-Черкесской автономной области убедительно демонстрирует, что национальная политика Советского государства на Северном Кавказе включала не только административно-территориальные преобразования, но и целенаправленные меры по сохранению и развитию этнокультурной самобытности народов региона. Исторический опыт становления автономии свидетельствует о значимости устойчивых межэтнических отношений, основанных на принципах равноправия и уважения культурного многообразия.

Источники и литература

1. Аюбян В.З. Национально-государственное и административно-территориальное строительство на Северном Кавказе в 20–30-е гг. XX в. Пятигорск, 2009.
2. Алиев У. Карачай (Карачаевская автономная область): историко-этнологический и культурно-экономический очерк. Ростов н/Д., 1927.
3. Алиев У.Д. Национальный вопрос и национальная культура в Северо-Кавказском крае (итоги и перспективы): к предстоящему съезду горских народов. Ростов н/Д., 1926.

4. Бугаев А.М. Основные этапы становления и развития национальной государственности народов Северного Кавказа. 1917–1936 гг. (Исторический обзор) // Из истории социалистического и коммунистического строительства в СССР: сборник статей. Вып. 2. М., 1978. С. 127–150.

5. Бугай Н.Ф., Мекулов Д.Х. Народы и власть: «социалистический эксперимент» (20-е годы). Майкоп, 1994.

6. Государственный архив Карачаево-Черкесской Республики. Центр документации новейшей истории (далее – ГА КЧР ЦДНИ). Ф. П–347. Оп. 1. Д. 237.

7. ГА КЧР ЦДНИ. Ф. П–347. Оп.1. Д. 10.

8. Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф. 1318. Оп. 1. Д. 645.

9. Даудов А.Х., Месхидзе Д.И. Национальная государственность горских народов Северного Кавказа (1917–1924 гг.). СПб., 2009.

10. Декреты Советской власти. Т. 1: 25 октября 1917 г. – 16 марта 1918 г. М., 1957.

11. Из истории Карачаево-Черкесии / Труды КЧНИИ. Ставрополь, 1970.

12. Кринко Е.Ф. Национально-государственные и административно-территориальные преобразования на Северном Кавказе в 1920–1930 гг. // Magna Adsurgit: Historia Studiorum. 2019. № 2. С. 151–164.

13. Очерки истории Карачаево-Черкесии. Советский период / под ред. Р.Х. Джанибекова. В 2 т. Т. 2: Советский период. Черкесск, 1972.

14. Хлынина Т.П. Становление советской национальной государственности у народов Северного Кавказа. 1917–1937 гг.: проблемы историографии: дис. ... д-ра ист. наук. М., 2003.

15. Эбзеева С.Э. Становление советской национальной государственности. М., 1976.

С.А. Хубулова

К ВОПРОСУ О ПОЛИТИКЕ «КОРЕНИЗАЦИИ» В СССР

В 2024 г. была принята Концепция государственной языковой политики России [20]. Она вызвала у многих специалистов и общественных деятелей активный обмен мнениями. В многонациональной стране, каковой является Российская Федерация, остро стоят вопросы этнической культуры, возможности народов пользоваться родными языками.

Востребованность национальных языков в разных сферах общества является одним из механизмов его поступательного развития. Многие языки постепенно утрачивают не только литературный, но и утилитарный характер

как средство повседневного общения, что вызывает тревогу у педагогов, общественности и требует серьезного внимания со стороны властей. В ряде регионов страны предприняты усилия по созданию учебников на родных языках по некоторым общеобразовательным дисциплинам; в школах увеличено количество часов на изучение языка «титульной» нации, в том числе для детей иных национальностей, что вызывает определенные вопросы со стороны родителей, которые в свое время не изучали данный предмет и сами испытывают определенные трудности. Билингвистические проекты обучения, которые внедряются в некоторых регионах, наряду с несомненными достоинствами показали методическую неготовность учительского и родительского сообществ, а также населения в целом.

В этой связи обоснованным является обращение к историческому опыту России, связанному с реализацией корпуса национальных вопросов, особенно в советский период. В отечественной историографии национальная политика большевиков изучалась активно и разносторонне. Однако устоявшаяся методология предполагала лакирование выводов: безусловное поддержание большевиков в ходе триумфального шествия советской власти [16; 21; 23; 28; 30; 31]. В постсоветской историографии эти выводы подвергаются переосмыслению; введение в научный оборот новых источников, использование новых методологических принципов дало возможность анализировать не только успехи, но и непоследовательность реализации национальных проектов [2; 3; 7; 9; 12; 15; 17; 18; 27; 34; 37; 38].

Одним из таких проектов стала политика «коренизации», проводимая в регионах с целью развития национальных культур, языков и подготовки национальных кадров для управления республиками. В отечественной историографии данная тема не была обойдена. Но, как было отмечено, советские исследователи говорили лишь о положительных результатах языковой, культурной и экономической составляющих «коренизации». Современные интерпретации большевистской модели национального государства отличаются от прошлых.

В этой связи в статье определен круг вопросов, которые нуждаются в глубоком анализе. Прежде всего, как справедливо отметила Т.П. Хлынина, нет четкого определения дефиниции «коренизация», хотя содержательную сторону представляют примерно одинаково, но и здесь не всё однозначно [37: 122].

Перед большевиками стояла задача преодолеть разрыв в экономическом, культурном положении народов России. Новая власть столкнулась с нарастающим национальным движением, лидеры которого ставили перед правительством вопросы, затрагивающие интересы своих народов: одни требовали реализации своего права на отделение, другие настаивали на экстерриториальной автономии [4]. В каждом отдельном случае требовалось договариваться с народными представителями и выстраивать отношения.

Отдельные элементы политики «коренизации» отмечены еще в годы Гражданской войны.

Революционные события, происходившие в центре страны, не всегда откликались в провинции так, как рассчитывали большевики. Большинство регионов России были представлены крестьянством, пролетариат еще не сформировался, либо имел небольшой удельный вес в социальной структуре региона. Поэтому политические предпочтения отдавались не большевикам, а их оппонентам, а новая власть не имела широкой социальной базы. Ситуацию нужно было преломить в свою пользу. Этому способствовало то, что растущему национальному движению были чужды постулаты деникинской национальной политики о «единой и неделимой России». Большевики использовали стремление этносов к самостоятельному развитию и объявили о праве наций на самоопределение, вплоть до полного отделения. Данные посулы упали на благодатную почву, и национальные окраины поддерживали большевиков, обеспечив им победу в ходе гражданского противостояния. По словам Д. Аманжоловой, «федерализация РСФСР в 1920–1930-е гг. во многом заключалась в поиске оптимального варианта совмещения объективно востребованного централизованного управления с обеспечением принципа самоопределения народов» [1: 150].

На X съезде партии, в повестке работы которого рассматривалось много судьбоносных вопросов, было обращено внимание на необходимость получить импульс для поступательного развития, «чтобы помочь трудовым массам невеликорусских народов догнать ушедшую вперед Центральную Россию» [22: 366], как сказал нарком по делам национальностей И.В. Сталин. Политика «коренизации» своим результатом должна была иметь решение двуединой задачи – сохранение единства государства и право наций на самоопределение.

Чтобы «подтянуть» отстающие народы на более высокий уровень, съезд принял «дорожную карту» проводимых мероприятий, которые вошли в историю как начало политики «коренизации»: «а) развить и укрепить у себя советскую государственность в формах, соответствующих национальному облику этих народов; б) развить и укрепить у себя действующие на родном языке суд, администрацию, органы хозяйства, органы власти, составленные из людей местных, знающих быт и психологию местного населения; в) развить у себя прессу, школу, театр, клубное дело и вообще культурно-просветительные учреждения на родном языке» [22: 366]. На XII съезде была представлена расширенная программа «коренизации» как промежуточной формы национальной политики, формирование которой шло непросто.

Большевикам удалось создать универсальный инструментарий, подходящий если не для всех, то для большинства народов страны. Прежде всего речь шла о системе образования, повышении культурного уровня этносов.

Далеко не все народы России имели свою письменность, необходимо было ее создавать, чтобы развивать школьное дело, литературу и др. Вторая задача вытекала из первой – подготовка высококвалифицированных управленческих кадров, творческой интеллигенции, педагогов, инженеров. Предполагалось, что наиболее развитая часть этноса, которая подходила также по социальному происхождению, имела бы возможность обучаться не только в региональных, но и в лучших вузах страны. Вернувшись после завершения учебы в регионы, эти специалисты обеспечили бы формирование национальных кадров, заменив присланных из других губерний функционеров. Таким образом, ранее угнетенные народы получали возможность развития своих республик в промышленном, культурном и социальном плане.

Некоторые специалисты считают, что региональные различия «коренизации» состоят лишь в названии процесса и указывают, что «коренизация» (в УССР – украинизация; в Бурят-Монголии – бурятизация; в БССР – белорусизация и т.д.) заключалась в содействии национально-культурному развитию этнических меньшинств, при этом часто упускались из виду традиционные социокультурные особенности, содействовавшие/мешавшие проведению данной реформы [6; 8; 10; 29; 33; 35].

Л.И. Турпалов считает, что «инициированная советской властью в 1920–1930-е гг. политика «коренизации» в национальных регионах предполагала, наряду с созданием письменностей, перевода школ и делопроизводства на родные языки, также формирование социального слоя пролетариата, инженерно-технических работников, служащих из числа коренных жителей» [32: 68]. Эта трактовка была несколько дополнена другими авторами, которые указывают, что предполагалось «укрепить на местах советскую власть выходцами из социально-близких слоев населения» [14: 128]. Данная формулировка поддерживается Х.Б. Мамсиновым и А.А. Лоовым, отмечающими, что «для укрепления советской власти на местах, повышения ее авторитета в глазах горского населения большевики, в отличие от прежнего режима, сделали ставку не на элиту, а на социальные низы» [25: 100].

Рядом ученых была предложена концепция «маятника» национальной политики, предусматривающая существенные колебания от «акцента на развитие национальных окраин до резкого перехода к русификации» [40: 101]. По их выводу, коренизация прошла несколько этапов: с 1917 г. (подготовительного) до конца 1980-х гг. (завершающего); движение «маятника» начинается с середины 1920-х гг. и заканчивается через 10 лет, достигнув своей высшей точки и отклонившись от национальных проблем регионов к политике русификации [12].

М.А. Гутиева приводит ряд особенностей процесса «коренизации», которые проецируются на многие регионы страны: настороженное отношение

к новой советской номенклатуре; низкая грамотность; межэтническое напряжение и др. [13: 5].

Следующая трудность заключается в том, что практически нет полного представления о самом процессе «коренизации»: как она осуществлялась, особенно в районах совместного проживания нескольких этносов. Этот вопрос был актуален, к примеру, для Северо-Кавказского края, который включал народы с разным уровнем культуры, экономики и т.д. Изучение механизма функционирования делопроизводства этих народов между собой, с краевым центром актуально, однако нет работ, в которых процессы сотрудничества получили полное и всестороннее изучение. Это касается не только Северного Кавказа, но и других регионов страны, переживавших национально-административные реформы и разграничения. Более или менее полное изложение этого процесса дано в отношении немецких анклавов Поволжья [11]. На материалах Казахстана авторы уточнили, что до конца 1920-х гг. «коренизация» проводилась методом «процентной нормы»: каждому учреждению давалась определенная норма сотрудников из коренных народов [5: 23].

Возникает вопрос также о том, являлась ли «коренизация» частью социалистической модернизации, включающей районирование, НЭП, индустриализацию, коллективизацию, культурную революцию, или достаточно было повысить общий уровень. Многие советские партийные работники считали, что все нации нового государства свое начало берут с 1917 г., поэтому в процессе формирования их можно сразу ориентировать на коммунистическую теорию. И.В. Сталин же осуждал проявление национальных пристрастий [36].

Ряд авторов предлагает периодизацию данного процесса с учетом местной специфики. Так, на территории Крыма «коренизация» прошла ряд этапов, связанных как с общесоюзными, так и региональными особенностями; начало «коренизации» региона совпадает с общесоюзными процессами, но первый ее этап завершен судебным разбирательством по делу Вели Ибрагимова как повод для наступления на национал-коммунистов тюркских республик; последующие этапы связаны с районированием, административными реформами и коллективизацией [19; 26].

Еще одна проблема, которая также нуждается в объективном анализе, – были ли существенные различия в проведении «коренизации» в разных регионах СССР; тождественны ли понятия «коренизация» – «украинизация», «татаризация», «онемечивание» и т.д. Некоторые этносы выгодно отличались от других собственной интеллигенцией, получившей неплохое образование в российских учебных заведениях, собственной, к примеру, письменностью, национальным чиновничеством и т.д. [2; 24], но зачастую в исследованиях происходит нивелирование всех национальностей и представление их как отсталых и забитых, что в корне неверно.

Трудно согласиться с выводом М. Гутиевой, ничем не подкрепленным, что «горцы, вступившие в контакт с властью, прошедшие обучение и занявшие определенные посты в управленческом аппарате, рассматривались некоторой частью населения как наместники центра, завербованные если не враждебными, то чуждыми силами» [13: 4]. Можно привести выдержки из разных источников, в которых рядовые крестьяне характеризуют, к примеру, осетинскую национальную элиту с лучшей стороны. Например, в воспоминаниях участников краснопартизанских отрядов Осетии Г. Баракову, К. Бутаеву и другим видным партийно-советским лидерам даются положительные характеристики, отмечается их уровень образования и политической зрелости, как следствие – бесспорное влияние на соотечественников [39]. И мы думаем, что подобное отношение к национальной элите было у других народов страны.

В ряде современных работ педалируется вопрос о негативном восприятии «коренизации» местными русскими, при этом авторы рассматривают односторонне данную ситуацию, умалчивая другие нюансы или не зная о них. Приводятся выдержки из документов, где население некоренной национальности испытывало большие неудобства от проводимой национальной политики и пыталось защитить свои интересы. Другие авторы, в том числе А.А. Герман, считают, что «политика Центра вызывала антирусские настроения среди некоторой части немецкого населения, особенно в сёлах. Руководство Немреспублики с этой стороны подвергалось критике за то, что слепо идет на поводу у Москвы и не отстаивает интересов немецких крестьян» [11: 97]. Известны схожие факты и по другим регионам, что дает основание трактовать «коренизацию» не как исключительно позитивный процесс, а усматривать и некоторые изъяны.

Пока этот круг вопросов находится в стадии рассмотрения. Таким образом, в современной историографии обозначился новый подход к процессу «коренизации» и вызовы времени требуют его всестороннего анализа.

Источники и литература

1. Аманжолова Д.А. РСФСР в 1920-е гг.: проблемы управления разнообразием // Народы Кавказа в XVIII–XXI вв.: история, политика, культура. Культура. Материалы X Международного форума историков-кавказоведов (г. Ростов-на-Дону, 12–13 октября 2023 г.). Ростов н/Д., 2023. С. 149–156.

2. Аманжолова Д.А. Советский федеративный проект и коллизии национал-строительства в 1920–1930-е гг. // Вестник РУДН. Сер.: История России. 2024. Т. 23. № 1. С. 30–40.

3. Аманжолова Д.А., Дроздов К.С., Красовицкая Т.Ю., Тихонов В.В. Советский национальный проект в 1920–1940-е годы: идеология и практика М., 2021.

4. Аманжолова Д.А., Красовицкая Т.Ю. Культурная сложность советской России: идеология и практика управления. 1917–1941 гг. М., 2020.
5. Анисимова И.В. Становление советской власти в Казахстане и реализация политики коренизации административного аппарата в 1920–1926 гг. // Известия Алтайского государственного университета. Исторические науки и археология. 2017. №. 2 (94). С. 21–27.
6. Армстронг Дж. Украинский национализм: факты и исследования. М., 2008.
7. Бадмаева Е.Н. Исторический опыт формирования органов управления и проведения политики коренизации в национальных автономиях Юга России в 1920–1930 гг. // Oriental Studies. 2018. Т. 38. № 4. С. 11–23.
8. Борисёнок Е.Ю. Феномен советской украинизации. 1920–1930-е годы. М., 2006.
9. Бугай Н.Ф., Мекулов Д.Х. Народы и власть: «социалистический эксперимент». Майкоп, 1994.
10. Васильев И.Ю. Украинизация и коренизация: различие и сходство программ // Исторический формат. 2016. № 2 (6). С. 185–194.
11. Герман А.А. Политика «коренизации» в автономных республиках РСФСР в 1920-е годы (на материалах АССР немцев Поволжья) // Известия Саратовского университета. Сер.: История. Международные отношения. 2013. Т. 13. Вып. 4. С. 94–97.
12. Гунаев Е.А. Итоги политики коренизации на Северном Кавказе к середине 1930-х – началу 1940-х гг. // Кавказология. 2021. № 3. С. 162–175.
13. Гутиева М.А. Политика коренизации кадров и особенности ее реализации на Северном Кавказе в 1920–1930-е гг. // Гуманитарные и социальные науки. 2011. № 1. С. 2–7.
14. Дендиев К.Г., Осмаев А.Д. Кадровая политика советского государства в Чечено-Ингушетии 1920–1930 гг. (политико-правовой аспект) // Вестник Комплексного научно-исследовательского института им. Х.И. Ибрагимова РАН. 2021. № 1 (5). С. 124–132.
15. Дзидзоев В.Д. Права и статус автономий в бывшей Грузинской ССР (политико-правовой анализ) // Вестник Северо-Осетинского государственного университета им. К.Л. Хетагурова. 2011. № 2. С. 25–30.
16. Итоги разрешения национального вопроса в СССР: сборник / под ред. С. Диманштейна. М., 1936.
17. Карпов Ю.Ю. Национальная политика советского государства на северокавказской периферии в 20–30-е гг. XX в.: эволюция проблем и решений. СПб., 2017.
18. Киросова Н.В. Коренизация партийно-государственного аппарата как тактическая задача осуществления национально-языковой политики в Коми регионе в 1920–1930-е гг. // Манускрипт. 2019. Т. 12. Вып. 6. С. 39–43.

19. Кондратюк Г.Н. Функционирование крымскотатарского языка в органах власти и управления Крымской АССР в контексте политики коренизации (20–30-е годы XX века) // Крымское историческое обозрение. 2024. Т. 11. № 1. С. 111–123.

20. Концепция государственной языковой политики Российской Федерации // URL: http://www.mmc.vega-int.ru/uploads/docs/2024/kontseptsia_gosudarstvennoy_yazykovoy_politiki_rf_2024.pdf (дата обращения 25.05.2025).

21. Костерин А. Горская Автономная Республика // Жизнь национальностей: ежемесячный журнал по вопросам политики, экономики и культуры национальностей РСФСР. Кн. 1. 1923, январь.

22. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК: в 16 т. Т. 2: 1917–1922 гг. М., 1983.

23. Ларин Ю. Об извращениях при проведении национальной политики (в порядке обсуждения) // Большевик. 1926. № 23–24.

24. Мамсиров Х.Б., Лаврова Н.С. Политика коренизации на Северном Кавказе в 1920–1930-х годах в зеркале архивных документов: цели и результаты // Кавказология. 2018. № 4. С. 92–130.

25. Мамсиров Х.Б., Лоов А.А. Особенности «коренизации» государственных и культурных учреждений Кабардино-Балкарии в свете новых архивных документов // Кавказология. 2021. № 1. С. 96–129.

26. Миллер А. О национализме [видеозапись] / Открытый университет // YouTube. 2018. 22 марта. Режим доступа: https://www.youtube.com/watch?v=ya_y0mDndOo&t=141s (дата обращения 13.04.2025).

27. Национальная политика России: история и современность. М., 1997.

28. Нечипурнова Н.С. Партийное руководство опытным административно-хозяйственным районированием Северного Кавказа. Орджоникидзе, 1968.

29. Савченко В.А. Проблемы первой компании коренизации и украинизации на Юге УССР (1923–1930 гг.) // Журнал российских и восточноевропейских исторических исследований. 2014. №1 (5). С. 15–23.

30. Советские нации и национальная политика в 1920–1950-е годы: материалы VI Международной научной конференции (Киев, 10–12 октября 2013 г.). М., 2014.

31. Сталин И.В. Очередные задачи партии в национальном вопросе (Доклад на X съезде РКП(б) 10 марта, 1921 г. // Сталин И.В. Марксизм и национально-колониальный вопрос: сборник статей и речей М., 1937. С. 73–81.

32. Турпалов Л.А. Политика коренизации на Северном Кавказе: достижения и противоречия. 1920–1930-е гг. // Вестник Академии наук Чеченской Республики. 2024. 3 (66). С. 67–73.

33. Харченко В. Мы начинали на хохлацком, и первый трактор был «Форд-зон» // Зори. 2008. 1 мая. С. 3.

34. Хирш Ф. Империя наций. Этнографическое знание и формирование Советского Союза. М., 2022.

35. Хлынина Т.П. Политика украинизации Кубани: 1920–1930-е годы // Дикаревские чтения. Вып. 4. Белореченск, 1998. С. 30–32.

36. Хлынина Т.П., Васильев И.Ю. Украинизация как политика и проблема современной историографии // Історіографічні дослідження в Україні: Доповіді та матеріали Міжнародної наукової конференції «Інститут історії України на зламі епох, у світлі традицій та перетворень. 75 років інституціонального буття» (20–21 жовтня 2011 р.). Вип. 22. Київ, 2012. С. 201–214.

37. Хлынина Т.П., Кринко Е.Ф. История, политика и нациестроительство на Северном Кавказе. Ростов н/Д., 2014.

38. Хлынина Т.П., Кринко Е.Ф. Национальный вопрос и институциональные практики его решения на Северном Кавказе в 1920–1930-е гг. // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2014. № 4. С. 44–50.

39. Центральный государственный архив РСО-Алания. Ф. Р-44. Оп. 1. Д. 731, 783.

40. Щербак А.Н., Болячевец Л.С., Платонова Е.С. История советской национальной политики: колебания маятника? // Политическая наука. 2016. № 1. С. 100–123.

А.В. Баранов

СОЗДАНИЕ И РАЗВИТИЕ ШАПСУГСКОГО НАЦИОНАЛЬНОГО РАЙОНА В КОНТЕКСТЕ ЭТНОПОЛИТИКИ «КОРЕНИЗАЦИИ» (1920-е гг.)¹

Тема статьи актуальна, поскольку освещает малоизвестные аспекты поиска форм административно-территориального устройства РСФСР в 1920-х гг. применительно к статусу этнических меньшинств на Черноморском побережье России. Создание национальных районов в местностях проживания народов было важной составной частью курса национальной политики «коренизации» в 1921–1932 гг. Данные меры во многом представляли собой социальный эксперимент, в ходе которого шел поиск и отбор эффективных методов районирования политического пространства, форм межэтнических и управленческих взаимоотношений. Формирование Шапсугского района осложнялось внешнеполитическим фактором – возможным влиянием

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда, проект № 24-18-20096 «Исторические закономерности развития городов, станиц и сёл Краснодарского края в конце XVIII – начале XXI вв.».

Турции и черкесской (адыгской) эмиграции на создаваемую автономию, что учитывалось органами Всесоюзной коммунистической партии (большеви-ков) (далее – ВКП(б)) и Всероссийской чрезвычайной комиссии – Объединенного государственного политического управления (далее – ВЧК – ОГПУ). Проблемные вопросы, связанные с Шапсугским районом, отчасти напоминают обстоятельства дискуссии о создании Крымской АССР.

Проблематика создания Шапсугского района начала изучаться в 1990-х гг. Значительное внимание теме уделил этнолог А.В. Сивер, проводивший полевые экспедиции в местностях проживания причерноморских адыгов (шапсугов) [13: 85–89]. Статьи посвятили данной теме Н.Ф. Бугай [5: 6–29], Т.П. Хлынина [15: 103–151], в 2000 г. А.А. Ржавиным была защищена кандидатская диссертация [10]. Опыт создания Шапсугского района исследуется и в более широком контексте экономического и социально-культурного развития Черноморского побережья в 1920-х гг. (работа О.В. Бершадской) [4: 88–95], национальной политики «коренизации» в регионах Юга РСФСР с преобладанием русского населения (монографии В.З. Акопяна [2], И.Г. Иванцова [8] и А.В. Аверьянова [1]), истории участия адыгской интеллигенции в нацестроительстве (монография З.Я. Емтыль (Калашаовой) [7]). Интерес к теме возрос в связи со 100-летним юбилеем образования СССР и Адыгейской (Черкесской) автономной области. Отчасти проблема освещается в статье А.В. Баранова, В.В. Касьянова и Ю.А. Яхутль [3: 282–298]. В то же время глубокие специальные исследования темы в общероссийском контексте и на основе широкого круга источников еще не проводились.

Цель статьи – определить основные аспекты формирования и развития Шапсугского района в составе Черноморского округа (1920-е гг.). Внимание уделено вопросам определения границ этнической автономии, землепользования, создания органов местного самоуправления, политики Северо-Кавказской краевой и Черноморской окружной организации ВКП(б) в отношении района.

Источниковую основу статьи составляют, прежде всего, неопубликованные архивные документы из фондов Центра документации новейшей истории Ростовской области (далее – ЦДНИРО) и Центра документации новейшей истории Краснодарского края (далее – ЦДНИКК). К ним относятся протоколы заседаний бюро и секретариата Юго-Восточного (с осени 1924 г. – Северо-Кавказского) краевого комитета Российской коммунистической партии (большеви-ков) (далее – РКП(б)), доклад представителя крайкома И.М. Клейнера на съезде шапсугов (1924 г.) и материалы обследований земельного и социально-культурного обеспечения местностей, справочные издания.

Причерноморские адыги (шапсу-ги) являются автохтонным населением Черноморского побережья Кавказа. По окончании Кавказской войны

подавляющее большинство адыгов переселилось в Османскую империю, а в Причерноморье («Малом Шапсуге») от р. Пшады до р. Шахе осталась их небольшая часть, согласившаяся с условиями российского правительства. В изучаемый период шапсуги дисперсно проживали в гористой местности Туапсинского и Сочинского округов Черноморской губернии, образуя 7 аулов. Аулы не имели выхода к Чёрному морю и современных дорог. Основой их традиционного хозяйства были садоводство и скотоводство, лесозаготовки.

Земельное обеспечение шапсугов было к середине 1920-х гг. крайне слабым. По подсчету землемера Энгельмана, на душу приходилось следующее количество удобной земли: 0,18 десятины – в Красноалександровском, по 0,20 – в Кичмае и Божьих Водах, 0,24 – в Малом Псеушхо, 0,33 – в Псебэ, 0,4 – в Большом Псеушхо, 0,55 – в Карповке, 0,58 – в Наджиге. За годы революции и Гражданской войны землеобеспечение ухудшилось из-за миграционного притока населения и оползней. Переселенцы – греки и армяне (беженцы от османской резни) – получили по 1,5 десятины удобной земли и 3 десятины выпасов, а шапсуги – от 1/8 до 0,5 десятины удобной земли, выпасы – только в аренду. Многие бывшие дачи и усадьбы дворян стояли в 1920-х гг. заброшенными, будучи зачисленными в фонд государственных земельных имуществ. Выделяемые по решениям Кубано-Черноморского облисполкома деньги на землеустройство реально не приходили местным органам управления. Шапсуги видели в этом продолжение политики самодержавия по вытеснению их народа в неплодородные горы [22: 22–23 об.].

Во время Гражданской войны некоторые адыгские интеллигенты выражали надежду на самоопределение своего народа в составе федеративной России, на возвращение из бывшей Османской империи многочисленных эмигрантов (мухаджиров). Рост надежд был связан и с победой младотурецкого движения над Антантой, с консолидацией Турецкой Республики.

Победившая в Гражданской войне большевистская партия поддержала стремление народов Северного Кавказа обрести автономию, заявляя о полном разрыве с политикой самодержавия. Но партийные и государственные руководители РСФСР негативно относились к возможности влияния Турции и арабских стран на народы Кавказа, что было вполне обоснованным. Например, антисоветские мятежи в Чечне и Дагестане в 1920–1921 гг. происходили при активном участии турецких офицеров, включая внука имама Шамиля. Документы разведывательного отдела штаба Северо-Кавказского военного округа Рабоче-крестьянской Красной армии за 1921–1924 гг. [11; 12] подтверждают, что собиралась подробная информация об антисоветских группировках эмиграции, осевших в Турции, их лозунгах, кадрах и возможности высадки десантов на Черноморском побережье. Туапсе как узел важной железной дороги, морской порт и в ближайшем будущем – терминал нефтепровода «Баку – Грозный – Туапсе» (построен в 1928 г.) – подлежал

повышенной охране и недопущению нелояльных иностранных подданных. Эти обстоятельства объясняют, почему вопрос о создании Шапсугского национального района в 1922–1924 гг. приобрел дискуссионное звучание. На заседаниях бюро и секретариата Национальной комиссии Юго-Восточного крайкома РКП(б) вопрос обычно освещали председатель полномочного представительства ОГПУ на Юго-Востоке России Е.Г. Евдокимов или его заместитель М.П. Фриновский.

Вопрос о создании Шапсугского национального района был сложным. Органы власти тревожило влияние Турции и эмигрантов на причерноморских адыгов, а также призывы включения шапсугских аулов (Кичмай, Божьи Воды, Красно-Александровский, Большой Псеушко, Малый Псеушко, Наджиги, Псебе-Карповка) в Адыгейскую (Черкесскую) автономную область, выдвигавшиеся местными активистами. Негативную позицию в отношении создания национального района занимали Туапсинский районный и Черноморский окружной комитеты РКП(б), тогда как курс Юго-Восточного бюро ЦК РКП(б) был более взвешенным.

Как упоминала Т.П. Хлынина, 4 сентября 1922 г. III съезд приморских шапсугов провозгласил создание Шапсугской Советской Социалистической Республики из 12 аулов с административным центром в г. Туапсе. Республика должна была войти в состав РСФСР на договорных началах. Инициатором резолюции был представитель адыгской диаспоры Юсуф Нагуч (1877–1930), приехавший в РСФСР из Турции. Эта инициатива не получила поддержки исполнительного комитета Адыгейской (Черкесской) автономной области, считавшего, что все земли проживания адыгов (черкесов) следует объединить в одну автономную республику, в которой бы Шапсугия получила статус кантона [15: 107]. Такое же мнение высказали члены организационного бюро Адыгейского (Черкесского) обкома РКП(б) 5 февраля 1923 г. Малая коллегия Народного комиссариата по делам национальностей РСФСР 23 февраля 1923 г. сочла возможным создать отдельную Шапсугскую автономию [9: 93–94]. Но ходатайство о создании единой укрупненной автономии Президиум Всероссийского центрального исполнительного комитета РСФСР отклонил 23 мая 1923 г. ввиду отсутствия территориального единства местностей, где проживали различные субэтнические группы адыгов, малочисленности населения и экономической слабости территории. В дальнейшем, как признавали члены оргбюро Адыгейского (Черкесского) обкома РКП(б), среди шапсугов советские работники и сотрудники ОГПУ вели агитацию против создания автономии как нецелесообразной [18: 1].

26–28 августа 1924 г. в Туапсе был организован IV съезд шапсугов, на котором обсуждался вопрос о создании автономии. Представляет значительный интерес докладная записка кандидата в члены Юго-Восточного крайкома РКП(б) И.М. Клейнера «О результатах съезда шапсугов»,

написанная не позже 2 сентября 1924 г. для сведения членов бюро крайкома партии. Документ представляет собой машинописный текст на 4 страницах с обеих сторон бумаги с подзаголовками. Он дает достаточно полное и яркое представление о ходе съезда и позиции крайкома РКП(б) в данном вопросе, а также о взглядах составителя [22: 22–23 об.].

И.М. Клейнер отмечает, что для участия в съезде были избраны 50 делегатов, но прибыло также больше 150 гостей, в том числе, агроном Киселёв из Карачая, приглашенный «самым контрреволюционным» из руководителей съезда Х. Шхалаховым – бывшим жандармом, связанным с антисоветскими организациями и Турцией. По мнению Клейнера, представители шапсугов часто ездили в Карачай за советом, как действовать. Лидерами съезда проявили себя Х. Шхалахов (член Туапсинского райисполкома), Клечасов (член Кубано-Черноморского облисполкома) и местный учитель А. Богус. Накануне съезда главный инициатор шапсугского движения Ю. Нагуч был арестован по политическим обвинениям. Его сторонники выдвинули требования освободить Нагуча, якобы предоставить автономии земли от Тамани до Абхазии, выселить из Шапсугии «всех пришельцев» – русских, греков, армян и др.

Главным требованием делегатов съезда было «самоопределение» шапсугов, но участники съезда от советских и партийных органов добились внесения первым пунктом повестки дня землеустройства шапсугов и районирования. Этого удалось достичь с трудом, после бурных прений. Когда стало ясно, что «самоопределение» обсуждаться не будет, часть гостей уехала со съезда. И.М. Клейнер указывает, что большевики выбрали на съезде тактику максимального внимания экономическим и культурным запросам шапсугов. Они дали резкий отпор политическим вылазкам (требованиям освободить Ю. Нагуча, выселить всех новоселов).

Съезд работал три дня. Созданная комиссия по земельному вопросу выбила почву из-под ног политического автономизма. Съезд запретил дальнейший въезд мигрантов в район. На совещании коммунистов с шапсугскими старейшинами и интеллигентами были выявлены авторитетные и вместе с тем лояльные к советской системе кандидаты в руководство района. Председателем Шапсугского ревкома был рекомендован А. Богус, в состав ревкома вошли Ю. Кадиев, М. Аллоло, П. Коблев, Гуляев. Съезд утвердил состав ревкома единогласно [22: 22–23 об.].

Вследствие усиления советского влияния в шапсугских аулах члены бюро Северо-Кавказского крайкома РКП(б) одобрили 3 августа 1924 г. формирование Шапсугского национального района, что стало частью реформы административно-территориального деления СССР. 30 августа 1924 г. соответствующее решение принял президиум Черноморского окружного исполкома Советов [5: 10], а малый президиум Юго-Восточного крайисполкома

Советов утвердил его 23 сентября 1924 г. Центр Шапсугского района размещался в г. Туапсе, район непосредственно подчинялся Черноморскому округу, а его границы до 1928 г. оставались предметом дискуссий ввиду дисперсного проживания 4228 адыгов [16: 134]. В состав района вошли 8 аулов: Карповка, Псебе, Большое Псеушхо, Малое Псеушхо, Красноалександровский, Божьи Воды, Большой Кичмай и Малый Кичмай. В сложившихся границах шапсуги составили 68 % населения района [15: 108]. Постепенно начался перевод делопроизводства с русского на шапсугский язык, обучение и выдвижение на руководящие должности представителей шапсугского народа. Стала издаваться местная газета «Шапсугский большевик» на двух языках. Представители района получили квоту в составе Национального совета при крайисполкоме и приглашались на совещания по проведению национальной политики, регулярно организовывавшиеся краевыми и окружными органами власти.

Члены бюро Северо-Кавказского крайкома РКП(б) поручили 4 сентября 1924 г. заместителю председателя крайисполкома В.Н. Толмачёву завершить организацию Шапсугского района к 1 октября, обеспечив финансирование из краевого бюджета организации государственного аппарата, школ и землеустройства, строительства дорог и больницы. Земельному управлению крайисполкома было поручено ускорить решение земельных споров, шапсугам выделили угодья для выпаса скота на горных полянах и лугах. Партийной фракции крайисполкома было поручено урегулировать земельные разногласия шапсугов с курортным управлением: в короткие сроки шапсугам передали участки пустующих дач и усадеб. Была поставлена задача усилить среди шапсугов кооперативную работу и начать создание партийной и комсомольской организаций [17: 33; 21: 5]. Среднедушевой надел шапсугов удалось повысить втрое, до 1 десятины, проведя обмен земельными участками с русскими поселенцами (по мнению И.М. Клейнера, «русских почти не затронули» [22: 23]). Но шапсуги – жители аулов Божьи Воды и 1-й Красноалександровский – пожелали остаться в составе Туапсинского района, как и армянские, русские поселенцы. Крайком РКП(б) 15 ноября 1924 г. осудил попытки раздела земель шапсугов и разрешил конфликт силовым путем, распустив сельсоветы названных аулов [17: 89].

Черноморский окружной комитет РКП(б) указал Туапсинскому райкому партии 23 января 1925 г. на недостаточное содействие Шапсугскому революционному комитету. На Туапсинский райком РКП(б) были возложены «руководство и ответственность за политическое состояние» [19: 11] шапсугов, что объяснялось малой численностью и нехваткой партийных кадров в районе. В 1926 г. назначаемый Шапсугский революционный комитет был преобразован в выборный райисполком, председателем которого стал одобренный окружкомом ВКП(б) Ермилов [20: 38].

Как отмечалось в материалах обследования Шапсугского района краевой Рабоче-крестьянской инспекцией, район сначала состоял из 4 разрозненных анклавов (Псебе, Карповка, Псеашхо и Красноалександровский – Кичмай). В итоге земельной реформы 1925 г. район получил выход к морю и шоссе. Площадь Шапсугского района составила 67 426 десятин, в том числе пашни – 1677, выгоны и луга – 7175, усадебные участки – 299, остальное – горы [6: 37].

Но это потребовало выселить людей с присоединенных к району земель, где проживали армяне и греки. Так, 13 марта 1925 г. члены бюро окружного РКП(б) отмечали плохое экономическое положение греков и армян-беженцев из Турции, недовольство представителей этих народов, выселяемых из Шапсугского района как пограничной полосы. Решено было переселить беженцев на участки колонизационного фонда Черноморского округа, просить краевое руководство разместить беженцев также в других округах. В мае – сентябре 1925 г. проведены беспартийные конференции греков и армян для разъяснения партийной политики [19: 17–18; 27; 27об.; 65]. Выселение было приостановлено только после принятия постановления Большого президиума Северо-Кавказского крайисполкома Советов от 23 ноября 1925 г. [10: 20]. Но и в 1930 г., по данным обследования краевой Рабоче-крестьянской инспекции, землеустройство шапсугов (переход к уравнительному землепользованию) отставало от темпов этого процесса среди других народов, а перевод делопроизводства на шапсугский язык только начался [6: 10–14]. В условиях начавшейся коллективизации задача развития культурного землепользования и внедрения высокодоходных занятий (табаководства, виноградарства) была принесена в жертву приоритетам раскулачивания.

Позже территория Шапсугского района неоднократно изменялась по воле партийных и советских органов. В том числе, административный центр района в 1930 г. был переведен из г. Туапсе в аул Красноалександровский, в 1931 г. – в пос. Совет-Квадже (сейчас – Голубая Дача), а в 1934 г. – в пос. Лазаревское, за счет которого территория Шапсугского района была увеличена [13: 87–88; 14]. В то же время централизация власти в 1930–1940-х гг. сделала национальные районы и сельсоветы всей страны ненужными в условиях изменившегося политического режима. Президиум Верховного Совета РСФСР своим Указом от 24 мая 1945 г. переименовал Шапсугский район в Лазаревский. Район стал обычной административно-территориальной единицей без признаков этнической автономии.

Таким образом, история создания и развития Шапсугского района в 1920-х гг. подтверждает противоречивость курса национальной политики «коренизации». Стремление создать автономные территориальные единицы (автономные области, районы, сельсоветы) для этнических меньшинств зачастую противоречило экономической эффективности и отсутствию

компактного этнического ареала. В соперничестве проектов «объединенной» автономии, выдвинутых этнической интеллигенцией, а также «малой» автономии, продвигаемой партийным руководством РКП(б), победил второй. Причинами этого стали малочисленность шапсугов, дисперсность их проживания, опасения органов власти ввиду возможного влияния Турции и эмиграции. Попытки за короткое время повысить уровень социально-экономического и культурного развития Шапсугского района были целенаправленными и принесли определенную пользу, но в перспективе интеграция района в состав Черноморского округа, а затем – Краснодарского края стала неизбежной уже в начале 1930-х гг.

Источники и литература

1. Аверьянов А.В. Национальная политика на Дону, Кубани и Ставрополье в 1920–1930-е гг. Ростов н/Д.; Таганрог, 2020.
2. Акопян В.З. Образование национальных сельских поселений дисперсных этносов на Юге России в 20–30-е годы XX века. Пятигорск, 2015.
3. Баранов А.В., Касьянов В.В., Яхутль Ю.А. Формирование национальных автономий на Северо-Западном Кавказе в 1920–1924 годах // Научный диалог. 2021. № 11. С. 282–298.
4. Бершадская О.В. Национальные традиции хозяйственной деятельности как фактор развития черноморской деревни в первой трети XX в. // История: факты и символы. 2017. № 1 (10). С. 88–95.
5. Бугай Н.Ф. Этнические меньшинства «с примитивной культурой и особым языком...»: «шапсугский вопрос» и пути его решения // Национализм на Северном Кавказе: исторический опыт и современные практики: материалы заочного круглого стола / отв. ред. Т.П. Хлынина. Ростов-на-Дону, 2012. С. 6–29.
6. Государственный архив Ростовской области. Ф. Р-1185. Оп. 2. Д. 830.
7. Емтыль (Калашаова) З.Я. Жернова истории. Социально-политическая история адыгов конца XIX в. – 20-х гг. XX в. в очерках и документах. Краснодар, 2016.
8. Иванцов И.Г. Советские формы «малой автономии». Национальные районы и сельсоветы на Кубани. 1924–1953 гг.: (на материалах Кубани и Северного Кавказа). Краснодар, 2013.
9. Национально-государственное строительство Российской Федерации: Северный Кавказ (1917–1941 гг.): сб. статей / Ф.А. Озова, Н.Ф. Бугай, У.И. Улигов и др. Майкоп, 1995.
10. Ржавин А.А. Национально-государственные образования в Краснодарском крае, 20–50-е годы: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2000.
11. Российский государственный военный архив (далее – РГВА). Ф. 6. Оп. 12. Д. 167.

12. РГВА. Ф. 192. Оп. 3. Д. 1474.
13. Сивер А.В. Автономизация адыгейцев Краснодарского края в XX веке // Культурная жизнь Юга России. 2014. № 1 (52). С. 85–89.
14. Сивер А.В. Шапсуги. Этническая история и идентификация. Нальчик, 2002.
15. Хлынина Т.П. Шапсугская проблема в зеркале экспертного мнения // Нации и государство на Северном Кавказе: проблемы взаимодействия: сб. науч. статей и материалов / отв. ред. Т.П. Хлынина. Ростов н/Д., 2013. С. 103–151.
16. Центр документации новейшей истории Краснодарского края (далее – ЦДНИКК). Ф. 1. Оп. 1. Д. 351.
17. ЦДНИКК. Ф. 8. Оп. 1. Д. 3.
18. ЦДНИКК. Ф. 9. Оп. 1. Д. 439.
19. ЦДНИКК. Ф. 9. Оп. 1. Д. 534.
20. ЦДНИКК. Ф. 9. Оп. 1. Д. 645.
21. Центр документации новейшей истории Ростовской области (далее – ЦДНИРО). Ф. 7. Оп. 1. Д. 7.
22. ЦДНИРО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 19.

Д.С. Кокорхоева

ЛИКВИДАЦИЯ НЕГРАМОТНОСТИ МОЛОДЕЖИ В АВТОНОМИЯХ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА В УСЛОВИЯХ НАЧАЛА КОЛЛЕКТИВИЗАЦИИ (1927–1929 гг.)

Проблема ликвидации неграмотности в автономных республиках и областях в 1920-х – начале 1930-х гг. была особенно острой в сравнении с урбанизированными регионами Центральной России. Данная тема сохраняет актуальность в аспектах планирования образовательной политики, приоритетов и форм деятельности молодежных организаций, задач формирования руководящих кадров на Северном Кавказе. Цель работы – определить направления деятельности партийных и комсомольских организаций по ликвидации неграмотности молодежи автономий Северного Кавказа в период начала коллективизации (1927–1929 гг.).

Тема статьи является одним из аспектов более широких тем культурной революции в раннем советском обществе (показательны монографии Ш. Плаггенборга [6] и Ш. Фитцпатрик [20]), кадровой политики и формирования правящей номенклатуры (статьи Е.К. Минеевой, Н.В. Киросовой и А.И. Минеева [5]). Но работ о ликвидации неграмотности молодежи

в автономиях Северного Кавказа немного. Можно упомянуть обобщающие монографии М.Х. Герандокова и В.З. Герандоковой [4], Н.О. Блейх [1]. Формирование и деятельность партийно-государственной номенклатуры в Северо-Кавказском крае исследует Е.В. Туфанов [8]. Социокультурные реформы в сёлах на примере Северной Осетии проанализировала З.В. Сосранова [7]. Беглые упоминания о ликвидации неграмотности встречаются во многих работах по истории различных автономий Северного Кавказа, но тема не стала приоритетной в современных исследованиях.

Источниковую основу исследований составляют, прежде всего, материалы Всесоюзной переписи населения 1926 г. и текущих обследований, отчеты и доклады партийных и советских структур об инспектировании системы образования, резолюции руководящих органов ВКП(б) и ВЛКСМ. Применительно к автономиям в составе Северо-Кавказского края эти документы хранятся в Центре документации новейшей истории Ростовской области (далее – ЦДНИРО) и Государственном архиве Ростовской области (далее – ГАРО). Некоторый интерес представляют публикации в журналах «Революция и горец» и «Северо-Кавказский край» (оба выходили в г. Ростове-на-Дону).

Накануне коллективизации уровень грамотности жителей автономий Северного Кавказа оставался невысоким и значительно отставал от уровня в русских округах края. Например, грамотность взрослого населения в автономных областях находилась на уровне 25 % к октябрю 1928 г., а в целом по Северо-Кавказскому краю составляла 54 % [11: 34 об.]. Согласно «Плану ликвидации неграмотности и малограмотности в национальных областях Северо-Кавказского края и участия в этой работе комсомольской организации», к весне 1928 г. неграмотными в автономиях оставались 65 % лиц в возрасте от 17 до 35 лет, в том числе молодых женщин – 16,4 % [19: 19]. Конечно, речь шла о грамотности на уровне элементарного знания алфавита, первичных навыков чтения и письма на родном языке, простых арифметических подсчетов. По сведениям Северо-Кавказского краевого исполкома Советов, охват детей в возрасте 8–11 лет формами образования вырос с 24,9 % в 1925/26 хозяйственном году до 31,0 % в 1927/28 г., почти вдвое отставая от среднекраевых показателей [2: 11]. Очевидна резкая неравномерность уровня грамотности населения при сравнении данных автономных областей: от 18,3 % в Карачаевской и Черкесской, 17 % в Северо-Осетинской, 12 % в Адыгейской, 8,1 % в Кабардино-Балкарской автономных областях, до 3,5 % в Ингушской и 0,5 % в Чеченской автономных областях к началу календарного 1927 г. [16: 66, 76]. Уровень грамотности зависел от наличия либо отсутствия в автономии городов, от степени развития промышленности и транспорта, ориентированных на рынок. Грамотность женщин была значительно ниже, чем мужчин, а малообеспеченных слоев населения – ниже, чем зажиточных и знатных. При этом партийная и государственная

статистика не учитывала религиозные формы образования, распространенные на Северном Кавказе в арабских школах (медресе и мектебах).

Политика ликвидации неграмотности, проводимая партийными и государственными органами, общественными объединениями (комсомолом, профсоюзами, кооперативными союзами и др.), решала не только общекультурные, но и идеологические задачи: обеспечить лояльность горского населения к советской власти, мобилизовать граждан, в том числе молодежь, на выполнение задач коллективизации и в целом построения социализма.

Ликвидация неграмотности молодежи проводилась на нескольких взаимосвязанных уровнях. Прежде всего, это деятельность пунктов и школ по ликвидации неграмотности, изб («саклей»)-читален. Для женщин-горянок использовались курсы по обучению шитью и ковроплетению, кулинарным навыкам и домоводству, акушерству. На более высоком уровне предоставления знаний действовали советские школы 1-й ступени (начальные в современном понимании). Еще более высокий уровень знаний предоставляли советские школы 2-й ступени (аналогичные 8-летним средним школам), но их было крайне мало в автономиях. Внимание уделялось привлечению горской молодежи на промышленные предприятия, для чего организовано было обучение в техникумах и фабрично-заводских училищах, проводились практики, выделялись места в общежитиях. Высшее образование давали рабочие факультеты вузов Ростова-на-Дону, Пятигорска, Владикавказа, Грозного, Краснодара, в которых горская молодежь получала квоты, утверждавшиеся местными партийными комитетами [9: 43]. Другой формой образования стали горские группы советско-партийных школ в городах [3: 22–23]. Также в Краснодаре и Ростове были созданы кавалерийские военные училища [10: 3–4]. Кроме долгосрочного образования была развернута сеть краткосрочных курсов по повышению квалификации и переподготовке партийных и комсомольских, советских и профсоюзных активистов, председателей и секретарей аульных и окружных Советов. Основное внимание резонно уделялось обучению местных, низовых молодежных кадров, а не представителей областного аппарата управления. Ставилась цель соблюдения классовый принцип (приоритет обучения именно батраков и бедняков, демобилизованных красноармейцев и бывших красных партизан) [15: 23].

В то же время реализация решений Северо-Кавказского крайкома ВКП(б) и Северо-Кавказского крайисполкома на местах не всегда была точной и эффективной. В 1927 г. Национальная комиссия крайкома ВКП(б) признавала низкое качество обучения в советско-партийных школах и непропорциональное распределение квот для различных автономий, слабое внимание к рабочим факультетам (рабфакам), острую нехватку педагогов, которые хорошо знали бы национальные языки и могли на них преподавать. Издаваемая учебная и агитационная литература не всегда была качественной

и ее не хватало для полноценного охвата учащихся [13: 58–62]. В уже названном «Плане ликвидации неграмотности...», принятом на заседании бюро крайкома ВЛКСМ 29–30 мая 1928 г., отмечалось, что некоторые автономные области не использовали значительную часть кредитов, выделенных на ликвидацию неграмотности (Кабардино-Балкария не использовала 41 % выделенных средств). Происходило снижение ассигнований на ликвидацию неграмотности (Чеченская автономная область недополучила в 1927/28 г. 16 % средств). Обучение в ликвидационных пунктах было слишком кратким и пунктов было мало, что вело к росту удельного веса «переростков» (молодежи старше 16 лет), учившихся в пунктах ликвидации безграмотности (ликпункты). К весне 1928 г. они составляли 20,9 % учащихся в ликпунктах Адыгеи, 15,7 % – Черкесии, 10,6 % – Чечни. Не хватало программ обучения и литературы для малограмотных, которым нужно было осваивать более сложный материал, чем полностью безграмотным. Многие учащиеся техникумов и рабочих факультетов не завершали обучение и оставались в крупных городах, работали не по профессии, не желая возвращаться в свои местности [19: 19–20].

Понимая масштаб трудностей, краевые комитеты ВКП(б) и ВЛКСМ приняли в 1927–1928 гг. серию решений, которые должны были повысить качество просветительной работы среди горской молодежи. В частности, Национальная комиссия крайкома ВКП(б) 18 февраля 1927 г. предложила облегчить набор горской молодежи на рабфаки и подготовительные отделения, расширить сеть рабфаков для «националов» в вузах Владикавказа и Грозного. Подготовительные отделения вузов стали финансироваться из государственных средств, а проживание в общежитиях сделали бесплатным либо вводили пониженную оплату. Предлагалось также резко увеличить численность преподавателей, знавших местные языки и латинскую графику (она вводилась взамен арабской). Особое внимание предлагалось уделить классовому составу учащихся и соблюдению пропорций между представителями различных автономий [18: 83–84; 14: 82–86].

«План ликвидации неграмотности...» от 29–30 мая 1928 г. предусматривал ежегодное наращивание финансирования работы за счет использования кредитов. Кооперативные организации отныне были обязаны отчислять долю своей прибыли, а профсоюзы – 5–10 % своих бюджетов в фонды борьбы с неграмотностью. Планировалось нарастить долю внебюджетных средств в расходах по ликвидации неграмотности с 17 % областных и местных бюджетов в 1927/28 г. до 26 % в 1931/32 г. [19: 19–21].

Названные меры, по мнению членов бюро крайкома ВЛКСМ, обеспечили бы рост числа учащихся с 18,5 тыс. человек в 1927/28 г. до 27,8 тыс. человек в 1931/32 г. Количество неграмотных планировалось сократить за этот период с 191,2 до 132,7 тыс. человек. Охват обучением малограмотных

предлагалось нарастить с 1 850 до 6 935 человек на протяжении данного времени вследствие роста числа ликпунктов и школ, удлинения срока обучения до 1 года. Ликвидация неграмотности велась адресно, с детальным знанием целевых групп: девушек в возрасте 17–20 лет, допризывников, коммунистов и комсомольцев, батраков и бедняков, представителей «отстающих» по грамотности автономий (Чечни, Ингушетии, Карачая) [19: 20–22].

Справедливости ради отметим, что политика ликвидации неграмотности имела достаточно конфликтный аспект, поскольку с февраля 1927 г. она неразрывно увязывалась с антирелигиозной работой в автономиях Северного Кавказа. По решениям Национальной комиссии крайкома ВКП(б) от 16 и 28 июня 1927 г. речь шла о переводе школ с арабской на латинскую графику, ограничении прав преподавания учителей духовных школ, внедрении атеистической пропаганды на всех уровнях государственного образования. Эти меры реализовывали антирелигиозные комиссии при агитационно-пропагандистских отделах краевого и областных комитетов ВКП(б). На основании директив ЦК ВКП(б) от 3 апреля и 7 мая 1928 г. стало проводиться преобразование арабских школ в советские [17: 25–30; 12: 31–33; 17: 18].

Опорой антирелигиозной работы партийные и комсомольские органы считали именно молодежь. В директиве бюро крайкома ВЛКСМ «Задачи антирелигиозной работы в горских областях» от 29 мая 1928 г. ставилась задача «теснейше увязать» эти меры с хозяйственным, советским и культурным строительством, с «наступлением на кулака» и коллективизацией [19: 1–4]. Предлагалось сплотить бедняцкую и середняцкую молодежь вокруг мер кооперирования, помощи земледельцам и кустарям, расширения сети медицинских и образовательных учреждений, клубов, красных уголков и избчитален. Подчеркивалась недопустимость «лобовой» антирелигиозной пропаганды. Влиянию религии предлагалось противопоставить вовлечение молодежи в добровольные общества, кружки изучения естественных наук, лечебные учреждения и т.д. Среди методов агитации указывались беседы, громкая читка газет и брошюр, инсценировки, «живые газеты», экскурсии и вечеринки молодежи. Комсомол предполагал опираться на такие категории горцев, как демобилизованные красноармейцы, учащиеся совпартшкол и рабфаков, члены сельсоветов и комитетов крестьянской общественной взаимопомощи [19: 1–4].

Таким образом, направления деятельности партийных и комсомольских организаций по ликвидации неграмотности молодежи автономий Северного Кавказа в период начала коллективизации (1927–1929 гг.) были следующими: работа пунктов и школ по ликвидации неграмотности, изб («саклей») – читален; женские курсы по обучению шитью и ковроплетению, кулинарным навыкам и домоводству, акушерству; советские школы 1-й и 2-й ступени; обучение в техникумах и фабрично-заводских училищах, на рабочих

факультетах вузов, в которых горская молодежь получала квоты; горские группы советско-партийных школ; обучение в кавалерийских военных училищах. Также была развернута сеть краткосрочных курсов по повышению квалификации и переподготовке партийных и комсомольских, советских и профсоюзных активистов, председателей и секретарей аульных и окружных Советов. Программа ликвидации неграмотности неразрывно увязывалась с идеологической, в том числе антирелигиозной работой ВКП(б) и ВЛКСМ. Методы и формы ликвидации неграмотности были достаточно гибкими и разнообразными, рационально рассчитанными с учетом адресных групп и приоритетов. В итоге неграмотность молодежи в автономиях Северо-Кавказского края была в основном преодолена к концу 1930-х гг. несмотря на нехватку ресурсов и подготовленных педагогических кадров.

Источники и литература

1. Блейх Н.О. Исторические вехи становления и развития просветительства на Северном Кавказе в русле российской цивилизационной политики. Т. 2. М., 2017.
2. Государственный архив Ростовской области (далее – ГАРО). Ф. Р1485. Оп. 8. Д. 182. Л. 11.
3. ГАРО. Ф. Р-1485. Оп. 1. Д. 533. Л. 22–23.
4. Герандоков М.Х., Герандокова В.З. Культурная революция в национальных регионах: миф или реальность. Нальчик, 2003.
5. Минеева Е.К., Киросова Н.В., Минеев А.И. Руководящие кадры в системе управления национальными автономиями РСФСР в 1920-е гг.: состав и социальная мобильность // Клио. 2016. № 4 (112). С. 77–82.
6. Плаггенборг Ш. Революция и культура: культурные ориентиры в период между Октябрьской революцией и эпохой сталинизма. СПб., 2000.
7. Сосранова З.В. Социокультурные преобразования в осетинском селе в 1920-е гг.: дис. ... канд. ист. наук. Владикавказ, 2010.
8. Туфанов Е.В. Кадры региональных управленцев в 1920–1930-е годы: становление и функционирование (на материалах Северного Кавказа). Ставрополь, 2018.
9. Центр документации новейшей истории Краснодарского края (далее – ЦДНИКК). Ф. 1. Оп. 1. Д. 348. Л. 43.
10. ЦДНИКК. Ф. 8. Оп. 1. Д. 3. Л. 3–4.
11. Центр документации новейшей истории Ростовской области (далее – ЦДНИРО). Ф. 7. Оп. 1. Д. 685. Л. 34об.
12. ЦДНИРО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 479. Л. 31–33.
13. ЦДНИРО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 605. Л. 58–62.
14. ЦДНИРО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 606. Л. 82–86.
15. ЦДНИРО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 607. Л. 23.

16. ЦДНИРО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 607. Л. 66, 76.
17. ЦДНИРО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 828. Л. 18.
18. ЦДНИРО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 834. Л. 83–84.
19. ЦДНИРО. Ф. 171. Оп. 1. Д. 240. Л. 19.
20. *Fitzpatrick Sh.* The cultural front: Power and culture in revolutionary Russia. London, 1992.

И.Х. Тхамокова

НАЛЬЧИК И РАЗВИТИЕ ОБРАЗОВАНИЯ В КАБАРДИНО-БАЛКАРИИ в 1920–1930-е гг.

Еще не окончилась Гражданская война, когда в октябре 1920 г. ЦК РКП(б) принял постановление об образовании на Северном Кавказе двух автономных республик – Горской и Дагестанской. Но уже через год после этого Кабарда, а на следующий год и Балкария выделились из состава Горской республики. В 1922 г. была создана Кабардино-Балкарская автономная область. Нальчик, в 1921 г. преобразованный в город, стал центром новой автономной области. В 1920–1930-х гг. он быстро разрастался. В 1926 г., согласно материалам переписи, в Нальчике проживало 12 893 человека. К 1939 г. общая численность населения достигла 47 970 человек, что в 3,7 раза больше. Большую часть населения города составляли русские. В 1939 г. их было 67,6 %. Кабардинцев и балкарцев было намного меньше, но и их численность постоянно увеличивалась. Кабардинцев – с 866 в 1926 г. до 4 106 в 1939 г., балкарцев – соответственно с 350 до 850 человек. Кроме того, в Нальчике жили также украинцы, горские евреи, грузины, осетины и др. [4; 5].

В городе создавались совершенно иные, чем на селе, условия для развития национальной культуры и для функционирования этнокультурных границ. Сюда съезжались выходцы из разных местностей, с разными культурными традициями. В городе люди разных национальностей жили рядом, нередко вместе работали, контактировали друг с другом. Кроме того, в город чаще переезжала молодежь, а старики, хранители традиций, обычно оставались в селах. В результате всего этого в городе традиционная культура разрушалась значительно быстрее, чем на селе. В городе уровень образования жителей был выше, раньше появились и получили более широкое распространение средства массовой информации – газеты, радио. В полной мере эти тенденции проявятся в последующие периоды.

Одной из главных задач развития образования в 1920–1930 гг. являлась ликвидация неграмотности. В Нальчике, а затем и в других поселениях, появляются пункты ликвидации неграмотности, их становится всё больше. Для

того, чтобы работать с учениками, нужны были подготовленные учителя. В 1920–1921 гг. в Нальчикском округе работали 36 пунктов ликвидации неграмотности, в 1925 г. таких пунктов было уже 145 [1: 781].

Еще одной задачей являлось развитие школьного образования. До 1917 г. на территории Кабардино-Балкарии (за исключением части Прохладненского района) насчитывалось всего 33 школы, в том числе кабардинских – 13, балкарских – 2, русских – 16, прочих – 2 и только одно реальное училище. Уже в 1920/21 учебном году. в области было 57 школ, к 1924/25 г. – 126; в 1925/26 г. – 163 [16: 833] или (по другим источникам) – 158 [15: 415]. В 1925 г. в школах Кабардино-Балкарии работало 347 учителей (из которых к концу года осталось только 270), в том числе 47 кабардинцев и 4 балкарца [15: 416].

Для того, чтобы успешно работать в советских школах, учителя должны были получить соответствующее образование. Всего Кабардино-Балкарии, по подсчетам органов власти, требовалось 500 новых учителей. Особенно плохо обстояло дело с учителями, которым необходимо было вести преподавание на кабардинском и балкарском языках. Они должны были иметь всестороннее образование, навыки общественной работы, а также трудиться над развитием своего родного языка. Однако таких учителей было очень мало. Большинство кабардинских и балкарских педагогов получили образование в медресе или в сельской школе. В 1925 г. среди них было немного людей, знакомых с новой школой и ее методами. Большинство применяло при обучении родному языку «допотопные приемы». Школы области должны были быть трудовыми, однако и здесь учителя не имели достаточной подготовки. Редкий из них мог дать своим ученикам советы, например, по правильному ведению садоводства [12: 19–19 об.].

Нальчик стал не только административным или экономическим, но и образовательным центром области. В городе получали просвещение жители многих сёл республики. Именно здесь занималось большинство учителей, медицинских работников, будущих руководителей учреждений всех сёл Кабардино-Балкарии. В 1922 г. в Нальчике была открыта областная советско-партийная школа, рассчитанная на 50 курсантов: 30 кабардинцев и по 10 балкарцев и русских [8: 79].

Уже в 1924 г. в Нальчике начал свою работу Ленинский учебный городок (ЛУГ), главной задачей которого являлась подготовка национальных кадров, в том числе учителей, медиков, но также партийных, советских и хозяйственных работников. Городок состоял из нескольких учебных заведений, которые должны были давать среднее специальное образование. Поскольку уровень подготовки многих курсантов был низким, необходимо было «провести сперва подготовительную учебную работу по усвоению набранными взрослыми курсантами простейшей грамотности и необходимых навыков коллективной жизни и организованного труда» [13: 322]. В общей сложности

в 1924 г. в ЛУГ было набрано 300 человек [12: 19 об.]. Особое внимание было обращено на подготовку кабардинок и балкарок, и не только как на специалистов, но и как на борцов за раскрепощение женщин, пропагандисток нового быта [12: 322 об. – 323].

В июне 1925 г. в городке обучалось 459 студентов, в том числе 353 кабардинца (включая 91 женщину), 54 балкарца (16 женщин), 35 русских (8 женщин), представителей других национальностей было мало [14: 113]. В 1925–1926 гг. педагогический техникум должен был подготовить 60 учителей – кабардинцев и балкарцев [12: 20 –21 об.]. Планы подготовки кабардинского и балкарского учительства, ответственных сотрудников выполнялись успешно. Уже в 1928 г. большинство руководящих работников являлись «представителями основных национальностей коренного населения», что давало возможность кабардинцам и балкарцам общаться с ними на родном языке [10: 113].

Одним из направлений советской политики в области образования была программа «коренизации», т.е. перевод делопроизводства в учреждениях на кабардинский и балкарский языки. Выполнению этой задачи препятствовало, прежде всего, почти полное отсутствие людей, умевших читать и писать по-кабардински или по-балкарски. Как отмечалось в документах комиссии по «коренизации», «подавляющее число националов, даже работающих в областных учреждениях, не знают ни чтения, ни письменности на родном языке. Руководящие работники сельсоветов не знают не только своего чтения, письменности, но в подавляющем большинстве умеют только подписаться на русском языке». Отмечалось, что кабардинский и балкарский языки можно было использовать лишь в местном делопроизводстве, а «в сношениях с соседними административными единицами должен явиться основным – русский язык, как и в сношениях с вышестоящими советскими органами» [10: 112 – 113].

Как говорил председатель облисполкома Б.Э. Калмыков, «из безграмотных людей аппарат иметь нельзя, а для того, чтобы культурно поднять сельское хозяйство и промышленность и создать аппарат, для этого необходимо хотя бы на первое пятилетие иметь грамотного председателя, грамотного секретаря сельисполкома, грамотного секретаря сельской ячейки, грамотного кооператора, грамотного учителя, заведующую женотделом и т.д.» [7: 125]. Найти для каждого кабардинского и балкарского села хотя бы по 6–7 грамотных людей было сложной задачей, но по мере ликвидации неграмотности она постепенно решалась.

Важной задачей советской школы являлось также воспитание детей в духе коммунистической идеологии. Б.Э. Калмыков говорил: «Мы ни на одну минуту не должны забывать о том, что мы формируем нового кабардинца, нового балкарца» [7: 193].

Многие обычаи и обряды народов Кабардино-Балкарии вызывали у советской власти большие сомнения. Правда, некоторые из них считались полезными традициями, но другие объявлялись пережитками прошлого, с которыми следовало бороться. Руководители автономной области, а затем республики, считали «необходимым коренным образом переделать кабардинский и балкарский быт, обычаи, традиции. Всё, что есть красивого в кабардинской и балкарской жизни, что современно и красиво, – всё это надо оставить, а всё то, что тормозит культуру, мешает осуществлению равноправия женщин, надо отбросить» [7: 111].

Одним из «пережитков», с которым государство вело особенно ожесточенную войну, была религия. В 1920 – 1930-е гг. в Кабардино-Балкарии были закрыты мечети и почти все церкви, в том числе и церковь в г. Нальчике, которая находилась рядом с учебным городком, и, по отзывам курсантов, мешала им заниматься. Но религия в прошлом влияла на многие стороны жизни народов – семейные обычаи и обряды, общественную жизнь и т.д. Взамен «пережитков прошлого» народы Кабардино-Балкарии должны были приобщиться к новой советской культуре. Большое внимание уделялось положению женщины в семье и обществе. Вскоре после установления советской власти в республике был запрещен калым. В 1922 г. в Нальчике был создан женотдел, здесь же проводились конференции и съезды горянок. В 1926 г. при Кабардино-Балкарском облисполкоме была организована комиссия по улучшению труда и быта горянок и «нацменок» [11: 14]. Для них создавались клубы. В 1928 г. в клубе горянок Нальчика состояло 130 человек, работало несколько кружков: юридический, охраны материнства и детства, рукодельный, были трикотажная и швейная мастерские, курсы кройки и шитья [11: 20–21].

В Ленинском учебном городке проводились новые семейные праздники – например, «октябрины» по случаю рождения ребенка [8: 88–89] или похоронные обряды без участия служителей ислама [8: 51]. Еще одним принципом нового общества являлся интернационализм. В общежитиях учебного городка курсантов старались разместить таким образом, чтобы в каждой комнате был кабардинец, балкарец и русский [8: 76].

Одной из главных задач являлось изучение родных языков. По плану отдела народного образования с 1926 – 1927 учебного года все национальные школы должны были перейти на родной язык, по крайней мере, первые группы [12: 19 об.]. Планировалось, что в пределах сельсоветов делопроизводство будет вестись на языках соответствующих национальностей, а в областных органах – на трех языках: русском, кабардинском и балкарском [2: 82 – 83]. Но для этого нужны были подготовленные специалисты.

Программа «коренизации» означала не только подготовку и переподготовку национальных кадров, но и публикацию на национальных языках

литературы, учебников, газет. Первоначально кабардинские и балкарские тексты издавались на основе арабской графики. В 1924 – 1936 гг. печатались книги на кабардинском языке с применением латинской графики. Руководство области считало, что это облегчает «по сравнению с арабской письменностью обучение грамоте населения области и борьбу с контрреволюционным панисламизмом» [22: 65]. С 1926 по 1938 г. издавались балкарские книги на основе латинской графики.

Уже к 1926 г. «на кабардинском языке была напечатана следующая литература: букварь для детей, букварь для взрослых, геометрия... На балкарском языке сдан в печать в Москве букварь для взрослых» [15: 419]. Шестой областной съезд Советов Кабардино-Балкарской автономной области отмечал, что «нацлитературы» было издано 52 000 экземпляров, газеты «Карахалк» (на русском, кабардинском, балкарском и горско-еврейском языках) – 718 000 [19: 947]. Впоследствии количество выпускаемых книг только увеличивалось.

В Нальчике получали образование учителя школ, партийные и советские работники для всех районов республики, которые должны были перевести делопроизводство в селах на кабардинский и балкарский языки. Если верить отчетам, то, несмотря на все трудности, в 1936 г. во всех кабардинских и балкарских сельских советах дела велись только на родных языках [2: 90]. Однако именно в этом году кабардинская, а два года спустя и балкарская письменность были переведены с латинской графики на кириллицу. В связи с этим изучение грамоты на данных языках приходилось начинать заново. Кабардинский язык стал первым из языков народов СССР, который был официально делатинизирован. Инициатором такого шага явился Кабардино-Балкарский обком партии, который принял соответствующее решение и обратился в ЦК партии с просьбой одобрить его [9: 577]. Необходимость перевода письменности на новую графику объясняли прежде всего тем, что это поможет кабардинцам и балкарцам в изучении русского языка [22: 64].

Превращение Нальчика в центр Кабардино-Балкарской автономной области отразилось на его внешнем облике. В 1931 г. было решено, что «учреждения, предприятия и организации, расположенные на территории г. Нальчика, имеют вывески на языках кабардинском, балкарском и русском» [20: 243].

Программа «коренизации» касалась не только кабардинцев и балкарцев, но и других народов автономной области, например, горских евреев. Развитие письменности и издание учебников было важно и для них. В 1926 г. в Нальчике состоялся краевой съезд горских евреев, участники которого отмечали, что «вопрос об издании учебников и литературы на татском языке необходимо поставить ребром». В то же время они считали «необходимым введение русского языка во все татские школы» и «в принципе необходимым

и целесообразным переход с еврейского алфавита на общепринятый латинский алфавит» [17: 178–179].

Для горских евреев так же, как для кабардинцев и балкарцев, планировалось преподавание в школе на родном языке, для чего необходимо было подготовить учителей. Их направляли для обучения в Дагестан. Облисполком принял решение «посылать на учебу в средние учебные заведения не менее 6 человек и обеспечить коренизацию Г.Е. [горско-еврейской] школы, направив в текущем 1931 г. в педтехникум ДССР не менее 6 человек» [21: 41].

Подготовка руководителей всех отраслей и рангов была еще одной задачей образования в 1920–1930 гг. Среди руководящих работников исполкомов Советов всех уровней большую часть составляли кабардинцы и балкарцы. В 1932 г. их было 121 из 161 (из них 59 были грамотными на родном языке). В то же время среди исполнителей (инструкторов, инспекторов, секретарей) большинство составляли русские – 99 из 134 [10: 249]. Существовал план дальнейшей «коренизации», согласно которому в 1932–1933 гг. во всех областных учреждениях должно было работать 703 ответственных руководителя, в том числе 312 кабардинцев и 72 балкарца. Часть технических работников областных учреждений также планировалось заменить кабардинцами и балкарцами [10: 254–255].

К 1939 г. общая численность руководителей партийных, государственных, общественных предприятий в Кабардино-Балкарской АССР составляла 3 893 человека, из которых кабардинцев было 34,5 %, балкарцев – 10,8 % [6: 158]. Уровень грамотности русского населения Кабардино-Балкарии достиг 88,2 %, кабардинцев – 63,3 %, балкарцев – 62,7 %. Среднее образование имели 31,2 % кабардинцев (живущих в стране) и 30,5 % балкарцев, высшее образование – 1,0 % кабардинцев и 1,3 % балкарцев [6: 86–87].

Важной задачей являлась подготовка национальных кадров для промышленности. До 1917 г. Нальчике и других городах было мало заводов и фабрик с очень небольшой численностью работников. В 1920–1930-х гг. их количество увеличилось, но национальных кадров среди них было немного – 173 человека в 1933 г. [18: 6]. В 1939 г. на рабочих специальностях в промышленности, строительстве, на транспорте Кабардино-Балкарии были заняты 6 003 человека. Среди них было 754 кабардинца (12,6 %) и 143 балкарца (2,4 %).

В 1932 г. Горский педагогический институт, находившийся во Владикавказе, был разделен на Северо-Осетинский и Кабардино-Балкарский педагогические институты. Последний на протяжении нескольких лет работал в Пятигорске, но в 1937 г. был переведен в Нальчик. Высшее образование стало более доступным для жителей республики, но кабардинцев и балкарцев среди студентов первоначально было немного: в 1940 г. из 342 студентов было только 67 кабардинцев и балкарцев [3: 321].

В 1920–1930-е гг. образование в Кабардино-Балкарии быстро развивалось. Уровень грамотности у кабардинцев и балкарцев в 1939 г. превысил 60 %, у русских он был еще выше. Помимо множества школ были созданы средние специальные учебные заведения, а затем и высшее учебное заведение – пединститут, хотя численность кабардинцев и балкарцев, имевших высшее образование, была небольшой. Одной из задач образования в 1920–1930-е гг. была программа «коренизации», в соответствии с которой необходимо было подготовить для работы в учреждениях специалистов, знающих кабардинский и балкарский языки. Еще одной особенностью являлось воспитание школьников и студентов в духе коммунистической идеологии. Средние специальные и высшие учебные заведения располагались преимущественно в Нальчике, где получали подготовку большинство специалистов.

Источники и литература

1. Адыгская (черкесская) энциклопедия. М., 2006.
2. Бербекоев Х.М. Советская автономия Кабарды и Балкарии. Нальчик, 1961.
3. Блитстейн П.А. Национальное строительство или русификация? Обязательное изучение русского языка в советских нерусских школах, 1938–1953 гг. // Государство наций: империя и национальное строительство в эпоху Ленина и Сталина. М., 2011. С. 311–335.
4. Всесоюзная перепись населения 1926 г. Национальный состав населения по регионам РСФСР // Демоскоп Weekly. URL: https://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_nac_26.php?reg=1022 (дата обращения: 19. 08. 2025).
5. Всесоюзная перепись населения 1939 г. Национальный состав населения районов, городов и крупных сёл РСФСР // Демоскоп Weekly. URL: https://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_nac_39_ra.php?reg=2189 (дата обращения: 19. 08. 2025).
6. Всесоюзная перепись населения 1939 г. Основные итоги / под ред. Ю.А. Полякова. М., 1992.
7. Калмыков Б.Э. Статьи и речи. Нальчик, 1983.
8. Ленинский учебный городок – коммунистическая кузница кадров Кабардино-Балкарии. Сборник воспоминаний и документов / сост. Е.Т. Хакуашев. Нальчик, 1964.
9. Мартин Т. Империя «положительной деятельности». Нации и национализм в СССР, 1923–1939. М., 2011.
10. Русские на Северном Кавказе. 20–30-е гг. Документы, факты, комментарии / предисл., сост., коммент. А.М. Гонова; под ред. Н.Ф. Бугая. Нальчик, 1995.
11. Сабанчиева Л.Х. Гендер в социально-политических процессах в Кабардино-Балкарии (20-е гг. XX в. – начало XXI в.). Нальчик, 2016.

12. Управление центрального государственного архива Архивной службы Кабардино-Балкарской Республики (далее – УЦГА АС КБР). Ф. Р-2. Оп. 1. Д. 248.
13. УЦГА АС КБР. Ф. Р-2. Оп. 1. Д. 258. Т. 2.
14. УЦГА АС КБР. Ф. Р-2. Оп. 1. Д. 288.
15. УЦГА АС КБР. Ф. Р-2. Оп. 1. Д. 342. Т. 2.
16. УЦГА АС КБР. Ф. Р-2. Оп. 1. Д. 342. Т. 4.
17. УЦГА АС КБР. Ф. Р-2. Оп. 1. Д. 347. Т. 1.
18. УЦГА АС КБР. Ф. Р-2. Оп. 1. Д. 368.
19. УЦГА АС КБР. Ф. Р-2. Оп. 1. Д. 452. Т. 4.
20. УЦГА АС КБР. Ф. Р-23. Оп. 1. Д. 46.
21. УЦГА АС КБР. Ф. Р-23. Оп. 1. Д. 48.
22. УЦГА АС КБР. Ф. Р-717. Оп. 2. Д. 167.

А.А. Попова

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ДОНСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ ПО СБОРУ И СОХРАНЕНИЮ ФОЛЬКЛОРА ГОРСКИХ НАРОДОВ В СЕРЕДИНЕ 1930-х гг.

В своем докладе на Первом всесоюзном съезде советских писателей Максим Горький говорил: «Повторяю: начало искусства слова – в фольклоре. Собирайте ваш фольклор, учитесь на нём, обрабатывайте его. Он очень много дает материала и вам, и нам, поэтам и прозаикам Союза. Чем лучше мы будем знать прошлое, тем легче, тем более глубоко и радостно поймем великое значение творимого нами настоящего» [2: 342].

Горький определил главную задачу советского писателя на тот период, которая заключалась в том, чтобы, как говорится, «идти в народ». Он говорил, что творчество советского писателя должно быть основано на народном фольклоре, оно должно опираться на народные корни. Исполняя наказ своего старшего товарища Максима Горького, который неоднократно бывал в Ростове-на-Дону и даже какое-то время жил и работал там, ростовские писатели занялись сбором и систематизацией народного литературного творчества. Это относилось в равной степени как к народному творчеству донских казаков, так и к фольклору народов Северного Кавказа.

Актив фольклористов, среди которых были члены ростовской писательской организации Александр Оленич-Гнененко, Вениамин Жак, Евгений Безбородов, Павел Максимов, возглавлял известный краевед, подлинный энтузиаст собирания произведений устного народного творчества, автор научных трудов, посвященных изучению памятников старины, Борис Владимирович Лукин. Признанным авторитетом, учителем и наставником

для ростовчан был Александр Михайлович Листопадов – знаменитый собиратель донских народных казачьих песен, начавший свою деятельность еще в дореволюционные годы.

Результатом работы стал, например, сборник «Горских сказок» Павла Хрисанфовича Максимова, вышедший под редакцией профессора Юрия Соколова в московском издательстве «Советский писатель» в 1937 г. В предисловии к сборнику М. Горький писал: «Адыгейские сказки, судя по этим образцам, весьма интересны и ценны общностью своих мотивов со сказками других народов <...>».

Очень интересна сказка о зайчихе, лисе и волке, помощнике старшины, – она обнажает социальные отношения людей, чего, обычно, в сказках о животных не видят.

Крайне жаль, что сказок собрано мало. Ценность адыгейских сказок увеличивается еще и тем, что в них зло везде побеждено. Это – хорошее свидетельство о здоровье народа» [3: 3–4].

В сборник вошли семнадцать сказок. Это и волшебные (например, «Мулла-колдун»), и бытовые («Разумная жена», «Сварливая жена», «Хорошая жена»), и сказки о животных («Комары», «Олень и еж», «Зайцы и лягушки» и др.).

Очень интересна обширная статья Павла Максимова «Народ-оптимист. Об адыгейском народе и его сказках», предваряющая сборник [3: 5]. В ней автор очень подробно останавливается на истории народа адыгов, их обычаях, образе жизни, поясняя, откуда пришел тот или иной сказочный образ, герой, чему учат сказки. Также автор статьи тепло вспоминает сказителей, которые наговаривали собирателям сказки, пели песни. Подчеркивает отличия и особенности фольклорных образцов разных районов Адыгеи. В примечаниях в конце книги автор указывает источник сбора каждой сказки, имя сказителя, аул и район сбора произведения.

В ростовскую группу этнографов-краеведов входила также талантливая ростовская поэтесса Елена Михайловна Ширман. Е.М. Ширман родилась в Ростове-на-Дону в 1908 г., а в 1942 г. в возрасте 34 лет погибла от рук фашистских захватчиков. За свою короткую жизнь Е.М. Ширман успела написать и сделать очень многое. Она выпускница семинара Ильи Сельвинского Литературного института имени М. Горького. Но еще задолго до Литинститута, в 1928 г., Елена поступила в Северо-Кавказский государственный университет на лингвистическое отделение педагогического факультета. Е.М. Ширман получила возможность систематизировать свои знания, привести в порядок то, что откладывалось в памяти после прочтения книг. Для нее главным в учебе была напряженная самостоятельная работа над овладением культурным наследием прошлого. Такое сочетание вузовского курса с расширяющими рамки дополнительными занятиями оказалось исключительно плодотворным [1: 78].

Одаренная поэтесса с увлечением занималась собиранием памятников устного народного творчества и их литературной обработкой. И так само собой случилось, что поэзия отодвинулась на второй план, а первое место заняло увлечение фольклором: выявление, запись, осмысление, обработка. Сотрудничество с выходившей в Ростове-на-Дону детской газетой «Ленинские внучата» представляло для реализации этнографических проектов неограниченные возможности. Обширный Северо-Кавказский край давал огромные возможности для талантливой и увлеченной поэтессы. Было где разгуляться пытливому сердцу собирателя: Дон, Кубань, Ставрополье, Северная Осетия, Кабардино-Балкария, Чечено-Ингушетия.

В ростовских газете «Ленинские внучата», журнале «Костер», в специальных фольклорных сборниках стали появляться записанные и обработанные Е.М. Ширман сказки, легенды, песни. Особенно урожайным выдался 1936 г. Тогда впервые появились в печати сказки «Жеребенок и арбуз», «Волк и козел», «Как лошадь волка поймала», «Почему собака ненавидит кошку» и др. Следует упомянуть, что не все фольклорные произведения были записаны ею лично. Для своих обработок она пользовалась также материалами, собранными другими любителями устного творчества, главным образом материалами ребят, которые писали в детские редакции.

К своей фольклористской деятельности поэтесса относилась очень серьезно, а на определенном этапе жизни ставила ее во главу угла. В одном из писем она отмечала: «С 1935 г. я стихи почти не пишу. Занимаюсь исключительно почти фольклором» [1: 181]. В другом фрагменте читаем: «Очевидно, судьба моя сложится так: я не буду сейчас поэтом. Я буду фольклористом и тихим скромным переводчиком» [1: 181].

Невозможно перечислить все записи, которые сделала Е.М. Ширман в предвоенные годы. Очень много осталось в рукописях, которые не были обработаны и в своем подавляющем большинстве, к сожалению, во время Великой Отечественной войны были утрачены. Но сохранившийся материал, в том числе опубликованный, дает нам основание утверждать, что к своей работе собирателя Е.М. Ширман относилась вдумчиво, серьезно, стремясь отыскать и записать именно то, что оставалось еще малоизвестным или неизвестным вовсе. Конечно, это требовало специальных знаний, скрупулезного изучения уже накопленных богатств фольклорного материала. К счастью, это не составило особого труда, ведь фольклорная работа в Ростове только начинала разворачиваться в те годы.

Ощутимые плоды своей фольклорной работы Е.М. Ширман смогла увидеть в 1937 г., когда одна за другой были опубликованы сразу две книги. В Ростове-на-Дону вышло «Изумрудное кольцо». В этой книге были собранные русские народные сказки в обработке Е.М. Ширман. Орджоникидзевское краевое издательство г. Пятигорска опубликовало сборник горских

сказок «Сирота Скалэг». Помимо сказок в обработке Е.М. Ширман, в него вошли произведения в обработке и других авторов [4]. Всего в нем опубликованы десять сказок: две осетинские, четыре дагестанские, две карачаевские и две чечено-ингушские. Это сказки бытовые и о животных.

Герой собранных сказок, как правило, – тот, кто из всех сил тянет лямку, бедует, знает, почем фунт лиха. Но этот мужественный и справедливый бедняк всегда оказывается сильнее коварных врагов и одерживает над ними победу. А помогают ему в этом правом деле добрые люди, птицы, животные, насекомые и даже вещи: топоры, мячи. А злые и ничтожные людишки, уповающие на всякую нечисть, колдунов, ведьм и иных чудовищ, оказываются посрамленными, осмеянными, а то и стертыми с лица земли.

В сборник «Сирота Скалэг» включены две осетинские сказки, однако сказок и легенд этого народа Е.М. Ширман записано и обработано гораздо больше. Кроме той, что дала название сборнику, в обработке исследовательницы напечатана сказка «Козы Кобли». Но были и другие: «Кто больше всех?», «Охотник и змея», «Жадный богач», – не вошедшие в сборник сказки.

По мнению сестры Елены Ширман Аэлиты Резниковой, «обработка осетинских сказок выполнена просто и естественно. Нет никакой стилизации, сохранена истинная подлинность народной осетинской фантастики, где сближаются чудеса и повседневный быт. Сказки пронизаны любовью к людям бедным и одиноким. Они всегда в сказке оказываются правыми. Сироте помогли звери и вся природа. Бедный кролик перехитрил жадного волка, добрый охотник оказался умнее коварной змеи» [1: 172].

Сквозь многие горские сказки красной нитью проходит мотив борьбы с драконами, разными чудовищами, людоедами, великанами – несомненный отзвук противоборства горских народов его более сильным врагам. А борется против них маленький невидимый горец, выехавший в поле на своем коне, который в то же время является его верным другом, советчиком и помощником и разговаривает с хозяином человеческим языком. Горцы-воины были непревзойденными наездниками, неудивительно, что в сказках коню отводится большая почетная роль. Можно сказать, что верный боевой конь является таким же героем сказок, как славный наездник-богатырь нарт и сказочные красавицы.

Надо сказать, что отдельные осетинские сказки, впрочем, как и знакомство с осетинскими нартскими сказаниями, послужили основой создания Е.М. Ширман оригинальных поэтических произведений. Как пишет в своей книге «Читая сердце поэта» ростовский краевед Иосиф Гегузин, ему удалось разыскать в Центральном государственном архиве литературы и искусства рукописи стихотворений Елены Ширман, написанные по мотивам нартских сказаний [1: 175].

Жизнь Е.М. Ширман оборвалась очень рано и совершенно несправедливо. Та ответственность, с которой она подходила к этнографической работе, могла бы принести несомненные серьезные результаты. Надеемся, что ее труд не пропадет даром, и собранные материалы будут изданы и доступны широкой общественности.

Нет сомнения, что и в наше время горские сказки и сказания представляют богатейший материал для разных исследователей: историков, фольклористов, этнографов, литературоведов, лингвистов. Так же, впрочем, как и их собиратели прошлого, благодаря стараниям которых были собраны, переведены, литературно переработаны жемчужины фольклора народов Северного Кавказа.

Источники и литература

1. Гегузин И.М. Читая сердце поэта. Страницы жизни и творчества Елены Ширман. Ростов н/Д., 1996.

2. Горький М. [Заключительная речь на Первом всесоюзном съезде советских писателей 1 сентября 1934 года] // Горький М. Собрание сочинений в 30 т. Том 27. Статьи, доклады, речи, приветствия (1933–1936). М., 1953.

3. Максимов П.Х. Горские сказки / под ред. проф. Ю. М. Соколова. М., 1937.

4. Сирота Скалэг. Горские сказки / обработка: Е. Ширман, А. Гарф, Н. Славинской. Пятигорск, 1937.

П.К. Чекалов

К ВОПРОСУ СТАНОВЛЕНИЯ ПИСАТЕЛЬСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ В КАРАЧАЕВО-ЧЕРКЕССКОЙ АВТОНОМНОЙ ОБЛАСТИ В КОНЦЕ 1950-х – 1960-е гг. (по материалам Государственного архива Карачаево-Черкесской Республики)

В конце 1950-х гг. в литературной жизни Карачаево-Черкесской автономной области произошли важные события. 14 октября 1957 г. на совместном заседании секретариата правления Союза писателей СССР и бюро Оргкомитета Союза писателей РСФСР было принято решение: «образовать в г. Черкесске Оргкомитет отделения Союза писателей Карачаево-Черкесской автономной области в следующем составе: Ф. Абдулжалилов (председатель), Х. Гашоков, О. Хубиев» [1: 3]. 19 декабря того же 1957 г. постановлением Президиума правления Литературного фонда РСФСР с 1958 г. в областном центре было создано отделение литературного фонда (Литфонд) [1: 6].

2 ноября 1957 г. оргкомитет отделения Союза писателей Карачаево-Черкесской автономной области был преобразован в оргбюро, а 19 февраля 1958 г. на общем собрании писателей автономной области состав бюро расширен до 5 человек. Теперь в него входили Ф. Абдулжалилов, Х. Гашиков, О. Хубиев, В. Михайлов, П. Цеков [2: 3]. На первом заседании бюро в феврале 1958 г. ответственным секретарем Карачаево-Черкесского отделения Союза писателей был избран Хусин Ханахович Гашиков [2: 1].

24 мая 1958 г. состоялось второе собрание писателей Карачаево-Черкесии. На нем с докладом о Первом съезде писателей РСФСР выступил Уполномоченный оргкомитета Союза писателей РСФСР, известный литератор С.П. Бабаевский. Затем с вопросом об очередных задачах писателей области в связи с подготовкой к Первому съезду писателей РСФСР слово взял ответственный секретарь областной писательской организации Х.Х. Гашиков. Было вынесено решение направить делегатами на съезд Х. Гашикова, Ф. Абдулжалилова, О. Хубиева. Помимо того, в целях усиления связи с трудящимися массами и пропаганды произведений местных авторов из писателей и литературного актива было создано 15 бригад и намечены встречи с жителями 15 населенных пунктов области [2: 4–5].

За 1959 г. было проведено 4 общих собрания и одно совещание писателей. Первой в этом ряду явилась январская встреча, на которой освещались итоги Первого учредительного съезда писателей РСФСР и задачи писательской организации. В резолюции было отмечено: «Считать первой обязанностью каждого писателя:

1. Вести настойчивую борьбу за повышение мастерства, за чистоту и многокрасочность языка, быть взыскательным к себе и к творчеству своих товарищей, создавать произведения, достойные высоких духовных запросов нашего народа.

2. Укреплять писательские ряды – внимательно, по-горьковски растить и воспитывать литературную молодежь. Шире развивать критику и самокритику в писательском коллективе. <...>

4. Усилить руководство литературными секциями при редакциях областных газет. <...>

6. Обязать бюро отделения Союза писателей организовать творческие выезды писателей в колхозы, совхозы, на крупные промышленные стройки; проводить систематические встречи писателей с читателями. <...>

8. Обязать бюро отделения установить живую связь с научными работниками научно-исследовательского института, с творческими работниками областного драматического театра, с преподавателями русского языка и литературы высших учебных заведений и школ города.

9. Обязать ответственного секретаря отделения Союза писателей т. Гашикова и членов бюро наладить тесную связь с облкнигоиздательством,

активнее вмешиваться в вопросы планирования издания произведений местных авторов, при этом обращать особое внимание на начинающих авторов» [4: 93–95].

В сущности, данная резолюция являла собой развернутый план действия региональной писательской организации.

В конце года (14 декабря) прошло еще одно заседание, на котором обсуждалось постановление III пленума Правления Союза писателей РСФСР «Об усилении общественных форм работы в писательских организациях и перестройке аппаратов Союза писателей РСФСР». Собрание одобрило и приняло к руководству вышеозначенное постановление и сочло главной задачей областного отделения Союза писателей «всемерную активизацию писателей и литературного актива во всех вопросах организационно-творческой работы: улучшения работы всех секций, организации совместного обсуждения рукописей, участия в обсуждении планов издательства по выпуску художественной литературы» [6: 4–5]. Также в целях широкого привлечения авторов и литературного актива к общественной форме работы было решено создать при областном отделении Союза писателей секции по литературным жанрам (проза, поэзия, драматургия, критика). В каждую из них входило от 8 до 10 творческих работников, а председателями были избраны Х.Д. Жиров (проза), Х.Б. Байрамукова (поэзия), Х.А. Карданов (драматургия), Л.А. Бекизова (критика) [6: 5–6].

Формы писательских форумов не ограничивались только собраниями и совещаниями. Так, например, в июне 1961 г. состоялся двухдневный семинар с начинающими абазинскими авторами, в июне 1966 г. – тоже двухдневный семинар молодых литераторов области, в декабре того же года – творческая конференция писателей, в марте 1968 г. – слет творческой молодежи Карачаево-Черкесии.

Как видим, писательская организация уделяла большое внимание подрастающему поколению литераторов. В этой связи подробнее рассмотрим семинар 1966 г., проходивший в здании областного драматического театра 24–25 июня. Примечательно, что он открывался речью секретаря обкома КПСС, затем с часовым докладом «Творчество молодых литераторов области» выступила ответственный секретарь Карачаево-Черкесского отделения Союза писателей Х.Б. Байрамукова, после чего слово было предоставлено председателю правления Союза писателей РСФСР Л.С. Соболеву, ответственному секретарю Ставропольского отделения Союза писателей К.Г. Черному, известному северокавказскому критику Н.В. Капиевой, молодым писателям и литературоведам Карачаево-Черкесии. Первый день завершился большим поэтическим вечером с участием гостей и молодых региональных авторов.

На следующий день работа продолжилась по секциям: с утра под руководством известного калмыцкого поэта Д. Кугультинова прошел семинар

на русском языке, а после обеда – на абазинском, карачаевском, ногайском, черкесском языках. Обсуждались произведения К. Кумратовой, М. Керимова, В. Абитова, Х. Братова, Ц. Коховой, А. Шаова, И. Богатырева, А. Семёнова, Н. Хубиева, М. Батчаева, А. Суюнчева, Д. Лагучева, М. Дагужиева и др. Итогом двухдневного грандиозного литературного мероприятия явилось то, что в члены Союза писателей были рекомендованы В. Абитов, Х. Джаубаев, Д. Лагучев [10: 1–44].

Остановимся и на творческой конференции писателей, посвященной 50-летию установления советской власти и 45-летию Карачаево-Черкесской автономии.

Пленарное заседание вступительным словом открыла ответственный секретарь областной писательской организации Х.Б. Байрамукова, вслед за ней прозвучал основной литературоведческий доклад А.И. Караевой «Историко-революционная тема в произведениях писателей Карачаево-Черкесии». Уже затем выступили второй секретарь областного комитета КПСС У.Е. Темиров («Задачи писателей области в свете решений XXIII съезда КПСС») и председатель областного совета М.А. Боташев («Перспектива развития области в новом пятилетии»).

На секционных заседаниях были заслушаны доклады о состоянии национальных литератур, после чего началась практическая работа с рукописями произведений. Завершилась конференция коллективным просмотром театральной постановки на историко-революционную тему [11: 1].

Обратим внимание еще на одно событие: 25 сентября 1960 г. на организационном заседании бюро Карачаево-Черкесского областного отделения Союза писателей ответственным секретарем был переизбран Х.Х. Гашоков и тогда же утверждены руководители литературных секций: Х.Д. Жиров (абазинской), О.А. Хубиев (карачаевской), Ф.А. Абдулжалилов (ногайской), Р.М. Хахандуков (черкесской) [8: 17]. Так литературные объединения, работавшие при национальных газетах на общественных началах, получили официальный статус в качестве структурных подразделений областного отделения Союза писателей.

Постепенно устанавливалось правило: прежде, чем подавать книгу в издательство, рукопись должна была пройти обсуждение в литературной секции, автору указаны просчеты и недоработки, после устранения которых произведение могло быть рекомендовано в печать. И тогда рукопись попадала в издательство вместе с краткой аннотацией и заключением редактора. Но это требование выдерживалось не всегда, время от времени появлялись книги, не прошедшие какой-либо экспертизы, и такие факты становились предметом дискуссий как на заседаниях секций (Х.Д. Жиров: «Братов выпустил книгу, которую никто не видел» [9: 17]), так и на общих собраниях писателей и литературного актива (Л.А. Бекизова: «В сборник должны поступать

произведения, обсужденные в Союзе писателей. Что делают сейчас авторы? Они несут пьесу или повесть, обходя Союз писателей, в издательство. Я даю слово, что там никаких литературных достоинств не имеется» [5: 92]).

Отсутствие журналов и альманахов компенсировалось ежегодными выпусками коллективных сборников национальных авторов, которые часто запаздывали с выходом, залеживались в издательстве. Этот факт признавался и директором областного издательства М.О. Акбаевым. В июне 1959 г. он говорил: «Сейчас выходят в свет книги, которые были набраны еще в 1955–56 годах. Мы сейчас думаем выпустить все эти книги. <...> Если мы освободимся, это будет очень хорошо. Тогда мы будем заниматься выпуском той литературы, которая поступает в этом году» [5: 98].

Ситуация с задержкой объяснялась отсутствием соответствующих полиграфических мощностей, нехваткой квалифицированных корректоров и редакторов [7: 32]. Положение усугублялось и тем, что продукция выпускалась на пяти языках: абазинском, карачаевском, ногайском, русском, черкесском. Из региональных издательств только Дагестанское превосходило Карачаево-Черкесское по количеству национальных языков, на которых выходили книги. Там их число достигало девяти [7: 28].

Помимо того, половину всей продукции областного издательства составляла учебная литература для нужд школ [4: 69]. Эта тема развивалась директором издательства на октябрьском собрании 1959 г.: «В прошлом году мы издали 330 печатных листов одних учебников. В этом году нужно издавать атеистическую литературу, научную, сельскохозяйственную. Мы эту литературу тоже не имеем, и мы сейчас значительно дали, не меньше, чем на художественную отвели» [7: 34]. На другом собрании тема дополнялась еще одним штрихом: «Вот сейчас подготовка к выборам. Нужно выпустить 16 брошюр, и вся работа останавливается. Вот почему лежит работа, почему из года в год переходит работа» [4: 69]. То есть издание учебной, политической, атеистической, научной, сельскохозяйственной литературы прерывало и откладывало на потом выпуск художественных книг.

Выступления М.О. Акбаева на писательских собраниях приоткрывают деталь, касающуюся становления литературных жанров. Отмечая, что в предыдущие годы «80–90 % издаваемого материала» составляли стихотворные произведения, он продолжал: «Если бы издательство продолжало также выпускать стихи, мы еще 10 лет не перешли бы на прозу. По указанию обкома партии мы стали ограничивать стихи и переходить на прозу, которой у нас не было. <...> Поэта Хубиева мы буквально заставили переходить на прозу. Вот сейчас выходит его книга “Аманат”. Байрамукову заставили переходить на это. Гашоков заканчивает повесть “Отец и сын”...» [7: 29].

О необходимости развития эпических жанров неоднократно говорилось с трибун региональных писательских форумов, и появление повестей

и романов в национальных литературах представлялось следствием естественного роста и прогрессирования. Историки литературы вряд ли могли предположить, что в этом деле непосредственную роль также сыграли диктат и прямое воздействие на литературную ситуацию со стороны партийных органов.

Начиная с середины 1958 г., областная писательская организация стала работать по предварительно разработанному и утвержденному на бюро плану. В качестве иллюстрации, воспроизводящей литературную жизнь эпохи, приведем несколько пунктов из июньского плана 1958 г.:

- 5 июня – обсуждение книги стихов С. Капаева «Степь проснулась» (ответственный Ф. Абдулжалилов);

- 10–20 июня – выступления писателей и поэтов по радио (ответственный О. Хубиев);

- 11 июня – обсуждение повести Х. Жирова «На перекрестке дорог» (ответственный Б. Тхайцухов);

- 14 июня – встреча писателей с трудящимися Адыге-Хабльского районного центра (Дом культуры, ответственный Х. Гашоков);

- 15 июня – встреча с читателями аулов Эльбурган и Инжич-Чукун Хабезского района (ответственный К. Джегутанов);

- 21 июня – обсуждение книги для детей «На кошаре» М. Ахметова (ответственный А. Ханфенов);

- 22 июня – читательская конференция по книге И. Аتماкина «Горячие сердца» в областной библиотеке (ответственный Ф. Абдулжалилов);

- 27 июня – встреча писателей со студентами пединститута г. Карачаевска (ответственный О. Хубиев);

- 30 июня – встреча с читателями завода «Молот» и шахт «Ставропольуголь» (ответственный В. Михайлов) [3: 1–2].

Работа бюро областной писательской организации обрела вполне конкретные очертания. Впоследствии была введена практика отчетов работы национальных литературных секций и творческих лиц на бюро областного отделения Союза писателей. Так, например, 27 октября 1969 г. на повестке дня стояли два вопроса: «Творческий отчет писателя Ф. Абдулжалилова» и «Отчет о работе абазинской секции» [12: 40]. 2 ноября того же года обсуждались сходные вопросы: «Отчет о работе ногайской секции писательской организации области», «Творческий отчет абазинского писателя К. Джегутанова» [12: 46].

Таким образом, в конце 1950-х – на протяжении 1960-х гг. были решены основные организационные вопросы: официально оформлено создание Карачаево-Черкесского отделения Союза писателей РСФСР, открыт Литературный фонд, избраны бюро и ответственный секретарь, определены структурные подразделения в виде национальных литературных секций,

установлены правила взаимодействия писательской организации с книжным издательством, порядок обсуждения рукописей, их представление в издательство, разработан план работы, вследствие чего деятельность областной писательской организации приняла планомерный характер.

Источники и литература

1. Государственный архив Карачаево-Черкесской Республики (далее – ГА КЧР). Ф. Р-362. Оп. 1. Д. 1.
2. ГА КЧР. Ф. Р-362. Оп. 1. Д. 3.
3. ГА КЧР. Ф. Р-362. Оп. 1. Д. 9.
4. ГА КЧР. Ф. Р-362. Оп. 1. Д. 17.
5. ГА КЧР. Ф. Р-362. Оп. 1. Д. 18.
6. ГА КЧР. Ф. Р-362. Оп. 1. Д. 19.
7. ГА КЧР. Ф. Р-362. Оп. 1. Д. 24.
8. ГА КЧР. Ф. Р-362. Оп. 1. Д. 32.
9. ГА КЧР. Ф. Р-362. Оп. 1. Д. 90.
10. ГА КЧР. Ф. Р-362. Оп. 1. Д. 104.
11. ГА КЧР. Ф. Р-362. Оп. 1. Д. 106.
12. ГА КЧР. Ф. Р-362. Оп. 1. Д. 133.

А.Л. Студеникин

ЛИЦА СОВЕТСКОЙ ЭПОХИ: ПОРТРЕТ СЛУЖАЩИХ АБХАЗСКОГО БАНКА

Разгромив гитлеровскую Германию и создав ядерный паритет с США, СССР на несколько десятилетий стал мировой альтернативой капиталистическому способу развития, демонстрируя социалистический способ хозяйствования, в рамках которого банковская деятельность занимала свое важное место. Продолжая линию на индустриализацию, заложенную упорным трудом в годы трех предшествующих пятилетних планов развития народного хозяйства, СССР стал активным участником развернувшейся во всем мире научно-технической революции. Новый технологический виток подразумевал дальнейшее развитие советской банковской системы, важной вехой в котором можно считать постановление Совета Министров СССР и Центрального Комитета КПСС от 21 августа 1954 г. «О роли и задачах Государственного Банка СССР».

Совершив советское «экономическое чудо» и восстановив за 15 лет обескровленную страну, СССР стал выглядеть привлекательным и вызывающим

уважение у многих народов. Советские специалисты различных областей народного хозяйства оказались востребованы не только в своей стране, но и за рубежом, в том числе и специалисты банковской сферы. Об одном из них, более полувека проработавшем в банковской системе Абхазии, наше дальнейшее повествование.

Борис Анатольевич Жиров, наш современник, сумел сохранить документы. Благодаря тому, что он, несмотря на почтенный возраст, обладает прекрасной памятью, мы можем узнать, как складывалась трудовая деятельность человека эпохи. О своем жизненном пути Б.А. Жиров рассказал нам 8 октября 2020 г.

Родился Борис Жиров 15 июня 1933 г. в Центральной России – Вятской земле, в глухой деревеньке Изинур, в русской крестьянской небогатой семье. Его отец, помимо ведения хозяйства, владел еще и портняжным ремеслом, которому научил сына. Но Борису не суждено было пройти проторенным крестьянским путем.

Необходимо отметить, что «социальные лифты» в СССР обладали большой вертикальной и горизонтальной мобильностью. Например, из 45 человек, входивших в состав правительства – Совета Министров СССР в 1970-е – начале 1980-х гг., только один человек родился в обеспеченной семье инженера, остальные были выходцами из семей рабочих, крестьян и мелких служащих [4]. Перед молодыми людьми, стоявшими на пороге своего жизненного пути, государство открывало большие перспективы.

Трудовую деятельность Б.А. Жиров начал в 17 лет, в 1950 г. в качестве ученика счетовода Санчурского отделения Госбанка Кировской области. Вятское отделение Государственного банка Российской империи было открыто еще в 1865 г. В декабре 1934 г., в связи с образованием Кировского края, Вятское отделение Госбанка СССР было реорганизовано в Кировскую краевую, а с 1937 г. – в Кировскую областную контору Госбанка СССР.

Госбанк СССР располагал обширной сетью отделений по стране. На 1 января 1964 г. их насчитывалось около 3 300. Одним из таких и было Санчурское отделение Госбанка Кировской области.

В 1952 г. Б.А. Жиров был переведен на должность инспектора Санчурского пункта Сельхозбанка, а в августе 1953 г. уволился в связи с поступлением на учебу в Кировский авиационный техникум. Оттуда он в 1953 г. был призван в Советскую армию. Демобилизован в сентябре 1956 г. С октября 1956 г. по июнь 1959 г. Б.А. Жиров работал инспектором Санчурского пункта Сельхозбанка, а с июня 1959 г. по июнь 1962 г. трудился в Санчурском отделении Госбанка сначала в должности кредитного инспектора, а затем руководителя кредитной группы.

В июле 1962 г. он вместе с семьей переехал на жительство в г. Сухум, и в этом же месяце начал работать в Абхазской республиканской конторе

Госбанка, сначала в должности кредитного инспектора отдела финансирования и кредитования сельского хозяйства, затем экономистом, а потом начальником этого отдела.

Когда Борис Жиров пришел в отдел финансирования и кредитования сельского хозяйства, то значительную часть клиентуры банковских структур в районах составляли индивидуальные заемщики. Именно в 1966 г. вместо сдельной оплаты труда была введена ежемесячная зарплата колхозникам. И как результат – большое количество просроченных банковских ссуд. В итоге Москва решила вопрос: банки стали работать не с индивидуальными заемщиками, а с колхозами, выделяя им кредиты как предприятию.

В качестве начальника отдела Б.А. Жиров выезжал в районы республики для проверки ситуации с займами и их возвращением. Однажды в результате такой инспекционной поездки обнаружились следующие обстоятельства. Председателем колхоза из районного отделения банка был получен долгосрочный кредит на выплату заработной платы. По этим же документам он получил еще одну ссуду, которую не возвращал. Районное отделение банка допустило нецелевое расходование средств и еще массу нарушений. О результатах проверки Б.А. Жирова управляющий Абхазской конторы Госбанка СССР доложил в Совет Министров Абхазской АССР. В результате с должностей были сняты и заведующий районным отделением банка, и председатель колхоза. Помимо подобных случаев, Абхазская контора Госбанка СССР ежеквартально информировала правительство республики о состоянии дел в этой сфере экономики.

Б.А. Жиров поступил и в 1964 г. закончил Казанский финансово-экономический институт по специальности «экономика промышленности», получив квалификацию экономиста. Госбанк СССР был заинтересован в росте своих сотрудников, поощряя повышение их профессионального уровня. Для этой цели за ним были закреплено определенное количество мест в аспирантуре. В 1975 г., без отрыва от работы, Б.А. Жиров поступил в аспирантуру Московского финансового института (ныне Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации) и защитил диссертацию с присвоением ученой степени кандидата экономических наук.

В 1966–1968 гг. избирался председателем местного комитета профсоюзной организации банковских служащих (позднее, в 1971–1979 гг., – секретарем первичной партийной организации Абхазской республиканской конторы Госбанка).

За 24 года Б.А. Жиров прошел путь от ученика счетовода до заместителя управляющего республиканского отделения Госбанка СССР, на должность которого был переведен в мае 1974 г. И это без «связей», «звонков» и прочих элементов протекции. Может быть, помогла партийная составляющая? Но членом КПСС Б.А. Жиров стал только в феврале 1970 г.

Еще одним подтверждением того, что СССР не только воспитывал таланты, но и эффективно их использовал, является следующая веха в биографии Б.А. Жирова. К 46 годам он был уже профессионалом банковского дела, обладал ученой степенью кандидата экономических наук и, что было важно, был членом КПСС, 8 лет активно участвуя в партийной работе. То есть был проверенным и надежным человеком для Советского государства. И 12 октября 1978 г. на имя управляющего Абхазской конторы Госбанка СССР П.И. Чхеидзе за подписью заместителя председателя правления Госбанка СССР Г.А. Трифонова пришел документ, в котором говорилось, что правление Госбанка СССР рассматривает кандидатуру заместителя управляющего Абхазской конторы Госбанка Б.А. Жирова для отправки его в 1979 г. на Кубу в качестве консультанта при Национальном банке в области кредитования сельского хозяйства.

К этому времени служащих уже не «перебрасывали» на нужное государству место, как в 1930–1940-е гг., а «посылали» или «направляли», при этом заручившись их согласием. Так, в 1979 г. Б.А. Жиров отправился оказывать содействие в организации банковского дела ставшей на путь строительства социализма республике в Карибском бассейне.

Надо отметить, что после революции 1959 г. на Кубе работали тысячи советских специалистов из самых разных областей народного хозяйства [3]. Началось и реформирование банковской системы. В 1960–1961 гг. правительством Фиделя Кастро была произведена национализация банков, в результате которой был создан единый государственный Национальный банк (*Banco Nacional de Cuba*). Учитывая расстояние и масштаб работ, советские специалисты отправлялись на Кубу на несколько месяцев, а то и на годы, и им разрешалось брать с собой семью. Супруга Б.А. Жирова отправилась вместе с мужем. С мая 1979 по май 1983 г. он находился в служебной командировке вначале в г. Санта-Клара, знаменитом тем, что в нем в 1958 г. команданте Че Гевара выиграл решающую для Кубинской революции битву, а потом и в столице республики – Гаване.

Обычно кубинская сторона направляла заявку в СССР с просьбой предоставить определенное количество специалистов в той или иной необходимой сфере. Национальный Банк Кубы запросил для экономической и финансовой отрасли советского специалиста для оказания консультаций сроком на 12 месяцев. По соглашению между сторонами срок работы мог быть продлен. В заявке определялось место работы иностранного специалиста и количество местных служащих, которые должны были с ним работать. Там же обозначался план работы специалиста, в котором определялось направление его деятельности. В случае с Жировым это было оказание содействия в области кредитования сельского хозяйства: государственного, кооперативного и частного секторов. По словам Б.А. Жирова, кубинцы очень

хотели учиться, быстро впитывая получаемые знания. Однако плодотворной работе мешал языковой барьер, а местному переводчику не хватало знаний профессиональных терминов, и Б.А. Жиров пошел на курсы испанского языка, получив через год документ об их окончании. Взаимодействовали кубинцы, помимо СССР, со специалистами из других стран Варшавского договора, в частности, с немцами из ГДР. Не прерывали контактов и с натовской Испанией.

Разместили группу советских банковских служащих на побережье, на месте бывшего элитного курорта, и проверить, как они устроились, приезжал сам глава государства Фидель Кастро.

Б.А. Жиров так плодотворно поработал на Кубе, что через четыре года по завершении его командировки (в ноябре 1987 г.) заместитель председателя правления Государственного Банка СССР Ю.А. Хомацкий обратился по его поводу к управляющему Грузинской республиканской конторы Госбанка СССР В.А. Патеишвили. В письме содержалась просьба направить на него и жену выездное дело в связи с решением правления Госбанка СССР о включении Б.А. Жирова в резерв для последующего возможного командирования за рубеж в качестве советника-консультанта в Республику Кубу или другие развивающиеся страны.

Но вновь трудиться на Острове свободы Б.А. Жирову уже не пришлось. Вернувшись с Кубы, он вернулся на должность заместителя управляющего Абхазской конторы Госбанка СССР, а в 1984 г. стал председателем областного правления научно-экономического общества в Абхазской АССР. В 1986 г. начал преподавать в Абхазском государственном университете курсы «Финансы СССР» и «Денежное обращение и кредит СССР». С 1998 по 2004 г. Б.А. Жиров был председателем Национального банка Республики Абхазия.

Долгая трудовая деятельность еще одного человека, несколько десятилетий посвятившего финансово-кредитной сфере нашей страны, тоже была связана с абхазским банком. Речь идет о Лили Дугужовне Бганба, чьи ценные воспоминания, записанные нами 22 марта 2021 г., позволяют понять, как работала Абхазская контора Госбанка СССР в период 1960–1980-х гг., узнать о его структуре и людях, осуществлявших в ней свою трудовую деятельность.

Л.Д. Бганба родилась 10 мая 1937 г. в с. Бзыбь Гагрского района Абхазской АССР в крестьянской семье. По национальности абхазка. После окончания Отхарской средней школы в Гудаутском районе в 1958 г. поступила в Саратовский экономический институт (ныне – Социально-экономический институт Саратовского государственного технического университета имени Ю.А. Гагарина) на учетно-экономический факультет.

Изначально Л.Д. Бганба не планировала связывать свою жизнь с банковским делом, однако, по просьбе Госбанка СССР, ощущавшего нехватку

кадров, начиная с четвертого курса студенты указанного факультета были ориентированы на это перспективное направление хозяйственной деятельности. Перед выпускниками советских ВУЗов не стоял вопрос трудоустройства – Государственный плановый комитет Совета Министров СССР (Госплан СССР), разрабатывавший и реализовывавший долгосрочные программы размещения производительных сил и трудовых ресурсов, занимался и дальнейшим распределением молодых специалистов [2]. В то время, окончив ВУЗ, молодой человек должен был в тот же год устроиться на работу.

По окончании института в 1962 г. Л.Д. Бганба была направлена в Абхазию и в том же году, 3 августа, ее приняли на работу в Абхазскую контору Госбанка СССР, в Сухумское городское управление. Оно состояло из бухгалтерии и кредитного отдела, который подчинялся заместителю управляющего Абхазской конторы Шоте Элизбаровичу Джалагонии. Главным бухгалтером была Мария Петровна Алутина, ее заместителями – Валентина Евстафьевна Фролова и Этери Арахамия. Бухгалтером республиканской конторы была и Лидия Николаевна Грабовская. М.П. Алутина и В.Е. Фролова были местными жительницами.

Свою трудовую деятельность в банке Л.Д. Бганба начала операционистом, которых на момент ее прихода на эту работу насчитывалось 14 человек. Операционист Абоян в течении месяца обучала ее основам этой профессии. После этого Л.Д. Бганба поручили работу с автотранспортом и бытовое обслуживание. По ее словам, в банке все считалось вручную, даже мелочь, никакой автоматике не было. Однако были арифмометры – настольные механические вычислительные машины «Феликс», названные так в честь Феликса Дзержинского, но, в том числе и по причине издаваемого ими сильного шума, работники предпочитали использовать простое механическое устройство – счеты. Работать было непросто из-за большого количества коллег и клиентов в ограниченном пространстве служебного помещения, но самую большую сложность представляло понимание законности проводимых операций. Ответственности добавлял специальный банковский контроль, так называемый «последконтроль». Л.Д. Бганба отмечает, что их руководитель, к тому времени уже пожилой человек, Ш.Э. Джалагония, будучи заместителем управляющего банка, не уходил с работы пока не заканчивал свою деятельность последний кассир.

Городское управление, помимо Сухума, обслуживало также Сухумский и Гульрипшский районы, т.к. там не были открыты банковские структуры. Это еще более увеличивало количество клиентов, объем работ операционистов. Взаимодействие с клиентами осуществлялось с 10.00 до 13.00.

На профсоюзы руководством СССР была возложена задача организации отдыха и оздоровления трудящихся. С этим связано появление одной из колоритных советских традиций – производственной гимнастики, которую ввели

на советских предприятиях в 1956 г. постановлением Президиума Всесоюзного центрального совета профессиональных союзов «Об организации производственной гимнастики на предприятиях и учреждениях» [1]. Несложные физические упражнения прямо на рабочем месте длились около 10 мин. Сотрудники Абхазской конторы Госбанка СССР вставали на зарядку в 12.00.

В 1964 г. Л.Д. Бганба стала заместителем начальника городского управления Абхазской конторы Госбанка СССР, в которой в то время работало 13 кассиров. Главный кассир отвечал за работу своих коллег и за кладовые банка. В отделе инкассации трудилось 10 человек, в основном русские – бывшие военнослужащие Вооруженных сил. В этом отделе, в бытность его подчинения Л.Д. Бганба, когда она являлась начальником городского управления, начинал свою трудовую деятельность инкассатором Сергей Васильевич Багапш – будущий второй Президент Абхазии.

Продолжая тему знаменитых людей, так или иначе соприкасавшихся с банковской системой Абхазии, отметим, что в отделе денежного обращения Абхазской конторы Госбанка СССР какое-то время работала Лариса Васильевна Кириенко – мать С.В. Кириенко – Первого заместителя Руководителя Администрации Президента РФ, члена Государственного Совета РФ.

Всего в банке насчитывалось 150 сотрудников. Что касается национального состава работников этого учреждения, то подавляющее большинство из них в те времена были грузинами, в основном выпускниками Тбилисского и Кутаисского институтов, главными бухгалтерами были русские. Так, главным бухгалтером Абхазской конторы Госбанка СССР была Алла Константиновна Рябова. В Абхазской конторе Госбанка СССР в то время работали пятеро абхазок: Миля Зантария – в городском управлении, Цици Шармат – в республиканской конторе бухгалтером, Мзия Бжания – инспектором отдела кадров также республиканской конторы, сама Лили Дугужовна и Светлана Багратовна Шамба, кредитный работник, окончившая Московский институт народного хозяйства им. Г.В. Плеханова, пришедшая в Абхазскую контору Госбанка СССР в 1963 г.

Находясь в подчинении Грузинской конторы Госбанка СССР, Абхазская контора выделяла денежные средства по ее распоряжению и Зугдидскому району, а также городу Кутаиси Грузинской ССР. В зимний период, когда сокращалась значительная статья доходов Абхазской АССР от туризма, Абхазская контора Госбанка СССР финансово поддерживала «не туристические» Гальский и Гудаутский районы республики.

Необходимый запас денежных средств присылался по линии Госбанка СССР. Ежедневно, каждое утро в Москву отправлялось сообщение о положении с наличностью в Абхазской конторе, и если возникал вопрос нехватки, особенно для выдачи заработной платы, то Госбанк СССР давал разрешение на выделение необходимых сумм из Резервного фонда Абхазской конторы.

Ситуации с задолженностями по заработной плате были невозможны в принципе.

Активно финансировала Абхазская контора Госбанка СССР сельское хозяйство республики. По словам Л.Д. Бганба, Москва не жалела денег на эту важную стратегическую отрасль экономики. Учитывая, что сельское хозяйство – это сфера, где инвестиции не могут дать скорой прибыли, Советом Министров СССР было дано распоряжение списывать долги колхозов и совхозов по кредитам и ссудам Госбанка СССР. Таким образом, по сути, кредитование сельского хозяйства со стороны государства стало формой бюджетных ассигнований.

Деятельность Абхазской конторы Госбанка СССР достаточно жестко регламентировалась и контролировалась как по линии вышестоящей Грузинской конторы Госбанка СССР, так и со стороны Госбанка СССР. Раз в год из Грузии приезжала специальная бригада ревизоров в количестве пяти человек, Госбанк СССР осуществлял свои проверки примерно раз в два года. Но если поступал соответствующий «сигнал», проверка могла состояться в любой момент. По словам Л.Д. Бганба, достаточно тесная партийная опека не мешала текущей работе учреждения. Однако в результате выявленных нарушений последствия для работников банка могли быть серьезными. Так, в ходе конфликта между главой банка и начальником отдела денежного обращения, решением обкома партии в 1968 г. управляющий Абхазской конторы Госбанка СССР Г.П. Дидия и его заместитель Ш.Э. Джалагония были освобождены от занимаемых должностей. Новым управляющим Абхазской конторы Госбанка СССР был назначен Павел Иосифович Чхеидзе. Его заместителем и начальником городского управления банка стала Л.Д. Бганба. Она трудилась в качестве заместителя управляющего два года, а 13 ноября 1972 г., по распоряжению руководящих органов республики, была переведена на должность Министра торговли Абхазской АССР, где проработала до 8 мая 1992 г.

В 1979 г. Л.Д. Бганба поступила в Академию общественных наук при ЦК КПСС в г. Москве и в 1982 г. окончила полный курс, получив высшее партийно-политическое образование. С февраля 1952 г. и по июнь 1966 г. была членом ВЛКСМ, с сентября 1968 г. – членом КПСС, с 1973 по 1991 г. – членом Абхазского обкома Коммунистической партии Грузии, членом Президиума Совета Министров Абхазской АССР с 1975 по 1992 гг. Избиралась депутатом Верховного Совета Абхазской АССР девятого, десятого и одиннадцатого созывов. На общественных началах являлась председателем Абхазского отделения общества советско-польской дружбы (1987–1990 гг.).

С 21 декабря 1993 г. по 24 февраля 2005 г. Л.Д. Бганба работала Министром финансов Республики Абхазия. С 2008 по 2021 г. – преподавателем Абхазского государственного университета на кафедре «Финансы и кредит». Ушла из жизни 31 марта 2023 г.

Список литературы

1. Багомедова Л.М., Двойникова Е.С. История физической культуры и спорта в СССР // Наука в современных условиях: от идеи до внедрения: материалы Национальной научно-практической конференции с международным участием, посвященной 80-летию Ульяновского аграрного университета имени П.А. Столыпина (г. Ульяновск, 15 декабря 2022 г.). Ульяновск, 2022. С. 2885–2890.
2. Госплан СССР // Большая российская энциклопедия. URL: <https://bigenc.ru/c/gosplan-sssr-ae1b50> (дата обращения: 30.05.2025).
3. Кара-Мурза С.Г. Советский человек на Кубе // Наш современник. 2002. № 9. URL: <https://litresp.ru/chitat/ru/H/nash-sovremennik-zhurnal/zhurnal-nash-sovremennik-9-2002/7?ysclid=mews68jif054305545> (дата обращения: 12.06.2025)
4. Шишкин В.И., Савин А.И. Социальная мобильность в России в эпоху войн, революций и радикальных трансформаций первой половины XX в.: основные направления и результаты изучения // Гуманитарные науки в Сибири. 2014. № 4. С. 89–93.

М.Х. Хаджиева

ДЕТСКАЯ ОДЕЖДА КАК ОТРАЖЕНИЕ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ СТРАНЫ В ПЕРИОД «ОТТЕПЕЛИ»

Данная статья посвящена одежде карачаевских детей в период стабилизации общественно-политической и социально-экономической ситуации в СССР. В статье мы рассмотрели влияние «оттепели» на внешний вид детей.

Период хрущевской «оттепели» характеризуется попытками улучшить снабжение советских граждан различными товарами народного потребления, и в том числе детской одеждой. Благодаря государственным социальным и экономическим реформам, а также развитию международных культурных связей положительные изменения стали происходить практически во всех сферах жизни советского общества. Следует подчеркнуть, что советская одежда была ориентирована на среднестатистического покупателя, в основе моделирования все еще использовались устаревшие упрощенные характеристики. Вследствие этого одежда на несформировавшейся детской фигурке сидела плохо, мамам и бабушкам приходилось подгонять всю купленные вещи. Технологическое отставание отражалось на качестве готовых изделий. В исследуемый период старались брать добротные изделия, ценилась практичность и долговечность вещи, которую можно было впоследствии передать детям родственников и соседям.

Детей до шести месяцев одевали в хлопчатобумажные чепчики, распашонки, пеленки. Зимой использовали стеганные перьевые и шерстяные одеяла *джуурганла*. Весной закутывали малышей в хлопковые покрывала *дым джабуула*, а также полушерстяные и шерстяные, тканевые и пикейные одеяла *джабуула*. Изредка для маленьких граждан в продажу выпускали стеганные фабричные конверты, сшитые из немарких тканей.

Родители по всей стране заказывали в ателье на свой вкус детскую одежду и постельные принадлежности. Так, в маленьком живописном городе Карачаевске в крохотном ателье по ул. Мира для детей шили из качественных и натуральных тканей (фланель ситец, байка) пеленки, распашонки и шапочки, ползунки с тесемками, завязывающимися на плечиках. В этом ателье также изготавливали постельные принадлежности *сабий керек* для обряда положения ребенка в люльку *бешик*. Матрасик и подушку шили из нарядной ткани и набивали шерстью, стеганое покрывало выполнялось в той же цветовой гамме, белоснежные простынки украшали вышивкой, а подушечку для ножек – вышитым карачаево-балкарским обережным символом в виде клевера. Отметим, что обряд укладывания в колыбель ребенка *бешикге салуу*, исключительно женский. На мероприятии присутствовали родственницы со стороны отца и матери ребенка, а также соседки. Гости приходили с подарками: одежда, обувь, отрезы ткани, ювелирные изделия, полотенца и покрывала.

В начале «оттепели» товарный дефицит всё еще существовал, ассортимент детской одежды был скуден. Карачаевские женщины частично закрывали дефицит посредством изготовления шерстяных изделий. Процесс их изготовления достаточно утомительный и долгий. Шкурку овцы разрезали на полосы, стирали и промывали в проточной воде. Шерсть следовало перебрать и еще раз вымыть, затем специальными расческами *таракъ* расчесать. Далее шерсть на ручной прялке превращали в нитки, и лишь затем начинался процесс создания из шерстяной нитки теплых и красивых изделий, таких как безрукавки, кофточки на пуговичках, свитера с вышитым узором, носки, гамаши, варежки, шарфики и шапочки, хорошо прикрывающие ушки, а также изящные, как кружево, пуховые платки. Карачаевские женщины сами окрашивали шерстяную нитку в разные цвета и вязали полезные для здоровья детей костюмчики серого и бежевого цвета с вкраплением орнамента лилового, белого и голубого оттенка. Весь процесс проходил дома, мамы и бабушки старались украсить костюм или платье пуговичками, брошками, бусинами, бисером, вышивкой и нашивной аппликацией. Связанные своими руками изделия карачаевские женщины продавали, а также меняли на добротные и красивые вещи. Несмотря на вышесказанное, кроме вязанных в домашних условиях вещей детям была нужна удобная, практичная и качественная одежда, сшитая из приятной на ощупь ткани. Полки

магазинов были заполнены, но реально выбрать из представленного ассортимента на свой вкус – сложно. По воспоминаниям информанта, ей приходилось изредка покупать «с рук», в основном в магазине. По правде говоря, «ассортимент аховый, выбирай, что в наличии». К тому же часто детскую одежду изготавливали из ткани, оставшейся после пошива взрослой одежды, вследствие этого расцветки были совсем не детские и не пользовались спросом. Для маленьких детей в большей степени имели значение гипоаллергенность и натуральность одежды [4; 7]. Следует отметить, что «все виды одежды для детей должны отвечать целому комплексу современных требований утилитарно-практического, гигиенического и художественного порядка» [1].

Фабрики беспрерывно шили для девочек ситцевые и байковые халатики, шерстяные и ситцевые платица, штапельные и шерстяные штаны-шаровары, кофты на пуговицах, пальто, все «ноское» и «немаркое». Мальчикам покупали штаны на бретельках, низ брючины на резинке, шорты и майки, зимой – утепленные пальто, свитера, тепляки, вязанные варежки, носки и гамаши. Все опрошенные информанты отметили, что ассортимент достаточно качественных тканей для пошива мальчиковых сорочек, платьев и брюк был ограничен, к тому же часто после стирки изделия выцветали и садились: «Но все равно приходилось покупать, выбора не было, детки растут быстро, не угонишься. Как-то старшей дочери купила лиловое с зелеными крупными листьями и нежными темно-фиолетовыми цветами платье из ацетатного шелка. Стирала руками, бережно, но несмотря на все предосторожности подол платья вытянулся» [6].

Что касается верхней одежды, легкая промышленность выпускала приличные шерстяные пальто и полупальто разных цветов. Информанты отмечают: «У моей дочери было бежевое в коричневую клетку, с подкладкой», [6], «Помню купила племяннице пальто, отрезное, юбка по полу, клеш в мелкую клеточку, с отложным воротником, борта воротника закругленные, носила обновку долго и бережно. А вот сыну досталось пальто с капюшоном защитного цвета. Сын стеснялся капюшона, и отказывался носить пальто» [5]. Вот так описывали М. Холдина и А. Кострикова детскую одежду: «...пальто, костюмы, платья, пошитые из материалов для взрослых, выглядят весьма неприглядно. Они тяжелы, рисунок кажется на детской фигурке крупным и грубым, расцветки мрачны» [12: 29]. Мамы и бабушки старались покупать импортные изделия из шерстяной и полушерстяной ткани, которая имела особую способность удерживать тепло, к тому же они достаточно долго сохраняли форму и цвет. Так, об исследуемом периоде информант вспоминает: «Натуральные шубы были в дефиците, но мой папа сумел купить мне белоснежную кроличью шубу и лохматую синтетическую шапочку бордового цвета с завязками на подбородке. А бабушка связала в тон шапки шарф

бордового цвета с бахромой. Когда вышла во двор в обновках, подружки обступили меня со всех сторон, поглаживая и теребя мою шубку» [11].

С начала 1960-х гг. стал заметнее дефицит качественных детских изделий с высокими потребительскими свойствами. Ассортимент товаров не удовлетворял спрос потребителей в течение всего изучаемого периода. На полках магазинов мальчишковые укороченные пиджачки и курточки, брючки, матросские костюмчики, шортики не задерживались. Дошкольницам и школьницам шили хлопковые сарафаны, кофточки и свитера, платья из натуральной и синтетической ткани на кокетке, расширенные к низу, а также актуальные безрукавные модели с расклешенной юбкой. В конце 1950-х гг. «в моду вошли девичьи платья рубашечного покроя (с втачными рукавами или без них), которые полагалось носить с тонким пояском на талии» [1].

Мальчики школьного возраста носили рубашки с шерстяными или полшерстяными пиджаками, белые, голубые и клетчатые рубашки, прямые брюки и плотные вельветовые куртки. Девочки надевали в школу коричневого цвета тонкие шерстяные платья с фартуками. Праздничные фартуки шили из белой хлопчатобумажной, реже шелковой и гипюровой ткани. Манжеты и воротнички кружевные и накрахмаленные хлопчатобумажные с вышивкой «ришелье». На праздники детей старались как можно лучше одеть. Так, на новогодний утренник информант «из своего свадебного платья перешила для дочери наряд принцессы. Образ дополнила короной, изготовленной из картона, обшитого остатками гипюра, и искусственными жемчужинами бабушки» [10].

В исследуемый период детские вещи часто шили из шерстяных тканей с примесью нитроволокна и лавсана. Курточки и брючки из шерсти и вельвета также могли содержать небольшое количество искусственных примесей, которые накапливают электростатические заряды, вредные для организма ребенка. Нельзя сказать, что искусственные добавки в одежде полезны для детей, но использование инновационных тканей увеличивало носкость вещи.

Летние костюмы, платья, блузки к началу 1960-х гг. отшивали из купонной хлопковой, льняной, шелковой и синтетической ткани. Из каждого купона можно было выкроить разные элементы одежды. Появляются цветы и узоры, а также клеточка и полоска. В самом конце 1960-х гг. легкая промышленность стала отшивать достаточно презентабельные платья и сарафаны, блузки и юбки, мальчишковые костюмы и рубашки. В это же время появляются в продаже хлопчатобумажные колготки. Они были неудобными, собирались складками, к тому же после стирки почти всегда линяли. Но для мам колготки стали спасением. А вот девочкам-подросткам колготок не было, только чулки: «С нами по соседству жила женщина по имени Халимат, которую называли *алтын кѳол* – “золотые руки”. Халимат вязала

очень красивые вещи – свитера и жилеты, шапочки – варежки, и тоненькие эластичные гамаши. Ее девочки-близняшки носили в зимнюю стужу гамаши ручной работы» [3]. Все изделия, связанные карачаевскими бабушками и мамами, резко отличались от стандартного фабричного ширпотреба.

Обувь в основном шили кожаную и войлочную на молнии и резиновой подошве, черного, коричневого, бордового и бежевого цветов. Следует отметить качество выпускаемой обуви: ботинки, туфли и сандалии не снашивались, их хранили и передавали младшим детям. Информант поделился своими воспоминаниями: «...родился я в депортации в Средней Азии и Казахстане, первая жена моего отца подарила мне невиданной красоты демисезонные красные кожаные ботиночки. Такую обувь в магазине не купишь, судачили соседки, говорили, что отдала барана за такую красоту. Меня пятилетнего ребенка она часто баловала. Своих детей у женщины и во втором браке не было, и она часто дарила мне одежду и обувь, угощала конфетами всех детей в округе. В этих же ботиночках я вернулся в 1957 г. на историческую Родину» [8].

Далее история советской моды связана с товарами «нефритовой страны», которая постепенно разнообразила и расцветила гардероб не только взрослых, но и детей. Вещи, произведенные в Китае, были гарантированно качественными, функциональными, практичными и гигиеничными. Современные и добротные, качественные и красивые, а также удобные в носке товары пошли потоком. Описывая китайские товары, информант отметила: «...не могла наглядеться на всю эту красоту, аж глаза слепят» [4]. Следующий информант долго нахваливала красоту и качество китайской продукции: «...не было им сносу, свою “не кусачую” шерстяную кофточку носила долго, а после отдала младшей сестре» [9].

Популярными в исследуемый период стали китайские детские пальто расширенного кроя в виде трапеции, куртки, платья, а также трикотажные изделия: вязанные костюмы и платья розового, голубого, мятного, красного и белого цветов. Вязанные костюмы производили с капюшонами и с отложными воротниками. Трикотажные платья и кофточки, рубашки, ночные пижамы различных фактур, оттенков и цветов шили из смесовых и натуральных тканей. Детская одежда китайского производства отличалась качеством и добротностью, а также яркими и сочными цветами. Обилие принтов, вышивок и ярких цветов, перегружавших образ деток, никто не замечал. Как отметила автор С.А. Муртазина, «...в детской одежде цвет зачастую доминирует над покроєм» [2: 209].

Несмотря на политику открытости, детская одежда в основном всё еще оставалась скромной и неброской. Ассортимент вещей для девочек и мальчиков в магазинах не удовлетворял потребительский спрос в течение всего изучаемого периода. Родители в условиях тотального дефицита старались

любыми путями купить, а чаще «достать» импортные вещи. Надо отметить, что в нашей стране к детской одежде предъявляли ряд специфических требований, включая идеально ровные строчки, прочные швы и накрепко пришитые пуговицы. К тому же производимая продукция обязательно должна была соответствовать государственным стандартам качества (ГОСТам). Продукция, выпускаемая для детей, была безопасной и удобной.

Источники и литература

1. Моделирование и художественное оформление детской одежды // Моделирование, построение выкроек и пошив одежды. Как шить красиво. Технология пошива платья. Изготовление игрушек-подушек [сайт]. URL: http://www.piknad.ru/teormod14_1.php (дата обращения: 25.06.2025)
2. Муртазина С.А. Особенности детской одежды и требования к ее изготовлению // Вестник Казанского технологического университета. 2015. №7. С. 208–210.
3. Полевая запись М.Х. Хаджиевой, 2007 г., с. Кумыш Карачаево-Черкесской республики. Информант Х.Т. Богатырева, 1924 г.р.
4. Полевая запись М.Х. Хаджиевой, 2008 г., г. Черкесск Карачаево-Черкесской республики. Информант Л.А. Ижаева, 1954 г.р.
5. Полевая запись М.Х. Хаджиевой, 2008 г., с. Кумыш Карачаево-Черкесской республики. Информант А.А. Эбзеева, 1930 г.р.
6. Полевая запись М.Х. Хаджиевой, 2008 г., с. Сары-Тюз Карачаево-Черкесской республики. Информант А.Т. Узденова, 1927 г.р.
7. Полевая запись М.Х. Хаджиевой, 2008 г., ст. Красногорская Карачаево-Черкесской республики. Информант А.Г. Узденова, 1935 г.р.
8. Полевая запись М.Х. Хаджиевой, 2010 г., г. Черкесск Карачаево-Черкесской республики. Информант Х.А. Узденов, 1952 г.р.
9. Полевая запись М.Х. Хаджиевой, 2019 г., г. Карачаевск Карачаево-Черкесской республики. Информант Л.М. Айсандырова, 1958 г.р.
10. Полевая запись М.Х. Хаджиевой, 2019 г., ст. Красногорская Карачаево-Черкесской республики. Информант Г.Г. Узденова, 1920 г.р.
11. Полевая запись М.Х. Хаджиевой, 2020 г., с. Джингирик Карачаево-Черкесской республики. Информант З.С. Урусова-Богатырева, 1959 г.р.
12. Холдина М., Кострикова А. Как одевать детей? // Работница. 1956. № 1. С. 29.

РАЗДЕЛ 4

Современный Кавказ

между традициями и модернизацией

Е.В. Виноградова, М.С. Трофимов

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ВОПРОСОВ ИНФОРМАЦИОННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ И ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ УГРОЗАМ В ИНФОРМАЦИОННОЙ СФЕРЕ В ДОКУМЕНТАХ СТРАТЕГИЧЕСКОГО ПЛАНИРОВАНИЯ ГОСУДАРСТВ КАВКАЗСКОГО РЕГИОНА¹

Обеспечение государственной безопасности – одна из ключевых функций современного государства. Соответственно, конституционно-правовая модель обеспечения безопасности государства находит отражение в концептуальных правовых актах и документах стратегического планирования.

Безопасность в общем смысле слова рассматривается как состояние защищенности от какого-либо вреда, когда нет опасности, при котором ничто не угрожает кому-либо или чему-либо [2: 62], как постоянное свойство объективной реальности, в которой государство, население, отдельные граждане не подвергаются каким-либо угрозам и рискам. Под угрозой необходимо понимать реальную опасность, источником которой является кто-либо или что-либо. В этом отношении опасность является синонимом угрозы. Угроза национальной безопасности складывается из угроз безопасности государства, угроз безопасности общественных институтов, угроз безопасности личности. Угроза может быть глобальной и региональной. Государства

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 25-28-01643 «Информационный суверенитет (суверенитет в информационной сфере): российский и зарубежный опыт правового регулирования и обеспечения», <https://rscf.ru/project/25-28-01643/>

Кавказского региона в настоящее время сталкиваются с многочисленными угрозами национальной безопасности глобального и регионального масштабов.

К внутренним угрозам национальной безопасности стран Кавказского региона относятся этнополитические и межконфессиональные конфликты (например, конфликт между Азербайджаном и Арменией, напряженность между Грузией и фактически самостоятельными суверенными государствами Абхазией и Южной Осетией), межнациональные проблемы в Дагестане, Чечне, Ингушетии и других регионах Северного Кавказа России, религиозный экстремизм и радикализация мусульманского населения (например, деятельность запрещенных на территории России экстремистских группировок), вербовка в радикальные исламистские ячейки, сепаратизм и нестабильность на Северном и Южном Кавказе, коррупция.

К внешним угрозам национальной безопасности стран Кавказского региона относятся геополитическое противостояние (конкуренция между Россией, Турцией, США, Евросоюзом и Ираном за влияние в регионе, усиление НАТО в Черноморском регионе), военные угрозы (риск возобновления боевых действий между Арменией и Азербайджаном, наращивание военных поставок в регион со стороны третьих стран), террористическая угроза (проникновение международных террористических сетей на территорию государств региона), экономические и социальные угрозы, санкционное давление со стороны западных стран, незаконная миграция, контрабанда, экологические угрозы (например, споры из-за природных ресурсов), информационные угрозы.

Современные исследователи указывают: «Всякая угроза – это угроза безопасности. Может меняться субъект, по отношению к безопасности которого возникают угрозы. Может меняться та сфера, в которой проявляются угрозы для безопасности субъекта. Может, наконец, меняться (быть различным) характер и уровень этих угроз. Но главное (основное) сохраняется всегда: угроза – это угроза безопасности» [24: 18]. Мы согласны с мнением А.А. Сергунина, что «национальная безопасность предполагает защищенность всей совокупности интересов страны – политических, социальных, экономических, военных, экологических, культурных, духовных, интеллектуальных» [22: 127].

Совокупность интересов государства – довольно объемный и зачастую требующий уточнения объект научного исследования. В информационном пространстве и правовых актах получили распространение самые различные формулировки в этой области: «национальная безопасность», «финансовая безопасность», «продовольственная безопасность», «военная безопасность», «информационная безопасность» и т.д. Каждый из видов безопасности нуждается в отдельном осмыслении, а в комплексе они дают искомое понимание государственной безопасности.

В последние годы информационная безопасность Кавказского региона подвергается значительным внешним угрозам, включая гибридные войны, кибератаки, дезинформационные кампании и манипуляции общественным мнением. Они исходят как от государственных, так и от негосударственных акторов, преследующих политические, военные и идеологические цели. К. Колин, используя широкий подход к проблеме, выделил следующие области проявления угроз: геополитика и международные отношения, экономика и финансовая сфера, наука и технологии, национальное информационное пространство, национальная информационная инфраструктура, система образования, культура [13: 56].

Можно определить информационную безопасность как состояние защищенности взаимосвязанных интересов личности, общества и государства от внешних и внутренних угроз в информационной сфере. Достижение состояния защищенности от информационных угроз в государстве К.К. Колин связывает с обеспечением государственного информационного суверенитета [13: 58]. Именно на это, по нашему мнению, и должны быть направлены нормативно-правовые акты национального уровня, регулирующие вопросы государственной безопасности в информационной сфере.

Во всех государствах Кавказа к настоящему времени приняты и действуют нормативные правовые акты, направленные на обеспечение государственной безопасности в информационной сфере. В Российской Федерации основополагающую базу информационной безопасности как органической части государственной безопасности составляют Конституция России, федеральный закон «О безопасности», «Стратегия национальной безопасности РФ», «Военная доктрина РФ», «Концепция внешней политики РФ», «Доктрина информационной безопасности РФ», закон «О государственной тайне», федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» и другие. Они уже неоднократно становились объектами исследования отечественных ученых. Обратим внимание на аналогичные акты государств Южного Кавказа.

Вопросы обеспечения информационной безопасности в Азербайджанской Республике закреплены в ряде стратегических и нормативно-правовых документов, отражающих государственную политику в сфере защиты информационного пространства, критической инфраструктуры и персональных данных. Прежде всего, речь идет о Конституции Азербайджанской Республики [14]. В ней заложены основополагающие принципы защиты информации и цифровых прав граждан. Статья 32 гарантирует право на неприкосновенность частной жизни, включая защиту персональных данных, а также защиту тайны личной жизни, тайны переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных сообщений и сведений, передаваемых другими средствами связи. Статья 50 закрепляет свободу информации, право

любым законным путем искать, получать, передавать, производить и распространять любую информацию.

Закон Азербайджанской Республики от 3 апреля 1998 г. № 460-IQ «Об информации, информатизации и защите информации» определяет правовые основы обращения информации, ее защиты и регулирования информационных систем [4]. В нем закреплены принципы обеспечения информационной безопасности (статья 4), меры защиты государственных информационных ресурсов (статья 15), ответственность за нарушение требований информационной безопасности (статья 24). Закон Азербайджанской Республики от 29 июня 2004 г. № 712-ПГ «О национальной безопасности» относит информационную безопасность к ключевым компонентам национальной безопасности (статья 6), предусматривая защиту информационной инфраструктуры, противодействие киберугрозам и информационным атакам, обеспечение устойчивости государственных информационных систем [3].

Концепция национальной безопасности Азербайджанской Республики определяет информационную безопасность как один из приоритетов, выделяя необходимость защиты от кибершпионажа и деструктивного воздействия и развитие национальных механизмов противодействия гибридным угрозам [21]. В соответствии с пунктом 4.3.11, «Политика информационной безопасности Азербайджанской Республики состоит в осуществлении комплекса мероприятий, направленных на охрану государственных, общественных и частных информационных ресурсов, а также защиту национальных интересов в сфере информации» [21]. Особое внимание уделяется совершенствованию правового регулирования вопросов обеспечения информационной безопасности, в частности государственной тайны. Стратегия кибербезопасности Азербайджанской Республики на 2023–2027 гг. [20] устанавливает цели до 2027 г., включая создание системы мониторинга киберугроз, укрепление нормативной базы в области информационной безопасности, развитие международного сотрудничества в сфере кибербезопасности.

Таким образом, правовая база Азербайджана в сфере информационной безопасности развивается в соответствии с глобальными вызовами. Ее ключевые документы, такие как закон «О национальной безопасности», Концепция национальной безопасности и Стратегия кибербезопасности, формируют системный подход к защите информационного пространства. Как отмечает А.Э. Фарзуллаева, «информационная безопасность как одно из направлений всей системы национальной безопасности связана с обеспечением государственного суверенитета, стабильностью общественного развития, выступает средством предотвращения угроз национальным интересам и безопасности личности, общества и государства» [26].

Обеспечение информационной безопасности в Республике Армении регламентируется системой стратегических документов и законодательных актов, направленных на защиту национального информационного пространства, критической инфраструктуры и персональных данных. Конституция Республики Армении закрепляет на высшем правовом уровне основополагающие принципы защиты информации. Статья 33 гарантирует неприкосновенность частной жизни, включая защиту персональных данных, а статья 42 закрепляет свободу информации, но с возможными ограничениями в интересах национальной безопасности, общественного порядка и нравственности [17].

Закон Республики Армении от 22 октября 2003 г. № ЗР-11-Н «О свободе информации» регулирует отношения, связанные со свободой информации, устанавливает полномочия обладателей информации в сфере обеспечения информацией, а также порядок, формы и условия получения сведений [10]. Этот закон является системообразующим для всего массива законодательства Армении об информации. В Стратегии национальной безопасности Республики Армении, принятой в 2020 г., отмечается: «В современном мире угрозы безопасности чаще проявляются в виде гибридных войн, включая, помимо военных компонентов, комплексный инструментарий: экономический, кибер-, а также распространение дезинформации и фейковых новостей» [23]. В разделе 7 подробно представлены вопросы обеспечения открытого и безопасного информационного и киберпространства, противодействия негативному информационному воздействию на государство и общество, кибератакам, информационным войнам [23]. Отмечается необходимость развития и совершенствования национального законодательства в области информации и информатизации.

Таким образом, правовая база Армении в сфере информационной безопасности развивается в соответствии с современными вызовами. В Армении сформирован комплексный подход к защите информационного пространства страны. Однако, как отмечают П.С. Аветисян и М.Р. Тадевосян, «законодательство не рассматривает кибербезопасность как отдельную сферу регулирования» [1: 20].

Обеспечение информационной безопасности в Республике Абхазии регламентируется системой законодательных актов и стратегических документов, направленных на защиту национального информационного пространства и критической инфраструктуры. Однако правовая база в данной сфере все еще находится в стадии формирования и не столь детализирована, как в некоторых других государствах. Конституция Республики Абхазии от 26 ноября 1994 г. [16] закрепляет основополагающие принципы, касающиеся информационных отношений. В частности, положения статей 14 и 16 гарантируют права на неприкосновенность частной жизни, личную

и семейную тайну, тайну переписки и других сообщений. В то же время в Конституции Абхазии ничего не говорится о свободе информации, не содержатся правомочия человека в сфере информации, нет норм, напрямую связанных с обеспечением информационной безопасности.

Закон Республики Абхазии от 23 февраля 1998 г. № 408-с-ХІІІ «О государственной тайне» устанавливает перечень сведений, составляющих государственную тайну (статья 5), порядок защиты информации, относящейся к государственной тайне (статьи 8–12), а также ответственность за разглашение защищаемой информации (статья 26) [8]. Закон Республики Абхазии от 31 июля 2006 г. № 1426-с-ХІV «О безопасности» под безопасностью понимает «состояние защищенности жизненно важных интересов личности, общества и государства от внутренних и внешних угроз» [9]. В нем содержатся понятия угроз безопасности (статья 3), их виды, меры обеспечения безопасности (статья 4), система безопасности республики (глава 2), органы обеспечения безопасности и др. Однако в этом законодательном акте нет ни слова об информационных угрозах и информационной безопасности. Закон Республики Абхазии от 22 апреля 2008 г. № 2009-с-IV «О праве на доступ к информации» закрепляет понятие информации (статья 2), виды информации ограниченного доступа (статья 6) [7]. Но и в этом законе нет норм, напрямую регламентирующих вопросы обеспечения информационной безопасности государства.

Таким образом, правовая база Республики Абхазии в сфере информационных отношений находится в стадии развития. Она включает преимущественно общие положения, содержащиеся в конституции, законах о государственной тайне, СМИ, доступе к информации, связи, государственной тайне. Отсутствие специализированного законодательства в области информационной безопасности, кибербезопасности и защиты персональных данных свидетельствует о необходимости дальнейшего совершенствования нормативно-правовой базы. В условиях ограниченного международного признания Республики Абхазии развитие ее законодательной базы в сфере информационной безопасности происходит с учетом специфических вызовов и угроз.

Обеспечение информационной безопасности в Грузии представляет собой комплексную систему мер, закрепленных в законодательных актах и стратегических документах, соответствующих современным международным стандартам в области кибербезопасности и защиты информации. Конституция Грузии закрепляет основополагающие принципы информационной безопасности. В частности, статья 20 гарантирует право на неприкосновенность частной жизни и защиту персональных данных, статья 24 гарантирует право каждого человека свободно получать и распространять информацию, высказывать и распространять свои мнения

в устной, письменной или иной форме. Указанное в статье 24 Конституции Грузии право может быть ограничено «для обеспечения государственной или общественной безопасности, территориальной целостности, предотвращения преступности, защиты прав и достоинства других лиц, предотвращения распространения информации, признанной конфиденциальной, или для обеспечения независимости и беспристрастности правосудия» [15].

Концепция национальной безопасности Грузии содержит положения о киберугрозах как вызове национальной безопасности, необходимости защиты информационного суверенитета, важности международного сотрудничества в сфере информационной безопасности: «Грузия поставила перед собой цель создать систему кибербезопасности, которая сможет минимизировать последствия любой кибератаки и которая сможет быстро и эффективно восстановить пострадавшие сети в случае атаки» [19]. Основой нормативно-правовой базы в области кибербезопасности является «Закон о кибербезопасности», принятый в 2021 г. Он определяет обязанности и ответственность государственных органов и частного сектора, создание механизмов государственного контроля исполнения политики в области информационной безопасности и поддержки эффективной реализации закона. Отвечают за обеспечение кибербезопасности страны Агентство по обмену данными и Бюро кибербезопасности Министерства обороны Грузии [12].

Закон Грузии от 29 октября 1996 г. № 455 «О государственной тайне» определяет правила отнесения информации к государственной тайне, порядок государственного надзора за сохранением, процедуры отнесения информации к категории секретной и порядок рассекречивания информации [6]. Закон Грузии от 2 июня 2006 г. № 1514 «Об электронных коммуникациях» регламентирует безопасность сетей и услуг электронных коммуникаций (статья 45), обязанности операторов по обеспечению защиты информации (статья 46), права пользователей на конфиденциальность (статья 47) [5].

Таким образом, правовая база Грузии в сфере информационной безопасности представляет собой современную, европейски ориентированную систему регулирования. Особого внимания заслуживает закон «О кибербезопасности», который существенно укрепил нормативную базу страны в этой области. Развитие законодательства продолжается с учетом новых вызовов, таких как гибридные угрозы и киберпреступность. Современное законодательство Грузии в сфере информационной безопасности указывает на ее стремление к гармонизации с международными стандартами, в частности с нормами Европейского союза и рекомендациями НАТО, к сближению с США. Особый акцент делается на защите критической инфраструктуры и развитии системы кибербезопасности.

Конституция Республики Южная Осетия содержит базовые положения об информации и информационных отношениях: в статье 36 гарантируется право на неприкосновенность частной жизни, в статье 31 гарантируется тайна переписки, телефонных переговоров, телеграфных и других форм сообщений [18].

Закон Республики Южная Осетия «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» закрепляет информацию как объект правового регулирования (статья 5), ограничения доступа к информации (статья 9), виды информационных систем и их использование (статьи 15–17), меры защиты информации (статья 25) [11]. Концепция национальной безопасности Республики Южная Осетия содержит нормы, регламентирующие методы и приемы обеспечения информационной безопасности как элемента национальной безопасности, провозглашает необходимость защиты от информационных угроз, а также подчеркивает важность обеспечения суверенитета в информационной сфере [25].

Можно сказать, что правовая база Южной Осетии в сфере информационной безопасности характеризуется наличием базовых конституционных гарантий информационных прав человека, регулированием сферы информационных отношений базовыми законами в сфере информации, отсутствием специализированного законодательства о кибербезопасности, необходимостью разработки современных нормативных актов.

В завершении исследования мы пришли к следующим выводам.

1. Все государства Кавказского региона к настоящему времени приняли документы стратегического характера, направленные на определение угроз национальной безопасности, закрепление их перечня, формирование перечня мер противодействия угрозам в сфере национальной безопасности (концепции государственной (национальной) безопасности). Наиболее развитым и подробным в данной области являются концепции России, Азербайджана и Грузии.

2. В конституциях всех стран Кавказского региона содержатся базовые нормы и положения о личных свободах граждан в сфере информации и гарантии тайны личной жизни, тайны сообщений. В то же время в текстах конституций нет норм, касающихся информационной безопасности.

3. В наибольшей степени запросам современности о защите информационной сферы государства от информационных угроз отвечает законодательство России, Азербайджана и Грузии, тогда как законодательство Абхазии и Южной Осетии значительно отстает от мировых аналогов и соседних государств.

4. Законодательство в сфере обеспечения информационной безопасности каждого государства Кавказа уникально. При этом правовые акты Абхазии и Южной Осетии в сфере информации и информационной безопасно-

сти по смыслу и содержанию тяготеют к аналогичным законам Российской Федерации.

5. Законодательство Азербайджана, Армении и Грузии в сфере информации и информационной безопасности значительно тяготеет к аналогичным правовым актам США и Европейского союза. В частности, обращает на себя внимание использование термина «кибербезопасность», характерного для западной правовой концепции регулирования информационных отношений и отражающего техническую сторону информационных угроз. Для российской правовой системы более характерным является использование термина «информационная безопасность», который подразумевает не только техническую сторону угроз, но и политико-идеологическую.

Таким образом, Кавказ остается одним из самых нестабильных регионов Евразии из-за сочетания внутренних конфликтов, внешнего вмешательства, террористических рисков и экономических проблем. Без комплексного подхода к безопасности угрозы будут только усиливаться.

Источники и литература

1. Аветисян П.С., Тадевосян М.Р. Основные приоритеты развития кибербезопасности Армении в контексте медиаобразования // Регион и мир. 2023. № 1. С. 18–22.

2. Безопасность России. Правовые, социально-экономические и научно-технические аспекты: словарь терминов и определений. М., 1999.

3. Закон Азербайджанской Республики от 29 июня 2004 г. № 712-III «О национальной безопасности» // Законодательство стран СНГ. URL: https://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=7431 (дата обращения: 25.07.2025).

4. Закон Азербайджанской Республики от 3 апреля 1998 г. № 460-IQ «Об информации, информатизации и защите информации» // Право и СМИ Центральной Азии. URL: <https://medialaw.asia/document/-5912> (дата обращения: 25.07.2025).

5. Закон Грузии от 02 июня 2006 г. № 1514 «Об электронных коммуникациях» // Законодательный вестник Грузии. URL: <https://clc.is/6Mx7> (дата обращения: 27.07.2025).

6. Закон Грузии от 29 октября 1996 г. № 455 «О государственной тайне» // Законодательный вестник Грузии. URL: <https://clc.is/orzr> (дата обращения: 27.07.2025).

7. Закон Республики Абхазия от 22 апреля 2008 г. № 2009-с-IV «О праве на доступ к информации» // Официальный сайт Государственного комитета по связи, массовым коммуникациям и цифровому развитию Республики Абхазия. URL: <https://clc.is/rK37> (дата обращения: 26.07.2025).

8. Закон Республики Абхазия от 23 февраля 1998 г. № 408-с-XIII «О государственной тайне» // Официальный сайт Народного Собрания – Пар-

ламента Республики Абхазия. <https://clc.is/WOnm> (дата обращения: 27.07.2025).

9. Закон Республики Абхазия от 31 июля 2006 г. № 1426-с-XIV «О безопасности» // Официальный сайт Народного Собрания – Парламента Республики Абхазия. URL: <https://clc.is/nyzL> (дата обращения: 27.07.2025).

10. Закон Республики Армения от 22 октября 2003 г. № ЗР-11-Н «О свободе информации» // Система правовой информации в Армении. URL: <https://www.arlis.am/ru/acts/63688> (дата обращения 25.07.2025).

11. Закон Республики Южная Осетия «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» // Официальный сайт Администрации Президента Республики Южная Осетия. URL: <https://clc.is/DoX6> (дата обращения: 26.07.2025).

12. Защита киберпространства в Грузии. URL: <https://clc.is/KXl3> (дата обращения: 27.07.2025).

13. Колин К.К. Информационная безопасность: новое содержание комплексной проблемы // Стратегические приоритеты. 2020. № 3–4 (27–28). С. 55–62.

14. Конституция Азербайджанской Республики, принятая на всенародном голосовании (референдуме) 12 ноября 1995 г. // Официальный сайт Президента Азербайджанской Республики. URL: <https://clc.is/XGLX> (дата обращения: 27.07.2025).

15. Конституция Грузии от 24 августа 1995 г. URL: <http://www.matsne.gov.ge/> (дата обращения: 26.07.2025).

16. Конституция Республики Абхазия, принятая Верховным Советом Республики Абхазия 26 ноября 1994 г. // Официальный сайт Народного Собрания Республики Абхазия. URL: <https://clc.is/V4Ar> (дата обращения: 20.07.2025).

17. Конституция Республики Армения от 6 декабря 2015 г. // Официальный сайт Президента Республики Армения. URL: <https://www.president.am/ru/constitution-2015> (дата обращения: 24.07.2025).

18. Конституция Республики Южная Осетия, принятая всенародным голосованием (референдумом) Республики Южная Осетия 8 апреля 2001 г. // Официальный сайт Парламента Республики Южная Осетия. URL: <https://parliamentrso.org/node/3567> (дата обращения: 23.07.2025).

19. Концепция национальной безопасности Грузии // Официальный сайт Министерства иностранных дел Грузии. URL: <https://mfa.gov.ge/en/national-security-concept> (дата обращения: 26.07.2025).

20. Распоряжение Президента Азербайджанской Республики «Об утверждении “Стратегии информационной и кибербезопасности Азербайджанской Республики на 2023–2027 годы”» // Официальный сайт Президента Азербайджанской Республики. URL: <https://president.az/ru/articles/view/60948> (дата обращения: 25.07.2025).

21. Распоряжение Президента Азербайджанской Республики от 23 мая 2007 г. № 2198 «Об утверждении Концепции национальной безопасности Азербайджанской Республики» // Центр военно-политических исследований. URL: <https://pravo.mgimo.ru/?q=node/30535> (дата обращения: 25.07.2025).

22. Сергунин А.А. Международная безопасность: новые подходы и концепты // Политические исследования. 2005. № 6 (89). С. 26–137.

23. Стратегия национальной безопасности Республики Армения. URL: <https://clc.is/dJxw> (дата обращения: 24.07.2025).

24. Угрозы безопасности России на Северном Кавказе. Ставрополь, 2004.

25. Указ Президента Республики Южная Осетия от 26 сентября 2013 г. № 147 «Об утверждении Концепции национальной безопасности Республики Южная Осетия» // Официальный сайт Президента Республики Южная Осетия. URL: <https://clc.is/17QW> (дата обращения: 27.07.2025).

26. Фарзуллаева А.Э. Конституционно-правовые основы обеспечения информационно-безопасности Азербайджанской Республики: автореф. дис. ... доктора философии. Баку, 2023.

С.Н. Бредихин, Б.А. Шишкин

ДИАЛОГИЗИРУЮЩИЙ ПОТЕНЦИАЛ СЕТЕВОГО КОММЕНТАТИВНОГО ДИСКУРСА СЕВЕРНОГО КАВКАЗА

Современное сетевое пространство имеет потенциал к трансформации традиционных форм коммуникации, порождая новые условия для формирования технико-опосредованного взаимодействия между коммуникантами [6]. В данных условиях одной из ключевых характеристик сетевого дискурса становится его мультифокальность, отражающая множественность точек зрения, которые присутствуют в рамках коммуникативных актов [5]. Основное проявление мультифокальности обнаруживается в способности пользователей вовлекать друг друга в обсуждения, провоцировать реакции и, следовательно, формировать диалогизирующий вектор сетевого взаимодействия.

Северный Кавказ как фронтирный, полиэтнический и поликонфессиональный регион с яркой культурной и языковой дифференцированностью обладает уникальной спецификой сетевого взаимодействия [1]. На данной территории пересекаются традиционные ценности, религиозные нормы и современные тенденции, что закономерно влияет на сетевой дискурс в целом и его комментативный поддискурс.

В подобной среде присутствует повышенная вероятность появления разногласий вследствие намеренного или непреднамеренного столкновения различных интенций индивидов с теми аксиологическими доминантами, которые распространены в конкретной этнокультурной группе. При этом следует указать именно на гештальтный характер метаконцептуальных аксиологических доминант и исключительную психомотивную маркированность дифференциальных этнокультурных компонентов [3: 22]. В результате в данных условиях диалогизирующий потенциал сетевого пространства способствует как гармонизации общения, так и провоцированию конфликтов.

Таким образом, целью данной работы стало выявление диалогизирующего потенциала сетевого комментативного дискурса Северного Кавказа и, в частности, паттернов гармонизирующего и провоцирующего взаимодействия.

В качестве материала исследования выступают записи (публикации/посты и комментарии), отобранные за период с 1 июня 2024 г. по 1 июня 2025 г. (1784 единицы) из сообщества ВКонтакте «Кавказ Сегодня», освещающего события рассматриваемого региона [4]. Выбор данного источника обусловлен его широкой аудиторией (20 тыс. подписчиков), регулярностью освещения актуальных тем Северного Кавказа и репрезентативностью контента для различных этнокультур.

Поскольку представлялось необходимым выявить как инициальные записи, так и пользовательские реакции на них, анализируемая база исследования была стратифицирована на 5 основных групп, характеризующих ее диалогизирующий потенциал:

1. Игнорируемый пост – публикация, не вызвавшая обсуждения со стороны других пользователей;
2. Вовлекающий пост – публикация, спровоцировавшая дискуссию и дальнейшее обсуждение со стороны пользователей;
3. Одиночный комментарий – запись под постом, не получившая ответных реакций;
4. Диалогизирующий комментарий – запись под постом, спровоцировавшая дальнейшее обсуждение;
5. Ответный комментарий – реакция пользователей на диалогизирующий комментарий, то есть прямая реплика в адрес предыдущего высказывания.

Данный подход позволил пронаблюдать присутствующие тенденции в сетевом взаимодействии и, в частности, выявить конкретные элементы, вовлекающие пользователей в обсуждения. В результате обнаруживается значительный перевес игнорируемых публикаций (см. рис. 1) в анализируемой базе исследования (66,65 %), что можно связать с пассивным характером потребления информации в интернете.

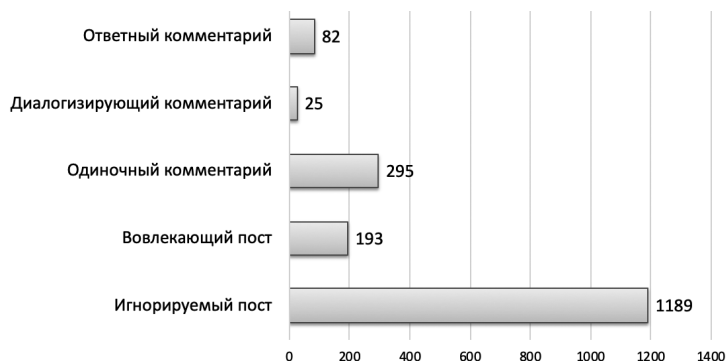

Рис. 1. Частотные показатели групп публикаций исследования

В свою очередь присутствующие вовлекающие в обсуждение публикации (10,82 %) провоцируют продуцирование порядка 22,53 % записей всего текстового материала анализируемого интернет-сообщества, что может свидетельствовать об их ключевой роли в формировании дискуссионного пространства и реализации диалогического потенциала сетевого взаимодействия. При этом они также содержат в себе комментативные записи, продолжающие данную тенденцию, – диалогизирующие комментарии (6,2 % из всех комментариев), спровоцировавшие формирование порядка 20,4 % ответных комментариев. В результате подобные взаимосвязи демонстрируют распространение реактивного характера сетевого взаимодействия, в рамках которого малое количество вовлекающего инициального материала удерживает внимание значительного количества адресатов и, соответственно, способствует дальнейшей диалогизации.

Дискурс-анализ рассматриваемой базы исследования показал, что значительный диалогизирующий потенциал содержат в себе публикации, затрагивающие социально значимые для Северного Кавказа и его отдельных субъектов темы. В качестве типичного примера вовлекающего поста можно привести следующую запись: «Ингушетия остается единственным регионом России, где нет приемных семей и детских домов – все дети-сироты воспитываются в родственных семьях. Об этом сообщила Уполномоченный по правам ребенка в РФ Мария Львова-Белова в ходе визита в республику. По ее словам, на сегодняшний день в Ингушетии под родственной опекой находятся 558 детей» [4].

Представленная публикация вызвала активное обсуждение (14 комментариев) и значительное количество реакций подписчиков сообщества (72 положительные реакции), что может говорить об актуальности и значимости раскрываемой в записи проблематики. При этом к основным факторам повышения потенциала к диалогизации можно отнести:

– оперирование статистическими данными (558 детей), которые служили не только инструментом для подтверждения правдивости распространяемой информации, но и играли роль дискуссионного маркера, побуждающего коммуникантов к рассуждениям о корректности информации;

– ссылки на авторитетные источники (сообщила Уполномоченный), выполняющие аналогичную функцию;

– формулировки, содержащие в себе диалогизирующие описательные элементы (остается единственным регионом), критикуемые или поддерживаемые коммуникантами;

– общая актуальность темы для местного национального сообщества.

Особый интерес для исследования также представляют диалогизирующие комментарии, являющиеся непосредственным катализатором обсуждений между пользователями. Как уже было отмечено выше, данные записи составляют незначительную долю исследовательского материала, однако именно они формируют наиболее содержательные дискуссионные цепочки. При этом сущность данных комментариев разнится от положительной и гармонизирующей до отрицательной и провоцирующей. Здесь можно привести следующий характерный пример, обнаруженный под представленной ранее публикацией (здесь и далее орфография, пунктуация и особенности написания сохранены. – С.Б., Б.Ш.): «А в Чечне есть детдома или дома престарелых? Будучи журналистом я не слышал ничего подобного. Это к эпитету: единственный. Ради красного словца не пожалею и отца?))» [4].

Данный комментарий спровоцировал цепочку из 5 ответных комментариев и одной реакции, при этом реализуя конфликтогенный диалогизирующий вектор коммуникации. В результате здесь возможно обнаружить следующие подходы к вовлечению пользователей в обсуждение:

– постановка вопроса, направленного не только к автору инициальной публикации, но и к остальным коммуникантам с целью привлечения их внимания и формирования дальнейшей дискуссии;

– апелляция к профессиональному опыту, играющая аналогичную роль с отражением статистических данных и указанием авторитетных источников;

– общий саркастический вектор коммуникации, формирующий конфликтогенный потенциал записи, в частности с использованием дополнительных негативных элементов (ради красного словца);

– создание дискуссионной оппозиции, в данном случае выраженной в сравнении Чечни и Ингушетии.

В ответ на приведенный выше диалогизирующий комментарий последовала серия конструктивных ответов, демонстрирующих различные паттерны формирования гармоничного общения в Сети:

1. «ассаламу алейкум. В посте речь идет не об отсутствии социальных учреждений вообще, а о том, что в Ингушетии нет классических детских домов

и приемных семей – дети воспитываются в родственных семьях. Это официальная информация от Уполномоченного по правам ребенка».

2. «Если ситуация в Чечне действительно схожа – это заслуживает уважения и внимания на федеральном уровне. Возможно, стоит инициировать диалог с Уполномоченной, чтобы подчеркнуть и ваш положительный опыт. Такие примеры должны объединять, а не противопоставлять» [4].

В первом комментарии можно наблюдать элементы позитивизации, послужившие также основой для продолжения диалога: ритуальное приветствие (ассаламу алейкум), которое исполняет функцию маркера культурной и религиозной идентичности продуцента сообщения; корректное уточнение информации со ссылкой на данные инициальной вовлекающей публикации, а также упоминание официальных источников; общее отсутствие конфронтационного тона и соблюдение формальной вежливости. Во второй записи обнаруживаются дополнительные элементы: признание заслуг; предложение конструктивного решения (стоит инициировать диалог); общая установка на межличностное и этническое единство (должны объединять); употребление синтонных элементов (уважение, внимание). В результате данные примеры ярко демонстрируют формирование позитивной гармоничной коммуникации, опирающейся на общие принципы вежливости, выделенные в трудах Дж. Лича, в частности максимы такта, великодушия, согласия [7].

Стоит также отметить, что комментарии, содержащие в себе значительный уровень конфликтного диалогизирующего потенциала, закономерно формировали деструктивный вектор дальнейшего взаимодействия. Здесь в пример можно привести следующую запись: «Ну да. А СКОЛЬКО АБОРТОВ Сделано ЗАПРЕДЕЛАХ РЕСПУБЛИКИ» [4].

Данный комментарий спровоцировал цепочку из 7 ответов, что свидетельствует о его высоком диалогизирующем потенциале, основанном на провокации. При этом характерными особенностями вовлечения пользователей в обсуждение являлись: повышенная эмоциональность (прописные буквы); множественное применение эмотивных символов, отражающих саркастический тон передаваемого сообщения; подмена темы и отсутствие аргументации.

Ожидаемым результатом подобной записи стали ответные конфликтные комментарии, аналогично формирующие деструктивный вектор взаимодействия, однако направленный на защиту высказываемых позиций в инициальной публикации:

1. «как вы живете с таким нутром?»;

2. «Если говоришь о чем-то то говори как есть где Что и кто сколько раз сделал или это просто очередное бла-бла-бла в комментариях?» [4].

Таким образом, диалогизирующий потенциал сетевого комментативного дискурса Северного Кавказа способен формировать как гармоничный, так

и деструктивный вектор взаимодействия между коммуникантами. Основой вовлечения в обсуждение становятся публикации, содержащие в себе социально значимую для различных групп проблематику. Роль сетевых платформ как специфических форм интеракции новых медиа в модификации ценностно-ориентационных сфер весьма высока как в создании дилиберативного дискурса согласия между отдельными лингвокультурными сообществами, так и в области провокативных элементов, наличествующих в фокусах как акторов-продюсентов, так и интерпретаторов-реципиентов новых тенденций в сфере изменения иерархии ценностей при столкновении этнокультурно маркированных когниовербальных систем [2: 107]. Общее позитивное взаимодействие обеспечивается использованием культурных и религиозных маркеров, апеллированием к авторитетной информации, умеренной эмоциональностью и вежливостью. При этом конфликтность коммуникации выстраивается на основе агрессивной тональности, отсутствия аргументации и искажения информации.

Источники и литература

1. Бредихин С.Н., Авдеев Е.А., Шишкин Б.А. Язык вражды в сетевом пространстве полиэтнических регионов Северного Кавказа: функционально-прагматический анализ конфликтогенов // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2024. № 6 (887). С. 9–17.
2. Бредихин С.Н., Каменский М.В., Шибкова О.С. Новые медиа в процессе модификации концептуально-валерного пространства // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Филология. Журналистика. 2024. № 2. С. 107–111.
3. Бредихин С.Н., Печенюк А.Н. Бикультурная интерпретация аксиологического содержания метаконцепта ПОБЕДА/SIEG // Российский журнал исследований билингвизма. 2021. № 2. С. 17–23.
4. Ингушетия остается единственным регионом России, где нет приемных семей и детских домов // Кавказ Сегодня. URL: https://vk.com/wall-96428509_49761 (дата обращения: 20.04.2025).
5. Полюян А.В. Полилог в интернет-дискурсе: коммуникативно-прагматический аспект (на материале новостных сообщений и комментариев к ним) // Гуманитарные и социальные науки. 2020. № 2. С. 232–243.
6. Шишкин Б.А. Вариативность нарратива гармонизации сетевой коммуникации в медиадискурсе // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2024. № 3. С. 135–150.
7. Leech G. Principles of Pragmatics. London, 1983.

Ш.А. Гапуров, Т.У. Эльбуздукаева

**ТЕНДЕНЦИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ
ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ
В ЧЕЧЕНСКОЙ РЕСПУБЛИКЕ В НАЧАЛЕ XXI в.**

В конце XX – начале XXI в. Россия столкнулась с новыми вызовами на внешнеполитической арене, угрожавшими позициям страны. Россия принимала шаги, направленные на поддержание имиджа великой державы. Внутри страны и за рубежом действовали силы, нацеленные на распад Российской Федерации по аналогии с распадом Советского Союза. Кавказ рассматривался как регион, с которого начинался этот процесс. Геополитическое положение Кавказа предоставляло американским и другим западным компаниям доступ к полезным ископаемым Каспийского моря. Регион мог стать транзитом доставки в Европу углеводородов из Средней Азии и бассейна Каспийского моря; плацдармом для стран НАТО в экспансии на Средний Восток и в страны Центральной Азии. С территории Кавказа удобно было вести подрывную деятельность против России с целью нарушения ее единства и последующего расчленения.

Турция рассматривает Северный Кавказ в качестве буфера, позволяющего Анкаре отодвинуть потенциальную «российскую угрозу». Военный истеблишмент Турции предполагал превратить Северный Кавказ в зону своего влияния. Официально правительство Турции придерживалось политики невмешательства в ситуацию на Северном Кавказе, но там активно действовали турецкие эмиссары. Саудовская Аравия активно подпитывала терроризм, активизировались миссии ОБСЕ, в Чечне развернулась миссия ОБСЕ во главе с Т. Гульдиманом, занимавшая антироссийскую позицию. Экстремистов поддержала «Большая семерка».

Чеченская Республика расположена на пересечении российского выхода на юг и американского «санитарного кордона», проходящего через Кавказ от Европы до Китая. В 1990-е гг. ее территория стала ареной борьбы за будущее российской государственности, так как по сценарию западных политтехнологов с нее должен был начаться этап десувверенизации России.

Россия оказалась под беспрецедентным информационным и политическим нажимом из-за антитеррористической операции на территории Чеченской Республики. Разветвленная информационная сеть, разбросанная почти по всему миру, интернет-ресурсы и пропагандистские центры круглосуточно распространяли предвзятую информацию о событиях в Чечне.

Парламентская ассамблея Совета Европы (ПАСЕ) в январе 2000 г. фактически предъявила ультиматум России о немедленном прекращении военных

действий и начале переговоров с А. Масхадовым под угрозой исключения ее из этой организации. В апреле 2000 г. было приостановлено членство России в Совете Европы, ее лишили права голоса. Вскоре, 15 апреля, российские власти объявили о завершении военной фазы контртеррористической операции, издали указ «О спецпредставителе Президента РФ по обеспечению прав и свобод человека и гражданина в Чеченской Республике» [6].

Но на заседании политической комиссии ПАСЕ 12 июня 2000 г. было заявлено, что Россия не прекратила военные действия и не начала политический диалог с чеченской стороной без предварительных условий. Вместе с тем отмечалось, что Россия назначила спецпредставителя по правам человека на Северном Кавказе Владимира Каламанова; создала Национальную комиссию по расследованию преступлений и мониторингу прав человека в регионе во главе с Павлом Крашенинниковым; возобновила деятельность группы содействия ОБСЕ для Чечни; разрешила международным делегациям посетить республику (представителю ПАСЕ, комиссару по правам человека Совета Европы, «тройке» Европейского союза); подписала меморандум с Генеральным секретарем ООН и заключила соглашение с Красным Крестом о гуманитарной помощи в регионе; провела семинары по федерализму и правам человека под эгидой Совета Европы [1: 150–151].

Во время официального визита в Москву в июне 2000 г. министр иностранных дел Италии Ламберто Дини подчеркнул, что Италия поддерживает ОБСЕ при взаимодействии с НАТО, как инструмент международного вмешательства в чеченский конфликт: «В чеченском кризисе ОБСЕ может сыграть свою важную роль в смысле укрепления доверия, обеспечения уважения прав человека, экономического и социального восстановления» [4: 5].

Эмиссары Ичкерии в арабских странах собирали деньги на продолжение террористической деятельности, проводили массовые кампании с привлечением СМИ якобы по сбору пожертвований для «пострадавших и чеченских беженцев». Пребывая в убеждении, что Россия воюет против мусульман, арабские страны отправляли боевикам денежные средства и наемников.

Ахмат-Хаджи Кадыров считал своей главной задачей донести до руководства зарубежных стран объективную информацию о происходящем в Чечне, о возрождении республики в составе России. В конце ноября 2001 г. он посетил Страсбург, 28 ноября встретился с Генеральным секретарем Совета Европы Вальтером Швиммером. На встрече обсуждались вопросы военно-политической и экономической ситуации в республике, судьбах перемещенных лиц, перспективах по урегулированию конфликта. А.-Х.А. Кадыров отметил позитивные перемены, вызванные улучшением отношения федеральных сил к гражданскому населению, восстановлением экономики и инфраструктуры, созданием рабочих мест, возвращению беженцев.

Помимо встреч с европейскими политиками, А.-Х. Кадыров участвовал в семинаре по соблюдению прав человека в Чеченской Республике и восстановлению экономики и социальной сферы. Кроме экспертов Совета Европы в семинаре участвовали депутаты Государственной думы РФ, представители Генеральной прокуратуры РФ, российские и зарубежные правозащитники, представители общественных неправительственных организаций. Во главе российской делегации был председатель комитета Госдумы по международным делам Дмитрий Рогозин.

Главный организатор мероприятия комиссар Совета Европы по правам человека Альваро Хиль-Роблес высоко оценил участие российской делегации. По его словам, то, что стороны, заинтересованные в урегулировании чеченского конфликта, собрались за одним столом, уже положительный факт. Российская делегация проявляла, по его мнению, конструктивную позицию в отношении решения чеченского кризиса. Данный семинар должен был выработать механизмы по защите прав человека в Чеченской Республике, наметить меры по возвращению к нормальной гражданской жизни, чтобы беженцы вернулись в свои дома.

О желании участвовать на форуме заявили и представители ичкерийской стороны. Но А.-Х. Кадыров был категорически против: «Целью моего прибытия в Страсбург является отражение объективной ситуации в Чечне. Тем более что здесь присутствуют и выступают люди, которые не представляют интересы Чеченской Республики» [3]. Член делегации Шаид Жамалдаев вспоминал: «Перед поездкой в Страсбург Кадыров собрал членов делегации и сказал: “Не оправдывайтесь! Мы ни перед кем не виноваты. Говорите правду. В правде – наша сила. Не старайтесь никого разжалобить. Больше, чем мы сами себя, никто нас не пожалеет. И... не поможет”» [5: 99].

Первый официальный визит А.-Х. Кадырова в статусе Главы администрации Чеченской Республики состоялся 24–27 июня 2003 г. в Германию по приглашению внешнеполитического комитета бундестага ФРГ. Одной из задач, поставленных перед делегацией, было обсуждение острых вопросов и налаживание взаимовыгодных контактов. Встреча с представителями партии зеленых и рядом правозащитников должна была состояться в Доме германо-российской дружбы. Основным докладчиком должен был выступить А.-Х. Кадыров.

Немецкая сторона, предвзято настроенная против «ставленника Москвы» Кадырова, намеревалась подвергнуть его обструкции. Были заранее составлены «неудобные вопросы», сформулирован перечень «нарушений», подготовлены непосредственные «жертвы геноцида, вырвавшиеся из чеченского ада» и нашедшие убежище в Европе. Перед зданием группа беженцев с плакатами призывала «западную демократию» требовать от России прекратить войну в Чечне. Все это активно освещалось СМИ, участвующих

в политшоу. Российская сторона была информирована о готовящейся провокации. Посол РФ Сергей Крылов даже выразил озабоченность исходом встречи. А.-Х. Кадыров заверил его, что «чеченцы хорошо владеют не только оружием, но и языком, включая дипломатический». Апеллируя конкретными цифрами и фактами, он давал исчерпывающие ответы [7: 32]. Кадыров отмечал, что в сложившейся обстановке не время искать виновных, а надо думать, как помочь людям. Непозволительно Западу диктовать свои условия ради удовлетворения амбиций кучки политических проходимцев и военных преступников, жертвуя интересами целого народа: «В Чеченской Республике необходимо провести референдум по принятию Конституции... Важно, чтоб сам народ выразил свою волю, высказал свое отношение к России и выявил свое видение решения проблемы. Разве это не есть демократизм? Разве это не подчеркивает нашу приверженность к мирному урегулированию чеченского конфликта?» [7: 39]. Визит чеченской делегации во главе с А.-Х. Кадыровым в Германию получил высокую оценку политического руководства страны.

Другим важным направлением дипломатических усилий Российской Федерации по урегулированию конфликта в Чеченской Республике (ЧР) являлись страны Арабского Востока, откуда шли средства боевикам, вербовались наемники. Свою помощь они мотивировали защитой ислама. Перед российской дипломатией стояла задача убедить лидеров арабских стран, что конфликт в Чечне к вопросам веры не имеет никакого отношения. Поэтому поездка А.-Х. Кадырова по странам Арабского Востока в качестве спецпредставителя Российского государства имела большое значение.

С 18 по 28 сентября 2001 г. состоялся визит Главы администрации Чеченской Республики в Египет, Сирию, Иорданию и Ирак. Поездка санкционировалась Президентом Российской Федерации Владимиром Путиным с целью разъяснения ситуации в ЧР политическому и религиозному руководству арабского мира, установления дружеских связей, а также консолидации арабской общественности в борьбе с терроризмом, рассмотрения возможности оказания арабами гуманитарной помощи Чечне.

А.-Х.А. Кадыров передал личные послания Президента РФ В.В. Путина арабским лидерам – Хосни Мубараку, Башару Асаду, Абдалле Второму, Саддаму Хусейну (последнему – лично). Общение с Кадыровым было весьма плодотворным: официальные власти арабских государств согласились с позицией Москвы, что развитие Чечни является внутренним делом России, а терроризм и деятельность бандитских группировок ничего общего с исламом не имеют. Арабским лидерам была продемонстрирована бесперспективность моральной и материальной поддержки чеченского терроризма.

Ахмат-Хаджи Кадыров наладил и личные контакты с министром иностранных дел Египта Ахмедом Махером, министром вакуфов Махмудом Хамди Закзуком; руководителем Аль-Азхар – крупнейшего в мире исламского

университета – Мухаммадом Сайидом Тантауи, с муфтием Сирии Ахмедом Кефтаро, министром по делам вакуфов Абделем Рауфом Зиядой, первым заместителем министра иностранных дел Сирии Сулейманом Хаддадом и др. Он пытался донести, что зачастую помощь арабских благотворительных фондов попадает в руки боевиков, поэтому желательно оказывать целевую помощь в восстановлении конкретных объектов. Также А.-Х. Кадыров убеждал, что Россия воюет не против ислама, а против бандитов, убивающих религиозных деятелей и сотрудников администрации, простых граждан.

Выступления А.-Х. Кадырова, переданные всеми информационными агентствами, доносили представления о том, что никакой джихад на территории республики не ведется, а деньги, поступавшие извне, попадали в руки главарей террористов. Эти заявления важны тем, что их произносил человек, который на деле доказал свою приверженность исламу, идеалам борьбы за независимость своего народа.

Визит А.-Х. Кадырова заполнил важный внешнеполитический пробел во взаимоотношениях с влиятельной кавказской диаспорой, на которую была в значительной мере направлена пропаганда боевиков. Во время арабского турне А.-Х. Кадыров обосновал основные направления российской политики, которые выражались в прагматизме, постановке достижимых целей и использовании для этого всех возможностей; адресной работе с группами влияния в политической, экономической, религиозной среде.

Настоящим прорывом стал визит А.-Х. Кадырова в Эр-Рияд в январе 2004 г. Уровень оказанного ему приема свидетельствовал, что саудовская сторона признавала тот факт, что Россия проводила контртеррористическую операцию на Северном Кавказе с целью искоренить терроризм и бандитизм и не ущемляла интересы мусульман. В ходе визита А.-Х. Кадыровым было передано личное послание Президента РФ В.В. Путина наследному принцу Саудовской Аравии Абдалле ибн Абдул-Азизу. На встрече обсуждались вопросы оказания помощи Чеченской Республике; вступления России в Организацию Исламская конференция (ОИК). По мнению А.-Х. Кадырова, Россия имела на это законное право, так как на ее территории проживают более 20 млн мусульман, а руководство страны делает все для того, чтобы мусульмане могли свободно исповедовать свою религию. В ходе визита состоялись официальные и неофициальные встречи А.-Х. Кадырова с представителями политической и бизнес-элиты, религиозными лидерами, известными деятелями науки, культуры и просвещения. Эти встречи опровергли слухи, распространяемые за рубежом ичкерийской пропагандой о том, что А.-Х. Кадыров якобы предал ислам и перешел на сторону неверных. Кадыров показал арабским лидерам свою компетентность в мусульманском богословии, широкий политический кругозор. В результате поездки в Эр-Рияд была достигнута договоренность о прекращении финансирования

многочисленными частными «благотворительными фондами» деятельности чеченских сепаратистов и направлении этих денег на восстановление Чечни. «Двери для Чечни в Саудовскую Аравию открыты», – подчеркнул А.-Х. Кадыров на пресс-конференции в ИТАР-ТАСС, посвященной итогам поездки делегации Чеченской Республики в Эр-Рияд. Нет сомнения в том, что этот визит позволил в присутствии представителей ведущих средств массовой информации всего мира развеять надуманные мифы о ситуации в Чечне и послужил дальнейшему укреплению отношений в целом между Россией и исламским миром: «Я предложил создать единый центр исламского мира, который давал бы ответы на преступления, совершаемые в мире террористами-смертниками. Нигде в Коране не написано, что, если мусульманин убьет иноверца, он попадет в рай» [2: 60].

А.-Х. Кадыров принял участие в поездках Президента РФ В.В. Путина в Малайзию и ряд других мусульманских стран. Он убедил исламских лидеров в главном: в Чечне орудует международный терроризм, не имеющий ничего общего ни с чеченскими обычаями и традициями, ни с исламскими духовными ценностями. Беседуя с делегатами конференций, доказывал, что в основе чеченского конфликта лежит стремление деструктивных сил развалить Россию, стравить христиан и мусульман. Его выступления, изобилующие цитатами из сур Корана, были направлены на раскрытие истинного положения дел в Чечне, что конфликт не война религий, не противоборство христианства и ислама, тем более не война русского народа против чеченского.

Растущий интерес России к мусульманскому миру проявился в визитах В.В. Путина в Саудовскую Аравию, Катар, Иорданию и другие исламские государства. В своем выступлении на саммите ОИК в малайзийской столице Куала-Лумпур в 2003 г. Президент РФ обозначил сферы российских интересов в сотрудничестве с данной организацией. Россия обратилась в ОИК с заявлением об открытии постоянного представительства в Джидде, где расположена ее штаб-квартира.

Таким образом, усилия Президента Чеченской Республики А.-Х.А. Кадырова на внешнеполитическом поприще были результативны. В многочисленных поездках он разоблачал ваххабитскую пропаганду о том, что в Чечне идет борьба за чистоту ислама, священная война с неверными. Позицию А.-Х. Кадырова с пониманием встретили и одобрили виднейшие богословы и исламские ученые на различных мировых форумах. Благодаря такой политике, Россия сохранила двустороннее сотрудничество со странами Евросоюза и мусульманским миром. В острый момент проведения контртеррористической операции в Чечне ведущие мировые державы, несмотря на всплеск антироссийской риторики, в целом выступили с позиций уважения территориальной целостности России и признания необходимости дать отпор террористам.

Источники и литература

1. Барабанов О.Н. Италия после холодной войны: от «средней державы» к «миру протагонистов». М., 2002.
2. Кадыров А.А. Слово правдивое. Интервью, статьи, речи. Грозный, 2006.
3. Кадыров прилетел в Страсбург с докладом о ситуации в Чечне. 27 ноября 2001 г. // Lenta.ru. 27.11.2001. URL: <https://lenta.ru/news/2001/11/27/strasburg/?ysclid=mbnvj6v664502891506> (дата обращения 28.05.2025).
4. Ламберто Дини: В Италии уже давно созрело убеждение, что Россия обладает внутренней силой для совершения перехода к совершенной демократии и гармоничному экономическому развитию. Беседа министра иностранных дел Италии с главным редактором журнала «Международная жизнь» // Международная жизнь. 2000. № 5. С. 3–11.
5. Путь, озаренный светом. Уч. пос. для образоват. учреждений Чеченской Республики / сост. А.И. Эдилов, Т.У. Эльбуздукаева, Р.Ш. Алханов. Грозный, 2020.
6. Указ Президента Российской Федерации от 17.02.2000 г. № 364 «О специальном представителе Президента Российской Федерации по обеспечению прав и свобод человека и гражданина в Чеченской Республике» // Президент России. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/15187> (дата обращения 28.05.2025).
7. Яхьяев Л.М. А.А. Кадыров как знаковое явление в международной политике и дипломатии конца XX – начала XXI веков // Роль и значение А.А. Кадырова в новейшей истории Чеченской Республики и Российской Федерации: мат-лы Всерос. науч.-практ. конф., посвящ. 60-летию со дня рождения первого Президента Чеченской Республики, Героя России А.А. Кадырова (г. Грозный, 29 июня 2011 г.). Грозный, 2011.

А.Т. Сихарулидзе, Н.А. Скворцова

«ЕВРОПЕЙСКАЯ ГРУЗИЯ» И «НАСТОЯЩАЯ АРМЕНИЯ»: ПАТТЕРНЫ МОДЕРНИЗАЦИИ НА ЮЖНОМ КАВКАЗЕ

Южный Кавказ, на протяжении веков находившийся на стыке цивилизационных потоков, после распада Советского Союза стал ареной активизации проектов модернизации, ориентированных на построение сильных национальных государств. В этом контексте Грузия и Армения демонстрируют два различных идеологически мотивированных подхода: вектор Грузии четко направлен на проевропейскую (Europeanness), порой радикальную интеграцию («radical Europeanness»), в то время как Армения под руководством Никола Пашиняна развивает более интровертную, выверенную модель,

воплощенную в концепции «Настоящей Армении» («Real Armenia»). Несмотря на сходство их целей, заключающихся в преобразовании государственности и общества, различия проявляются в нормативных установках и геополитических ориентирах.

Теория модернизации возникла в середине XX в. как доминирующая парадигма для объяснения процессов развития и социального преобразования в постколониальных и индустриализирующихся обществах. Укорененная в классической социологической мысли и сформированная политическим контекстом холодной войны, данная теория утверждает, что все общества проходят через сходные стадии развития и в конечном итоге стремятся к сближению с политико-экономической системой Запада. Ключевым элементом этой теории является идея «западного шаблона» – представление о том, что Западная Европа и Северная Америка воплощают идеальную модель модерности, к которой должны стремиться все остальные общества [8].

Главная проблема модернизации в классическом понимании – это зачастую отсутствие разграничительной линии между самой модернизацией и так называемой вестернизацией. Вестернизация – это процесс заимствования и внедрения элементов западной (прежде всего европейской и североамериканской) культуры, политической системы, экономических моделей, ценностей и норм в обществах, не принадлежащих Западу [11]. Согласно модели модернизации, путь к развитию предполагает подражание западным институтам, принятие западных ценностей и интеграцию в глобальную капиталистическую экономику. Более того, общества, отклоняющиеся от этого пути, рассматриваются как «отстающие» или «традиционные» и зачастую воспринимаются как нуждающиеся во внешнем вмешательстве – будь то через финансовую помощь, техническую экспертизу или реформы управления. Следовательно, зачастую вместо развития и обновления политические элиты, находящиеся во главе реформ, пытаются превратить местное общество в своеобразную копию западного. Модернизация предстает в виде насильственного процесса имитирования поведения, которое может быть не свойственно тому или иному народу. В результате реформы сталкиваются с сопротивлением, а сама модернизация становится синонимом насильственной вестернизации. Реформы проваливаются, общества же воспринимают модернизацию как продолжение политики колониализма со стороны западных стран, попытки подчинить государства своей воле [12].

Грузинская стратегия модернизации тесно связана с устремлением к евроатлантической и европейской интеграции – НАТО и Евросоюзу (ЕС). Международную риторику «европейскости» в 1999 г. с трибуны Парламентской ассамблеи Совета Европы заложил известный грузинский политик Зураб Жвания, заявив, что быть грузином – значит быть европейцем [5]. С момента «революции роз» в 2003 г. сменяющиеся власти определяют

построение «европейской нации» (Europeanness) как ключевой ориентир государственной политики, совмещая политические, экономические, геополитические трансформации с общественно-культурной переориентацией [3]. Эта цель выходит за рамки традиционной внешней политики и иллюстрирует феномен «радикальной европейскости» («radical Europeanness») – идеологической конструкции, в которой национальная идентичность Грузии целиком соотносится с романтизированным и идеализированным образом Европы [16].

Идеология «радикальной европейскости» не ограничивается стремлением к членству в ЕС или НАТО. Это целостная дискурсивная рамка, в которой Европа трактуется как символ цивилизационного спасения. Грузия здесь позиционируется как «древняя европейская нация», стремящаяся вернуться к своему исконному месту в европейской семье народов. Такая установка практически исключает альтернативные модели идентичности: любое сомнение в европейском курсе трактуется как измена, а критика – как «про-российская риторика», независимо от ее содержания [17].

С точки зрения классической теории модернизации грузинский путь демонстрирует все ее ключевые признаки: институциональную рационализацию, приоритет либерально-демократических норм, рыночные реформы и отказ от традиционализма. Запад в этой модели выступает как образец и источник легитимации. Реформы в сфере прав человека, правосудия, прозрачности госуправления и цифровизации трактуются как необходимые шаги на пути к «аутентичной европейскости». В этом контексте модернизация понимается как универсальный, линейный и ориентированный на Запад процесс [4].

Однако критики такого подхода подчеркивают, что столь радикальное отождествление с Европой чревато отчуждением значительной части населения, особенно в консервативных или сельских регионах. Кроме того, вынесение источников легитимности за пределы страны – ориентация на Брюссель и Вашингтон как главные центры оценки демократичности – ослабляет внутреннюю политическую субъектность. В результате грузинская модель модернизации оказывается амбициозной, но одновременно и уязвимой: ее устойчивость зависит от внешнего символического капитала [9].

В отличие от Грузии, модернизационная стратегия Армении при Н. Пашиняне носит интроспективный характер. После прихода к власти в результате «бархатной революции» 2018 г. Н. Пашинян продвигает концепт «Настоящей Армении» – попытку отойти как от советского прошлого, так и от нередко романтизированного, диаспорального образа страны. Целью становится построение государства, основанного на реалиях и потенциале современной армянской нации, а не на исторических травмах или зависимости от внешней поддержки [15].

Сказ о «Настоящей Армении» можно интерпретировать как проект национального самоисправления. Он акцентирует внимание на принципах меритократии, законности, прозрачности и гражданской вовлеченности. В этом дискурсе коррупция и олигархия рассматриваются не как системные свойства, а как устранимые моральные изъяны, которые можно преодолеть посредством личной ответственности и общественного давления. В отличие от более элитарного и институционализированного европейского курса Грузии, армянская модель номинально позиционируется как демократическое движение снизу [13; 7].

Важно отметить, что «Настоящая Армения» не привязана к определенному геополитическому полюсу. Несмотря на развитие отношений с ЕС, Армения остается членом Евразийского экономического союза и Организации Договора о коллективной безопасности (ОДКБ), что подчеркивает ее прагматический, а не идеологический подход. В центре внимания – формирование эффективных институтов и демократии в условиях ограниченных внешнеполитических возможностей. Тем не менее в проекте Н. Пашиняна прослеживается скрытая западная ориентация: реформы в образовании, правосудии, государственном управлении и медиа соответствуют либерально-демократическим стандартам. На законодательном уровне эта ориентация была утверждена 26 марта 2025 г., когда во втором и окончательном чтении парламент страны утвердил законопроект «О начале процесса вступления Республики Армения в Европейский союз» [14]. Законопроект создал предпосылки для формирования полноценной государственной политики интеграции в ЕС, что было одобрено и поддержано Брюсселем. Подытоживая последние политические шаги Еревана, верховный представитель ЕС по иностранным делам и политике безопасности Кая Каллас заявила, что ЕС и Армения никогда не были так близки, как сегодня [2]. Однако в отличие от грузинского случая, аргументация политики Н. Пашиняна строится на национальном контексте и воле граждан, а не на стремлении соответствовать внешним ожиданиям.

Парадоксально, что во время «бархатной революции» в Армении многие грузинские прозападники видели в Николе Пашиняне местный аналог лидера грузинского прозападничества Михаила Саакашвили. Однако Ереван, скорее всего, использовал уроки Тбилиси при формировании своей новой идеологии, что и делает эти взгляды разными. В частности, главное различие между двумя моделями в восприятии роли Европы, обобщенного Запада в целом. Для Грузии Европа – это одновременно цель и средство. Для Армении же она не является ни окончательной целью, ни отвергнутой альтернативой. В то время как грузинская модернизация органически связана с евроатлантизмом и представление о модерности без Европы практически отсутствует, армянский подход отделяет процесс модернизации

от цивилизационного самоопределения, делая акцент на функциональности и результативности институтов [1].

Это расхождение во многом отражает различия в исторических траекториях. Грузия, обладавшая сравнительно более продолжительными и тесными контактами с Европой, исторически пыталась формировать чувство принадлежности к европейскому пространству. Армения, глубже интегрированная в российский империал и опирающаяся на разнообразную диаспору, развила более многослойную и гибкую культурную идентичность. В результате модель Н. Пашиняна предполагает большую открытость к неопределенности и адаптивность к локальным реалиям [18].

Несмотря на концептуальные различия, обе модели сталкиваются с аналогичными вызовами.

Во-первых, их элитарная природа затрудняет формирование широкой общественной поддержки. В Грузии идея «радикальной европейскости» может восприниматься как оторванная от повседневных реалий. В Армении же проект «Настоящей Армении» страдает от дефицита институционализации и конкретных механизмов реализации.

Во-вторых, обе страны ограничены слабостью институциональной инфраструктуры. Борьба с коррупцией, реформирование судов и обеспечение верховенства права – это длительные и конфликтные процессы. Разрыв между общественными ожиданиями и реальной эффективностью институтов ведет к нарастанию разочарования, подрывающему доверие к политическим элитам.

В-третьих, модернизационные усилия неразрывно связаны с геополитической турбулентностью. В случае Грузии евроинтеграция провоцирует негативную реакцию со стороны России и усиливает внутренние противоречия [6]. Армянская стратегия баланса оказалась под ударом после Второй карабахской войны 2020 г. и последующих региональных трансформаций. В обоих случаях модернизация тесно связана с вопросами суверенитета и зависимости от внешней среды [10].

Таким образом, Грузия и Армения представляют собой два характерных, но контрастных подхода к модернизации в постсоветском пространстве. Грузинская модель, пронизанная «радикальной европейскостью», понимает модернизацию как процесс приближения к внешнему идеалу. Армянский проект «Настоящей Армении» предлагает инклюзивную, внутренне мотивированную трансформацию, нацеленную на укрепление национального агентства.

Каждая из моделей обладает как сильными сторонами, так и внутренними уязвимостями. Грузия выигрывает в стратегической определенности, но сталкивается с рисками социальной изоляции и внешней зависимости. Армения демонстрирует институциональную гибкость, однако ей не хватает

концептуальной ясности и устойчивости в геополитическом позиционировании.

В конечном счете обе модернизационные траектории позволяют глубже понять фундаментальные вопросы идентичности, легитимности и будущего государственности в постсоветском мире. Их сравнительный анализ не только выявляет различия в путях развития, но и подчеркивает сложность самой задачи формирования модерности в регионе, балансирующем между глобальными вызовами и локальными реалиями.

Источники и литература

1. *Elamiryan R., Sikharulidze A.* Colored versus Velvet: Revolutions in Georgia and Armenia // *European Studies in the Caucasus. The 'New' Geopolitics in the Caucasus: What Role for the EU?* 2024. Vol. 4. P. 77–98.
2. EU Foreign Policy Chief Kaja Kallas ends visit to Yerevan aimed at strengthening partnership with Armenia. 2025. CommonSpace.EU. URL: [clck.ru/3NjBY5](https://common-space.eu/3NjBY5) (дата обращения: 01.06.2025).
3. *Kakachia K., Lebanidze B., Kakabadze S.* Transactional hedging versus value-based hedging: how small frontline states balance between European integration and Russian influence // *European Security*. 2024. № 33 (2). P. 1–21.
4. *Paternoster T.* Georgia stands at a crossroads between EU and Russia in pivotal, tense election. URL: <https://golnk.ru/1vpMz> (дата обращения: 24.03.2025)
5. *Vadim Gejadze.* 20 лет Грузии в Совете Европы // *Тбилисская неделя*. URL: <https://golnk.ru/grvAk> (дата обращения: 15.04.2025)
6. *Адекеров Р.* Грузия уходит от ЕС... в Европу? // *Вестник Кавказа*. 1 апреля 2025. URL: <https://golnk.ru/z23EO> (дата обращения: 21.04.2025).
7. Анализ новостей: Реальная Армения и общественное доверие. URL: <https://golnk.ru/XAXDE> (дата обращения: 10.05.2025)
8. *Ким О.В.* Теория модернизации: между евроцентризмом и множеством «модерностей» // *Вестник Томского государственного университета*. История. 2012. № 1 (17). С. 89–94.
9. *Кирчанов М.В.* Дихотомия «Европа – Россия» как изобретенная традиция современного грузинского национализма // *Международная аналитика*. 2021. Т. 12. № 1. С. 35–54.
10. *Лазович М.* Политическое балансирование Армении: между Россией и Западом // *Российский совет по международным отношениям*. 2025. URL: <https://golnk.ru/Bd1VA> (дата обращения: 01.06.2025).
11. *Мальцев К.Г., Мальцева А.В., Ломако Л.Л.* Глобализация и вестернизация: горизонты «отождествления» и «различения» // *Социально-политические науки*. 2020. Т. 10. № 5. С. 106–114.
12. *Мухамеджанова Н.М., Орлова Е.В.* Имитация или модернизация? Опыт неорганичной модернизации // *Социодинамика*. 2023. № 12. С. 43–53.

13. Пашинян под прессингом Баку? Мнения политологов о концепции «Реальной Армении». 2025. JamNews. URL: <https://golnk.ru/QK1E3> (дата обращения: 17.04.2025)

14. Президент Армении подписал закон о начале вступления республики в ЕС. 4 апреля 2025 // ТАСС. URL: <https://golnk.ru/ekN9L> (дата обращения: 21.05.2025).

15. Проект «Идеология “Настоящей Армении” Никола Пашиняна». 19 февраля 2025 // Armenian Global Community. URL: <https://golnk.ru/ZBQMv> (дата обращения: 01.06.2025).

16. Сихарулидзе А.Т. Грузия за пределами «радикальной европеизации»: нераскрытые направления внешней политики // Международная аналитика. 2020. Т. 11. № 2. С. 91–108.

17. Сихарулидзе А.Т. Развитие политического самосознания в Грузии // Россия и новые государства Евразии. 2024. № III (LXIV). С. 109–121.

18. Строкань С. Никол Пашинян ищет новую веру // Коммерсантъ. 2025. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/7851804> (дата обращения: 29.06.2025).

Д.С. Плотников

ТРАНСФОРМАЦИЯ ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКОЙ СТРАТЕГИИ АРМЕНИИ ПОСЛЕ КАРАБАХСКИХ ВОЙН 2020 и 2023 гг.

Наиболее значимым фактором постсоветских лет, влиявшим на внешнеполитическую стратегию Армении, явилась проблема неразрешенного территориального спора с Азербайджаном вокруг Нагорного Карабаха, которая обуславливала акцент Еревана на вопросах военной безопасности. Стремление удержать Карабах (в армянской версии – Арцах) под крылом Армении обосновывалось идеей «Большой исторической Армении» и представлением об Арцахе как колыбели армянства. В центре исторической и символической политики Армении на протяжении постсоветских десятилетий сохраняется обращение к исторической Армении, простирающейся далеко за пределы постсоветских границ Республики Армении и отраженной на гербе государства в виде символов четырех древнеармянских царств (родов). Краеугольным камнем исторической Армении являлся Арцах (Карабах), воссоединение с которым («миацум») стало национальной идеей постсоветской республики. Именно карабахские политики (ветераны Карабахской войны 1992–1994 гг.) возглавляли Армению вплоть до революции 2018 г. Потеря Карабаха в ходе войн 2020 и 2023 гг. обусловила запрос

на изменение внешнеполитической стратегии Армении через разрешение конфликта с Азербайджаном и Турцией, а также пересмотр взаимоотношений с Россией и Европейским союзом (ЕС). Стремясь легитимировать новый внешнеполитический курс, Н. Пашинян риторически противопоставляет историческую Армению реальной, указывая на непомерную тяжесть для армянского населения тянуть на себе «крест» исторической миссии и взамен предлагая сосредоточиться на социальных и экономических задачах в Республике Армении, решить которые будет проще, если установить прочный мир с соседями (проект «Перекресток мира»). Политика премьера Н. Пашиняна встречает сопротивление части политических элит (как представителей карабахских армян в лице экс-президентов Р. Кочеряна и С. Саргсяна, так и Армянской апостольской церкви, включая Католикоса всех армян Гарегина II, архиепископа Баграта, националистов из «Дашнакцутюн», части бизнес-элит и др.), отвергающих проект «Реальной Армении».

Региональный конфликт с превосходящими по демографическому, экономическому и вооруженному потенциалу странами (Азербайджаном и Турцией) обусловил стремление Еревана опереться на военную и экономическую помощь России при одновременном использовании ресурсов армянской диаспоры для получения поддержки со стороны ряда западных стран (прежде всего США и Франции). Таким образом, вхождение Армении в Евразийский экономический союз (ЕАЭС) и Организацию Договора о коллективной безопасности (ОДКБ) совмещалось с гармоничными отношениями с ЕС и США. Как отмечает сотрудник Московского государственного института международных отношений И.В. Болгова, соглашение о всеобъемлющем и расширенном партнерстве между Арменией и ЕС, заключенное в ноябре 2017 г. (подписанное при С. Саргсяне, воспринимаемом в качестве лояльного к России политика), создало уникальную ситуацию, при которой «первые за период функционирования Евразийского экономического союза одно из его государств-членов подписало соглашение такого масштаба с другим интеграционным объединением» [1: 38]. «Бархатная революция» в 2018 г. не привела к смене внешнеполитического курса. Как утверждал премьер-министр Армении Н. Пашинян, «в процессе армянской революции вообще не было никакого геополитического и внешнеполитического контекста» [6]. Взаимоотношения США и Армении также следует признать конструктивными: «Армения подписала План действий индивидуального партнерства с НАТО и участвовала в миссиях НАТО в Афганистане и Косово» [16: 409]. Обзор внешнеполитического курса Армении в постсоветский период показывает стремление Еревана использовать во благо страны ключевых внешнеполитических акторов, с которыми налажено тесное сотрудничество, в том числе посредством диаспаральных институтов. Другими словами, Армения стремится использовать конкуренцию двух интеграционных проектов

ЕС и ЕАЭС с целью извлечения максимума пользы из каждого объединения (в соответствии с национальными интересами). Исследователь Р. Эламирян вводит специальный термин для внешней политики Армении, стремящейся сотрудничать как с ЕС, так и с ЕАЭС, – «сотрудническое сосуществование» [16]. В этом ракурсе поражение во Второй и Третьей («однодневной») войнах в Карабахе привело к краху идеи «миацума» (объединения Армении и Карабаха), вызвав фрустрацию в армянском обществе (выразившуюся в масштабных протестах и делигитимизации власти). Описываемые процессы исследователь Южного Кавказа С. Маркедонов определяет как «декарабахизацию» [8: 96]. Смысл этого явления заключается в стремлении уйти от привязки всего внешнеполитического курса страны к карабахскому вопросу.

Вышеописанные факторы обуславливают исследовательский вопрос: как повлиял крах идеи «миацума» на внешнюю политику Армении? Произошла ли смена внешнеполитической парадигмы (стратегии) и, если да, в чем она заключается? Как указанные процессы повлияли на взаимоотношения Армении с ключевыми внешнеполитическими акторами (Россией и ЕС)?

В связи с рассматриваемыми событиями 2020–2023 гг. И.Л. Прохоренко задается целью определить изменения в области внешней политики Армении после утраты Карабаха, являвшегося смыслообразующим нарративом в постсоветской Армении. Для достижения цели используется дискурс-анализ. Ключевыми источниками выступили документы, касающиеся внешней политики Армении, и интервью, заявления, выступления первых лиц страны (в частности, премьер-министра Н. Пашиняна и главы Министерства иностранных дел (МИД) Армении Арарата Мирзояна и других высокопоставленных лиц). Под внешнеполитической идентичностью понимаются «идеи и представления... о сложившемся и/или желаемом миропорядке, о месте, роли и статусе государства в мире, о его реальных и потенциальных союзниках, соперниках и врагах, о вызовах, угрозах, опасностях и рисках внешней безопасности» [12: 14]. Методологической основой статьи являются подходы в области внешнеполитической идентичности, рассматриваемой в качестве «внешнеполитической идеологии, практик стратегического планирования» [12: 9]. Внешнеполитическая идентичность фокусируется на позиционировании страны в международной системе и поиске себя в этой системе координат. А.В. Павлова определяет внешнеполитическую идентичность как «совокупность представлений государственного актора о самом себе, о своих союзниках и политических оппонентах, о системе международных отношений и о своем месте в ней» [9: 156]. Как отмечает исследователь А.И. Шаповалова, «радикальный разворот в анализе внешнеполитической идентичности произвело развитие дискурсивного метода... Благодаря ему существенно усилилось субъективное течение в понимании идентичности, понимание ее конструированной природы» [15: 67]. Она определяет

внешнеполитическую идентичность как «совокупность таких установок, которые формируют идейную платформу внешней политики» [15: 68]. Авторы монографии «Современные политические стратегии» указывают, что стратегия включает в себя такие элементы, как «миссия, видение, цели, задачи, ресурсы, инструменты, принятие решений» [14: 86]. В рамках данной статьи стратегия понимается в качестве синонима целеполагания. То есть под внешнеполитической стратегией понимается формирование приоритетных задач в области внешней политики, в контексте внешнеполитической идентичности.

Согласно оценке экспертов Национального исследовательского института мировой экономики и международных отношений имени Е.М. Примакова Российской академии наук (ИМЭМО РАН), переосмысление отношений к России произошло после войны 2020 г.: «Ответственность за поражение армянским властям удалось переложить в глазах общественного мнения страны на Россию, которая якобы оказалась “плохим союзником”» [2]. Россия использовала дипломатический вес для заморозки конфликта, а также разместила в Карабахе миротворческие силы, направленные на защиту оставшегося армянского населения региона. Всё вышеперечисленное несколько сгладило горечь поражения в 44-дневной войне осенью 2020 г., позволив Н. Пашиняну сохранить власть по итогам досрочных парламентских выборов лета 2021 г.

Наиболее острая критика со стороны Н. Пашиняна в адрес России прозвучала после Третьей карабахской войны и исхода армян из региона. В октябре 2023 г., выступая в Европарламенте, Н. Пашинян подчеркнул ценностную солидарность Армении и Европы, а также раскритиковал политику России, указав, что в критический период бегства армян из Нагорного Карабаха «наши союзники в сфере безопасности не только не помогали нам, но и выступали с публичными призывами к смене власти, к свержению демократической власти в Армении» [13]. Премьер-министр обвинил российских миротворцев в «бездействии», а ОДКБ в том, что «оставили нас в одиночестве» [13]. В 2024 г. на конференции в Мюнхене Н. Пашинян стремился дистанцироваться от России, указав, что «Армения в вопросе Украины не является союзницей России» [11]. Критика в адрес России сопровождалась заморозкой членства Армении в ОДКБ, а также выводом российских пограничников из аэропорта Еревана.

Перекалывание ответственности на Россию за провальную политику Еревана в области урегулирования армяно-азербайджанского конфликта вокруг Карабаха имело целью перенаправить гнев армянского общества за горечь поражения на внешние силы, тем самым снизив социально-политическую напряженность в Армении. Если итоги Второй карабахской войны и ввод российских миротворцев в регион оставляли надежды

на сохранение армянского Карабаха в том или ином виде, то однодневная Третья карабахская война, закончившаяся исходом почти всего армянского населения, ознаменовала окончательный крах идеи «миацума». В этих условиях возник запрос на альтернативную внешнеполитическую стратегию, которую власти Армении увидели в идее сближения с Евросоюзом через актуализацию дихотомии «демократия» (Армения) / «диктатура» (Азербайджан). В ноябре 2023 г. глава МИД Армении А. Мирзоян заявил: «Моя страна остается приверженной демократии и демократическим ценностям» [3], добавив при этом, что правительство Армении и народ Армении имеет европейские стремления. Н. Пашинян в октябре 2023 г. благодарил Европарламент за поддержку «как орган, который говорил во время всех испытаний, выпавших на долю Республики Армения и армян Нагорного Карабаха» [13].

Анализ риторики руководства Армении показывает смещение акцента с области внешнеполитической самоидентификации в сторону Евросоюза, тогда как Россия представлена преимущественно в негативном свете как союзник, который не только не помог, но и стремился свергнуть демократический строй. Вместе с тем следует отметить двойственность позиции армянской стороны в вопросах сотрудничества с Россией. Если членство Армении в ОДКБ было заморожено по инициативе Еревана, то продуктивная работа в рамках ЕАЭС продолжается в прежнем объеме, о чем свидетельствует выступление премьер-министра в качестве председателя на заседании межправительственного Евразийского совета в Москве в декабре 2024 года [4]. Как отмечают в аналитической записке сотрудники ИМЭМО РАН, армянская экономика тесно связана как с Россией, так и со странами ЕАЭС. В частности, указывается, что «по данным Евразийской экономической комиссии (ЕЭК), по темпам роста ВВП Армения остается главным бенефициаром среди стран – членов ЕАЭС. При этом опережающие темпы экономического роста достигаются Арменией благодаря наращиванию внешнеторговых операций преимущественно с Россией» [2]. Эти тенденции отметил Н. Пашинян, заявив, что «мы неплохо себя чувствуем в ЕАЭС... с другой стороны, мы не можем не замечать стремления существенной части нашего народа о формировании выбора о будущем Армении» [10]. Обращением к «части нашего народа» Н. Пашинян стремился легитимировать инициативу о проведении референдума в Армении по вопросу вступления республики в ЕС. Российская сторона справедливо подчеркнула невозможность одновременного вхождения в ЕАЭС и стремления к интеграции в ЕС. Законопроект о начале процедуры вступления Армении в ЕС поддержал парламент Армении, в котором «за» проголосовало подавляющее большинство (67 депутатов), «против» – только 7 депутатов оппозиционного блока «Честь имею» [7], связанного с экс-президентом Р. Кочаряном.

Презентация новой идентичности Армении представлена в опубликованном на сайте премьер-министра обращении к народу с названием «Идеология Реальной Армении» [5] в феврале 2025 г., где Н. Пашинян стремится сфокусировать армянскую идентичность вокруг реальной, а не исторической Армении, очерченной в границах Республики Армении.

За последние 7 лет Армения пережила ряд эпохальных событий, среди которых особую роль играет «бархатная революция» 2018 г., Вторая (2020 г.) и Третья (2023 г.) карабахские войны. Революционный характер легитимности власти Н. Пашиняна хоть и осложнил отношения с Россией, но не стал катализатором внешнеполитических трансформаций. После революции 2018 г. новое руководство Армении в целом продолжило прежнюю внешнеполитическую стратегию, предполагающую фокусировку внимания на приоритетных отношениях с Россией в вопросах как экономики, так и безопасности. Тем не менее Армения на протяжении постсоветских десятилетий имела среди стран ЕАЭС особые отношения с США и государствами Евросоюза, подписывая документы стратегического партнерства с последним (2017 г.). Существенные сдвиги в области внешнеполитической стратегии в Армении произошли вследствие утери Карабаха и краха смыслообразующей идеи «миацума» (воссоединения) в ходе Второй и Третьей войны с Азербайджаном. Ответом на военное поражение явилось стремление переложить ответственность на Россию и обозначить новые европейские горизонты для армянского общества. Попытка выйти из состояния затяжного конфликта с соседями посредством отказа от исторической миссии, которой противопоставляется «Реальная Армения» в границах Республики Армении. Важной составляющей философии «Реальной Армении» является стремление добиться экономического процветания республики, которое возможно лишь при сохранении наработанного сотрудничества с Россией в рамках Евразийского союза. Армянское руководство осознает важность сотрудничества с ЕАЭС, при этом стремится заглушить горечь поражения в войне и потерю Карабаха европейской мечтой, представляемой скорее в качестве антидепрессанта, нежели реального плана действий. После потери Карабаха власти Армении сконцентрированы на экономизации внешней политики страны, пытаясь выйти из затяжного регионального конфликта. Противоречивые условия для диверсификации внешнеэкономических и внешнеполитических связей обуславливают сохранение ставки на членстве в ЕАЭС при ограничении сотрудничества с Россией в военно-политической сфере. Таким образом, наблюдается пересмотр российско-армянских отношений в сторону смещения акцента с военно-политической сферы в область экономизации, который органически вписывается в идеологию «Реальной Армении». Основные задачи внешней политики Армении заключаются в том, чтобы, во-первых, разрешить противоречия с соседями (Азербайджан, Турция),

во-вторых, диверсифицировать внешнеполитические и внешнеэкономические связи посредством укрепления сотрудничества с США и ЕС, используя фактор диаспоры, в-третьих, избежать вовлечения в противостояние России и Запада, используя сложившиеся обстоятельства для экономического роста Республики Армения. Отсутствие прогресса в решении поставленных задач создает вызовы для правящих политических элит в канун парламентских выборов (намеченных на 7 июня 2026 г.) и обостряет внутривнутриполитическую борьбу.

Источники и литература

1. Болгова И.В. Отношения между Европейским союзом и Арменией: модель «тихого» сопряжения? // Международная аналитика. 2018. № 2. С. 37–46.
2. Внешняя политика Армении на перепутье: кризис многовекторности. Аналитический доклад ИМЭМО РАН // ИМЭМО РАН. 29.01.2025. URL: <https://www.imemo.ru/files/File/ru/materials/AnalitDoklad-29012025.pdf> (дата обращения: 25.06.25).
3. Глава МИД Армении заявил о европейских устремлениях народа республики // Интерфакс. 15.11.2023. URL: <https://www.interfax.ru/world/930725> (дата обращения: 25.06.25).
4. ЕАЭС изначально создавался и продолжает развиваться в логике формирования общих пространств, включая общий рынок энергоресурсов: премьер-министр // Официальный сайт премьер-министра Республики Армения. 13.12.2014. URL: [https://www.primeminister.am/ru/statements-and-messages/item/2024/12/13/Nikol-Pashinyan-Eurasian-Intergovernmental-Council-meeting/#photos\[pp_gal_1\]/3/](https://www.primeminister.am/ru/statements-and-messages/item/2024/12/13/Nikol-Pashinyan-Eurasian-Intergovernmental-Council-meeting/#photos[pp_gal_1]/3/) (дата обращения: 25.06.25).
5. Идеология Реальной Армении: премьер-министр обратился к народу // Официальный сайт премьер-министра Республики Армения. 19.02.2025. URL: <https://www.primeminister.am/ru/statements-and-messages/item/2025/02/19/Nikol-Pashinyan-Speech/> (дата обращения: 25.06.25).
6. Интервью Никола Пашиняна российскому международному телеканалу Russia Today 14 июня 2018 // Официальный сайт премьер-министра Республики Армения. 14.06.2018. URL: <https://www.primeminister.am/ru/interviews-and-press-conferences/item/2018/06/14/Nikol-Pashinyan-interview-RT/> (дата обращения: 25.06.25).
7. Национальное собрание приняло законопроект о начале процесса вступления Армении в Евросоюз // Armenpress. 12.02.2025 URL: <https://armenpress.am/ru/article/1211823> (дата обращения: 25.06.25).
8. Маркедонов С.М. Армения и Нагорный Карабах: ценностный и поколенческий сдвиг // Мировая экономика и международные отношения. 2023. Т. 67. № 12. С. 93–103.

9. Павлова А.В. Становление внешнеполитической идентичности де-факто государства: от самопровозглашения – к международно-правовой субъектности (казус Абхазии) // Международная аналитика. 2024. Т. 15. № 1. С. 154–173.
10. Пашинян: Армения себя неплохо чувствует в ЕАЭС // ТАСС. 31.01.2025. URL: <https://tass.ru/ekonomika/23022443> (дата обращения: 25.06.25).
11. Пашинян в Мюнхене заявил, что Армения – не союзник России по Украине // РБК. 18.02.2024. URL: <https://www.rbc.ru/politics/18/02/2024/65d254439a7947647de47e6b> (дата обращения: 25.06.25).
12. Прохоренко И.Л. Идентичность как ключ к пониманию мировой политики // Международная аналитика. 2024. Т. 15. № 1. С. 11–19.
13. Речь премьер-министра Никола Пашиняна в Европейском парламенте // Официальный сайт премьер-министра Республики Армения. 17.10.2023. URL: <https://www.primeminister.am/ru/statements-and-messages/item/2023/10/17/Nikol-Pashinyan-Speech/> (дата обращения: 25.06.25).
14. Современные политические стратегии / отв. ред. В.А. Гуторов, Д.А. Мальцева. СПб., 2022.
15. Шаповалова А.И. Структура внешнеполитической идентичности государства // Идентичность как предмет политического анализа: сб. ст. по итогам Всерос. науч.-теорет. конф. (ИМЭМО РАН, 21–22 октября 2010 г.) / ред. И.С. Семененко, Л.А. Фадеева и др. М., 2011. С. 65–69.
16. Эламирян Р.Г. Россия и ЕС на постсоветском пространстве: в поиске сотрудничества сосуществования (на примере Армении) // Вестник Кемеровского государственного университета. 2022. Т. 24. № 3. С. 405–412.

В.В. Фаузер, И.Л. Жеребцов, Г.Н. Фаузер, Т.Е. Гончарова

НАЦИОНАЛЬНЫЕ РЕСПУБЛИКИ СЕВЕРА РОССИИ И СЕВЕРНОГО КАВКАЗА¹

В статье 5 Конституции Российской Федерации (РФ) отмечается, что РФ состоит из республик, краев, областей, городов федерального значения, автономной области, автономных округов – равноправных субъектов РФ [7: 1]. В ее составе 89 субъектов: 24 республики, включая новые территории (республики Донецкая, Крым, Луганская), 9 краев, 1 автономная область, 4 автономных округа, 48 областей и 3 города федерального значения. Субъекты выделяются с учетом территориального и национально-территориального принципов. Из 24 республик 21 является национально-государственным

¹ Статья подготовлена в рамках НИР «Влияние демографических вызовов на трудообеспеченность северных и арктических территорий: новые реалии XXI века» (№ ГР 125013001104-0, 2025–2027 гг.).

образованием, где в названии присутствует коренной этнос, дающий название республике (исключение Республика Дагестан). В нашем исследовании представлены 6 северных и 7 кавказских республик.

В научной литературе социально-экономические характеристики республик достаточно полно представлены в серии монографий «Народы и культуры», основанной в 1992 г. В ней описаны северные этносы [9: 1; 10: 1; 3: 1; 21: 1], народы Дагестана [8: 1] или отдельные кавказские народы [1: 1; 2: 1; 5: 1; 20: 1]; по каждому этносу имеются работы, выполненные региональными научными центрами [6: 1; 12: 1]. Авторы имеют наработки в изучении влияния кавказских народов на динамику численности населения Европейского Севера [4: 1], на колонизацию Республики Коми [16: 1; 14: 1]. Методология исследования демографической динамики отдельных российских этносов была опробована на примере статусных этносов Российской Арктики и Севера [18: 1], коренных малочисленных народов Севера [11: 2] и финно-угорских народов [13: 2]. По северным и кавказским этносам имеются работы, выполненные региональными научными центрами [15: 2].

Социально-демографические характеристики

Северные республики. Первое представление о демографическом потенциале статусных этносов дает информация об их численности. На 1 января 2024 г. численность населения шести статусных республик составляла 3 766 361 человек, или 2,6 % от численности населения России (146 150 789 человек). Если бы это был один крупный регион, то он по численности населения расположился бы между Тюменской областью (включая Ханты-Мансийский и Ямало-Ненецкий автономные округа) с численностью населения 3 890 800 (2,66 % – от численности населения РФ, 8-е место) и Челябинской областью – 3 395 798 человек (2,32 %, 9-е место), т.е. был бы на девятом месте среди регионов России. Каждое этническое образование в отдельности занимает более скромное место по численности населения среди регионов России: Республика Саха (Якутия) – 50-е, Республика Бурятия – 52-е, Республика Коми – 62-е, Республика Карелия – 73-е, Республика Тыва – 78-е и Республика Алтай – 81-е место.

Северные республики отличаются от других регионов России большой площадью и низкой плотностью населения. На первом месте по площади среди субъектов России стоит Республика Саха (Якутия), она занимает 3 083 500 км² (для сравнения площадь Европейской части России – 3 783 533 км²), что составляет 18,01 % от площади России. Среди северных республик Республика Коми стоит на 2-м месте, занимает площадь в 416 774 км² (11-е место по России) (например, площадь Швеции – 449 964 км²), самую маленькую территорию занимает Республика Алтай – 92 903 км², 35-е место по России (площадь Португалии – 92 082 км²). Как видим, северные республики по территории равны европейским государствам.

Как уже отмечалось выше, большие площади и малое количество людей обусловили низкую плотность населения. Так, плотность населения Республики Саха (Якутия) составляет всего 0,32 чел/км², а средняя по стране – 8,53 чел/км². Для сравнения: среди российских республик самая высокая плотность населения в Республике Ингушетия – 168,82 чел/км² (5-е место), в Чеченской Республике – 96,03 чел/км² (6-е место) и Республике Северная Осетия – Алания – 85,00 чел/км² (7-е место). Низкая плотность населения в Республике Коми – 1,73 чел/км², а Республика Карелия отличается в большую сторону – 2,90 чел/км² (табл. 1).

Таблица 1

Численность населения, занимаемая площадь и плотность населения северных республик России на начало 2024 г.

Субъект РФ	Всё население, чел.	% от общей численности населения РФ	Ранг по численности населения	Площадь, км ²	Ранг по занимаемой площади	Плотность населения, чел/км ²
Республика Саха (Якутия)	1 001 664	0,69	50	3 083 523	1	0,32
Республика Бурятия	971 922	0,67	52	351 334	14	2,77
Республика Коми	720 610	0,49	62	416 774	11	1,73
Республика Карелия	523 856	0,36	73	180 520	17	2,90
Республика Тыва	337 544	0,23	78	168 604	20	2,00
Республика Алтай	210 765	0,14	81	92 903	35	2,27

Примечание: ранжировано по численности населения.

Республики Северного Кавказа. Республики Северного Кавказа занимают площадь 112 090 км², что составляет 0,65 % от территории России. Для сравнения: на северные республики приходится 4 293 658 км², или 25,1 % от территории страны. Зато по численности населения кавказские республики дают фору всем северным. Так, на начало 2024 г. в кавказских республиках проживало 7 865 556 чел., а на российском Севере, включающем 13 субъектов, проживало 7 441 483 чел., то есть на 424 073 чел. меньше. Если на российском Севере плотность населения не достигает одного человека на км², то в республиках Северного Кавказа она составляет более 70 человек. Основные характеристики республик Северного Кавказа представлены в таблице 2.

Таблица 2

Численность населения, занимаемая площадь и плотность населения
республик Северного Кавказа России на начало 2024 г.

Субъект РФ	Всё население, чел.	% от общей численности населения РФ	Ранг по численности населения	Площадь, км ²	Ранг по занимаемой площади	Плотность населения, чел/км ²
Республика Дагестан	3 232 224	2,21	10	50 270	52	64,30
Чеченская Республика	1 552 866	1,06	30	16 171	76	96,03
Кабардино-Балкарская Республика	905 464	0,62	57	12 470	79	72,61
Республика Северная Осетия – Алания	678 879	0,46	64	7987	80	85,00
Республика Ингушетия	527 220	0,36	72	3123	82	168,82
Республика Адыгея	500 591	0,34	75	7792	81	64,24
Карачаево-Черкесская Республика	468 322	0,32	76	14 277	78	32,80

Примечание: ранжировано по численности населения.

Демография

Северные республики. Демографический потенциал шести северных республик с 1989 по 2024 г. сократился на 916 444 чел., а численность к исходному уровню составила 74,7 %, то есть уменьшилась на одну четверть. Все республики демонстрировали разную демографическую динамику. Наибольшие потери понесли две европейские республики – Карелия и Коми: с 2 040 997 чел. в 1989 г. до 1 244 466 чел. в 2024 г., они сохранили 61,0 % от исходного демографического потенциала. Республика Коми теряла население интенсивнее, чем Карелия. Так, если в 1989 г. на Карелию приходилось 16,5 % от численности населения Европейского Севера, а на Коми – 26,2 %, то в 2024 г. Карелия увеличила свою долю до 18,1 %, а Коми снизила до 24,8 %.

На азиатском Севере обе республики начиная с 2002 г. демонстрировали рост своей численности: прирост составил 84 418 чел. Примечательно, что в Республике Саха (Якутия) численность населения вновь перешагнула миллионный рубеж. Наряду с ростом абсолютной численности населения, обе республики увеличили свое представительство: Республика Саха (Якутия)

с 21,9 до 22,1 %, Тыва – с 7,0 до 7,4 %. Республики, входящие в Север частично, расположенные в Южной и Восточной Сибири, демонстрировали разноплановую динамику. Республика Алтай увеличила как свою численность – на 110,5 %, так и свою долю – с 0,9 до 1,6 %; Республика Бурятия потеряла 59 411 чел., а доля снизилась с 4,8 до 4,6 % (табл. 3).

Таблица 3

Численность населения северных республик России
(переписи населения 1989–2021 гг. и данные текущего учета на начало 2024 г., чел.)

Регион	1989 г.	2002 г.	2010 г.	2021 г.	2024 г.
Север России	12 807 752	10 818 872	10 158 433	9 406 473	9 350 079
Европейский Север	4 775 262	3 964 028	3 567 772	2 959 025	2 898 976
Республика Карелия	790 150	716 281	643 548	533 121	523 856
Республика Коми	1 250 847	1 018 674	901 189	737 853	720 610
Азиатский Север	4 917 657	4 336 659	4 349 179	4 496 196	4 542 507
Республика Саха (Якутия)	1 094 065	949 280	958 528	995 686	1 001 664
Республика Тыва	308 557	305 510	307 930	336 651	337 544
Регионы, входящие в Север частично	3 114 833	2 518 185	2 241 482	1 951 252	1 908 596
Республика Алтай	27 634	28 934	29 651	29 951	30 546
Республика Бурятия	148 082	116 510	105 731	90 999	88 671
Всего по республикам	3 619 335	3 135 189	2 946 577	2 724 261	2 702 891

Республики Северного Кавказа. В 1989 г. на Северном Кавказе было шесть республик, в 1992 г. после разделения Чечено-Ингушской АССР на две республики – Чеченскую и Ингушскую, на карте России появился самый малый по территории регион, 3,1 тыс. км² – это чуть больше площади Москвы. Оставшись без столицы, Ингушетия построила себе новую «с нуля», дав ей имя Магас. Из этого следует, что динамику численности населения этих двух республик следует рассматривать с 2002 г. С 1989 по 2024 г. суммарная численность населения республик увеличилась на 2 559 964 чел., или на 148,3 %, наиболее высокие темпы продемонстрировала Республика Дагестан – 179,3 %, наименьшие – Северная Осетия – Алания – 107,3 %. Если бы Чеченская и Ингушская Республики оставались вместе, то их численность составила бы 2 080 086 чел., или 26,4 % от общей численности. В 1989 г. на Республику Дагестан приходилось 34,0 % от общей численности населения, а в 2024 г. – уже 41,1 % (табл. 4).

Таблица 4

Численность населения республик Северного Кавказа России
(переписи населения 1989–2021 гг. и данные текущего учета на начало 2024 г., чел.)

Регион	1989 г.	2002 г.	2010 г.	2021 г.	2024 г.
Республики Северного Кавказа	5 305 592	6 645 859	7 082 541	7 760 775	7 865 556
Республика Адыгея	432 046	447 109	439 996	496 934	500 591
Республика Дагестан	1 802 188	2 576 531	2 910 249	3 182 054	3 232 224
Республика Ингушетия*	–	467 294	412 529	509 541	527 220
Кабардино-Балкарская Республика	753 531	901 494	859 939	904 200	905 464
Карачаево-Черкесская Республика	414 970	439 470	477 859	469 865	468 322
Республика Северная Осетия – Алания	632 428	710 275	712 980	687 357	678 879
Чеченская Республика	1 270 429	1 103 686	1 268 989	1 510 824	1 552 866

* В 1989 г. Республика Ингушетия входила в состав Чечено-Ингушской АССР.

Еще один важный аспект – распространенность межнациональных браков. Можно предположить, что в северокавказских республиках будут доминировать однонациональные браки, в то время как в северных – межнациональные. По северным республикам это можно объяснить тем, что население там формировалось за счет внешней миграции [17: 6], а также существующей системой расселения [19: 6].

Распределение семей по национальной принадлежности супругов

Сохранение своей этнической идентичности предполагает заключение брака с партнером своей национальности, знание и использование родного языка, соблюдение обычаев и участие в национальных движениях и проводимых культурных мероприятиях, т.е. позиционирование себя в публичном пространстве представителем своей национальности, своего этноса. И не менее важно прививать свою идентичность детям и внукам. Рассмотрим распределение семей по национальной принадлежности супругов на примере двух республик.

Республика Коми. Перепись населения 2021 г. выделила по национальной принадлежности супругов 8 национальностей. Для анализа оставили восемь национальностей у мужчин и шесть у женщин, исключили чувашек и азербайджанок, где число супружеских пар было наименьшим. Всего в республике 109 474 супружеских пары, где супруги указали национальность. Супружеских пар, где оба супруга коми, – 18 294, или 65,1 %. Мужчины коми имели супругу (%): коми – 71,0, русскую – 25,7, украинку – 1,0

и по 0,3 – татарку, белоруску и немку. Женщины коми имели супруга (%): коми – 64,9, русского – 29,3, украинца – 1,9 белоруса – 0,6, немца – 0,5, татарина – 0,4, чуваша – 0,3 и азербайджанца – 0,2. Самая высокая доля состоящих в однонациональном браке у русских – 83,9 % и коми – 65,1 %. Ввиду малочисленности, многие национальности не могут найти брачного партнера своей национальности и в силу объективных причин вступают в брак с лицом другой национальности. Межнациональные браки характерны для немцев – 92,8 %, белорусов – 85,9 %, украинцев – 71,0 % и татар – 67,0 % (табл. 5).

Таблица 5

Распределение супружеских пар населения Республики Коми по национальной принадлежности супругов

Национальность	Супруга указала национальность	в том числе национальная принадлежность супруги					
		русские	коми	белорусы	немцы	татары	украинцы
Всего супружеских пар	110 593	72 561	28 381	583	422	900	2594
Супруг указал национальность	109 474	71 830	28 176	574	414	893	2563
Русские	72 120	60 239	8249	324	249	406	1357
Коми	25 753	6615	18 294	83	83	66	266
Азербайджанцы	717	193	46	4	4	3	6
Белорусы	722	412	154	81	4	5	35
Немцы	532	318	131	6	28	7	24
Татары	1015	508	115	8	4	294	30
Украинцы	3248	1748	528	42	28	46	733
Чуваши	486	235	97	4	1	7	17
Супружеские пары:							
в однонациональном браке	82 740	60 281	18 342	81	30	295	742
в межнациональном браке	26 734	11 549	9834	493	384	598	1821
в однонациональном браке, %	75,58	83,92	65,10	14,11	7,25	33,03	28,95
в межнациональном браке, %	24,42	16,08	34,90	85,89	92,75	66,97	71,05

Республика Адыгея. Перепись населения 2021 г. насчитала 89 298 супружеских пар и 84 759 пар, где оба супруга указали национальность. Супружеских пар, где оба супруга адыгейцы, – 17 754, или 20,9 % от их общего числа, больше всего супружеских пар русских – 59,3 %, на 3-м месте стоят черкесы – 3,8 %. Мужчины адыгейцы имели супругу (%): адыгейку – 89,6,

русскую – 8,2, черкеску – 0,9, армянку – 0,3, татарку – 0,2 и украинку – 0,1. Женщины адыгейки имели супруга (%): адыгейца – 95,0, русского – 2,5, черкеса – 1,3, армянина – 0,2 и по 0,1 – азербайджанца и татарина. Почти все национальности, проживающие в республике, состоят в однонациональном браке, в межнациональном браке состоят 58,9% татар, 67,0% украинцев (табл. 6).

Таблица 6

Распределение супружеских пар населения Республики Адыгея по национальной принадлежности супругов

Национальность	Супружеские пары, где супруга указала национальность	в том числе национальная принадлежность супруги							
		русские	адыгейцы	армяне	курды	татары	украинцы	цыгане	черкесы
Всего супружеских пар	85 281	55 026	18 810	2831	1160	399	619	481	3223
Супружеские пары, где супруг указал национальность	84 759	54 708	18 697	2812	1158	397	618	480	3201
Русские	52 184	50 281	467	308	9	159	342	22	35
Адыгейцы	19 823	1625	17 754	67		34	17		173
Азербайджанцы	505	103	15	18	6	4	3		2
Армяне	3232	779	36	2344	1	4	14	1	5
Греки	206	62	7	9			4		
Курды	1197	30	2	9	1139				
Татары	426	217	24	4		162	5		3
Украинцы	646	408	6	4		6	202		1
Цыгане	504	42	1	3				456	
Черкесы	3389	157	235	5	1	2	1		2961
Супружеские пары:									
в однонациональном браке	77 071	50 290	17 786	2346	1139	163	204	456	2981
в межнациональном браке	7688	4418	911	466	19	234	414	24	220
в однонациональном браке, %	90,93	91,92	95,13	83,43	98,36	41,06	33,01	95,00	93,13
в межнациональном браке, %	9,07	8,08	4,87	16,57	1,64	58,94	66,99	5,00	6,87

Сравнительный анализ северных и кавказских республик показал, что они имеют разный вектор демографического развития. В национальных республиках сохраняется высокая гомогенность супружеских пар по национальной принадлежности. В перспективе предстоит изучить вопросы представительства северных этносов в республиках Северного Кавказа, имеют ли место межнациональные браки. Следует также изучить миграционную подвижность коренных этносов, проживающих в национальных республиках.

Источники и литература

1. Абхазы / отв. ред. Ю.Д. Анчабадзе, Ю.Г. Аргун. М., 2012.
2. Адыги: Адыгейцы. Кабардинцы. Черкесы. Шапсуги / отв. ред. А.Х. Абазов, Ю.Д. Анчабадзе, А.В. Кушхабиев, М.М. Паштова. М., 2022.
3. Буряты / отв. ред. Л.Л. Абаева, Н.Л. Жуковская. М., 2004.
4. Жеребцов И.Л., Фаузер В.В. Кавказская компонента в динамике численности населения Европейского Севера и Республики Коми // Известия Коми научного центра УрО РАН. Серия «Историческая демография». 2023. № 8 (66). С. 98–106.
5. Ингуши / отв. ред. М.С.-Г. Албогачиева, А.М. Мартазанов, Л.Т. Соловьёва. М., 2013.
6. История Коми с древнейших времен до современности / ред. И.Л. Жеребцов, А.А. Попов, А.Ф. Сметанин. Сыктывкар, 2011. Т. 2.
7. Конституция Российской Федерации: текст с изменениями и дополнениями 2020 и 2022 года. Екатеринбург, 2025.
8. Народы Дагестана / отв. ред. С.А. Арутюнов, А.И. Османов, Г.А. Сергеева. М., 2002.
9. Народы Поволжья и Приуралья: Коми-зыряне. Коми-пермяки. Марийцы. Мордва. Удмурты / отв. ред. Н.Ф. Мокшин, Т.П. Федянович, Л.С. Христолюбов. М., 2000.
10. Прибалтийско-финские народы России / отв. ред. Е.И. Клементьев, Н.В. Шлыгина. М., 2003.
11. Фаузер В.В. Методические подходы к исследованию коренных народов: российская практика // Экономика: стратегия и практика. 2024. № 19 (1). С. 6–18.
12. Фаузер В.В. Республика Коми на рубеже веков: демография, миграция, расселение. Ижевск, 2023.
13. Фаузер В.В. Финно-угорские народы России: динамика численности и особенности расселения // Вестник Казахского национального университета им. Аль Фараби. Серия географическая. 2025. № 76 (1). С. 4–16.
14. Фаузер В.В., Жеребцов И.Л. Колонизация Республики Коми: роль этнической компоненты. Сыктывкар, 2023. Вып. 23.

15. Фаузер В.В., Жеребцов И.Л. Национальные республики России: от Севера до Юга // Известия Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук. Серия «Историческая демография». 2025. № 4 (80). С. 52–61.

16. Фаузер В.В., Жеребцов И.Л., Васкул И.О., Фаузер Г.Н. Роль народов Кавказа в колонизации и освоении Республики Коми // Народы Кавказа в XVIII–XXI вв.: история, политика, культура: мат-лы X Междунар. форума историков-кавказоведов (г. Ростов-на-Дону, 12–13 октября 2023 г.) / отв. ред. акад. Г.Г. Матишов. Ростов н/Д.: Изд-во ЮНЦ РАН, 2023. С. 246–254.

17. Фаузер В.В., Лыткина Т.С., Фаузер Г.Н. Миграционный фактор динамики численности и этнических структур населения Российского Севера // Север и рынок: формирование экономического порядка. 2017. № 5 (56). С. 32–43.

18. Фаузер В.В., Смирнов А.В., Фаузер Г.Н. Этнический потенциал формирования человеческих ресурсов Российской Арктики // Арктика: экология и экономика. 2024. Т. 14. № 2. С. 286–300.

19. Фаузер В.В., Смирнов А.В., Лыткина Т.С., Фаузер Г.Н., Клименко В.А. Малые и средние города в системе расселения российского Севера: 1939–2020 гг. // Арктика и Север. 2021. № 44. С. 223–249.

20. Чеченцы / отв. ред. Л.Т. Соловьева, В.А. Тишков, З.И. Хасбулатова. М., 2023.

21. Якуты (Саха) / отв. ред. Н.А. Алексеев, Е.Н. Романова, З.П. Соколова. М., 2012.

Н.В. Кратова

РАЗВИТИЕ МУСУЛЬМАНСКОЙ УММЫ В КАРАЧАЕВО-ЧЕРКЕССИИ В КОНЦЕ 80-х гг. XX в. – ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XXI в.

В конфессиональной структуре России за последние три десятилетия происходили серьезные трансформации. В настоящей статье мы рассмотрим изменения в исламской общине Карачаево-Черкесии, наиболее крупном сегменте региональной религиозной палитры.

Глубоких исследований по состоянию и уровню религиозности населения в постсоветский период Карачаево-Черкесии не проводилось. Однако в июле 2009 г. небольшой социологический опрос проведен все же был. При небольшой выборке в 500 человек результат представляется вполне релевантным. Подавляющее большинство опрошенных (97,2 %) заявило о себе как о принадлежащих к той или иной конфессии или о своей внеконфессиональной

религиозности. Значительное количество (86,8 %) сказало, что полностью (9,2 %) или частично (77,6 %) соблюдают религиозные обряды, а 56 % подтвердили, что готовы отстаивать свою веру путем личного примера и убеждения [9]. Таким образом, очевидно, что религиозный фактор играет важную роль в жизни местного социума, и можно уверенно говорить о значительной корреляции этнической и религиозной идентичности. Поэтому данные переписей населения о национальном составе региона, на наш взгляд, можно использовать и для понимания конфессиональной структуры в целом. Для анализа мы будем использовать сведения о численности наиболее крупных этнических общин: русских, карачаевцев, черкесов, абазин и ногайцев.

Из таблицы, составленной автором на основании ежегодных отчетов Уполномоченного по связям с религиозными организациями, видно, как менялась численность населения, традиционно исповедующего ислам, за последние тридцать лет. Общий рост весьма внушителен – 51,98 %. Если в 1989 г. мусульмане составляли около половины жителей республики, то в 2021 г. их число достигло 67,98 %. Положительную динамику численности демонстрировали все мусульманские народы, однако наиболее высокий рост этого показателя, как в абсолютном, так и относительном выражении наблюдался у карачаевцев, а вот относительная численность других народов несколько снизилась.

Таблица 1

Динамика численности мусульманского населения Карачаево-Черкесии
в 1989–2021 гг.

Годы	Общая численность	Численность мусульман	Карачаевцы	Черкесы	Абазин	Ногайцы
1989 (КЧАО)	414 970 (100 %)	210 158 (50,64 %)	129 449 (31,19 %)	40 241 (9,7 %)	27 475 (6,62 %)	12 993 (3,13 %)
2002 (КЧР)	439 470 (100 %)	266 008 (60,53 %)	169 198 (38,50 %)	49 591 (11,28 %)	32 346 (7,36 %)	14 873 (3,38 %)
2010 (КЧР)	477 859 (100 %)	303 363 (63,5 %)	194 324 (40,67 %)	56 466 (11,82 %)	36 919 (7,73 %)	15 654 (3,28 %)
2021 (КЧР)	469 865 (100 %)	319 435 (67,98 %)	205 578 (43,75 %)	58 825 (12,52 %)	37 664 (8,02 %)	17 368 (3,69 %)
Динамика, чел.	+54 895	+109 245	+76 079	+18 584	+10 189	+4375
Динамика, %	+13,23	+51,98	+58,77	+46,18	+37,08	+33,67

В советский период все верующие Карачаево-Черкесии, независимо от вероисповедания, испытывали трудности при регистрации религиозной общины. В качестве компромисса, устраивавшего и власть, и верующих, использовался «кустовой» принцип: духовенство зарегистрированных религиозных организаций окормляло не только своих прихожан, но и верующих близлежащих населенных пунктов. При этом религиозность населения была достаточно высокой. По оценке уполномоченного Совета по делам религий при Совете Министров СССР по Карачаево-Черкесской автономной области Н.Г. Проваторова, процент верующих в области достигал 18 %, доля сочувствующих составляла 20 % и более. Очевидно, что в таких условиях отказ в регистрации общины вызывал социальное напряжение. Неудивительно, что одним из следствий смягчения политического курса в конце 1980-х гг. стала выраженная тенденция к регистрации новых религиозных общин. В полной мере это было характерно и для мусульманской уммы. Только в течение 1989 г. на регистрацию подали заявки 7 новых общин, 5 из которых успешно приобрели официальный статус. Было очевидно, что в перспективе на ближайшие годы мусульмане будут активизироваться в регистрации религиозных общин, стремясь иметь их в большинстве аулов, и строительстве канонических мечетей. В течение 1990 г. число мусульманских объединений выросло более чем вдвое (см. рис. 1).

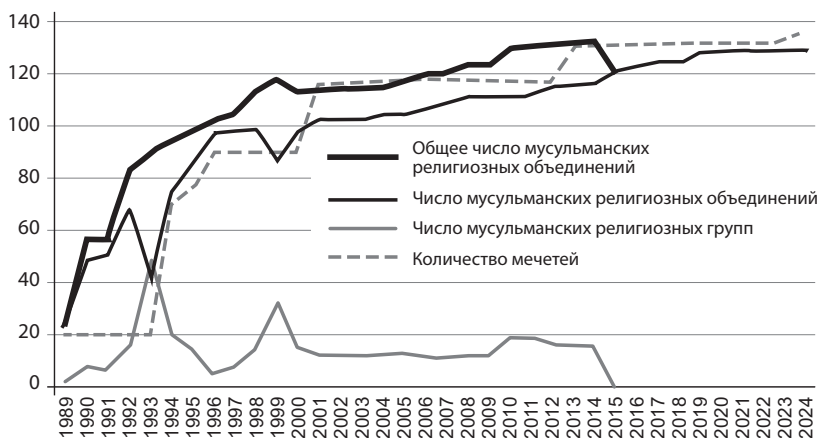

Рис. 1. Изменение численности мусульманских религиозных общин и количества мечетей, 1989–2024 гг. (Графики составлены на основании отчетов Уполномоченного по связям с религиозными организациями и данных из реестра Минюста РФ)

После массовой регистрации мусульманских общин в начале 1990-х гг., к середине последнего десятилетия XX в. ситуация успокаивается. Характерной чертой стало формирование «буферной» прослойки незарегистрированных

общин. Часть готовилась к регистрации, другие общины довольствовались статусом квартальной мечети. Так, в 1994 г. насчитывалось 19 незарегистрированных мусульманских религиозных групп [7].

Важным рубежом в формировании и официальном оформлении религиозных общин стал 1997 г., когда был принят федеральный закон «О свободе совести и о религиозных объединениях», установивший новые правила регистрации.

Проведение перерегистрации после изменения законодательства неизменно приводило к временному снижению численности зарегистрированных общин. Об этом наглядно свидетельствуют «клинья» на рисунке 1 в 1993 и 1999 гг. При этом общее число зарегистрированных и незарегистрированных общин не уменьшалось. К концу 1990-х гг. религиозный бум завершается. К этому времени общины были зарегистрированы практически во всех населенных пунктах, где проживали мусульмане. В дальнейшем новые организации регистрировались уже в основном в небольших населенных пунктах. Постепенно утрачивалась роль религиозных групп как буферных структур перед регистрацией. Наступило понимание, что для осуществления религиозной деятельности необязательно приобретение статуса юридического лица. Более того, необходимость предоставления отчетов в налоговые органы и региональное управление Министерства юстиции, неизбежные проверки контролирующих структур были обременительны для небольших общин, в которых имаму помимо богослужебных приходилось выполнять заодно функции бухгалтера и юриста. Поэтому некоторые квартальные мечети предпочитали сохранять свой неофициальный статус, при необходимости заявляя о себе как о филиалах джума-мечети, а информация о них перестала отражаться в отчетной документации.

Показательна, на наш взгляд, информация о доле мусульманских общин в общем количестве действующих в регионе религиозных объединений и организаций. Этот показатель вполне коррелирует с данными о численности мусульманского населения. В 2021 г. мусульмане составили 68 % от общего числа жителей республики. В этом же году мусульманские общины составили 72,7 % от общего числа религиозных объединений, действующих в Карачаево-Черкесии.

Заметная разница доли мусульманских организаций в общем количестве зарегистрированных общин и доли мусульманских объединений, включая религиозные группы, в общем количестве религиозных объединений объясняется наличием у мусульман значительного количества общин, действовавших в качестве религиозной группы.

С конца 1980-х гг. идет активное строительство культовых сооружений. Это неудивительно, если принять во внимание, что имеющиеся два десятка мечетей, по сути, представляли собой приспособленные для совершения

намаза домики, которые отличались от других зданий только пристроенным подобием минарета.

Уже в 1990 г. уполномоченный по Ставропольскому краю (куда в тот период входила и Карачаево-Черкесия) Василий Владимирович Шнюков говорил о развертывании строительства 16 мечетей и подготовки к строительству еще в 7 населенных пунктах [5].

Одним из сложных направлений работы органов исполнительной власти как на федеральном, так и на региональном уровне стало возвращение культовых зданий религиозным организациям. Бывшие церкви и мечети имели своих собственников, их изъятие было невозможно без материальной компенсации. Именно этим занималась Комиссия по вопросам религиозных объединений при Правительстве РФ. Еще сложнее обстояло с культовыми зданиями, являвшимися памятниками архитектуры. Возникали острые трения с музеями. Лишь спустя годы удалось найти приемлемые компромиссы.

В Карачаево-Черкесии сохранилось 6 зданий бывших мечетей. Памятниками архитектуры они не являлись и использовались в основном под хозяйственные нужды. Вопрос о возвращении мечетей удалось решить в аулах Хурзук и Верхняя Теберда в Карачаевском районе. А вот в селах Терезе и Первомайское Малокарачаевского района здания использовались в качестве магазинов, в поселке Новый Карачай Карачаевского района в бывшей мечети располагался дом культуры, в ауле Али-Бердуковском Хабезского района в старом культовом здании располагался швейный цех.

Следует отметить, что острых конфликтов в связи с возвращением старых мечетей не возникало. Объяснялось это тем, что все они находились в ветхом состоянии. Однако в швейном цеху в ауле Али-Бердуковском работало много людей. Передача здания означала закрытие предприятия, дававшего аульчанам заработок. Проще было построить новое, современное здание, с чем обычно соглашались и верующие, и власти.

Помимо финансовой помощи еще одной формой поддержки религиозных организаций являлась передача помещений под религиозные нужды. С 1992 по 1994 г. органами власти было передано религиозным объединениям 32 здания: 27 – мусульманам, 5 – православным. Большинство зданий было весьма ветхим [4]. Исламскому институту и православному лицезу были переданы здания бывших детских садов. В основном передавали либо когда-то национализированные мечети, либо хозяйственные или даже частные постройки. Шло активное строительство новых мечетей. Чертой нового времени, являвшейся следствием появления нового социального класса предпринимателей, стал феномен так называемых дарственных мечетей, когда отдельные граждане строили культовые здания за свой счет и передавали их религиозным организациям. Такие случаи зафиксированы в ауле Эльтаркач, г. Усть-Джегуте, станице Зеленчукской. Стала поступать помощь

из-за рубежа. Так, граждане Турции строили мечеть в ауле Хабез и помогали строить мечеть в ауле Эльбурган [7].

К 1996 г. практика передачи зданий религиозным объединениям постепенно прекращается. Активизируется строительство новых культовых сооружений. Всего за период с 1992 по 1995 г. было построено 35 культовых зданий, из них 29 мечетей [2]. В 1996 г. было построено 7 мечетей и 1 православная церковь [3]. В 1997 г. завершилось строительство 8 мечетей [1].

Власти республики также оказывали финансовую помощь религиозным организациям, однако, не имея законных возможностей делать это напрямую, выделяли средства из внебюджетных фондов. Так, в 1996 г. была оказана помощь религиозным организациям в размере 99 млн рублей, из них православным – 46,5 млн рублей, мусульманам – 52,5 млн рублей [4].

В результате была решена проблема обеспеченности мусульманских общин мечетями. К 1996 г. на 90 мечетей приходилось 97 зарегистрированных мусульманских организаций (см. рис. 2). То есть обеспеченность культовыми зданиями составила 92,7%! А еще через пять лет, в 2001 г., количество мечетей уже значительно превысило количество зарегистрированных общин: на 102 организации приходилось 116 мечетей, еще 6 находились на стадии строительства [6]. Из них 76 были специально построенными зданиями (13 построено до 1991 г.), 46 мечетей представляли собой приспособленные или перестроенные здания гражданской архитектуры [8].

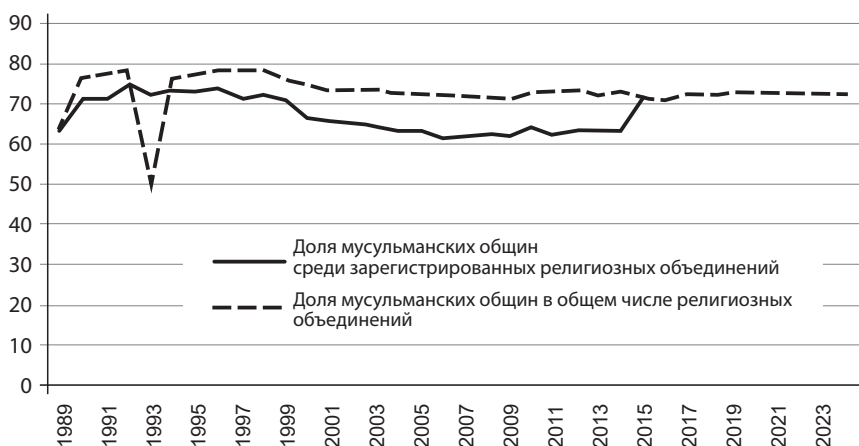

Рис. 2. Изменение доли мусульманских общин в религиозном секторе Карачаево-Черкесской Республики, 1989–2024 гг. (%)

В 2014 г. была инициирована работа по регистрации зданий мечетей и занимаемых культовыми зданиями земельных участков. Необходимость такой работы обусловлена отсутствием правоустанавливающих документов

на подавляющее большинство мечетей, что существенно затрудняет решение как вопросов бытового характера (проведение газа, воды, оплата коммунальных услуг), так и вопросов безопасности (оформление паспортов антитеррористической защищенности, обеспечение пожарной безопасности и т.п.).

Важно отметить, что в 2000-х гг. уровень художественного исполнения культовых зданий значительно возрос по сравнению с построенными в 1990-е гг. Причем это касалось как крупных городских мечетей, например в г. Карачаевске, так и сельских мечетей, например в с. Хасаут-Греческое Зеленчукского района, с. Таллык Прикубанского района. Мечеть становится украшением населенного пункта, его культурным центром. Изящная, стройная конструкция соборной мечети г. Карачаевска, увенчанная золотыми куполами, стала настоящей городской достопримечательностью, привлекающей внимание многочисленных туристов, направляющихся в Теберду и Домбай. На ее строительство в 2002 г. было выделено 2 млн рублей [10].

Венцом региональной исламской архитектуры стала Соборная мечеть в г. Черкесск. Вопрос ее строительства не мог решиться очень долго. Не могли определиться с местом, проектом и финансированием. Дело сдвинулось с мертвой точки лишь в 2011 г., когда был наконец достигнут консенсус между властями и Духовным управлением мусульман Карачаево-Черкесской Республики. Строительство грандиозного сооружения продолжалось 11 лет. Торжественное открытие состоялось 14 декабря 2022 г. Мечеть посвятили основателю ханафитского мазхаба имаму Абу Ханифе. Это одна из крупнейших мечетей в регионе. Здесь одновременно могут находиться порядка 7000 человек, имеются отдельные мужские и женские зоны. Мечеть возведена в стиле византийской архитектуры, дополненной элементами мусульманского зодчества. Внутренняя часть основного купола расписана аятами Корана. Работу выполнили мастера из Турции. Мечеть имеет 33 купола, диаметр центрального составляет 18 м. Общая площадь мечети более 4 тыс. м². Сооружение состоит из 4 этажей: цокольного, основного и двух балконных. Здание имеет 220 окон, вокруг мечети располагаются 2 фонтана, детская площадка и зона отдыха [11].

За 35 лет мусульманская умма Карачаево-Черкесии проделала большой путь. Из всех конфессиональных групп республики именно исламская община развивалась наиболее динамично. Прирост численности за тридцать лет колебался от 33,67 % у ногайцев до 58,77 % у карачаевцев. Общая численность мусульман выросла как в абсолютном (51,98 %), так и в относительном выражении: удельный вес мусульман по данным переписи 2021 г. составил 67,98 %. С демографическими показателями в целом коррелируют и данные по динамике образования общин: доля джамагатов составила

в 2021 г. 72,2 % от общего числа религиозных организаций. Строительство мечетей шло одновременно с образованием джамагатов, за счет строительства квартальных и придорожных мечетей их количество превысило численность общин. Сегодня можно говорить о замедлении роста количества как общин, так и мечетей.

Источники и литература

1. Записка «О религиозной обстановке в КЧР в 1997 г.» (копия) // Личный архив автора (далее – ЛАА).
2. Информация о взаимоотношениях государства и религиозных объединений в Карачаево-Черкесской республике по состоянию на 1 января 1996 г. (копия) // ЛАА.
3. Информация о государственно-церковных отношениях в Карачаево-Черкесской республике по состоянию на 31 декабря 1996 г. (копия) // ЛАА.
4. Информация о деятельности религиозных объединений на территории КЧР по состоянию на 1 января 1995 г. (копия) // ЛАА.
5. Информация о процессах, происходящих в религиозных центрах и общинах Ставропольского края в 1990 г. (копия) // ЛАА.
6. Информация о религиозной ситуации в Карачаево-Черкесской Республике в 2001 г. (копия) // ЛАА.
7. О религиозной ситуации в Карачаево-Черкесии в 1994 г. (копия) // ЛАА.
8. О религиозной ситуации в Карачаево-Черкесской Республике в 2006 г. Аналитическая записка (копия) // ЛАА.
9. Общественное мнение об этноконфессиональной ситуации. 1 июля 2009 г. (копия) // ЛАА.
10. Отчет о религиозной ситуации в КЧР в 2002 году (копия) // ЛАА.
11. Сакральное место для каждого мусульманина // День республики. 2022. 20 декабря. № 145.

З.Х. Гучетль, О.И. Кускарова

ОБ ЭТНОКУЛЬТУРНЫХ ПОТРЕБНОСТЯХ НАСЕЛЕНИЯ РЕСПУБЛИКИ АДЫГЕЙ: МЕЖДУ ТРАДИЦИЯМИ И МОДЕРНИЗАЦИЕЙ (на материале социологического исследования)

Республика Адыгея – регион, разнообразный по своему этническому составу. Среди основных групп населения выделяются две наиболее многочисленные – это русские (64 %) и адыгейцы (22 %). Есть также армяне (3 %), курды (1 %) и в незначительном количестве представители многих

других национальностей. Ситуация в сфере языка и этнокультурного образования постоянно находится в фокусе внимания руководства республики и представителей общественности, а также уполномоченных подразделений органов власти (Министерства образования и науки Республики Адыгея, Комитета Республики Адыгея по делам национальностей, связям с соотечественниками и средствам массовой информации, Министерства культуры Республики Адыгея и др.).

Сегодня адыгейский язык находится в сложной ситуации, сфера его использования узка. Существует потенциальная угроза дальнейшего постепенного сокращения его носителей. В других исследованиях мы уже отмечали, что изучение языковой ситуации имеет неоспоримое научно-практическое значение для прогнозирования национально-языкового развития общества, выработки принципов языкового строительства и языковой политики. Современному состоянию адыгейского языка было посвящено немало различных крупных республиканских и межрегиональных заседаний, форумов, собраний. Проводились научные и общественно-практические конференции. Также были проведены парламентские слушания.

Образование в 1991 г. Республики Адыгеи посредством выхода Адыгейской автономной области из состава Краснодарского края было воспринято адыгейскими этническими элитами и многими адыгейцами в том числе и как шанс сохранить и упрочить позиции адыгейского языка и адыгейской культуры. После образования республики адыгейский язык стал государственным и его статус был зафиксирован в Конституции Республики Адыгея. В общественно-политической и культурной жизни, образовании и многих других сферах доминирует русский язык, в то время как адыгейский используется в основном в семейно-бытовой сфере, хотя есть также много адыгейских семей, в которых используется не адыгейский, а русский язык. Адыгейский язык постепенно исчезает из обихода как в городах, так и в адыгейских аулах.

С целью выявления общественных потребностей в этнокультурном образовании и ввиду наличия существующих проблем отделом философии и социологии Адыгейского республиканского института гуманитарных исследований имени Т.М. Керашева был проведен социологический опрос по репрезентативной выборке среди жителей города Майкопа, а также в сельских населенных пунктах. Всего было опрошено около 500 человек. Опрос проходил в два этапа. На первом этапе было опрошено молодое население республики – учащиеся школ и студенты различных учебных заведений. В качестве основного метода данного этапа исследования был выбран анкетный опрос. Он наиболее удобен при обработке и анализе данных, а также позволяет значительно сократить время сбора информации. На втором этапе был проведен экспертный опрос методом беседы и интервьюирования.

Таким образом, исследование позволило уточнить ситуацию с этнокультурным запросом населения в целом и выявить отношение к этнокультурному образованию адыгейского населения, а также уточнить количественные и качественные характеристики интересующих нас запросов.

Как и в большинстве других национальных регионов, проблемы национального языка и культуры, степень удовлетворенности или неудовлетворенности этнокультурных потребностей населения могли приобретать политическое звучание. В последние годы, на наш взгляд, риски чрезмерной политизации этнокультурной проблематики снизились, что и показали результаты исследования. С другой стороны, неудовлетворенность этнокультурных запросов может быть легко конвертирована в публичную политическую риторику, а также может создавать угрозы общественно-политической стабильности. В связи с этим необходим постоянный мониторинг этнокультурных запросов и поиск способов для их удовлетворения. Из чего вытекает и актуальность нашего исследования. Прагматические политические соображения, разумеется, вторичны по отношению к главному императиву – необходимости создания в современной России условий для функционирования этнических культур народов, включенных в ее состав.

В числе опрошенных учащихся и студентов оказалось примерно поровну тех, кто использует в семье и при общении с друзьями национальный язык, и тех, кто не использует его. Изучает или изучала один из языков народов России также примерно половина от числа опрошенных. Все респонденты из числа учащихся и студентов отметили, что имеют только один родной язык. При этом 10 % из них указали, что имеют две национальности.

Почти треть учащихся и студентов, согласно итогам опроса, предпочла бы обучение без всякого национального языка. Столь большая доля нежелающих учить национальный язык может быть интерпретирована по-разному.

Отметим, что для тех молодых людей из числа студентов местных вузов, которые не планируют связывать свою дальнейшую жизнь с проживанием в Адыгее, изучение адыгейского языка может показаться ненужным. А таких студентов, которые приехали учиться в Адыгею из других регионов и намерены после окончания учебы покинуть республику, достаточно много. Есть также и местные жители, которые не хотели бы учить национальный язык.

Важной причиной, препятствующей желанию изучать национальный язык, может быть и ограниченность его употребления в основном семейно-бытовой сферой. Для дальнейшего образования, карьеры, иной общественной и трудовой деятельности знание адыгейского языка не дает особых преимуществ. Этим объясняется, в частности, и то, что ответ «Обучение без иностранного языка» выбрало меньшее количество респондентов (13 %), чем «Обучение без национального языка» (31 %). По всей видимости, респонденты считают, что знание иностранного языка дает больше шансов

для восходящей социальной мобильности, нежели знание национального языка.

Существенной причиной, препятствующей желанию изучать национальный язык, может быть также перегруженность современных школьников и студентов учебными занятиями и заданиями. Есть также другие причины, препятствующие желанию изучать адыгейский язык, например сложность его фонетического строя.

С другой стороны, среди студентов-адыгов есть те, кто предпочел бы углубленное или дополнительное изучение национального языка (15 %) или даже обучение на национальном языке (2 %). Представляется, что желание респондентов углубленно изучать адыгейский язык или даже обучаться на нем продиктовано, прежде всего, их стремлением развивать и упрочивать позиции адыгейского языка.

По итогам опроса, таким образом, можно говорить о наличии в среде школьников и студентов диаметрально противоположных устремлений, которые при желании можно интерпретировать как конфликт интересов.

Выход из этой ситуации в общем плане представляется простым: создание условий для желающих учить национальный язык углубленно, например на специальных факультетах или факультативах. Однако при практической реализации указанного замысла могут возникать сложности, например с поиском преподавателей физики и других узких дисциплин, ведь педагогам по этим предметам необходимо читать свои курсы на национальном языке, который не является мировым и не является языком компьютера (интернета).

Более трети учащихся и студентов (34 %) предпочли бы «стандартное изучение национального языка», под которым понимается «поверхностное изучение» [1]. Однако практика показывает, что стандартное изучение языка не приводит к его освоению. И еще почти 17 % учащихся и студентов сказали о том, что ограничились бы только общим знакомством с национальным языком.

Таким образом, ответы на вопрос о желании изучать национальный язык показывают, что основная масса учащихся и студентов глубоко учить его не хочет, но есть также существенная доля тех, кто желал бы это делать. При этом следует отметить, что подавляющее большинство (76 %) не испытывает проблем при общении на родном языке, но 23 % опрошенных испытывают их, поскольку окружающие не знают их родного языка.

Ответам учащихся несколько противоречат ответы экспертов. Почти 42 % из их числа считает, что в ближайшие годы в регионе будет достаточное количество родителей, заинтересованных в школьном или вузовском обучении своих детей национальным языкам. При этом, однако, почти каждый пятый эксперт (19 %) имеет противоположную точку зрения. Очень большое количество экспертов (39 %) затруднились сказать что-либо определенное по этому поводу. Еще большее количество экспертов (50 %) затруднились

с ответом на вопрос о том, будет ли достаточное количество родителей, заинтересованных в обучении своих детей предметам на национальных языках. Мнения оставшейся части экспертов разделились поровну: четверть экспертов сказала «да» и четверть – «нет».

Опросы экспертов, учащихся и студентов, таким образом, показали любопытную диспропорцию: в то время как эксперты считают, что в изучении национальных языков заинтересовано большое количество родителей, сами учащиеся и студенты заинтересованы в этом меньше.

Среди адыгейских этноактивистов и ученых распространена также точка зрения, согласно которой право изучать или не изучать национальный язык не должно делегироваться детям, а должно принадлежать родителям. Эта точка зрения мотивируется тем, что сознание детей не вполне сформировано, а их нежелание учить национальный язык может быть обусловлено стремлением облегчить себе учебную нагрузку или просто ленью.

В целом функционирование языков в Адыгее, согласно ответам респондентов из числа учащихся и студентов, свидетельствует о высокой культуре межэтнического согласия. Только 4 % респондентов указали на то, что за последний год испытывали к себе негативное отношение из-за языка. Еще 4 % опрошенных учащихся и студентов не общаются с окружающими на родном языке, поскольку плохо его знают, 3 % ответили, что испытывают стеснение при использовании родного языка.

Таким образом, адыгейский язык функционирует и воспроизводится в основном в моноэтнических семьях, в моноэтнических компаниях и в местах компактного проживания адыгов. В предыдущих наших исследованиях мы не раз отмечали, что адыгейский язык находится на грани исчезновения [2; 3]. Но проблема сохранения и развития национального языка не сводится только к количеству учебных часов и качеству его преподавания.

Этнокультурное образование в широком смысле сводится не только к изучению этнических языков, но и предполагает также освоение иного этнического культурного наследия: литературы, эпоса, музыки, танцев, традиций, региональной этнической истории, кухни и др. Проведенное исследование позволило выявить этнокультурные запросы в этой сфере. Учащиеся и студенты в наибольшей степени заинтересованы в изучении истории родного края (54 %), истории народа (37 %), а также национальной кухни (43 %).

Существенный интерес учащихся и студентов вызывают также национальные традиции, народные праздники (38 %), национальные танцы (33 %), география родного края (31 %), национальное искусство, народное творчество (29 %), национальная литература, эпос (25 %).

Помимо традиций и праздников, учащиеся и преподаватели также интересуются традиционной этикой адыгов, отраженной, в частности, в неформальном кодексе поведения «адыгэ хабзэ» («адыгский закон»).

Большинство учащихся и студентов сказали, что знания о народной культуре нужны для сохранения традиций (42 %), для получения специальных навыков и умений, которые пригодятся в жизни (30 %); они нужны всем, кто любит родной край (26 %), для того, чтобы чувствовать принадлежность к своему народу (24 %). Многие также считают, что такого рода знания нужны всем гражданам России (23 %). 7 % из числа учащихся и студентов ответили, что такие знания им не нужны.

Учащиеся и студенты полагают, что знания о народной культуре могут пригодиться в практической деятельности: при оказании туристических услуг, в гостиничном хозяйстве (54 %), в образовании и воспитании (34 %), народных промыслах и производстве игрушек, создании художественных изделий (31 %); в работе на радио, телевидении, в сфере журналистики (23 %).

В оказании туристических услуг знания о национальной культуре используются достаточно давно. В настоящее время в туристической сфере также достаточно широко представлены этнографические элементы. Так, например, на Черноморском побережье существует историко-этнографический музей «Адыгский дом», в котором предлагается знакомство с национальной кухней и экскурсии. На Олимпийских играх 2014 г. в Сочи для участников и гостей игр также был организован «Адыгский дом». Кроме того, с национальными песнями и танцами выступали адыгские творческие коллективы.

Знания о народной культуре используются в настоящее время также при изготовлении адыгских свадебных платьев, сувениров, в золотошвейном производстве и ювелирном деле. Этнографические элементы широко представлены также в творчестве местных художников.

Учащиеся и студенты выражают большую заинтересованность этнокультурным образованием и считают, что его можно использовать в практической деятельности.

Большой интерес представлял вопрос об идентификации. Как выяснилось, абсолютное большинство учащихся и студентов (83 %) желало бы, чтобы их воспринимали как граждан страны. Это указывает, на наш взгляд, на их сформировавшуюся общероссийскую гражданскую идентичность. 10 % от общего числа учащихся и студентов желали бы, чтобы их воспринимали как представителей отдельной национальности. Отметим, что такое желание не противоречит общегражданской идентичности и может указывать лишь на наличие у этой категории респондентов потребности в определенном внимании со стороны окружающих к их этнической принадлежности.

Эксперты признают важность и полезность этнокультурного образования, хотя расставляют приоритеты несколько иначе, чем учащиеся и студенты. Они считают, что национальные языки, народную культуру и традиции уместно изучать в учебных заведениях, прежде всего, для трудовой

деятельности, связанной с образованием и воспитанием (69 %), работой в СМИ (59 %), работой в этнографическом туризме (58 %), художественными промыслами (46 %), переводом (41 %). Больше половины экспертов (54 %) отметили также, что этнокультурное образование полезно для сфер труда, связанных с традиционной кухней.

В целом значение этнокультурного образования для воспитания и общего уровня культуры представляется экспертам более значимым, чем учащимся и студентам. Это можно объяснить наличием у них жизненного опыта. Большинство экспертов также осознает исключительную важность этнокультурного образования для работников СМИ.

Эксперты очень высоко оценивают роль образовательных программ учебных заведений региона в формировании у учащихся и студентов различных гражданских качеств. Более половины из них (61 %) считают, что учебные заведения реализуют проекты по предупреждению конфликтных ситуаций в сфере межнациональных отношений и проводят различные мероприятия, препятствующие распространению ненависти, основанной на националистических, экстремистских и религиозных идеях. Они полагают, что учебные заведения успешно решают задачи по формированию у учащихся и студентов чувств гордости за Россию, патриотизма, ответственности и долга перед страной. Эксперты подчеркивают, что учебные заведения успешно формируют представления о российской гражданской идентичности, о культурном многообразии России, о регионе как части России. С их точки зрения, учебные заведения воспитывают уважительное отношение к своему региону, его культуре, истории, другим культурам, языкам, религиям России, формируют культуру общения и установки безопасного поведения в поликультурной среде, знание и понимание образцов культуры народов России. Как считают эксперты, учебные заведения способствуют пониманию важности изучения языков народов России наряду с русским, эстетических занятий с использованием знаний о традиционных народных культурах и др.

Отметим, однако, что возможности учебных заведений в сфере профессиональной профилактики конфликтов не очень велики, поскольку специалистов-конфликтологов в них немного. Профилактика конфликтов производится в основном в рамках общекультурного воспитания.

Таким образом, по мнению экспертов, учебные заведения реализуют широкие и достаточно интенсивные программы разнообразных действий в сфере регулирования и гармонизации межэтнических отношений.

Подводя итоги, можно отметить, что в сфере этнокультурного образования ситуация может быть оценена в основном как благополучная, запрос на такое образование существует в среде учащихся и студентов. Эксперты также высказываются о необходимости такого образования. Однако есть

и некоторые противоречия: значительная часть учащихся хотела бы ограничиться стандартным изучением национального языка или вообще его не учить. В то же самое время представители этнической общественности и этнического научного сообщества бьют тревогу, поскольку языку в долгосрочной перспективе грозит постепенное исчезновение, и настаивают на необходимости мер, которые позволили бы сохранить и развить язык.

Источники и литература

1. Анкета для проведения социологического исследования «Этнокультурное воспитание и языковая политика в регионе (республика Адыгея)». 2023 г. // Личный архив авторов.

2. Гучетль З.Х. Билингвизм в пространстве полиэтничного региона (на материале социологических исследований в Республике Адыгея) // Психолого-педагогические условия языковой и социокультурной адаптации билингвов в образовательной системе: мат-лы II Всерос. научно-практ. конф. (с междунар. участием). Пятигорск, 2024. С. 125–132.

3. Кускарова О.И. К вопросу о сохранении этнических языков в условиях глобализации // Сохранение и развитие национального языка в условиях глобализации: современные методы и технологии: мат-лы III Междунар. научно-методолог. конф. / сост. С.Х. Анчек. Майкоп, 2021. С. 65–67.

И.С. Башмаков, Д.П. Колозов

ГРАЖДАНСКАЯ АКТИВНОСТЬ КАЗАЧЬИХ ОБЩЕСТВ В ЦЕЛЯХ РАЗВИТИЯ МЕСТНЫХ ТЕРРИТОРИЙ И СОХРАНЕНИЯ ТРАДИЦИОННЫХ ЦЕННОСТЕЙ В КРАСНОДАРСКОМ КРАЕ: ОСНОВНЫЕ ПРАКТИКИ И ТЕХНОЛОГИИ

Казачество как социально-культурная общность исторически являлась и продолжает быть в современных условиях опорой российской государственности и носителем российских традиционных ценностей. Сегодня оно выступает не только культурным феноменом, но и полноценным социально-политическим институтом, субъектом гражданского общества, совершенствующим практики развития локальных сообществ и формирования традиционных ценностей среди молодежи и взрослого населения. В данной работе представлены результаты апробации комплекса методов, направленных на изучение казачества как нематериального ресурса политики развития сельских и городских территорий, а также сохранения и укрепления традиционных российских ценностей в Краснодарском крае.

В частности, апробирован инструментарий анкетного и экспертного опросов, анализа контента сайтов и СМИ, фокус-групповых дискуссий.

Исследовательской группой проведен анкетный опрос жителей сельских территорий края с августа по ноябрь 2023 г. (всего опрошено 46 респондентов). Половина опрошенных считает, что казачество способствует развитию поселения, 24 % высказались отрицательно. Респонденты обозначили популярные формы активности казачьих обществ, которые связаны с деятельностью на благо местных поселений. Среди них охрана общественного порядка, образовательная деятельность, военно-патриотическая работа, творческая и культурная деятельность. Большая часть опрошенных видит казачество в качестве субъекта общественной активности и позитивных изменений местных сообществ, что в целом соответствует целям и задачам стратегии государственной политики в отношении казачества на 2021–2030 гг. (Указ Президента Российской Федерации № 505). Несмотря на то, что половина респондентов оценила положительно деятельность казачества по развитию поселения, сохраняется достаточно большой процент проживающих в сельской местности Краснодарского края людей, которые не видят результатов работы казачества. Тем не менее постепенно ситуация меняется в лучшую сторону: большая часть опрошенных видит казачество в качестве субъекта общественной активности и позитивных изменений на селе. Отмеченные формы работы казачества в сельской местности отличаются разнообразием, ответы респондентов включают упоминания о следующих фактах: проводят народные мероприятия; участвуют в боевых действиях; помогают восстановлению истории; следят за порядком; участвуют в общественной и культурной жизни; способствуют патриотическому воспитанию школьников; участвуют в организации соревнований, походов, акций ко Дню Победы и др.

По результатам проведенных в ноябре 2023 г. фокус-групп (двух групповых дискуссий) с представителями казачьей молодежи (казачьей сотни Кубанского государственного университета) были выделены ключевые особенности восприятия молодыми членами казачьих организаций самого казачества как ресурса развития. Респонденты воспринимают казачество в большей степени в качестве ресурса консолидации: «Казачество позволило мне найти людей, схожих со мной во взглядах» (представитель казачьей сотни, мужчина); поддержки и отстаивания государственных интересов: «Казачество должно отстаивать интересы своего государства, примерно этим оно должно заниматься» (представитель казачьей сотни, мужчина); сохранения традиционных ценностей: «Казак без почитания старших не казак» (представитель казачьей сотни, мужчина); в меньшей степени в качестве ресурса решения проблем сообщества и развития: «Старое и новое должно сочетаться в современном казачестве» (представитель казачьей сотни,

мужчина). Можно наблюдать достаточно широкое представление казачьей молодежи о потенциале и возможностях казачьих обществ, в рамках которого скорее доминируют гражданственно-патриотические функции, чем социально-экономические и культурные.

Анализ практик консолидации молодежи края был проведен на основе метода анализа контента официальных ресурсов Кубанского казачьего войска и Союза казачьей молодежи Кубани, а также материалов СМИ за период с января 2023 г. по июль 2024 г. Казачьи организации активно формируют у молодежи традиционные российские ценности. Развиваются практики, связанные с построением жизненных и профессиональных траекторий на основе ценностей гражданственности и служения Отечеству. Деятельность казачьих организаций направлена в большей степени на саму казачью молодежь Кубани. Тем не менее символические практики казачества формируют представление об истории кубанского казачества и о его ценностях и в среде неказачьей молодежи.

К формам гражданской активности современного российского казачества мы относим следующие практики: добровольное участие в защите и обеспечении общественного порядка и безопасности государства; участие в патриотической работе и воспитании юных граждан; оказание социальной, гуманитарной помощи нуждающимся; практики в сфере сохранения культурных особенностей казачества (память, язык, традиции, творчество); информационная и общественно-политическая активность казачества. Можно выделить следующие основные технологии казачества в целях развития местных территорий: проектная работа (конкурсы проектов, проектные мастерские); образовательные технологии (образовательные программы, форумы, лекции); активность в социальных сетях, мессенджерах и интернете.

Большую роль казачество играет в сельской местности, в местах традиционного проживания казаков, по сути являясь одним из главных активных субъектов гражданского общества и культурной жизни на местном уровне. Казаки не только участвуют в охране общественного порядка в селе и воспитании подрастающего поколения, но и занимаются сохранением местной исторической памяти, ремесел и традиционной культуры, содействуют развитию и благоустройству поселений, становятся основой местной идентичности. Так, в станице Тбилисской Краснодарского края казаки реконструируют часовню и благоустраивают прилегающую к ней территорию в знаковом месте – там, где некогда была могила сотника Андрея Гречишкина, героически погибшего в неравном бою с горцами в 1829 г. Капитальный ремонт казаки выполняют сами, средства удалось собрать благодаря сельскохозяйственной деятельности хуторского казачьего общества [1].

В ряде муниципальных образований Краснодарского края проходят ежегодные поминовения, которые посвящены подвигам казаков в различные

исторические периоды. Казаки и местные жители, интересующиеся историей, восстанавливают объекты прошлого станиц и городов. Например, в станице Убежинской Краснодарского края казаки восстанавливают старинные захоронения первых жителей, кладбище планируется облагородить для посещения в культурных и образовательных целях [3]. Мероприятия и праздники с участием казаков в форме и казачек в традиционных нарядах сплачивают население, формируют чувство сообщества, делают культурную и общественную жизнь на селе более разнообразной и насыщенной.

С недавних пор казачьи общества стали активно вовлекаться в проектную деятельность по решению местных социальных проблем и улучшению жизни и досуга жителей поселений. Например, при Кубанском казачьем войске уже функционирует проектная мастерская, помогающая сформулировать идею, написать и подать заявку на грант. Среди поддержанных фондами проектов значатся детская гончарная мастерская в станице Архангельской, детско-юношеский конноспортивный клуб в станице Старошербиновской, мобильный мультимедийный музей истории Кубанского казачества, арт-пространство «Аллея истории» в Тихорецком районе и прочие проекты [2]. Таким образом, постепенно казачество становится не только институтом общественной безопасности и сохранения традиций, культурной и исторической спецификой региона, но и субъектом позитивных изменений социальной среды; способствует развитию социальной солидарности и налаживанию горизонтальных связей между властью, гражданским обществом и населением.

Пилотный экспертный опрос, который провели с октября по ноябрь 2024 г. два исследователя, изучающих казачество, обозначил ряд барьеров, связанных с ролью казачества в развитии локальных сообществ. Имеется противоречие между этнокультурной и социальной самоидентификацией самих представителей казачества, с одной стороны, и представлением государства о казачестве прежде всего как о военной силе и мобилизационном резерве – с другой. Отмечаются миграционный прирост неказачьего населения из других регионов; недостаточный интерес к общественной деятельности самих казаков; негативный образ казачества у части общества, сформированный в предыдущие периоды его развития.

Казачество как социальная группа и политическая сила сегодня является одновременно и ресурсом, и инструментом политики развития и консолидации локальных сообществ. Имеется ряд барьеров в реализации данного потенциала. Наблюдается дифференциация представлений государства, общественности и самих казачьих обществ относительно сущности и задач казачества как социально-культурного и общественно-политического явления. Дальнейшее совершенствование технологий, практик развития с использованием традиций казачества и казачьей идентичности способно

оказать положительный эффект на развитие местных территорий Краснодарского края при условии совершенствования государственной политики в отношении казачества, а также минимизации барьеров его развития.

Источники и литература

1. В станице Тбилисской кубанские казаки проводят реконструкцию часовни XIX века // ЮГTimes. 27.04.2023. URL: <https://yugtimes.com/news/89498/> (дата обращения: 09.06.2025).
2. Кубанские казачьи общества активно занимаются проектной деятельностью // ЮГTimes. 20.02.2022. URL: <https://yugtimes.com/news/86103/> (дата обращения: 09.06.2025).
3. Сокровища Убеженской. Как попасть во времена освоения Кубани, отъехав на 20 км от Армавира // Армавирский собеседник. 26.02.2024. URL: <https://news-armavir.ru/2024/02/26/sokrovishha-ubezhenskoj-kak-popast-vo-vremena-osvoeniya-kubani-otehav-na-20-km-ot-armavirahttps://news-armavir.ru/2024/02/26/sokrovishha-ubezhenskoj-kak-popast-vo-vremena-osvoeniya-kubani-otehav-na-20-km-ot-armavira/> (дата обращения: 09.06.2025).

А.А. Тумов

ЦЕННОСТНЫЕ КОНФЛИКТЫ В МОЛОДЕЖНОЙ СРЕДЕ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА: РЕЗУЛЬТАТЫ ФОКУС-ГРУППОВОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

В соответствии с утвердившимся в социальной науке и общественном мнении консенсусом Северный Кавказ является макрорегионом со сложным переплетением общемировых, общероссийских и местных политических тенденций [8]. Особенно ярко это проявляется в политико-психологическом и политико-культурном измерениях, поскольку на протяжении многих десятилетий сосуществуют автохтонные и модерновые политические установки, представления, образы, идеалы, ориентации, способы самоидентификации и ценности [2; 3]. Поэтому в фокусе социогуманитарных изысканий находятся проблемы изучения «портфеля идентичностей», включающего множество различных типов политической самоидентификации граждан [4], политических настроений [6], политических образов и представлений [10] и ценностей молодежи Российского Кавказа в целом [7] и его отдельных регионов [1; 5; 9].

Настоящая работа выполнена в рамках проекта по исследованию укорененности традиционных ценностных ориентиров у молодежи Российского Кавказа в контексте ценностной трансформации постсоветского общества.

В статье анализируются выделяемые молодежью ценностные конфликты, угрожающие status quo ценностной структуры общества. Исследование состояло из двух этапов. В ходе качественного этапа было проведено 7 фокус-групп в каждой административной столице субъектов Российской Федерации в составе Северо-Кавказского федерального округа. Для участия в исследованиях были собраны группы из 10–12 молодых людей обоих полов в возрасте от 18 до 35 лет. Чтобы снизить число социально одобряемых ответов, участники рекрутировались не только из числа социально активной молодежи. В гайд фокус-группы помимо прочих были включены вопросы, связанные с конфликтным полем традиционных ценностей.

В Ингушетии основным ценностным конфликтом участники фокус-группового исследования в первую очередь назвали стереотипное и враждебное отношение к ингушам как этнической группе в других регионах России, в первую очередь с русским этническим ядром. Следующей по значимости была отмечена угроза размывания этнической культуры под натиском «русификации» – ведь «дети в интернете все смотрят на русском» (здесь и далее даются цитаты из интервью респондентов. – *Прим. ред.*). Третьим по значимости предметом ценностных конфликтов стала одежда: участники подчеркивали неуместность чрезмерно открытой одежды, которую позволяют себе носить туристы из других регионов России («в чужой монастырь со своим уставом не ходят»). Помимо этого участники отметили нарастающую поляризацию молодежи Ингушетии: «среднестатистическое ядро» численно уменьшается, его представители вступают в ряды «нефоров» (так называют обрусевших или вестернизированных молодых людей с либеральными взглядами на жизнь и в вызывающей одежде) и «абушек» (хулиганов-антиинтеллектуалов с культом грубой силы, соответствующих стереотипам о «лице кавказской национальности»). Важное место в рассуждениях молодых людей заняли разговоры о праве на ношение религиозной одежды – по всей видимости, это было вызвано разворачивающейся на федеральном уровне дискуссии о запрете на ношение никабов.

В Кабардино-Балкарии ключевой ценностный конфликт, по мнению участников фокус-групп, связан с противоречиями между исламскими и этническими традициями. Это касается порядка проведения ритуальных мероприятий (религиозные свадьбы проводятся без музыки, на похоронах могут различаться ритуалы), несоблюдений гражданского долга (не все практикующие верующие встают во время гимна на торжественных мероприятиях) и конфликтов, связанных с ношением строгой женской религиозной одежды (хиджабы и никабы) в общественных местах и учебных заведениях. Вторая конфликтная линия касается открытой одежды, которую могут носить как местные жители (в отдельную группу выделяют «неформалов», одевающихся вызывающе), так и туристы, не следующие принятому

в республике дресс-коду. Третья значимая конфликтная линия связана с существующими (по мнению участников) межэтническими противоречиями между кабардинцами и балкарцами.

В Карачаево-Черкесии участники отмечали остроту споров в сфере межэтнических отношений – имеются в виду споры о породах лошадей («кабардинская» или «карачаевская»), блюдах национальной кухни, свадебных обрядах. Здесь же можно упомянуть общественное недовольство негласно действующим институтом этнического квотирования, когда определенные позиции «зарезервированы» конкретно за абазинами, карачаевцами, ногойцами, русскими, черкесами и не позволяют воплотить в жизнь меритократические идеалы общественного устройства. Участники отмечали нарастающий конфликт между сторонниками секулярной и религиозной традиций – имеются в виду обсуждения запрета на никаб и дискриминации верующих в государственных структурах. Респонденты, как и в других регионах, отмечали несоответствие носимой туристами одежды традиционным ценностям населения республики.

Респонденты из Дагестана отмечали актуализацию ценностных конфликтов, связанных с религией и этничностью. Так, в регионе приобретает всё большую видимость разрыв во взглядах на порядки исповедования веры между так называемыми думовскими (последователями Духовного управления мусульман (ДУМ), как правило придерживающимися суфийских взглядов) и салафитами (широкое понятие, объединяющее представителей разных ветвей направления ахлю-сунна уаль-джамаа, в том числе собственно салафитов). Споры касаются как теологических вопросов, так и практических аспектов исповедования веры (например, порядок определения окончания месяца рамадан). Межэтнические противоречия актуализированы в условиях высокой степени этнической неоднородности региона; дискуссии проходят в основном вокруг вопросов исторической памяти (например, кем по национальности был имам Шамиль). В отдельную группу можно вынести поколенческие конфликты («молодежь перечит старшим, не соблюдает традиции»); в эту же группу можно вынести отношение к городской субкультуре «нефоров», вызывающей острое раздражение из-за несоответствия традиционному менталитету (внешний вид, одежда, цветные волосы, пирсинг и т.д.), а также к туристам (вызывающая одежда, неуважение к местным традициям).

Участники фокус-группового исследования в Чечне сделали упор на несоответствии традиционных для чеченского социума ценностей и порядков, принятых в остальных регионах России. Чаще всего респонденты упоминали одежду – но не ту, что носят туристы, – а вспоминали случаи во время футбольных матчей, когда фанаты гостевых команд оголяли торсы. Помимо этого, видны отголоски межпоколенческого конфликта: с этим связано

обсуждение права девушек на образование, которое не всегда находит понимание у некоторых старших родственников.

Респонденты в Северной Осетии особо отметили опасения в молодежной среде относительно «русификации», которая грозит сохранению родного языка – количество его носителей с течением времени сокращается. Вторая конфликтная линия – внутриосетинский религиозный раскол между практикующими христианами и неоязычниками по поводу доступа к святыням; кроме того, сторонники языческих осетинских верований являются носителями антиколониального дискурса и выступают против ассимиляции осетин в русской культуре. Третья конфликтная линия связана с настороженным отношением к никабам, которые ассоциируются с возможной опасностью (терроризм), а также «ультрарелигиозностью», со страхами, что «не наше поглотит наше», «меньше будет свободы». В большей степени, чем молодые люди из других регионов, респонденты из Северной Осетии готовы обсуждать неподобающую одежду внутренних туристов.

Жители Ставропольского края рассматривают ценностные конфликты в двух плоскостях: между жителями края и жителями других российских регионов и между «автохтонными кавказцами» и этническими русскими на Кавказе в целом. В первом случае говорится о таких отличиях, как менталитет, дружелюбие, праздники, нравственность, традиционная роль женщины (накрывать на стол), разные темпы жизни. Используются формулировки «когда едешь из Кавказа в Россию», «у нас на Кавказе». Во втором случае отмечается, что у «кавказцев другие традиции», они более «агрессивные», «со своим уставом в чужой монастырь, а сами не чтут чужие традиции», «попирают наши традиции», «не уважают». Более взрослая участница встречи отметила, что «кавказцы более послушны как студенты», уважают старших, статус, но не сверстников. Обсуждение религиозных вопросов привело к высказыванию мнения о том, что растущая роль веры в социальных отношениях может быть инструментом управления, манипуляции, то есть представлять опасность. В связи с этим участники относятся в целом терпимо к религиозной одежде («хиджаб не мешает»), но поддерживают запрет на ношение никабов («не видно лица», безопасность, терроризм). При этом все поддерживают локальные требования к допустимой одежде туристов в национальных республиках и в крае.

Исследование позволяет подсветить ряд вопросов, занимающих важное место в общественной дискуссии о ценностных конфликтах в ряде регионов, – это вопросы сокращения пространства этнической культуры, полярных оценок религиозной одежды, недовольства в отношении открытой одежды туристов. За исключением Чечни, во всех регионах открыто обсуждались проблемы межэтнического взаимодействия и сосуществования. В молодежной среде доминируют образы и смыслы, отражающие

культурно-исторический опыт развития именно этих регионов. Это создает определенные трудности в процессе интеграции молодежи этих регионов в единое пространство национально-государственной идентичности в Российской Федерации. Вектор дальнейших исследований в этой сфере должен быть направлен на дифференциацию мнений молодежи по линиям город/село, наличие/отсутствие высшего образования и т.д.

Источники и литература

1. Абдулагатов З.М., Шахбанова М.М. Патриотические установки в массовом сознании дагестанской молодежи // История, археология и этнография Кавказа. 2013. № 4. С. 91–100.
2. Авдеев Е.А., Воробьев С.М. Трансформация традиционных и современных ценностей полиэтничной молодежи Северного Кавказа // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2021. № 3. С. 107–116.
3. Авксентьев В.А. «Округ нового типа»: регионогенез и динамика этнополитических процессов на Северном Кавказе // Society and Security Insights. 2020. № 2. С. 41–54.
4. Авксентьев В.А., Аксюмов Б.В. «Портфель идентичностей» молодежи Юга России спустя 12 лет // Социологические исследования. 2022. № 7. С. 76–87.
5. Атласкиров А.Р. Трансформации в системе ценностных ориентаций молодежи Кабардино-Балкарской Республики // Научный результат. Социология и управление. 2019. Т. 5. № 4. С. 3–13.
6. Внукова Л.Б. Социально-политические настроения молодежи юга России // Научная мысль Кавказа. 2014. № 1 (77). С. 48–55.
7. Дреева С.В., Абаева И.В., Паиштова С.Б. Исследование жизненных ценностей молодежи Северного Кавказа // Полилингвальное образование как основа сохранения языкового наследия и культурного разнообразия человечества: мат-лы VII Междунар. науч. конф. (Владикавказ, 28–29 сентября 2018 г.) / ред. Л.В. Газаев. Владикавказ, 2018. № 7. С. 74–78.
8. Муртузалиев С.И. Проблемы идентичности кавказцев и россиян. Махачкала, 2010.
9. Тлисова Д.Х. Динамика сформированности гражданской идентичности у студенческой молодежи Карачаево-Черкесии // Известия Южного федерального университета. Педагогические науки. 2016. № 8. С. 86–92.
10. Усманова З.Р. Политико-психологический анализ представлений жителей СКФО о стране и республике проживания как оснований для конструирования гражданской идентичности // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2013. № 3 (23). С. 80–86.

Н.В. Касландзия, З.Х. Гучетль

**ЖЕНЩИНА В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ:
ВЗГЛЯД МОЛОДЕЖИ РЕСПУБЛИКИ АБХАЗИИ
(на материалах социологического исследования)**

Изучение представлений о роли женщины в обществе является важным аспектом понимания социальной динамики, ценностных ориентаций и потенциала развития любого социума. Для Республики Абхазии (РА) с ее богатым культурным наследием, опытом военного конфликта и сложными процессами постсоветской трансформации этот вопрос приобретает особую значимость. Взгляд молодежи, как наиболее адаптивной и ориентированной в будущее социальной группы, представляет особый интерес. Настоящая статья основана на материалах репрезентативного социологического исследования, целью которого были выявление и анализ представлений молодежи Абхазии о месте женщины в современном обществе. Исследование фокусируется на таких аспектах, как восприятие респондентами идеальных женских образов как в диахроническом, так и в синхроническом измерениях, выявление актуального набора конвенциональных качеств современной женщины, комплексная оценка институциональных и социальных ресурсов для актуализации потенциала женской части социума в публичном пространстве.

Методологическая основа исследования базировалась на количественном социологическом опросе, проведенном методом анкетирования. Выборка исследования составила 200 респондентов в возрасте от 18 до 35 лет. Полученные данные дают основание для дискуссии о соотношении традиций и новаций в гендерных установках абхазской молодежи.

Респондентам было предложено по пятибалльной шкале оценить роль женщин в общественной и политической жизни Абхазии. 29 % опрошенных выставили максимальные пять баллов. 4 и 3 балла соответственно выбрали 25,4 % и 24,9 % от общего числа принявших участие в анкетировании. Таким образом, более половины респондентов характеризуют уровень участия женщин в социально-политических процессах, проходящих в стране, как высокий.

Согласно полученным данным, 51,2 % участников опроса считают, что в кризисные периоды роль женщин в обществе существенно усиливается. Это свидетельствует о значительном, хотя и не всегда заметном в стабильные времена потенциале женской части социума, который активизируется для поддержания устойчивости общества в сложных условиях – во время войн и социальных потрясений. События Отечественной войны народа Абхазии (1992–1993 гг.) и последовавший за ними период блокады и экономического

коллапса наглядно продемонстрировали высокую социальную агентность женщин, значение женских адаптационных стратегий как стабилизирующего фактора, что нашло отражение в коллективной памяти.

Подавляющее большинство участников опроса (76,2 %) поддерживает совмещение женщиной семейных и профессиональных обязанностей. Это отражает глобальную тенденцию к изменению гендерных ролей, где женщина воспринимается не только как хранительница домашнего очага, но и как активный участник общественной жизни. Лишь 10,9 % респондентов являются приверженцами традиционного взгляда, считая, что основное предназначение женщины – забота о семье. Что касается финансовой независимости, то 40 % опрошенных считают ее обязательным условием для современной женщины. Еще 44 % респондентов признают важность финансовой самостоятельности, но не рассматривают ее как безусловный приоритет для всех женщин. Результаты показывают, что абхазская молодежь в целом готова к более равноправному распределению гендерных ролей. Формирование данного подхода обусловлено рядом социально-экономических и культурных факторов. Во-первых, высокий уровень образованности среди женщин играет ключевую роль: получение высшего образования способствует расширению профессиональных возможностей и формированию установок на совмещение карьеры и семейных обязанностей. Во-вторых, процессы урбанизации создают условия для трансформации традиционных гендерных ролей, поскольку городская среда предоставляет больше возможностей для экономической самостоятельности женщин и способствует их включению в публичную сферу. В-третьих, влияние глобальных социокультурных трендов, распространяемых через цифровые медиа и социальные сети, способствует усвоению молодежью эгалитарных ценностей, переосмыслению традиционных женских жизненных стратегий.

Результаты исследования свидетельствуют, что сферы образования и здравоохранения воспринимаются большинством опрошенных как наиболее благоприятные для профессиональной самореализации женщин. Предпринимательская деятельность и культурная сфера занимают соответственно третью и четвертую позиции в этом рейтинге, тогда как государственная служба оказалась наименее популярным вариантом. Приведенные данные соответствуют глобальным тенденциям гендерной стратификации профессиональных сфер.

В ответах на вопрос, какие качества отличают женщин Абхазии, большая часть респондентов отметили воспитанность (27 %), мудрость (21 %), скромность (17 %) и сдержанность (8 %). Лишь 6 % респондентов выделили следование нормам традиционного морально-этического кодекса «апсуара». Внешняя привлекательность не была отнесена к числу значимых характеристик.

Анализ оценок респондентов показал, что в восприятии современной женщины доминируют когнитивные и волевые качества: образованность (максимальный балл), высокий интеллект и целеустремленность. Значимыми также оказались скромность, мудрость и чувство юмора. При этом традиционные гендерные атрибуты (красота и хозяйственность) получили минимальные оценки, что отражает сдвиг в социальных ожиданиях. Таким образом, результаты исследования позволяют констатировать формирование новой социальной парадигмы восприятия женщины, в которой ключевыми характеристиками выступают: высокий IQ и уровень образования, ярко выраженная потребность в профессиональной и личностной самореализации, развитый социальный интеллект. Эта триада характеристик отражает принципиально новые требования, предъявляемые к современной женщине.

Участникам анкетирования было предложено назвать имена известных женщин, сыгравших важную роль в истории Абхазии. Следует отметить, что респонденты продемонстрировали высокую степень осведомленности о женских персоналиях прошлого.

Первые пять позиций в списке заняли Сария Лакоба, Мэри Авидзба, Тамара Шакрыл, царевна Гурандухт и царица Тамар.

Сария Лакоба – супруга видного политического деятеля советского времени, председателя Центрального исполнительного комитета и Совета народных комиссаров Абхазской АССР Нестора Лакоба, одна из самых известных жертв политических репрессий 1930-х гг. в Абхазии. Интерес к ее личности резко возрос в перестроечное время и остается высоким до сих пор. Она стала широко известна благодаря политике мемориализации. Формирование публичного образа Сарии Лакоба детерминировалось комплексом культурных практик, среди которых значительную роль играли литературные и публицистические тексты, поэтическое творчество, театральные постановки и мемуарные нарративы. Широкая распространенность имени Сария в женской именной традиции Абхазии косвенно указывает на степень популярности исторической фигуры Сарии Лакоба [2: 19–22].

Мэри Авидзба – первая абхазская женщина-летчица, участница Великой Отечественной войны. В послевоенные годы она посвятила себя воспитанию подрастающего поколения и активно работала с молодежью. Еще в советский период ее деятельность широко освещалась в СМИ и пропагандировалась. Судя по всему, именно эта активная популяризация в сочетании с искренним уважением населения к ее заслугам обеспечили Мэри Авидзба устойчивую известность, сохраняющуюся вплоть до сегодняшнего дня, в том числе среди молодого поколения.

Тамара Шакрыл – ученый-лингвист, правозащитница и активная участница национально-освободительного движения абхазского народа. Начало ее общественной деятельности пришлось на советский период. В 1952 г. Тамара

Шакрыл совместно с сестрой Екатериной направила в адрес Президиума XIX съезда ВКП(б) письмо, в котором выражалось несогласие с закрытием абхазских школ и запретом обучения на абхазском языке. Тамара Шакрыл являлась одним из организаторов протестных акций в 1967 и 1978 гг., направленных на защиту прав абхазского народа, активно участвовала в деле государственного строительства в послевоенный период. В 2004 г. во время массовых волнений, связанных с президентской выборной кампанией в Абхазии, была смертельно ранена [1].

Присутствие в списке выдающихся женщин царевны Гурандухт и царицы Тамар указывает на особую роль средневековой эпохи в формировании представлений о национальном прошлом. Это указывает на стремление абхазского общества легитимировать историческую преемственность через фигуры женщин-правительниц и, что важно, подчеркивает историческую традицию женского лидерства.

Результаты опроса демонстрируют, что в историческом сознании абхазской молодежи преобладает архетип женщины-героини, образ женщины, сочетающий лидерские качества, жертвенность и связь с национальной идентичностью. Это соответствует глобальным тенденциям переосмысления женской роли в истории, но при этом сохраняется специфика локального исторического дискурса. Особый статус Сарии Лакоба в исторической памяти обусловлен трагическими обстоятельствами ее биографии, что способствовало формированию агиографического нарратива, усиливающего ее символический капитал. Стойкость, преданность супругу и исключительная сила духа, проявленные Сарией в заключении, стали основой для сакрализации ее образа в коллективном сознании.

Проведенное исследование показало, что вопрос о современных женщинах Абхазии, способных служить образцом для молодого поколения, не выявил четко выраженного лидера общественного мнения. В ответах респондентов чаще других упоминались: оперная примадонна Хибла Герзмава; секретарь Общественной палаты РА, председатель движения «Матери Абхазии за мир и социальную справедливость» Гули Кичба; успешные модели Адица Берзения и Виктория Квициния; актриса Софа Агумаа; певица Людмила Гумба; уполномоченный по правам ребенка РА Мактина Джинджолия; уполномоченный по правам человека в РА Анас Кишмария. Во главе рейтинга оказались медийные и публичные персоны, представительницы культурной элиты, социально-гуманитарной сферы и индустрии моды. Выбор отражает значительное влияние интернет-ресурсов и социальных сетей на процесс конструирования образов успешности (параметров социального успеха и критериев общественной значимости), но вместе с тем свидетельствует о запросе на нравственные авторитеты и признании важности правозащиты. Значительный контраст с первой частью опроса (знание

исторических фигур) подчеркивает разрыв между сакральным прошлым и актуальными ориентирами. Тревожным выглядит тот факт, что участниками опроса не были названы имена участниц Отечественной войны народа Абхазии, за исключением поэтессы Саиды Делба, что несколько парадоксально для абхазского общества – общества с сильным культом Победы. Причина такого положения, на наш взгляд, кроется в недостаточной медиатизации женского военного опыта, вытеснении героических нарративов глянцевыми образами, доминирующими в соцсетях и интернет-ресурсах.

Отсутствие в рейтинге женщин-политиков и бизнес-лидеров контрастирует с их высокой представленностью в органах власти и сфере предпринимательства в Абхазии. Так, женщины занимают ключевые позиции в судебной системе государства, включая должности председателей высших судебных инстанций – Конституционного, Верховного и Арбитражного судов, а также составляют большинство среди руководителей районных судов и значительную часть судейского корпуса в целом [3; 4]. Обнаруженный диссонанс между фактическим профессиональным влиянием женщин и их низкой узнаваемостью в качестве значимых публичных фигур может объясняться феноменом деперсонализации их деятельности. Данный парадокс, условно обозначаемый как «присутствие без узнаваемости», возникает, когда институциональное представительство не сопровождается достаточной медиатизацией и созданием узнаваемых публичных образов.

Респондентам было предложено назвать одну глобально значимую женскую фигуру, вызывающую наибольшую симпатию. Лидерами опроса стали медийные персоны, чей публичный образ ассоциируется с эстетическим идеалом (Анжелина Джоли, Моника Беллуччи). В рейтинг вошли также известные политические деятели (Маргарет Тэтчер, Индира Ганди), представительницы монарших династий (Елизавета II, шейха Моза), а также историко-религиозные символы женственности и силы (Жанна д'Арк, Богородица). Таким образом, наибольшую симпатию у аудитории вызывают женщины, соответствующие одной из двух полярных моделей: первый – женщины, олицетворяющие гипертрофированную женственность – медийные персоны (кинодивы), чей образ культивируется медиа и акцентирует внимание на их внешних данных как эталоне красоты, второй – это женщины – сильные политические лидеры, принимающие на себя традиционно «мужские» функции и демонстрирующие властные качества. Такая дихотомия отражает устойчивые стереотипы восприятия: общество склонно оценивать женщин либо через призму «мужских» достижений (власть, решительность), либо через традиционно «женские» атрибуты (эстетическая привлекательность). При этом промежуточные варианты, сочетающие интеллект, мягкость или социальную активность без акцента на гендерные крайности, в рейтингах симпатий оказываются менее заметны.

Проведенное исследование позволило выявить комплексную динамику трансформации гендерных представлений в молодежной среде современной Абхазии. Анализ эмпирических данных демонстрирует формирование новой социальной парадигмы восприятия женской роли. Зафиксирован выраженный когнитивный диссонанс между декларируемой поддержкой эгалитарных ценностей (76,2 % за совмещение профессиональной и семейной ролей) и персистенцией традиционных стереотипов в оценке профессиональных сфер, формирование новой триады социально одобряемых качеств: профессиональная компетентность, социальный интеллект, личностная автономия. Следует отметить, что проведенное исследование выявило дихотомию между сакрализацией исторических женских образов (Сария Лакоба, Мэри Авидзба) и фрагментарностью восприятия современных женских достижений. Ярко проявил себя феномен «исторического переноса», когда архетип женщины-героини проецируется преимущественно на исторические личности. Установлено доминирование глянцевого образа успешности над институциональными достижениями, выявлен парадокс «присутствия без репрезентации» в сфере политического участия женщин. На наш взгляд, назрела необходимость разработки комплексной программы по документированию биографий женщин-ветеранов, а также создание современных форматов исторической коммуникации, повышение узнаваемости как погибших, так и ныне живущих участниц Отечественной войны народа Абхазии через образовательные и медийные проекты.

Настоящее исследование выявляет необходимость системной популяризации профессиональных достижений женщин в государственном управлении и бизнес-сфере посредством целенаправленной информационной политики, включающей медиатизацию успешных кейсов, интеграцию в образовательные программы и организацию публичных дискуссионных площадок, что будет способствовать формированию новых социальных ориентиров и преодолению устоявшихся гендерных стереотипов в профессиональной сфере.

Таким образом, исследование демонстрирует сложный характер трансформации гендерных представлений в абхазском социуме, где процессы модернизации сочетаются с сохранением традиционных элементов социальной регуляции. Полученные данные позволяют констатировать формирование новой матрицы женской идентичности, интегрирующей как глобальные тренды, так и локальные культурные паттерны.

Источники и литература

1. Авидзба А.Ф. Тамара Платоновна Шакрыл и проблемы абхазской государственности. URL: http://apsnyteka.org/935-avidzba_a_f_izbrannye_statii.html#4 (дата обращения 12.05.2025).

2. Анчабадзе Ю.Д. Культ Сарии Лакоба в общественном пространстве современной Абхазии // Нестор. Альманах. № 2. Сухум, 2023. С. 19–22.
3. Бюллетень Верховного суда Республики Абхазия. № 1. Сухум, 2023.
4. Юбилейный Вестник к 30-летию Конституции Республики Абхазия. Ч. 1. Сухум, 2024.

Е.А. Терещенко

ФОРМИРОВАНИЕ НАЦИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ПРОСТРАНСТВА КАК ФАКТОР ОБЕСПЕЧЕНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОГО СУВЕРЕНИТЕТА¹

Суверенность образовательной системы и образовательной политики основывается на понятии суверенитета страны, которое традиционно связано с верховной властью государства над своей территорией и населением, а также с независимостью в международных отношениях. Однако в условиях глобализации традиционное понимание суверенитета претерпевает существенные изменения. Российские правоведы говорят о насущной потребности анализа современного понятия полноценного суверенитета, обосновываются позиции о возрастании социальной роли и значимости государственного суверенитета [7: 100].

Современные вызовы требуют укрепления внутренних правовых регуляторов, ставят перед учеными и законодателями необходимость решения новых задач в области государственной политики обеспечения суверенитета.

Президент России Владимир Путин, выступая на марафоне общества «Знание», отметил, что именно образование, наука и просвещение лежат в основе суверенитета страны. Глава государства подчеркнул, что Россия должна сама определять свое будущее, не полагаясь на чужие схемы. В этом контексте он предложил создать «интернационал победителей» – союз тех, кто строит свое развитие на национальных интересах и традиционных ценностях.

Сферы образования и культуры оказываются среди прочих социальных институтов наиболее чувствительными к рискам и угрозам собственной безопасности, и прежде всего в информационно-коммуникативном пространстве. Организаторы информационных войн нового поколения стремятся не только исказить историю, но и фальсифицировать культурные ценности, что проявляется в распространении зачастую низкопробных суррогатов

¹ Статья подготовлена в рамках гранта РНФ 25-28-01643 «Информационный суверенитет (суверенитет в информационной сфере): российский и зарубежный опыт правового регулирования и обеспечения».

массовой культуры. Внешнее воздействие может маскироваться под лозунги развития демократии, международного сотрудничества и укрепления доверия между странами. Кроме того, особо опасна в условиях информационных войн уязвимость детей и подростков, молодежи. Эмоциональная нестабильность и неспособность критически воспринимать данные усиливают риск манипуляций.

«Образовательное пространство» вошло в научный терминологический оборот в России в 1990-е гг. Отечественная историография накопленного богатого опыта использования понятия показывает, что применение термина получило распространение в педагогических, философских, психологических, политологических и юридических исследованиях [2: 8].

Б.Д. Элькониным и И.Д. Фруминым проведен перевод категорий психологии развития на язык проектирования [14: 24]. Р.Е. Пономарев применил пространственный подход и разработал классификации и уровни образовательных пространств и, соответственно, выявил характерные черты и особенности педагогической деятельности в каждом виде и уровне [10: 16]. В литературе имеется школьный, вузовский, территориальный, муниципальный, региональный подходы к образовательному пространству. Т.А. Фомина раскрывает в очерченных границах образовательного пространства системы муниципального уровня элементы системы управления развитием личности, предлагая «уровни идеологии и философии формирования и развития личности, компоненты содержания образования и условия, обеспечивающие эффективность развития личности», подразделяя условия на учебно-методические, кадровые, финансовые и материально-технические [13: 5].

Тем самым понятие «образовательное пространство» в исследованиях употребляется в аспектах «образовательной среды», территориальной категории, уровня социального пространства, явления в общественных отношениях стран [6: 23]. В рамках настоящей статьи мы исходим из понимания образовательного пространства государства как объединяющей категории субъектов образовательных отношений. Как составные части образовательного пространства рассматриваются экономические, политические, идеологические, социально-культурные, правовые, информационные и педагогические факторы по укреплению государственного суверенитета.

В период 2000-х гг. роль образовательных пространств национальных государств зачастую исследовалась с позиции обеспечения глобальной и стратегической стабильности в мире, уделялось внимание способностям национального образовательного пространства благодаря интеграции нивелировать технологические пробелы и цифровые разрывы между государствами [5: 206]. В качестве черт глобализации выделялись такие запросы, как качественное образование, унификация знаний, диверсификация, инновации в образовательный процесс и т.д. [12: 28]. В последние несколько лет происходит

научное педагогическое переосмысление сущности понятия «суверенитет образовательного пространства Российской Федерации», определение его понятийных границ с опорой на традиционные духовно-нравственные ценности [8]; «уникальная национальная система образования должна базироваться на основе лучших дореволюционных и советских образовательных практик, заключающихся в формировании высокой гражданственности, профессиональных навыков, практико-ориентированной составляющей на основе традиционных духовно-нравственных ценностей» [9: 82–83].

Задача самоидентификации российского образования в глобальном образовательном пространстве есть процесс формирования новой стратегии суверенизации образования на национально-патриотической основе. Сложный и последовательный процесс осуществляется в условиях жестких исторических вызовов и угроз. И, естественно, что точкой отсчета самоопределения молодежи и перехода к «патриотическому типу» личности является обращение к опыту предков, к историческому опыту. Система целенаправленной социализации детей и подростков включает ценностный набор: изучение истории и историческое просвещение, введение предмета «Основы духовно-нравственного воспитания», движения детей и молодежи и участие в социально значимой деятельности.

Представляется, что содержание междисциплинарного понятия «образовательное пространство» как фактора обеспечения государственного суверенитета актуально рассмотреть в аспекте формирования образовательного пространства Республики Южная Осетия (РЮО). В сентябре 2025 г. отмечается важная веха в становлении (воссоздании) национальной государственности Республики Южная Осетия – 35 лет со дня провозглашения Республики.

20 сентября 1990 г. в Южной Осетии была принята Декларация о государственном суверенитете. В Декларации провозглашалось образование Юго-Осетинской Советской Демократической Республики в составе СССР. 28 ноября 1990 г. ЮОСДР была переименована в Юго-Осетинскую Советскую Республику.

После распада СССР 21 декабря 1991 г. Верховный Совет Республики Южная Осетия принял Декларацию о независимости Республики Южная Осетия.

29 мая 1992 г. Верховный Совет республики принял Акт провозглашения независимости Республики Южная Осетия, согласно которому территория республики является неделимой и здесь имеют силу исключительно Конституция и законы Республики Южная Осетия. На основе Акта были приняты все государственные атрибуты, сформированы необходимые институты власти Южной Осетии.

Система образования РЮО охватывает по данным на 1 января 2025 г. 26 дошкольных образовательных учреждений, 2481 ребенка в дошкольных учреждениях, 380 педагогических работников; 46 общеобразовательных школ,

из них 44 государственные, 7169 учащихся в общеобразовательных учреждениях, 1273 преподавателя; 4 средних специальных учебных заведения, 430 учащихся в средних специальных учебных заведениях, 233 преподавателя; 1 высшее учебное заведение, 4049 студентов высших учебных заведений, 363 преподавателя [11: 35].

Правовое регулирование образования в Южной Осетии четко структурировано и представляет собой единую, взаимосвязанную систему норм. Система нормативных правовых актов в сфере образования включает законы и подзаконные акты Республики Южная Осетия, а также локальные акты, издаваемые образовательными учреждениями.

Закон Республики Южная Осетия «Об образовании» был принят Парламентом РЮО 30 января 2017 г., утвержден Президентом Республики Южная Осетия 1 марта того же года и имеет приоритет в случае несоответствия норм, регулирующих отношения в сфере образования и содержащихся в других законах, нормативных правовых актах и правовых актах местных органов государственной власти Республики Южная Осетия.

Закон регулирует правовые, организационные и экономические аспекты образования в Республике Южная Осетия, определяет принципы государственной политики, правила образовательной деятельности, а также устанавливает права и обязанности участников образовательных отношений. Закон сохранил основные принципы и нормы, установленные предыдущим законодательством, и среди них государственные гарантии права на образование, а также обеспечение его доступности и качества.

Система правового регулирования отношений в сфере образования, структура, уровни, соотношение разных уровней законодательства определены статьей 5 закона. В законе закреплена многоуровневая система высшего образования, но в республике также сохраняется специалитет.

Законодательное закрепление получили такие важные аспекты, как правовой статус участников образовательных отношений. Учеными и экспертами отдельные вышеназванные нововведения закона оцениваются как элементы либерализации национальной системы образования [1: 68].

Система образования Южной Осетии интегрирована в российскую и подтверждена тем же тенденциям и изменениям.

Образование всегда было ключевым элементом государственного суверенитета, формирует толкование истории и одновременно создает интеллектуальный потенциал страны. Угроза негативного воздействия чужих нарративов извне ставит на первый план задачу защиты исторического суверенитета как ключевого элемента в стратегии сохранения национальной государственности. Вопросы сохранения языка, истории, традиций всегда являлись главенствующими в развитии общества, в особенности на протяжении последнего столетия.

Вопрос о необходимости введения в школьную программу системы образования Южной Осетии часов по истории Осетии впервые актуализировался в начале 1990-х гг. В учебнике «История южных осетин» под редакцией Л.А. Чибирова раскрывались основные этапы исторического пути развития осетинского народа с древнейших времен до современности [4: 5]. В книге кратко освещались важнейшие вехи исторического пути осетинского народа с древнейших времен до наших дней. Позднее во многих учебных заведениях Южной Осетии источником знаний служил учебник «История Осетии с древнейших времен до конца XIX в.» [3].

Новый учебник истории презентовали в феврале 2025 г. Впервые он издан на двух языках, осетинском и русском. Его изданию предшествовала долгая и трудная работа Юго-Осетинского научно-исследовательского института (руководитель редакционной коллегии Р. Гаглойты, авторы – историки Ю. Гаглойты, М. Джиоев, К. Пухаев, И. Гаглоева, З. Джиоева). Авторы отмечают, что издание учебника не только образовательный проект, но и действенная мера по защите исторической правды в условиях нарастающих информационных войн против Южной Осетии.

Таким образом, укрепление суверенитета государства требует суверенного образования, основанного на конституционных ценностях. Необходимо использовать потенциал образовательного пространства для сохранения единства общекультурного пространства государства.

Понятие суверенизации образовательного пространства – новое, приобретает особую значимость в современных геополитических условиях. Переосмыслив опыт предыдущих лет, в стратегию национальной безопасности заложили задачи сохранения истории и культуры, передачи молодежи традиционных духовно-нравственных ценностей.

Источники и литература

1. Гагиева А.Л., Комлева В.В. Россия и Южная Осетия: сотрудничество в сфере образования // Россия и мир: научный диалог. 2024. № 1(11). С. 66–83.
2. Заблоцкая О.А. Образовательное пространство как педагогическая категория // Информатика, вычислительная техника и инженерное образование. 2011. № 2 (4). С. 3–13.
3. История Осетии с древнейших времен до конца XIX в.: учеб. для старших классов средней школы. Владикавказ, 2000.
4. История южных осетин: учеб. пос. / Л.А. Чибиров, Г.Д. Тогошвили, М.К. Джиоев, К.П. Пухаев, под ред. Л.А. Чибирова. Цхинвали, 1990.
5. Макаров А.В. Формирование образовательного пространства национальных государств как фактор глобальной и стратегической стабильности в мире // Государственное и муниципальное управления. Ученые записки. 2019. № 3. С. 206–211.

6. Маланов И.А. Понятие «Образовательное пространство» как педагогическая категория // Вестник Бурятского государственного университета. 2012. № 1. С. 23–29.
7. Марченко М.Н. Государство и право в условиях глобализации. М., 2008.
8. Новоселов М.Н., Новоселова С.Н. Суверенитет образовательного пространства Российской Федерации: сущность, вызовы, решения // Мир науки. Педагогика и психология. 2024. Т. 12. № 4. С. 1–9.
9. Попова А.В. Образовательный суверенитет России: к вопросу о содержательной характеристике уникальной национальной системы образования // Проблемы современного образования. 2024. № 2. С. 82–91.
10. Пономарев Р.Е. Образование и образовательное пространство // Вестник Московского университета. Сер. Педагогическое образование. 2011. № 11. С. 16–22.
11. Статистический сборник РЮО. Управление государственной статистики. Цхинвал, 2024.
12. Фомина Н.И., Бажин А.С. Образовательное пространство и становление аксиологической сферы индивида в эпоху глобализации // Современный педагогический взгляд. 2018. № 3 (16). С. 28–35.
13. Фомина Т.А. Поиск новых подходов к управлению развитием личности в муниципальной системе образования // Завуч. 2000. № 7. С. 5–10.
14. Фрумин И.Д., Эльконин Б.Д. Образовательное пространство как пространство развития («школа взросления») // Вопросы психологии. 1993. № 1. С. 24–32.

А.Р. Токова

РОЛЬ ЭТНИЧЕСКОЙ ЖУРНАЛИСТИКИ В ОБЕСПЕЧЕНИИ ПРЕЕМСТВЕННОСТИ КУЛЬТУРЫ И КОНСОЛИДАЦИИ ОБЩЕСТВА В РАМКАХ ЕДИНОГО ИНФОРМАЦИОННОГО ПРОСТРАНСТВА

Информационные ресурсы массовой коммуникации играют ключевую роль в формировании общественного сознания и культурных предпочтений населения. Современные средства массовой информации (СМИ) обладают мощным потенциалом распространения ценностей и идей, поддерживая развитие межкультурного взаимодействия и содействуя сохранению традиционных культур и языков. В связи с этим особую значимость приобретают такие факторы, как:

– формирование осознанного уважительного отношения к своим истокам, ощущение своей причастности к конкретному этносу; создание

положительной эмоциональной привязанности к языку и культуре предков;

- распространение уникальных элементов местной культуры через сообщения о праздниках, традициях, ремеслах, народном искусстве, которые передаются через каналы СМИ и другие информационные ресурсы;

- создание эффективных площадок для взаимодействия представителей разных этносов и разных поколений; онлайн-платформы и социальные сети объединяют молодежь и старшее поколение, способствуют передаче ценных знаний и опыта.

Всё это определяет высокую степень важности задач, стоящих перед журналистикой. Средства массовой информации также играют существенную роль в достижении межнационального единства. От журналистов, освещающих межэтническую тематику в Российской Федерации, требуется умение хорошо ориентироваться в информации, связанной с этническими, этнокультурными, национальными и религиозными вопросами. Они должны призывать свою аудиторию к этнической терпимости и толерантности, мирному урегулированию межнациональных конфликтов, должны способствовать упрочению связей между народами России, популяризировать примеры положительного опыта совместного существования разных этносов. Однако исследования последних лет показывают, что российские журналисты не всегда осознают силу влияния написанного или сказанного слова на межэтнические взаимоотношения.

Проблема повышения грамотности и квалификации журналистов в вопросах межнациональных и межконфессиональных отношений приобретает в данном контексте особое значение. Только корректное освещение взаимодействия различных народов, особенностей их жизни и культуры будет способствовать сохранению и развитию национальных культур, создавать благоприятные и стабильные межэтнические взаимоотношения в российском обществе.

Основная роль этножурналистики заключается в сохранении и развитии культурной самобытности этносов, содействии их самопознанию, консолидации и интеграции. Она также включает в себя освещение вопросов, связанных с этнической культурой, традициями, языками, историей и современным положением этнических групп. Этножурналистика способствует укреплению единства внутри этноса, а также его интеграции в более широкое общество.

В зоне внимания этнической журналистики оказываются вопросы, связанные с дискриминацией, социальными проблемами, соблюдением прав человека, культурным взаимопониманием и другими аспектами, актуальными для этнических групп. Через объективное и всестороннее освещение жизни этнических групп этножурналистика может способствовать преодолению стереотипов и предрассудков, существующих в обществе. Популяризация

этнической культуры поможет привлечению внимания широкой аудитории к многообразию этнических культур, их лучшему пониманию.

Этнические СМИ служат площадкой для обсуждения проблем, обмена опытом и налаживания диалога между различными этническими группами; способствуют повышению уровня информированности общества. Доступ к информации о жизни этнических групп, их культуре, истории и современных проблемах играет важную роль в сохранении и развитии культурного разнообразия, а также в воспитании более информированного и толерантного общества.

Наглядным примером успешной журналистики, занимающейся сохранением и продвижением этнического и культурного разнообразия, в Карачаево-Черкесской Республике (КЧР) является общественно-политическая газета «День республики», которая выходит на русском языке. Газета публикует актуальную для региона информацию, освещает политические, экономические, социальные, культурные события, представляющие интерес для жителей КЧР, в том числе для представителей пяти коренных этносов: абазин, карачаевцев, ногайцев, русских, черкесов. На протяжении многих десятилетий издание ведет политику, направленную на пропаганду межнационального согласия, культурного диалога между народами Карачаево-Черкесии. Газета способствует укреплению этнической идентичности, культурному обмену и взаимопониманию между представителями разных национальностей.

Редакционная политика издания реализует цель сохранения, обогащения, развития и пропаганды национальной культуры. Газета «День республики» отличается тематическим разнообразием, о чем свидетельствуют как постоянные рубрики, так и не являющиеся постоянными для каждого номера: «Культура», «Общество», «Наука и образование», «Наш теремок», «Библиотека ДР», «Библиомир», «Событие», «Фестиваль», «Понемногу обо всем», «Любимый край», «Образование», «Молодо не зелено», «Курьер муз», «Литературная суббота», «У соседей», «Крупным планом», «Человек и его дело», «Добро», «Пресса Кавказа» и другие.

Нередко на страницах газеты можно встретить материалы о традициях, обычаях, культурных особенностях, исторических судьбах, мировоззрении, быте коренных народов Карачаево-Черкесской Республики. Героями публикаций периодически становятся лучшие представители разных этнических групп. На газетной полосе часто можно встретить подобные заголовки: «Нас объединяет любовь к Родине», «Как колобок заговорил по-карачаевски...», «Земля любит тружеников», «Мира, счастья вам, добрые люди!», «Великое русское слово», «Накал страстей, который зашкаливал», «Главное – придумать сюжет танца», «С любовью к родному краю», «Родной очаг», «Земля предков».

Помимо русскоязычного издания «День республики», в Карачаево-Черкесии выходят газеты: «Абазашта» – на абазинском языке, «Къарачай» –

на карачаевском языке, «Ногай Давысы» – на ногайском языке, «Черкес Хэку» – на черкесском языке.

В информационном пространстве России, несмотря на широкое использование новых информационных и коммуникационных технологий, печать продолжает оставаться одной из ведущих коммуникативных систем. Ведущими темами на страницах национальных изданий на протяжении десятиков лет являются политическая и общественная жизнь республики. Наряду с социально-экономическими вопросами, в проблематике национальной журналистики заметное место занимают материалы, посвященные истории народа, культуре, языку, этнографии. На примере изданий Карачаево-Черкесии видно, что национальная печать активно развивается и растет, использует новые формы и методы подачи материала, расширяется жанровая и структурно-тематическая основа изданий [2: 239].

Сосредоточенность на событийной стороне жизни общества, обсуждение и решение проблем этнических групп республики является отличительной чертой телевидения Карачаево-Черкесии, представленного круглосуточным телеканалом «Архыз 24» и филиалом Всероссийской государственной телевизионной и радиовещательной компании Государственной телевизионной и радиовещательной компанией (ГТРК) «Карачаево-Черкесия». Вещание на государственном телеканале ведется на пяти языках: абазинском, карачаевском, ногайском, русском, черкесском. ГТРК «Карачаево-Черкесия» представлена двумя ведущими студиями: информационная «Вести Карачаево-Черкесия» и студия «Национальный колорит», в состав которой входят отделы – карачаевский, ногайский, абазинский, черкесский и русский. В каждом отделе работают профессиональные журналисты. Объем вещания каждого отдела составляет 1 час 15 минут. У каждого свой определенный день вещания: понедельник – ногайский, вторник – черкесский, среда – карачаевский, четверг – абазинский, пятница и суббота – вещание на русском языке. Помимо журналистов, в студии «Национальный колорит» работают режиссеры, операторы видеомонтажа, телеоператоры, звукорежиссеры, владеющие языками народов Карачаево-Черкесской Республики [3: 4567].

Пять редакций телевидения и радиовещания готовят передачи на родных для жителей республики языках. Наиболее популярные из них: «Литературная страничка», «Певец народа», «Родное слово», «Страницы истории», «Память», «Люди Абазашты», «Добрый вечер, Республика», «Мост дружбы», «Правнуки Победы», «Мелодия сердца» – на абазинском языке; «Песня в подарок», «Народные традиции», «Тема дня», «Добрый след на земле», «Музыкальный водопад», «Эхо веков», «Дорогами знаний», «В объятиях Родины», «Родной язык», «Интересный человек среди нас» – на карачаевском языке; «Очаг», «Кухня», «Дорогу осилит идущий», «Язык – душа народа», «Ногайские корни», «Творец красоты», «Дорогами мужества», «Театр

в нашей жизни», «На крыльях песни», «Литературные встречи» – на ногайском языке; «Мастеровые люди», «По тропам истории», «Солдаты победы», «Очаг культуры», «Золотая кладовая», «Сад памяти», «Песенный край», «Язык мой – душа моя», «Достояние народа», «Корни и крона», «Долина чарующих звуков» – на черкесском языке; «На пути к вере», «Кто стучится в дверь ко мне», «Музыка нас связала», «Доброе утро», «Добрый вечер, Республика», «Живем на улице героя», «Возрождение», «Льется музыка», «Трудное счастье. Семья Гуриных», «Недетский разговор» – на русском языке. В творческой копилке национальных студий – передачи, посвященные памятным и трагическим событиям, праздничным мероприятиям, историческим страницам прошлого, героям-современникам, подрастающему поколению.

Специалисты отмечают: «Национальную журналистику по праву можно назвать хранительницей культурных ценностей, поскольку она широко ориентирована на отражение своеобразия судьбы и жизни республик Северного Кавказа. Как правило, эта особенность проявляется в периодической печати посредством синтеза воссоздания исторической панорамы событий и тенденций современной жизни общества, и зачастую фоном такого взаимодействия двух временных пластов служит самобытная национальная культура» [1: 21].

Таким образом, можно сказать, что этническая журналистика решает важнейшие государственные задачи, среди которых гармонизация межнациональных отношений, повышение этнологической грамотности населения, содействие социальной адаптации, воспитание толерантности, консолидация этнических общностей, обеспечение преемственности культуры. Сохранение уникального культурного наследия человечества становится важной задачей современности, особенно учитывая роль масс-медиа и цифровых платформ в распространении и поддержке культуры различных народов.

Источники и литература

1. Рева Е.К. Роль журнальной периодики Северного Кавказа в сохранении национальных культурных ценностей // Межкультурные коммуникации в современном мире: роль СМИ: мат-лы Междунар. науч.-практ. конф. (Екатеринбург, 17–18 апреля 2014 г.). Екатеринбург, 2014. С. 21–26.
2. Токова А.Р. Общественно-политическая печать Карачаево-Черкесской Республики в системе региональных СМИ // Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета. 2011. № 4. С. 236–239.
3. Токова А.Р. Телевидение Карачаево-Черкесии в региональном медийном пространстве // Фундаментальные исследования. 2015. № 2–20. С. 4564–4568.

РАЗДЕЛ 5

Проблемы региональной безопасности и вооруженные конфликты на Кавказе

С.И. Мусаева

БОРЬБА ВЕЛИКИХ ДЕРЖАВ ЗА ВЛИЯНИЕ НА КАВКАЗЕ (на материалах Дагестана)

На протяжении многих столетий Кавказ являлся ареной военно-политических конфликтов и столкновений интересов различных политических группировок и стран [19: 184–187]. На современном этапе основная причина борьбы за кавказский регион – геополитическая, так как установление контроля над ним открывает большие возможности в доступе к сырьевым ресурсам и трансмагистральным развязкам. В борьбе за овладение этим регионом заинтересованные державы, скрывая свои истинные геοэкономические интересы и цели, ведут тайную борьбу, прикрываясь национальными и религиозными лозунгами и используя местное население [13: 36].

Активная борьба за овладение Кавказом с конца XVI в. до начала XVIII в. шла между Османской империей, Сефевидским Ираном и европейскими великими державами. Российская империя с 1720-х гг., имея свои геополитические, геοэкономические и военно-стратегические интересы, также стремилась установить контроль над регионом, в частности над территорией Северного Кавказа, в том числе и Дагестана.

Стремление России выйти к теплым морям – Каспийскому, Чёрному – и овладеть важными торгово-экономическими путями встречало упорное сопротивление со стороны Османской империи и шахского Ирана. После Каспийского похода Петра I (1722–1723 гг.) по Петербургскому договору от 23 сентября 1723 г. [15: 110–114], подписанному Петром I и представителем иранского шаха Исмаил-беком, территории Приморского Дагестана,

Ширван, Дербент, Баку, Гилян, Мазендеран и Горган (Астрабад) [7: 12–13] вошли в состав Российской империи.

В середине XVIII в. Россия, несмотря на противостояние Ирана, Османской Турции и Крымского ханства, которые непрерывно провоцировали кавказские народы методами подкупа и интриг на противоборство с северным соседом, прилагала большие и частично успешные усилия для укрепления своих позиций на Северном Кавказе. В 1735 г. был заложен г. Кизляр, ставший стратегическим, военно-политическим и торгово-экономическим центром Российской империи на Северном Кавказе.

Во второй половине XVIII в. с присоединением части Северного Кавказа к Российской империи, с возникновением городов Кизляра, Моздока и других, ставших торгово-культурными центрами в регионе, строительством колесной дороги по Дарьяльскому ущелью и появлением на этих территориях русского населения влияние России на их политику и экономику резко возросло. С целью усиления российской власти и освоения территорий Северного Кавказа в XVIII в. сюда были переселены казаки, русские, армяне, грузины, калмыки, туркмены и др. Так, еще в 1723 г. на левый берег Терека было переселено 500 семей донских казаков, в 1735 г. – еще одна группа казачьих семейств. Были заложены казачьи станицы: Бороздинская, Дубовская, Червленая и др. После основания крепости Моздок в 1763 г. российские власти переселили в ее окрестности и в район Терека 517 семейств донских казаков и более 4 тыс. крестьян из Воронежской, Курской и Тамбовской губерний [10: 373].

Еще в 1740–1750-х гг. самостоятельные владетели Дагестана (ханы, майсумы, уцмии, старшины вольных обществ), посылая посольства в Петербург, неоднократно обращались к властям Российской империи с просьбами о принятии их в подданство [16: 3–4; 2: 1–3]. Однако те осторожничали и не торопились сделать это, так как не желали осложнения отношений с Турцией и крымским ханом. Тем не менее взаимовыгодные контакты устанавливались и продолжали укрепляться. Так, с 1764 г. стали более тесными отношения российских властей и владетелей горного Дагестана – аварского и казикумухского ханов [20: 3, 4078; 10: 437], а также шамхала Тарковского и владетелей Засулакской Кумыкии и др.

В восточной политике Российской империи особое место занимал Дагестан: его территория являлась узлом, связывающим как сухопутные (Кизляр, Эндерей, Тарки, Бойнак, Дербент), так и морские (до Дербента и дальше на юг) торгово-экономические пути, ведущие в страны Востока.

В 1768–1774 гг. Турция при подстрекательстве Англии и Франции спровоцировала очередную войну с Россией, завершившуюся блестящей победой русского оружия и подписанием Кючук-Кайнарджийского договора, положившего «основание новому устройству Крыма и Северного Кавказа»

[8: 47; 3: 138–140; 18: 104]. По указанному договору Крымское ханство получило независимость от османской Турции и объявлялось «вольным от всякой посторонней власти» [7: 20–27]. Россия получила Азов, Керчь, Еникале (крепость в Крыму), Кинбурн (крепость в устье р. Днепр) с землями между Днепром и Бугом [7: 20–27], а также Западный Кавказ, Осетию, Кабарду, что позволило установить контроль над дорогой, связывающей Северный Кавказ с Грузией.

Большое значение для России имело создание в 1777–1780 гг. Азово-Моздокской укрепленной линии, что способствовало продвижению и укреплению ключевых позиций империи на Кавказе. Присоединение Кабарды способствовало дальнейшему развитию и укреплению политико-экономических и торговых связей Дагестана с Россией. С этого периода здесь влияние России «росло с каждым годом» [7: 208–214].

После подписания Кючук-Кайнарджийского договора (10 июля 1774 г.) [11] российские власти основательно стали проводить политику по утверждению своих позиций на Кавказе. Согласно проекту, одобренному Екатериной II 24 апреля 1777 г. [17: 19–24об.], успешно проводились работы по возведению и укреплению оборонительной Кавказской линии от Моздока до Азова [9: 3–5].

В 1799–1803 гг. почти все крупные владетели Дагестана по их настоячивым просьбам были приняты в российское подданство [14: 182–184, 192], а в 1813 г. по условиям Гюлистанского мирного договора [7: 208–214] шахский Иран отказался от притязаний на территории Восточного Кавказа – Дагестан, Грузию, северный Азербайджан (ханства: Кубинское, Ширванское Карабахское, Гянджинское). Согласно ст. 5 Гюлистанского договора за Россией было признано исключительное право иметь на Каспии военный флот [7: 208–214]. Так, с 1813 г. территория Дагестана юридически навсегда вошла в состав Российской империи, став ее неотъемлемой частью и южным форпостом России. Османская империя после завершения русско-турецких войн 1806–1812 гг. и 1828–1829 гг. также подтвердила присоединение Закавказья к Российской империи [7: 48–84]. Таким образом, в 20–30-х гг. XIX в. большая часть Кавказа входила в зону влияния интересов и сферу политического действия Российской империи. Установившаяся тогда линия ее южной государственной границы «с небольшими изменениями ... сохранится до 1991 г.» [6: 334].

14 декабря 1846 г. указом Николая I была образована Дербентская губерния с центром в г. Дербенте, которая 30 мая 1860 г. указом Александра II была переименована в Дагестанскую область с центром в г. Темир-Хан-Шура [5]. Таким образом, постепенно шел процесс укрепления России на Северном Кавказе, в том числе и в Дагестане. Регионы Северного Кавказа вошли в государственно-административное и политико-стратегическое лоно Российской империи, для которой «установление прочного контроля

над территорией Дагестана, как и над территорией всего Кавказа, представляло особый интерес, так как она служила связывающим звеном между народами Северного Кавказа и Закавказья. По землям Дагестана проходили удобные дороги в султанскую Турцию, шахский Иран и далее в страны Среднего и Ближнего Востока. Россия, осознавая, что успехи российских войск на Кавказе будут зависеть во многом от политической ситуации в Дагестане, проводила взвешенную, осторожную политику» [12: 146].

Однако попытки проникновения на Кавказ и установления своего господства при активном подстрекательстве Англии и Франции не оставляли шахский Иран и османскую Турцию, что привело к Кавказской войне 1817–1864 гг. под предводительством имама Шамиля, завершившейся его пленением. После окончания Кавказской войны Россия прочно закрепила за собой стратегически важные территории: восточное Черноморское побережье и северо-западное побережье Каспийского моря, что давало возможность иметь военно-стратегический плацдарм для защиты своих территорий и для дальнейшего продвижения в Среднюю Азию. Таким образом, Кавказ стал неотъемлемой частью Российской империи.

С присоединением кавказского региона к России все проблемы этой территории и ее народов стали внутренними проблемами Российского государства. Уже с первой половины XIX в. значение Кавказского региона в системе международных отношений усилилось, так как он составлял важную часть так называемого восточного вопроса. А новые приобретения на Кавказе вплотную приблизили Россию к караванному пути Трапезунд – Эрзерум – Тавриз, по которому осуществлялась английская торговая экспансия на Восток. Тем временем Англия рассчитывала распространить свое влияние на Среднюю Азию, вследствие чего регион Каспийского моря постепенно стал объектом внимания между великими державами. Кавказ соединял Европу с Азией, Каспийское море – с Чёрным. Через Поволжье и Астрахань открывались пути в Иран как по морю, так и по суше – через Кавказ, вдоль Каспийского моря.

В связи с открытием больших природных богатств, прежде всего, углеводородного сырья и биоресурсов, на рубеже XX–XXI вв. значение кавказского региона особенно возросло.

После распада СССР в 1991 г. данный регион оказался в центре внимания интересов России, стран Западной Европы, США, Ирана, Турции и ряда стран Ближнего Востока. Стремление получить доступ к реальным и потенциальным богатствам этого региона и попытки установить контроль над маршрутами транспортировки нефти и газа довели международное соперничество до чрезвычайной остроты. Напряженность усиливается еще и из-за активного военного, политического и экономического проникновения США и НАТО в Грузию, Армению и Азербайджан.

Северный и Южный Кавказ, естественно, входят в общее понятие и геополитическое пространство Большого Кавказа, а Северный Кавказ, который «занимает 2,1 % территории РФ и где проживает 11,8 % населения» [4: 36] России, является неотъемлемой ее частью. Особое место среди северокавказских республик занимает многонациональный, многоконфессиональный Дагестан, территории которого плотно примыкают к Каспийскому морю. Здесь самый южный пограничный форпост РФ, через который осуществляются транспортные, торгово-экономические и другие связи с закавказскими регионами, а через незамерзающие Каспийский и Черноморские порты осуществляются связи со многими странами мира.

Прогнозируемые богатые углеводородные и биоресурсы Каспия, залежи ценных ископаемых, таких как железо, медь, хром, уголь, глауберова соль, сера, асбест, молибден, хлориды, фосфориты, цинк и др., резко подняли интерес европейских держав и США к Северному Кавказу, в частности к Дагестану.

В сложившейся ситуации Россия и Республика Дагестан, как ее южная граница и самый крупный субъект на Северном Кавказе, не могут оставаться сторонними наблюдателями в борьбе геополитических интересов сверхдержав в данном регионе. Прогнозируемые специалистами запасы нефти в пределах российско-дагестанской части Каспийского моря составляют 340 млн т с конденсатом и 540 млрд кубометров газа, а осетровых рыб (белуга, осетр, севрюга) – почти 90 % мировых запасов. Биоресурсный потенциал Каспийского моря, по оценке Каспийского научно-исследовательского института рыбного хозяйства, составляет сотни миллиардов рублей.

С точки зрения национально-экономических интересов России, в Кавказско-Каспийском регионе на первый план выдвигаются энергоресурсы и биоресурсы региона. Их освоение очень важно для социально-экономического развития России.

Крупномасштабные проекты добычи и транспортировки каспийских углеводородов и перспективы создания транснациональных транспортных коридоров повысили геополитическую значимость Кавказско-Каспийского региона. В Прикаспийском регионе сложилась принципиально новая геополитическая и геостратегическая ситуация после пересмотра статуса Каспия и раздела его на сектора. Таким образом, здесь сошлись противоречащие друг другу интересы пяти прикаспийских государств – России, Ирана, Азербайджана, Туркмении и Казахстана, а также ряда мировых держав – США, Китая, Англии, Турции, Украины, Саудовской Аравии, Узбекистана и др.

После развала СССР спецслужбы европейских держав и США пытались проводить идеологическую и диверсионную работу с целью вывести Северный Кавказ из-под влияния России. Так, для пресечения ее влияния в регионе, США создали специальное подразделение ЦРУ для установления

контроля над разработками нефти. Также Соединенные Штаты рассматривали возможность защиты своих интересов в Каспийском регионе путем вооружения [1: 97].

Не отстают в диверсионной деятельности от европейских держав и арабские страны, так как, по имеющимся прогнозам, запасы углеводородов Каспия, достигающие 200 млрд баррелей нефти (около 27,5 млрд т), в будущем могут составить конкуренцию арабским нефтяным магнатам на мировом рынке. Прогнозируемые богатства углеводородного сырья региона, их транспортировка и перспектива возможного создания в будущем международных транспортных коридоров на мировые рынки, куда входит и территория полиэтнического, многоконфессионального Дагестана, привлекают внимание мировых держав.

На современном этапе формируются новые геополитические реалии и направления развития транспортных коридоров «Восток – Запад» и «Север – Юг», где активно задействовано население Дагестана и других северокавказских республик. Таким образом, еще более актуализируется проблема региональной безопасности для южных рубежей Российской Федерации.

С целью дестабилизировать ситуацию на Северном Кавказе, в том числе и в Дагестане, идеологи и спецслужбы стран Ближнего и Среднего Востока активно пытаются внедрить здесь чуждую для местных мусульман экстремистскую салафитскую идеологию для вытеснения России из региона. Так, в августе – сентябре 1999 г. со стороны Чеченской Республики Ичкерии отряды международных бандформирований во главе с арабским эмиссаром Хаттабом и Ш. Басаевым осуществили вооруженное вторжение в Дагестан с целью захвата территории субъекта и создания мусульманского теократического государства с шариатской формой правления. Но их планам не суждено было осуществиться. Народы Дагестана, сплотившись в единый кулак, поднялись на защиту Родины, защитили себя и Россию [16: 4–16].

И в наши дни враги России и эмиссары ближневосточных стран не оставляют попыток внедрить свои идеи в молодежную среду, пытаются методами подкупа, шантажа и угроз привлекать в свои сети молодежь и создать в регионе анклав сторонников. Иностранные спецслужбы систематически щедро спонсируют своих эмиссаров и засылают их в Дагестан с целью насаждения агрессивной салафитской (ваххабизм) идеологии, давно запрещенной в РФ. Так были спровоцированы беспорядки в махачкалинском аэропорту (октябрь 2023 г.). Была совершена атака экстремистами-террористами 23 июня 2024 г. в Махачкале и Дербенте на полицейские патрули, православные храмы и синагоги в день христианского праздника Святой Богородицы. В результате боестолкновения погибли 22 человека: 17 сотрудников правоохранительных органов и 5 гражданских лиц. Погиб 66-летний протоиерей Н. Котельников, служивший более 40 лет в православной церкви Дербента,

пострадало более 40 человек. 5 террористов были ликвидированы на месте теракта [21].

Дагестанская община мусульман не принимает салафитские (ваххабитские) идеи, а муфтият республики выступил с резким осуждением бандитского нападения на культовые сооружения, призвал мусульман и всех дагестанцев к межконфессиональному миру и согласию.

Таким образом, нарастающий интерес внешнего мира к Кавказско-Каспийскому региону, в частности к Дагестану, обусловлен его геостратегическим положением связующего звена между Европой и Азией, Севером и Югом, Западом и Востоком. Политика, реализуемая в рамках стратегической установки и программы ряда западных стран и исламского мира, направлена на вытеснение России из Черноморско-Каспийского региона и расширение здесь собственных позиций. Крупномасштабные проекты добычи и транспортировки каспийских углеводородов, а также создания транснациональных транспортных коридоров существенно повысили геополитическую значимость Кавказско-Каспийского региона, особенно Республики Дагестан. Поэтому для России жизненно необходимо защищать и отстаивать свои национальные интересы в данном регионе.

Источники и литература

1. Арухов З.С. Россия и Дагестан в новом геополитическом пространстве. Махачкала, 2006.
2. Архив внешней политики Российской империи. Ф. «Кумыцкие дела». 1757 г. Оп. 1. Д. 1.
3. Гаджиев В.Г. Роль России в истории Дагестана. М., 1965.
4. Гаджиев К.С. «Большая игра» на Кавказе. Вчера, сегодня, завтра. М., 2012.
5. Дагестанская область // Руниверс. URL: <https://runivers.ru/doc/territory/366683/?ysclid=mbfgpgkhhb206295423> (дата обращения 02.06.2025).
6. Дегоев В.В. Большая игра на Кавказе: история и современность. Статьи, очерки, эссе. М., 2003.
7. Договоры России с Востоком. Политические и торговые / собр. и изд. [с историческим обзором] Т. Юзефич. Санкт-Петербург, 1869.
8. Дружинина Е.И. Кючук-Кайнарджийский мир 1774 года: его подготовка и заключение. М., 1955.
9. Дубровин Н.Ф. История войны и владычества русских на Кавказе. В 6 т. Т. 2. Санкт-Петербург, 1886.
10. История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII в. В 2 т. Т. 1. / отв. ред. Б.Б. Пиотровский. М., 1988.
11. Кючук-Кайнарджийский мирный договор между Турцией и Россией // Исторический факультет МГУ имени М.В. Ломоносова. URL: <https://www.hist.msu.ru/ER/Etext/FOREIGN/kuchuk.htm> (дата обращения. 02.06.2025).

12. Мусаева С.И. Дагестан в военно-стратегических планах России, Турции и Ирана во второй половине XVIII в. в контексте Кючук-Кайнарджийского мирного договора 1774 г. // Роль империй нового времени в истории и судьбах народов Кавказа (к 250-летию Кючук-Кайнарджийского мирного договора): материалы международной научно-практической конференции (г. Ставрополь, 26–27 сентября 2024 г.). Ставрополь, 2024. С. 145–155.

13. Новицкий И.Я. Управление этнополитикой Северного Кавказа. Краснодар, 2011.

14. Очерки истории Дагестана. В 2 т. Т. 1. Махачкала, 1957.

15. Полное собрание законов Российской империи, с 1649 года. [Собрание 1-е: по 12 декабря 1825 г.]. Т. 7. 1723–1727. Санкт-Петербург, 1830.

16. Российский государственный архив древних актов. Ф. 15. Оп. 1. Д. 65.

17. Российский государственный военно-исторический архив. Ф. 482. Оп. 1. Д. 133.

18. Смирнов Н.А. Политика России на Кавказе в XVI–XIX веках. М., 1958.

19. Фонсека Н. Природа сепаратизма в современном мире // Вестник ВГУ. Сер: История. Политология. Социология. 2012. № 1. С. 184–187.

20. Центральный государственный архив Республики Дагестан. Ф. «Кизлярский комендант». Оп. 1. Д. 3318.

21. Число погибших в результате терактов в Дагестане выросло до 22 человек // Коммерсантъ. 2024. 1 июля. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/6804825> (дата обращения 04.07.2024).

А.В. Венков, Х.Б. Мамсиров

ПРОКСИ-ФАКТОР В БОЕВЫХ ДЕЙСТВИЯХ НА КАВКАЗЕ в XVI–XIX вв.

Прокси-война – это конфликт между двумя странами или союзами территории третьего государства под видом разрешения его внутреннего конфликта. Само слово *proxu* означает «полномочие». Наглядный пример такой войны – противостояние России с коллективным Западом на территории Украины, в котором Запад якобы борется за сохранение либерально-демократических ценностей (а на самом деле – фашистского, русофобского режима) на Украине. Последний пример – бомбардировка авиацией США ядерных объектов Ирана якобы с целью защиты американского союзника – Израиля.

Кавказ с древнейших времен был ареной столкновения интересов держав и народов. Он лежит «между двумя морями и между Юго-Восточной Европой и Юго-Западной Азией – двумя главными путями, которыми азиатские

народы совершали свои передвижения в Европу ... Недаром владычества над ним попеременно искали и оспаривали друг у друга многочисленные народы и государства...» [4: 8].

Со времен Ивана III рязанские казаки, спасаясь от великокняжеского гнева, ушли по Волге и Каспию к устью Терека, где уже существовало «полуторговое, полуразбойничье местечко Тюмень» [4: 12. Но они прошли дальше, туда, где Аргун впадает в Сунжу, и осели на землях кабардинцев.

«Московскому государству было небезвыгодно поддерживать своих колонизаторов. К тому же единоверная Грузия молила московского царя о помощи. Кабардинцы, верные союзники наши во всех походах против крымского хана, также просили о принятии их в московское подданство, а брак московского царя с черкесской княжной Марией Темрюковной еще более упрочивал эти взаимные дружественные связи. Пользуясь благоприятными обстоятельствами, московскому царству было естественно хлопотать о распространении своего торгового и политического господства в Кавказском крае» [4: 12]. Впрочем, этим браком Иван Грозный скорее одновременно скреплял государственные связи в районе Оки и Волги, так как две старшие сестры Марии Темрюковны были замужем за Касимовским и Казанским ханами. Далекое расстояние и многочисленные внутренние проблемы не дали московским властям укрепиться в тот период на Кавказе. Они ограничились крепостью при впадении Сунжи в Терек.

В 1586 г. послы иверийского царя Александра в Москве просились в подданство, хотели отобрать у шамхала Тарки и посадить представителя Александра. Два похода русских войск на Дагестан были отбиты (грузины ни разу не явились). Но царь Федор Иоаннович принял титул «государя земли Иверской, грузинских царей и Кабардинской земли, черкесских и горских князей» [4: 16].

Россия в данном случае играла роль прокси-фактора в политике Грузии и Кабарды. Они формально признавали ее господство и афишировали союз с ней, но русские власти были очень далеко, для того чтобы хотя бы отслеживать и контролировать ситуацию. С другой стороны, нападение на эти территории формально означало нападение на русских подданных, а воюющие друг с другом Турция и Иран не были заинтересованы в конфликте с Россией.

На протяжении XVII в. Россия практически не вмешивалась в кавказские дела и перестала играть роль прокси-фактора. Когда иранский шах Аббас занял Кахетию, царь Теймураз обратился к царю Алексею Михайловичу, но в помощи было отказано.

По-настоящему Россия стала вмешиваться в кавказские дела только при Петре I, когда встал вопрос о выходе к Чёрному морю и укреплению на берегах Каспийского. С этого времени прокси-фактором становится идея помощи

единоверной Грузии. После смерти Петра I и до царствования Екатерины II действия русских на Кавказе ограничивались защитой Терской линии. Бои начались с 1765 г. из-за строительства русскими укрепления Моздок.

Бои на Кавказе вспыхивают всякий раз, когда начинаются войны с Турцией, и ведутся не только против турок, но и против черкесов, «оказавшихся на этот раз особенно восприимчивыми к турецкой пропаганде» [4: 58].

Одновременно русские отряды проходят через Дарьяльское ущелье и ведут бои на территории Имеретии. В 1774 г. граница между Россией и Турцией стала проходить по Кубани, и турки отказались от притязаний на Грузию и Имеретию.

Россия, придя на Кавказ по зову истории, попадала в сложную военно-политическую ситуацию, которая перманентно усугублялась новыми агрессивными и подрывными планами врагов России, их тайной дипломатией и заговорами. Россия принесла народам Кавказа мир и спасение от османского и персидского порабощения, пресекла кровавые междоусобицы, установила законность, открыла перспективы социально-культурного и экономического процветания, не забывая и о своих имперских, государственных интересах. Но всегда находились силы, противодействовавшие этому процессу [9: 3–4].

На рубеже XVIII–XIX вв. обостряются отношения между Россией и Англией. Англичане боялись, что русские через Среднюю Азию войдут в Индию. Англичане, как известно, приняли участие в заговоре против Павла I и в результате его убийства сорвали поход донских казаков в Индию в 1801 г. Следующий момент обострения – 1829 г. Россия, чьи войска в 1829 г. уже стояли под стенами Константинополя, со своей достаточно прямолинейной политикой, направленной на контроль над проливами (Босфором и Дарданеллами), рассматривалась Англией и Францией как наиболее опасный конкурент в грядущем разделе турецких провинций.

С турками у России после войны 1828–1829 гг. отношения в определенной мере наладились. В 1833 г. был заключен оборонительный договор. Россия обязалась в случае необходимости помогать Турции войсками, а турки обещали не пропускать через проливы в Чёрное море иностранные военные корабли. Европейские страны не могли с этим мириться. Было ясно, что Россию с Турцией попытаются рассорить.

Кроме того, сами турки после подписания договора продолжали поддерживать повстанческое движение на Северном Кавказе. После Адрианопольского мирного договора (1829 г.), будучи вытесненными с Черноморского побережья Кавказа, они старались держать его под контролем: «Полагая, что горцы не в силах долго обороняться собственными средствами, без помощи турок, доставлявших им товары, соль и разные военные припасы в промен на женщин и на мальчиков, всё наше внимание обратилось на прекращение турецкой торговли с черкесами» [8: 37–38]. Русские захватывали и обращали

в призы турецкие суда, «нагруженные военными припасами и черкешенками» [8: 51].

Прокси-фактором стала борьба с работорговлей. Однако создается впечатление, что черкесские женщины были на стороне турок. Ф. Торнау несколько раз приводит случаи продажи черкешенок туркам и всегда указывает, что женщины радовались. Одна из продаваемых объяснила ему: «Как не радоваться ... я здесь рабыня, ... а там, говорят, буду непременно госпожой; мне дадут хорошие платья, дадут денег, я стану пересылать их отцу и матери ... Почти каждая черкешенка оставляет горы с подобными надеждами, и, случается, эти надежды оправдываются самым блестящим образом» [8: 233].

В ходе Кавказской войны прокси-фактором становится всё мирное или замилившееся население. «Немирное» население борется за свое традиционное право на набеги. Отражение войны на Кавказе в сознании местного населения и представителей российского командования хорошо показано в воспоминаниях Ф.Ф. Торнау на примере его бесед с одним его знакомым черкесом. «При его миролюбивом взгляде, наши военные действия против горцев ему казались непонятными, и он часто со мною говорил об этом. Набеги черкесов на линию и русских за Кубань он находил в порядке вещей, но никак не хотел признавать нашего права строить укрепления и утверждаться на черкесской земле» [8: 250].

На Северном Кавказе в XVIII и XIX вв. русские войска не воевали «против всех». Проводилась демонстративная защита одного народа от другого, одного слоя населения от другого. В 1779 г. генерал И.В. Якоби грозил кабардинским князьям, что в случае выступления против России их подданные «тотчас получают свободу и делаются вольными». «Якоби искусно поддерживал народ, и в его лице приобрел себе сильного союзника против замыслов гордой кабардинской аристократии» [4: 99]. Знаменитый 17-й Донской казачий генерала Бакланова полк стоял на границе земель чеченцев и кумыков и имел задачей защищать кумыков от чеченских набегов, формально он нес миротворческую службу.

Турки и персы в качестве прокси-фактора использовали религиозную идею защиты ислама. Еще во время боев в Дагестане в XVI в. «нападение вели муллы с поднятыми над головой свитками и с завыванием огненных стихов из Корана» [4: 15–16].

Распространение и укрепление ислама на Западном Кавказе шло под сильным турецким влиянием. По воспоминаниям Ф.Ф. Торнау: «Ниже меня сидел, с обиженным видом, старый турок, высокий, худощавый, с белою бородой до пояса, с четками в руках – один из тех фанатиков, которые, питаясь подаванием, ходили по горам проповедовать мусульманам беспощадную войну против гяуров-свиноядов, как они чествуют всех христиан» [8: 174]. Русские этими проповедниками постоянно объявлялись врагами пророка

Магомета. Так, в главе о бегстве Магомета из Мекки в Медину было сказано, что гяуры принудили его спастись. «Кто-то из присутствующих спросил: “Кто же были эти гяуры?” – “Кто? – отвечал мулла не запинаясь, – известные, русские!”» [8: 225]. Присутствовавший русский офицер Ф.Ф. Торнау при помощи буссоли¹ показал, что гроб Магомета находится к югу от места спора. А где живут русские? Черкесы указали в противоположную сторону. Тогда Ф.Ф. Торнау попросил муллу объяснить, как русские, проживая на севере, смогли выгнать Магомета из Мекки. «Муллу нашелся. “Не поддавайтесь хитрым внушениям гяура! – сказал он черкесам с рассерженным видом. – Если бы даже не русские преследовали пророка, так это были их братья и сродники: все гяуры принадлежат к одной семье и одинаково ненавистны Аллаху, который терпит их на земле только в наказание за наши грехи”» [8: 225–226].

С середины XIX в. европейские страны в борьбе против России в качестве прокси-фактора используют положение «свободолюбивых» горцев или беды Османской империи, избиваемой русскими. Крымская война 1853–1856 гг. была для России чуть ли не единственной, где пришлось на поле боя встретиться с англичанами. Несмотря на вековое геополитическое противостояние, воевать непосредственно с английской армией и флотом России приходилось крайне редко.

После Крымской войны геополитическая ситуация в Европе стала резко меняться. Но Англия продолжала проводить антирусскую политику, прикрываясь интересами Турции (в том числе и на Кавказе).

После войны 1854–1855 гг. крепость Карс была заново перестроена под руководством английских инженеров и являлась в 1877 г. вполне современной и весьма мощной.

Англичане внушали туркам, что «единственным препятствием для возрождения и процветания их страны является одна Россия» [6: 25]. И турок их союзники-англичане пугали казаками, говорили, что русские хотят прибрать к рукам турецкие провинции «и понасажать туда исправников и казаков с нагайками» [5: 135].

Русская дипломатия относительно позиции европейских держав не обольщалась. Все знали, что англичане боятся русского распространения в Азии и после сколько-нибудь удачного продвижения русских в Закавказье или Средней Азии пытаются спровоцировать очередную русско-турецкую войну [6: 35].

Когда началась русско-турецкая война 1877–1878 гг., среди турецких офицеров замечали англичан, мадьяр, поляков «и авантюристов других народностей» [7: 14]. Считается, что в турецкой армии находились 70 английских офицеров и 300 матросов [6: 25].

¹ Геодезический инструмент для измерения углов при съемках на местности, специальный вид компаса.

Корреспондент газеты “Times” капитан Норман вспоминал, как они с английским генералом Кембелом на Кавказе боялись попасть в руки казаков: «Мы узнали, что казаки в Дели-баба, куда выскочили другой дорогой, и что нас преследуют. Не жалея лошадей в этой скачке, мы добрались до Таир-Ходжа, помчались далее, переправились через Аракс и в 3 часа достигли Хоросана» [2: 542].

Когда турки стали терпеть поражения, англичане пытались вмешаться. Н.А. Епанчин вспоминал, что на одном военном совете Александр II сказал: «“Должен сообщить, что я только что получил письмо от королевы Виктории; она предлагает мне свое посредничество между султаном и мною для начала мирных переговоров, но ставит условием, чтобы наша армия до начала переговоров ушла за Дунай, в Румынию. Какова стерва,” – закончил свою речь Государь...» [1: 107]. Английская королева требовала не допустить победы России и грозила отречься от престола.

Сами турки просили Англию о мирном посредничестве, «но Россия отвергла представление Лондонского кабинета, предложив Порте, буде того пожелает, самой обратиться за аманом» [3: 240]. Тем не менее приход английского флота к Константинополю и ультимативные требования англичан не дали русским войскам закончить войну вступлением в столицу врага.

Таким образом, прокси-факторы всегда играли очень важную роль во время военных действий в таком многонациональном и поликонфессиональном регионе, как Кавказ. Причем в зависимости от смены геополитической обстановки прокси-факторы могли диаметрально меняться.

Источники и литература

1. Епанчин Н.А. На службе трех императоров: воспоминания. М., 1996.
2. История Хоперского полка Кубанского казачьего войска. 1696–1896. В 2 ч. Ч. 1 / сост. есаул 1-го Кубанского полка В. Толстов; под ред. генерал-майора В. Потто. Тифлис, 1900.
3. Керсновский А.А. История русской армии. В 4 т. Т. 2. От взятия Парижа до покорения Средней Азии 1814–1881 гг. М., 1993.
4. Потто В.А. Кавказская война в отдельных очерках, эпизодах, легендах и биографиях. В 5 т. Т. 1. С древнейших времен до Ермолова. СПб., 1887.
5. Рагозина Е.А. Из дневника русской в Турции перед войной 1877–1878 гг. СПб., 1910.
6. Русско-турецкая война 1877–1878 / под ред. И.И. Ростунова. М., 1977.
7. Сборник материалов по Русско-Турецкой войне на Балканском полуострове. Вып. 8. О турецкой, румынской и сербской армиях и о русских добровольцах в Сербии. СПб., 1898.
8. Торнау Ф.Ф. Воспоминания кавказского офицера. М., 2000.
9. Шишов Л.В. Схватка за Кавказ. XVI–XXI века. М., 2007.

А.Х. Курмансеитова**ПРОЕКТ ГЕНЕРАЛ-МАЙОРА И.П. ДЕЛЬПОЦО
О СТРОИТЕЛЬСТВЕ БАТАЛПАШИНСКОГО УЧАСТКА
КАВКАЗСКОЙ ЛИНИИ**

В российской историографии опубликована обширная литература о проектах покорения Кавказа для установления на его территории владычества Российской империи. Но в отечественной истории малоизвестен проект главного пристава Кабардинской области генерал-майора И.П. Дельпоцо о строительстве Баталпашинского участка Кавказской линии. В.П. Невская лишь упоминает об этом участке укрепительной линии [2: 63]. Краевед С. Твердохлебов сообщил, что «в 1805 г. генерал-лейтенант И. Дель Поццо (1739–1821)» в рапорте главнокомандующему на Кавказе П.Д. Цицианову предлагал основать несколько новых укреплений, чтобы «границу реки Кубани до Каменного моста занять нашими крепостями» [4: 439]. Однако он написал фамилию главного пристава Кабарды «Дель Поццо», в документах «Актów, собранных Кавказской археографической комиссией» напечатано «Дельпоцо», но в отечественной историографии встречается и другое написание – «Дельпоццо». С. Твердохлебов пишет, что И.П. Дельпоцо был генерал-лейтенантом, но в 1805 г., когда И.П. Дельпоцо назначили главным приставом Кабарды, он был в чине генерал-майора [1: 971].

В 1804 г. в Закубанье уже были заложены Усть-Тахтамышевское и Баталпашинское укрепления, а от последнего через крепости Прочный Окоп и Кавказскую до Усть-Лабинской крепости пролегал правый фланг Кавказской линии [3: 278]. Кроме того, в 1804 г. были построены ряд новых укреплений в верховьях Кубани – Усть-Джегутинское, Николаевское, Хумаринское и укрепление около Каменного моста. По данным С. Твердохлебова, в 1804 г. было построено военное укрепление при впадении в Кубань р. Батмак (ныне р. Овечка) – казачий редут, названный Баталпашинским [4: 438; 439]. Но он уточняет, что, по другим источникам, это укрепление было построено в 1803 г. В том же году была учреждена кордонная линия, расположенная от Константиногорского редута до будущего Баталпашинского укрепления. На подробной карте России Кубанский редут был нанесен на возвышенности правого берега, между впадающими в Кубань реками Батмак и Жмурка [4: 438, 439]. На правом берегу Кубани были учреждены еще другие редуты: Усть-Тохтамышевский (при впадении в Кубань р. Тахтамыш) и Абазинский (в районе нынешнего аула Кубина).

В «Рапорте генерал-майора Дельпоцо князю, генерал-лейтенанту Цицианову, от 25 июня 1805 г.» был напечатан проект строительства Баталпашин-

ского участка Кавказской линии, опубликованный во втором томе «Актów, собранных Кавказской археографической комиссией» [1: 971–977].

В 1805 г., когда генерал-майор И.П. Дельпоцо стал главным приставом народов Кабардинской области, в ее состав входили не только кабардинцы, но и некоторая часть ногайцев и абазин. Главный пристав Кабарды решил лично изучить земли Кабардинской области, а также прилегающие к ее границам российские кордоны до самой р. Кубани. 24 мая 1805 г. И.П. Дельпоцо выехал из Константиногорска, но в пути он уклонился от намеченного маршрута в сторону ст. Воровсколеской. Однако, когда И.П. Дельпоцо прибыл на Кубань, он здесь увидел «чистую и открытую площадь» – это была равнина, на которой на «несколько верст по всем ее сторонам можно было увидеть всякой попадающийся глазам предмет» [1: 971]. Эта местность располагалась вниз по Кубани до Беломечетского поста, а вверх до р. Жегуты всего на 62 версты. Река Кубань с одной и с другой стороны была «беспорядочно расположена частично в глубоких и утесистых берегах, а частично в пологих, она имела свое течение» [1: 971]. По описанию И.П. Дельпоцо, местность от поста Беломечетского вверх до Кубани была «как чистая степь и положение земли ровное расстоянием частью от 2-х до 5 верст», она расстилалась в левую сторону «до возвышенного, плоского, изрезанного изредка мелкими лощинами хребта», однако «для хлебопашества и сенокосов была пригодна» [1: 971]. В лощинах хребта было большое количество леса, пригодного для будущих поселян, который, по предположению И.П. Дельпоцо, они могли использовать для постройки хозяйственных нужд, а также на дрова. Равнина, окруженная возвышенными горами, покрытыми лесами и зеленой травой, заканчивалась у р. Жегуты.

Генерал-майора И.П. Дельпоцо в дороге от р. Жегуты сопровождал преданный России, известный благодаря своей отваге, «храбрости и остроте разума» ногайский мурза Росламбек Таганов, племянник покойного генерал-майора Д.В. Тоганова [1: 971].

В проекте земля от р. Жегуты была описана как ровная равнина, выдававшаяся к левой стороне высоких, покрытых тучной травой гор, «в ширину частями от $\frac{1}{2}$ и до 2-х верст, простирается до протока Учкул» [1: 971]. На расстоянии от р. Жегуты до протока Учкул в ущельях, имеющих небольшие ручьи, впадавшие в р. Кубань, «дровяного и на разные мелкие изделия годного лесу» было вполне достаточно [1: 972].

Дорога «от Учкула до р. Мара частью отделялась влево и пролежала между возвышенными горами и ущельями», ногайцы на своих арбах с трудом через них проезжали, но И.П. Дельпоцо полагал, если ногайцы Закубанья успешно используют эту дорогу, «то там для русских невозможного нет» [1: 972]. На расстоянии 68 верст от р. Бакмаклы до Каменного моста вверх до р. Кубани

насчитывалось шесть переправ, и через них в 1804 г. перебравшись бежавшие за Кубань абазины и ногаи [1: 973].

В мае 1805 г., после тщательного обследования территории Кабардинского приставства и прилегающих к ее границам территорий, И.П. Дельпоцо разработал свой проект для покорения и приведения народов Закубанья Северо-Западного Кавказа в повиновение императору, чтобы потом требовать с них «всё, что угодно» [1: 971–977]. В его проекте было намечено строительство системы крепостей, постов и редутов, которые, когда вся Кубань будет занята укрепительной линией, станут препятствием для закубанцев, и они не смогут проникнуть на русскую территорию.

И.П. Дельпоцо в своем проекте о строительстве Баталпашинского участка Кавказской линии [1: 971–977] наметил построить двенадцать редутов «от Невинного мыса до Жмурина поста»:

«1. У Невинного поста – редут; в нём поставить 1 эскадрон драгун, 40 казаков и 1 орудие артиллерии.

2. У Беломечетского поста – редут; в нём 1 эскадрон драгун, 60 казаков и одно орудие артиллерии.

3. У Еманжалгинского поста – редут; в нём $\frac{1}{2}$ эскадрона драгун, 30 казаков и 1 орудие артиллерии.

4. У Жмурина поста – редут; в нём $\frac{1}{2}$ эскадрона драгун, 30 казаков» [1: 974].

В проекте отмечено, что «у Жмурина поста находится много переправ и места весьма опасные», поэтому П.И. Дельпоцо предполагал здесь построить «укрепление сильнее» [1: 974]:

«5. Между р. Бакмаклы и места, называемого Сыльне, укрепление; в нём поставить 2 роты мушкетеров, 1 эскадрон драгун, 60 казаков и 2 орудия артиллерии.

6. Между Баталпашинской переправой и р. Тахтамыш – капитальную крепость; в ней поставить батальон мушкетеров, 1 эскадрон драгун, 60 казаков и 4 орудия артиллерии.

7. У р. Жегуты – редут; в нём поставить 1 роту мушкетеров, 60 казаков и 1 орудие артиллерии.

8. Между переправой Байтал-Чапхан и протоком Учкул – редут; в нём 1 роту мушкетер, 60 казаков» [1: 974].

И.П. Дельпоцо предполагал, что «между Учкулом и переправой Кубыш на 20 верстах» найдется место, «удобное и для продовольствия, обеспечения как водой, так и сенокосом», а также хотя бы «для малого поста» [1: 974].

«9. У переправы Кубыш учредить редут; в нем поместить 1 роту мушкетеров, 100 казаков и 1 орудие артиллерии.

10. У Каменного моста – укрепление; в нем поставить 3 роты мушкетеров, 150 казаков и 2 орудия артиллерии» [1: 974].

Несмотря на то, что расстояние между двумя последними редутами были близкими, И.П. Дельпоцо считал, что их надо усилить, так как они «имеют преимущество» большее, чем другие, а также необходимо учесть, что здесь места самые «опаснейшие и отделенные немалым расстоянием гор, а от Каменного моста можно употреблять разъезды еще далее вверх по Кубани, к карачаевцам» [1: 974].

По предположению И.П. Дельпоцо, на другой год, то есть в 1807 г., можно будет в нужных местах занять границу до карачаевцев и пресечь последнюю, «лежащую через оных за Кубань, верховую дорогу от Каменного моста до карачаевцев не более 50 верст» [1: 974].

По проекту генерал-майора И.П. Дельпоцо верховья Кубани должны были быть заняты редутами, постами и крепостями, и тогда все сообщения между Кабардой и Закубаньем оказались бы под контролем русских войск. Кроме того, главный пристав в своем проекте наметил протянуть Кавказскую линию от Баталпашинского укрепления через систему укреплений (посты, укрепления, крепости, таможенные заставы) до Кисловодской крепости, тем самым заперев все проходы между Закубаньем и Кабардой, чтобы прекратить набеги абреков на русскую сторону.

И.П. Дельпоцо предполагал рядом с Каменным мостом, по которому в 1804 г. закубанцы угнали ногаев и абазин в Закубанье, найти удобное место и построить крепость на самом берегу р. Кубани. Поблизости от нее предусматривалось строительство в большом количестве воинских командных постов и редутов с достаточным числом войск. Он считал, что после строительства этой преграды Кабарда оказалась бы в полной изоляции, и тогда русская армия смогла бы контролировать почти все крепости и дорогу из Кабарды к закубанцам. Таким образом, строительство Баталпашинского участка Кавказской линии смогло бы изолировать Кабарду от Закубанья и оградить российские границы от набегов кабардинцев.

И.П. Дельпоцо в своем проекте большое внимание обратил на обеспечение русской армии провиантом и продумал, в каких укреплениях необходимо будет учредить «провиантские магазины, портовые таможенные и карантинные заставы» [1: 975]. Он предполагал, что на ногайцев и абазин, живущих в принадлежащей им и относящейся к р. Кубани части земли, надо будет возложить доставку провианта, фуража и амуниции на Кубанскую линию «за умеренную (единожды навсегда определенную; провиант и фураж с четверти, амуницию с пуда) от главноначальствующего здешним краем цену» [1: 975]. У Баталпашинской переправы ниже р. Кубани в местах, удобных для переправы на арбе через Кубань, должны были стоять казачьи посты.

На Баталпашинской переправе в крепости предполагалось учредить провиантский магазин с запасом продуктов для обеспечения русских войск

в течение всего года от Баталпашинской крепости до Невинного редута. В укреплении у Каменного моста или у переправы Кубыш было намечено открыть запасный провиантский магазин для снабжения провиантом войска в течение полугода, находившееся в двух укреплениях [1: 975].

Российское правительство в политике сближения русских с народами Кавказа как основной инструментарий использовало установление торговых связей с местными народами, поэтому по всей Кавказской линии открывали магазины для меновой торговли, соляные магазины, весной и осенью проводили ярмарки. В проекте генерал-майора И.П. Дельпоцо также предусматривалось установление торговых отношений русских с народами Закубанья. Ногайцы и абазины, проживавшие на российской стороне, получили право от императора брать с соляных озер соль по 1 руб. 50 коп. за каждую арбу [1: 973]. Главный пристав Кабарды И.П. Дельпоцо считал, что для ведения торговли с закубанскими народами в крепости на Баталпашинской переправе необходимо будет учредить портовую таможенную и карантинную заставы, а в укреплении у Каменного моста только карантинную [1: 975].

И.П. Дельпоцо сообщил главнокомандующему Кавказа князю П.Д. Цицианову, что, когда Кубань будет занята русскими крепостями, все закубанские народы, имевшие потребность в необходимых товарах, ездившие раньше за покупками в Анапу, направятся к Баталпашинской крепости с изделиями собственного производства для продажи русским купцам, они приедут «со всех русских городов, включая линейные и Нахичевань» [1: 975]. Эта торговля на деньги должна была способствовать появлению русских денег у закубанцев, на которые они будут покупать соль у России и пополнять царскую казну. Закубанские народы, проживавшие в занимаемой части Кубани, должны будут приобретать соль в русских крепостях, т.к. ногайцы и абазины покупали ее по завышенной цене, и каждый пуд им обходился обменом на скот около 4 руб., явно по чрезмерно завышенной цене.

По проекту генерал-майора И.П. Дельпоцо, когда верховья Кубани будут заняты русскими, «все проходы будут заперты» российскими войсками, абреки не смогут укрыться в горах, тогда русские, использовав оружие, смогут «заставить горцев прекратить свои шалости, они будут смиренны и покорны» по той причине, что «черный народ» (ср.: ног. «кара халк», рус. «чернь») всегда был предан России, он тогда сможет «отступить от повиновения своим владельцам и уклониться под покровительство Империи» [1: 976]. Он предполагал, что в этом случае местным князьям, мурзам, духовенству и другим представителям местной знати, привыкшим жить за счет своих подданных, придется «припасть к стопам Российского Монарха» и просить российское подданство [1: 976].

Генерал-майор И.П. Дельпоцо после вхождения всех закубанцев в подданство Российской империи был намерен провести перепись всех князей,

узденей и «черного народа», во всех селениях установить российские порядки, касающиеся благоустройства, ввести земское правление «по их обычаю» [1: 976]. Кроме того, он, исходя из обстановки, намеревался сформировать кавалерийский полк из князей и узденей с их национальным обмундированием.

Для осуществления своего проекта И.П. Дельпоцо пригласил инженера, который должен был определить расположение и строительство крепостей, наметить расстояния между ними и нанести их на карту, а крепости расположить так, чтобы был хороший обзор местности.

Главный пристав Кабарды И.П. Дельпоцо считал, что вначале надо будет занять Кубань и прилегающие к ней территории до самого важного места – Каменного моста, а с весны будущего 1806 г. начать строительство всех крепостей, редутов и принадлежащих к ним строений с запасом всего необходимого, чтобы можно было завершить проект в течение одного лета [1: 976].

25 июня 1805 г. генерал-майор И.П. Дельпоцо в своем рапорте сообщил князю П.Д. Цицианову о своем проекте, который состоял из «системы построек оборонительных укреплений из двенадцати редутов» от Невинного мыса до Жмурина поста [1: 971–977]. Однако главнокомандующий Кавказа П.Д. Цицианов отклонил его. В «Предписании князя П.Д. Цицианова генерал-майору Дельпоцо» от 26 сентября 1805 г. сказано, что представленный проект нецелесообразен, так как принесет «больше вреда, чем пользы» [1: 981]. П.Д. Цицианов отметил, что двенадцать укреплений раздробят русские войска на мелкие части, и тогда неприятель может собрать ударную силу и напасть на одно из укреплений, а подмога из других укреплений не успеет подойти своевременно, что может нанести немалый вред русской армии. П.Д. Цицианов подчеркнул, что для обеспечения постройки предлагаемых И.П. Дельпоцо укреплений необходимо расширить численность войск, а для этого «нужно будет из России взять два мушкетерских полка и умножить один казачий» [1: 981]. Но, как отметил П.Д. Цицианов, император «никак не согласится на таковую прибавку», так как «содержание полков на Линии весьма обременительно для казны» [1: 981]. Кроме того, П.Д. Цицианов вспомнил, как строительство Кисловодской крепости вызвало мятежи кабардинцев, требовавших срыть ее. Он считал, что строительство по проекту И.П. Дельпоцо Баталпашинского участка Кавказской линии также может спровоцировать мятежи между горскими народами, а для их умиротворения потребуются и время, и люди, которых в русской армии на Кавказе не было. Главный аргумент, выдвинутый П.Д. Цициановым против проекта И.П. Дельпоцо по строительству Баталпашинского участка, звучал так: «Кубанцы, турецкие подданные, видя такие наши движения и возведение столь большего числа новых укреплений, без сомнения растолкуют в худую для себя сторону и не преминут устроить Турецкий двор до того, что он сочтет это приготовлением к войне» [1: 981].

Главнокомандующий П.Д. Цицианов для удержания кабардинцев в полном повиновении считал, что у них необходимо взять «аманатов от лучших домов», и это позволит держать их «в границах благопристойности» [1: 981]. Он считал, что не только кабардинцы, но и все горские народы станут не менее послушны и верны, если и от них взять аманатов из лучших фамилий. П.Д. Цицианов дал предписание И.П. Дельпоцо использовать институт аманатства как фактор сдерживания при борьбе русской армии с закубанцами и кабардинцами.

Итак, проект И.П. Дельпоцо по строительству Баталпашинского участка Кавказской линии был отклонен П.Д. Цициановым, так как в 1805 г. территория Северо-Западного Закубанья находилась под контролем Османской Порты, а закубанцы были подвластны Турции, поэтому строительство системы редутов, казачьих постов и крепостей на территории противника было невозможно.

Проект И.П. Дельпоцо по строительству Баталпашинского участка Кавказской линии был осуществлен в 1820-х гг. в эпоху правления А.П. Ермолова на Кавказе.

Источники и литература

1. Акты, собранные Кавказской археографической комиссией / Архив главного наместника Кавказского. В XII т. Т. II. Кавказ и Закавказье за время управления генерала от инфантерии, князя Павла Дмитриевича Цицианова. 1802–1806. Тифлис, 1868.

2. *Невская В.П.* Присоединение Черкесии к России и его социально-экономические последствия / под ред. П.А. Брюханова. Черкесск, 1956.

3. Очерки истории Карачаево-Черкесии. В 2 т. Т. 1: С древнейших времен до Великой Октябрьской Социалистической революции / [отв. ред. д-р ист. наук В.П. Невская]. Ставрополь, 1967.

4. *Твердохлебов С.П.* Черкесск: ориентир в океане фактов и событий. Краеведческий путеводитель в 3 т. Т. 1. Черкесск, 2010.

А.П. Скорик, И.М. Федина

КРЕПОСТЬ АНАПА ЧЕРНОМОРСКОЙ БЕРЕГОВОЙ ЛИНИИ В ГОДЫ КРЫМСКОЙ ВОЙНЫ (по рапортам генерала М.Г. Хомутова)

С началом Крымской (Восточной) войны 1853–1856 гг. встал вопрос о судьбе Черноморской береговой линии, которая два десятка лет Россией выстраивалась по восточному берегу Черного моря, отошедшему стране

по итогам русско-турецкой войны 1828–1829 гг. Географически самой северной крепостью Черноморской береговой линии являлась Анапа, а южной основной крепостью считалась Сухум-Кале. Своеобразие географического расположения крепости Анапа заключалось в ее территориальной близости к главному театру боевых действий в Крыму. Однако от момента объявления войны между державами (Россией и Турцией) в октябре 1853 г. до военной угрозы непосредственно крепости Анапа, до устроенной кораблями эскадры британского контр-адмирала Эдмунда Лайонса 7 августа 1854 г. тотальной бомбардировки города с моря в течение 24 ч прошло немало времени. И, хотя хронологически фиксировался подход неприятельского флота к Анапе еще 28 апреля 1854 г., он приблизился к берегу на расстояние не ближе орудийного выстрела. А уже в августе союзники рассчитывали проверить боевую устойчивость русской крепости, ибо приятной «войны в кружевах» для наших противников не предвиделось, и они тогда откровенно побаивались русского «кровавого куража». Эта атака с моря на Анапу для союзников являлась одним из вариантов оценки собственных возможностей для развертывания военных действий на суше, на государственных территориях Российской империи, кроме собственно Крыма. Для русского командования контекст открытой морской агрессии союзников получался более широким. Во-первых, как и насколько целесообразно защищать прибрежные военные укрепления Черноморской береговой линии, в надежности которых русское командование сомневалось. Во-вторых, если все же защищать лишь наиболее ключевые укрепления, то, как долго это делать? В-третьих, уход с побережья для России означал полное открытие каналов снабжения оружием и военным имуществом воюющих против нее горцев со стороны старых европейских противников, мечтавших разжечь огонь Кавказской войны еще сильнее. В-четвертых, речь шла об организации обороны большого количества русских укреплений на Кавказе и в Приазовье, чтобы ни на йоту не допустить вглубь российской государственной территории западных агрессоров и не дать им возможности развернуть на ней прокси-войну. Русское командование избрало стратегию защиты большой территории и локализации вторжения противников.

По Высочайшему повелению от 15 февраля 1854 г. за № 139 на наказного атамана Войска Донского генерала от кавалерии М.Г. Хомутова было возложено «главное начальство над оборонительными силами против внешних врагов Отечества в случае вторжения их в Южные пределы России через Черноморскую береговую линию или на берега Азовского моря с подчинением Екатеринославской губернии, Таганрогского градоначальства, Черноморского и Азовского казачьих войск, на правах Командира отдельного корпуса» [4: 81мф]. К нему стекался огромный поток информации о положении дел в большом регионе Российской империи, находившемся

на военном положении, а, соответственно, его служебная переписка и донесения в столичные инстанции являются ценнейшим историческим источником, в том числе по решению судьбы крепости Анапа в условиях Крымской войны. Часть этих документов отложилась в рукописном деле 22000 «По рапортам наказного атамана войска Донского о действиях неприятельского флота по северо-восточному берегу Чёрного моря, о прорыве неприятеля по занятию Керчи и Еникале в Азовском море, о принятых мерах к защите берегов оногo и Черномории, об усилении Закубанского отряда и войска на Кавказской линии и в Черномории и об упразднении крепости Анапа, Новороссийска и некоторых закубанских укреплений» из архивной описи № 1 фонда № 1 «Канцелярия Военного министерства» Российского государственного военно-исторического архива, к которому мы и обратились.

25 мая 1855 г. начальник Черноморской береговой линии вице-адмирал Л.М. Серебряков сообщает М.Г. Хомутову об оценке его донесения от 17 мая 1855 г. молодым российским императором Александром II о положении дел во вверенном ему крае: «Сколь же прискорбно оставление Новороссийска, форта Раевского, Георгие-Афипского и трех мостовых Закубанских укреплений, но его Величество признать изволил, что оно вынуждено крайностью обстоятельств и необходимостью сосредоточить Ваши силы для успешного отражения неприятеля» [4: 81].

В конце мая 1855 г. в письме М.Г. Хомутову военный министр, генерал-лейтенант, князь В.А. Долгоруков излагает суждение императора Александра II о необходимости обороны и удержания крепости Анапа русскими войсками: «При всей опасности, угрожающей Анапе, Государь император изволил желать, дабы к сохранению этой крепости употреблены были все зависящие от Вас способы» [4: 81мф]. Какие же аргументы выдвигали в ближайшем окружении императора Александра II в отношении неременного удержания крепости Анапа русскими войсками? Во-первых, в случае ухода из Анапы фиксировалась вероятностная утрата российских позиций в Закубанском крае: «Оставление сего пункта лишит нас последней опоры действий наших за Кубанью» [4: 81мф]. Во-вторых, возможная потеря Анапы могла сопровождаться для России репутационными рисками, ведь это «неминуемо произведет самое неблагоприятное для нас впечатление не только в горах Кавказа, но в России и во всей Европе» [4: 81мф], иначе говоря, прогнозировался геополитический бриколаж, когда мифы о военной несостоятельности русской армии разлетятся среди горцев Кавказа, затем дойдут до далеких от театра боевых действий российских провинций и неизбежно достигнут ушей антироссийских злопыхателей во всей Европе. Просчитать возможные военно-политические издержки для Российской империи в этом случае не представлялось возможным. В-третьих, Анапа воспринималась российской общественностью и противниками России в Крымской войне

как постоянная русская крепость на Черноморском побережье Кавказа, как оплот российского присутствия в Кавказском макрорегионе: «Упразднение прочих укреплений на восточном берегу Черного моря и за Кубанью объясняется тем, что эти посты возведены были для достижения временных целей, но в общем мнении Анапа есть постоянная крепость, Русскою кровью завоеванная, и которую самые турки упорно против нас защищали» [4: 81мф]. В развернувшейся Крымской войне Анапа являлась не только форпостом российского военного присутствия, но и важным пунктом тылового снабжения для Севастополя до взятия союзниками Керчи 12 мая 1855 г. Причем подходы непосредственно к крепости Анапа прикрывались рядом военных укреплений и отдельных постов (в частности, Джеметейским укреплением и Бугазским постом), а также станицами Закубанского поселения (Благовещенской, Витязевой, Николаевской). И хотя Анапа в России трезво оценивалась как третьего или четвертого класса крепость, она какое-то время отпугивала грозный флот англо-французских союзников, что стянули в акваторию Черного моря до 100 судов. Как писал военный историк Н.А. Обручев, за весь XIX в. это был «один лишь пример абсолютного обладания морем» [2: 39].

Далеко не все английские офицеры были морально готовы увидеть трупы своих солдат, посеченные русской картечью, поэтому они хотели подставить под русские пули горцев, но те также видели, что две мощнейшие державы не продвинулись вглубь России, что поддерживало представление о непобедимости Российской империи. Неслучайно император Александр II говорил о невозможности покинуть Анапу без боя, ведь тогда это «значило бы добровольно жертвовать плодом прежней войны и залогом утверждения владычества нашего в западной части Кавказа из одних опасений, которые могут и не осуществиться» [4: 81мф]. Перед русским командованием стоял непростой выбор в отношении Анапы. Как считал вице-адмирал Л.М. Серебряков, «Анапа может держаться до 10 дней против правильной осады, но такое предприятие требует соответствующих средств, которые неприятель, вероятно, признает более для себя выгодным употребить для других действий. Одни же турки едва ли на это решатся, особенно в виду подвижного отряда нашего. Во всяком случае, прямые наши выгоды требуют, чтобы мы держали Анапу до последней крайности» [4: 81мф].

Однако окончательное решение о судьбе крепости Анапа и окрестных поселений император Александр II возлагал на генерала М.Г. Хомутова, получившего достаточно свободный карт-бланш, что мы узнаем из письма к нему военного министра генерал-лейтенанта князя В.А. Долгорукова по поводу усиления резервами войск Таманского или Екатеринодарского отрядов, о чем беспокоился император и, по словам министра, поэтому «изволил просить Ваше Высочайшее сообразить ближайшим образом

возможность усилить войска Таманского или Екатеринодарского отрядов двумя резервными батальонами, расположенными в Ейске, которого они не предохранят от огня неприятельских судов» [4: 81мф]. И тут же в письме князь В.А. Долгоруков подчеркивал: «Государь император вполне предоставляет Вам распределить войска и действовать по непосредственному усмотрению Вашему. Его Величество изволит быть уверенным, что, не ограничиваясь исключительно оборонительным положением, Вы не оставите перейти к наступлению, коль сколь представится к тому удобный случай. Внезапные движения, с быстротой и решимостью произведенные, часто удавалось против сил горцев, и строгий урок всегда укрощал их дерзость на некоторое время» [4: 81мф].

О своем принятии ответственного решения в отношении Анапы генерал от кавалерии М.Г. Хомутов информировал князя В.А. Долгорукова письмом от 22 мая 1855 г., но это решение не было единоличным по целому ряду обстоятельств, в том числе, следовало учесть негативное мнение императора Александра II по поводу снятия укрепления Анапы и ухода оттуда русского гарнизона. 21 мая 1855 г. в станице Темрюкской (там размещалась временная ставка М.Г. Хомутова) состоялся военный совет по вопросу о дальнейшей судьбе крепости Анапа, где присутствовали генерал от кавалерии М.Г. Хомутов (председатель), командующий войсками на Кавказской линии и Черномории генерал-лейтенант В.М. Козловский; начальник Черноморской береговой линии вице-адмирал Л.М. Серебряков; начальник артиллерии военной группировки русских войск под общим командованием М.Г. Хомутова, включая также артиллерию крепостей Новороссийск и Анапа, генерал-майор Л.Л. Лобко 1-й; представитель штаба начальника Черноморской береговой линии полковник Генерального штаба С.Г. Стишинский и полковник Генерального штаба А.Я. Дуброво.

В рапорте М.Г. Хомутова от 28 мая 1855 г. излагаются причины [4: 81мф], подвигнувшие его «на такую великую решимость» при поддержке военного совета 21 мая, хотя у нас нет точных сведений о том, было ли принятое на военном совете решение единодушным. В качестве причин добровольного оставления русскими войсками крепости Анапа Михаил Григорьевич в своем рапорте, если говорить современным языком, указывает: 1) фортификационные недостатки существовавших на тот момент крепостных укреплений в Анапе («крепость эта неправильной постройки»), что не позволяло командованию гарнизона организовать должную ее оборону; 2) наличествующие военно-технические характеристики тяжелого вооружения в крепости Анапа явно не отвечали задачам ведения затяжной современной войны, ведь крепость «вооружена орудиями далеко не соответствующими тем, которые могут быть употреблены для осады оной»; 3) численность воинского гарнизона вместе со всеми резервами являлась недостаточной

ни «для отражения десанта, на стороне которого все преимущества, ни для поддержания общения крепости с нашими войсками»; 4) при вероятностной осаде крепости Анапа могли быть перерезаны пути сообщения гарнизона численностью 4 тыс. человек с нашими войсками, и неизбежно встал бы вопрос о продовольственном снабжении обороняющихся, особенно питьевой водой, а она в городе «очень дурного качества», и только «вне крепости много хорошей воды»; 5) при длительной осаде запертый в крепости Анапа гарнизон вынужден будет «довольствоваться одним провиантом и солониною. Такого рода ограничения в содержании при дурной воде и местных климатических условиях неминуемо породят болезни» среди солдат, в частности, горячку и скорбут (цингу), «который и теперь имеет свое действие» (но конкретных данных о заболеваемости в рапорте не приводится); 6) удержание крепости Анапа ставит вопрос о вероятностной потере 12 тыс. человек личного состава: «до 9 тыс. составляющих гарнизон Анапы с его резервом и более 3 тыс. разбросанных по Таманскому острову [полуострову], которые удерживаются собственно для поддержания сообщения наших войск с Анапой, ибо народонаселение сего острова [полуострова] само собою по высадке неприятеля в Керчи большей частью выехало, уведя и увозя с собой всё, что было возможно»; 7) при решении вопроса об обороне крепости Анапа требовалось учитывать выполнение актуальных задач по защите правого фланга Кавказской линии, проходившего по реке Кубань от верховья до устья на протяжении 365 верст (по утверждению М.Г. Хомутова, около 400 верст), незначительными силами (их количество в оценках сильно разнится: от 10 до 30 тыс. человек); 8) удержание крепости Анапа нельзя рассматривать вне контекста защиты части прибрежной территории вплоть до Протоки и Тамани, причем в условиях возможного нанесения противником ударов с двух сторон: путем высадки десанта и одновременного наступления больших отрядов горцев с целью рассеяния и уничтожения группировки русских войск и, как писал тогда генерал М.Г. Хомутов, «высадка Керченского неприятеля в Темрюке и одновременно с оною натиск неприятеля с гор чрез Варениково укрепление отрезет им отступление к Протоке, и войска эти должны будут пробиваться сквозь далеко сильнейшего их неприятеля». В итоге М.Г. Хомутов приказал: «Вследствие сего и в особенности как всякий потерянный день для нас может иметь пагубные последствия, я распорядился о немедленном вывозе из Анапы всех ценных тяжестей, сколько время позволит, а потом по взорвании укреплений и сожжении города гарнизону и резерву его отступить за Протоку, на пути к ним присоединится большая часть Таманского отряда, на острове [полуострове] Таманском останется только наблюдательный отряд из кавалерии в виде летучего отряда с приказанием в случае опасности тоже отступить за Протоку». После исполнения приказа М.Г. Хомутова

«все войска Черномории и Закубанского отряда будут сосредоточены в Черномории и расположены, смотря по обстоятельствам, для создания резерва Екатеринодарскому отряду» [4: 81мф]. Принятое решение отражало военную стратегию защиты территории, а не прибрежной полосы в виде Черноморской береговой линии, и получило полное и окончательное одобрение со стороны императора Александра II: «Его Величество утверждает на деждою, что жертва эта вознаграждена будет обезопасением Черномории и Божьей помощью поражением враждебных скопищ, которые дерзнули бы вторгнуться в наши пределы. Государь император не сомневается также, что храбрые черноморцы покроют себя на Кубани тою же славой, как на стенах Севастополя» [4: 81мф].

В итоге 25 мая 1855 г. русский гарнизон крепости Анапа и ближайшие войсковые резервы покинули саму крепость, станицы Александровскую, Благовещенскую, Николаевскую, ушли на территорию Черномории и попали под командование вице-адмирала Л.М. Серебрякова. По распоряжению высшего в регионе военачальника – войскового наказного атамана Войска Донского, начальника войск на побережье Кавказском и в Приазовье, генерал-адъютанта, генерала от кавалерии М.Г. Хомутова – отступающие войска разрушили крепостные стены и все здания в Анапе, уничтожили все воинские укрепления, взорвали пороховые погреба и орудия (часть из них заклепали), поэтому 2 июня 1855 г. подоспевший противник обнаружил сплошные развалины. До настоящего времени из всех строений середины XIX в. сохранились позже восстановленные «Русские ворота» и храм Святого Онуфрия Великого. Согласно сообщению английской газеты (телеграфного агентства) «Электрик Телеграф», «уступая Анапу черкесам, российский генерал оставляет не только сильную крепость, но и нарушает одну из основных линий связи с закавказскими провинциями» [5: 198].

Как считал Ф.А. Щербина, вывод гарнизонов из Новороссийска и Анапы позволил «сузить линию военных операций и усилить гарнизонами наличные войска ... Сефер-бей немедленно занял Анапу с незначительным полторасотенным отрядом турецкого войска разношерстного состава. Это показывало, какое важное значение имело бы для войны совместное действие союзных войск и турок с черкесами. К счастью казачества, ни турки, ни их союзники не оценили надлежащим образом этого обстоятельства, а черкесы были парализованы взаимным соперничеством двух черкесских вождей – Сефер-бея и Магомет Амина. Это спасло прикубанский край от разорения» [6: 512]. Штаб Черноморской береговой линии упраздняется 29 декабря 1855 г., что стало официальной трагической датой временного ухода России с Черноморского побережья Кавказа.

В Анапу начали наезжать французские, английские и турецкие офицеры, чтобы побудить горцев к совместному действию против русских. Сефер-бей

называл себя «главнокомандующим всеми горскими народами и начальником турецких сил в Анапе». Когда русские войска после Крымской войны заняли 10 июля 1856 г. Анапу, Сефер-бей ушел в Новороссийск [1: 69–70]. Анапа обрела статус мирного города только в 1866 г.

После окончания Крымской войны пожалованный в адмиралы и назначенный членом Адмиралтейств-совета Л.М. Серебряков в июне 1856 г. пишет письмо управляющему Морским министерством генерал-адмиралу великому князю Константину Николаевичу и командующему Отдельным Кавказским корпусом, наместнику Кавказа князю А.И. Барятинскому с четким обоснованием необходимости восстановления Черноморской береговой линии и организации крейсерства вдоль ее берегов. В этом письме дается подробная характеристика Анапе и аргументируются задачи восстановления ее былого значения: «Анапа составляет опорный пункт наш в северной части береговой линии. Поэтому с занятием ее вновь необходимо укрепить ее ... прежней турецкой постройки сооружениями по системе новейшей фортификации. В том положении, в каком находилась Анапа до оставления ее нашими войсками, она со стороны моря могла сопротивляться попыткам неприятеля, но с сухого пути не могла бы выдержать и десяти дней правильной осады... Недостаток в Анапе хорошей воды составляет второстепенное неудобство: она действительно пользуется извне водою, хотя и не в дальнем от города расстоянии, но в ней есть множество своих колодцев, которыми, несмотря на солено-горький вкус, гарнизон может пользоваться без особенно вредных последствий... Крейсерство азовских баркасов должно быть восстановлено между Анапой и Новороссийском. Оно достаточно будет для надзора за берегом на этом пространстве...» [3: 156].

Таким образом, изучение архивных материалов позволяет понять внутренний механизм принятия ответственных (тяжелых) решений русским командованием, каким стало оставление крепости Анапа в период Крымской войны, исходя из сложившейся ситуации и глубокого изучения истинного положения дел на местах, в отдельных гарнизонах, когда приходилось чем-то жертвовать, чтобы сохранить большее – политические позиции Российской империи на Кавказе, а главное – сберечь жизни русских солдат и казаков.

Источники и литература

1. Веселовский Н.И. Военно-исторический очерк города Анапы. Пг, 1914.
2. Обручев Н.А. Смешанные морские экспедиции // Военный сборник. СПб., 1898. Т. 242, № 7–8.
3. Очерки по истории Анапы / отв. ред. Т.В. Смаглюк, А.М. Новичихин. Анапа, 2000.
4. Российский государственный военно-исторический архив. Ф. 1. Оп. 1. Д. 22000. Л. 81 (далее – микрофильм (мф)).

5. Степко Л.А. Кордонная стратегия: Кавказ, век девятнадцатый. М., 2020.
6. Щербина Ф.А. История Кубанского казачьего войска. В 2 т. Т. 2. Екатеринбург, 1913.

О.Б. Клочков

ОРГАНИЗАЦИЯ РОССИЙСКОГО ВОЕННОГО ПРИСУТСТВИЯ В АБХАЗИИ И ОХРАНЫ ЕЕ ПОБЕРЕЖЬЯ В ПЕРВОЙ ТРЕТИ XIX в.

В ходе Русско-турецкой войны 1806–1812 гг., в октябре 1810 г., тогдашний властитель Абхазии Сафар-бей (Георгий Шервашидзе), занявший свое место не без помощи русской армии, принес присягу на верность российскому императору Александру I. С этого времени, как считается, Абхазия вошла в состав Российской империи. В подтверждение этому приводятся положения Бухарестского мира, среди которых есть упоминание о признании Османской империей присоединения к Российской империи территорий Абхазии, Мингрелии, Имеретии и Гурии [5: 62]. Однако на самом деле в этом мирном договоре нет ни слова об их присоединении; там прямо говорится о том, что Российская империя отдает земли, входившие в состав Османской империи, в том состоянии, в котором они находились в довоенное время [2]. При этом Г.А. Дзидзария, на труд которого мы здесь ссылаемся, как ссылаются и многие другие исследователи, утверждает о некоем «смысле» шестой статьи договора [5: 61]. Мы полагаем, что более обоснованным будет оперировать не духом, а буквой договора.

Косвенным подтверждением этого является признание многими исследователями того обстоятельства, что османское правительство не приняло положений мирного договора и еще долгое время пыталось оспорить их как мирным, так и военным путем. Тот же Г.А. Дзидзария указывает на неоднократные попытки Османской империи руками своего абхазского ставленника Аслан-бея восстановить довоенный статус-кво, который при поддержке турок организовал ряд походов на Сухум. Дело дошло до того, что российское правительство решило даже вывести свои войска с территории Абхазии, исполнив тем самым условия Бухарестского мирного договора. И только неуступчивость тогдашнего наместника на Кавказе графа А.П. Ермолова, категорически отказавшегося выполнять подобные планы, не дало им претвориться в жизнь [5: 62].

Кроме того, обращает на себя внимание и то обстоятельство, что российское правительство в период с 1810 до 1830 г. не предпринимало скольконибудь значительных усилий для укрепления своего положения на этих

территориях, не строило крепостей и не устанавливало никакого пограничного режима. Россия владела этими территориями де-факто, но не де-юре, что останавливало правительство от подобных шагов. Российское присутствие в этом регионе фактически было ограничено гарнизоном Сухумской крепости.

Ситуация коренным образом изменилась после окончания Русско-турецкой войны 1828–1829 гг., результаты которой были зафиксированы в статьях Адрианопольского мирного договора, подписанного в сентябре 1829 г. В его IV статье подтверждалось присоединение к России территорий Грузии, Мингрелии, Имеретии и Гурии как присоединенных ранее «на вечные времена» [1]. В этой же статье устанавливается новая официальная государственная граница между Российской империей и Османской империей, а также устанавливается, что все земли, расположенные севернее этой черты, окончательно становятся российскими, равно как и побережье Чёрного моря от устья р. Кубани и до пристани Святого Николая (одна из самых южных точек побережья Гурии) [1]. Собственно, именно после подписания данного мирного договора произошло юридическое присоединение (де-юре) Абхазии к Российской империи.

Обращает на себя внимание тот факт, что произошло присоединение лишь побережья Чёрного моря – достаточно узкой прибрежной полосы. Территория вглубь Главного Кавказского хребта формально уже давно входила в состав Российской империи, но реально была занята горскими племенами, которые считали себя независимыми как от Османской, так и от Российской империй. Получение Российской империей территории Черноморского побережья Кавказа сделало возможным, с одной стороны, изоляцию этих племен от иностранного вмешательства, которое шло именно через побережье, а с другой – давало плацдарм для дальнейшего российского проникновения на эти территории.

Однако сначала необходимо было укрепиться на новых территориях, в том числе и на территории Абхазии, пусть даже на побережье. Поэтому почти сразу после того, как известие о заключении Адрианопольского мирного договора стало известно графу И.Ф. Паскевичу, бывшему в то время главнокомандующим Отдельным Кавказским корпусом, им стал разрабатываться план российского утверждения на Черноморском побережье Кавказа. Впрочем, иногда упоминается об участии в создании этого стратегического плана и князя Ф.А. Бековича-Черкасского [3], генерала А.А. Вельяминова [12] и даже самого императора Николая I. Однако эти поиски никак не изменяют событийную сторону этой деятельности.

Первоначальное внимание русское командование уделило северным районам побережья Абхазии, которые граничили с территориями, населенные племенными группами абхазов и адыгов, отказавшихся признавать

передачу абхазских земель в российское подданство. Тем самым новые укрепления должны были обезопасить территорию Абхазии от проникновения горцев с севера. Первый отряд, назначенный генералом К.Ф. Гессе к участию в этой операции, состоял из егерского батальона 44-го полка. Ранним утром 8 июля 1830 г. отряд высадился в Гаграх, неподалеку от горных проходов, по образному выражению графа И.Ф. Паскевича называемых «Кавказскими Фермопилами». Оставшаяся часть отряда численностью около 1500 человек при 6 орудиях и мортирах сухим путем двинулась по направлению к Пицунде. По итогу русские укрепления и гарнизоны появились и в Гаграх, и в Пицунде, и в Бомборах, расположенных на полпути от Сухума к Пицунде. Именно в этом населенном пункте должна была появиться штаб-квартира русских войск, расположенных в северной части Абхазии [8: 136–138; 140].

В 1834 г., в соответствии с высочайше утвержденным планом, начались работы по соединению русских укрепленных пунктов, разбросанных по береговой линии Чёрного моря от Редут-Кале до Анапы, специальной дорогой. На юге следовало соединить русские военные базы в Абхазии – Сухум, Бомборы, Пицунду и Гагры, а также продолжить эту дорогу, с одной стороны, в направлении Геленджика, с другой – на соединение с Военно-Имеретинской дорогой. Осуществление этого плана было возложено на только что назначенного управляющим Имеретией, Мингрелией, Гурией и Абхазией генерал-майора М.М. Ахлесташева [7].

Осенью 1834 г. отряд М.М. Ахлесташева, представлявший собой военно-инженерное соединение, двинулся из Кутаиса в направлении Сухума. В течение 1834 г. ему удалось проложить дорогу от Анаклии до Сухума, а затем и до Бомбор. Помимо этого, отряд на участке дороги для обеспечения ее безопасного функционирования возвел два укрепления: одно – в местечке Илори, на берегу р. Галидзги, другое – у монастыря в местечке Дранды, на р. Кодор [4]. В 1835 г. дорога была продлена до Пицунды, а затем и до Гагр. Это позволило взять под контроль фактически всю прибрежную территорию Абхазии. Новороссийский генерал-губернатор граф М.С. Воронцов восторженно рапортовал императору Николаю I о занятии русскими войсками всего черноморского побережья Кавказа от поста Святого Николая и устья р. Риони и до Гагрской крепости [6].

Несколько проще, с одной стороны, обстояло дело с организацией охраны береговой линии Абхазии, потому что Черноморский флот еще со времен побед Ф.Ф. Ушакова установил свое господство на Чёрном море [9]. Поэтому уже с 1810 г. Черноморское побережье Кавказа патрулировалось кораблями Черноморского флота, которые не только были назначены для препятствования сношениям горцев с Османской империей по морю, но и участвовали в десантной операции по взятию крепости Сухум [10]. При этом в тот момент

именно такие действия ввиду слабого наземного российского присутствия на землях «от Мингрелии до Анапы» признавались наиболее эффективными с точки зрения предотвращения подрывной деятельности Османской империи. Однако действовать корабли флота у этих берегов могли только в период навигации на достаточно большом удалении от береговой линии, да и действовали периодически. Всё-таки отсутствие юридического статуса «российских» для этих земель препятствовало организации постоянного крейсерства.

А после закрепления данных территорий, в том числе и территории Абхазии, условиями Адрианопольского мирного договора Черноморскому флоту было предписано организовать постоянное крейсерство у Черноморского побережья Кавказа. Кроме того, был поставлен вопрос о строительстве специальных судов, способных эффективно бороться с неприятельскими судами в прибрежной зоне, где корабли флота действовать не могли из-за своей большой осадки. Еще большую необходимость в этом испытывало Министерство финансов для предотвращения контрабанды на эти новые русские территории.

Для обеспечения решения этой задачи были сформированы два отряда кораблей, один из которых базировался в Геленджике и обеспечивал контроль на участке моря от Анапы до Гагр, а другой – в Сухуме и контролировал дистанцию от Гагр до Редут-Кале. Кораблям предписывалось нести службу круглогодично, хотя фактически из-за нехватки назначаемых в отряды кораблей ее срок ограничивался 11 месяцами. Однако высокой эффективностью эта деятельность не отличалась из-за малого количества назначаемых для патрулирования кораблей и особенностей тактики контрабандистов и иностранных шпионов. Яркими свидетельствами плохой эффективности крейсерства стал скандал со шхуной «Виксен», доставившей на Черноморское побережье Кавказа не только военную контрабанду, но и эмиссаров разведывательных служб ряда западноевропейских государств.

Проблема противодействия мелким судам контрабандистов, действовавшим в море вплотную к береговой линии, удалось решить лишь во второй половине 1930-х гг., когда российское правительство было вынуждено возродить Азовское казачье войско с его морскими традициями. Именно на морские команды этого войска, снаряженного специальными плоскодонными лодками, была возложена миссия охраны и обороны морской прибрежной зоны Черноморского побережья Кавказа [11].

Таким образом, реальное утверждение России на побережье Абхазии происходило уже после завершения Русско-турецкой войны 1828–1829 гг. Именно условия Адрианопольского мирного договора, засвидетельствовавшие де-юре переход Абхазии под российскую юрисдикцию, сделали это возможным.

Источники и литература

1. Адрианопольский мирный договор. 1829 год. 14 сентября (2 сентября ст. ст.). URL: clck.ru/3Ni8m2 (дата обращения: 01.06.2025).
2. Бухарестский мирный договор 1812 года // Хронос: всемирная история в интернете. URL: <https://hrono.ru/dokum/1800dok/1812rutur.php> (дата обращения: 28.05.2025).
3. Голицын Н.Б. Жизнеописание генерала от кавалерии Эммануэля. Второе отделение. Комментарии к тексту. URL: clck.ru/3Ni8mj (дата обращения: 01.06.2025).
4. Гумба М. Абхазское княжество в 20-х – 50-х годах XIX в. Сухум, 2022.
5. Дзидзария Г.А. Присоединение Абхазии к России и его историческое значение. Сухуми, 1960.
6. Дзидзария Г.А. Ф.Ф. Торнау и его кавказские материалы. М., 1976.
7. Записки о предприятиях, исполненных в 1834 году // Акты, собранные Кавказской археографической комиссией. Т. VIII. Тифлис, 1881. С. 351–353.
8. Михайловский крепостной пехотный батальон на Кавказе. 1819–1906 / сост. Т.Т. Стефанов. Батум, 1906.
9. Овчинников В.И. Роль и место Черноморского флота в достижении Российским государством военно-политических целей (конец XVIII – начало XIX вв.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1998.
10. Отношение маркиза де Траверсе к генералу Тормасову, от 10 февраля 1810 года, № 245 // Акты, собранные Кавказской археографической комиссией. Т. IV. Тифлис, 1870. С. 449–450.
11. Павлов К.А. История формирования и развития пограничной службы Российской империи на Черноморском побережье Кавказа в XIX – начале XX в.: дис. ... канд. ист. наук. Краснодар, 2022.
12. Ржевуский А. Генерал Вельяминов и его значение для истории Кавказской войны. URL: clck.ru/3Ni8pf (дата обращения: 01.06.2025).

И.В. Зозуля, А.А. Березутская

ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫЕ ОРГАНЫ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА В ЭКСТРЕМАЛЬНЫХ УСЛОВИЯХ ВОЕННОГО ЛИХОЛЕТЬЯ ПЕРВОЙ И ВТОРОЙ МИРОВЫХ ВОЙН

Обращение к истории правоохранительных органов Северного Кавказа в годы Первой и Второй мировых войн позволяет раскрыть их роль во времена выпавших испытаний в начале и середине XX в. и проявленный ими героизм и самоотверженность как на фронте, так и в тылу. К сожалению, чаще всего эта сторона деятельности правоохранительных органов оставалась

до недавнего времени вне поля зрения исследователей, которые, как правило, рассматривали в целом участие граждан страны в защите своего Отечества. Отдельные страницы истории органов правопорядка подчас намеренно умалчивались в связи с общими оценочными суждениями в отношении их деятельности на разных этапах российской государственности.

Так, в свое время была незаслуженно забыта работа правоохранительных органов в годы Первой мировой войны, так как советская историография, как правило, рассматривала их деятельность исключительно с точки зрения борьбы с революционно-настроенными массами населения и выполнения ими охранительных задач до революции 1917 г. Лишь в конце XX – начале XXI в. эта тенденция стала разительно меняться, исследователи начали обращаться к таким проблемам и всесторонне рассматривать деятельность органов следствия, суда и прокуратуры.

Выявленные нами в ходе работы в региональных и центральных архивах страны материалы позволяют считать, что начало Первой мировой войны внесло свои коррективы и в деятельность правоохранительных органов Российской империи. Усилившиеся социальные изменения, приток населения на Северный Кавказ, развивавшиеся миграционные процессы способствовали дальнейшему обострению общественных и экономических противоречий. Наибольший ущерб был нанесен основной отрасли экономики региона – сельскому хозяйству. Так, в сравнении с засеянными в 1914 г. 10 млн десятин, в 1916 г. посевная площадь не превышала 7,1 млн десятин. Данные показатели для Терской области в сравнении с 1914 г. уменьшились в 1917 г. на 34 %, а для Ставропольской губернии – на 18 %. Наряду с этим упала и урожайность, сократившаяся, например, на Кубани с 92 до 39,9 пуда [6: 543].

Говоря предметно об участии населения в боевых действиях в годы Первой мировой войны, напомним о количестве жителей региона, мобилизованных в русскую армию. Только в Ставропольской губернии эта цифра превысила 100 тыс. человек. В казачьих областях на войну было практически поголовно мобилизовано все мужское население призывного возраста. Лишившись своих кормильцев, казачьи станицы полностью извели трудности и лишения военного времени.

На протяжении трех лет (1914–1916 гг.) властями постоянно предпринимались меры для обеспечения порядка и предотвращения различного рода эксцессов. В казачьих областях установленное в них военное положение позволяло начальникам по собственному усмотрению, наряду с наложением административных взысканий, высылать за пределы областей лиц, признанных ими «вредными для общественного порядка и безопасности». На военном положении была объявлена и Ставропольская губерния, в которой прекратило действие неоднократно продлеваемое и введенное на полгода с августа 1906 г. Положение о чрезвычайной и усиленной охране [3: 15].

Подчеркнем еще раз, что правоохранительные органы, ведя борьбу с революционными настроениями, разительно усилившимися в обществе в ходе войны, решали и целый ряд других первостепенных задач, среди которых была борьба с достаточно широким кругом уголовных преступлений (табл. 1).

Таблица 1

Распределение совершенных на Северном Кавказе преступлений за апрель – июль 1915 г. по категориям [7: 283]

Категория преступления	Количество преступлений	Динамика колебания совершенных преступлений по сравнению с апрелем – июлем 1914 г.
Разбойное нападение	46	–48
Грабеж	153	–44
Скотокрадство	116	+63
Убийство	142	+11
Пленение	1	нет данных
Вымогательство	4	+45
Остальные	558	+132

Как видно из представленной таблицы, число преступлений по большинству их видов значительно возросло, и на борьбу с ними встали все правоохранительные органы Ставропольской губернии, Кубанской и Терской областей – полиция, прокуратура и суд.

Появились и характерные для военного времени виды преступлений. Так, например, в августе 1914 г. было возбуждено дело по обвинению в шпионаже в отношении германско-подданного А.К. Эккермана и ставропольского мещанина Р.Я. Корона. Дознание и наблюдение за производством дознания произвели помощник начальника Терского областного жандармского управления полковник А.А. Брун и товарищ прокурора Ставропольского окружного суда В.Г. Бутович. Указанные лица обвинялись в сборе через своих торговых агентов по продаже швейных машин компании «Зингер» сведений о количестве призываемых на военную службу запасных лиц и о количестве взятых по мобилизации лошадей. В ходе следствия было допрошено 26 человек в качестве свидетелей, показания которых позволили установить следующее: главное российское правление швейных машин компании «Зингер», находившееся в Москве, имело в своем подчинении около 50 отделений в крупных центрах страны. В свою очередь, каждое из отделений состояло из 20–30 депо-магазинов, имевших в распоряжении от 15 до 35 агентов, занимающихся продажей швейных машин в рассрочку. Р.Я. Корон заведовал

Благодарненским депо швейных машин при головном центральном отделении в г. Пятигорске, управляющим которого являлся А.К. Эккерман. Указанное дело впоследствии попало на контроль в Канцелярию наместника его императорского величества на Кавказе в Тифлисе и в отдел Главного управления Генерального штаба в Петрограде [4: 3–30].

Великая Отечественная война, как неотъемлемая часть Второй мировой войны, происходила в других исторических реалиях. События 1941–1945 гг. стали тяжелым испытанием как для нашего государства, так и для всего советского народа, выдержать которое помогли его сплоченность и перестройка всего государственного аппарата на военные нужды.

Отметим особо, что сразу после начала военных действий со стороны гитлеровской Германии в отношении СССР, в соответствии с Указом Президиума Верховного Совета СССР «О военном положении» от 22 июня 1941 г. был предусмотрен особый порядок рассмотрения дел в местностях, объявленных на военном положении, которые подпадали под юрисдикцию военных трибуналов. На этих территориях военные трибуналы, действующие в составе трех постоянных членов, рассматривали уголовные дела в сокращенном порядке, приступая к ним по истечении 24 ч. после вручения обвинительного заключения. При этом их приговоры не подлежали кассационному обжалованию и могли быть отменены или изменены лишь в порядке надзора [8: 468–470].

В конце 1941 г. вступил в силу Указ Президиума Верховного Совета СССР «Об ответственности рабочих и служащих предприятий военной промышленности за самовольный уход с предприятий», в соответствии с которым все рабочие и служащие мужского и женского пола предприятий военной промышленности и обслуживающих военную промышленность по принципу кооперации считались на период войны мобилизованными и закреплялись за теми предприятиями, на которых они работали. Самовольный уход рабочих и служащих с этих предприятий рассматривался военными трибуналами как дезертирство и карался тюремным заключением на срок от 5 до 8 лет [8: 478]. Произшедшие изменения в советском законодательстве незамедлительно вступили в действие и на территории Северного Кавказа.

Так же, как и в рассмотренных нами выше особенностях места и роли правоохранительных органов дореволюционной России в годы Первой мировой войны, работа сотрудников советской милиции, суда и прокуратуры существенно повлияла на сохранение законности и правопорядка в стране.

Высокий уровень гражданственности и патриотизма у населения страны в целом и у готовых выступить на защиту своего Отечества сотрудников правоохранительных органов в частности был характерен уже для начала войны. Только в первые дни Великой Отечественной войны из органов внутренних дел и суда Северо-Кавказского региона было мобилизовано

25 % личного состава. За каждой из этих цифр стоят живые люди, преданные стране и вставшие на защиту своей Родины от фашистской агрессии. На место убитых на фронт сотрудников в Орджоникидзевский край «в порядке эвакуации» прибыли работники юстиции из оккупированных районов страны. Примечательно, что основная часть прибывших работников наркомата юстиции была эвакуирована из Украинской ССР и Крымской АССР, где ранее они занимали должности председателей и членов областных судов, заместителей председателя и членов верховных судов, городского прокурора, народных судей, следователей и адвокатов [1: 43–44].

В период оккупации Ставрополя немецко-фашистскими войсками (август 1942 г. – январь 1943 г.) судебные органы прекратили свою работу, имущество и документация были эвакуированы или уничтожены. В этот период на территории края действовало 48 партизанских отрядов численностью 2100 чел., в том числе более 200 работников органов внутренних дел [5: 234].

Несколько слов следует сказать и о деятельности военных трибуналов в условиях военного времени. Вопреки сложившемуся в последние годы в отечественной и зарубежной историографии мнению, стоит заметить, что советское уголовное законодательство далеко не всегда отличалось исключительной репрессивностью и обязательным вынесением в условиях военного времени смертных приговоров. Так, из числа рассмотренных в порядке надзора военным трибуналом Северо-Кавказского фронта в 1942–1943 гг. дел прекращено было до 10 %, а в отдельные периоды – до 20 % дел [11: 123].

Северный Кавказ стал первым регионом СССР, где был проведен показательный процесс над изменниками Родины и пособниками немецко-фашистских оккупантов. В г. Краснодаре после его освобождения от оккупантов с 1 марта по 26 июня 1943 г. были эксгумированы и подвергнуты исследованию останки 623 мирных советских граждан, погибших в период вражеской оккупации. Судебно-медицинские, судебно-химические и спектроскопические исследования, проведенные в ходе судебного следствия, с бесспорностью установили, что причиной смерти в 523 случаях было отравление окисью углерода, а в 100 случаях – огнестрельные ранения головы и грудной клетки. Решение суда для жителей Краснодарского края стало ожидаемым и справедливым – на основании Указа Президиума Верховного Совета СССР от 19 апреля 1943 г. военный трибунал приговорил восьмерых подсудимых к смертной казни через повешение, а трех – к каторжным работам сроком на 20 лет каждого. 18 июля 1943 г. приговор был приведен в исполнение [9: 169–170].

В условиях военного времени в судах, как и во многих государственных учреждениях, сказывалась нехватка кадров [10: 68]. Так, например, прокурор Ставропольского края Н.Л. Зарубин прямо указывал в марте 1943 г.

на наличие 50 % штатного состава краевого аппарата и 100 % – лишь на периферии [2: 7–8].

К концу войны в правоохранительные органы стали приходить на работу уволенные из армии по состоянию здоровья бойцы и офицеры, далеко не всегда имевшие достаточный опыт работы в них и правоохранительной системе в целом. Однако именно эти фронтовики привнесли в нее боевой дух, высокую организованность и новые методы работы.

Сегодня, оглядываясь назад, в военное лихолетье Первой и Второй мировых войн, мы понимаем, насколько сложной и одновременно важной была служба сотрудников правоохранительных органов: как на фронте, так и в тылу они способствовали защите интересов граждан и независимости нашего государства.

Источники и литература

1. 150 лет судебной системе Ставропольского края / Д.А. Смирнов, И.В. Зозуля, А.С. Гондаренко, Р.В. Нутрихин, Е.А. Терещенко, А.П. Жуков, М.С. Трофимов; под общ. ред. Е.Б. Кузина. Ставрополь, 2018.
2. Государственный архив новейшей истории Ставропольского края. Ф. 1. Оп. 2. Д. 515.
3. Государственный архив Российской Федерации. Ф. 102. Д. 2. Оп. 62. Д. 74. Ч. 50.
4. Государственный архив Ставропольского края. Ф. 852. Оп. 1. Д. 29.
5. Из века в век служа закону: очерки истории органов внутренних дел Ставропольского края / ред. А.Г. Сапрунов. Ставрополь, 2005.
6. История народов Северного Кавказа (конец XVIII в. – 1917 г.) / отв. ред. А.Л. Нарочницкий. М., 1988.
7. Корниенко Т.А. Социальная повседневность населения Северного Кавказа в годы первой мировой войны (август 1914 – февраль 1917 гг.): дис... канд. ист. наук. Армавир, 2002.
8. Кутафин О.Е., Лебедев В.М., Семигин Г.Ю. Судебная власть в России: история, документы. В 6 т. Т. 5: Советское государство / отв. ред. Р.С. Мулукаев, А.Я. Малыгин. М., 2003.
9. Майоров Н. Краснодарский процесс // Неотвратимое возмездие: по материалам судебных процессов над изменниками Родины, фашистскими палачами и агентами империалистических разведок. М., 1979. С. 160–170.
10. Органы прокурорского надзора Ставрополя: ретроспектива развития и современность (к 300-летию российской прокуратуры) / Булыгина Т.А., Зозуля И.В., Трофимов М.С., Габрилян Р.Р. и др. Воронеж, 2022.
11. Слюсарева О.И. История развития судебной системы на Северном Кавказе в 20-х – 40-х годах XX века: на примере Ставропольского и Краснодарского краев: дис... канд. ист. наук. Ставрополь, 2002.

Малышева Е.М.

ГОСУДАРСТВЕННЫЕ МЕРЫ ПО МОБИЛИЗАЦИИ РЕСУРСОВ РЕСПУБЛИК СЕВЕРНОГО КАВКАЗА в 1941–1943 гг.

Начавшаяся война радикально изменила жизнь советского общества. С первых дней войны перед трудящимися всей страны и Северного Кавказа встали задачи мобилизации всех ресурсов на отпор врагу – создание прочного тыла, оказание помощи фронту. В экстремальных условиях войны обеспечение защиты Отечества было связано с рядом экономических, социально-политических, военных и моральных факторов. Главной установкой органов власти были подчинение деятельности тыловых учреждений интересам фронта, организация усиленной работы предприятий, колхозов, совхозов, разъяснение трудящимся всей серьезности сложившегося положения, необходимости консолидации народа для защиты Отечества. Лозунг «Всё для фронта, всё для победы» выражал главную цель перестройки народного хозяйства на военный лад: необходимо было в самый кратчайший срок мобилизовать внутренний потенциал, заложенный в предвоенные годы, несмотря на издержки и деформации государственного строительства. Предстояло решить сложную задачу перевода промышленных предприятий, выпускавших гражданскую продукцию, на обеспечение нужд войны, армии и фронта. Необходимо было в экстремальных условиях переместить из угрожаемых районов на восток страны промышленные предприятия, технику, имущество колхозов, совхозов, машинно-тракторных станций, продовольствие, сырье, все материальные ценности. Требовалось обеспечить производство сельскохозяйственной продукции для удовлетворения потребностей народного хозяйства и фронта, осуществить перераспределение трудовых ресурсов, перестройку работы всех государственных, общественных, научных организаций и учреждений в соответствии с потребностями фронта.

В первый период Великой Отечественной войны экономика СССР находилась в тяжелом положении. Врагу была оставлена территория СССР, которая в мирное время производила более 30 % всей промышленной продукции, давала 52 % зерна, более 4/5 от общего объема производства сахара и других сельскохозяйственных продуктов. Задача отражения агрессии требовала максимальной концентрации сил и усиления централизма, с одной стороны, и повышения социальной активности граждан наряду с ужесточением дисциплинарной ответственности и репрессивных мер наказания по законам военного времени – с другой.

22 июня 1941 г. с обращением к советскому народу выступил заместитель председателя Совета народных комиссаров (далее – СНК) СССР В.М. Молотов. Цели и задачи властных структур страны в условиях военного времени определялись директивой СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 29 июня 1941 г., которая обязывала местные органы немедленно включиться в военно-мобилизационную работу. 30 июня 1941 г. был образован Государственный комитет обороны (далее – ГКО) СССР под председательством И.В. Сталина.

По образцу центра перестраивалась на военный лад и периферия. В 60 городах, которым угрожала оккупация, в том числе на Северном Кавказе (в Краснодаре, Майкопе, Грозном, Орджоникидзе, Нальчике, Новороссийске) были созданы городские комитеты обороны (далее – ГорКО). Специального аппарата при этом не создавалось: вся работа проводилась ответственными работниками во главе с первыми секретарями комитетов ВКП(б). ГорКО активно занимались вопросами формирования истребительных батальонов, отрядов народного ополчения, налаживанием производства продукции для нужд страны, армии, фронта и тыла. При переводе на военные рельсы народного хозяйства были усилены репрессивные методы административной системы Советского государства в отношении гражданского населения. Затянувшееся и так ожидаемое народом обращение Сталина в связи с началом войны, неизвестность, беспокойство за будущее детей, родных и близких, находившихся в районе боевых действий и в армии, не могли не породить, особенно в первые недели войны, элементов растерянности и паники, страха и слухов среди населения. Высшие органы государственной власти и правоохранительные органы не замедлили отозваться карательными мерами, усугублявшими на первых порах атмосферу неуверенности, подозрительности и опасения в обществе. Уже через две недели после начала войны, 6 июля 1941 г., Президиум Верховного Совета СССР принял указ, по которому «за распространение в военное время ложных слухов, возбуждающих тревогу среди населения, виновные караются по приговору Военного Трибунала тюремным заключением на срок от 2 до 5 лет, если это действие не влечет за собой по закону более тяжкого наказания» [12: 135]. В первой половине 1941 г. было осуждено в соответствии с принятым указом 1 339 702 человек, из них 67,4 % приговорены к различным срокам лишения свободы. К 1 июня 1944 г. в СССР насчитывалось 1,2 млн заключенных. Только по данным общих судов СССР по 9 республикам за 1943 г. всего было осуждено 780 908 человек. Репрессивные меры касались и подростков. За указанный период было осуждено несовершеннолетних с 12 до 14 лет 10 919 чел., с 14 до 16 лет – 36 499 чел. [2: 23–24].

Вместе с тем повысилось значение идейно-политической работы в массах по разъяснению характера войны. Сложность задач усугублялась в связи с притоком новой рабочей силы в народное хозяйство, ухудшением условий

жизни, оккупацией значительной территории СССР и расширением каналов проникновения нацистской идеологии. Анализ многочисленных источников, отражающих сложный процесс воздействия власти на общественное сознание тружеников тыла, дает возможность выявить основные направления идейно-политической работы на Северном Кавказе. Мощным средством мобилизации и политического воздействия на массы в военные годы были устная пропаганда и агитация, в которых декларировалось укрепление морально-политического единства многонационального Северного Кавказа.

На пятый день войны, 27 июня 1941 г. Краснодарский крайком ВКП(б) принял постановление «Об агитационной работе», в котором внимание партийных организаций нацеливалось на необходимость повышения организованности, «строжайшей революционной бдительности и дисциплины». «Главнейшей задачей агитационно-массовой работы, – отмечалось в постановлении, – считать максимальное использование всех сил для того, чтобы закрепить патриотический подъем трудящихся, направив его на решение великой исторической задачи – победы над врагом» [15: 22]. 17 июля 1941 г. Орджоникидзевский крайком ВКП (б) также принял постановление «О задачах политической агитации», в котором были определены задачи по укреплению морально-политического единства трудящихся, даны рекомендации по организации агитационной работы в новых условиях [16: 52]. 1 августа 1941 г. бюро Карачаевского обкома ВКП(б), рассмотрев вопрос «О перестройке политической агитации в условиях Отечественной войны», отметило необходимость развернуть социалистическое соревнование среди рабочих, колхозников и интеллигенции за выполнение и перевыполнение производственных заданий и быстрее проведение уборки. Руководители агитпунктов и их заместители «из грамотных и проверенных лиц для ежедневных политинформаций, чток газет в бригадах, на фермах, по десятидворкам» утверждались бюро горкомов и райкомов ВКП(б) [6: 141].

Около 5 тыс. агитаторов проводили агитационно-массовую работу в Чечено-Ингушской АССР. Только в Гудермесском районе было организовано 800 чток и бесед для 40 тыс. слушателей. К активной агитационно-пропагандистской работе привлекались учителя сельских школ Дашаева, Сулейманова, Малиева, Хамзатова, Хасмагомадова, Алсултанова и др. Они читали колхозникам сводки Совинформбюро, газеты с эпизодами боевых действий бойцов и командиров Красной армии. Проводимые беседы тесно увязывались с задачами селения, колхоза по оказанию помощи фронту. После митинга, организованного и проведенного сельской интеллигенцией по поводу победы под Москвой, колхозники собрали и сдали для воинов Красной Армии 300 теплых вещей, 143 единицы овчины, 180 кг шерсти.

Свыше 3 000 лекций, докладов, 9 300 бесед было проведено с начала войны до 15 декабря 1941 г. идеологическим активом Дагестана. Агитаторы

использовали в своей работе решения ЦК ВКП(б), СНК СССР, ГКО, выступления и статьи руководителей государства, публикации газет, сообщения Совинформбюро, специальные памятки, выпущенные управлением пропаганды и агитации ЦК ВКП(б). В районах Карачаевской автономной области Ставропольского края было создано 88 низовых агитпунктов. Свыше 140 лекторов-докладчиков только за 5 месяцев войны по неполным данным прочитали 692 лекции для 50 тыс. слушателей. В сентябре 1941 г. в Карачаевской автономной области работало 822 агитатора, а к декабрю это количество выросло до 1 037, среди них большой процент составляли женщины.

Небывалый патриотический подъем трудящихся Северного Кавказа, Дона, Сталинградской области выразился в проведении антифашистских митингов, собраний, в массовых заявлениях рабочих, колхозников, служащих в военные комиссариаты с просьбой отправить их добровольцами на фронт, в действующую армию. Начавшаяся 22 июня 1941 г. война с самого начала стала Отечественной, всенародной. Дагестанка Л. Гусейнова в своем заявлении в Махачкалинский военкомат писала: «У матери моей пятеро детей. Я самая старшая. Обидно, что мои братья еще маленькие и не могут быть полезны Родине. Вот поэтому еще раз убедительно прошу зачислить меня в ряды нашей могущественной Красной Армии». «Я хочу быть полезным Родине и с оружием в руках защищать ее от подлого врага», – заявил комсомолец-дартинец из села Губден Дж. Ибрагимов. Когда повестки о призыве в армию получили четыре брата из селения Осман-Юрта, чеченцы Бейбулатовы, один из них, Ирбайхан, работавший до этого учителем, сказал на прощание матери: «В нашем доме не останется мужчины, мы все уходим на войну. Я знаю, трудно в доме без мужчины... Но имею ли я право остаться с тобой? Посмотри мне в глаза, мать, и скажи: будешь ли ты любить сына, который в час такой опасности домашний очаг поставит выше счастья народа? Я знаю тебя, мать, и знаю, что ты согласишься скорее видеть меня мертвым на поле боя, чем живым, спрятавшимся от сражения» [4: 85–91]. Многие матери-горянки Северного Кавказа отдавали фронту на защиту Родины сразу по несколько сыновей-воинов. Из семьи А. Жантаева Кабардино-Балкарской АССР ушло на фронт сразу 6 братьев. 7 мужчин дала отчизне семья Газдановых из небольшого осетинского селения, 8 сыновей колхозника М.Г. Россохача из станицы Ладожской Краснодарского края встали на защиту Родины.

О всенародном характере войны против фашистского нашествия свидетельствовала добровольность патриотического движения трудящихся по созданию ополченческих формирований. В связи с неблагоприятным ходом военных действий и расширением оккупированных вермахтом территорий уже осенью 1941 г. на Северном Кавказе стали создаваться истребительные батальоны. За короткий срок в регионе было сформировано до 230 истребительных батальонов с составом бойцов около 40 тыс. чел. [3: 69].

Орджоникидзевский ГорКО Северной Осетии 25 мая 1942 г. принял решение «О мерах борьбы с парашютным десантом противника и организации истребительных батальонов в республике». НКВД Северо-Осетинской АССР было поручено создать в 9 районах республики батальоны общей численностью в 1 120 чел. и городской истребительный батальон в составе 500 чел. [10: 192].

22 сентября 1941 г. Грозненский ГорКО принял решение: «В связи с приближением линии фронта к г. Грозному создать Грозненский полк народного ополчения, в состав которого зачислить всех мужчин, способных драться с оружием в руках. Всех коммунистов и комсомольцев считать мобилизованными в подразделение народного ополчения. Женщин привлечь в сандружины и другие специальные формирования. Подразделения укомплектовать по отдельным предприятиям и учреждениям». Грозненский ГорКО выразил твердую уверенность в том, что создание грозненского полка народного ополчения найдет живейший отклик среди трудящихся дважды орденоносного Грозного, и все, способные носить оружие, встанут «в ряды бойцов и вместе с доблестной Красной Армией, не щадя своей жизни, будут героически драться за нашу Родину» [11: 70].

Движение по формированию ополченческих отрядов, возникшее по инициативе народных масс, было возглавлено партийными органами на местах. Так, 14 июля 1941 г. бюро Чечено-Ингушского обкома ВКП(б) обсудило вопрос «О формировании народного ополчения» и отметило, что по призыву партии в народное ополчение записалось свыше 17 тыс. добровольцев республики [14: 44].

На Дону, Кубани, Тереке, в местах проживания казачества на добровольческой основе создавались казачьи сотни, впоследствии составившие кавалерийские дивизии. В целом трудящиеся автономных республик и областей Северного Кавказа выставили свыше 35 тыс. воинов-добровольцев в созданных отрядах народного ополчения. Крупным ополченческим формированием стал стрелковый полк народного ополчения Кабардино-Балкарской АССР. В Северо-Осетинской АССР была создана стрелковая бригада народного ополчения. Эти две автономные республики дали Красной армии 6 500 бойцов и командиров: 5 200 чел. в северо-осетинских отрядах народного ополчения и 1 300 чел. в кабардино-балкарских. Ополченческие формирования Дагестанской АССР составили свыше 12 000 чел. [1: 33].

Социальный, национальный, половозрастной состав народных ополчений был неоднородным. В промышленных центрах, городах ядро формирований составляли рабочие и служащие, в сельскохозяйственных районах – колхозники. Широко были представлены молодежь, комсомольцы, подростки, женщины, люди непризывного возраста. На Северном Кавказе в рядах народных ополчений на защиту Родины встали представители 40 национальностей региона.

Одновременно гражданское население было мобилизовано на строительство оборонительных сооружений. Только в Орджоникидзевском крае на строительстве оборонительных рубежей трудилось 243 400 колхозников, студентов вузов и техникумов, служащих, домохозяек, учащихся 9–10 классов, а также тысячи жителей Новороссийска, Грозного и других городов и районов Северного Кавказа. Строительство укреплений в районе Туапсе, на высокогорных перевалах, на Северо-Осетинской, Военно-Грузинской дорогах было сопряжено с особыми трудностями: приходилось взрывать скалы, валить лес, чтобы на горных дорогах поставить каменные барьеры.

На строительство рубежа по р. Терек 16 ноября 1941 г. было мобилизовано 11 222 чел. из Северо-Осетинской АССР. Ими было вынута 370 769 кубометров земли. Кроме этого, на месте строительства было заготовлено 3 000 кубометров леса. Несмотря на тяжелый, изнурительный труд, непогоду, холод, лишения трудовой героизм стал повседневным явлением. Так, например, 2 ноября Амилаханов перевыполнил свою норму почти в 6 раз, Тогоев вынул 25 кубометров грунта [7: 29].

В суровых зимних условиях 1941 г. 16 670 представителей фабрик, заводов, предприятий, колхозов и совхозов, учебных заведений Северной Осетии соорудили оборонительный рубеж протяженностью 50 км, выполнив задание на 102,4 %. 15 января 1942 г. строительство оборонительного рубежа было завершено; свыше 1000 чел. за доблестный труд были награждены ценными подарками и грамотами Президиума Верховного Совета Северо-Осетинской АССР.

3 августа 1942 г. принимается решение на оборонно-укрепительные работы мобилизовать 8 000 чел. из городов и сёл Северо-Осетинской АССР, 20 000 чел. из Чечено-Ингушской АССР [9: 301]. 400 человек были направлены для военизированной охраны объектов «Грознефтекомбината» и выполнения боевой задачи по обороне г. Грозного. 2 500 рабочих и колхозников было мобилизовано для непосредственной работы в системе «Грознефтекомбината» [8: 78]. Десятки тысяч рабочих, колхозников, служащих Северного Кавказа были отмечены грамотами президиумов верховных советов автономных республик за самоотверженный труд на строительстве оборонительных рубежей. За строительство оборонительного рубежа вокруг Грозного 25 чел. были награждены медалью «За боевые заслуги». III Объединенный пленум Чечено-Ингушского обкома и Грозненского горкома ВКП(б) записал в своем решении: «Сделаем нефтяной Грозный неприступной крепостью» [5]. К осени 1942 г. на Кавказе совместным трудом рабочих и колхозников было построено около 100 тыс. оборонительных сооружений, вырыто 600 км противотанковых рвов и 1939 км ходов-сообщений [13: 42]. Успешная реализация стратегической задачи по укреплению обороны на юге во многом зависела от оперативности и мобильности руководящих

структур Северного Кавказа, степени осознания тружениками тыла задач по защите Отечества, силы их патриотической ориентации в упорном продвижении к победе над нацистской Германией.

Источники и литература

1. Добров П.В., Колесник А.Д., Куманев Г.А., Пашико Я.Е. Народное ополчение защищает Родину. М., 1990.
2. Ивашов Л., Емелин А. ГУЛАГ в годы Великой Отечественной войны // Военно-исторический журнал. 1991. № 1. С. 14–24.
3. Кулаев Ч.С. Военно-организаторская и политическая работа местных парторганизаций в годы Великой Отечественной войны: на материалах Северного Кавказа. Черкесск, 1981.
4. Малышева Е.М. Испытание. Социум и власть: проблемы взаимодействия в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Майкоп, 2000.
5. Правда. 1942. 29 ноября. № 333 (9104).
6. Российский государственный архив социально-политической истории (далее – РГАСПИ). Оп. 22. Д. 1986.
7. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 22. Д. 2276.
8. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 88. Д. 505 (Ч. 1).
9. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 88. Д. 505 (Ч. 2).
10. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 88. Д. 595 (Ч. 3).
11. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 88. Д. 513 (Ч. 1).
12. Сборник указов, постановлений, решений, распоряжений и приказов военного времени 1941–1942. [Л.], 1942.
13. Тюленев И.В. Крах операции «Эдельвейс». Изд 2-е. Орджоникидзе, 1988.
14. Филькин В.И. Чечено-Ингушская партийная организация в годы Великой Отечественной войны Советского Союза. Грозный, 1960.
15. Центр хранения документации новейшей истории Краснодарского края. Ф. Р-1774. Оп. 1. Д. 1760.
16. Центр хранения документации новейшей истории Ставропольского края. Ф. 1. Оп. 1. Д. 504.

Т.Х. Матиев

ОБОРОНИТЕЛЬНЫЕ ДЕЙСТВИЯ 9-й СОВЕТСКОЙ АРМИИ НА ВОЗНЕСЕНСКОМ УЧАСТКЕ В НАЧАЛЕ СЕНТЯБРЯ 1942 г.

Несмотря на то, что битва за Кавказ является одной из важнейших стратегических операций Советских Вооруженных сил СССР в ходе минувшей

войны, ее история тем не менее богата на своего рода «белые пятна». Одной из таких малоизвестных страниц до недавнего времени являлась Малгобекская оборонительная операция сентября – октября 1942 г. В последние годы оживился интерес как широкой общественности, так и научно-исторического сообщества к этой теме, что выразилось в публикации ряда работ, освещающих некоторые ее аспекты [1–3].

Сама Малгобекская оборонительная операция, продлившаяся почти полтора месяца, состояла из множества боевых эпизодов, каждый из которых по драматизму и накалу борьбы с обеих сторон не уступал сражениям, кипевшим в эти же дни на самых значимых участках советско-германского фронта.

В ночь с 1 на 2 сентября 1942 г. части 111-й и 370-й немецких пехотных дивизий из состава 52-го армейского корпуса 1-й танковой армии генерал-полковника Э. фон Клейста после короткой, но мощной артиллерийской подготовки под прикрытием плотной дымовой завесы начали в районе Кизляр-Предмостном форсирование Терека – последней крупной водной преграды, отделявшей рвавшиеся к грозненским нефтяным промыслам германские войска от своей главной цели в летней кампании. Несмотря на упорное сопротивление советских войск Северной группы Закавказского фронта, понесшие тяжелые потери при форсировании части противника смогли зацепиться за правый берег. Все советские контратаки на переправившиеся части обеих немецких дивизий хоть и причинили неприятелю серьезный урон, но не смогли выполнить главной задачи – сбросить его обратно в Терек. К вечеру 2 сентября стало понятно, что немцам удалось-таки создать на южном берегу плацдарм. Той же ночью, несмотря на активные действия советской авиации, бомбившей и штурмовавшей переправы, наведенные немецкими саперами, вражескому командованию удалось перебросить подкрепление на подмогу своим силам, подвергавшимся советским атакам на правом берегу. Теперь вдобавок к пехотным подразделениям на правом берегу находились и первые танковые части, представленные батальоном 13-й танковой дивизии [6: 200]. Соответственно, задача ликвидации плацдарма стала еще тяжелее.

Советские войска Северной группы, находившиеся под командованием генерала И.И. Масленникова, располагали весьма ограниченным набором сил и средств для решения наступательных задач. Танков в группе было мало, превосходство в артиллерии над противником было незначительным, и к тому же его не удалось должным образом реализовать. Советская сторона равномерно «размазала» артиллерийские средства по всей линии обороны, что не давало создать эффективный кулак огневых средств, который позволил бы решать как оборонительные, так и наступательные задачи. В этих условиях основная тяжесть борьбы, как обычно, ложилась на плечи советской пехоты, которая несла тяжелые потери.

К 4 сентября противник завершил переброску на правый берег сил, достаточных для создания ударной группировки, пригодной к использованию при организации наступления на юг вдоль дороги Моздок – Вознесенская. Ближайшей целью такого наступления был захват ст. Вознесенской – небольшого населенного пункта, запиравшего дорогу на Малгобек с севера. Это был кратчайший путь для решения стоявшей перед командованием 1-й танковой армии задачи прорыва в Алханчуртскую долину, поскольку, кроме наименьшего расстояния до Грозного, он обладал еще одним преимуществом. Долина между сопками, где пролегла дорога, которая в немецких документах называлась Военно-Грузинской, а именно шоссе Моздок – Вознесенская, была весьма удобной для продвижения больших масс танков и мотопехоты, что было сравнительной редкостью в пересеченной местности на правобережье Терека, изобиловавшей сопками, оврагами, балками с крутыми склонами.

Советское командование, в свою очередь, быстро оценило масштаб угрозы, нависшей над малгобекским участком фронта, которая в случае ее реализации – прорыва немецких танков через Вознесенскую к Малгобеку – могла привести к обрушению всего грозненского рубежа и драматичному повороту на всём кавказском театре военных действий. От успеха обороны узкого межсопочного дефиле, по которому пролегла дорога на Вознесенскую, в полном смысле слова зависела судьба не только Малгобека и Грозного, но и всего Кавказа.

Вероятно, именно осознанием этой опасности было продиктовано быстрое и оказавшееся правильным решение командования Северной группы войск и непосредственно прикрывавшей малгобекское направление 9-й армии о создании мощного заслона в виде 11-го гвардейского стрелкового корпуса под командованием генерала И.П. Рослого. Именно гвардейцы Рослого должны были принять на себя первый и самый мощный удар опьяненных успехами предыдущих недель немецких войск, рассчитывавших, образно говоря, на крыльях своих побед достичь настоящего триумфа в ходе всей кампании. Не дать состояться такому триумфу было главной задачей корпуса Рослого, и сам командир и его бойцы это хорошо понимали.

В считанные дни, отделявшие форсирование немцами Терека от начала их наступления на вознесенском участке, бойцы и командиры 9-й армии генерала К.А. Коротеева, прежде всего из состава 11-го гвардейского корпуса, смогли создать хорошо оборудованные полевые позиции севернее Вознесенской. Передовым рубежом стала Красная Горка [4: 41].

Успеху решения задачи по организации надежной обороны выбранного направления ограниченными силами (при полном превосходстве наступающего врага в тяжелой технике и численности) поспособствовали особенности рельефа местности. Наличие по обеим сторонам дороги большого

количества естественных препятствий в виде сопок с крутыми склонами, балок, осыпей не давало возможности наступающим маневрировать силами, предпринимать обходные и охватывающие маневры. Это позволяло занимавшим оборону советским силам чувствовать себя спокойными за свои тылы, а неприятеля вынуждало делать ставку на заведомо затратные и не обещающие успеха лобовые штурмы огрызающихся огнем советских рубежей.

За это ограниченное время обороняющаяся сторона попыталась максимально использовать те преимущества, которые давало ей ее положение и особенности местности. Артиллерия, имевшаяся в распоряжении корпуса, была сосредоточена таким образом, чтобы создать огневое преимущество над противником именно на самых танкоопасных направлениях. Наличие предсказуемых подходов для действий танков позволяло группировать артиллерийские средства. Но артиллерии всё равно не хватало. Нехватку противотанковой артиллерии предлагалось восполнять огнем противотанковых ружей, широким использованием противотанковых гранат и бутылок КС, для чего в каждом взводе надо было иметь 1–2 группы истребителей танков. Для эффективного применения таких средств требовалась немалая психологическая устойчивость, прежде всего, преодоление так называемой «танкобоязни», весьма характерной для советских (и не только советских) пехотинцев в первые месяцы Великой Отечественной войны. Для ликвидации этого психологического барьера в тыловых районах в полосе действий Северной группы войск организовывались учения с применением танков, на которых пехотинцев учили не бежать при наезде танка на ячею или окоп, затаиваться на дне укрытия, дожидаться подхода неприятельской боевой машины на расстояние, на котором не могли эффективно действовать ее огневые средства (пушка и пулеметы – башенный и курсовой). На стендах и макетах отрабатывались способы наиболее эффективного поражения самых уязвимых частей немецких танков (решеток моторного отделения, смотровых щелей, оптических приборов, ствола пушки и т.д.). Большую роль в организации противотанковой обороны (ПТО) играли и расчеты противотанковых ружей (ПТР), как их называли в армии – бронебойщики. Именно они являлись передовой линией противодействия танкам и иной бронетехнике противника, прорвавшейся заградительный огонь артиллерии на переднем крае советской обороны [5: 105]. Большое внимание отводилось применению противотанковых мин. Так, по предложению корпусного инженера 11-го гвардейского стрелкового корпуса С. Кушнера, были организованы подвижные отряды минного заграждения [5: 106].

Утром 4 сентября 1942 г. после артиллерийской и авиационной подготовки передовые части 4-го танкового полка 3-й танковой дивизии генерал-майора Г. Брайта при поддержке пехоты 111-й пехотной дивизии генерал-майора Г. Рекнагеля ринулись в атаку на вознесенском участке и сразу наткнулись

на ожесточенное сопротивление 62-й морской стрелковой бригады. Это соединение, которым командовал полковник С.П. Кудинов, очевидно, неслучайно было выдвинуто командованием 11-го гвардейского стрелкового корпуса на острие обороны. Бригада, сформированная из моряков-тихоокеанцев, была переброшена незадолго до начала боев из района Старой Руссы на Северный Кавказ, и именно она стала костяком обороны советских войск севернее Малгобека в решающие дни начала сентября 1942 г. Боеспособность моряков уже стала легендарной, как с советской, так и с немецкой стороны фронта. К тому же бригада была свежим и еще не обескровленным в боях соединением, а, занимая удобную для обороны местность и оборудованные позиции, она представляла собой тем более грозную силу.

Так или иначе, в бою 4 сентября бойцы бригады проявили себя с наилучшей стороны. В их успехе в оборонительном бою, несомненно, сыграли свою роль и слаженные действия частей и соединений, прежде всего артиллерийских из состава 9-й армии. Действия бригады поддерживали 47-й отдельный истребительно-противотанковый дивизион с только что прибывшим на усиление 249-м отдельным танковым батальоном [5: 107]. Артиллерия сыграла важную роль в успехе советской обороны, но ее потери были велики. В первый же день от действий авиации противника из 20 орудий 47-го дивизиона были потеряны четыре [4: 43].

Однако мужество, хладнокровие и хорошая выучка моряков-тихоокеанцев сыграли большую роль в том, что даже прорвавшиеся к позициям советской пехоты немецкие танки останавливались индивидуальными противотанковыми средствами.

И.П. Рослый писал впоследствии в своих мемуарах: «Мы были довольны результатом первой схватки с частями генерала Клейста на Тереке. Но в то же время прекрасно понимали, что это лишь цветочки, а ягодки впереди. Пока что противник вел бои за плацдарм, применял небольшие танковые группы. Теперь надо ожидать сосредоточения на плацдарме крупных танковых сил для нанесения удара на Вознесенскую» [4: 43].

Встретив неожиданный сильный отпор и поняв, что надежды на стремительный прорыв передовыми частями не оправдались, командование 1-й танковой армии решило усилить группировку на вознесенском участке. Для преодоления наступления была взята однодневная пауза, которую немцы потратили на усиление своего ударного кулака, которым теперь стала боевая группа Херфурта (по имени командира 117-го пехотного полка 111-й пехотной дивизии, которому было поручено возглавить это сводное формирование). На усиление частей 3-й танковой и 111-й пехотной дивизий, принимавших участие в неудачной попытке прорыва 4 сентября, теперь были переброшены на правый берег подразделения 201-го танкового полка 23-й Штутгартской танковой дивизии [9: 45].

Но и советская сторона торопилась использовать возникшую передышку для усиления своих обороняющихся частей и усовершенствования позиций. Так, И.П. Рослый в своих мемуарах отмечает, что в результате ночной перегруппировки в полосе обороны 62-й морской бригады было сосредоточено около 120 орудий, и это позволило иметь 13–14 орудий на один километр фронта [5: 111].

Однако эти приготовления командира корпуса к отражению неизбежной новой атаки противника были прерваны визитом командарма Коротеева, который привез от командующего Северной группой войск генерала И.И. Масленникова предложение о нанесении удара во фланги немецкой группировки двумя группами: одной – в составе 10-й бригады полковника С.М. Бушева и второй (навстречу ей) – в составе мотомеханизированной группы из распоряжения командующего Северной группой с целью, соединившись в районе Предмостного, полностью отрезать и уничтожить немецкие силы на правом берегу Терека. Рослый встретил это предложение без восторга, резонно предполагая, что атака с такими амбициозными целями при наличных ресурсах на заведомо более сильного противника в чистом поле без преимущества в виде оборонительных сооружений приведет только к неоправданным потерям и вряд ли достигнет цели. Однако Коротеев дал понять, что идея исходит непосредственно от командующего Северной группой войск, и приказал Рослому готовиться к ее реализации не позднее утра 8 сентября.

Однако развитие событий на следующее утро избавило комкора от дальнейших возражений (на которые он вряд ли бы решился и так). Немцы на рассвете начали новое наступление на Вознесенскую, упредив атакующие действия 11-го корпуса. Из мемуаров Рослого можно сделать однозначный вывод, что эту грозную атаку наращивавшего силы неприятеля в условиях отданного командованием приказа о безнадежном наступлении он встретил скорее с облегчением.

Обе стороны сразу задействовали авиацию – источники говорят о бомбовых ударах силами двух больших групп немецких пикировщиков Ю-88, равно как и об одновременной контратаке большой группы советских Ил-2 в сторону неприятельских позиций [7: 178].

Не менее активными, судя по всему, были действия вражеской артиллерии – в артналете утром 6 сентября, по словам Рослого, участвовали артиллерийские средства всех 4 дивизий 52-го армейского корпуса: 111-й и 370-й пехотной, 3-й и 13-й танковых [4: 44].

В атаку на сей раз немцами были брошены куда большие силы, чем двумя днями ранее. Особенно заметно усилилась танковая составляющая нового немецкого удара. По советским данным, в атаках 6 сентября участвовало от 90 до 120–150 машин [8: 22]. Такие цифры, правда, представляются

весьма завышенными, если учитывать данные немецких документов о численности боеготовых танков на указанный день. Тем не менее, речь в любом случае, очевидно, идет о многих десятках танков, брошенных в наступление. Это, без сомнения, была одна из самых массированных танковых атак в ходе не только Малгобекской оборонительной операции, но и всей битвы за Кавказ. Стоит отметить, использовались эти массы танков не одновременно: так, в первой атаке на рассвете 6 сентября приняли участие до 30 танков и до двух полков пехоты [8: 22]. Однако под огнем умело расположенных артиллерийских батарей немцы несли тяжелые потери. Только на левом фланге им удалось ворваться на позиции бригады Кудинова, но оттуда их выбили стрелки и артиллерия.

В полдень атаки возобновились – теперь в них участвовало уже около 100 танков. Наступление велось вдоль оси узкоколейной железной дороги, шедшей от Малгобека к Моздоку. Из них почти 30 прорвались через позиции 62-й бригады и были встречены в глубине обороны 98-м тяжелым артиллерийским полком, оседлавшим перевал в районе Красной Горки. Прорвавшиеся машины врага попали под прицельный огонь с заранее подготовленных позиций и были остановлены.

Последней каплей, переломившей ход сражения в пользу советских войск, Рослый считает удар батареи «катюш» 50-го полка гвардейских минометов и налет советских штурмовиков, которые вкупе с активными действиями стрелков и артиллеристов вынудил группу Херфурта начать отход [4: 45]. Сражение у Красной Горки завершилось убедительной победой советской стороны.

Значение этой победы было трудно переоценить. Была сорвана первая и наиболее опасная попытка прорыва немцев к Малгобеку по кратчайшему и наиболее удобному для действий танков маршруту. Неприятель понес серьезные потери, его танковые части были ослаблены и нуждались в перегруппировке. Всё это дало советским войскам бесценную передышку и возможность укрепить оборону, что предопределило дальнейший успешный ход всей Малгобекской оборонительной операции.

Источники и литература

1. Битва за Малгобек (сентябрь 1942 – январь 1943 г.): документы и материалы. Магас, 2014.
2. Матиев Т.Х. Малгобекский бастион. Поворотный момент битвы за Кавказ. Сентябрь – октябрь 1942 г. М., 2016.
3. Мощанский И.Б. Оборона Кавказа: великое отступление. 25 июля – 31 декабря 1942 г. М., 2009.
4. Рослый И.П. Выстоять и победить. М., 1977.
5. Рослый И.П. Последний привал – в Берлине. М., 1983.

6. Тике В. Марш на Кавказ: битва за нефть 1942–1943 гг. М., 2005.
7. Тюленев И.В. Через три войны. М., 1972.
8. Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации. Ф. 464. Оп. 5689. Д. 89.
9. Tagesmeldungen vom 4.09.42. LII. Armeekorps, Ia, Anlagenheft № 28 zum KTB 3 // NARA. T-314. R. 1290.

Н.И. Медвенский

ОБОРОНИТЕЛЬНЫЕ БОИ СОВЕТСКОЙ АВИАЦИИ В ПРЕДГОРЬЯХ И НАД ПЕРЕВАЛАМИ ЗАПАДНОЙ ЧАСТИ ГЛАВНОГО КАВКАЗСКОГО ХРЕБТА в 1942–1943 гг.

В ходе планирования летней кампании 1942 г. на территории СССР военно-политическое руководство нацистской Германии было вынуждено скорректировать свою прежнюю стратегию, предполагавшую одновременное наступление группами армий «Север», «Центр» и «Юг» по всему фронту. Учитывая значительные человеческие и материальные потери, понесенные вермахтом и вооруженными силами стран-сателлитов Третьего рейха в летней кампании 1941 г. и зимней кампании 1941–1942 гг., было сочтено целесообразным отдать приоритет южному направлению. Решающим аргументом при выборе основного места нанесения главного удара вермахта стали соображения экономического характера, прежде всего вопрос о контроле над нефтяными месторождениями Майкопа, Грозного и Баку. К тому времени на долю Северного Кавказа и Закавказья приходилось 86,5 % общесоюзной добычи нефти, 65 % запасов природного газа, 56,5 % – марганцевой руды. В условиях, когда кавказские нефтепромыслы являлись ведущими поставщиками горюче-смазочных материалов для Рабоче-крестьянской Красной армии (РККА), их потеря имела бы для нашей страны катастрофические последствия. В свою очередь, для нацистской Германии вопрос овладения нефтяными ресурсами Кавказа становился важнейшим в контексте продолжения и успешного завершения Второй мировой войны. 1 июня 1942 г. на совещании в штабе группы армий «А» в Полтаве Гитлер заявил: «Если я не заполучу нефть Майкопа и Грозного, то буду вынужден закончить войну» [2: 25].

28 июня 1942 г. противник приступил к реализации плана операции «Блау» (30 июня ее название было изменено на «Брауншвейг») и развернул генеральное наступление на юге СССР. Ослабленные тяжелыми майскими поражениями под Харьковом и в Крыму, советские войска с боями отходили в южном направлении. 23 июля Гитлер подписал директиву верховного

командования вермахта № 45, в которой окончательно скорректировал стратегию летней кампании 1942 г. на советско-германском фронте [4: 387]. В этом документе среди прочего определялись три основных направления ударов немецких войск и вооруженных сил их стран-сателлитов на Кавказе. 17-я полевая армия под командованием генерал-полковника Р. Руоффа должна была занять побережье Чёрного моря от Анапы до Поти и развить наступление на Батуми, Кутаиси и Тбилиси. 1-я танковая армия под командованием генерал-полковника Э. фон Клейста должна была наступать на Орджоникидзе (ныне – Владикавказ), Грозный, Махачкалу и Баку. 49-й горный армейский корпус под командованием генерала горных войск Р. Конрада должен был преодолеть перевалы западной части Главного Кавказского хребта, выйти к Сухуму и оказать содействие 17-й полевой армии в ее продвижении вдоль побережья Черного моря. Для операций группы армий «А» по захвату Кавказа вводилось кодированное название «Эдельвейс».

В середине августа 1942 г. 1-я и 4-я горные дивизии 49-го горного армейского корпуса, немногим ранее подошедшие в район Невинномыска и Черкесска, практически беспрепятственно продвигались к северным скатам Главного Кавказского хребта. Им противостояли войска 3-го стрелкового корпуса 46-й армии Закавказского фронта (командующий армией – генерал-майор В.Ф. Сергацков). К сожалению, при подготовке столь важного стратегического рубежа к обороне советской стороной были допущены значительные ошибки и просчеты. К моменту выхода противника к Главному Кавказскому хребту не только его северные склоны, но и многие перевалы оставались не заняты частями и подразделениями РККА. Занятые же, за редким исключением, были слабо оборудованы в инженерном отношении. Запоздалое выдвижение войск в горы, их слабое материально-техническое обеспечение, неудовлетворительная организация разведки и связи крайне осложнили обстановку. Командующий Закавказским фронтом генерал армии И.В. Тюленев впоследствии объяснял этот промах следующим образом: «...в этом была немалая доля вины командования и штаба Закавказского фронта, опрометчиво решивших, что перевалы сами по себе недоступны для врага. Некоторые из нас считали главной задачей войск фронта оборону Черноморского побережья, где и были развернуты основные силы 46-й армии» [5: 173]. Неудивительно, что немецким горным егерям удалось в кратчайшие сроки захватить ряд ключевых перевалов западной части Главного Кавказского хребта: Хотю-Тау (15 августа), Азау (16 августа), Клухор (17 августа), Адзапш, Чмахара (23 августа), Санчаро, Аллаштраху (25 августа), Умпырь (31 августа) и др. Затем противник начал спускаться на южные скаты Главного Кавказского хребта, стремясь в кратчайшие сроки выйти к побережью Чёрного моря. Возникла прямая угроза захвата Сухума и срыва снабжения по коммуникации вдоль черноморского побережья.

В сложившейся ситуации Ставка Верховного Главнокомандования была вынуждена принять ряд экстренных мер, направленных на срыв планов противника, создание прочной обороны и восстановление положения. Выполняя указания Ставки, командование Закавказского фронта начало разворачивать свежие силы за счет резервов, снятых с других направлений, чтобы остановить наступление немецких войск в районе перевалов Главного Кавказского хребта и в его южных предгорьях, а затем перейти в контрнаступление. В целях совершенствования управления войсками, действующими на Кавказе, и улучшения их снабжения решением Ставки была создана Северная группа войск Закавказского фронта, а 3 сентября 1942 г. Северо-Кавказский фронт преобразован в Черноморскую группу войск Закавказского фронта. Черноморский флот был подчинен в оперативном отношении командующему Закавказским фронтом. В результате всех вышеозначенных мероприятий по организационному укреплению войск и по упорядочению управления ими оборона Кавказа значительно окрепла.

Вся нагрузка по воздушной поддержке наземных частей и подразделений РККА, которые вели оборонительные бои в горах Кавказа, легла на военно-воздушные силы (ВВС) Закавказского фронта. В состав последних входили 5-я воздушная армия и частично 4-я воздушная армия, а также приданная фронту Северо-Кавказская особая авиационная группа Гражданского воздушного флота (далее – ГВФ), с 4 сентября – Закавказская особая авиационная группа ГВФ, с 8 ноября – 8-й отдельный авиационный полк ГВФ) и часть сил ВВС Черноморского флота. В 5-й и 4-й воздушных армиях насчитывалось 426 самолетов, однако 45 % из них относились к устаревшим типам. Без учета 104 неисправных машин, а также многоцелевых одномоторных бипланов У-2 и Р-5 в дневных условиях могли действовать лишь 257 самолетов [7]. В составе ВВС Черноморского флота в рассматриваемый период числилось до 216 машин. Северо-Кавказская особая авиационная группа ГВФ располагала примерно 40 разнотипными самолетами. Кроме того, войска Закавказского фронта поддерживала базировавшаяся в районе Махачкалы 50-я дивизия авиации дальнего действия, имевшая на вооружении около 50–60 самолетов.

4-й немецкий воздушный флот, действовавший на юге советско-германского фронта, в августе 1942 г. насчитывал до 1 430 машин (без учета румынских и итальянских самолетов) [6]. Ввиду того, что основные силы вражеской авиации в означенный период вели боевую работу на Сталинградском направлении, для действий против ВВС Закавказского фронта противник имел в наличии до 400 самолетов [8]. Таким образом, на всем протяжении тысячекилометрового фронта от Махачкалы до Новороссийска советские ВВС имели численное превосходство над люфтваффе примерно в 1,3 раза. Однако качественное состояние авиации противника и условия ее базирования

(равнинная местность) значительно отличались в лучшую сторону. Обладая развитой аэродромной сетью в Кропоткине, Армавире, Тихорецкой, Майкопе, Элисте и в других местах, командующий 4-м воздушным флотом генерал-фельдмаршал В. Фон Рихтхоффен имел возможность осуществлять широкий маневр авиационными силами, перебрасывая их поочередно то на Кавказ, то на Сталинград, в зависимости от хода операций немецких войск на данных направлениях. Это давало ему возможность создавать кратное численное преимущество там, где наносился главный удар. Однако постепенное повышение удельного веса новых типов советских самолетов, рост боевого мастерства летного состава, улучшение взаимодействия с наземными войсками способствовали активизации действий ВВС Закавказского фронта и нанесению ими эффективных ударов по противнику как в воздухе, так и на земле.

Существенно влияли на ход действий советской авиации в предгорьях и над перевалами Главного Кавказского хребта природно-климатические условия. Горный рельеф резко пересеченной местности ограничивал применение авиации на малых высотах, стеснял ее маневр и ввиду отсутствия надежных ориентиров значительно усложнял детальную ориентировку. Высокие, поросшие густым лесом горы, глубокие ущелья и лощины создавали хорошие условия для маскировки позиций, что усложняло определение линии боевого соприкосновения. Легкость маскировки живой силы и техники в складках местности и лесных массивах затрудняли поиск целей и выход на них. Резко меняющийся горный рельеф – от зоны леса до альпийского пояса – влиял на точность определения высоты, выбор способов бомбометания и время произведения аэрофотосъемки. Однако незначительное количество дорог и трудность передвижения войск вне их несколько облегчали ведение воздушной разведки [3: 82].

Условия базирования 5-й воздушной армии и ВВС Черноморского флота, поддерживавших наземные части и подразделения РККА, воевавшие в предгорьях и над перевалами западной части Главного Кавказского хребта, являлись сложными. Горный рельеф местности, неустойчивая погода и стесненное базирование авиачастей значительно усложняли боевое применение советской авиации и оказывали влияние на самолетовождение, технику пилотирования, тактику действий. На восточном побережье Черного моря имелась достаточно бедная аэродромная сеть, вытянутая в одну линию протяженностью около 400 км от Геленджика до Батуми с ответвлением на Кутаиси. Это затрудняло маневр авиационными частями и подразделениями. Аэродромы были перегружены, почти на каждом из них одновременно базировались по несколько авиационных полков. Кроме того, они имели ограниченные размеры, затруднявшие рассредоточение и маскировку. Непосредственно прилегавшие к летному полю горы вынуждали взлетать и садиться

только со стороны моря. На самолетах отсутствовали бортовые спасательные средства, а действовать над морской поверхностью приходилось очень часто. Поэтому в случае вынужденной посадки на воду шансы экипажа на выживание существенно уменьшались. Метеорологические условия в горах Кавказа трудно было назвать благоприятными – дожди, туманы, плотная облачность, а впоследствии и снегопады существенно затрудняли советским авиаторам выполнение поставленных перед ними задач. Требовалось повысить качество организации и обеспечения боевых действий, подготовки командного и личного состава [3: 83].

После начала вооруженного противостояния в горах западной части Главного Кавказского хребта на усиление действовавшей здесь советской авиации из резерва командующего ВВС Закавказского фронта были переброшены бомбардировочная группа Батайской военной авиационной школы, 149-я разведывательная авиационная эскадрилья, 975-й истребительный авиационный полк. Вместе с частью сил бомбардировочной авиации 5-й воздушной армии они получили задачу: по данным воздушной разведки уничтожать огнем немецкие войска на перевалах Главного Кавказского хребта и их боковых отрогах. Сама разведка непрерывно велась в районе западной части хребта, от перевала Хотю-Тау до перевала Санчаро. Советскими воздушными разведчиками также просматривались дороги к населенным пунктам Черкесск, Микоян-Шахар (ныне – Карачаевск), Теберда, Кардоникская, Красный Карачай, Зеленчукская, Архыз, а также горные тропы, ведущие к перевалам. В случае обнаружения немецких войск, передвигающихся по обозначенным коммуникациям, летчиками немедленно сообщалось об этом, после чего противник подвергался бомбово-штурмовым ударам либо обстрелам из авиационных пулеметов и крупнокалиберных пушек. Вместе с тем визуально обнаружить с воздуха скопления немецких войск являлось непростой задачей и было возможно только в альпийской и субальпийской зонах. Попытки же установить наличие даже относительно крупных подразделений противника в зоне леса, как правило, заканчивались неудачей.

В районе перевалов западной части Главного Кавказского хребта действовала и советская бомбардировочная авиация. По противнику наносили удары машины 5-й и 4-й воздушных армий, ВВС Черноморского флота, а также бомбардировочной группы Батайской военной авиационной школы. В начальной фазе боев наиболее массированные бомбово-штурмовые удары по противнику наносились на Клухорском и Санчарском направлениях, считавшихся приоритетными ввиду возможности кратчайшего выхода через них к побережью Чёрного моря [9]. На отдельных участках фронта передовые отряды немецких горных егерей находились на расстоянии 25 км от Сухума и Гудауты, а возникший в этой связи тактический кризис грозил быстро перерасти в оперативный. В последующей фазе боев, ввиду расширения теа-

тра боевых действий и формирования нового Марухского направления, зона применения советской бомбардировочной авиации существенно увеличилась. Возросла и частота нанесения ударов по противнику. Например, только 40-м бомбардировочным авиационным полком ВВС Черноморского флота на перевалы Санчаро и Марух было сброшено до 1 000 бомб ФАБ-100. Успешно действовал и 36-й минно-торпедный авиационный полк, входивший вместе с 40-м бомбардировочным авиационным и 5-м минно-торпедным авиационным полками в состав 64-й бригады ВВС Черноморского флота. Перед каждым вылетом летчики получали из штаба 46-й армии Закавказского фронта задачи с конкретным указанием целей, основных ориентиров, начертанных на линии фронта. Объекты ударов находились на высотах от 600 до 2 800 м над уровнем моря. Бомбежка осуществлялась с нескольких заходов: первый – пристрелочный, остальные – на поражение.

Наиболее массовое применение советской бомбардировочной авиации в районе перевалов Главного Кавказского хребта имело место при освобождении с. Псху Сухумского района. Оно было оккупировано немецкими войсками в августе 1942 г. вскоре после захвата ими перевала Санчаро. Псху представляло собой сильный опорный пункт, через который пролегал кратчайший путь к побережью Чёрного моря – на Сухум и Гудауту. Поэтому командование 46-й армии Закавказского фронта предпринимало срочные меры для устранения этой угрозы и восстановления положения. Новый командующий армией генерал-майор К.Н. Леселидзе, сменивший на этом посту генерал-майора В.Ф. Сергацкова, принял решение об окружении и уничтожении сил противника в районе с. Псху силами Санчарской группы войск. 5 сентября 1942 г., после ускоренной подготовки, советские войска перешли в контрнаступление. 7 сентября по немецкой группировке в районе с. Псху был нанесен бомбово-штурмовой удар тремя авиационными полками ВВС Черноморского флота: 5-м и 36-м минно-торпедными, а также 40-м бомбардировочным. Их роль в разгроме противника на данном направлении огромна: машины ДБ-3, СБ, Пе-2 и Р-10, базировавшиеся на аэродромах Бомбора и Бабушера на расстоянии 25–35 км от линии фронта, ежедневно совершали от 6 до 10 самолетовылетов для нанесения бомбово-штурмовых ударов, а в дни напряженных боев – до 40 самолетовылетов. В результате были уничтожены склады с боеприпасами, разрушены немецкие оборонительные сооружения, убито и ранено до 100 солдат противника. Действия советской авиации способствовали освобождению с. Псху 8 сентября 1942 г. Окружить и уничтожить действующую в данном районе немецкую группировку, однако, не удалось ввиду ее заблаговременного отхода к перевалам Санчаро, Адзапш, Чмахара, Чамашха и Аллаштраху.

В небе над Главным Кавказским хребтом также вела боевую работу советская истребительная авиация. Ее действия отличались рядом особенностей

и были сопряжены с серьезными трудностями: резко пересеченная местность, прерывистая линия фронта, сильные воздушные потоки, сложные метеорологические условия. Кроме того, необходимо было считаться с авиацией противника. Истребители 5-й воздушной армии нередко были вынуждены вести воздушные бои, прикрывая своих разведчиков и бомбардировщиков. Вскоре не только в истребительных, но и в бомбово-штурмовых действиях по обеим сторонам Главного Кавказского хребта и непосредственно над его перевалами стали применяться малоскоростные, но маневренные одномоторные машины И-16 и И-15. Они были особенно эффективны в ущельях, где скоростные немецкие истребители, как правило, оказывались неспособны им противостоять. Последние стали барражировать на тех трассах полетов советских самолетов, которые пролегали над относительно ровной местностью. В сложившейся ситуации от летчиков требовалось вести постоянное наблюдение за обстановкой и уклоняться от встреч с более совершенными в техническом плане немецкими поршневыми машинами Messerschmitt Bf 109.

Интенсивно над перевалами Главного Кавказского хребта действовала и советская транспортная авиация. Именно она, пожалуй, оказывала наиболее существенную помощь сражавшимся в горах войскам. В число ее задач входили доставка к линии фронта боеприпасов, продовольствия, обмундирования, медикаментов, эвакуация тяжелораненых. Транспортники работали с середины августа 1942 г. до середины января 1943 г. и вынесли на себе все тяжести воздушной войны в горах. Для выполнения этой задачи из 763-го легкого бомбардировочного авиационного полка 5-й воздушной армии и Закавказской особой авиационной группы ГВФ было выделено 70 легких одномоторных машин У-2 и Р-5. Кроме того, из состава данного полка привлекались тяжелые двухмоторные самолеты типа АНТ-9 и ПС-7, доставлявшие наземным войскам грузы путем сбрасывания. Следует отметить, что летный состав и боевой, и транспортной авиации к началу боев на перевалах не имел серьезной подготовки к полетам в горах, особенно в условиях резко и часто меняющихся погодных условий. Подобного рода полеты приходилось осваивать уже в ходе выполнения поставленных командованием задач, а летчикам и штурманам срочно требовалась дополнительная подготовка.

В начальной фазе боев посадку в горах можно было производить только на одной ограниченной площадке в с. Псху Сухумского района и только самолетами У-2. Летчики, пилотировавшие более крупные машины типа Р-5, были вынуждены сбрасывать грузы непосредственно с самолетов, поэтому они снижались до высоты 15-20 м [10]. Для сброса груза во вторую кабину Р-5 пилоту необходимо было брать техника, поэтому суммарный вес груза не мог превышать 200 кг. Однако в конце августа 1942 г. советская авиация

лишилась этой площадки ввиду оккупации села немецкими горными егерями и обострения оперативной обстановки войск 46-й армии Закавказского фронта на данном направлении. Впрочем, в начале сентября после успешного контрнаступления Санчарской группы войск, этот импровизированный полевой аэродром снова перешел под советский контроль. Он представлял собой очищенную от леса поляну 300–350 м длиной и до 80 м шириной, которую требовалось увеличить. С этой целью два военно-строительных батальона на протяжении 12 дней круглосуточного упорного труда (450–500 чел. в две смены) выполняли подрывные работы, уборку камней, корчевку деревьев и пней. В результате посадочная площадка была увеличена до 600 м в длину и 150 м в ширину. Расчистке также подверглись подходы к ней, при этом летная работа не прерывалась ни на один день.

24 сентября 1942 г. командование Закавказского фронта приказало Закавказской особой виационной группе ГВФ всеми имеющимися силами и средствами обеспечить доставку грузов частям 46-й армии, действующим на перевалах Санчаро, Аданге, Марух, Наур, Клухор и Нахар. Точки доставки находились на переднем крае в 2–3 км от линии фронта на высоте от 2 000 до 2 500 м над уровнем моря. Уже на следующий день после издания приказа началось выполнение задания. Ввиду отсутствия посадочных площадок в районе цели грузы должны были доставляться преимущественно путем сбрасывания. Но для доставки боеприпасов приходилось использовать посадку.

Ограниченная посадочная площадка также имелась в окрестностях с. Ажара, в верховьях р. Кодор. Она была оборудована еще во второй половине августа 1942 г., и именно через нее осуществлялось воздушное снабжение советских войск, действовавших на Клухорском и Марухском направлениях. Длина площадки составляла 300 м, ширина – 60 м. Подход к ней с трех сторон был окружен горами, поэтому выполнение посадки было возможно исключительно в одном направлении – с запада на восток. Приземление при сильном ветре вдоль ущелья или уход на второй круг исключались. В связи с наличием указанных недостатков, а также необходимостью увеличения количества перебрасываемых в войска грузов требовалось найти место для еще одной посадочной площадки, которая располагалась бы в условиях более выгодного рельефа местности и на более близком расстоянии к линии фронта в долине р. Клыч. Вскоре советскими гражданскими авиаторами была обнаружена подходящая поляна в окрестностях с. Правый Генцвиш. К строительству очередного импровизированного аэродрома были привлечены бойцы одного из военно-строительных батальонов 46-й армии Закавказского фронта. После переселения расположенных там сванских хозяйств, расчистки и выравнивания территории уже на третьи сутки после начала работ вторая по счету посадочная площадка на Клухорском операционном направлении начала принимать и отправлять самолеты.

Одновременно с этим советскими летчиками было обнаружено место для обустройства посадочной площадки на Марухском операционном направлении, в долине р. Адзгара. Для ее расчистки на высоте 2 000 м было спилено, а затем выкорчевано свыше 600 деревьев. Как и на других участках высокогорного фронта, эту исключительно сложную и трудоемкую работу выполнили бойцы одной из военно-строительных частей 46-й армии Закавказского фронта. Новая площадка позволила увеличить возможности снабжения советских войск по воздуху боеприпасами и продовольствием в столь труднодоступном горном районе.

Одной из самых необычных и специфических задач, выполняемых летчиками Северо-Кавказской (с 4 сентября 1942 г. – Закавказской) особой авиационной группы Закавказского фронта стала доставка в районы боевых действий на южной стороне Главного Кавказского хребта сена для выючных животных, которых жители горных селений предоставляли для транспортировки грузов. Мулы и ишаки, нагруженные мешками с боеприпасами или продовольствием, в составе транспортных рот караванами двигались среди скал, лишенных травянистого покрова. Им необходимо было обеспечить регулярную кормежку. Сено в двух тюках подвизывалось к шасси самолета Р-5 и с военного аэродрома в с. Нижняя Эшера, расположенного на побережье Чёрного моря в окрестностях Сухума, отправлялось в горы. Пилотирование такого самолета было сопряжено со значительными трудностями ввиду сильного лобового сопротивления воздуха, резкого снижения скорости и летных качеств машины. Тем не менее советские летчики успешно справлялись и с этой задачей. «Мы догоняли войска и, отыскав глазами такую [транспортную] роту, сбрасывали тюки где-нибудь совсем рядом. Бойцы потом смеялись, рассказывая, что ишаки настолько привыкли к самолетам, привозящим им пищу, что, проголодавшись, задирали морды к небу и оглашали ущелье печальными криками», – вспоминал один из ветеранов боевых действий в горах Кавказа [1: 91].

В сентябре 1942 г. самолеты У-2 и Р-5 Закавказской особой авиационной группы ГВФ перестали справляться с возрастающими потребностями доставки в войска боеприпасов и продовольствия. В этой связи командир группы принял решение привлечь к выполнению данной задачи тяжелых двухмоторных машин типа АНТ-9 и ПС-7. Их разгрузка могла производиться исключительно путем сбрасывания грузов. Сложность при этом заключалась в том, что самолеты являлись маломаневренными и имели большой радиус разворота, что затрудняло полеты в горной местности. К сожалению, сброс грузов приводил к травмированию или даже гибели советских бойцов, находящихся на земле. Однако вскоре летчики освоили специфическую технику пилотирования. Так, например, командиры экипажей П. Савельев, Н. Семин, И. Моргун и другие отлично справлялись с доставкой грузов

в район перевалов Главного Кавказского хребта, сбрасывая тяжелые тюки точно в цель с высоты 50 м с нескольких заходов. Только экипаж А. Савельева на самолете АНТ-9 совершил свыше 40 самолетовылетов, доставив по назначению десятки тонн грузов.

В общей сложности за 4 месяца напряженных действий в сложных условиях горной местности авиаторы Закавказской особой авиационной группы ГВФ доставили советским войскам, защищавшим перевалы западной части Главного Кавказского хребта, 3 255 т различных грузов и вывезли 3 905 раненых советских воинов. Кроме того, только в октябре – декабре 1942 г. части 5-й воздушной армии совершили около 7 000 самолетовылетов, перевезли 833 т боеприпасов, горючего, продовольствия, обмундирования, а также эвакуировали свыше 1 700 тяжелораненых бойцов и командиров РККА [11].

Таким образом, ведением воздушной разведки, нанесением бомбово-штурмовых ударов по горно-егерским войскам противника, доставкой в районы перевалов Главного Кавказского хребта боеприпасов, продовольствия, обмундирования и эвакуацией тяжелораненых воинов советская авиация оказала существенную помощь войскам Закавказского фронта в срыве планов немецкого командования в этом районе. При поддержке авиации 5-й воздушной армии, части сил ВВС Черноморского флота и 4-й воздушной армии, а также Северо-Кавказской особой авиационной группы ГВФ сухопутные части и соединения РККА ликвидировали опасность прорыва противника через перевалы в Закавказье. Героическая оборона Кавказа стала хорошей боевой школой для советских авиаторов. Ими был накоплен богатый боевой опыт и освоена специфическая тактика действий в горных условиях.

Источники и литература

1. Гнеушев В.Г., Попутько А.Л. Тайна Марухского ледника. Ставрополь, 1975.
2. История Второй мировой войны 1939–1945 гг. Т. 5: Провал агрессивных планов фашистского блока. М., 1975.
3. Пшенияник Г.А. Крах плана «Эдельвейс». Советская авиация в битве за Кавказ. 1942–1943. М., 2013.
4. «Совершенно секретно! Только для командования». Стратегия фашистской Германии в войне против СССР. Документы и материалы / сост. В.И. Дашичев. М., 1967.
5. Тюленев И.В. Через три войны. М., 1972.
6. Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации (далее – ЦАМО РФ). Ф. 35. Оп. 11280. Д. 108. Л. 247.
7. ЦАМО РФ. Ф. 35. Оп. 12182. Д. 131. Л. 15–16.

8. ЦАМО РФ. Ф. 35. Оп. 11285. Д. 528. Л. 33–34.
9. ЦАМО РФ. Ф. 319. Оп. 4798. Д. 47. Л. 34–35.
10. ЦАМО РФ. Ф. 319. Оп. 4798. Д. 47. Л. 37–38.
11. ЦАМО РФ. Ф. 327. Оп. 4999. Д. 12. Л. 1–3.

И.Е. Татаринов

БИТВА ЗА КАВКАЗ: ПОДВИГ СТАРШИНЫ 723-го СТРЕЛКОВОГО ПОЛКА ЛЕОНТИЯ КОНДРАТЬЕВА В БОЮ У ВЫСОТЫ 403.3

На днях исполняется 82 года победе советских войск в битве за Кавказ. В этом грандиозном сражении войска Красной армии нанесли врагу ряд поражений и изгнали немецко-фашистских захватчиков с вершин Кавказа, черноморского побережья, холмов и равнин Кубани. В ходе боевых операций на Кавказе среди множества воинских подразделений особую доблесть, высокую стойкость и боевую выучку продемонстрировали солдаты и офицеры подразделений, которые были сформированы непосредственно на Донбассе. Укомплектованные в основном местными добровольцами, большая часть из которых была шахтерами местных угольных комбинатов, ведомые кадровыми военными, они проявили исключительную стойкость, боевую слаженность и преданность долгу в сложных географических условиях.

В истории грандиозного оборонительно-наступательного сражения на Кавказе всё еще остаются малоизвестные широкой общественности или незаслуженно забытые героические страницы. Речь идет о подвиге, совершенном 30 октября 1942 г. помощником командира 2-го взвода 6-й роты 723-го стрелкового полка (далее – 723-й сп) 395-й стрелковой дивизии (далее – 395-я сд) старшиной Леонтием Васильевичем Кондратьевым у высоты 403.3 юго-восточнее с. Фанагорийское Горячеключевского района Краснодарского края. Его дивизия, сформированная в августе 1941 г. в основном из шахтеров угольного комбината «Ворошиловградуголь» [10: 246], была создана и приняла свой первый бой в тяжелый начальный период Великой Отечественной войны. Она сыграла важную роль в оборонительных боях на Донбассе, сдерживала врага в его попытках прорваться к бакинской нефти и Главному Кавказскому хребту, внося свой вклад в победу на Кавказе в составе войск Северо-Кавказского фронта. До 20 сентября 1942 г. 395-я сд пребывала в составе 12-й армии, с 24 по 30 сентября 1942 г. – 18-й армии, с 1 октября 1942 г. по 18 января 1943 г. воевала в составе 56-й армии, с 18 января по 12 февраля 1943 г. дивизию вновь переподчинили 18-й армии, а с 12 февраля 1943 г. ее вернули в состав 56-й армии.

Одной из ключевых кампаний битвы за Кавказ является Туапсинская оборонительная операция (25 сентября – 20 декабря 1942 г.). После взятия Армавира 9 августа 1942 г. враг создал угрозу прорыва к черноморскому побережью, что могло привести к захвату кавказских перевалов и окружению основных сил Красной армии на этом направлении. 23 сентября 1942 г. вермахт начал крупномасштабное наступление на Туапсе в рамках операции «Аттика». После двух дней интенсивных авиаударов по позициям 18-й армии, включая 395-ю сд, противник перешел в наступление: из района Хадженской в направлении Куринской, а из района Горячего Ключа – на Фанагорийское. Части 395-й сд стойко обороняли свои позиции, несмотря на непрерывные атаки противника, стремившегося выбить их с занимаемых высот. 27 сентября дивизия перешла в контрнаступление в районе перевала Котх, отражая в течение дня вражеские контратаки, которые поддерживались танками и авиацией. В ходе боев дивизия потеряла около 300 бойцов, тогда как ущерб противника составил до 450 человек и 2 подбитых танков [11: 192]. Несмотря на серьезные потери, в эти дни ворошиловградские шахтеры выстояли под мощным немецким ударом.

В октябре 1942 г. в ходе ожесточенных боев на подступах к Туапсе перед 395-й сд была поставлена боевая задача – нанести контрудар по противнику в направлении р. Хатыпс. 29 октября 723-й сп получил приказ овладеть стратегически важной высотой 403.3, расположенной в юго-восточной части с. Фанагорийское. Этот эпизод был важной частью Туапсинской оборонительной операции, в которой советские войска удерживали немецко-фашистских захватчиков, стремившихся прорваться к Черному морю через горные перевалы Кавказа. Бои за высоту 403.3 и другие ключевые высоты носили крайне напряженный характер, поскольку контроль над ними позволял перекрывать и сковывать маршруты снабжения войск и оказывать, таким образом, влияние на ход всей операции.

Штурм высоты 403.3 осложнялся сооруженными немцами дзотами (деревоземляными огневыми точками) и пристрелянными точками. Раз за разом советские бойцы наталкивались на мощный пулеметный огонь неприятеля и несли потери. 30 октября 1942 г. во время штурма высоты 50-летний помощник командира второго взвода 6-й роты 723-го сп 395-й сд старшина Л.В. Кондратьев совершил героический подвиг. В его наградном документе сказано, что «старшина Кондратьев в боях 29 и 30.10.42 г. во время наступления на выс. 403.3 проявил исключительный героизм и самоотверженность» [7: 324]. Скрываясь за складками местности, он незаметно подполз на близкое расстояние к дзоту, и метнул в него несколько ручных гранат. Воспользовавшись взрывами, он подошел близко к огневой точке, однако вражеский пулемет вновь начал стрелять. Тогда он, «не считаясь со своей жизнью, первым вскочил на дзот, из амбразуры которого строчили вражеские пулеметы...

бросился на амбразуру вражеского дзота и закрыл его своим телом» [7: 324], тем самым повторив подвиг Александра Матросова.

Этот героический поступок произошел на глазах залегших на склонах высоты бойцов его 6-й роты. Стремительным броском наши бойцы ворвались во вражеские окопы, «бросившись ко вражескому дзоту, и через несколько минут дзот был уничтожен. Благодаря этому поступку наступавшее подразделение продвинулось вперед, и были захвачены трофеи и ценные документы» [7: 324]. Командир 723-го сп майор С.Я. Легкий, который сам неоднократно ходил со своими бойцами в атаки, в лично составленном представлении на награждение старшины Кондратьева от 1 ноября 1942 г. отметил, что считает его поступок «показателем высшего героизма, самоотверженности и преданности», лично ходатайствуя к присвоению Кондратьеву звания Героя Советского Союза [7: 324]. На это представление командир 395-й сд полковник С.У. Рахимов наложил краткую резолюцию: «Достоин правительственной награды звания Герой Советского Союза». Командующий 56-й армией генерал-майор А.И. Рыжов, а также командующий войсками Закавказского фронта генерал армии И.В. Тюленев и член Военного Совета П.И. Ефимов утвердили награду [7: 324 об].

Из героической биографии Л.В. Кондратьева известно, что он родился в семье рабочего в г. Азове. С началом Первой мировой войны он был мобилизован в Русскую императорскую армию, где служил в легкой кавалерии в составе 16-го Донского казачьего генерала П.М. Грекова полка. Казак Л.В. Кондратьев неоднократно демонстрировал отвагу и мужество в ходе боевых действий, за что был удостоен Георгиевского креста 4-й степени. После ранения и демобилизации он вернулся с фронта и устроился рабочим на предприятие в г. Ростове-на-Дону. Октябрьскую революцию Кондратьев встретил положительно, вступив в Красную гвардию, а позднее – в 1-ю конную армию, сражаясь против деникинцев и белополяков. В боях на польском фронте получил тяжелое ранение и контузию. Осенью 1920 г. Л.В. Кондратьев переехал в г. Азов, где работал в уголовном розыске, имея ряд благодарностей за борьбу с бандитизмом. С 1922 по 1925 г. служил командиром взвода в войсках Объединенного государственного политического управления (ОГПУ). После увольнения в запас трудился слесарем, а затем мастером в механическом цехе Азовского бондарного завода [3: 13–14].

С началом Великой Отечественной войны, Кондратьев неоднократно пытался добиться отправки на фронт, но безуспешно – в силу возраста и состояния здоровья. Летом 1942 г. эвакуировался с Азовским бондарным заводом в г. Сочи, откуда ему всё же удалось вступить добровольцем в Рабоче-крестьянскую Красную армию (далее – РККА). Наш герой получил распределение в 723-й сп 395-й сд 56-й армии, с которым принимал участие в боях на Северо-Кавказском и Закавказском фронтах.

Удивительно, однако, что, несмотря на четыре тяжелых ранения в ногу и брюшную полость, старшина Л.В. Кондратьев выжил, проведя четыре месяца на лечении в госпитале, после чего вернулся в свой полк. Этот поступок сделал его первым бойцом, который остался в живых после такого героического акта самопожертвования. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 31 марта 1943 г. старшина Л.В. Кондратьев был награжден высшей государственной наградой СССР – званием Героя Советского Союза с вручением Ордена Ленина и медали «Золотая Звезда»: «За образцовое выполнение боевых заданий Командования на фронте борьбы с немецкими захватчиками и проявленные при этом отвагу и геройство» [1: 1]. К сожалению, наш герой не смог получить заслуженную награду. После излечения тяжелых ранений, он вновь вернулся в строй, в возрасте 51 года продолжая бить врага. Однако в конце апреля 1943 г., участвуя в боях у х. Красный Крымского района, он был смертельно ранен. Его прах покоится в братской могиле под Крымском в Краснодарском крае.

Отдельно следует отметить командира 723-го сп – майора Сергея Яковлевича Легкого, под чьим непосредственным командованием служил старшина Л.В. Кондратьев. Этот опытный командир, принявший полк 3 сентября 1942 г., участвовал вместе со своими бойцами в одном из сложнейших – начальных – периодов битвы за Кавказ. Он родился 29 декабря 1911 г. в пгт Козельщина Козельщинского района Полтавской области УССР. В рядах РККА служил с 1933 г., вступив в 1939 г. в члены Всесоюзной Коммунистической партии большевиков (ВКП(б)). Окончил школу младшего комсостава и курсы лейтенантов при 25-й стрелковой дивизии. В 1942 г. он уже считался смелым, решительным и тактически грамотным командиром, «беззаветно преданным делу партии Ленина – Сталина и Социалистической Родины» [6: 693].

За умелое командование 723-м сп в оборонительных боях на кавказских перевалах в 1942 г. он был представлен к ордену Боевого Красного Знамени. В его наградном листе сказано, что майор С. Легкий «30.07.42 г. получив задачу выбить противника из с. Михайловка успешно справился с ней: в результате наступление противника на целые сутки было задержано, в бою был разгромлен штаб полка 125-й немецкой пехотной дивизии, захвачено 30 км кабелей, 2 автомашины и другие трофеи, убито и ранено свыше 30 немцев» [6: 693]. В дальнейшем полк под его командованием продолжил успешно вести оборонительные действия уже в районе ст. Екатериновской (ныне – Крыловская, административный центр Крыловского района). Два батальона 723-го сп майора С.Я. Легкого 2–3 августа 1942 г. вели бои с противником, находясь в окружении, при этом уничтожив «до 400 солдат и офицеров, подбив 3 автомашины», успешно выйдя из окружения, «сохранив материальную часть и людской состав» [6: 693].

Однако взятие врагом Армавира 9 августа 1942 г. создало угрозу окружения советских частей и прорыва к кавказским перевалам, что вынудило отвести части РККА южнее. В этот период 723-й сп сдерживал врага уже в районе станицы Бакинская. В частности, 18 августа «в бою под Бакинской противник силой до 2 батальонов 3 раза атаковал район обороны полка, но каждый раз атаки успешно отбивались. Противник потерял свыше 130 солдат и офицеров» [6: 693]. При этом командование также отмечало хорошо налаженную в полку работу по захвату пленных: «Выставляя засады в местах вероятного появления противника, было захвачено 6 пленных 125-й, 128-й немецких пехотных дивизий и 1-й мд [моторизованной дивизии] словаков» [6: 693]. Заняв позиции на перевалах, с 23 сентября 1942 г. полк вел «непрерывные бои в горно-лесистой местности ... организовав оборону так, что никакого просачивания противника на участок полка не было ... За успешное выполнение задач командования, проявление при этом мужества и отваги и за значительные потери, нанесенные противнику» [6: 693] майор С.Я. Легкий был представлен к ордену Красного Знамени. 18 ноября 1942 г. награда была вручена командиру 723-го сп.

К сожалению, командир 723-го сп майор С.Я. Легкий 19 декабря [8: 282] 1942 г. (по другим данным – 12 [9: 249] или 26 декабря [5: 255]) погиб в бою у высоты 288, юго-западнее г. Кочканова, в 1 км восточнее домика лесника, в Туапсинском районе в междуречье рек Псекупс и Хатыбс. В 4-м томе «Книги Памяти» Саратовской области также приводится дата гибели командира 723-го сп – 19 декабря 1942 г. [2: 592]. Он похоронен в селе Ширинка (с. Садовое) Горячеключевского района Краснодарского края, на северо-западной окраине населенного пункта.

В завершение следует сказать, что в 1943 г. «шахтеры» 395-й сд во главе со своим командиром генерал-майором А.П. Турчинским вместе с другими частями Северо-Кавказского фронта прорвали немецкую оборону на «Голубой линии», отбросив врага на Таманский полуостров. К началу октября 1943 г. немецко-румынские войска удерживали только Таманский полуостров, опираясь на мощную оборонительную систему. 2 октября бойцы 395-й стрелковой дивизии форсировали р. Старую Кубань и прорвали вражескую оборону между Кизилташским и Ахтанизовским лиманами. Несмотря на ожесточенные контратаки с применением авиации, танков и артиллерии, советские войска взяли ключевой опорный пункт врага в ст. Старотитаровской [12: 41–42]. 4 октября 395-я сд вместе с другими частями 56-й армии прорвалась в тыл немецко-румынских войск на севере Тамани. После артподготовки и ударов авиации 9 октября остатки вражеских сил были сброшены в Керченский пролив. К 10 октября весь Таманский полуостров был очищен от врага, тем самым успешно завершилась Новороссийско-Таманская операция и битва за Кавказ.

За героизм и боевое мастерство 395-я «шахтерская» стрелковая дивизия была удостоена почетного наименования «Таманская» [4: 57]. В ходе боев на Кавказе 395-я сд и все ее полки и батальоны успешно выполняли боевые задачи, полностью освободив регион и победоносно завершив 442-дневную битву за Кавказ. Двое бойцов славной 395-й сд за бои на Кавказе были удостоены высшей правительственной награды – звания Героя Советского Союза с вручением Ордена Ленина и медали «Золотая Звезда». Ее бесстрашные и решительные бойцы героическими подвигами и беспримерным самопожертвованием внесли значительный вклад в победу на Кавказе, что способствовало коренному перелому в войне, решительно создав условия для полного изгнания врага с оккупированной немецко-фашистскими захватчиками территории СССР.

Источники и литература

1. Ведомости Верховного Совета СССР. 1943. 9 апреля. № 14 (220).
2. Книга Памяти: Российская Федерация, Саратовская область. В 41 т. Т. 4. Саратов, 1994.
3. Отважные сыны Дона: очерки о Героях Советского Союза. Ростов н/Д., 1970.
4. Приказы Верховного Главнокомандующего в период Великой Отечественной войны Советского Союза: Сборник. М., 1975.
5. Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации (далее – ЦАМО РФ). Ф. 33. Оп. 11458. Д. 198.
6. ЦАМО РФ. Ф. 33. Оп. 682525. Д. 232.
7. ЦАМО РФ. Ф. 33. Оп. 793756. Д. 22.
8. ЦАМО РФ. Ф. 56. Оп. 12220. Д. 89.
9. ЦАМО РФ. Ф. 56. Оп. 12220. Д. 95.
10. ЦАМО РФ. Ф. 371. Оп. 6367. Д. 50.
11. ЦАМО РФ. Ф. 1721. Оп. 1. Д. 7.
12. ЦАМО РФ. Ф. 1721. Оп. 1. Д. 18.

А.Д. Осмаев

НАГРАДЫ БОЙЦОВ И КОМАНДИРОВ РККА ИЗ ЧЕЧЕНО-ИНГУШСКОЙ АССР В ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ ПО ДАННЫМ САЙТА «ПОДВИГ НАРОДА»

Трагедия Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. в истории чеченского и ингушского народов тесно связана с проблемой их депортации

в феврале 1944 г. по необоснованным обвинениям в предательстве и сотрудничестве с гитлеровскими захватчиками. Несмотря на реабилитацию депортированных народов, осуждение самого акта депортации XX съездом правящей на тот момент партии – КПСС, принятие закона о реабилитации репрессированных народов в апреле 1991 г., ряда заявлений высших должностных лиц РФ, в научной и околону научной сфере продолжается тиражирование измышлений о «предательстве», «коллорабационизме» чеченцев и ингушей. На основе данных сайта «Подвиг народа» нами показана картина участия представителей Чечено-Ингушской Автономной Советской Социалистической Республики (далее – ЧИАССР) в боях на фронтах Великой Отечественной войны.

На сайте «Подвиг народа» в настоящее время насчитывается более 30 тыс. документов о наградах в Великой Отечественной войне бойцов и командиров Рабоче-крестьянской Красной армии (далее – РККА) из ЧИАССР. При анализе этих цифр надо учитывать, что призыв чеченцев и ингушей, как и ряда северокавказских народов, с начала 1942 г. был фактически прекращен, а после февраля 1944 г. абсолютное большинство было демобилизовано. Среди награжденных были чеченцы и ингуши, призванные из других республик и областей СССР, которых сайт не выделяет среди призванных из ЧИАССР, поэтому поиск нужно вести по фамилиям. Так, например, три брата Мукаевых – Баташ, Тата и Арби из с. Старые Атаги – были призваны в РККА из Узбекской ССР, куда их семья была выслана как кулацкая еще до начала войны. Баташ был награжден орденом Красного Знамени, погиб в Венгрии, Тата вернулся домой с медалью «За отвагу», Арби попал в плен, выжил.

По представлению к званию Героя Советского Союза насчитывается всего восемь документов, хотя этого высокого звания удостоены более 40 человек – уроженцев ЧИАССР. Среди восьми Героев Советского Союза пока нет данных о А. Идрисове, Х. Дачаеве, которые были призваны из ЧИАССР, а этнические чеченцы Х. Нурадилов, И. Бейбулатов призывались из Дагестанской Автономной Советской Социалистической Республики (ДАССР), Х.-М. Мирзоев – из Таджикской ССР, где жил и работал. Наградные документы на них на сайте есть, но в общем списке награжденных из ЧИАССР они не указываются. Среди Героев Советского Союза самый старший по должности и воинскому званию – командир 78-й стрелковой Запорожской Краснознаменной ордена Суворова дивизии гвардии генерал-майор Н.М. Михайлов [10]. В наградном листе отмечено, что его дивизия неожиданно для противника первой вышла на венгерскую равнину и в тяжелых боях освободила ряд городов, первой вышла на границу Чехословакии. Командир дивизии всё время находился в ее частях, лично руководил боевыми действиями, появляясь на самых опасных участках, в критические моменты боя восстанавливал положение.

Документов кавалеров ордена Ленина на сайте пока насчитывается всего 25, восемь из них те, кто удостоен звания Героя Советского Союза. Среди награжденных – ингуш А.А. Султыгов, капитан, командир саперной роты отдельного саперного батальона 373-й стрелковой Миргородской Краснознаменной орденов Суворова и Кутузова дивизии [15]. В марте 1944 г. организовал успешную переправу частей дивизии через р. Днестр, с группой саперов в тылу противника взорвал железнодорожное полотно и мост, в апреле отбил контратаку врага, будучи раненым, не покинул поле боя. Пофамильный поиск на сайте дает данные о наградах М.А. Висаитова, также награжденного орденом Ленина, но в общем списке сайт его не показывает.

Документов о награждении орденом Красного Знамени всего 405, из них на чеченцев и ингушей – 41 [13]. Некоторые воины были награждены этим орденом более одного раза, например, подполковник Я.А. Абдиев – в августе 1941 г. и в ноябре 1944 г. [1]. Он также был награжден орденами Ленина (1950 г.), Отечественной войны I степени 1985 г., медалью «За оборону Сталинграда», «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.». М.А. Висаитов был представлен к ордену Красного Знамени за бои в июле 1941 г., когда он лично поднял эскадрон в атаку, а в следующие дни трижды отражал атаки врага, был ранен. К концу войны М.А. Висаитов был награжден орденами Ленина, Суворова III степени, Красной Звезды, Отечественной войны I степени, американским орденом «Легион почета» (США), польской медалью «Заслуженным на поле Славы», советскими медалями «За оборону Сталинграда», «За победу над Германией», «За оборону Киева», «За взятие Кенигсберга», «За боевые заслуги». Трое из кавалеров ордена Красного Знамени – чеченцы А.У. Шидаев (в августе 1944 г. в составе отделения первым переправился через р. Вислу, увлек за собой остальных бойцов, уничтожив огневые точки врага), С.А. Алибеков (с разведгруппой, которой командовал, разведал и передал данные об оборонительной системе врага, выявил скопление войск), ингуш Ж.Ж. Куриев (в числе первых форсировал р. Западную Двину, наладил связь с командиром батареи, обеспечив уничтожение огневых точек врага и форсирование реки нашей пехотой) – были представлены за свои подвиги к званию Героя Советского Союза, но в итоге были награждены этим орденом. Возможно, на это решение повлияло то, что к тому времени чеченцы и ингуши были депортированы.

Среди награжденных и капитан, заместитель начальника политотдела 88-й стрелковой дивизии 31-й армии, бывший секретарь Чечено-Ингушского обкома ВКП(б) В.И. Филькин. Орден он получил 8 марта 1943 г. В наградном листе отмечено, что во время наступления он был в 611-м стрелковом полку, ходил с бойцами в атаку и личным примером воодушевлял их на подвиги. Сержант М.Н. Айдамиров в марте 1942 г. был награжден за успешное проведение разведки и активное участие в бою в декабре 1941 г.

Красноармеец Д.Х. Исаев, пулеметчик-кавалерист, в ноябре 1942 г. из ручного пулемета отразил три атаки противника и дважды контратаковал его. Уничтожил более 30 вражеских военнослужащих.

Орден Красной Звезды – одна из самых распространенных наград в годы Великой Отечественной войны, документов на награждение этим орденом призванных из ЧИАССР – 4 590. Из них документов на чеченцев и ингушей пока 233. Интересна судьба лейтенанта А.-К.Ш. Хаджиева, который 7 ноября 1942 г. близ г. Моздока был ранен и в бессознательном состоянии попал в плен. Сначала находился в лагерях военнопленных на территории СССР, а с 1943 г. – в Германии. Проходил проверку и был восстановлен в звании осенью 1945 г. Представлен к ордену Красной Звезды и награжден им в 1957 г. Лейтенант, к концу войны капитан Х.Р. Денилов был награжден двумя орденами Красной Звезды в 1943 г., орденом Отечественной войны II степени, медалями «За оборону Сталинграда» и «За победу над Германией». Подполковник Д.Д. Картоев был награжден двумя орденами Красного Знамени, орденами Красной Звезды, Отечественной войны I степени, медалями «За оборону Сталинграда», «За боевые заслуги», «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.». Пулеметчик З.О. Окунчаев был награжден в декабре 1941 г. орденом Красной Звезды за то, что в июле трижды отбивал попытки противника атаковать его роту, прикрывал переправу через реку, будучи раненым, не покинул поле боя, пока переправа не была завершена. Шофер К.Л. Худжин в августе 1941 г., невзирая на смертельный риск, потушил возникший в результате обстрела противника пожар, грозивший взрывом парусника с 6 тыс. снарядов.

Документов на награждение орденом Отечественной войны двух степеней на сайте всего 2 225, из них на награждение орденом I степени – 561, II степени – 1 664 документов. Наградных документов чеченцев и ингушей – 69. Старший лейтенант М.А. Мусаев был награжден в ноябре 1942 г. этим орденом II степени за то, что в сентябрьских боях его взвод сбил 4 самолета противника и подбил еще 2, а всего – 12. В мае 1944 г. его наградили и орденом Красного Знамени [12].

А.А. Гучигов, представленный в июле 1943 г. к ордену Красной Звезды, был награжден орденом Отечественной войны II степени, 23 февраля 1945 г. его вновь представляют к ордену Красной Звезды, но награждают орденом Отечественной войны I степени. В апреле 1944 г. он был награжден орденом Красного Знамени. Старший телефонист роты гвардии ефрейтор связи У.М. Мадаев был представлен к ордену Красной Звезды за то, что в июльских боях 1942–1943 гг. проявил исключительное мужество и смелость, под непрерывным обстрелом врага исправил до 30 порывов связи, был тяжело ранен. Награжден орденом Отечественной войны II степени. В ноябре 1943 г. гвардии старшина медицинской службы М.К. Токарева была награждена

орденом II степени за оказание помощи раненым бойцам и командирам, огнем из пулемета она истребила восемь солдат врага. И за каждой боевой наградой красноармейца или офицера РККА стоял подвиг, риск для жизни.

На награждение орденом Славы всех степеней на сайте всего 1 173 документов, из них I степени – 4 (один чеченец Д.Э. Энгиноев), II степени – 53 (тот же Д.Э. Энгиноев), III степени – 1 116 документов (чеченцев и ингушей – 57). Полным кавалером ордена Славы стал разведчик Д.Э. Энгиноев, причем в наградном листе к ордену III степени он указан как «чичен», к ордену II степени в октябре 1944 г. – как кабардинец, и I степени в феврале 1945 г. – как русский [17].

Орден Славы III степени получил в начале 1944 г. М.Г. Гайсуркаев, награжденный ранее медалью «За боевые заслуги». При прорыве обороны врага в ночь на 31 января он уничтожил 14 гитлеровцев, расчет станкового пулемета [8]. В декабре 1943 г. был награжден гвардии младший сержант С.Т. Мосаев, во время ночного поиска заставивший замолчать пулемет противника и обеспечивший отход группы с пленным, прикрыв ее [11].

О награждении орденом Александра Невского на сайте 78 документов, 5 из них – наградные листы чеченцев и ингушей: командира минометной роты старшего лейтенанта В.Ю. Юсупова; командира стрелковой роты капитана А.М. Магомаева; командира стрелковой роты капитана А.Ю. Дотмурзиева; командира стрелковой роты гвардии лейтенанта Л.А.И. Джамалова; командира батальона капитана В.М. Ташаева. Все эти офицеры награждены данным орденом после 23 февраля 1944 г.

Орденом Богдана Хмельницкого награждены 14 человек, причем I степени – нет, II степени – 2 чел., III степени – 12 чел. Среди них полковник М.С. Вейцман, начальник штаба 274-й стрелковой Ярцевской Краснознаменной ордена Суворова дивизии, представленный к ордену Отечественной войны I степени, но награжденный орденом Богдана Хмельницкого II степени в мае 1945 г. за четкую организацию работы штаба дивизии и гибкое управление штабами частей в операциях дивизии по прорыву обороны противника на западном берегу р. Одер [6]. Остальные кавалеры ордена имеют воинские звания от красноармейца, старшего сержанта до капитана. Гвардии красноармеец И.В. Гнездилов, телефонист взвода управления, при форсировании р. Алле южнее города Фридлянд в конце марта 1945 г. сумел обеспечить связь, ликвидировав 11 порывов линии под сильным огнем противника. Ранее в боях за населенный пункт Зеебен ликвидировал 7 порывов линии связи.

Орденом Кутузова награждены 10 человек, офицеры от лейтенанта до подполковника включительно. Все награждены орденом III степени, чеченцев и ингушей среди кавалеров ордена на сайте нет. Так, командир роты средних танков старший лейтенант В.М. Курынин, представленный к ордену

Красного Знамени в августе 1943 г., решением Военного совета 10-й гвардейской армии, был награжден орденом Кутузова III степени за отличие и умелое командование подразделением в боях в ходе [9].

Данных о награждении уроженцев ЧИАССР орденами Нахимова и Ушакова на сайте нет.

Орденом Суворова по данным сайта награждены семь человек, из них орденом II степени – полковник Г.Е. Черкасский, шестеро – орденом III степени. В списке не отображается чеченец, гвардии подполковник командир 28-го гвардейского кавалерийского полка М.А. Висаитов, награжденный орденом III степени в феврале 1945 г. При пофамильном поиске на сайте можно найти наградной лист М.А. Висаитова. К ордену он представлен за то, что полк под его командованием «проявил исключительное умение маневрирования по разгрому превосходящих сил противника, нанеся противнику большой урон в живой силе и технике, при незначительных потерях полка» [7].

Пока на сайте есть данные только по награждению медалями «За отвагу» и «За боевые заслуги». По неполным данным сайта «Подвиг народа», на апрель 2025 г. здесь размещены 5 772 документа бойцов и командиров из ЧИАССР, награжденных медалью «За отвагу» – одной из наиболее почитаемых фронтовых наград, что объясняется ее названием, по статуту она была первой из медалей периода Великой Отечественной войны. Чеченцев и ингушей из них на апрель 2025 г. – 549. Из кавалеров медали «За отвагу», призванных Грозненским городским военкоматом – 2 808, Атагинским районным военкоматом (далее – РВК) – 79, Ачалукским РВК – 37, Ачхой-Мартановским РВК – 55, Веденским РВК – 46, Галанчожским РВК – 6, Галашкинским РВК – 15, Грозненским РВК – 820, Гудермесским РВК – 247, Итум-Калинским РВК – 18 (здесь к призывникам ошибочно отнесены два казах), Курчалоевским РВК – 30, Малгобекским РВК – 276 (из них только один чеченец Т. Котоев, связист-телеграфист, был представлен к ордену Красной Звезды за обеспечение связи под артиллерийским и минометным обстрелом: попав в окружение, снял линию, вынес аппаратуру и вывел бойцов), Надтеречным РВК – 40 (А. Алубакаров награжден двумя медалями «За отвагу», и оба раза за спасение раненого офицера), Назрановским РВК – 75, Ножай-Юртовским РВК – 29, Пригородным РВК – 41, Пседахским РВК – 17, Саясановским РВК – 19, Старо-Юртовским РВК – 70, Сунженским РВК – 699, Урус-Мартановским РВК – 54, Чеберлоевским РВК – 11, Чечено-Ингушским республиканским военкоматом – 27 (1 чеченец), Шалинским РВК – 55, Шароевским РВК – 74 (к сожалению, здесь сотрудники, работающие с сайтом, тоже допустили ошибку: к Шаройскому району ЧИАССР отнесено несколько десятков бойцов и командиров, призванных из Шара(и)вского района Одесской области УССР, как следует из наградных листов или строк в наградном списке), Шатоевским РВК – 10 (трое награждены после 23 февраля 1944 г.).

Большое число награжденных из Грозного, Сунженского и Гудермесского районов, Малгобека объясняется тем, что здесь проживало значительное количество русскоязычного населения, в отношении которого не было ограничений на мобилизацию. В Малгобеке, например, всего населения, по переписи 1939 г., было 12 419 человек, из них русских – 9 225, чеченцев – 1 170, ингушей – 554. В Гудермесском районе всего 29 097 человек, русских – 10 633, чеченцев – 15 159, кумыков – 1 424 [4]. По переписи 1939 г., в ЧИАССР проживали 201 010 русских, 8 947 украинцев, 8 441 армян, 4 434 евреев, 3 879 татар, 3 713 кумыков, 3 237 аварцев, 1 321 грузин, 1583 осетин и др. Чеченцев по этой переписи насчитывалось 368 446 человек, ингушей – 83 798 [5].

Часть чеченцев и ингушей награждена медалями после выселения 23 февраля 1944 г. Например, сержант Б.А. Албагачиев награжден в апреле 1945 г., младший сержант С. Алгиреев 27 июня 1944 г., рядовой М.М. Алдамов награжден 20 мая 1944 г. Ряд награжденных представлялись к орденам, но вышестоящее командование считало, что герой достоин именно этой медали. Так, Х.А. Адамов был представлен к ордену Славы III степени в марте 1945 г., красноармеец Х. Алибеков – к ордену Красной Звезды в феврале 1942 г.

О награждении медалью «За боевые заслуги», учрежденной 17 октября 1948 г., на сайте размещено 4 760 документов, из них 266 – документы о награждении чеченцев и ингушей. Наибольшее количество удостоенных этой медали – призванные из г. Грозного 2 440 человек, из них чеченцев и ингушей – 45 человек, остальные 221 чеченцев и ингушей из разных районов ЧИАССР. Командир взвода снабжения заградбата 47-й стрелковой дивизии старший сержант Х.-М.С. Сайгадинов, представленный к ордену Красной Звезды 17 января 1942 г., был решением Военного совета 38-й армии награжден медалью «За боевые заслуги» [14]. Красноармеец 65-й морской отдельной бригады А.А. Ахмадов, призванный Гудермесским РВК, был награжден в июле 1942 г. Будучи вторым номером пулеметного расчета, после ранения товарища – первого номера – он отбил три атаки противника [2]. В апреле 1943 г. командир отделения разведки сержант А.Б. Ацаев был представлен к медали «За боевые заслуги». В наградном листе отмечено, что он «лично храбр и бесстрашен». Командир перечисляет несколько подвигов сержанта, в том числе, что зимой 1943 г. тот трижды был в разведке и выполнял задание [3], но представляется только к медали, и вышестоящие командиры принимают решение о награждении ею, хотя во многих случаях за подобные подвиги бойцы награждались и орденом Красной Звезды. Шофер ефрейтор В.М. Сундиев в мае 1943 г. был награжден медалью «За боевые заслуги»: в январе этого же года при доставке боеприпасов потушил, несмотря на полученную контузию, пожар на своей машине, подорвавшейся на mine, предотвратив взрыв [16].

Несмотря на прекращение призыва весной 1942 г., выселение 1944 г. по необоснованному обвинению, сотни чеченцев и ингушей оставались на фронтах Великой Отечественной войны, получая за свой ратный труд ордена и медали, не всегда под своим именем, иногда указывая другую национальность.

Источники и литература

1. Абдиев Японц Асакиевич // Подвиг народа. URL: <https://podvignaroda.ru/?#id=1092388&tab=navDetailManAward> (дата обращения: 22.04.2025).
2. Ахмадов Абузит Ахмадович // Подвиг народа. URL: <https://podvignaroda.ru/?#id=11566531&tab=navDetailManAward> (дата обращения: 26.04.2025).
3. Ацаев Асхаб Бакаевич // Подвиг народа. URL: <https://podvignaroda.ru/?#id=16559344&tab=navDetailManAward> (дата обращения: 26.04.2025).
4. Всесоюзная перепись населения 1939 года. Национальный состав населения районов, городов и крупных сёл РСФСР // Демоскоп Weekly. URL: https://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_nac_39_ra.php?reg=2494 (дата обращения: 28.04.2025).
5. Всесоюзная перепись населения 1939 года. Национальный состав населения по регионам России // Демоскоп Weekly. URL: https://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_nac_39.php?reg=75 (Дата обращения: 28.04.2025).
6. Вейцман Моисей Самуилович // Подвиг народа. URL: <https://podvignaroda.ru/?#id=46487873&tab=navDetailManAward> (дата обращения: 03.05.2025).
7. Висайтов Мавлид Алероевич // Подвиг народа. URL: <https://podvignaroda.ru/?#id=27262182&tab=navDetailManAward> (дата обращения: 03.05.2025).
8. Гайсуркаев Магомед Гайсуркаевич // Подвиг народа. URL: <https://podvignaroda.ru/?#id=21253551&tab=navDetailManAward> (дата обращения: 03.05.2025).
9. Курынин Владимир Матвеевич // Подвиг народа. URL: <https://podvignaroda.ru/?#id=17400867&tab=navDetailManAward> (дата обращения: 04.05.2025).
10. Михайлов Николай Матвеевич // Подвиг народа. URL: <https://podvignaroda.ru/?#id=150021713&tab=navDetailManAward> (дата обращения: 04.05.2025).
11. Мосаев Салаудин Татаевич // Подвиг народа. URL: <https://podvignaroda.ru/?#id=19346237&tab=navDetailManAward> (дата обращения: 04.05.2025).
12. Мусаев Махмуд Амерханович // Подвиг народа. URL: <https://podvignaroda.ru/?#id=1273793901&tab=navDetailManCard> (дата обращения: 05.05.2025).
13. Орден Красного Знамени // Подвиг народа. URL: https://podvignaroda.ru/?#tab=navDocuments_search (дата обращения: 07.05.2025).

14. Сайгадинов Хас-Магомед Сайгадинович // Подвиг народа. URL: <https://podvignaroda.ru/?#id=10178060&tab=navDetailManAward> (дата обращения: 07.05.2025).

15. Султыгов Ахмет Асманович // Подвиг народа. URL: <https://podvignaroda.ru/?#id=46543704&tab=navDetailManAward> (дата обращения: 07.05.2025).

16. Сундиев Владимир Михайлович // Подвиг народа. URL: <https://podvignaroda.ru/?#id=16437689&tab=navDetailManAward> (дата обращения: 07.05.2025).

17. Энгиноев Дуда Эдиевич // Подвиг народа. URL: <https://podvignaroda.ru/?#id=1111435718&tab=navDetailManCard> (дата обращения: 07.05.2025).

М.А. Васьков

УКРАИНСКИЕ НАЦИОНАЛИСТЫ В ВОЙНЕ ПРОТИВ АБХАЗИИ в 1990-х гг.: ПОЛИТИКО-ИДЕОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Всплеск этничности и политического радикализма в конце 1980-х – начале 1990-х гг. привел к появлению ультрарадикализма в виде участия представителей общества в вооруженных конфликтах постсоветского пространства в государствах, уроженцами либо гражданами которых комбатанты не являлись.

В контексте заявленной темы будет рассматриваться пример участия украинских националистов в агрессии Грузии против Республики Абхазии в 1992–1993 гг. и в 1997 г. В начале 1990-х гг. наиболее активной организацией, сфоформировавшей отряды готовых к участию в активных боевых действиях сторонников в украинском националистическом спектре, была Украинская национальная ассамблея – Украинская народная самооборона (УНА – УНСО)¹.

Изучение деятельности этой структуры важно для понимания тенденций эволюции современного украинского национализма и ряда аспектов, которые касаются системы международного взаимодействия на постсоветском пространстве в настоящее время. УНА – УНСО была основана 30 июня 1990 г. Ю.Р. Шухевичем, сыном украинского националиста Р.И. Шухевича, который, начиная с января 1944 г. и до его ликвидации 5 марта 1950 г., являлся

¹ Украинская организация «Украинская национальная ассамблея – Украинская народная самооборона» (УНА – УНСО) признана решением Верховного Суда Российской Федерации от 17.11.2014 экстремистской и запрещена на территории Российской Федерации.

главнокомандующим Организации украинских националистов – Украинской повстанческой армии (ОУН – УПА). Это подчеркивало прямую идейно-политическую преемственность и направленность данной организации на противодействие всему, что было связано с Советским Союзом, Российской Федерацией и теми государственными образованиями и политическими силами, которые так или иначе ассоциировались с интересами России. Важным является вопрос о соответствии добровольного желания воевать против российских интересов в любой географической точке, где это физически возможно сделать, государственной политике Украины после получения ею независимости.

Хронология событий показывает, что в отношении участия украинских националистов в боевых действиях против Абхазии и, как считали участники, опосредованно – против России, есть четкая связь с возникшим в 1993 г. конфликтом между российскими и украинскими властями по поводу раздела Черноморского военно-морского флота. Президент Украины Л.М. Кравчук показал в эпизоде с так называемой блокадой грузинских портов сторонниками свергнутого президента Грузии З.К. Гамсахурдия, что готов действовать без какой-либо координации с Россией, поставив ее президента Б.Н. Ельцина перед уже свершившимся фактом [6: 372]. Украинские власти были по меньшей мере информированы о намерениях представителей радикальной националистической организации участвовать в активных боевых действиях, понимая, что их идеологической основой является русофобия, а не желание так или иначе помочь Грузии, и не мешали осуществлению этих планов.

В интервью 1996 г. Д.А. Корчинский¹ особым образом охарактеризовал мотивы участия УНСО в боевых действиях на стороне Грузии. На заданный корреспондентом вопрос, «чем был обусловлен выбор грузинской стороны в случае конфликта в Абхазии? Дело в том, что большинство русских радикальных националистов сражалось именно на абхазской стороне...» [5], Д.А. Корчинский ответил: «Нам тяжело далось решение об участии на стороне Грузии, ибо мы знали, что с противоположной стороны воюют в основном славяне (абхазов там было задействовано мало). Но после агрессивного, абсолютно не дружественного решения Верховного Совета России о статусе Севастополя, после того, как конфликт в Крыму оказался реальным, мы решили, что в случае его возникновения Крым и Абхазия будут двумя фронтами одной войны» [5]. Д.А. Корчинский подчеркнул: «... в Крыму будут задействованы те самые военные части Северо-Кавказского военного округа, которые задействованы в Абхазии, российская часть Черноморского флота, принимавшая активное участие в военных действиях в Абхазии,

¹ Д.А. Корчинский включен Росфинмониторингом в список лиц, подозреваемых в причастности к террористической и экстремистской деятельности.

те же самые категории добровольцев, и поэтому чем меньший фронт мы хотели иметь в Крыму, тем больший фронт мы должны были создать на Кавказе» [5]. В заключение Корчинский отметил: «Таков был политический расчет, и он оказался, как показали последние события, не совсем верным. Именно поэтому мы ввели свои части в Грузию, но, к сожалению или к счастью, Бог его знает, Грузия оказалась неготовой принять и вооружить серьезное количество бойцов, и поэтому вся эта война пошла иным образом. Кроме того, был, видимо, и некоторый страх перед будущей ролью в специфических условиях кавказской войны пары боеспособных батальонов, могущих решать геополитические задачи» [5]. Достаточно показательная, по сути дела, оценка происходивших событий.

Для украинских националистов не существовало контекста борьбы народа Абхазии за свое политическое и физическое выживание. 21 февраля 1992 г. правящий Военный совет Грузии объявил о решении отменить советскую конституцию и восстановить конституцию, существовавшую в Грузинской Демократической Республике в 1921 г., согласно которой не предусматривалось никакого автономного статуса для Абхазии. Превращение Грузии в унитарное государство снимало практически все барьеры перед ассимиляцией абхазского народа и лишало его гарантий автономии, а учитывая характер происходивших процессов и состав грузинских силовых структур, речь шла о физическом уничтожении абхазского народа путем геноцида.

Для осмысления той идеологии и оценки, а также мыслей и стереотипов, с которыми пришли на абхазскую территорию украинские националисты, можно привести еще один фрагмент из воспоминаний полевого командира, непосредственно участвовавшего в боях на грузинской стороне, В.О. Бобровича (сотника Устима): «До войны численность населения Абхазии грузины оценивали в 600 тысяч человек, из них 320 тысяч грузин, 55 тысяч абхазов, почти 30 тысяч украинцев (я серьезно). Сейчас там проживает не больше 120 тысяч» [2]. Абхазский народ представлялся как пророссийская взбунтовавшаяся без каких-либо на это серьезных оснований группа, которая должна быть приведена к покорности Грузии, что в дальнейшем обеспечит основу для антироссийского альянса Украины и Грузии. В этом заключалась еще одна причина жестокости украинских националистов к бойцам абхазской армии, мирному населению. Фактически в этот период были сформированы основы модели поведения, которые впоследствии реализовывались в ходе первого этапа вооруженного конфликта на территории Чеченской Республики 1994–1996 гг. по отношению к военнослужащим вооруженных сил России и русскоязычному населению, а позднее, начиная уже с 2014 г., – по отношению к народу Донбасса.

С украинской стороны группа боевиков, направленная для участия в боевых действиях против Республики Абхазии, получила название «Арго».

Переброска украинских боевиков проходила небольшими группами в несколько этапов. Первая группа в составе 11 боевиков прибыла в Грузию 30 июня 1993 г., а с 1 июля боевики УНСО были направлены в захваченный в это время грузинской стороной г. Сухум и размещены в гостинице «Синоп». 12–13 июля 1997 г. прибыла вторая группа под руководством Д.А. Корчинского, де-факто возглавлявшего в этот период УНА – УНСО [3: 71–72]. Подразделение украинских националистов находилось в оперативном подчинении сухумского батальона морской пехоты вооруженных сил Грузии, которым командовал майор Вахтанг Килауридзе [2].

Украинские формирования принимали участие в нескольких боевых столкновениях, понеся определенные потери, из которых самыми крупными могут считаться бои за поселок Гумы (грузинское название – Шромы) [4]. Здесь нужно отметить интересный факт, что в вооруженных силах Абхазии в боях за этот населенный пункт отличился капитан милиции Пошкурлат Игорь Иванович, уроженец г. Луганска, награжденный за свой героизм орденом Леона. В статье С. Ахметова приводится еще несколько кратких биографических справок граждан Украины, которые участвовали в боевых действиях на стороне Республики Абхазии. Хотя многие были из регионов Юго-Востока Украины, отдельные добровольцы представляли Закарпатье и области Западной Украины [1]. Необходимо отметить, что данная тема требует специального изучения, но по доступным исследователям материалам, в частности, биографическим сведениям наградных документов абхазской стороны, можно говорить о том, что Республика Абхазия располагала значительно большим количеством добровольцев, воевавших на ее стороне из числа граждан Украины, чем Грузия. Но если отряд УНСО «Арго» действовал как обособленная группа, имеющая четкую идентичность как украинское подразделение и партийно-политическую принадлежность, то добровольцы, воевавшие на стороне Абхазии, выполняли свой долг в различных подразделениях, не ставили перед собой задач по формированию политического эффекта и информационной повестки.

Всего за участие в боевых действиях на стороне Грузии против Абхазии были награждены орденом Вахтанга Горгасали II степени 5 человек, причем все посмертно, орденом III степени – 22 человека.

Украинские националисты в силу своих возможностей принимали участие в конфликтах последующих периодов, в частности, уже в начале лета 1997 г. проводились переговоры об отправке группы боевиков УНСО на абхазско-грузинскую границу для участия в планировавшихся командованием грузинской пограничной службой действий против Абхазии, для чего УНСО предлагалось сформировать отдельный отряд для лесных работ. Проникновение в Абхазию осуществлялось через так называемый Ходжальский перевал [2]. В задачи входила диверсионная деятельность

против абхазских силовиков и российских миротворцев, различного рода спецоперации и провокационная деятельность на территории Республики Абхазии. Также боевики УНСО приписывали себе установление контроля над рядом небольших территорий в Кодорском ущелье, в районе с. Ган-Мухури, что в воспоминаниях украинских националистов получило название «Ган-Мухурский куринат» [3: 99].

Пребывание боевиков УНСО на территории приграничных с Грузией районов Абхазии и собственно территории Грузии закончилось после ареста 9 марта 2021 г. за организацию массовых беспорядков в Киеве в рамках кампании «Украина без Кучмы» практически всего руководства УНА – УНСО. После этого оставшиеся в Кавказском регионе группы УНСО были отозваны на Украину.

Изучаемые исторические события позволяют увидеть определенные политико-идеологические аспекты, сохраняющие свою актуальность и при реализации современных политических процессов в макрорегионе.

1. В ходе Отечественной войны народа Абхазии 1992–1993 гг. граждане Украины оказались в состоянии прямого вооруженного противостояния, в основе которого лежали идейно-политические причины.

2. Участие в войне Грузии против Абхазии 1992–1993 гг. и в первом этапе вооруженного конфликта на территории Чеченской Республики 1994–1996 гг. украинских националистов заложило поведенческие и идеологические модели системного противостояния реальным или предполагаемым российским интересам. Также в это время была заложена модель восприятия участников подобных конфликтов в соответствии с этим действиями.

3. Именно в данных конфликтах начала 1990-х гг. сформирована одна из важнейших идеологических основ участия представителей Грузии в боевых действиях на стороне Украины как против вооруженных сил и гражданского населения Донбасса с 2014 г. по 2022 г., так и против Вооруженных сил Российской Федерации и гражданского населения с начала специальной военной операции. Сюда относятся и действия представителей Грузии, и совершенные ими военные преступления в период вторжения украинских формирований в Курскую область.

4. Представители современных украинских террористических организаций, в частности, входящих в террористическое сообщество «Азов»¹, а ранее – практически всего спектра украинских националистических организаций, идеологически являются преемниками УНА – УНСО даже несмотря на некоторые отдельные разногласия.

¹ Структуры, входящие в украинское военизированное сообщество «Азов», являются запрещенными на территории Российской Федерации террористическими и экстремистскими организациями.

Источники и литература

1. Ахматов С. «Дошел до Ингура...». Добровольцы с Украины в «грузино-абхазском конфликте» // Столетие: информационно-аналитическое издание фонда исторической перспективы. URL: clck.ru/3Ni8B5 (дата обращения: 05.06.2025).
2. Бобрович В.О. Дневник сотника Устима. URL: clck.ru/3Ni8Bn (дата обращения: 07.06.2025).
3. Кравченко М.С. Українська аргонавтика: закордонна діяльність УНА – УНСО (1991–2001 рр.). Київ, 2017.
4. Мазур Ігор (Тополя). Спогади про війни УНСО. Бандерштат-2011 / Олена Білозерська, 16 серпня 2011 р. // YouTube. Режим доступа: URL: clck.ru/3Ni8DQ (дата обращения: 07.06.2025).
5. Международное Евразийское Движение – Украина на постсоветском пространстве. Интервью лидера «Братства»¹ Дмитрия Корчинского, 1996 г. URL: <http://med.org.ru/article/1662> (дата обращения: 07.06.2025).
6. Шеварднадзе Э.А. Когда рухнул железный занавес: встречи и воспоминания / пер. с нем. Г. Леоновой. М., 2009.

И.А. Коробкина

МИССИЯ ПО НАБЛЮДЕНИЮ ООН В ГРУЗИИ: УЧАСТИЕ МИРОТВОРЦЕВ В УРЕГУЛИРОВАНИИ ГРУЗИНО-АБХАЗСКОГО КОНФЛИКТА

Миссия по наблюдению ООН в Грузии (далее – МООННГ) была учреждена в июне 1993 г. и действовала по октябрь 2009 г. Главная причина развертывания МООННГ – эскалация грузино-абхазского этнополитического конфликта. Соглашение от 3 сентября 1992 г. между представителями Абхазии, Грузии и России, в котором предусматривалось обеспечение территориальной целостности Грузии, прекращение огня, разоружение, недопущение в Абхазию незаконных вооруженных формирований, обмен задержанных пленных по принципу «всех на всех», запрет терактов и захват заложников, транспортная безопасность [7], практически не было выполнено.

К процессу дипломатического урегулирования подключилась ООН, проведя предварительные консультации для обеспечения конструктивной координации деятельности с Организацией по безопасности и сотрудничеству в Европе (ОБСЕ). В ноябре 1992 г. ООН открыла свое представительство

¹ Украинская организация «Братство» признана решением Верховного Суда Российской Федерации от 17.11.2014 экстремистской и запрещена на территории Российской Федерации.

ство в Тбилиси. В мае 1993 г. Генеральный секретарь ООН Бутрос Гали назначил представителя Швейцарии Эдуарда Бруннера своим специальным посланником в Грузии. 24 августа 1993 г. Совет Безопасности (далее – СБ) ООН принял резолюцию № 858 о создании миротворческой МООННГ [10]. Первоначально МООННГ состояла из 88 миротворцев – как военных наблюдателей, так и гражданского персонала. По мандату миротворцы должны были отслеживать выполнение Соглашения о прекращении огня от 27 июля 1993 г. между представителями правительства Грузии и властей Абхазии. Особое внимание миротворцам необходимо было уделить положению в Сухуме, о любых нарушениях они обязаны были представлять доклады генеральному секретарю ООН.

Однако первоначальный мандат МООННГ, в связи с эскалацией конфликта осенью 1993 г., свою силу утратил. В резолюции СБ ООН № 881 МООННГ получила временный мандат [11]. В соответствии с ним миротворцы должны были поддерживать контакты, с одной стороны, с представителями Грузии и Абхазии, а с другой – с представителями Вооруженных сил Российской Федерации, которые к этому времени уже получили статус миротворцев Содружества Независимых Государств (далее – СНГ). Одной из главных задач временной миссии было содействие урегулированию грузино-абхазского конфликта политико-дипломатическими средствами [2].

В мае 1994 г. в Москве состоялась встреча представителей Абхазии и Грузии, посредником которой стала Российская Федерация. Во встрече также принял участие Эдуард Бруннер. Результатом стало подписание Соглашения о прекращении огня и разъединении сил [1]. Помимо прекращения боевых действий, в Соглашении предусматривалось размещение в зоне грузино-абхазского конфликта коллективных сил по поддержанию мира СНГ (далее – КСПМ), в задачи которых входило поддержание режима невозобновления боевых действий, а также тесное взаимодействие с персоналом временной миссии МООННГ и другими представителями ООН [5]. Миротворцы ООН отзывались о сотрудничестве с миротворцами СНГ как «о весьма тесном» [9: 40].

После подписания Московского соглашения СБ ООН принял резолюцию № 937, согласно которой расширялись мандат МООННГ и численность военных наблюдателей – до 136 человек. В новый мандат МООННГ было включено контролирование выполнения и соблюдения трехстороннего Соглашения 1994 г., наблюдение за КСПМ. Представители МООННГ также должны были контролировать соблюдение режима безопасности вооруженными силами и наличие тяжелой боевой техники как в зоне, так и вне зоны безопасности совместно с КСПМ. Предполагалось совместное наблюдение и контроль за выводом грузинских войск в Грузию из Кодорского ущелья. Совместное регулярное патрулирование МООННГ и КСПМ предполагалось

в Кодорском ущелье. Миротворцы должны были расследовать любые случаи нарушения Московского соглашения 1994 г. и регулярно представлять доклады о них и их расследовании Генеральному секретарю ООН. Также сотрудники МООННГ оказывали содействие возвращению беженцев и перемещенных лиц, сотрудничали со сторонами конфликта и КСПМ [12].

Штаб-квартира МООННГ располагалась в г. Сухуме. Ее возглавил бельгийский дипломат Эдуард Бруннер (до 1997 г., затем румынский дипломат Ливиу Бота), он также являлся и специальным представителем Бутроса Бутроса-Гали. Его заместителем был назначен Джозеф Стефанидес (Кипр). Пост главного военного наблюдателя получил генерал-майор Анвар Хусейн (Бангладеш). Старшим советником по вопросам полиции стал Алексей Теличкин (Украина) [3]. В дальнейшем МООННГ возглавляли представители Германии, Швейцарии, Франции и Бельгии: Дитер Боден, Хейди Тальявини, Жан Арно, Йохан Вербеке. Наиболее активным в деятельности МООННГ считается период с 2006 по 2008 г. Тогда МООННГ возглавлял французский дипломат Жан Арно. Именно под его руководством в Женеве состоялся ряд встреч для поиска компромиссного разрешения грузино-абхазского конфликта. К сожалению, усилия МООННГ в Женеве успехом не увенчались.

Мандат МООННГ продлевался СБ ООН после представления доклада генерального секретаря ООН о ситуации в зоне грузино-абхазского конфликта (ход переговорного процесса, положение в зоне конфликта) каждые полгода.

В созданную в 1994 г. Группу друзей Генерального секретаря ООН по Грузии (далее – ГДГ) вошли представители России, США, Германии, Великобритании и Франции [1]. Приоритетным направлением деятельности ГДГ являлось содействие политическому диалогу между Абхазией и Грузией, консультирование генерального секретаря ООН по вопросам урегулирования грузино-абхазского конфликта. Представители ГДГ проводили регулярные встречи в рамках женевского процесса, выступали с совместными инициативами и заявлениями по грузино-абхазскому вопросу, встречались с президентами Грузии и Республики Абхазии – Михаилом Саакашвили и Сергеем Багапшем, кроме того, с министрами иностранных дел Грузии и Республики Абхазии, занимались гуманитарными вопросами, в частности, проблемой беженцев.

В 1996 г. структура МООННГ расширилась – было создано Отделение ООН по защите и поощрению прав человека в Абхазии и Грузии [13] с целью информирования Верховного комиссара по правам человека ООН. Доклады представлялись главой МООННГ. В отделение входили представители ООН (Управления Верховного комиссара ООН по правам человека (далее – УВКПЧ)) и ОБСЕ.

С 2003 г. в структуре МООННГ появились гражданские полицейские с целью оказания помощи местным правоохранительным органам по обес-

печению безопасности и борьбе с преступностью. Предполагалось, что полицейские будут располагаться как в Грузии, так и в Абхазии. В реальности Абхазия не согласилась на их направление в Гальский район [4].

8 августа 2008 г. Грузия вероломно напала на российских миротворцев в Южной Осетии, причем аналогичные планы существовали и в отношении Абхазии [6: 246]. После разгрома грузинской армии, Абхазия и Южная Осетия объявили о независимости. Затем последовало признание республик Российской Федерацией.

Мандат МООННГ последний раз продлевался 13 февраля 2009 г. При этом она уже называлась просто «Миссия ООН» – из названия исчезла Грузия. В СБ ООН предлагали продлить Мандат МООННГ и после февраля 2009 г. Представители США, Великобритании и Франции предложили включить в резолюцию № 1808 пункт о территориальной целостности Грузии [6: 246]. Наличие этого пункта означало признание, по сути, незаконными провозглашение независимости республик Абхазии и Южной Осетии. Допустить этого Российская Федерация не могла, так как 28 августа 2008 г. признала де-юре Республику Абхазию и Республику Южную Осетию. 15 июня 2009 г. Миссия МООННГ прекратила свое фактическое существование. Главная причина – споры вокруг пункта о территориальной целостности Грузии, который содержался в проекте резолюции СБ ООН № 1808 [8]. При голосовании 15 июня 2009 г. Российская Федерация воспользовалась правом вето.

На момент прекращения деятельности МООННГ в ее составе находились 145 военнослужащих (131 военный наблюдатель и 14 полицейских). 93 человека представляли международный гражданский персонал, 201 – местный гражданский персонал, и еще 2 были добровольцами ООН [4]. Военные наблюдатели представляли 30 стран Европы, Африки, Юго-Восточной Азии, Северной и Латинской Америки. Полицейский контингент был представлен восемью государствами: Ганой, Германией, Польшей, Россией, Филиппинами, Чехией, Швецией и Швейцарией. За время существования МООННГ погибло 6 военных, 2 военных наблюдателя, 1 представитель международного гражданского персонала и 2 представителя местного гражданского персонала [4].

Основную угрозу для сотрудников МООННГ представляла криминогенная обстановка в зоне конфликта, а также низкая эффективность работы местных правоохранительных органов (особенно в южной части Гальского района и северной части Кодорского ущелья). Миротворцев брали в заложники, в плен, ограничивали их передвижение, совершались вооруженные нападения при патрулировании, вооруженные ограбления их квартир. 23 мая 1993 г. в Гумистинском районе был сбит вертолет МООННГ. Погибли 4 военных наблюдателя, 2 представителя местного гражданского персонала и 3 члена экипажа.

Подводя итоги, следует отметить, что деятельность МООННГ на Южном Кавказе не привела к мирному, политико-дипломатическому разрешению конфликта. Одна из главных причин – невозможность решить данную проблему на уровне СБ ООН, так как кардинально отличались интересы его постоянных членов по вопросам признания территориальной целостности Грузии, признания права на самоопределение Абхазии и Южной Осетии, интересов России в Закавказье, интересов внерегиональных акторов на Южном Кавказе. Сюда же можно добавить и ограниченные возможности ООН в миротворческой деятельности. Опыт МООННГ также показал, что и многолетнее присутствие миротворческих структур не дает гарантии урегулирования конфликтов, когда отсутствует консенсус среди постоянных членов СБ ООН и реальная готовность сторон конфликта к компромиссным решениям.

Вместе с тем следует отметить и ряд положительных моментов. Опыт взаимодействия миротворцев ООН в рамках МООННГ и миротворцев СНГ (КСПМ) в зоне грузино-абхазского конфликта можно однозначно назвать положительным примером разрешения конфликтных ситуаций совместными усилиями миротворческих сил ООН и миротворческих сил региональных международных организаций. В данном случае – ООН и СНГ. Взаимный контроль и сотрудничество повысили прозрачность, ограничили односторонность действий миротворцев, способствовали безопасности местных жителей в зонах совместного патрулирования, хотя и не снизили в целом уровень преступности в зоне конфликта. Следует также отметить и гуманитарную деятельность МООННГ – помощь местному населению, содействие в возвращении беженцев и вынужденных переселенцев, проблемы добровольной репатриации, хотя и не всегда пропорциональной, особенно в первые годы работы (до 1996 г.), что привело к обратному эффекту в Абхазии.

Источники и литература

1. Грузино-абхазское урегулирование // Министерство иностранных дел Российской Федерации [сайт]. URL: https://mid.ru/ru/foreign_policy/international_safety/1686988/ (дата обращения: 19.05.2025).
2. Грузия – МООННГ. Мандат // Организация Объединенных Наций [сайт]. URL: <https://www.un.org/ru/events/missions/past/unomig/unmigmandat.htm> (дата обращения: 19.05.2025).
3. Грузия – МООННГ. Основные сведения // Организация Объединенных Наций [сайт]. URL: <https://www.un.org/ru/events/missions/past/unomig/unomigfacts.htm> (дата обращения: 19.05.2025).
4. Грузия – МООННГ. Справочная информация // Организация Объединенных Наций [сайт]. URL: <https://www.un.org/ru/events/missions/past/unomig/unomigbackgr.htm> (дата обращения: 19.05.2025).

5. Дудин П.В. Миротворческая операция в Абхазии (1994 –2008 гг.): основные задачи Коллективных сил по поддержанию мира в зоне международного конфликта // Вестник Военного университета. 2009. № 4 (20).

6. Заемский В.Ф. ООН и миротворчество: курс лекций. М., 2022.

7. Итоговый документ Московской встречи 3 сентября 1992 г. // Региональные конфликты в Грузии – Юго-Осетинская автономная область, Абхазская АССР (1989–2001). Сборник политико-правовых актов. URL: <https://www.allgeo.org/index.php/ru/876-1989-2001-1> (дата обращения: 15.03.2025).

8. Колобов О.А., Коротышев А.П., Минаев Н.А. Участие Организации Объединенных Наций в постконфликтном урегулировании в Абхазии и Южной Осетии: оценки эффективности // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2011. № 5 (1). С 255–259.

9. Маркедонов С. Турбулентная Евразия. М., 2010.

10. Резолюция Совета Безопасности ООН № 858 (1993) от 24.08.1993 г. // Организация Объединенных Наций [сайт]. URL: [https://docs.un.org/ru/S/RES/858\(1993\)](https://docs.un.org/ru/S/RES/858(1993)) (дата обращения: 15.03.2025).

11. Резолюция Совета Безопасности ООН № 881 (1993) от 04.11.1993 г. // Организация Объединенных Наций [сайт]. URL: [https://docs.un.org/ru/S/RES/881\(1993\)](https://docs.un.org/ru/S/RES/881(1993)) (дата обращения: 26.05.2025).

12. Резолюция Совета Безопасности ООН № 937 (1994) от 21.06.1994 г. // Организация Объединенных Наций [сайт]. URL: [https://docs.un.org/ru/S/RES/937\(1994\)](https://docs.un.org/ru/S/RES/937(1994)) (дата обращения: 16.05.2025).

13. Резолюция Совета Безопасности ООН № 1077 (1996) от 22.10.1996 г. // Организация Объединенных Наций [сайт]. URL: [https://docs.un.org/ru/S/RES/1077\(1996\)](https://docs.un.org/ru/S/RES/1077(1996)) (дата обращения: 19.05.2025).

А.К. Дудайти, Ж.Д. Тарханова

ИНФОРМАЦИОННЫЕ ВОЙНЫ И КОНФЛИКТОГЕНЕЗ НА КАВКАЗЕ: РОЛЬ МЕДИА В ЭСКАЛАЦИИ И ДЕЭСКАЛАЦИИ НАСИЛИЯ

Информационное пространство Кавказа на протяжении последних десятилетий стало ареной ожесточенной борьбы не только за интерпретацию событий, но и за умы населения. Эта борьба ведется как между локальными политическими и этноконфессиональными группами, так и между внешними акторами, заинтересованными в перераспределении влияния в этом стратегически важном регионе. Информационные кампании сопровождают практически каждый политический кризис, каждую военную операцию,

каждую попытку реформ или протестное движение. Этнополитические конфликты, религиозное напряжение, борьба за ресурсы и влияние, а также вмешательство глобальных и региональных игроков породили масштабные, зачастую координированные кампании информационного давления [3].

Как подчеркивает А.А. Ярлыкапов, идеологическое измерение информационного противоборства стало особенно заметным после активного вовлечения радикальных исламских группировок в медийное поле [9: 116]. Эти группы не только формировали собственную повестку, но и адаптировались к новым коммуникационным форматам, создавая привлекательные и яркие медиапродукты, особенно ориентированные на молодежь. Таким образом, медиа становятся не просто каналом передачи информации, а ареной символической борьбы, где столкновение мировоззрений происходит с особой интенсивностью и глубиной.

Современное состояние медиасреды характеризуется размытостью границ между традиционными источниками (телевидение, радио, пресса) и новыми медиа (социальные сети, мессенджеры, платформы потокового контента). В этих условиях формирование общественного мнения всё чаще происходит не напрямую через новости или аналитические материалы, а через алгоритмически сформированные ленты рекомендаций, основанные на предыдущей активности пользователя. Это усиливает эффект «информационного пузыря» и способствует поляризации взглядов, так как потребители всё чаще получают лишь те данные, которые подтверждают их существующие убеждения.

Медиафрагментация в сочетании с цифровой трансформацией коммуникации формирует принципиально новое информационное поле. В нём официальные, полугосударственные и частные медиаструктуры, а также независимые блогеры и телеграм-каналы оказываются в условиях жесткой конкуренции за доверие и внимание аудитории. Особенно актуально это для Кавказа, где степень доверия к традиционным институтам, включая СМИ, остается нестабильной и контекстуально зависимой [5].

Еще в советский период подходы к освещению кавказской проблематики в центральной и региональной прессе жестко регламентировались партийной линией. Информация подавалась в соответствии с идеологическими установками, отражая стремление центра к интеграции и управлению многонациональным пространством. Однако даже тогда существовали различия в тональности публикаций: если в центральной прессе регион представлялся как часть многонациональной семьи народов СССР, то в республиканских и местных изданиях допускалась большая детализация и нюансировка локальных реалий.

Сегодняшние реалии существенно изменились. Как подчеркивает Л.С. Гагагова, современные конфликты на Кавказе всё чаще интерпретируются

сквозь призму исторических обид, коллективных травм, мифов и нарративов, активно транслируемых через медиа [2]. При этом отдельные локальные эпизоды, будь то бытовой конфликт, столкновение на этнической почве или проявление ксенофобии, получают не только региональный, но и международный резонанс. Глобальная огласка, особенно при недостаточной проверке фактов, способна многократно усиливать напряжение между этносоциальными группами, провоцировать ответные реакции, искажение фактов и цепные волны взаимных обвинений.

Таким образом, современное информационное пространство Кавказа функционирует как сложная, многослойная и зачастую конфликтогенная среда, в которой борьба идет не только за интерпретацию реальности, но и за конструирование самой реальности, за право определять, что считать истиной, а что – фальсификацией.

Современные вооруженные конфликты на Кавказе нередко сопровождаются тщательно спланированными информационными кампаниями, цель которых – не столько информировать, сколько сформировать у аудитории устойчивое, зачастую предвзятое представление о происходящих событиях, их участниках и мотивации сторон. Эти кампании ведутся как в рамках официальных государственных каналов, так и с использованием неформальных медиаинструментов, включая социальные сети, телеграм-каналы, видеохостинги и блоги. Особую активность в этом направлении проявляют не только непосредственно вовлеченные стороны конфликта, но и внешние акторы, стремящиеся через информационные рычаги повлиять на ход конфронтации, результаты переговоров или восприятие международным сообществом.

СМИ в этом контексте превращаются в эффективный инструмент политической мобилизации. Новостной нарратив, выстраиваемый под влиянием заинтересованных структур, зачастую оперирует бинарными оппозициями: «свои» и «чужие», «герои» и «террористы», «цивилизация» и «варварство». Это создает удобную рамку интерпретации, в которой любые действия «своих» априори оправданны, а действия противников автоматически представляются как преступные, аморальные или угрожающие стабильности. Как подчеркивает П.А. Корнилов, образ войны в медийном поле приобретает самостоятельную функцию – он становится не просто способом репрезентации событий, но инструментом легитимации радикальных политических решений, включая применение силы, репрессии и ограничение прав и свобод [6: 102].

Одной из распространенных стратегий становится героизация «наших» и демонизация «других». Эти процессы сопровождаются визуализацией страданий «жертв» с одной стороны и акцентами на жестокости или якобы бесчеловечности противоположной стороны. Подобные подходы повышают уровень эмоциональной вовлеченности потребителей информации, но при

этом существенно снижают способность к критическому анализу. Как показывает А. Плутцер-Сарно, язык таких публикаций насыщен эмоционально нагруженной лексикой, используются прием повторения, метафоры войны, апокалипсиса и угрозы – всё это способствует трансформации восприятия конфликта из политического события в экзистенциальную драму [7: 5].

Особую роль в усилении информационного противостояния играют интернет-пространство и особенно социальные сети. Их децентрализованная структура, отсутствие верификации контента и скорость распространения позволяют практически любому пользователю становиться не только потребителем, но производителем и распространителем информации. Это радикально меняет архитектуру информационного конфликта: теперь он не исчерпывается массивами информации сверху, а воспроизводится горизонтально – от пользователя к пользователю, минуя профессиональные редакции и проверку фактов. Г.В. Смыр справедливо подчеркивает, что именно в социальных сетях, мессенджерах и групповых чатах возникают очаги паники, недоверия, слухов и фрагментарного понимания происходящего, приводящие к эмоциональной дестабилизации целых сообществ [8].

Дополнительную сложность представляет собой феномен «вовлеченного потребителя», который, будучи частью локального или этнического сообщества, не только воспринимает информацию, но и активно участвует в ее интерпретации и распространении. Современный пользователь социальных сетей всё чаще выступает в роли агента медиараспространения: он пересылает материалы, участвует в комментариях и обсуждениях, создает мемы и содействует цифровому активизму. Это делает его не пассивным свидетелем, а частью информационного конфликта, носителем определенных нарративов и убеждений. В таких условиях резко снижается вероятность нейтрального, рационального восприятия происходящего, поскольку каждый акт коммуникации окрашен идеологически, эмоционально и культурно.

Таким образом, новые медиа – это не только технологическая платформа для передачи информации, но и полноценный актор современной информационной войны. Они влияют на повестку, трансформируют формы участия в конфликте, размывают границы между мирным временем и военным, между личным и политическим. В отличие от традиционных медиа, которые действовали в логике иерархии и одностороннего вещания, цифровые платформы предполагают многоканальность, децентрализацию и сетеобразование, а это делает информационную войну более труднопредсказуемой, затяжной и устойчивой к внешнему регулированию. Понимание этой трансформации является ключевым для анализа современного конфликтогенеза на Кавказе и разработки стратегий мирного урегулирования.

Несмотря на выраженные конфликтогенные особенности современного информационного пространства Кавказа, медиа обладают не только

деструктивным, но и значительным конструктивным потенциалом, способным выступать в качестве инструмента деэскалации, стабилизации и даже примирения. Медиа могут не только усиливать напряженность, но и смягчать ее, изменяя язык и содержание публичной дискуссии, способствуя восстановлению диалога между сторонами и снижению уровня насилия. При этом ключевым фактором становится трансформация редакционной политики – от сенсационализма и конфронтации к внедрению стандартов журналистской объективности, взвешенности, баланса мнений и фактической точности.

О.В. Иванников подчеркивает, что информационная открытость, предоставление доступа к разным точкам зрения, отказ от манипулятивных форматов и эмоционального давления на аудиторию могут существенно снизить уровень напряженности в обществе [4: 117]. Когда медиа не занимают однозначную сторону конфликта, а стремятся представить ситуацию в ее сложности и неоднозначности, это позволяет аудитории развивать критическое мышление и отказываться от его бинарных схем. Это особенно важно на Кавказе, где значительная часть конфликтов строится на исторически укоренившихся обидах, мифах и эмоциональных нарративах.

В условиях растущего общественного запроса на независимую аналитику, качественную экспертизу и неполитизированный подход к освещению конфликтных тем всё большую роль начинают играть гражданские, общественные и международные медиапроекты. Эти инициативы нередко создаются на базе неправительственных организаций, университетов или в рамках международного сотрудничества и ориентированы на долгосрочные цели – восстановление доверия, развитие диалоговых платформ, переосмысление травматического опыта. Исследования Л. Броерса свидетельствуют о том, что даже в условиях замороженных или активных конфликтов возможно выстраивание форматов публичной коммуникации, основанных на принципах признания коллективной травмы, взаимного уважения, сопереживания и честного описания конфликтной реальности [10: 203].

Одним из наиболее перспективных направлений становится практика «совместной журналистики» (co-journalism), в рамках которой представители конфликтующих сообществ работают над созданием общего медиапродукта. Это могут быть совместные документальные фильмы, репортажи, подкасты или мультимедийные проекты, в которых представлены мнения и переживания обеих сторон. Такие форматы, несмотря на сложность их организации, уже демонстрируют положительные результаты: снижается градус агрессии в риторике, появляется уважение к позиции оппонента, актуализируются темы поиска взаимоприемлемых решений. Как отмечают исследователи, медиа, способные выступать посредниками, не только меняют восприятие конфликта у аудитории, но и трансформируют саму

его динамику, внося элементы гуманизации и рационализации в эмоционально перегретое поле [1].

Отдельное стратегическое значение приобретает развитие медиаграмотности как основы устойчивости общества к деструктивным информационным воздействиям. Введение медиакурсов в образовательные учреждения Северного Кавказа, особенно в школах и университетах, направлено на формирование навыков критического мышления, умения различать достоверные и фейковые источники, распознавать манипуляции и устойчиво воспринимать сложную и противоречивую информацию. Подобные программы реализуются как при поддержке региональных министерств образования, так и в рамках международных проектов. Важно, чтобы данные инициативы охватывали не только учащихся, но и широкие слои взрослого населения, включая журналистов, госслужащих, представителей некоммерческих организаций и местных сообществ.

Государственная поддержка, партнерство с некоммерческими организациями, а также привлечение международных доноров и экспертных групп – всё это необходимо для обеспечения устойчивости таких программ. Без системной поддержки медиаграмотности общество остается уязвимым перед лицом информационных атак, а сами медиа – заложниками политических манипуляций.

Следовательно, деэскалационная функция медиа заключается не только в информировании о происходящем, но и в моделировании нового типа социального поведения. Через выстраивание диалоговых форматов, снижение уровня поляризации, распространение миротворческих ценностей и акцент на общечеловеческих аспектах, медиа способны не только снижать риск эскалации, но и способствовать трансформации конфликтных отношений в сторону конструктивного взаимодействия. Без развития этой функции невозможно устойчивое разрешение ни одного из затяжных кавказских конфликтов.

Информационные войны на Кавказе представляют собой сложное многослойное явление, где пересекаются интересы местных элит, внешнеполитических акторов и глобальных медиаплатформ. Они формируют не только восприятие конфликтов, но и сами политические сценарии, влияя на продолжительность насилия и перспективы мирного урегулирования.

С одной стороны, современные медиа при отсутствии редакционной независимости и низком уровне профессиональной культуры способны только усиливать разделение и недоверие. Манипуляции, упрощенные образы врага, акцент на сенсациях – всё это усугубляет и без того напряженную ситуацию. С другой стороны, медиа могут выполнять примиряющую функцию, если они нацелены на развитие конструктивного дискурса, уважение к различию и поддержку диалога.

Будущее региональной безопасности на Кавказе зависит от того, насколько эффективно будут использованы медиаресурсы не только в интересах политической стабильности, но и в целях общественного согласия. Это требует участия журналистского сообщества, научных кругов, органов власти и самих граждан.

Только при условии формирования устойчивой культуры медиапотребления, развития медиаграмотности и поддержания профессиональных стандартов в СМИ возможно противодействие деструктивному воздействию информационных кампаний. В этом заключается не только академический интерес, но и практическая необходимость для построения мирного будущего на Кавказе.

Источники и литература

1. Авксентьев В.А., Аксумов Б.В., Гриценко Г.Д. Массмедиа и этнический дискурс на Северном Кавказе: политизация или деполитизация? // Общество: политика, экономика, право. 2020. № 11 (88). С. 12–20.
2. Гатагова Л.С. Кавказ после Кавказской войны: этноконфликтный аспект // Вестник Института цивилизации. 2000. № 3. С. 108–117.
3. Губарев А.Б. Информационные войны как объект политологического исследования: дис. ... канд. полит. наук. Уссурийск, 2005.
4. Иванников О.В. Комплексный характер информационной войны на Кавказе: социально-философские аспекты: дис. ... канд. филос. наук. Ростов н/Д., 2008.
5. Кисриев Э.Ф. Ислам и власть в Дагестане. М., 2004.
6. Корнилов П.А. Трансформация образа войны на Кавказе в современных российских СМИ // Власть. 2010. № 1. С. 100–103.
7. Плущер-Сарно А. Языковые основы информационной войны на Кавказе // Логос: Философско-литературный журнал. 1999. № 8 (18). С. 4–7.
8. Смыр Г.В. Научное исследование этнополитических проблем на Кавказе // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2012. № 2 (16). Ч. 1. С. 219–223.
9. Ярлыкапов А.А. Ислам и конфликт на современном Северном Кавказе // Кавказ и глобализация. 2012. Т. 6. № 3. С. 115–128.
10. Broers L. Armenia and Azerbaijan: Anatomy of a Rivalry. Edinburgh, 2019.

РАЗДЕЛ 6

Проблемы исторической памяти и идентичности

Е.М. Горюшина

МЕЖДУ НАСЛЕДИЕМ ИМПЕРИЙ И СОВРЕМЕННОЙ ПОЛИТИКОЙ ПАМЯТИ: СОПЕРНИЧЕСТВО ЗА КАВКАЗ

Южный Кавказ, расположенный на стыке Европы и Азии, на протяжении многих веков являлся объектом стратегического интереса крупнейших империй – Российской, Османской и Персидской. Борьба за контроль над регионом не только определяла политические границы и этнодемографическую структуру, но и создавала сложный пласт коллективной памяти, который сегодня используется в целях легитимации политических амбиций и формирования региональной идентичности. В настоящее время Россия, Турция и Иран [1] активно применяют политику памяти как инструмент геополитического влияния, выстраивая нарративы, которые трансформируют историческую память в фактор современного соперничества.

Исторический контекст и его роль в формировании памяти. Россия начала свое продвижение на Кавказ еще в XVIII в., а закрепление позиций произошло после русско-персидских войн и заключения Гюлистанского (1813 г.) и Туркманчайского (1828 г.) договоров, которые существенно изменили баланс сил в пользу России, ликвидировав иранское влияние на значительные территории региона. Русско-турецкие войны XIX в. (1828–1829 гг., 1877–1878 гг.) завершили постепенное вытеснение Османской империи с Кавказа. Массовые переселения и административные реформы, проведенные Российской империей, радикально изменили демографическую картину региона и заложили основу для дальнейших этнополитических конфликтов.

Советская эпоха внесла новые изменения: при всей идеологической направленности на интернационализм советская политика включала механизмы контроля над национальными идентичностями через секуляризацию и подавление религиозных институтов. Карсский договор 1921 г. зафиксировал границы между Турцией и СССР, но культурные и религиозные связи народов Кавказа с Турцией и Ираном сохранялись и продолжали влиять на региональную динамику.

Распад СССР открыл Южный Кавказ для новых политических и культурных воздействий. Турция активизировала свои усилия через культурные проекты, экономическое сотрудничество и инфраструктурные инициативы, такие как Трансанатолийский газопровод (TANAP) и железнодорожная линия Баку – Тбилиси – Карс, что позволило Анкаре существенно усилить свое влияние в регионе. Россия в свою очередь стремится удержать доминирование через военное присутствие, интеграционные экономические проекты и участие в организациях коллективной безопасности. Иран, обладая исторической связью с региональными шиитскими сообществами, развивает религиозно-культурные инициативы и образовательные программы, используя мягкую силу для укрепления позиций.

Политика памяти как ключевой инструмент влияния. Политика памяти стала важнейшим полем борьбы за легитимацию национальных и геополитических интересов. Россия активно конструирует нарратив «цивилизационной миссии» [3], преподнося Кавказ как территорию, освобожденную от турецко-персидского владычества. Это отражается в школьных программах, тематике государственных музеев (например, музеев «Историческая миссия России на Кавказе» в Дербенте) и массовой культуре.

Турция использует неоосманские и пантюркистские идеи для утверждения концепции «тюркского мира», где Кавказ занимает центральное место как историческая и культурная территория. Активизация после Второй карабахской войны и проекты восстановления османского наследия подкрепляются риторикой о единстве тюркских народов, что выражено в таких инициативах, как конференция «Общие тюркские корни Кавказа».

Иран строит свои политико-культурные стратегии на концепте «утраченных территорий» и духовной связи с Кавказом как частью иранской цивилизации. Форум «Кавказ в иранской цивилизации» 2023 г. и планируемое открытие памятника персидскому наследию в Тегеране свидетельствуют о стремлении закрепить свое влияние через культурные и религиозные инициативы, ориентированные на шиитские общины.

Религия на Южном Кавказе – один из ключевых факторов, формирующих коллективную память и идентичность. На этом перекрестке культур и цивилизаций взаимодействуют и соперничают различные конфессиональные традиции: прежде всего православие, суннизм и шиизм. Для России,

Турции и Ирана религиозная политика памяти стала неотъемлемой частью стратегий внешнего влияния и внутреннего управления, где религия играет двойственную роль – объединяющего фактора и средства геополитического соперничества.

Россия: православие, светскость и межконфессиональный баланс. Россия традиционно позиционирует себя как защитницу православного мира и носительницу цивилизационных ценностей восточного христианства. В историческом нарративе Кавказская война часто преподносится как «освободительная миссия» по защите православных народов Кавказа от мусульманского ига. Это наряду со светским характером государства формирует сложную динамику: с одной стороны, Россия демонстрирует уважение к традициям православия, с другой – декларирует многоконфессиональную и светскую политику, направленную на балансировку религиозных интересов.

В современной России религиозная политика памяти проявляется в поддержке православных храмов и музеев на Кавказе, в интеграции православных символов в культурные проекты и образовательные программы. В то же время российская власть стремится поддерживать партнерские отношения с мусульманскими общинами региона – как суннитскими, так и шиитскими, чтобы укрепить межрелигиозную стабильность и создать образ многоконфессионального государства, способного выступать посредником и гарантом регионального мира.

Турция: суннизм и неоосманская религиозная дипломатия. В отличие от России Турция строит свою религиозную политику памяти на суннитской идентичности, которая является ключевым элементом неоосманской концепции. Османская империя, традиционно воспринимаемая как защитница суннитского ислама, служит основой исторического нарратива Турции, где религия выступает как инструмент укрепления национального и регионального влияния.

Турецкие проекты по восстановлению мечетей, религиозных школ (медресе), проведение исламских праздников и продвижение религиозного образования в странах Южного Кавказа направлены на укрепление суннитской сети влияния. Агентство ТИКА и другие государственные структуры активно поддерживают эти инициативы, которые способствуют усилению лояльности суннитских мусульман к Анкаре, выступая против иранского шиитского влияния [2].

Эта политика способствует формированию религиозной общности, связанной с турецкой культурой и историей, что служит основой для геокультурного доминирования и противодействия иранской модели. Религиозная память в турецком контексте тесно переплетается с идеями пантюркизма, в результате чего религия становится не только средством внутренней консолидации, но и фактором внешнеполитического давления.

Иран: шиизм как цивилизационный код и инструмент влияния. Для Ирана религия – это неотъемлемая часть национальной идентичности и внешней политики. Шиизм здесь выступает не просто вероисповеданием, а важнейшим цивилизационным кодом, который связывает Тегеран с шиитскими общинами Южного Кавказа, прежде всего в Армении и Азербайджане.

Иран активно продвигает шиитские культурные центры, религиозные праздники и образовательные инициативы, что является частью так называемой «мягкой силы» для расширения влияния. Форум «Кавказ в иранской цивилизации» и другие мемориальные проекты подчеркивают духовное и культурное единство региона с иранским шиитским миром. При этом Иран вкладывает значительные ресурсы в поддержку духовенства и религиозных институтов, которые функционируют как локальные центры влияния и поддержки его политики [4].

Однако восприятие иранских инициатив неоднозначно. В рамках самого региона шиитские проекты поддерживаются преимущественно религиозными общинами, тогда как светские и христианские группы выражают настороженность. Это отражает глубокие конфессиональные и этнические расколы, которые усложняют политику памяти и создают поле для конфликта и конкуренции с турецкими суннитскими инициативами [3].

Межконфессиональное соперничество и его влияние на политику памяти. Религиозная конкуренция между суннитским турецким и шиитским иранским проектами на Южном Кавказе является ярким примером использования политики памяти для геополитической борьбы. Каждая из сторон старается не только укрепить позиции через религиозные символы и практики, но и навязать свою версию исторической памяти и культурной идентичности, которая бы обеспечила долговременное влияние.

Так, турецкие инициативы акцентируют преемственность османского суннитского наследия, противопоставляя его иранскому шиитскому влиянию, воспринимаемому как чуждое для тюркских и некоторых кавказских народов. Иран же, в свою очередь, использует шиитскую память и религиозные коды как инструмент утверждения себя в качестве культурного и духовного лидера региона, поддерживая соответствующие общины и создавая культурные инфраструктуры.

Эта межконфессиональная динамика усложняет процессы примирения и интеграции, трансформируя политику памяти в арену конфликта не только между государствами, но и между религиозными и этническими группами внутри самих стран региона.

Мемориальные проекты с религиозным контекстом. Религиозная символика активно присутствует в конкретных мемориальных инициативах,

которые выступают важными элементами политики памяти и инструментами укрепления влияния:

– Музей «Историческая миссия России на Кавказе» в Дербенте акцентирует православную традицию и роль России как защитницы христианских народов Кавказа, транслируя нарратив «цивилизационной миссии» через экспозиции и образовательные программы;

– Восстановление мечетей и медресе Агентством ТИКА в Нахичевани и Ахалкалаки способствует укреплению суннитской идентичности и поддержке турецкого влияния, создавая религиозные центры и распространяя неоосманскую религиозную дипломатию;

– Форум «Кавказ в иранской цивилизации» и создание шиитских культурных центров на Южном Кавказе подчеркивают духовную и культурную связь региона с шиитским Ираном, формируя основу для иранской мягкой силы и влияния;

– Памятник «Кавказский мир» в Москве символизирует интеграцию Кавказа в российскую историческую парадигму с использованием православной символики и акцентом на мирное присоединение;

– Памятник персидскому наследию в Тегеране (планируется к открытию в 2025 г.) становится новым символом культурной дипломатии Ирана, отражая шиитскую религиозную традицию и укрепляя позиции Тегерана среди шиитских общин;

– Монумент «Памяти великого турецкого солдата» в Баку отражает тесную связь турецкой национальной идентичности с суннитской религией и турецкой политикой в регионе, подчеркивая значение религиозного аспекта в турецко-азербайджанском сотрудничестве.

Религиозная составляющая политики памяти на Южном Кавказе выступает одним из ключевых факторов формирования региональной идентичности и инструментом геополитического влияния. Россия балансирует между православным наследием и светскостью, Турция опирается на суннитское наследие и неоосманскую религиозную дипломатию, а Иран развивает шиитскую культурно-религиозную сеть. Межконфессиональное соперничество усиливает геополитическую конкуренцию, превращая память в активное поле борьбы за сердца и умы народов Кавказа.

Источники и литература

1. Кирчанов М.В. Политика памяти в Исламской Республике Иран как незападная форма исторической политики (между ценностями уммы и принципами национализма) // Вестник Пермского университета. Сер.: История. 2021. № 4 (55). С. 46–55.

2. Кузнецов А. Суннитско-шиитские противоречия в контексте геополитики региона Ближнего Востока (1979–2016). М., 2021.

3. Малинова О.Ю. Официальный исторический нарратив как элемент политики идентичности в России: от 1990-х к 2010-м годам // Полис. Политические исследования. 2016. № 6. С. 139–158.

4. Филин Н.А. Социально-историческое развитие Исламской Республики Иран (1979–2008 гг.): факторы устойчивости государственной власти. М., 2012.

О.А. Гудимова

ИСТОРИЧЕСКИЕ ПЕСНИ АДЫГОВ И КУБАНСКИХ КАЗАКОВ – НАРОДНАЯ ПАМЯТЬ О СОБЫТИЯХ КАВКАЗСКОЙ ВОЙНЫ

Сегодняшние исследования на стыке истории и фольклористики доказывают несомненную историчность традиционного фольклора. Один из распространенных жанров устного народного творчества – исторические песни, которые отличаются своеобразной композицией, особым поэтическим языком, яркими образами. Определяя специфику исторической песни, ее отличие от эпической поэзии, фольклорист В.М. Гацак пишет: «Если героический эпос “умел” рассказывать о народе в целом, о широких процессах, то историческая песня начинает улавливать и различать более конкретные индивидуальные контуры. Можно сказать, что историческая песня – это народный поэтический анализ истории, закономерно приходящий на смену раннему (героико-эпическому) синтезу ее» [4: 15–16].

Характерные признаки жанра исторических песен отмечены А. Ахлаковым: «Героико-историческая поэзия (имеется в виду жанр исторических песен) создается как отклик на текущие события, как народная оценка их. Песни возникают на основе фактов и явлений реальной действительности; ею, этой действительностью, обусловлена их конкретно-историческая основа и в целом их художественно-эстетическая природа и специфика» [2: 67–68].

У народов Кавказа исторические песни называются историко-героическими (или героико-историческими – к общему мнению о названии этих песен исследователи национального фольклора не пришли). Народ песни о прошлом называет просто «песни», иногда «старые песни». Термин «исторические песни» введен в употребление фольклористами, историками, литературоведами, этнографами. Эти песни по своим жанровым особенностям находятся между героическим эпосом (былинами, сказаниями) и лирикой. Исследователи делят их на песни эпические и лиро-эпические: в них описываются конкретные исторические события, называются

конкретные герои, отражаются определенные территориальные названия. Кроме того, лиро-эпические песни отличаются особым психологическим настроением.

Исторические песни запечатлевают в сознании народа память о важнейших событиях и лицах истории, выражают народное понимание истории и дают оценку событиям и деятельности лиц. В них встречаются объяснение событий и поведения персонажей. Именно в исторических песнях с большой силой выражены патриотические идеи – гордость за свою Родину, осознание необходимости ее защиты, а также идея народной свободы.

Больше всего исторических песен народов Кавказа связано с военными событиями – Кавказской войной: «Количество исторических песен и их качественные изменения полностью зависели от событий в общественной жизни в тот или иной период истории» [6: 3].

По словам исследователей: «В начале XIX в. укрепленная Кавказская линия проходила по Тереку и Кубани, которая, согласно Бухарскому трактату 1812 г., служила границей между Россией и Турцией. Однако к 1821 г. отношения между двумя странами обострились. Опасаясь влияния России на Кавказе, Турция поощряла участвовавшие набеги кабардинцев и черкесов на русские военные укрепления и казачьи станицы, а также провоцировала столкновения горцев и казаков. Начавшаяся вскоре Кавказская война длилась не одно десятилетие и принесла много жертв, но еще больше горя и слез» [10: 68]. Ее события отразились в народных песнях, в том числе в песнях противоборствующих сторон – адыгов и казаков, которые оказались втянутыми в орбиту Кавказской войны.

Долго продолжалась эта война, много народов было вовлечено в нее, что не могло не наложить отпечаток на содержание песен, отразивших суровые будни Кавказской войны. Рассказ о событии или о реальных исторических личностях в этих песнях динамичный, иногда ведется от имени людей, вовлеченных в это событие, и тогда употребляются личные местоимения, иногда от имени наблюдателя со стороны (чаще в адыгских песнях, имеющих своих сказителей): слушатель ясно видит перед собой картину боя. Песни, посвященные Кавказской войне, не романтизируют ее, в них безыскусственно и правдиво передаются и трудности, и жестокие потери, и состояние на грани человеческих возможностей на войне. Они несут в себе и горечь, и печаль, и острый юмор, и жизненную силу, и внутренний оптимизм. Они помогают вынести тяжести военных будней, поднимают в слушателях патриотический настрой защищать свою Отчизну. Героико-исторические песни позволяют увидеть непарадную сторону Кавказской войны, а значит, понять боль, беду, трагичность любого кровопролития – как прошлого, так и настоящего.

Образная система исторических песен грандиозна: Бог (Всевышний), природа, жизнь и смерть, человек (его деяния и переживания, исторические события). Всё, что окружает человека, что находит отклик в его душе, отражается в исторических песнях. Описания в них лаконичны, без излишнего украшения.

Казаки были защитниками веры, хранителями рубежей России. Их невозможно представить вне духовного православного мировоззрения [8]. Религиозное чувство никогда не покидало казаков: ни в походах, ни в мирной жизни. Пребывание в постоянной боевой готовности, непрерывное ведение войн, подверженность постоянной опасности, близость смерти делали веру в Бога единственным спасением. Отсюда горячая религиозность казаков и искренность их веры. За веру, за Россию готовы положить свои жизни казаки (в примерах курсив наш. – О.Г.):

Честь геройскую любя, мчишься в бой напропалую,
За родную Русь святую не жалеешь сам себя [3: 200];

Смерть за веру, за Россию
Можно с радостью принять [3: 52];

Я йду за Родину служить.
Змогли диды, зумиють внуки
Живот за веру положить [5:13].

В Божьи руки вверяют казаки свои судьбы, служа ратному делу. Бог не только милосерден, может и покарать, но всё в его руках. Поэтому надежда казаков только на Бога:

Я надеюсь на Бога единого,
Я надеюсь на Бога единого
И надеюсь на войско линейное [3: 85].

В песне «Слышно, бьют тревогу» постоянно обращение к Богу, которое помогает понять тяготы войны:

Смелым Бог владеет,
Нечего робеть,
Если одолеют –
Лучше умереть...
В плен живым сдаваться,
Боже, сохрани,
Будут надругаться
Над тобой они... [3: 218–219].

Религиозное мировоззрение в этих песнях, благодаря постоянному обращению к Богу, приобретает значимые социальные функции, основная

из которых – оказать помощь человеку в преодолении страха перед смертью и возвысить его до вечного.

В адыгских песнях периода Кавказской войны также есть тема религии, но в них, прежде всего, воспевается личный героизм. В. Кажаров отмечает: «Что же касается степени религиозности различных слоев общества, то относительно князей и дворян можно сказать, что глубокой религиозной вере в их среде препятствовала такая черта их менталитета, как культ воинской доблести. В иерархии ценностей сословия благородных воинская слава занимала центральное место и являлась по существу эквивалентом бессмертия» [1: 37]. В адыгских песнях начала Кавказской войны нет упоминания о народных религиозных взглядах. Но, как считает В. Кажаров, чем дольше длилась Кавказская война, тем больше возникало напряженное отношение между мирским и священным. И тогда идеи ислама стали входить в песенный мир адыгов. С распространением мюридизма набеги на русских стали считаться богоугодным делом. Смерть в борьбе с христианами делает из героев мученика за веру. В песнях выделяется противопоставление христиан – «гяуров», «неверных» (песни народов Северного Кавказа) и мусульман – «басурман» (славянские песни):

Правоверному смерть в битве – почет [1: 167];

Это неверные, и кто <в борьбе с ними>
погибнет, станет шахидом... [1: 95].

В текстах песен подчеркнуто разделение по вере: день смерти в битве с иноверцами называется святым, двери рая открываются перед погибшими. Но смерть не приукрашивается: «молодые ложатся мертвыми».

За Родину (Россию, горный край) бьются и казаки, и адыги. В Кавказской войне правда была у каждой из противоборствующих сторон. Основная идея славянских песен – защита границ России, избавление от горских набегов, слава за ратный труд:

Загремит слава трубой,
Как дралися за Лабой,
По горам твоим, Кавказ,
Раздалась слава о нас [3: 10];
Веселитесь, ребята,
Веселись, наш командир,
Мы разбили супостата,
Слава нам на целый мир! [3: 13];
Разнеслася про нас слава
Прекрасна в народе [3: 29].

О славе, о добром имени пекутся и горские наездники. В этом схож менталитет наших народов. Даже когда им приходится выступать против превосходящих сил:

Когда Ажаговых Фардаус
Донские на конях уносили,
Мы вслед глядим – девушку видим...
Позволим увезти – на наш аул позор навлечем,
Не позволим увезти – мы погибнем.
Повернем назад – опозорены будем,
Погибнем – наш род пресечется... [1: 524].

Перед такой дилеммой стоит «добрый уоркский юноша». Его выбор осознан:

В жизни один раз нам <дано> умереть,
А погибнем, так в газавате [1: 524];
А побитым в поле рай (вторит казачья песня. – О.Г.),
Помолися, мать Россия [5: 15].

Отчизна, родной край, станицы и аулы тоже в центре песен кавказских народов:

За нас мать наша Россия
Молит Бога завсегда,
Нам от горского злодея нет покоя никогда [5: 73].

Не может оставить никого равнодушными кабардинская «Колыбельная песня», в которой главной является тема Родины:

...Ой, птенец мой, ой, сосунок,
Невеселые дни настали,
Несладкое сосешь молоко!
Но в люльке расти, вырастай.
Окровавлена твоя земля...
Ты люби свою страну...
Мать умрет – не умрет родина.
Как один без матери останешься?
Станет тебе матерью родина,
Наследством – сабля отцовская.
Ею отплатишь за кровь отца,
Ею родине пособишь... [1: 185].

В этой песне родная земля, обгаренная кровью героев, павших за ее свободу, выше всех нравственных ценностей.

В исторических песнях присутствует образ смерти: у всех горских народов, также и у казаков пустое седло – знак смерти.

Спешился в бою – погиб...
Те, кто дружно в газавате участвовал,
В один день спешиваются... [1: 105];
Того, кто носит желтошелковые усы,
С черной землей недоброй примирили [1: 115].

Другой страшный символ смерти – река крови: «На тот свет кровь ручьем стекает» [1: 96]. В казачьих песнях фигурирует еще один символ смерти – женьба:

Что женился на другой,
Что женился на другой –
На пулечке свинцовой [3: 32].

Символом смерти является и примирение с черной землей. Ни горцы, ни казаки не бояться ее:

Мы привыкли уж сражаться с бусурманскою ордой.
И нам нечего бояться,
Полетим на смертный бой [3: 32].

Возвеличивание, обыгрывание смерти в песнях подготавливало воинов к вечной жизни, страх уходил:

Лучше в поле умирать,
Дома – не годится [3: 28].

Сюжет исторической песни тесно связан с природой. Это не только описание местности, где происходят события. Часто в описании природы используется прием олицетворения. Природа скорбит вместе с человеком в страшные моменты событий Кавказской войны. Черная мгла, кровавый пар, реки, полные крови, небесные слезы в виде дождя. Грохот пушек сливается со звуком грома («громы битвы»), пули жужжат, как пчелы, жаля воинов. Раненый казак обращается к коню, ворону, чтобы они отнесли черную весть о гибели отца, матери, женошке, любовшке. Так народ показывает единство мира – когда человеку плохо, природа с ним.

Страшна своими деталями адыгская песня «О реке Ходзь»:

От проклятой реки Ходзи
Восходит пар кровавый.
Отказавшись отдать ружья,
За оружие люди взялись [1: 590].

Жуткую картину уничтоженного села подчеркивает образ «кровавого пара». Образ кровавой реки присутствует и в казачьих песнях:

Пятнадцать дней мы дралися – кровь лилась из нас рекой,
По ложиночкам сливалась, она сделалась рекой [9: 10];

Я сама там была, и сама всё видала, про всё слышала:
Что Курджуп-то река кровью протекла,
А река-то Лаба горячей слезой,
По горам-то, горам лежат головы,
Все казацкия, молодецкия [7: 17–22].

Знаковые фигуры этой войны, поступки и действия людей становились поводом для создания историко-героических преданий, позволяющих понять, как воспринималась кавказская действительность XIX в. ее непосредственными участниками. Герои исторических песен не только полководцы, атаманы, князья, которые воодушевляют подчиненных героическими речами и поступками, в описании внешности которых встречаются эпические приемы, от действий которых зависит успех дела, которым присущи патриотизм и чувство национального достоинства (в казачьих песнях командиры выступают с государственных позиций), но и простые люди. В собирательном образе рядовых героев воплощены народные раздумья над войной: этот герой чаще всего гибнет в бою, его смертью куплена победа, о нем вспоминают возвращающиеся из похода, его хоронят товарищи в чужом краю. В кубанских казачьих песнях героями чаще выступают полководцы, кавказские наместники, а вот в адыгских наряду с княжескими звучат имена простых воинов.

Героинями исторических песен являются и женщины. Не всегда обстоятельства во время войны позволяют им находиться в рамках общепринятых моральных норм: они становятся объектом насилия. И это отступление женщины от стереотипных норм поведения соединяет в себе традиционно мужские и традиционно женские качества.

Стиль изложения исторических событий, упоминание исторических личностей, героические и трагические образы героев из народа, описание быта и нравов делают историко-героические песни неисчерпаемым источником сведений для филологов, историков, этнографов, так как в этих песнях сохранена народная память. Это поэтическая хроника истории Северного Кавказа.

Источники и литература

1. Адыгские песни времен Кавказской войны / под ред. А.М. Гугова, В.Х. Кажарова, М.А. Табишева, Н.Г. Шериевой. Нальчик, 2014.

2. Ахлаков А.А. Героико-исторические песни аварцев. Махачкала, 1968.
3. Бигдай А.Д. Песни кубанских казаков. Т. 2.: Песни линейных казаков. Краснодар, 1995.
4. Гацак В.М. Устная эпическая традиция во времени. Исторические исследования поэтики. М., 1989.
5. Захарченко В.Г. Народные песни Кубани. Вып. 2: Песни черноморских казаков. Краснодар, 1997.
6. Игнатов В.И. Русские исторические песни. Хрестоматия. М., 1985.
7. Римский-Корсаков Н.А. Сто русских народных песен. СПб., 1877.
8. Рябинский С.В. Православное мировоззрение как основа казачьей идеологии // Черноморское казачье войско: Дубоссарский казачий округ. [сайт]. URL: http://cherncossak.ucoz.ru/publ/pravoslavnoe_mirovozzrenie_kak_osnova_kazachej_ideologii (дата обращения: 15.01.2002).
9. Сборник кавказских военных песен для хора без сопровождения / собр. М.П. Колотилин. Тифлис, 1907.
10. Чурсина В.И. Фольклор славян Кубани: историко-культурологический анализ. Краснодар, 2003.

А.Е. Ашуба, А.Х. Дзыба

ФЕНОМЕН ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ СОЗНАНИИ АБХАЗСКОЙ И АБАЗИНСКОЙ ПРОЗЫ XX в.

Абхазская и абазинская художественная литературы уже в период своего становления (1920–1940-е гг.) неслучайно были обращены к исторической и этнографической тематике: накопленный близкородственными народами историко-культурный опыт уже требовал художественного осмысления прошлого, тем самым формируя традиции литературного отражения жизни и быта абхазов и абазин в прошлые века. Отличительным признаком эпических произведений обозначенного периода было стремление авторов к отражению исторических фактов и этнических явлений, идеологических взглядов на настоящее и будущее с классовых позиций. Сюжеты эти строились на противопоставлении положительных и отрицательных героев: крестьяне – борцы за справедливость, князья и религиозная верхушка – источники всех бед и несчастий. И характерной чертой конфликта была социальная несправедливость, где «первые» герои всегда побеждали «вторых».

Аналитическое воспроизведение конфликтов 1920–1940-х гг. показывает психологическую обусловленность развития характеров в их сложных, подчас противоречивых связях с историей, с жизненными обстоятельствами.

Обращение именно к такого рода кульминационным эпизодам жизни героя, соотносимым с историей народа, предоставляет возможность показать подлинные и ложные моральные ценности, обратить на них внимание читателя, заставить его извлечь необходимый урок нравственности.

Центром художественной системы повествования, как правило, является человек, включенный в историческую действительность. Творческий поиск художника слова сопрягается со стремлением создать литературные образы, выражающие правду эпохи. Поэтому, какие бы темы ни затрагивал писатель, какие бы пласты социальной действительности ни исследовал – мироощущение, чаяния, дела и поступки его персонажей должны быть показаны в контексте важнейших событий современности, включены в орбиту общественных, моральных и общечеловеческих интересов.

Формирование, становление и дальнейшее развитие исторических жанров обусловлено интересом художников слова к истории своего народа, к его историческим судьбам, стремлением осмыслить пройденный путь, увидеть динамику жизни и национального характера. Проблема изучения процесса формирования жанров историко-революционного и исторического романов, исследование вопросов, связанных с формированием в младописьменных литературах собственно исторического романа, представляется весьма своевременной и актуальной проблемой на современном этапе развития национально-литературоведческой мысли. Ведь «усилившееся в современной прозе внимание к диалектике родного национального и социального несет в себе новое качество, которое шире и содержательнее популярного в национальной прозе любования стихийно-органической слитностью рода, пафоса вневременной и обязательной поэтизации. Романисты, вглядываясь в самый феномен надличностного статуса родовой психологии, стремятся уйти от упрощенного представления о национальной психологии ради точного и убедительного диагноза уже очевидной общественной болезни» [3: 61].

Следует обратить внимание на то, что процессы жанрового развития исторических романов и повестей как продолжение историко-революционной темы относятся к 1960–1980-м гг., когда они получили наиболее интенсивное развитие. Именно в эти годы обозначаются контуры нового эпоса, исторического, прежде всего, в абхазской и абазинской литературах, как и во всей российской и северокавказской в целом. Характерной чертой этого эпоса является то, что он обращен не только к истории ближней, т.е. периода Великой Октябрьской революции, но и дальней. Сам факт появления произведений, обращенных к давно прошедшим временам, когда шел процесс насаждения христианства и ислама на Кавказе, свидетельствует о процессах углубления в молодых литературах художественного историзма с целью увидеть через восстановление исторической памяти не только перипетии

судьбы, но и пройденный народом путь. Это свидетельствует, в свою очередь, о том, что молодые литературы обрели зрелость и для них стало возможным решение глобальных художественных задач. Для примера можно сослаться на произведения К. Джегутанова «Золотой крест» (1981), «Лаба» (1983), Б. Тхайцухова «Горсть земли» (1967). Подобная тенденция наблюдается и в адыгских литературах, когда появляются исторические романы А. Шортанова, А. Кешокова, А. Налоева и др. В этом же ряду следует рассматривать и роман абхазского писателя Б. Шинкубы «Последний из ушедших», посвященный общекавказской тематике махаджирства.

Исследование художественного сознания в историческом романе в контексте названных литератур дает возможность проследить типологию жанра и вычленить сущностные черты абазинского и абхазского романа 1960-1990-х гг. В центре внимания оказываются в этой связи вопросы поэтики и стиля. Изучение данных вопросов дает возможность показать достижение молодой литературы в формировании литературно-эпических и историко-революционных романов, а также увидеть процесс овладения творческим методом, реалистическим пером. основополагающей задачей в этой связи является исследование проблем преемственного развития жанра исторического романа, а также его генезиса.

Обращение памятью в далекое и близкое истории своего народа обусловлено, на наш взгляд, стремлением воссоздать его целостную историю, вернуть ему историческую память, ответить на кардинальные вопросы о том, кто мы, откуда, куда идем. Отвечая на них, романисты вписываются в общесоюзный контекст художественного искания советской многонациональной литературы 1960–1980-х гг., где возрождение исторической памяти было связано с событиями в общественной жизни, с переменами в ней, с решениями XX съезда партии о культе личности.

Формирование, становление и развитие литературного эпоса абазин и абхазов на материале исторической прозы не может быть исследовано вне общей системы повествовательных жанров абазинской и абхазской литературы, основы которых были заложены в 1920-1940-е гг. Достижения исторического романа тесно связаны с развитием других эпических жанров прозы – рассказа, очерка, художественной беллетристики, повести, а также жанров лирического эпоса. В их рамках шло «опробование» материалов жизни, воссозданы образы представителей народа, что дало возможность во всей полноте увидеть их движение в истории, процесс становления национального характера героя и литературы.

Исторический роман способен нарисовать ушедшую или современную эпоху в ее цельном облике, раскрывая в живых художественных образах общественную деятельность, идеологию, быт, психику психологию ее представителей: обладающий силой большого эмоционального воздействия,

он воплощает историческое событие в живой образной форме, способствует приобщению к истории широких слоев народа, молодежи. Историческая художественная литература имеет огромное воспитательное значение.

Исторический роман, безусловно, обладает такой огромной силой идейного воздействия, «что движение вглубь национального космоса несводимо к воспроизведению этнопсихологических основ традиционного миропонимания. Необходим такой уровень прочтения истории с высоты современного понимания, когда за реконструкцией менталитета открывается ценностно-смысловой кругозор героя и эпохи, реальная сложность человека в национальном мире и национального мира в человеке» [3:14].

В современном литературоведении нынешнее время называется временем «перечтений» и «переосмыслений». Безусловно, этот принцип «оценки и переоценки» приемлем для некоторых произведений абхазских и абазинских писателей. Это обусловлено тем, что «под воздействием возрождения национально-ментальных обычаев и традиций, восстановления имени свободного рассказа о себе и о своей жизни заметно меняется восприятие, отношение и понимание традиции в ее национально-художественном смысле и национально-ментальном образе. Традиция к 80-м годам заметно теряет отвлеченно свой безнациональный оттенок, приданный ей официальной эстетикой, и обретает черты конкретной национальной специфики» [1: 5], что четко прослеживается во всем современном литературоведческом процессе.

Роман как жанр, миновав многовековую стезю созревания, в результате оказался одной из наиболее масштабных в мировоззренческой и художественной связи конфигураций словесного искусства. Этот факт подтверждается возникновением в 1960–1980-е гг. немалого числа заметных художественных работ, и в частности таких романов, как «Буранный полустанок» Ч. Айтматова, «Дата Туташхиа» Ч. Амирэджиби, «Закон вечности» П. Думбадзе, «Твоя заря» О. Гончара, «Царь-рыба» В. Астафьева, «И всякий, кто встретится со мной» О. Чиладзе, «Императорский безумец» Я. Кросса и др.

Абхазские романы этого периода становятся разнообразными по тематике и изобразительным средствам. Так, на протяжении 1960-х гг. были опубликованы следующие прозаические произведения абхазских писателей: повесть Ч. Джонуа «Гудиса Шларба» (1955) и рассказ «Белая скала» (1961), сборники рассказов и повестей А. Гогуа «Река спешит к морю» (1957), «Снег и молния» (1963), рассказы и повести А. Джения в сборнике «Мое горное село» (1960), сборник рассказов Ш. Чкадуа «Пестрота» (1960), повесть А. Возбы «Кяхба Хаджарат» (1960) и др.

В дальнейшем многие из перечисленных писателей от малых и средних форм прозы перешли к пробам пера в романной форме (Б. Шинкуба

«Последний из ушедших» (1973), «Рассеченный камень» (1983); А. Гогуга «Нимб» (1966), «Большой снег» (1985); И. Тарба «Известное имя» (1963), «Солнце встает у нас» (1968), «Глаза матери» (1979), «Начало мира» (1986) и др.). В целом, было издано более пятидесяти романов.

Все перечисленные и еще многие идентичные им произведения так или иначе сцементированы с мифом, фольклором или с народным мировосприятием. Многолетний опыт формирования и созревания северокавказских литератур выявил и обнаружил многие грани теоретических проблем, обусловленных развитием художественного мышления различных народов. Таким образом, закономерные и объективно-исторические внутриэтнические процессы на Кавказе по времени совпали с неблагоприятными внешнеполитическими обстоятельствами. Общая беда не сумела в достаточной степени консолидировать разные этнические группы, более того, внутри каждого из народов возникали неустрашимые противоречия, что мешало выработке единого политического курса. В этой ситуации трагедия стала неизбежностью, а народы были обречены на уничтожение.

Факт общности исторических судеб, исторического прошлого, исторического единства – нашел свое отражение у Б. Шинкубы в романе «Последний из ушедших». В самый кульминационный момент, когда решается судьба убыхского народа, люди вспоминают о своих братьях-соседах: «Мы пошлем своих гонцов в Ачипсоу, в Псху, в Дал, в Цебельду... Мы долго сражались бок о бок с ними, пусть они теперь едут вместе с нами. После того, как мы принесем завтра клятву, мы спустимся к морю и сядем на корабли» [4: 79]. Избранный сюжет позволяет увидеть автору веками сложившуюся жизнь как бы на изломе, потому что рвутся привычные связи людей с этим куском отчей земли, обнажается то, что в будничной жизни скрыто от постороннего взгляда. Взаимопроникновение жанров всегда имело место в любой национальной литературе в ходе литературного процесса.

Значительным завоеванием жанра современного абазинского исторического романа является «углубление его исторической памяти; иначе говоря – восприятие истории как многомерного, неумирающего опыта народной жизни, опыта «бед, побед и буден». Наука сегодня показала, что этограмма памяти как сгусток пережитого опыта и знания всегда направлена в будущее и определяет поведение, поступки человека сегодня» [2: 241].

Народная память, если можно так выразиться, категория историческая, социально-культурная: «А культура – осознающая себя история человеческого развития, культурная память исторична, она не механична. Особенностью культурной памяти, как памяти исторической, является ее ориентация на спасение прошлого – осознанная борьба с погружением прошлого в небытие. Память становится исторической на фоне преемственной связи поколений, истории племени, народа» [3: 14].

В жанре исторического романа художник слова воскрешает в памяти трагические и значимые стороны жизни, освещая их социальный, психологический, исторический аспекты в изображении событий и судеб людей. Этот жанр позволяет понять культурно-исторические структуры сознания и его эволюцию: «Целостная трактовка национального самосознания требует соподчиненности усилий разных наук и различных уровней анализа (логического, гносеологического, психологического, эстетического и т.д.). Литературоведческий подход базируется на признании всесторонней обусловленности национального самосознания, своеобразии художественного воссоздания как особой формы познания. Литературное произведение – акт национального и в то же время творческого самосознания художника. В процессе корреляции национального и художественного национальное своеобразие не «вычитывается специально, а оказывается включенным в пространство внутри текстовых связей» [3: 57].

В жанре исторического романа «бывает соотнесенность с установкой на современность – своего рода историческое иносказание, построение на модернизации прошлого: произведение такого типа часто принимает характер либо памфлета, либо наоборот – героического эпоса, в зависимости от идеологических намерений автора. В обоих случаях они в той или в другой степени антиисторичны и ничего общего с исторической наукой не имеют. Бывает соотнесенность иная – с установкой на прошлое, которое какими-нибудь нитями связано с современностью, пафос автора в этом случае направлен на новое истолкование прошлого, на открытие в нём незамеченных прежде тенденций и смыслов, на новую интерпретацию загадочных событий и лиц» [5: 209].

Роман абхазского писателя Георгия Гулиа «Водоворот» (1959 г.), насыщенный подлинными историческими фактами и примерами действительной судьбы абхазского народа, несмотря на весь свой историзм весьма романтичен. Это доказывается, к примеру, тем фактом, что как зачин, так и финал повествования неизменно содержат одну и ту же сцену с постоянными (несмотря на обилие персонажей в романе) действующими лицами – сцену любовного свидания горской девушки Астанды с молодым отважным горцем Кутатом. Кровавая история народа и романтическая любовь никак не взаимоисключают в данном случае друг друга. Традиционно в литературе принято, что любовь в подобных трагико-критических обстоятельствах возносит человека, вырабатывает в нем очевидную неприкосновенность и явный иммунитет. Действительно, как доказывает развитие сюжетной линии в повествовании, гуманные черты характера и определяющие высоконравственные качества личности независимы от обстоятельств и не могут исчерпать себя при любом, даже самом трагическом, развитии событий.

Действительно, на войне во славу родной земли концентрированно, сгущенно обнаруживаются черты характера героя, выкованные и взращенные в горской семье, в горском ауле, в горском социуме. Данные формирующие личность факторы не аннулируют, а, напротив, подразумевают тщательное самовоспитание, непрерывную обработку своего «я», сопоставление собственных индивидуальных влечений, стремлений с индивидуальными влечениями, стремлениями окружающих, с судьбой своего отечества. Вообще человек на войне – одна из древнейших тем мирового искусства – предстает весьма своеобразно в северокавказской литературе, обращающейся к всенародному, принципиальному для любого горца подвигу защиты родных земель в ходе самой кровопролитной и длительной в истории Северного Кавказа войны.

В перечисленных произведениях кавказских писателей перекликаются как народы – объекты изображения писателей (абазины у Б. Тхайцухова абхазы у Георгия Гулиа, убыхи у Баграта Шинкубы и адыги у Исхака Машбаша), так и художественные тропы – гиперболы, избранные ими в качестве центральных, можно сказать, заглавных (буквально – рождающих заглавие): горсть земли в романе Б. Тхайцухова, водоворот в романе Георгия Гулиа или жернова в романе Исхака Машбаша. Эти данные образы как нельзя лучше символизируют тяготы, лишения и страдания, могущие стать последствием того исторического «перемола» всех и вся, который имел место в судьбах подавляющего большинства кавказских народов.

Обобщая, следует отметить, что произведения о махаджирстве в литературах народов Северного Кавказа начали появляться в 1920–1930 гг. В предвоенные, военные и послевоенные годы советского периода тема махаджирства фактически была запрещена. Изредка мелькали безжалостные обвинения в адрес посягательств Османской империи, раздоров местного кавказского дворянства и мусульманских религиозных деятелей.

Однако в 1960–1970-е гг., вследствие трансформировавшейся социально-политической ситуации, развитие темы махаджирства в северокавказских литературах оказалось допустимым. Взору читателя предстали произведения, в том числе и романы, приобретшие значительную по силе и размаху популярность. Таковыми явились, в первую очередь, «Громовый гул» М. Лохвицкого [3], «Горсть земли» Б. Тхайцухова, «Последний из ушедших» Б. Шинкубы, «Жернова» И. Машбаша и ряд других произведений северокавказских авторов. Даже в произведениях, непосредственно не отображающих и не воспроизводящих проблемы и темы русско-кавказской войны и махаджирства, персонажи неизменно мысленно возвращаются к историческим личностям и к драматическим фактам этого периода – до такой степени абсолютный отпечаток оставили эти колоссальные эпохальные события в общенародных воспоминаниях (например, роман А. Гоголя «Большой снег»).

Источники и литература

1. Алиева С.У. Возрождение национальных традиций // История национальных литератур. Перечитывая и переосмысливая. Вып. I. М., 1995.
2. Воронов В. Художественная концепция: из опыта сов. прозы 60-80-х годов. М., 1984.
3. Султанов К.К. Самознание национальной литературы. Ценностные аспекты // История национальных литератур. Перечитывая и переосмысливая. Вып. I. М., 1995.
4. Шинкуба Б. Рассеченный камень. М., 1986.
5. Эльверт В. Пользование иностранными языками как лингвистический прием. М., 1960.

Е.Ф. Кринко

ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА В ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ СОВРЕМЕННЫХ ГОСУДАРСТВ КАВКАЗА

Юбилейные мероприятия в честь 80-летия Победы придали дополнительную актуальность вопросам сохранения памяти о Великой Отечественной войне на постсоветском пространстве. Ее использование в качестве символического ресурса в современных государствах Кавказа не раз становилось предметом специального изучения [см.: 1; 3; 4; 6–11; 14; 15 и др.]. Однако комплексный анализ темы остается перспективной и сложно выполнимой задачей уже вследствие широты ее географических и предметных рамок.

Увековечивание событий и участников Великой Отечественной войны в Азербайджанской Советской Социалистической Республике (далее – ССР), Армянской ССР, Грузинской ССР, Абхазской Автономной Советской Социалистической Республике (далее – АССР), Аджарской АССР, Дагестанской АССР, Кабардино-Балкарской АССР (в 1944–1957 гг. – Кабардинской АССР), Нахичеванской АССР, Северо-Осетинской АССР, Чечено-Ингушской АССР, Адыгейской автономной области (далее – АО), Карачаевской АО и Черкесской АО (с 1957 г. – Карачаево-Черкесской АО), Нагорно-Карабахской АО, Юго-Осетинской АО, Краснодарском и Ставропольском краях началось непосредственно в военные годы. Как и в других регионах СССР, здесь выходили популярные брошюры и статьи в периодической печати, устраивались выставки, рассказывавшие о героических подвигах жителей на фронте, создании и боевом пути национальных и казачьих частей и соединений, различных формах помощи армии тружеников тыла [5 и др.]. С 1943 г., после освобождения Красной армией Северного Кавказа, стали публиковаться

описания нацистских зверств, а на братских и индивидуальных могилах погибших при защите и освобождении населенных пунктов советских военнослужащих и партизан, в местах массовых захоронений уничтоженного оккупантами населения появились первые памятники. Как правило, они были установлены по инициативе местных властей, самих жителей и боевых товарищей погибших воинов.

Во второй половине 1940-х – 1980-х гг. в северокавказских краях и национальных автономиях РСФСР, в союзных республиках Закавказья вышли сотни обобщающих и специальных трудов, воспоминаний и писем очевидцев, десятки сборников документов, посвященных Великой Отечественной войне. В оценках авторов сказывалось влияние идеологии: главное внимание историки уделяли деятельности партийных и государственных органов, комсомольских организаций по мобилизации населения союзных и автономных республик, краев и автономных областей на борьбу с врагом, участию жителей Кавказа и созданных здесь вооруженных формирований в боевых действиях, вкладу рабочего класса, колхозного крестьянства, интеллигенции, женщин и молодежи в достижение победы и другим вопросам. Приводились данные об ущербе от немецкой оккупации, действиях партизан и подпольщиков, но практически ничего не говорилось о коллаборационизме части жителей, судьбах военнопленных и других болезненных вопросах. Первые публикации о принудительном выселении чеченцев, ингушей, карачаевцев и балкарцев во время войны и их вкладе в победу появились только в период их реабилитации, начавшейся в годы «оттепели».

В мемориальной культуре первых послевоенных лет преобладали обелиски и типовые скульптуры на могилах погибших и умерших от ран бойцов и командиров Красной армии, уничтоженных оккупантами мирных граждан и советских военнопленных. Со временем содержание и формы представления событий и участников войны в мемориальном пространстве Кавказа расширялись. Находки останков советских солдат в горах в начале 1960-х гг. стимулировали возникновение поисковой деятельности, направленной на установление судеб погибших и пропавших без вести защитников Отечества. К ней привлекались школьники и студенты, а места сражений превратились в активно посещаемые туристические объекты. Наряду с постоянными экспозициями в республиканских, краевых, областных и районных музеях, рассказывающими о вкладе населения в победу, в Карачаево-Черкесской АО был открыт музей-памятник защитникам перевалов Кавказа (1968). Память о жителях республик, краев, областей, районов, городов и других населенных пунктов, сотрудниках предприятий и учреждений, студентах и преподавателях, не вернувшихся с фронта, а также земляках – Героях Советского Союза и других участниках войны увековечивали сотни кенотафов. В 1960–1980-е гг. были созданы крупные мемориальные

и музейные объекты, закреплявшие представления о высокой значимости одержанных над врагом побед, в местах наиболее ожесточенных сражений – «Сопка героев» в Крымском районе Краснодарского края (1965), защитникам Эльхотовских ворот в Северо-Осетинской АССР (1975), «Рубеж обороны» (1975) и «Малая Земля» (1982) в Новороссийске, единственном из всех городов Кавказа удостоенном почетного звания города-героя (1973) и др. Оформлению единого мемориального пространства с общими коммеморативными практиками способствовало создание памятника Неизвестному солдату – защитнику Кавказа в Сухуми (в настоящее время – Сухум, 1965), монумента «Мать-Армения» в Ереване (1967), в основании которого был открыт музей Великой Отечественной войны (1970), мемориала Славы в парке Победы (в настоящее время – Ваке) в Тбилиси (1981) и др.

В массовом восприятии событий и участников войны значительную роль играли художественные образы, что подтвердило создание памятника «Отец солдата» в грузинском городе Гурджаани (1978) по одноименному популярному фильму (1964). Немаловажными были возможности личных встреч с ветеранами войны как главными хранителями «живой» памяти, хотя их нарративы не всегда вписывались в официальный дискурс. Общие тенденции не исключали специфики в их реализации в отдельных регионах Кавказа.

После распада СССР в кавказских государствах складываются собственные практики мемориализации Великой Отечественной войны, тесно связанные с особенностями их политического развития, сменой системы ценностей и научных парадигм. На Северном Кавказе мемориальные процессы в целом развиваются в рамках общей политики памяти Российского государства. Его ведущая роль при всем многообразии акторов исторической политики (среди них не только государственные органы, но и политические партии, бизнес-структуры, религиозные и общественные организации, популярные блогеры и представители СМИ) выражается в первую очередь в юридическом закреплении основных принципов увековечивания памяти о событиях и участниках войны, запрете реабилитации нацизма и защите ветеранов войны, вплоть до уголовной ответственности за нарушение установленных норм. День Победы остается важнейшим государственным и семейным праздником. Массовый характер приобрели движение «Бессмертный полк», «Георгиевская ленточка» и другие патриотические акции. Тема войны нашла отражение в широком распространении поискового движения и военно-исторических реконструкций, значительном количестве научных, просветительских, художественных проектов и изданий. Одним из наиболее крупных стал проект «Без срока давности», посвященный трагедии гражданского населения на оккупированных советских территориях. Собранные в ходе его реализации материалы легли в основу судебных процессов,

признавших геноцидом военные преступления нацистов. На Северном Кавказе они состоялись в Краснодарском и Ставропольском краях, Кабардино-Балкарской Республике, Республике Адыгее, Республике Северной Осетии – Алании.

Российская историография характеризуется значительным расширением количества и предметного разнообразия публикаций, появлением новых подходов и введением в научный оборот значительного количества источников, в том числе архивных (особенно важно создание обобщенного банка данных «Мемориал» и государственной информационной системы «Память народа»), а также материалов устной истории. Новые исследования раскрывают вопросы советской национальной, социальной, культурной, религиозной политики, повседневной жизни населения, немецкой оккупации, коллаборационизма и сопротивления захватчикам на Северном Кавказе, предлагают новые оценки военных операций, истории отдельных народов, в том числе подвергшихся принудительному переселению. При этом сохраняются дискуссии по многим вопросам, включая национальный состав героев и жертв Великой Отечественной войны, вклад народов Кавказа в общую победу.

Роль отдельных населенных пунктов в годы Великой Отечественной войны закрепляют новые почетные звания: городами воинской славы стали Владикавказ (2007), Малгобек (2007), Туапсе (2008), Нальчик (2010), Анапа (2011), Грозный (2015), городом трудовой доблести – Каспийск (2022). В Краснодарском крае почетные звания городов воинской доблести присвоены Крымску, Темрюку, Армавиру, Геленджику и Кропоткину, рубежей воинской доблести – станицам Куцёвской и Шкуринской Куцёвского, Канеловской Староминского районов. В Ставропольском крае рубежом воинской доблести стали 15 населенных пунктов Курского района, село Богдановка и хутор Сунженский Степновского района, населенным пунктом воинской доблести – село Ачикулак Нефтекумского района, городом воинской доблести – Невинномысск, городами военно-исторического наследия – Пятигорск, Кисловодск и Ессентуки. В Республике Северной Осетии – Алании почетное звание населенного пункта воинской доблести присвоено селениям Эльхотово, Гизель, Сурх-Дигора и Майрамадаг. Награждение указанными почетными званиями сопровождается установлением соответствующих мемориальных объектов.

Современный этап мемориализации Великой Отечественной войны характеризуется изменением используемых образов и художественных решений. В 1990–2000-х гг. появилось значительное количество крупных мемориальных комплексов: «Рубеж обороны города Владикавказа в 1942 году» (2002), мемориал Славы во Владикавказе (2005), мемориальный комплекс Славы им. А.А. Кадырова в Грозном (2010), мемориал памяти и славы

в Назрани (2012), «Барбашово поле» (2018) – и отдельных памятников: дважды Герою Советского Союза генералу армии И.А. Плиеву (1997), воинам 115-й Кабардино-Балкарской кавалерийской дивизии (2005), Герою Советского Союза гвардии подполковнику М.А. Висаитову (2010) и др. Значительное внимание в мемориальных практиках уделяется не только героям, но и жертвам войны. Среди новых памятников – мемориалы жертвам Холокоста, принудительным переселениям народов Северного Кавказа в 1943–1944 гг. и их последующей реабилитации и др. Всего в Краснодарском крае насчитывалось 1533 стоявших на учете объекта культурного наследия, посвященных Великой Отечественной войне (в том числе 927 захоронений), в Ставропольском крае – 452 (287), в Кабардино-Балкарской Республике – 193 (70), в Карачаево-Черкесской Республике – 109 (29), в Республике Адыгея – 95 (57), в Республике Дагестан – 66 (2), в Чеченской Республике – 41 (17), в Республике Северная Осетия – Алания – 21 (1), в Республике Ингушетии – 8 (2) [3: 137].

Для историографии ряда других постсоветских государств характерно снижение интереса к событиям Великой Отечественной войны. Широкое распространение получает национализация истории войны с упором на значительный вклад представителей титульных этносов в победу, реабилитацией «своих» коллаборационистов и в то же время осуждением «чужих». Заимствованное из западной историографии эпохи холодной войны осуждение советского тоталитаризма порой сопровождается признанием принудительного характера службы местного населения в рядах Красной армии.

Наряду с этим представление событий Великой Отечественной войны в исторической политике кавказских государств имеет немало общих черт. Так, 9 мая 2025 г. «Бессмертный полк» прошел во всех краях и республиках Северного и Южного Кавказа. Российское руководство содействовало республикам Абхазии и Южной Осетии в реставрации памятников, посвященных Великой Отечественной войне. В то же время в различных государствах Кавказа сохраняются свои особенности в мемориализации событий и участников войны.

Учеными **Республики Абхазия**, помимо традиционных вопросов о вкладе населения Абхазской АССР в общую победу, в последние годы активно разрабатываются проблемы боевых действий на кавказских перевалах в 1942–1943 гг. На территории Абхазии находится 75 мемориальных комплексов и памятников Великой Отечественной войне, большая часть которых посвящена погибшим на фронте жителям. Необходимо отметить активную роль абхазских поисковиков в обнаружении останков воинов, погибших в годы Великой Отечественной войны в горах республики, и популяризации данных событий, а также их тесное сотрудничество с российскими поисковыми и научными организациями [1: 6]. Специфика исторической политики республики представлена в концепции двух отечественных войн, в рамках

которой события 1941–1945 гг. сопоставляются с грузино-абхазской войной 1992–1993 гг. Она находит закрепление в выстраивании соответствующего мемориального ряда, нередко объединяющего имена односельчан, погибших в обеих войнах.

Практически не существует отличий от российских мемориальных практик в представлении Великой Отечественной войны в исторической политике **Республики Южной Осетии (Алании)**. Это обусловлено тем, что в ней подчеркивается идея единства с Северной Осетией и Россией. Данные об участии жителей Юго-Осетинской АО в годы Великой Отечественной войны нередко приводятся в совокупности с подобными данными по Северо-Осетинской АССР. Всего в республике насчитывается около 70 обелисков, мемориальных досок, бюстов, посвященных жителям республики, которые проявили героизм в годы Великой Отечественной войны [12].

На территории **Республики Армения** находится около 600 памятников участникам Великой Отечественной войны, многие из которых выполнены с учетом национальных особенностей (использование природного камня-туфа, формы хачкара, родника т.д.). Рядом с ними в 1990–2000-х гг. появились другие мемориальные объекты, посвященные погибшим участникам Карабахской войны, что позволяло вписать память о Великой Отечественной войне в новый мемориальный контекст. Этому способствовало и превращение 9 Мая в «тройной праздник», поскольку параллельно с Днем Победы в Армении в этот день отмечали День освобождения Шуши и День формирования Армии обороны [4: 404–405]. В последние годы появились новые памятники дважды Герою Советского Союза Маршалу Советского Союза И.Х. Баграмяну (2003), Адмиралу флота Советского Союза Герою Советского Союза И.С. Исакову (2005), главному маршалу бронетанковых войск Герою Советского Союза А.Х. Бабаджаняну (2016) и другим участникам войны, которым посвящены мемориальные объекты и в России. В то же время увековечивание Г. Нжде и Д. Канаяна, сотрудничавших в годы Великой Отечественной войны с нацистской Германией, вызвало определенные противоречия между Арменией и Россией.

В **Азербайджанской Республике** находится 6 мемориалов и 790 памятников советским воинам. Среди наиболее значимых – памятники в Баку дважды Герою Советского Союза генерал-майору танковых войск А.А. Асланову (1949), лейтенанту М.Г. Гусейнзаде (1973), Герою Советского Союза Р. Зорге (1981). В постсоветский период открыт мемориальный комплекс «Братская могила», на территории которого захоронены 1462 воина, скончавшиеся в годы войны в бакинских госпиталях. В то же время рядом с памятником А.А. Асланову открыта аллея Шахидов, на которой захоронены азербайджанцы, погибшие в Баку в марте 1918 г., в январе 1990 г. и в Карабахской войне, символически завершающаяся Вечным огнем и мечетью Шахидов.

Карабахский конфликт негативно сказался на судьбе многих памятников, посвященных участникам Великой Отечественной войны. Согласно азербайджанским СМИ, армянами были разрушены мемориалы погибшим в Великой Отечественной войне в Физулинском, Джебраильском, Губадлинском, Зангиланском и Агдамском районах [13]. Другие авторы, напротив, отмечают разрушения находившихся на азербайджанской территории памятников И.Х. Баграмяну, дважды Герою Советского Союза гвардии подполковнику Н.Г. Степаняну, маршалу авиации С.А. Худякову (А.А. Ханферянцу) и другим участникам Великой Отечественной войны – армянам [2].

Наиболее решительный разрыв с советской культурой памяти характерен для *Грузии*, что сопровождается в том числе отказом от самого понятия Великой Отечественной войны на официальном уровне, хотя при этом признается большой вклад грузин в победу [14]. В 2009 г. в Кутаиси был уничтожен мемориал Славы, а в 2010 г. в Тбилиси открыт Музей советской оккупации. Тем не менее с 2017 г. в Тбилиси проходит «Бессмертный полк».

Таким образом, на мемориальные процессы влияют различные факторы и обстоятельства, включая как сами исторические события, так и особенности их восприятия в определенном социально-политическом контексте. При этом отражение Великой Отечественной войны в исторической памяти современных государств Кавказа «вписывается» в более широкий контекст их отношения к советскому прошлому. Свою роль нередко играют и отношения с Россией. Анализ содержания различных форм и практик мемориализации Великой Отечественной войны позволяет считать, что представления о ней у народов и государств могут не совпадать, а события последних лет свидетельствуют об усилении воздействия геополитических трансформаций на рассматриваемые процессы.

Источники и литература

1. *Авидзба А.Ф.* Великая Отечественная война 1941–1945 гг. в коллективных представлениях о прошлом в Абхазии и Грузии // Подвиг братских народов в борьбе с фашизмом: сб. мат-лов Междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 82-й годовщине начала Великой Отечественной войны и 80-летию победы в битве за Кавказ (Сухум, 26 июня 2023 г.). Сухум, 2023. С. 4–7.

2. *Акопян А.* Память о Великой Отечественной как инструмент этнической ксенофобии в Азербайджане // Научное общество кавказоведов. 19.05.2020. URL: <http://www.kavkazoved.info/news/2020/05/19/pamjat-o-velikoj-otechestvennoj-kak-instrument-etnicheskoj-ksenofobii-v-azerbajdzhane.html> (дата обращения: 23 июля 2023 г.).

3. *Дмитриева Н.В., Кринко Е.Ф.* Великая Отечественная война в мемориальном пространстве Северного Кавказа: опыт статистического изучения

объектов культурного наследия // Народы Кавказа в XVIII–XXI вв.: история, политика, культура: мат-лы VIII Междунар. форума историков-кавказоведов (г. Пятигорск, 14–15 октября 2021 г.). В 2 ч. Ч. 2. Ростов н/Д., 2021. С. 130–139.

4. Енокян А.В. Историческая память о Великой Отечественной войне в Армении // Постсоветские исследования. 2020. Т. 3. № 5. С. 403–408.

5. Еремеева А.Н., Коваленко Т.В. Сохранение памяти о Великой Отечественной войне: региональные практики (1941–1945) // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2: Гуманитарные науки. 2021. Т. 23. № 1. С. 25–39.

6. Кринко Е.Ф. Советское прошлое в мемориальной культуре Азербайджана: от отрицания к использованию // Новое прошлое / The New Past. 2023. № 3. С. 173–187.

7. Кринко Е.Ф., Медведев М.В., Стегленко Е.В. Институционализация памяти о Великой Отечественной войне на Дону и Северном Кавказе в 2000-е гг. // Научная мысль Кавказа. 2020. № 1. С. 42–49.

8. Миралаева С.Р. Великая Отечественная война и ее трактовка в Азербайджанской Республике // Постсоветские исследования. 2020. Т. 3. № 5. С. 447–454.

9. Народы СССР на фронтах Великой Отечественной войны: статистическое и военно-антропологическое исследование. Ростов н/Д., 2022.

10. Наследники Победы и поражения. Вторая мировая война в исторической политике стран СНГ и ЕС. М., 2015.

11. Осмаев А.Д., Горюшина Е.М. Великая Отечественная война в мемориальной культуре Чеченской Республики // Великая Отечественная война в истории и памяти народов Юга России: события, участники, символы: мат-лы V Всерос. науч. конф. с междунар. участием (г. Ростов-на-Дону, 30–31 мая 2024 г.). Ростов н/Д., 2024. С. 420–428.

12. Памятники Великой Отечественной войны в Южной Осетии // Sputnik Южная Осетия. 17.04.2025. URL: <https://sputnik-ossetia.ru/20250417/pamyatniki-velikoy-otechestvennoy-voyny-v-yuzhnoy-osetii-32841798.html> (дата обращения 30.05.2025).

13. Разрушение мемориалов погибшим в Великой Отечественной войне. 21.01.2021 // Рамблер/новости. 21.01.2021 URL: <https://news.rambler.ru/conflicts/45651795-razrushenie-memorialov-pogibshim-v-velikoy-otechestvennoy-voyne> (дата обращения: 23 июля 2023 г.).

14. Рцхиладзе Г.В. Память о Великой Отечественной войне в современной Грузии // Постсоветские исследования. 2020. Т. 3. № 5. С. 409–414.

15. Хлынина Т.П., Кринко Е.Ф. История, политика и нациестроительство на Северном Кавказе. Ростов н/Д., 2014.

М.А. Веремейчик

СОВЕТСКОЕ ПРОШЛОЕ В ПОЛИТИКЕ ПАМЯТИ ГРУЗИИ (1991–2018 гг.)

В современных русскоязычных научных исследованиях, посвященных проблеме политики памяти, можно наблюдать обилие терминов и их схожесть. В связи с этим возникает необходимость привести определение термину «политика памяти», которое будет использовано в данной статье. О.Ю. Малинова предлагает понимать политику памяти как «деятельность государства и других акторов, направленную на утверждение тех или иных представлений о коллективном прошлом, и формирование поддерживающей их культурной инфраструктуры, образовательной политики, а в некоторых случаях – еще и законодательного регулирования» [9: 9]. Отсюда следует, что политика памяти, формируемая властными структурами, преследует важные государственные цели и является неотъемлемой частью внешней и внутренней политики страны.

В настоящее время в Республике Грузии политика памяти играет важную общественно-политическую роль. Как и в других новых независимых государствах, образовавшихся вследствие распада Советского Союза, грузинские политические элиты приступили к формированию политики памяти, отличной от существовавшей в годы СССР. Основными направлениями формируемой политики памяти стали характерные для того времени процессы десоветизации и декоммунизации. В Грузии, не являвшейся моноэтническим государством, наметилось стремление новых властей к упразднению автономий и созданию унитарного государства.

11 декабря 1990 г. был принят Закон Республики Грузия «Об упразднении Юго-Осетинской автономной области» [8]. Основанием для упразднения послужило провозглашение Юго-Осетинской Советской Республики с последующими выборами в Верховный Совет, что создавало угрозу территориальной целостности для Республики Грузии. Данное обстоятельство подтверждает этнонациональный характер политики З.К. Гамсахурдиа, ставшего 14 апреля 1991 г. первым президентом Республики Грузии.

В свою очередь, центробежные процессы, возникшие в результате распада Советского Союза, предопределили стремление национальных автономий, с одной стороны, к сохранению своего статуса, а с другой – к полной политической независимости, что естественным образом вызывало сопротивление республиканского центра в Тбилиси. По состоянию на 1991 г. Республика Грузия включала в себя 3 автономные республики: Абхазскую, Аджарскую и Южно-Осетинскую. Наиболее серьезными оказались противостояния

с Абхазией и Южной Осетией, классифицируемые как межэтнические конфликты. После активной фазы вооруженного противостояния, развернувшегося в первой половине 1990-х гг., конфликт оказался заморожен вплоть до его обострения в 2008 г. Тогда результатом пятидневной войны стало объявление автономиями своей независимости от Республики Грузии.

Получение данными территориями статуса автономий во многом стало возможным благодаря как революции 1917 г., так и внутренней политике большевиков, пришедших к власти в результате второго этапа революции 1917 г. и транслировавших право наций на самоопределение. Данное обстоятельство привело к вооруженным конфликтам в 1918–1921 гг.

Политика памяти в 1990-е гг. ориентировалась в первую очередь на избавление и дистанцирование от советского наследия. При этом революция 1917 г. рассматривается в качестве предпосылки создания Грузинской Демократической Республики (далее – ГДР). Это отразилось в первых документах Республики Грузии: 14 ноября 1990 г. председателем Верховного Совета З.К. Гамсахурдиа был подписан Закон «Об объявлении переходного периода в Республике Грузия» [7]. Согласно этому документу, изменялось официальное название страны, вместо прежнего «Грузинская ССР» вводилось «Республика Грузия», а также вносились существенные корректировки в Конституцию. Одним из изменений являлась переработанная преамбула к Конституции. В ней проявилось стремление новых политических элит к отражению древности грузинской государственности: «Государственность Грузии, берущая свое начало из глубины веков, была утрачена ею в начале XIX века вследствие вмешательства посторонней силы. В 1917 г. была свергнута Российская империя, что дало грузинскому народу возможность провозглашением 26 мая 1918 г. Акта о независимости восстановить государственность, упраздненную российским самодержавием более века назад. В феврале – марте 1921 г. Советская Россия ... путем вооруженной агрессии оккупировала Грузию, что в дальнейшем привело к фактической ее аннексии» [7]. Изменения затронули и государственную символику. В знак преемственности с ГДР были приняты соответствующий герб и флаг.

На внеочередной сессии Верховного Совета Республики Грузия от 9 апреля 1991 г. был принят Акт о восстановлении государственной независимости Грузии. Содержание данного документа также подчеркивало насильственный характер утраты государственности сначала в XIX в. перед лицом Российской империи, а затем в 1921 г. перед силами Советской России. При этом подчеркивается значимость деятельности в эмиграции Грузинской Демократической Республики, не подтвердившей документально «отказ от своей независимости» [12].

В 1990-е гг. произошел отказ от большинства значимых праздничных дат в советском календаре, среди которых, например, 7 ноября и 8 марта.

После вытеснения советских праздников в символическое пространство были введены новые. В 1991 г. решением З.К. Гамсахурдиа вместо празднования 8 марта – Международного женского дня – было принято решение праздновать День матери 3 марта. Однако спустя 10 лет, в 2002 г., 8 Марта вновь получил статус государственного праздника. В настоящее время 3 и 8 марта являются выходными днями [6].

Одним из главных праздников современной Грузии является День независимости, празднуемый 26 мая, в день провозглашения ГДР. Традиционно в этот день в столице проходят военные парады, а военнослужащие принимают присягу. Также были введены два принципиально новых по содержанию праздника – День национального единства (9 апреля) и День советской оккупации (25 февраля). День народного единства посвящен трагическим событиям 1989 г., когда во время разгона частями внутренних войск и Советской армии митинга в Тбилиси, ставшего реакцией на сход абхазов в с. Лыхны, было выдвинуто требование о пересмотре административно-территориального статуса Абхазской ССР в составе Грузинской ССР. Тогда погибло 19 и было ранено около 200 человек. Вторая дата посвящена вводу 11-й Красной армии на территорию ГДР в 1921 г., положившему конец почти трехлетнему существованию Первой республики. Празднование 25 февраля было введено в символическое пространство Грузии в период президентского срока М.Н. Саакашвили в 2011 г. [10].

Государственная политика памяти в Грузии претерпела серьезные изменения после избрания президентом М.Н. Саакашвили в 2004 г. В период его президентства был взят курс на укрепление национальной идентичности, сопровождавшийся формированием антиимперского нарратива, дистанцированием от Российской Федерации и отношением к ней как к историческому противнику, а также демонстрацией древности грузинской государственности.

Одним из первых шагов стала замена государственной символики, принятой в 1991 г. Новый герб Грузии был разработан с учетом элементов герба древнего царского рода Багратиони: в центре расположен щит, на котором изображен Святой Георгий, поражающий копьём змея, на коне. По бокам расположены два льва, держащие щит, увенчанный золотой короной. Под щитом находится лента с девизом «Сила в единстве» [14]. Государственный флаг также был заменен. Вместо полотна, использовавшегося в ГДР, было принято новое изображение: белое полотно, в центре которого расположен «большой красный крест с прямыми углами, соединенный с четырьмя сторонами флага; в четырехугольниках ... изображены четыре болнисско-кацхских креста того же цвета» [11].

Деятельность М.Н. Саакашвили в сфере политики памяти также характеризуется введением звания «Национальный герой Грузии» и присвоением

высшей награды – Ордена Национального героя. Решение о введении этой государственной награды было принято Парламентом Грузии в 2004 г. Среди награжденных три представителя Вооруженных сил ГДР, оказывавших сопротивление частям 11-й Красной армии в 1921 г.: Г.И. Квитанидзе, Г.И. Мазниашвили, К.И. Чолокашвили. Также звание Национального героя Грузии получил первый президент – З.К. Гамсахурдия. Перечисленные герои Грузии захоронены на территории пантеона государственных и общественных деятелей Грузии «Мтацминда».

В рамках критики советского периода в 2006 г. в Тбилиси был открыт Музей советской оккупации в качестве одного из филиалов Грузинского национального музея. На базе филиала действует постоянная экспозиция и регулярно проходят тематические выставки [13].

В Республике Грузии, несмотря на сопротивление активистов и общественного объединения «Сталинист», продолжается процесс десталинизации в монументальной культуре. В 2010 г. был демонтирован памятник И.В. Сталину в его родном г. Гори [5]. Следует отметить, что периодически на территории Грузии происходят самовольные акции установки памятников И.В. Сталину. Ввиду отсутствия согласования с местными властями, такие памятники чаще всего демонтируют. В 2013 г. был демонтирован памятник в г. Телави, установленный несколькими месяцами ранее [1]. В 2015 г. в с. Шорапани демонтировали памятник, установленный накануне ночью по инициативе местного депутата законодательного собрания г. Зестафони [2].

Приведенные примеры подтверждают наличие в политике памяти Грузии антиимперского и антисоветского нарративов, оказывающих влияние на формирование негативного образа Российской Федерации. В условиях крайне низкого уровня межгосударственных отношений двух стран происходит отождествление антиимперского и антисоветского нарративов с современной Российской Федерацией. Эта тенденция особенно усилилась после вооруженного конфликта 2008 г.

Важную роль в политике памяти играет создание ГДР. На государственном уровне ежегодно отмечается день провозглашения Первой республики, который с 1991 г. является Днем независимости, а также празднуются юбилеи. Например, в 2018 г. было отмечено 100 лет со дня провозглашения ГДР. Тогда для участия в праздничных мероприятиях в Тбилиси прибыли международные делегации, в посольствах Грузии в ряде стран были устроены торжественные приемы, включая штаб-квартиру ООН [4]. Также была организована тематическая выставка «От независимости до свободы». Высоко оценивая роль ГДР, премьер-министр Грузии Г.Д. Квирикашвили в своей торжественной речи отметил: «Если бы жители всех регионов не отстаивали независимость страны 100 лет назад, то не было бы и современной Грузии» [3].

Революция 1917 г. открыла для Грузии возможность восстановления государственности и создания независимого государства. Однако революция также позволила и другим народам заявить право на самоопределение, что предопределило межэтнические конфликты между грузинами, абхазами и осетинами в 1918–1921 гг. и первой половине 1990-х гг.

Таким образом, в 1991–2004 гг. для общественно-политической жизни Грузии характерно нестабильное развитие с присущими политическими кризисами и обострением конфликтов с национальными автономиями, что вкупе с поиском идентичности заставляло политические элиты обращаться к вопросам памяти. С 2004 г., после избрания президентом М.Н. Саакашвили, политика памяти Грузии была ориентирована на институционализацию, сопровождавшуюся антиимперским и антисоветским нарративами.

Источники и литература

1. В Грузии снесли памятник Сталину. URL: <https://www.interfax.ru/world/349914> (дата обращения: 18.05.2025).
2. В Грузии снесли установленный под покровом ночи памятник Сталину. URL: <https://lenta.ru/news/2015/11/02/stalin/> (дата обращения: 18.05.2025).
3. Грузия отмечает 100-летие со дня основания первой Республики. URL: <https://www.aa.com.tr/ru/заголовки-дня/грузия-отмечает-100-летие-со-дня-основания-первой-республики/1157393> (дата обращения: 19.05.2025).
4. Грузия отмечает 100-летний юбилей Первой Демократической Республики. URL: <https://civil.ge/ru/archives/242503> (дата обращения: 19.05.2025).
5. Демонтирован памятник Иосифу Сталину в Гори. URL: https://www.gazeta.ru/politics/2010/06/25_a_3390520.shtml (дата обращения: 20.05.2025).
6. День матери празднуют в Грузии. URL: <https://sputnik-georgia.ru/20250303/den-materi-prazdnuyut-v-gruzii-292324676.html> (дата обращения: 13.05.2025).
7. Закон Республики Грузия «Об объявлении переходного периода в Республике Грузия». URL: <https://soveticus5.narod.ru/85/sborn91.htm#p173> (дата обращения: 13.05.2025).
8. Закон Республики Грузия «Об упразднении Юго-Осетинской автономной области» // Законы легитимной власти Республики Грузия, 22 ноября 1990 г. – 3 декабря 1991 г. URL: https://devnili.ucoz.com/_1d/0/2_Georgian_Govern.pdf (дата обращения: 12.05.2025).
9. Малинова О.Ю. Коммеморация исторических событий как инструмент символической политики: возможности сравнительного анализа // Политика: Анализ. Хроника. Прогноз. Журнал политической философии и социологии политики. 2017. № 4 (87). С. 6–22.
10. Маркедонов С.М. Праздники и памятные даты постсоветского Закавказья: история и политика. URL: <https://magazines.gorky.media/nz/2015/3/>

prazdniki-i-pamyatnye-daty-postsovetskogo-zakavkazya-istoriya-i-politika.html (дата обращения: 22.05.2025).

11. Органический закон Грузии «О Государственном флаге Грузии». URL: <https://web.archive.org/web/20180409043258/https://matsne.gov.ge/ru/document/view/13270> (дата обращения: 15.05.2025).

12. Act of Restoration of State Independence of Georgia. URL: <https://www.matsne.gov.ge/en/document/view/32362?impose=parallelEn&fullscreen=1&publication=0> (дата обращения: 12.05.2025).

13. Georgian National Museum. URL: <https://museum.ge/index.php?m=350> (дата обращения: 17.05.2025).

14. Organic law of Georgia on state symbols of Georgia. URL: <https://matsne.gov.ge/ka/document/view/4368486?impose=translateRu&publication=0> (дата обращения: 15.05.2025).

Г.Д. Гриценко

КОНФЕССИОНАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ С ГРАЖДАНСКО-ПАТРИОТИЧЕСКОЙ НАПРАВЛЕННОСТЬЮ В ПОЛИЭТНИЧНОМ ОБЩЕСТВЕ

В последние два-три десятилетия проблематика идентичности прочно заняла важное место в политической науке. Почти в это же время заинтересованность в феномене идентичности превратилась в норму публичной политики, а само понятие «идентичность» стало привычным для политических элит. Научно-практическое внимание к вопросу идентичности обусловлено пониманием ее значимости в качестве системного фактора социальных изменений. Такая многомерность отражается в приоритетах политики идентичности, приобретающей статус неотъемлемой составляющей современной внутри- и внешнеполитической практики. Идентичность соединяет микро- и макрополитические уровни субъективного пространства политики и социальной реальности современного общества, особенно многонационального и поликонфессионального, в котором остро актуализируются этническая и конфессиональная идентичности.

К таким обществам относятся сообщества Северо-Кавказского региона. Палитра идентичностей крайне многоцветна, она имеет то насыщенный оттенок, то едва различимый. Согласно сравнительному анализу результатов социологических исследований, полученных региональными учеными [1–20], в Ставропольском крае, Республике Северной Осетии – Алании и Карачаево-Черкесской Республике преобладает общероссийская идентичность. Однако ни в крае, ни в республиках она не является абсолютно главенствующей.

На Ставрополье, например, второе-третье места занимают этническая и конфессиональная идентичности, долевого выражение которых одинаково: в пределах трети населения. Объяснить сложившуюся ситуацию можно возрождением и институционализацией казачества в качестве этнополитического и культурно-православного акторов.

В Северной Осетии второй по значимости становится этническая идентичность, что, возможно, обусловлено актуализацией одного из мировых трендов – возрождением национального самосознания, нашедшего отклик у части жителей республики.

Региональному сообществу Карачаево-Черкесии свойствен существенный рост как этнической, так и конфессиональной идентичностей.

В оставшихся четырех субъектах Российской Федерации, образующих Северо-Кавказский федеральный округ, общероссийская идентичность является одним из типов макросоциальной идентичности. Для идентификационного пространства Кабардино-Балкарской Республики характерно примерно одинаковое долевого соотношение этнической и общероссийской идентичностей: в пределах 40 %. Именно поэтому часть экспертов, среди которых преобладают региональные исследователи, приоритет отдают этнической идентичности, другие ученые – общероссийской.

Неодинаковость экспертных оценок идентитарных процессов присуща также научному сообществу Республики Дагестан: преобладающей называется или конфессиональная, или этническая идентичность. В то же время результаты исследования последних двух лет свидетельствуют о приоритетности конфессиональной идентичности в результате роста религиозности среди населения Дагестана. Российской идентичности отводится третье место среди распространенных типов макроидентичности дагестанского сообщества.

В республиканском идентификационном пространстве Ингушетии быстрыми темпами растут этническая идентичность (половина населения определяет себя как представителей ингушского этноса) и конфессиональная. При этом значимость общероссийской идентичности постепенно снижается.

Жители Чеченской Республики идентифицируют себя в первую очередь как представителей ислама (почти половина населения ощущает себя мусульманами), значимыми остаются этническая и общероссийская идентичности.

Несмотря на мозаичность идентификационного пространства северокавказских региональных сообществ, важно ориентироваться на приоритетный тип макросоциальной идентичности: общероссийская идентичность преобладает на Ставрополье, в Северной Осетии и Карачаево-Черкесии, этническая – в Ингушетии и Кабардино-Балкарии, конфессиональная – в Чечне и Дагестане.

Согласно целеполаганию данной статьи, в центре исследовательского поля находятся дагестанское и чеченское сообщества с преобладающей в них конфессиональной идентичностью.

Исходя из результатов сравнительного анализа различных идентитарных исследований, общероссийская идентичность в Республике Дагестан и Чеченской Республике занимает третье место: в пределах четверти населения. В то же время здесь накоплен в социальной практике огромный опыт патриотического воспитания. Например, к числу наиболее масштабных и знаковых патриотических проектов, реализованных в Дагестане, можно назвать «Вахту Героев» с участием 14 Героев России и охватом более 7 тыс. человек, проект «Народов много – страна одна» с охватом более 4 тыс. человек, форум «Я люблю Россию!» с охватом более 500 человек. В Чеченской Республике патриотическим зарядом характеризуется инициатива Государственной телерадиокомпании «Вайнах» сделать запись цикла интервью с участниками специальной военной операции (СВО). Первым из этого цикла стало интервью офицера ОМОН «Ахмат-1» Управления Росгвардии по Чеченской Республике майора полиции Лемы Гарбиева, который, будучи пенсионером, решил вернуться в структуру ОМОН «Ахмат-1», чтобы защищать Отечество, целостность Российского государства. В Чечне начала реализовываться Всероссийская эстафета «Знамя Победы моей семьи: ZOVпредков», в рамках которой изготавливаются индивидуальные знамена в форме штурмовых флагов с совмещенной символикой Советского Союза и Российской Федерации, на которых располагаются портреты героев – ветеранов Великой Отечественной войны. Такие знамена направляются в зону СВО для размещения их на военной технике или использования как штурмового флага пешими подразделениями. Суть эстафеты заключается в следующем: подвиг советских солдат в годы Великой Отечественной войны в борьбе с фашизмом – это пример для воинов, борющихся с современным нацизмом в зоне СВО.

И в Чечне, и в Дагестане значима и практика реализации патриотических установок и ориентаций. Это подтверждается, в частности, числом участников СВО и особенно количеством Героев России и бойцов, награжденных высокими правительственными наградами. Так, с начала 2022 г. в зоне боевых действий приняли участие 26 тыс. человек из Чеченской Республики, из них около 12 тыс. добровольцев. На декабрь 2024 г. воевало более 10 тыс. бойцов из Чечни. В Запорожской области чеченский флаг наравне с осетинским встречается чаще других республиканских флагов. За время проведения СВО высоких наград удостоено почти 6,5 тыс. воинов из республики. Свыше 25 тыс. жителей Республики Дагестан участвовали в СВО, 13 военнослужащих из региона за подвиги в зоне СВО удостоены высшей государственной награды – звания Героя России. Уроженец Республики Дагестан стал первым Героем России как участник СВО.

Исходя из приведенных фактов, можно сделать вывод, что преобладание в региональном сообществе конфессиональной идентичности не ведет к значимым потерям в военно-патриотическом воспитании граждан Российской Федерации. Однако есть и другие проявления социальной практики в обществе с сильными конфессиональными традициями.

В частности, региональная стабильность и безопасность в Дагестане нарушается как протестными выступлениями религиозной направленности, так и проявлениями активности со стороны террористов. Например, октябрь 2023 г. сотряслся от антисемитских выступлений, приведших к серьезным беспорядкам в аэропорту Махачкалы. Кроме этого, в республике время от времени происходят террористические акты. Одним из самых трагических было нападение 23 июня 2024 г. боевиков на православные храмы и синагоги в Махачкале и Дербенте, что привело к гибели правоохранителей и мирных жителей, в том числе православного священника.

Возникают споры, перерастающие в протесты жителей ряда российских городов, вокруг строительства мечетей без общественного обсуждения. В частности, бурное обсуждение вызвало строительство мечети на 60 тыс. человек на востоке Москвы рядом с православным храмом и Святым озером, почитаемым верующими. С резкой критикой протестов жителей выступили бойцы-мусульмане, выходцы из Дагестана и Чечни. О движении против строительства мечети также высказалось руководство Чечни, предложив протестующим отправиться в зону СВО. Безусловно, такие подходы в многоконфессиональной стране не могут служить основой для межкультурного согласия и конфессионального мира. Время от времени возникает вопрос о возможности ношения хиджабов в школах российских регионов, что также негативно влияет на этнополитическую стабильность в регионах России.

Таким образом, религиозное возрождение, как и любое социальное явление или социальный процесс, имеет проявления и позитивной, и негативной направленности. В поликонфессиональном обществе особенно значимы научно обоснованные подходы к формированию и реализации религиозной политики. Решения в сфере религии как области культурных практик и моральных установок не могут быть обусловлены аргументами эмоционального содержания. Регулирование конфессиональных процессов должно опираться на осознание последствий, точнее рисков принимаемых управленческих решений. С другой стороны, кроме научного политико-управленческого аспекта религиозной политики существует пространство повседневности, к которой относится проблема организации жизни человека в другой социокультурной среде. В частности, россиянам, переезжающим в регионы с иными социокультурными установками и конфессиональными ориентирами, следует учитывать приоритетность инакости, а не демонстративно манифестировать свою идентичность. Безусловно, достижение

межконфессионального мира и обеспечение социального согласия в поликонфессиональном обществе – достаточно трудный, противоречивый путь, но пройти его необходимо.

Источники и литература

1. Адиев А.З. Институциональные, исторические и культурные рамки формирования общероссийской идентичности на Северном Кавказе / под ред. В.А. Авксентьева, М.М. Шульги. Ростов н/Д., Изд-во ЮНЦ РАН, 2022 // Социологические исследования. 2024. № 10. С. 168–172.
2. Адиев А.З. Патриотический дискурс в публикациях гуманитариев Республики Дагестан // Вестник Института социологии. 2023. Т. 14. № 3. С. 133–148.
3. Адиев А.З. Профилактика экстремизма и терроризма в школах: опыт Республики Дагестан // Вестник Института социологии. 2024. Т. 15. № 3. С. 172–188.
4. Адиев А.З., Бийжанова Э.К., Щербина Е.А. Российская гражданская нация: взгляд из Северного Кавказа // Гуманитарий Юга России. 2022. Т. 11 (53). № 1. С. 119–133.
5. Акаев В.Х. О закреплении гражданских ценностей в сознании молодежи Чеченской Республики в условиях формирования общероссийской идентичности // Гуманитарий Юга России. 2024. Т. 13. № 1 (65). С. 125–135.
6. Акаев В.Х. Этнокультурное и религиозное наследие народов Северного Кавказа: нравственно-гуманистический характер и миротворческий потенциал // Вестник ГГНТУ. Гуманитарные и социально-экономические науки. 2024. Т. XIX. № 1 (35). С. 32–37.
7. Алборова А.В., Дреева С.В., Старченко В.В. Проблема доверия в межэтнических отношениях в поликультурном социуме // СибСкрипт. 2023. Т. 25. № 2. С. 240–246.
8. Атласкиров А.Р. Коммеморативные практики в общественно-политической жизни Кабардино-Балкарской Республики // Электронный журнал «Кавказология». 2020. № 4. С. 205–228.
9. Атласкиров А.Р. Проблема становления общероссийской идентичности в многонациональных регионах Северного Кавказа // Политика и Общество. 2021. № 1. С. 26–32.
10. Атласкиров А.Р. Региональные особенности становления гражданского общества в Кабардино-Балкарской Республике // Вестник Института социологии. 2020. Т. 11. № 4. С. 82–98.
11. Барахоева Л.Р. Проблемы формирования общероссийской гражданской идентичности молодежи Республики Ингушетия // Вестник Ингушского научно-исследовательского института гуманитарных наук им. Ч.Э. Ахриева. 2023. № 2. С. 100–114.
12. Денисова Г.С., Авдеев Е.А., Воробьев С.М. Роль русского населения в социокультурной интеграции народов Северного Кавказа: демографическая

динамика и представления студенческой молодежи Ставропольского края // Наука. Культура. Общество. 2024. Т. 30. № 1. С. 62–79.

13. Евлоева Л.М. Этнокультурные ценности ингушской молодежи (некоторые аспекты) // Общество: социология, психология, педагогика. 2023. № 6 (110). С. 28–32.

14. Ерохин А.М., Авдеев Е.А., Бредихин С.Н. и др. Социокультурные основы российской идентичности молодежи Северного Кавказа: ценностные трансформации и сетевые репрезентации. Ставрополь, 2024.

15. Кушхабиев А.В. Черкесский вопрос в деятельности кабардинских общественных объединений в начале XXI века // Электронный журнал «Кавказология». 2021. № 2. С. 112–134.

16. Магомедова М.З. Диверсификация идентичности в северокавказском социуме: религиозный и этнический уровни. Махачкала, 2022.

17. Махмутова Р.Г., Шибанова Н.А. Мониторинг радикализации молодежи в учебных заведениях // Вестник Национального антитеррористического комитета. 2022. № 1 (28). С. 12–15.

18. Хадикова А.Х. Этническая личность в контексте традиционной культуры осетин // Вестник Северо-Осетинского государственного университета им. К.Л. Хетагурова. 2023. № 3. С. 96–106.

19. Щербина Е.А. Русский и родные языки как факторы идентичности (по результатам экспертных опросов в Карачаево-Черкесской Республике) // Вестник антропологии. 2021. № 1. С. 121–132.

20. Щербина Е.А., Кубанова Л.В. Общественно-политическая ситуация в Карачаево-Черкесской Республике (результаты мониторингов) // Угроза терроризма: уроки истории и задачи общества к 25-летию разгрома бандформирований: мат-лы Всерос. науч.-практ. конф. Махачкала, 2024. С. 199–216.

С.Ю. Иванова

ПАМЯТЬ О ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ КАК ФАКТОР ИНТЕГРАЦИИ НАРОДОВ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА: ОПЫТ ПРАЗДНОВАНИЯ ЮБИЛЕЯ 80-ЛЕТИЯ ПОБЕДЫ¹

Современная социально-политическая ситуация в Российской Федерации и за ее пределами характеризуется как глобальный кризис миропорядка

¹ Статья выполнена в рамках Программы научных исследований, связанных с изучением этнокультурного многообразия российского общества и направленных на укрепление общероссийской идентичности 2023–2025 гг. (руководитель – академик РАН В.А. Тишков). Проект «Патриотизм как интегрирующая ценность полиэтнического российского общества» (FSRN-2023-0025).

и актуализирует проблему достижения социального единства и межэтнического согласия внутри России. Объединительной платформой такого согласия является система традиционных ценностей российского общества, историческая память народов России, их опыт совместного проживания и проект общего будущего, контуры которого всё более отчетливо прослеживаются в выступлениях политических лидеров.

Важная роль в этих процессах принадлежит патриотическим ценностям и символам, главным из которых является 9 Мая – День Победы. Ее 80-летие отмечалось всей страной в 2025 г. Активно были включены в этот процесс и все субъекты РФ в составе Северо-Кавказского федерального округа (СКФО). В Ставропольском крае и республиках в составе СКФО были подготовлены планы праздничных мероприятий, включавшие как участие в общероссийских акциях, так и проекты, отражающие специфику истории и традиций каждой республики. Их изучение представляет особый интерес в целях выявления эффективных методик и технологий развития коммеморативных практик, которые призваны определенным образом закрепить в памяти людей объективную картину военного прошлого Северного Кавказа и обозначить его ключевые моменты, памятные места и героев. Большинство проведенных мероприятий заставило людей вспоминать и эмоционально переживать знаковые исторические события Великой Отечественной войны. За счет освещения в СМИ празднование 80-летия Победы приобрело особую социальную и политическую значимость.

Перечислим лишь несколько ярких акций и событий, происходивших весной 2025 г. на Северном Кавказе. В селе Вежарий Республики Ингушетии прошло торжественное открытие восстановленного памятника грузинским летчикам. История этого памятника уходит корнями в 1943 г., когда в разгар Великой Отечественной войны местные жители собственными руками установили памятный знак в честь отважного летчика грузинского происхождения [5]. Со временем понадобились реставрационные работы. При поддержке Росмолодежи и по инициативе представителя поискового отряда «Малгобек» памятник – символ общей победы над фашизмом – обрел новое обличье. Как подчеркивает автор публикации в сетевом издании «Сердало» А. Газдиев, Великая Отечественная война оставила неизгладимый след в истории Малгобека, превратив его защитников в бессмертных героев своего времени. Среди павших в небе над Ингушетией советских летчиков были представители разных народов – многонациональное фронтовое братство, где плечом к плечу сражались грузины, русские, украинцы, белорусы, дагестанцы, армяне, азербайджанцы, ингуши и многие другие. Их подвиг стал символом единства и общей борьбы против врага [5].

Ко Дню Победы были приурочены фестивали песен военных лет. В Назрановском районном доме культуры Ингушетии прошел фестиваль патрио-

тической песни «Мир через творчество: 80 лет Победы». Главная цель – приобщить детей и молодежь к патриотизму через искусство, воспитать любовь к Родине, уважение к ее истории. На сцене звучали героические, военные и фронтовые песни, а также трогательные песни о семье, памяти и матерях [11]. В сельском поселении Плиево состоялся республиканский фестиваль «Нас песня к Победе вела!». На нем местными коллективами были исполнены песни, которые помогли солдатам переживать тяготы военных лет, песни послевоенного времени: «Катюша», «Смутлянка», «Огонек», «Нам нужна одна победа» и многие другие.

Русский государственный музыкально-драматический театр Республики Ингушетия представил в День Победы спектакль по произведению Ахмета Бокова «Мы вернемся, нани». В центре события оказываются три брата, поехавшие на фронт, чтобы защитить не только свою Родину, но и честь. В них в полной мере проявляется любовь к народу, Отчизне, миру [10]. История основана на реальных событиях.

В Назрани состоялся показ спектакля «Подвиг горянки» [8] о судьбе военврача второго ранга Асият Индрисовны Тутаевой, которая участвовала в боях под Ленинградом, на Воронежском и 1-м Украинском фронтах. Там же, в Назрани, студентами Ингушского политехнического колледжа имени Ю.И. Арапиева подготовлена театрализованная постановка «Так это было!» [9]. На базе Мемориала памяти и славы возродились сцены сражений и обычных будней солдата.

В Чеченской Республике прошли мероприятия разного масштаба: от торжественных митингов, флешмобов до творческих конкурсов в отдельных школах. Власти региона уделили 80-летию Победы в Великой Отечественной войне пристальное внимание. В День Победы город Грозный превратился в живой памятник подвигу советского народа: центральные улицы были оформлены государственными флагами Российской Федерации и Чеченской Республики. На центральной площади имени А.-Х. Кадырова появились объемная световая конструкция с надписью «Победа», а также флаги-виндеры. На видеоэкранах города демонстрировались документальные фильмы и фотохроники военных лет, напоминающие о великом подвиге народа [3]. На бульваре Эсамбаева в Грозном протянули георгиевскую ленту, символ мужества и героизма советских воинов, длиной в 633 м. Бульвар украсили портретами солдат, участвовавших в Великой Отечественной войне. Портреты сопровождалась краткими биографиями героев [2].

В Грозненской школе № 47 к 80-летию Победы открылся военно-патриотический музей. Центральным объектом музея стала масштабная экспозиция «Они защищали Родину». На стенде представлены фотографии и биографии жителей поселка Алды, героически сражавшихся на фронтах Великой Отечественной войны. Отдельное внимание уделено героям современности.

Экспозиция «Герои нашего времени» рассказывает о ветеранах Афганской войны, участниках специальной военной операции на Украине (СВО), среди которых – выпускники школы [1].

В апреле 2025 г. в Российском исламском университете имени Кунта-Хаджи прошла региональная научно-практическая конференция на тему «Вклад народов Северного Кавказа в Победу в Великой Отечественной войне». Организаторами мероприятия выступил Российский исламский университет имени Кунта-Хаджи при содействии Фонда поддержки исламской культуры, науки и образования и Духовного управления мусульман Чеченской Республики. В конференции приняли участие общественные, государственные и религиозные деятели, представители научно-творческого сообщества Северного Кавказа, профессорско-преподавательский состав университета, студенты высших учебных заведений Чеченской Республики [4].

В Кабардино-Балкарской Республике (КБР) мероприятия, посвященные Великой Победе, проводились с начала года. В праздничные дни в районах и городских округах прошло несколько десятков крупных мероприятий – в образовательных организациях, учреждениях культуры и спорта, на мероприятиях, в общественных объединениях. В них приняли участие свыше 300 тыс. человек.

Помимо традиционных памятных мероприятий (возложение цветов к мемориалам, встречи с ветеранами, их потомками и новым поколением героев, концерты и конференции и т.п.) появляются и новые их формы. Например, в преддверии праздника в рамках реализации историко-альпинистского проекта «Керим Отаров. Поэт Победы» началась экспедиция по увековечиванию памяти народного поэта Кабардино-Балкарии, ветерана Великой Отечественной войны Керима Отарова и установке памятной плиты с его стихами. Двухдневное восхождение состоялось в урочище Муккулан Эльбрусского района. В день рождения К. Отарова группа альпинистов и горювосходителей поднялась на безымянную вершину в северном отроге Главного Кавказского хребта (3555 м). На вершине была установлена памятная плита со стихами поэта. Далее предстоит работа по присвоению этой вершине имени Керима Отарова.

В проекте приняли участие 27 человек – представители различных регионов Российской Федерации, в том числе Санкт-Петербурга, Москвы, Краснодар. Присоединились к мероприятию и жители СКФО. Проект проводится Федерацией альпинизма, скалолазания и спортивного туризма КБР совместно с литературно-художественным фондом «Керим» и альпинистским клубом рода Отар по инициативе Союза писателей КБР, при поддержке Министерства курортов и туризма КБР и Министерства культуры КБР [7].

В год празднования 80-летия Победы в Карачаево-Черкесской Республике (КЧР) активизировалась деятельность органов власти, общественных

институтов, социально ориентированных некоммерческих организаций, связанная с патриотической составляющей. Некоторые акции носили персонифицированный характер, в частности рассказы Главы КЧР Р.Б. Темрезова о выходах из Карачая и Черкесии, участниках Великой Отечественной войны, которые он размещал в своем личном телеграм-канале. Затем они транслировались на телеканале Государственной телерадиокомпании «Карачаево-Черкесия» в рубрике «Семейный архив» под лозунгом «Сохраним историю семьи – сохраним историю Победы». Инициатива, поддержанная Главой КЧР, исходила от председателей советов старейшин народов Карачаево-Черкесии, представителей национальных общественных организаций и ориентировалась на воспитание региональной молодежи на примерах известных в республике людей, которые своим трудом, подвигами в годы Великой Отечественной войны и в послевоенное время восстановления народного хозяйства внесли большой вклад в социально-экономическое развитие КЧР.

Авторитетные и известные в Карачаево-Черкесии личности провели просветительские экскурсии и лекции, организованные в рамках масштабной всероссийской патриотической акции Российского общества «Знание», приуроченные к 80-летию Великой Победы. Так, с лекцией перед учащейся молодежью республики, посвященной подвигам жителей республики – героям Великой Отечественной войны, выступили депутат Государственной думы Федерального собрания Российской Федерации С.Д. Узденов, министр культуры КЧР З.З. Агирбов, министр молодежной политики И.И. Тоторкулов. Встречи с молодыми людьми проходили в форме просветительских экскурсий, кинопоказов, бесед.

Среди всероссийских акций, прошедших в КЧР, можно выделить масштабные проекты «Георгиевская ленточка», «Окна Победы», «Письмо Победы», «Свеча памяти», «Диктант Победы», «Сад памяти», «Бал Победы», акцию «Бессмертный полк», в которых были задействованы тысячи жителей республики. Общеобразовательные школы и военно-патриотические клубы участвуют во Всероссийском проекте «Диалоги с Героями». Значимой стала акция «Знамя Победы», которая прошла в республиканской столице 8 мая 2025 г. в атмосфере военного времени: торжественный марш, вальсирующие пары. Было развернуто Знамя Победы – точная копия штурмового флага, водруженного над Рейхстагом в мае 80 лет назад. Его в течение года по очереди получили все общеобразовательные организации КЧР. Участие в масштабной акции приняли дети разных возрастов: от воспитанников детского сада до выпускников школ, объединенные общей целью – отдать дань памяти и выказать уважение героям, совершившим великий подвиг во имя Отечества.

Увлекательными, вызвавшими интерес всех жителей КЧР стали региональные мероприятия, организованные Министерством образования и науки

КЧР: конкурс «И песня тоже воевала...» и арт-проект «Герои среди нас». Региональный конкурс «И песня тоже воевала...» был направлен на сохранение и популяризацию военно-патриотической тематики через песни, которые играли важную роль в годы войны.

Для Дагестана – региона с исключительным этнокультурным разнообразием – память о Победе в Великой Отечественной войне является одним из важных ресурсов консолидации общества. Вклад дагестанцев в Победу (более 150 тыс. участников войны, 65 Героев Советского Союза) формирует прочную основу для патриотического воспитания, сочетающего общенациональные и локальные смыслы. В 1942–1943 гг. Дагестан стал стратегическим тылом в битве за Кавказ. Помимо участия в боевых действиях, регион обеспечивал поставки продовольствия, нефти и вооружений. Великая Отечественная война мобилизовала все этнические группы республики, создав священную основу для коллективной памяти.

В Республике Дагестан, как и в других субъектах Российской Федерации, действует региональный оргкомитет «Победа», на заседаниях которого регулярно обсуждался и корректировался план мероприятий, посвященных празднованию в 2025 г. 80-летия Победы и проведению в республике Года защитника Отечества [6]. Военный парад 9 мая в Каспийске, памятные акции, встречи с ветеранами Великой Отечественной войны, ветеранами-афганцами, участниками СВО, выставки и спектакли, фестивали и концерты, сотни других мероприятий проводились во всех городах и районах Дагестана в течение всего 2025 г.

Среди интересных местных инициатив и проектов можно выделить «100 дней до Победы», «Дети Героев», «Я горжусь, я расскажу», «Голос Победы». Так, в рамках проекта администрации г. Махачкалы «100 дней до Победы» с 29 января по 9 мая творческая группа готовила ежедневный выпуск небольших видеороликов, состоящих из двух частей. Первая часть этих видеороликов повествует о событиях, произошедших в этот день на фронтах Великой Отечественной войны в 1945 г., в том числе о знаменательных сражениях, подвигах солдат и важных решениях командования. Во второй части дети участников СВО рассказывают о героях Великой Отечественной войны, ставших символами Победы, делясь личными историями и воспоминаниями о своих предках. Каждый видеоролик завершается словами поддержки тем, кто принимает участие в СВО, подчеркивается важность их вклада в защиту Родины. Проект «100 дней до Победы» был задуман как некий мост между поколениями и направлен на укрепление чувства патриотизма через историческую память и популяризацию историй о современных героях и защитниках Отечества. Телеканал Республиканской государственной вещательной компании «Дагестан» совместно с общественной организацией «Сила в единстве» запустил в марте проект «Дети героев», посвященный

памяти дагестанских воинов, погибших в зоне проведения СВО. В коротких видеороликах дети рассказывают о том, какими были их отцы, что они успели сделать за свою жизнь и что завещали и напутствовали своим детям. Цель проекта – популяризация примеров патриотизма, мужества и отваги среди дагестанцев. Более 26 тыс. человек приняли участие в шествии «Бессмертного полка» в Махачкале 9 мая. Участие в мероприятии приняли представители республиканских властей, активисты «Движения первых», «Юнармии», кадетских корпусов, участники СВО и члены их семей, местные жители и гости республики.

Празднование 80-летия Победы на Северном Кавказе продемонстрировало синтез традиций и инноваций. Акцент делался на локальную историю. Вовлечение молодежи через цифровые платформы и медиапроекты, а также укрепление межпоколенческих связей стали ключевыми факторами успеха. Эти мероприятия не только сохраняют память о героях, но и формируют основу для будущего патриотического воспитания.

Источники и литература

1. Амаева Т. В Грозненской школе № 47 к 80-летию Победы в ВОВ открылся военно-патриотический музей // Сетевое издание «Вести Чеченской Республики». URL: <https://vesti095.ru/2025/04/v-groznenskoj-shkole-47-k-80-letiyu-pobedy-v-vov-otkrylsya-voenno-patrioticheskij-muzej/?ysclid=mct74j03ww910493035> (дата обращения: 11.05.2025).

2. Асаева Т. В Грозном в честь 80-летия Великой Победы развернули георгиевскую ленту длиной 633 метра // Сетевое издание «Вести Чеченской Республики». URL: <https://vesti095.ru/2025/05/v-groznom-v-chest-80-letiya-velikoy-pobedy-razvernuli-georgievskuyu-lentu-dlinoj-633-metra/> (дата обращения: 11.05.2025).

3. В Грозном торжественно отметили 80-летие Победы в Великой Отечественной войне // ИА «Грозный-информ». URL: <https://www.grozny-inform.ru/news/society/171296/> (дата обращения: 11.05.2025).

4. В РИУ им. Кунта-Хаджи прошла конференция «Вклад народов Северного Кавказа в Победу в ВОВ» // Официальный сайт ЧГТРК «Грозный». URL: <https://grozny.tv/news/istoriya/69201> (дата обращения: 11.05.2025).

5. Газдиев А. Память сильнее времени. Ко Дню Победы в Ингушетии восстановили мемориал грузинским летчикам // Сетевое издание «Сердало». 10.05.2025. URL: <https://serdalo.ru/material/ko-dnyu-pobedy-v-ingusetii-vosstanovili-memorial-gruzinskim-letcikam> (дата обращения: 10.05.2025).

6. Дагестан масштабно отметит 80-летие Великой Победы // РИА «Дагестан». 29.11.2024. URL: https://riadagestan.ru/news/president/dagestan_masshtabno_otmetit_80_letie_velikoy_pobedy/ (дата обращения: 29.03.2025).

7. Керим Отаров – поэт Победы // Лента новостей Нальчика. 11.05.2025. URL: <https://nalchik-news.net/culture/2025/05/11/83037.html> (дата обращения: 11.05.2025).

8. Официальная страница ГБУ «ТЮЗ» г. Назрани ВКонтакте. Пост от 09.05.2025. URL: https://vk.com/wall-217191147_1173 (дата обращения: 10.05.2025).

9. Официальная страница Движения первых Республики Ингушетия ВКонтакте. Пост от 07.05.2025. URL: https://vk.com/wall-217730055_8618 (дата обращения: 11.05.2025).

10. Официальная страница Русского государственного музыкально-драматического театра Республики Ингушетия в Telegram. Пост от 10.05.2025. URL: <https://t.me/rgmdt/1248> (дата обращения: 10.05.2025).

11. Цороев П. В Ингушетии провели фестиваль «Мир через творчество: 80 лет Победы» // Интернет-газета «Ингушетия». URL: <https://gazetaingush.ru/v-ingushetii-proveli-festival-mir-cherez-tvorchestvo-80-let-pobedy> (дата обращения: 10.05.2025).

К.А. Пурен

СИМВОЛИЧЕСКОЕ ПРОСТРАНСТВО ЮЖНОЙ ОСЕТИИ (на основе полевых исследований)

Понятие символического пространства рассматривается в рамках настоящего исследования как поле, в котором осуществляется производство и конкуренция различных интерпретаций социальной реальности [2: 126]. Символическая политика в данном контексте выступает не только как инструмент власти, но и как механизм социального конструирования реальности [1: 31], в основе которого – борьба за доминирование смыслов и нормативных представлений.

В условиях ограниченного международного признания и постконфликтной трансформации символический проект Южной Осетии остается концептуально незавершенным. Это делает его изучение особенно актуальным. Важной предстает мысль о том, что элиты, конструирующие «картину мира» в определенной стране, действуют в рамках разделяемой ими системы смыслов. По этой причине анализ ценностных установок и представлений политической элиты и лидеров общественного мнения Южной Осетии позволяет реконструировать основные установки, вокруг которых выстраивается их «картина мира», а также выявить возможные направления будущего развития этого государства.

В рамках настоящего исследования автором была проведена серия экспертных интервью с представителями политической элиты и лидерами

общественного мнения в Южной Осетии. На данный момент было опрошено 10 респондентов.

Все респонденты являются жителями либо выходцами из Южной Осетии, что обеспечивает однородность группы. Возрастной диапазон участников составляет от 35 до 60 лет, что позволяет охватить зрелую часть населения, обладающую сформированной жизненной и профессиональной позицией.

С точки зрения территориального распределения, шесть информантов на момент интервью постоянно проживали в г. Цхинвал, а четыре – во Владикавказе. Таким образом, выборка охватывает как представителей Южной, так и Северной Осетии, что позволяет учитывать региональный контекст формирования взглядов.

Профессиональная и социальная характеристика участников следующая: семь из них в разные периоды своей жизни занимались политической деятельностью. Трех респондентов можно отнести к категории лидеров общественного мнения (ЛОМов), играющих значимую роль в формировании информационного пространства. Отбор участников осуществлялся с учетом их вовлеченности в процессы принятия решений и формирования общественного дискурса в республике. Исследование было проведено в рамках подготовки диссертационной работы «Внешние факторы формирования символического пространства Абхазии и Южной Осетии».

Интервью проводились с использованием открытых вопросов, направленных на выявление ценностных установок, представлений о правильном распределении блага, источникам общественного статуса, будущем молодого поколения, отношении к внешнеполитическому курсу и т.д. В соответствии с достигнутыми договоренностями имена респондентов не раскрываются. Все интервью зафиксированы и хранятся в личном архиве автора.

Респонденты отмечают, что глава Южной Осетии должен обладать рядом ключевых качеств, среди которых особенно выделяются политическая воля (в частности, быть инициаторами проектов для российской стороны), готовность брать на себя ответственность, а также компетенции в сфере государственного управления, подкрепленные соответствующим образованием. Отдельное значение придается необходимости глубокого понимания лидером Южной Осетии политических процессов в Российской Федерации и включенности в северокавказский политический контекст.

Один из респондентов подчеркивает: «Я думаю, что руководитель Осетии (Южной Осетии. – К.П.) должен быть образованным. Это главный момент, потому что дефицит образования, как показала моя практика, ничем не перебьешь, то есть человек может быть каким угодно умным, но, если образования нет, у него нет системности мышления, и он должен хорошо понимать Россию».

Интересно отметить, что не все респонденты смогли назвать идеального политического лидера из Нартского эпоса. Тем не менее, упоминались такие персонажи, как Сырдон и Урузмаг. По мнению опрошенных, Сырдон заслуживает внимания благодаря своей изобретательности и способности находить нестандартные решения в трудных обстоятельствах. Урузмаг же выделяется храбростью и стремлением к справедливости, что также рассматривается как важное достоинство для лидера Южной Осетии.

Первоначальная гипотеза автора исследования заключалась в том, что респонденты могут концептуально разграничивать понятия «государство», «страна» и «республика», при этом интерпретируя первые два термина в контексте Российской Федерации, а термин «республика» – исключительно как обозначение Южной Осетии. Однако результаты интервью показали, что респонденты, напротив, склонны отождествлять эти понятия, рассматривая «республику» именно как форму государственного устройства.

Восприятие будущего государства в значительной степени сопряжено с представлениями о роли молодого поколения. Почти все опрошенные едины во мнении, что дети должны получать образование там, где оно характеризуется высоким качеством, вне зависимости от географического положения – в России, Соединенных Штатах Америки, странах Европейского союза и т.п. Также присутствует мнение о том, что учиться нужно в своей республике. Наряду с этим подчеркивается необходимость развития системы высшего образования в самой Южной Осетии, поскольку в Южно-Осетинском государственном университете им. А.А. Тибилова отсутствует подготовка по ряду востребованных специальностей, например, медицине.

Одним из респондентов была отмечена концепция «балц» – в переводе с осетинского «поход» или «набег». В то время, как в нартовских сказаниях она представляла собой военный поход [4: 6], в наши дни, по замечанию того же респондента, ее значение трансформировалось в «поездку за знанием, опытом или практиками». «Чтобы обрести себя как человека, тебе надо из лона родительского уехать, набраться знаний. В моем идеальном мире хорошо, чтобы этот человек вернулся и обогатил Осетию. Осетия – это не земля. Это люди», – объясняет он.

Что касается профессиональной реализации молодежи, респонденты выделяют два основных сценария. Первый путь предполагает временное трудоустройство в Российской Федерации с целью накопления профессионального опыта и обретения социального капитала, который впоследствии может быть использован при возвращении в Южную Осетию. Однако данный вектор сопряжен с институциональными ограничениями: наличие ценза оседлости затрудняет доступ к участию в политической жизни республики, и к моменту возможного включения в управленческие процессы ранее сформированные связи с российскими политиками могут утратить свою актуальность.

Альтернативная стратегия – это возвращение в Южную Осетию после завершения обучения. Тем не менее, этот путь осложняется ограниченными возможностями трудоустройства для молодых специалистов. Респонденты указывают на существующую геронтократическую модель управления, в рамках которой доступ молодежи к позициям в системе государственного управления и иных секторах крайне ограничен.

В современном осетинском обществе наблюдаются изменения в восприятии роли женщины. В Нартиаде [3] центральной женской фигурой является Шатана – образ, сочетающий в себе женскую мудрость и фигуру воительницы. В контексте современности, однако, доминирует традиционная модель, в которой женщина в первую очередь рассматривается как хранительница очага и семейных ценностей. Несмотря на это, в пределах семьи женщина сохраняет определенную степень субъектности: она имеет право на выражение мнения и участие в принятии решений. Вместе с тем социальные нормы предписывают ей учитывать мнение мужчины и проявлять мудрость в повседневных вопросах. Решение о количестве детей в семье, согласно мнению респондентов, остается в зоне личного выбора самой женщины.

В политическом контексте респонденты ссылаются на прецедент избрания президентом республики в 2011 г. учительницы русского языка и литературы, бывшего министра образования республики Южная Осетия (2002–2008 гг.) Аллы Джигоевой. При этом они не выражают однозначного неприятия женского лидерства, однако в условиях сохраняющейся напряженности в отношениях с Грузией отмечают сомнения в целесообразности пребывания женщины на посту президента. Одновременно подчеркивается, что в Южной Осетии исторически положение женщин характеризуется более широкими правами и свободами по сравнению с соседними мусульманскими республиками Северного Кавказа.

Согласно результатам исследования, респонденты рассматривают семью как центральную жизненную ценность, наряду со стремлением оставить после себя значимый след в истории Осетии. Представления о социальных нормах варьируются в зависимости от территориального контекста проживания южных осетин. Для южных осетин, проживающих в Южной Осетии, поведенческие установки формируются под влиянием семейного окружения, церкви и государственной власти – в пределах сфер, находящихся в зоне ее влияния. В то же время южные осетины, проживающие в Северной Осетии, указывают на то, что нормы поведения определяются преимущественно их индивидуальными установками и личными ценностными ориентирами.

В вопросе распределения общественных благ все респонденты высказываются в пользу принципа – по справедливости/по заслугам. При этом

наблюдается трансформация критериев социального статуса: если ранее ключевыми факторами признания в обществе выступали происхождение и занимаемая должность, то в современных условиях значимость приобретают должностное положение и материальное благополучие.

В современном югоосетинском обществе отсутствует национальный проект, способный объединить население вокруг четко сформулированной цели или «образа будущего». Один из респондентов подчеркивает: «За весь период после 2008 года ни одна власть не смогла продуцировать какие-то смыслы, понимаете, то есть объяснить людям, что мы делаем и зачем. Какая-то цель должна быть. До 2008 года у нас всё было иначе. Это было очень драйвовое, очень мобилизованное супердейательное активное общество. Люди с ностальгией вспоминают, потому что была угроза со стороны Грузии, была война, и все понимали, что и для чего. Мы должны отбиться, мы должны получить независимость, потом к России присоединиться. А потом, когда мы это всё получили, на этом всё и закончилось».

При этом присутствуют конкурирующие представления о будущем статусе республики: с одной стороны, сохраняется идея интеграции с Российской Федерацией как наиболее реалистичный и желаемый сценарий; с другой – существует дискурс о самостоятельной государственности, не подкрепленный конкретными механизмами реализации. При этом респонденты признают, что реализация проекта независимости без опоры на Россию представляется маловероятной. Кроме того, отдельными участниками исследования высказывается идея создания «государства всех осетин» вне зависимости от их территориальной принадлежности. При этом конечной целью выступает объединение двух Осетий – то есть сохраняется курс на вхождение в состав России.

Особый интерес представляет вопрос о соотношении внешнеполитической лояльности и внутреннего социально-экономического благосостояния. Один из респондентов указывает на необходимость для руководства республики четко очерчивать рамки взаимодействия с внешними партнерами. Он отмечает, что такая позиция приобретает особую значимость в условиях, когда отдельные инициативы внешнеполитических акторов, даже исходящих от союзников, могут приводить к ощутимым социальным или экономическим потерям внутри самой Южной Осетии. В этом контексте ответственность руководства заключается не только в следовании курсу стратегического партнерства, но и в защите интересов собственных граждан, особенно когда речь идет о потенциальной цене этой лояльности.

Таким образом, промежуточные результаты исследования символического пространства Южной Осетии показывают, что на современном этапе в республике нет четкого национального проекта. При этом ценностные

установки южных осетин в Южной Осетии более консервативны, чем в Северной.

Продолжение изучения этой темы важно для российской внешней политики. Анализ символического пространства Южной Осетии может способствовать формированию более тонко выстроенной стратегии взаимодействия российских властей с местными элитами и обществом в целом, а также выработке эффективных механизмов мягкой силы, основанной на понимании региональной специфики.

Источники и литература

1. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. М., 1995.
2. Бурдые П. Социология социального пространства / пер. с фр.; отв. ред. перевода Н.А. Шматко. М.; СПб, 2007.
3. Нарты. Осетинский героический эпос в трех книгах. М., 1989–1991.
4. Чибиров Л.А., Вольная (Керцева) Г.Н. Воинские обычаи и обряды в осетинском нарттовском эпосе: истоки и параллели // Известия СОИГСИ. 2020. № 37 (76). С. 5–16.

С.З. Возба

РОЛЬ ЖЕНЩИН В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ НАРОДА АБХАЗИИ: ПО МАТЕРИАЛАМ УСТНОЙ ИСТОРИИ

Роль женщин в Отечественной войне народа Абхазии (1992–1993 гг.) была огромной, что подтверждается материалами устной истории. Эти свидетельства позволяют услышать «живые» голоса участниц и восстановить картину, часто недоступную официальным документам.

Отечественная война народа Абхазии привела к тому, что большинство женщин вынуждены были встать во главе семьи, так как многие мужчины ушли воевать, пропали без вести, погибли. Женщинам пришлось нести большую ответственность за своих детей и пожилых родственников. А многие женщины и вовсе ушли на войну.

Об участии женщин в войнах на Кавказе известно с древнейших времен. Как писали исследователи, в Кавказских горах в сторону Каспийского моря жили амазонки: «Хотя это были и женщины, но они были очень храбры на войне» [1]. Именно такими и предстали женщины Абхазии во время Отечественной войны с Грузией.

Хотелось бы проиллюстрировать некоторые аспекты роли женщины в Отечественной войне народа Абхазии, отраженные в устных источниках.

Участие женщин непосредственно в боевых действиях. Устные истории рассказывают о женщинах, сражавшихся на передовой с оружием в руках. Они участвовали в штурмах вражеских позиций, держали оборону. Их мотивация объяснялась в описаниях любовью к своей стране, стремлением защитить родной дом и детей. Выделяется Кама Ласурия. Она была единственной женщиной-командиром на Восточном фронте, руководила операциями в сёлах Тамыш, Кутол и Лабра. О ней говорили как о девушке, творящей чудеса в бою, так как она совмещала командование подразделением с ведением разведки и снайперской стрельбой. Удостоена звания Героя Абхазии.

Назовем и другие имена: Инга Жиба (воевала на Восточном фронте), Ляля Паразия (воевала медсестрой на Гумистинском фронте, удостоена ордена Леона посмертно), Эсма Аршба (санинструктор, разведчик, участвовала в боевых действиях), Ирина Гоцеридзе (во время мартовского наступления 1993 г. вынесла на спине нескольких раненых через линию фронта, убита, удостоена звания Героя Абхазии посмертно), Лика Топуридзе (грузинка, попала в плен и была убита, удостоена звания Героя Абхазии посмертно), Саида Делба (абхазская поэтесса, журналистка, погибла в с. Меркула, награждена орденом Леона посмертно).

Организация медицинской помощи. Женщины-врачи, медсестры, санитарки работали в невероятно тяжелых условиях: под обстрелами, без достаточного количества лекарств, оборудования, в импровизированных госпиталях. Устные истории полны описаний их самоотверженности, моральных и физических испытаний при виде страданий и смерти. Они не только лечили, но и морально поддерживали раненых.

В период войны в Абхазии была организована группа сестер милосердия под руководством Светланы Харчилава. В нее входили медицинские сестры и добровольные санитарки. Частью этой группы были как взрослые (Майя Амичба, Манана Лакашия), так и школьницы (ученицы гудаутской средней школы № 5 Марина и Инна Авидзба, Мадина Арчелия, Альмира Лакоба, Лиана Джарсалия и др.) [2: 401].

Тася – старшая сестра инфекционного отделения в Центральном госпитале Гудауты, оказывала помощь не только находившимся там больным, но и грузинским пленным. Она рассказывала: «Иногда насмотришься, как целый день ребят изуродованных с фронта привозят, такая ненависть ко всем к горлу подступает – жалеешь, что в белом халате. Но я клятву давала, приходится, как положено, помощь оказывать... А вообще, девочки, уже никаких сил от этой войны нет. Только бы она кончилась, я бы всю жизнь бесплатно круглые сутки работала, только бы она наконец кончилась...» [7: 109–110].

Профессиональная медсестра Ирина Папба с первого дня войны оказалась на передовой: «В Верхней Эшере в ресторане, был уже организован

медицинский пункт, вместе с Баталом Кобахия <...> Я в Эшере каждую тропинку знала, и помочь надо было всем. Не все же были медсестрами. В промежутке между обстрелами учила девочек перевязывать, шприцы держать и т.д. <...> Постепенно девочки стали подтягиваться. Если в начале нас было 12, то позже стало 120» [3].

Жанна Хашба являлась санинструктором группы «Гроза», позже была избрана замполитом. Была представлена к боевой награде – ордену Леона и награждена медалью «За отвагу».

Женщины создавали и обеспечивали работу госпиталей и пунктов помощи в относительно безопасных районах, организовывали сбор и распределение медикаментов, взаимодействовали с добровольцами.

Исходя из данных Министерства обороны Абхазии, в медико-санитарную службу республики в период 1992–1993 гг. входило 1 282 сотрудника разных профессий. Однако составители сборника документов и материалов о медицинской службе Республики Абхазии в 1992–1993 гг., приводя данную цифру, отмечают, что она «может быть названа абсолютной только с известной долей условности. Она, равно как и все списки, нуждается в дальнейшем изучении и анализе» [6: 558].

В медико-санитарную службу Восточного фронта входило 105 медсестер [6: 477, 478, 479, 480, 481, 482, 483]. Сотрудницами гудаутского военного госпиталя было 378 женщин. Среди них и врачи, и санитарки, и медсестры, и работницы кухни [6: 476, 502]. В Гудаутской районной поликлинике, работавшей в тылу во время грузино-абхазской войны 1992–1993 гг., трудилось 12 женщин [6: 529], по другим данным – 9 [6: 547]. Список личного состава медицинского склада гражданской обороны г. Гудауты Министерства здравоохранения Республики Абхазия в период грузино-абхазской войны 1992–1993 гг. включал 4 женщин [6: 531]. Список сотрудников Ново-Афонского военного госпиталя в Ново-Афонском храме и эвако-сортировочного госпиталя в Ново-Афонской участковой больнице состоял из 103 женщин [6: 502, 518]. 28 сотрудниц Гагрской центральной районной больницы работали в разных прифронтовых госпиталях. В Дурипшском госпитале в период Отечественной войны народа Абхазии 1992–1993 гг. работали 26 женщин [6: 521, 522].

Помощь бойцам на передовой. Женщины шили и вязали теплые вещи (носки, перчатки), собирали и готовили еду для бойцов (часто под артиллерийскими обстрелами), организовывали доставку всего необходимого на передовую. Устные рассказы часто упоминают огромные котлы еды, которые готовились в полевых условиях. Одной из тех, кто с первых до последних дней войны кормил бойцов на передовой, была Рита Агрба. Полевая кухня была развернута в апацхе¹ в Нижнем Эшере.

¹ Традиционная абхазская постройка для приготовления пищи и встречи гостей.

Мзия Сохадзе-Абухба с первых дней войны служила в медико-санитарном батальоне на Гумистинском фронте. Являясь грузинкой по происхождению, сознательно выбрала сторону Абхазии. Она также организовывала доставку еды бойцам.

Помощь в тылу, сбор гуманитарной помощи. Организация приема, учета и распределения гуманитарной помощи, поступавшей из России и от диаспоры, по большей части ложилось также и на женские плечи. Хотелось бы упомянуть народную поэтессу Абхазии Нелли Тарба, которая в 1988 г. основала Детский фонд Абхазии, первоначально входивший во Всесоюзный детский фонд. Еще в марте 1993 г. она находилась в Москве по вопросу поставки гуманитарной помощи. Ее усилиями после мартовского наступления состоялась поставка гуманитарной помощи, в основном, вещей.

Мать погибшего добровольца Лера Пежева после гибели сына Заура отдала на марафоне в помощь Абхазии свои пенсионные сбережения. В беседе с Лили Хагба, автором очерков о добровольцах Северного Кавказа, она сказала: «Для меня сегодня Заур воскрес. Если сын отдал за вас свою жизнь, теперь каждый абхаз для меня маяк, за которым пойду смело» [8: 7].

Многие женщины из Северного Кавказа отправляли своих сыновей на войну в Абхазию. Так, председатель Комитета женщин Абхазии Юлия Папба рассказывала о зверствах, происходивших в Абхазии. И многие собравшиеся выступали за то, чтобы отстоять свободу республики. «Женщина дает жизнь, и женщина должна ее защищать», – заявляли присутствующие [6: 219].

Сохраниение памяти. При штабе Конфедерации народов Кавказа (далее – КНК) был создан пресс-центр, которым руководила Ирина Агрба. В него входили Лили Хагба, Людмила Аргун, Эмма Анкуаб, Цира Габния, Нана Лакашия, Ирина Куакуаскир, Ляля Чамагуа. Лили Хагба принимала активное участие в повседневной работе оперативного штаба КНК, в издании газеты «Конфедерация», в которой публиковались ее очерки о ребятах, пришедших на помощь Абхазии. Являясь непосредственной участницей событий, она собрала биографический материал о погибших воинах-добровольцах [5: 359].

В 2008 г. в Центральном выставочном зале Союза художников Республики Абхазия проходила фотовыставка, посвященная 15-летию победы в Отечественной войне народа Абхазии «Женщины Абхазии и война». На выставке были представлены фотографии санинструкторов и тех женщин, кто рядом с мужчинами с оружием в руках защищали Родину. Выставку проводила организация «Союз сестер милосердия Абхазии», руководителем которого на тот момент была Людмила Маргания. Она отмечала, что во время войны погибли 26 медсестер, среди которых 6 Героев Абхазии, 18 кавалеров ордена Леона [6: 428]. В «Союз сестер милосердия», созданный в 1995 г., входило 200 женщин, служивших в составе фронтовых медицинских служб.

Журналистки освещали события войны, поддерживали дух народа через радио, газеты, выступления. Аида Ладария в военное время возглавляла пресс-центр в Гудауте, обеспечивала работу журналистов, помогая получать доступ к фронтовым сводкам, таким образом обеспечивала информационный фронт. Военный корреспондент абхазского телевидения, журналист Эмма Ходжаа освещала боевые действия. В 1994 г. была удостоена медали «За отвагу». В 2012 г. вышел фильм Э. Ходжаа «Песни нашей победы». Он был основан на военных архивах и записях фронтовых бардов.

Филолог Тали Джапуа, ставшая во время войны журналистом, сыграла большую роль в документировании событий Отечественной войны народа Абхазии. Она снимала на камеру повседневную жизнь бойцов, санитарок, медсестер. Благодаря любительским видеоматериалам была создана уникальная летопись войны. Тали Джапуа присвоено звание Героя Абхазии.

Екатерина Бебия являлась военным корреспондентом Министерства обороны Абхазии, вела репортажи с передовой. За время боевых действий записала более 200 передач о бойцах, командирах и мирных жителях. В 2023 г. выпустила цикл фильмов «По следам живых писем» основанный на фронтовых письмах. Награждена орденом «Ахьдз-Апша» (орден Славы) III степени и премией Союза журналистов Абхазии «За мужество и профессионализм в период войны».

Анна Бройдо-Барциц – журналистка, военный корреспондент, этнолог. В 1993 г. стала добровольно работать военным корреспондентом на передовой, освещала события для российских СМИ. Еще в 1994 г. награждена медалью «За отвагу».

Напрашивается вопрос, в чём же ценность устной истории в освещении роли женщин в Отечественной войне народа Абхазии? Прежде всего, в восстановлении «невидимой» истории. Официальные документы часто фиксируют командный состав и крупные операции. Устная история дает голос рядовым участницам, чей повседневный подвиг в тылу, на перевязочных пунктах, в окопах оставался «незаметным». Личные рассказы передают страх, боль, гнев, решимость, отчаяние и надежду так, как не могут об этом говорить сухие отчеты. Они показывают человеческое измерение войны. Описание быта на войне, конкретных эпизодов помощи раненым, приготовления пищи, перехода через линию фронта – всё это оживает в устных рассказах.

Свидетельства женщин – жертв оккупации, потери близких являются бесценными и страшными документами военных преступлений. К сожалению, для многих из них окопы стали домом, а главной заботой были жизнь и здоровье окружающих. Рассказы очевидцев свидетельствуют, что женщины на войне стали мощным моральным стержнем. Их присутствие, забота, слова поддержки на позициях и в госпиталях имели огромное значение для боевого

духа воинов. Устные истории бойцов часто проникнуты благодарностью именно за эту моральную опору. Устная история сохранила память о женщинах, погибших при обстрелах городов и сёл, в оккупации. Их страдания и гибель стали символом трагедии войны.

Устные истории – это инструмент передачи памяти о войне и роли женщин следующим поколениям внутри абхазского общества. Однако возникают и проблемы при записи устноисторических материалов. Некоторые события могут быть слишком болезненны для рассказа. Каждый рассказ – лишь часть большой мозаики. Не все участницы дают интервью, и не все истории записаны. Хочется охватить разные районы, города и социальные группы.

Материалы устной истории свидетельствуют однозначно: без женщин победа Абхазии в Отечественной войне была бы невозможна. Они были не просто помощницами, а равноправными участницами борьбы на всех ее фронтах. Их вклад – это вклад воительниц, спасительниц, кормилиц, хранительниц очага в условиях войны и, наконец, матерей, оплакивающих потери. Хотелось бы привести слова матери – Заиры Лагвилава, потерявшей единственного сына во время войны: «Мое счастье – это счастье моего народа. Потому что за счастье моего народа я потеряла самое дорогое. Это был мой единственный ребенок...» [4].

Устные истории сохраняют голоса женщин, их подвиг и их боль, делая историю грузино-абхазской войны более полной, героической и трагической. Эта память должна сохраняться посредством архивов, музеев, публикаций и мемориальных мероприятий.

Источники и литература

1. Адыгская амазония. Ч. 2 // Livejournal [сайт]. URL: <https://viktorkotl.livejournal.com/51020.html> (дата обращения: 1.06.2025)
2. Газета «Республика Абхазия» 14 августа 1992 г. – 30 сентября 1993 г. / сост. А.Ф. Авидзба, В.З. Чамагуа. Сухум, 2017. 920 с.
3. Информант: И. Папба. Интервьюер: С.З. Возба. Запись 8 октября 2017 г.
4. Информант: З. Лагвилава. Интервьюер: С.З. Возба. Запись: 2 февраля 2015 г.
5. Добровольцы в Отечественной войне Абхазии (1992–1993 гг.): документы и материалы / сост. Т.М. Кештов, Г.В. Цулая. Сухум, 2014.
6. Медицинская служба Республики Абхазия 1992–1993 гг. (Документы и материалы) / сост. А.Ф. Авидзба, Е.Г. Гегия. Сухум, 2018.
7. Тот, который прикрывал. Сборник рассказов / сост. Р.Е. Аджинджал. Сухум, 2013.
8. Хагба Л.Р. Их души тают над горами...: очерки о добровольцах Северного Кавказа, участниках грузино-абхазской войны 1992–1993 гг. Сухум, 2013.

Е.Г. Гегия

ОБ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ СОВРЕМЕННОЙ АБХАЗИИ: НА ПРИМЕРЕ СОБЫТИЙ НАЦИОНАЛЬНО-ОСВОБОДИТЕЛЬНОГО ДВИЖЕНИЯ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XX в.

Представления о прошлом являются ценностным ориентиром, влияют на формирование национальной и культурной идентичности людей. В эпоху цифровизации и информационных войн особенно важно изучение исторической памяти общества.

На сегодняшний день в науке существует много подходов к определению понятия «историческая память». Однако чаще всего в современной литературе «историческая память понимается как память об историческом прошлом, репрезентация исторического прошлого» [5: 337].

Л.Н. Мазур, исследующая данную проблематику, выделяет источники и механизмы формирования исторической памяти. К источникам она относит «историческую науку, искусство, литературу ... личный опыт, в том числе документированный (мемуары, воспоминания, письма и пр.). Механизмами трансляции исторической памяти выступают система образования, средства массовой информации, устные коммуникации, места памяти» [6: 247].

В связи с этим, как правильно отмечает А.Ф. Авидзба, «люди, конструирующие историческую память, несут большую ответственность за правдивость информации, ретранслируемой ими поколениям, ибо очень важно, чтобы они знали историю такой, какая она есть, а не такой, какой хочется ее видеть» [4: 461].

Социологическое исследование исторической памяти помогает узнать, как сегодня население воспринимает события прошлого, произошло ли его переосмысление среди участников и очевидцев исследуемых процессов.

В рамках изучения данной темы в 2024 г. был проведен небольшой социологический опрос, чтобы понять, какие события национально-освободительного движения сохранились в исторической памяти абхазского народа. В опросе приняли участие 240 человек.

Большинство вопросов анкеты содержали готовые ответы на выбор, к некоторым вопросам дополнительно была добавлена открытая графа для написания своего варианта.

В истории Абхазии много эпизодов, когда ее народ вынужден был бороться за свое существование. Это происходило вследствие нашествия соседних

народов и царств, а в советский период – из-за потери политической самостоятельности. Именно это случилось в Абхазии в 1931 г., когда она из самостоятельной республики превратилась в автономию в составе Грузинской ССР. Впоследствии это привело к политике ассимиляции абхазов, что отразилось на их культуре, истории, демографии и пр.

Угроза потери своей национальной идентичности привела к зарождению национально-освободительного движения абхазов. Как отмечает А.Ф. Ави-дзба, «это движение, сопровождавшееся требованиями выхода из состава Грузии и повышения статуса Абхазии в рамках Советского государства, являлось борьбой за самосохранение и самоопределение в рамках советской государственности» [2: 24].

В абхазской историографии основными этапами национально-освободительного движения являются 1957, 1967, 1977–1978, 1989 гг. К этому ряду можно отнести и годы Отечественной войны в Абхазии (1992–1993 гг.). Они стали самой острой фазой длительного абхазско-грузинского противостояния.

Данная тема является довольно обширной, поэтому для опроса были выбраны лишь отдельные ее аспекты. В первую очередь респондентам было предложено выбрать известные им годы национально-освободительного движения и дать их краткое описание.

В результате 1967 и 1977–1978 гг. – важные этапы национально-освободительного движения абхазского народа – оказались известны лишь четверти участникам опроса. В эти годы абхазы выступали с письменными обращениями к партийному руководству ЦК КПСС. В письме 1967 г. приводились факты притеснения Абхазии со стороны Грузии в области культуры и экономики, обозначившиеся за годы ее присоединения к Грузинской ССР на правах автономии [1: 161–162]. В 1977 г. в письме ставился главный вопрос – необходимость ввести в новую конституцию республики пункт о праве выхода Абхазии из состава Грузинской ССР [1: 164–167]. Авторы и подписанты этих писем подверглись критике и преследованиям со стороны партийных властей Грузии, но народ встал на их защиту.

События 1989 г. описали 70,3 % опрошенных. Среди ответов чаще всего речь шла о грузино-абхазском столкновении, которое произошло в июле 1989 г. Во время тех трагических событий по официальным данным было убито 17 человек: 11 грузин, 5 абхазов и 1 грек, а ранения различной степени тяжести получили 4 448 человек [3: 124]. Реже респонденты упоминали «Лыхненское обращение», которое было принято 18 марта 1989 г. на многотысячном сходе в с. Лыхны Гудаутского района. Собравшиеся приняли обращение в адрес советского правительства, с призывом восстановить статус Социалистической Советской Республики Абхазии, какой она была провозглашена в 1921 г.

Практически все опрошенные, независимо от возраста и рода деятельности, знали, что в 1992–1993 гг. шла Отечественная война в Абхазии – 96,1 %. Такой высокий показатель связан с тем, что события тех лет являются частью личной жизни большинства населения республики, а эта дата наиболее близка к современности. К примеру, в графе «другое», где можно было написать свой вариант ответа, 15 человек отметили, что члены их семьи являются участниками Отечественной войны в Абхазии, а пятеро написали о своем личном участии в войне.

За редким исключением, все опрошенные ответили, что они сами либо их родные и знакомые принимали участие в следующих событиях национально-освободительного движения:

- народные сходы – 55,4 %;
- митинги – 50,5 %;
- вооруженное столкновение 1989 г. – 41,4 %;
- писали обращение или подписывали письмо в защиту абхазов – 26,9 %;
- драки, вооруженные стычки – 20,4 %;
- сидячие забастовки, голодовки – 12,9 %.

У респондентов также выясняли, в чём, на их взгляд, была цель национально-освободительной борьбы абхазов. Они могли выбрать несколько вариантов ответа. Самым популярным стал ответ: «борьба за самосохранение в условиях грузинской ассимиляции» (66,1 %); на втором месте – «полная политическая независимость Абхазии» (61,2 %); затем следует «защита исторического прошлого абхазов» (53,3 %); «желание выйти из состава Грузинской ССР и вхождение в РСФСР» (16,3 %); «получение права определять свое политическое будущее в рамках СССР» (15,3 %).

Как известно, исторические этапы часто ассоциируются с той или иной личностью, которая проявила лидерские качества в переломный момент. Во главе национально-освободительного движения абхазского народа всегда была интеллигенция. Именно она, как правильно заметил один из исследователей данной темы, «в силу специфики своей деятельности, раньше других слоев общества должна чувствовать опасность, угрожающую ее народу» [3: 70].

Поэтому респондентам предлагался список исторических личностей, среди которых были первые секретари Абхазского обкома КПСС, председатели Совета Министров и Президиума Верховного Совета Абхазской АССР, а также ученые и писатели, которые занимались общественно-политической деятельностью в 1950–1990-е гг. Участники опроса должны были выбрать тех людей, которых знают, и написать, кем они были, по их мнению, в профессиональном плане. При этом не ставилась задача дать оценку личности и ее деятельности. Самыми известными и уважаемыми (их указали более 50 % респондентов) оказались:

- Ардзинба Владислав Григорьевич – 97,8 %;
- Шинкуба Баграт Васильевич – 86,4 %;
- Шакрыл Тамара Платоновна – 64 %;
- Гогуа Алексей Ночевич – 63,6 %;
- Дзидзария Георгий Алексеевич – 61 %;
- Чочуа Андрей Максимович – 53,4 %;
- Адлейба Борис Викторович – 51,3 %.

В контексте исследуемой темы закономерно, что наиболее известным для опрошенных оказался В.Г. Ардзинба – крупный ученый-востоковед, ставший политическим и духовным лидером народа, человек, с чьим именем связана победа в Отечественной войне 1992–1993 гг. Основная часть респондентов знает его как первого президента Республики Абхазии, но некоторые описали его как ученого-хеттолога, директора Абхазского института гуманитарных исследований, политического деятеля, Верховного главнокомандующего, президента-освободителя, а кто-то даже подчеркнул, что «если речь идет о В.Г. Ардзинба, то слова тут излишни».

Хорошо помнят респонденты советского абхазского прозаика, поэта и государственного деятеля Б.В. Шинкубу. Им он запомнился больше как поэт и писатель, а также как Председатель Президиума Верховного Совета Абхазской АССР.

Общественно-политическая составляющая выходит на передний план при описании деятельности Т.П. Шакрыл. Из 64 % отметивших ее имя респондентов большинству она известна не как ученый-филолог, а как яркий представитель национально-освободительного движения.

Помимо творческой деятельности абхазского писателя-прозаика А.Н. Гогуа, опрошенные отметили его общественную деятельность, активное участие в национально-освободительном движении и факт его нахождения в должности председателя Народного форума «Аидгылара» (создан в декабре 1988 г.).

Известного абхазского историка-кавказоведа Г.А. Дзидзария описали как ученого-историка, а также общественно-политического деятеля.

А.М. Чочуа – абхазский просветитель, партийный деятель, много лет работал Председателем Президиума Верховного Совета Абхазской АССР. Респондентам он запомнился как писатель, публицист, ученый и общественно-политический деятель.

Среди первых секретарей Абхазского обкома, занимавших эту должность с 1950-х гг., большинство опрошенных отметили Б.В. Адлейбу. О нём указали, что он партийный и государственный деятель, подписал «Лыхненское обращение» от 18 марта 1989 г.

Исходя из полученных данных, можно утверждать, что хранителем памяти об истории национально-освободительного движения является старшее

поколение. Многие его представители были не только очевидцами, но и активными участниками тех событий.

Хорошими знаниями по обозначенной теме отличается поколение в возрасте от 25 до 44 лет. Возможно, это связано с тем, что детские и юношеские годы этих респондентов пришлись на военное и послевоенное время. Изучение истории Абхазии в тот период имело огромное значение не только в науке, но и в системе образования. Безусловно, сказалось также наличие высшего образования у большинства опрошенных. Часть из них являются работниками различных государственных структур. Это немаловажный факт, что люди, знающие свою историю, занимаются государственным управлением, так как на них лежит ответственность за принятие решений.

Самая молодая категория респондентов от 17 до 20 лет не так хорошо знакома с историей национально-освободительного движения. Они знают историю Отечественной войны в Абхазии и некоторые события, ей предшествовавшие. Это скорее всего связано с тем, что они плохо знакомы с историей Абхазии советского периода и не изучают историю своей семьи.

Таким образом, можно сказать, что многие эпизоды истории национально-освободительного движения неплохо сохранилась в исторической памяти народа Абхазии. Тем не менее, важно и в дальнейшем исследовать эту тему, привлекая новые архивные источники, а также метод устной истории.

Источники и литература

1. Абхазия в советскую эпоху: сборник документов. Т. 1. Абхазские письма (1947–1989) / сост. И.Р. Марыхуба. Сухум, 1994.
2. Авидзба А.Ф. Абхазия и Грузия: завтра была война (О абхазо-грузинских отношениях в 1988–1992 годы). Сухум, 2012.
3. Авидзба А.Ф. Проблемы военно-политической истории Отечественной войны в Абхазии (1992–1993). Кн 1. Сухум, 2013.
4. Авидзба А.Ф. Прошлое на службе настоящего, или настоящее в плену прошлого (проблема реконструкции исторической памяти) // Диалог времен. История. Традиции. Культура. 2018. № 2.
5. Грибан И.В. Историческая память как исследовательская проблема: анализ современных подходов // Бюллетень науки и практики. 2016. № 1 (ноябрь). С. 334–342.
6. Мазур Л.Н. Образ прошлого: формирование исторической памяти // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2: Гуманитарные науки. 2013. № 3 (117). С. 243–256.

Е.А. Авдеев

РОССИЙСКИЕ ЦИВИЛИЗАЦИОННЫЕ ОСНОВАНИЯ ОБРАЗА БУДУЩЕГО: ПРЕДСТАВЛЕНИЯ МОЛОДЕЖИ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА¹

В борьбе за образ будущего сталкиваются глобалистско-универсалистский и цивилизационно-самобытный проекты развития современного мира. Это придает международной политике экзистенциально-аксиологическое измерение. Россия является одним из лидеров курса на многополярность и самобытное цивилизационное развитие. В настоящее время происходит формирование моделей будущего на основе этих ценностно-мировоззренческих различий. Назревает явный общественный запрос на ценностно-цивилизационный образ будущего страны на базе разделяемой большинством населения российской ценностно-смысловой матрицы, способствующей социальной консолидации. Такой образ особенно важен в условиях глобальных экономических и социально-политических трансформаций, которые могут радикально изменить жизненные траектории россиян. При этом горизонт личного и общественного видения будущего существенно сокращается, что влияет на процессы интеграции и консолидации общества, снижает социальный оптимизм и активизирует стратегии выживания. Ценностное измерение образа будущего отражается в сознании разных поколений россиян. Целью исследования является определение представлений полиэтничной молодежи Северо-Кавказского региона о цивилизационно-аксиологических ориентирах образа будущего России. Для выявления количественных оценок полиэтничной молодежи по изучаемой проблематике в мае – июне 2024 г. был проведен онлайн-опрос. Выборочную совокупность составили 1500 студентов вузов Северного Кавказа. Опрашиваемые являлись представителями основных этноконфессиональных групп: русские и северокавказские народы; православные, мусульмане и нерелигиозные в возрасте 18–24 лет.

Наряду с государственной политикой, направленной на формирование образа будущего страны, существуют его поколенческие и социально-групповые проекции, которые отражают существующие настроения и базовые потребности различных категорий россиян. Они неустойчивы, подвержены внешнему влиянию и могут существенно изменяться. Стабилизирующим

¹ Исследование выполнено в рамках государственного задания Министерства науки и высшего образования Российской Федерации, проект «Патриотизм как интегрирующая ценность полиэтничного российского общества» (FSRN-2023-0025).

фактором выступает наличие ясного и привлекательного для населения государственного стратегического видения образа будущего, опирающегося на цивилизационно-аксиологический компонент.

В отечественном политологическом дискурсе в настоящее время не сложилось общее представление о будущем страны. При этом в социально-политическом пространстве формируются и укрепляются цивилизационные основы образа будущего. Исследование эмоционально-образных компонентов, определяющих мировоззрение российского общества, свидетельствует о сложившемся в коллективном бессознательном образе страны, который является не только частью внутреннего мира человека, но и точкой «кристаллизации» эмоциональных переживаний. Образ России переходит из идеологической в экзистенциальную сферу, соотносясь с целями и ценностями, определяющими будущее [6]. По словам А.Д. Харичева, «без четкого представления об Отечестве, его фундаментальных особенностях и ключевых исторических испытаниях трудно найти решение насущных для России проблем и сформировать образ будущего» [7: 4]. Наиболее значимыми с точки зрения концептуализации и реализации будущего являются представления молодежи. Исследование роли представлений о будущем в формировании идентичности молодежи, в ходе которого были выявлены точки соответствия этих представлений нарративам, транслируемым политическими акторами в публичное пространство, было проведено учеными Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации [3]. И.С. Семененко подчеркивает: «Цивилизационная идентичность – это наиболее общая идентитарная составляющая в системе координат “личность – общество – государство – культура”, которая надстраивается над всеми другими социальными идентичностями» [4: 81]. По мнению исследователя, учет цивилизационных ориентиров при формировании повестки политики развития способствует тому, что ее приоритеты будут «приняты обществом как “свои”, значимые для конкретного человека, для его будущего и будущего его семьи, для поддержания значимых для личности социальных связей» [4: 81].

Под цивилизационно-аксиологическими основами образа будущего нами понимается совокупность символических, культурно-исторических и социально-политических составляющих российской идентичности, проявляющихся в социальных отношениях и влияющих на политические процессы. Образ будущего становится ядром государственной политики и стратегического планирования, опирается на социальную память, является средством интеграции полиэтничного общества и обеспечения суверенного развития. Формирование представлений молодого поколения о стране и ее будущем невозможно без учета полиэтничности

и поликонфессиональности населения, опоры на культурно-историческое наследие, а также многовековых традиций российской государственности и традиционных ценностных констант.

Альтернативы образа России как самобытного государства-цивилизации или части европейской цивилизации приоритетности демократических прав и свобод человека, а также готовности или неготовности поступиться ими ради личной и общественной безопасности выступают ориентирами, задающими тренды будущего развития. Оценка проводилась по 5-балльной шкале (5 баллов – имеет большое значение, 1 балл – не имеет значения). У респондентов преобладает видение России как самобытного государства-цивилизации со своей системой ценностей и особым путем развития (3,93 балла). Альтернатива – Россия как часть европейской цивилизации, путь которой должен продолжаться вместе с Европой, существенно менее значима (2,76 балла). Суждение «Демократические свободы и права человека – приоритет» (3,92 балла) преобладает в оценках респондентов над альтернативой «Демократические свободы и права человека не имеют большого значения» (2,15 балла). Молодые люди в большей степени согласны с тем, что правами и свободами граждан нельзя пренебрегать ни при каких обстоятельствах (3,92 балла), чем с суждением, что права и свободы не имеют большого значения (3,24 балла) (см. табл. 1). Ориентир на развитие России как самобытного государства со своей системой ценностей и путем развития для молодежи является приоритетом. Гражданственность, права и свободы человека выступают компонентами системы традиционных российских духовно-нравственных ценностей [5]. Можно предположить, что эти ценности в представлениях молодых людей имеют большое значение и рассматриваются ими в контексте цивилизационной самобытности России. Дисперсионный анализ (analysis of variance, ANOVA) подтверждает отсутствие статистически значимых различий оценок в группах «национальность» (наблюдаемые подгруппы: русские, северокавказские и другие народы ($F^1 - 0,02 < F\text{-крит.} - 3,68$)) и «вероисповедание» (наблюдаемые подгруппы: православные, мусульмане и нерелигиозные ($F - 0,03 < F\text{-крит.} - 3,68$)).

¹ F-статистика – отношение межгрупповой дисперсии к внутригрупповой. В ANOVA определяет наличие/отсутствие статистически значимых различий между средними значениями сравниваемых подгрупп. F-критическое – пороговое значение F-статистики, определяющее, является ли наблюдаемая разница между средними значениями подгрупп статистически значимой. В данном случае F-статистика < F-критическое, что позволяет принять нулевую гипотезу: об отсутствии статистически значимых различий в наблюдаемых подгруппах.

Таблица 1

Альтернативы образа России, демократических свобод и прав человека
(Северо-Кавказский федеральный округ (СКФО), май – июнь 2024 г.,
N = 1500, средний балл)

	Национальность			Вероисповедание			Всего, N = 1500
	русские	северо-кавказские народы	другие народы	православные	мусульмане	нерелигиозные	
Россия – самобытное государство-цивилизация	4,09	3,78	3,80	4,18	3,77	3,70	3,93
Россия – часть европейской цивилизации	2,73	2,77	2,84	2,63	2,75	3,09	2,76
Демократические свободы и права человека – приоритет	3,98	3,85	3,88	3,97	3,78	4,11	3,92
Демократические свободы и права человека не имеют большого значения	2,05	2,24	2,21	2,11	2,32	1,90	2,15
Правами и свободами граждан нельзя поступаться	4,13	3,91	3,82	4,08	3,84	4,19	4,01
Некоторые права и свободы граждан могут быть ограничены ради безопасности	3,25	3,20	3,37	3,38	3,25	2,93	3,24

Одним из значимых факторов, определяющих желаемый образ будущего России, является патриотическое сознание. Сформированность и выраженность патриотизма молодежи рассматривалась через призму четырех компонентов: державного, защитно-жертвенного, историко-культурного и социально-деятельностного. Оценка представленных компонентов проводилась по 5-балльной шкале (5 баллов – компонент имеет высокое значение для респондентов, 1 балл – компонент не имеет значения). Оценка державного компонента (3,92 балла) была проведена на основе определения значимости для респондентов «могущества и влияния России в мире» и «принадлежности к великой державе». Наивысшие оценки были выявлены в подгруппах «русские» (4,00 балла) и «православные» (4,16 балла), ниже – в подгруппах «сеveroкавказские народы» (3,86 балла) и «мусульмане» (3,83 балла). Наиболее низкие – среди нерелигиозных (3,54 балла). Значимость защитно-жертвенного компонента (установки на готовность защищать свою страну и пожертвовать жизнью ради нее) – 3,76 балла. Наивысшие оценки были даны

русскими (3,82 балла) и православными (4,00 балла), чуть ниже – северокавказскими народами (3,75 балла) и мусульманами (3,76 балла), а самые низкие – нерелигиозными (3,28 балла). Историко-культурный компонент (защита исторической правды, российской культуры и русского языка) в структуре патриотического сознания имеет несколько большее значение (4,10 балла). Наиболее важным для респондентов стал социально-деятельностный компонент (стремление помочь своим согражданам и изменить жизнь страны к лучшему) – 4,19 балла. В подгруппах «русские» (4,27 балла) и «православные» (4,34 балла) средние оценки немного выше, в остальных подгруппах они практически совпадают (см. табл. 2). Наибольшие различия, обусловленные этноконфессиональным фактором, выявлены при оценках державного и защитно-жертвенного компонентов патриотического сознания. Среди нерелигиозных опрошенных установки на величие страны и готовность ее защищать существенно ниже. В целом не выявлены статистически значимые различия в оценках в группе «национальность» ($F = 1,71 < F_{\text{крит.}} = 4,26$). При этом такие различия выявлены в группе «вероисповедание» ($F = 4,46 > F_{\text{крит.}} = 4,26$). Попарные сравнения позволяют говорить о значимых различиях между православными и нерелигиозными ($Q^1 = 4,18 > Q_{\text{крит.}} = 3,2$).

Таблица 2

Сформированность и выраженность патриотизма у молодежи
(СКФО, май – июнь 2024 г., N = 1500, средний балл)

	Национальность			Вероисповедание			Всего, N = 1500
	русские	северокавказские народы	другие народы	православные	мусульмане	нерелигиозные	
Державный компонент	4,00	3,86	3,78	4,16	3,83	3,54	3,92
Защитно-жертвенный компонент	3,82	3,75	3,59	4,00	3,76	3,28	3,76
Историко-культурный компонент	4,24	3,97	3,95	4,35	3,91	3,92	4,10
Социально-деятельностный компонент	4,27	4,12	4,03	4,34	4,07	4,08	4,19

¹ Коэффициент Q (Q-статистика) — в тесте Тьюки значение, рассчитанное для пары сравниваемых подгрупп (православные и нерелигиозные), показывающее, насколько велика разница между средними значениями по отношению к вариабельности внутри групп. Полученная Q-статистика превышает табличное для данного теста критическое значение, что указывает на наличие статистически значимых различий между сравниваемыми группами.

Ключевым компонентом представлений о будущем является образ Российского государства. В этой связи респондентам было предложено выбрать из ряда характеристик (цивилизационно-самобытный, социально-патерналистский и ультралиберальный образы) наиболее близкий им образ. Более половины (56,2 %) выбрали цивилизационно-самобытный образ – сильное государство, обеспечивающее суверенитет, безопасность и сохранение цивилизационной самобытности. Больше всего выбравших этот образ выявлено среди православных (66,4 %) и русских (60,1 %). Несколько менее значимо такое государство для мусульман (53,1 %) и северокавказских народов (51,7 %). Для нерелигиозных респондентов сильное государство наименее привлекательно (41,6 %). Социально-патерналистский образ – государство, обеспечивающее удовлетворение базовых потребностей граждан и определяющее нормы жизни и поведения, – привлекателен для четверти (26,1 %) опрошенных. Разброс предпочтений в подгруппах «национальность» и «вероисповедание» минимален. Наименьшей привлекательностью обладает ультралиберальный образ – государство, гарантирующее права и свободы граждан, даже если их реализация нанесет ущерб суверенитету и безопасности (12,5 %) (см. табл. 3). Различия, обусловленные этноконфессиональной идентичностью и отношением к религии, незначительны.

Таблица 3

Характеристики образа Российского государства
(СКФО, май – июнь 2024 г., N = 1500, %)

	Национальность			Вероисповедание			Всего, N = 1500
	русские	северокавказские народы	другие народы	православные	мусульмане	нерелигиозные	
Цивилизационно-самобытное государство	60,1	51,7	56,7	66,4	53,1	41,6	56,2
Социально-патерналистское государство	27,3	26,1	20,7	27,5	25,1	27,1	26,1
Ультралиберальное государство	13,1	12,3	10,0	13,4	11,1	12,2	12,5

Образ будущего, концептуализируемый в ходе ретрансляции и рецепции новыми поколениями ценностных констант, встраивается в социально-политическую реальность. Образ России как государства, опирающегося на исторически сформированную, надэтническую систему традиционных

духовно-нравственных ценностей, является фактором, обеспечивающим суверенитет, безопасность и сохранение цивилизационной самобытности. В условиях возрастающей международной нестабильности, разрушения старого миропорядка и формирования контуров нового мира поддержка молодежью политического курса России имеет решающее значение. В этой связи общность представлений полиэтничной молодежи о России как о стране-цивилизации является фактором общенациональной консолидации и продолжения выбранного Россией магистрального курса на цивилизационную самобытность, суверенитет и опору на традиционные ценности.

На основе данных эмпирического исследования можно сделать вывод, что у молодежи преобладает видение России как самобытного государства-цивилизации со своей системой ценностей и особым путем развития. Демократическая модель организации публичной власти, права и свободы человека, а также необходимость обеспечения как личных, так и общественных интересов рассматриваются в качестве российских цивилизационных ценностей. Патриотизм как основа суверенного развития России в представлениях молодежи опирается на сформированность и выраженность державного, защитно-жертвенного, историко-культурного и социально-деятельностного компонентов, при этом два последних обладают большей значимостью. Этноконфессиональные различия при оценках предложенных суждений и альтернатив в целом незначительны, что говорит об общезначимости цивилизационно-аксиологических оснований образа России для полиэтничной молодежи Северо-Кавказского региона. При этом для молодых людей, не имеющих выраженной религиозной идентичности, установки на государственный суверенитет несколько менее значимы. Можно предположить, что с увеличением числа нерелигиозной молодежи поддержка политического курса на суверенное развитие будет уменьшаться, о чем свидетельствуют и предшествующие исследования, проведенные с нашим участием [1; 2].

Осознание и принятие новыми поколениями общих ценностей и целей, имеющих цивилизационный характер, должны стать основой успешного развития России. В этой связи задачами государства выступают системное формирование российских цивилизационно-аксиологических ориентиров в сознании новых поколений и воспитание человека будущего: ответственного гражданина и деятельного патриота, приверженного принципу «Мы» и идее служения стране, обществу, семье и профессии.

Источники и литература

1. Авдеев Е.А., Воробьев С.М. Основы патриотизма студенческой молодежи в условиях противостояния России и Запада на Украине // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. 2024. Т. 20. № 2. С. 167–185.

2. Авдеев Е.А., Воробьев С.М. Традиционные ценностные основы общероссийской идентичности: на примере молодежи Северного Кавказа // Социологическая наука и социальная практика. 2023. Т. 11. № 3. С. 37–54.

3. Комаровский В.С., Беляков А.А., Бориско О.А. Образ будущего России глазами молодежи. М., 2021.

4. Семененко И.С. Цивилизационная идентичность в повестке политики идентичности: меняющийся миропорядок и российские приоритеты // Государственное управление. Электронный вестник. 2024. № 104 (S). С. 79–87.

5. Указ Президента Российской Федерации от 09.11.2022 № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» // Президент России. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/48502> (дата обращения: 30.04.2025).

6. Харичев А.Д., Шутов А.Ю., Полосин А.В., Соколова Е.Н. Восприятие базовых ценностей, факторов и структур социально-исторического развития России (по материалам исследований и апробации) // Журнал политических исследований. 2022. Т. 6. № 3. С. 9–19.

7. Харичев А.Д. Цивилизация «Россия» // Блокнот гражданского просвещения. 2025. № 7. С. 4–10.

РАЗДЕЛ 7

Кавказ как пространство диалога культур

З.Д. Джапуа

ОБ АБХАЗСКОМ ЭПИЧЕСКОМ СКАЗИТЕЛЬСТВЕ

В абхазской традиции фольклорного повествования исполнителей исключительно эпических текстов меньше, чем сказителей, совмещающих эпос с произведениями других жанров. Таких примеров в мире немало: например, у киргизов большинство манасчи знали и произведения других жанров. Правда, в репертуаре некоторых абхазских сказителей все же преобладало эпическое начало. Примечательно, что и другие – не эпические – тексты таких сказителей также проникнуты эпическим пафосом. Одни исполняют эпические сказания в основном в песенной форме, другие предпочитают прозу, третьи же почти одинаково рассказывают как эпические, так и сказочные тексты.

Речь, поэтика и стиль абхазского сказителя в целом спокойны, в отличие, например, от манасчи у киргизов. Голос абхазских сказителей не слишком громкий; если звонкий, то не оглушительный, если высокий, то не пугающий; гармоничный. Их интонация без сильных эмоций, речь мягкая, не слишком быстрая. Личность и мастерство абхазских сказителей, певцов и ораторов отражают красоту и сладкий голос их страны, облик самой природы стал их образом и характером.

На вопрос собирателей к сказителям, от кого они услышали исполняемые произведения, следуют несколько противоречивые ответы. К примеру:

1) их тексты обладают магической силой, они посещают их чудесным образом; боги наблюдают за ними и во сне рассказывают им сюжеты;

2) в детстве они слушали сказителей, днем и ночью слышали их голоса и смотрели им в глаза;

3) их воспитывали в семейной традиции, когда фольклорные знания передавались от дедушки и отца, бабушки и матери и т.д.;

4) учились пению у сказителей-учителей;

5) сказители, владеющие грамотой, могли читать печатные тексты в дополнение к своему традиционному репертуару, тем самым эти произведения вновь возвращались к устной традиции; в репертуаре читающих сказителей сливалось традиционное начало с книгой.

Варианты и версии легенды о призвании певца, о которой писал В.М. Жирмунский [8: 358–370], встречаются у многих народов. Основной мотив сюжета – чудесное внушение во сне. Своеобразная версия его обнаруживается и в тематике абхазского нартского эпоса, в сказании об изобретении музыкального инструмента ачарпан¹ героем Кытауаном. И в абхазской традиции заметна связь сказителя и жреца, знахаря или других лиц, которые проводят различные ритуалы, моления, снимают сглаз заговариванием и т.д. Функционально они весьма близки друг другу или даже могут выступать в одном лице.

Вдохновенное божье слово обладает магической силой, воздействует на природу, животных и людей. К примеру, киргизский сказитель сообщал, что, когда он исполнял «Манас», поднимался сильный ветер, земля и дома тряслись, скот шарахался и бежал в разные стороны. С магической силой слова связано и то, что у разных народов эпические произведения входили в репертуар охотников, исполнялись на похоронах или для преодоления болезней. У абхазов за тяжелобольным человеком (особенно раненым) ухаживало много людей, они пели так называемую песню ранения для облегчения его боли. Более того, даже сам больной играл на апхярце² и пел песни.

Человек, которому Богом дано петь, был уверен в себе, считал, что ему все под силу, уверенность эта, несомненно, помогала ему добиться успеха. Например, когда В.В. Радлов спросил у киргизского певца, сумеет ли он спеть поэму, тот ответил: «Я могу спеть любую поэму, так как Бог наделил меня искусством пения. Он вкладывает в мои уста слова, и мне не приходится их искать. Я не выучил ни одной из моих поэм: все вытекает из меня, изнутри меня самого» [14: 84].

По представлениям талантливых абхазских сказителей, их мастерство возникло не на пустом месте, а было подсказано сверху, потому не могли петь свои песни, когда им захотелось, об этом они спрашивали и просили одобрения у Бога. Но это происходило, можно сказать, интимно, изнутри, тайно от других.

¹ Ачарпан – абхазский народный духовой музыкальный инструмент, род продольной флейты [15: 229].

² Апхярца – абхазский народный струнный смычковый музыкальный инструмент [15: 229].

Как отмечали исследователи, рождение и становление сказителя, с одной стороны, зависит от чудесного внушения, наития, а с другой – от «учителя», от старших певцов. Эти два начала не противоречат, а дополняют друг друга, следуют вместе, или одно вытекает из другого. Начинаящий сказитель, зная, что он находится под влиянием чудесных сил, внушающих ему божий дар, стремился наблюдать и учиться у старших певцов и сказителей. У абхазов слово старшего сказителя имело магическую силу, на него смотрели как на Бога, считали учителем начинающих певцов. Опасаясь, что вместе с ним умрет его репертуар, он находил учеников и методично передавал им свои фольклорные знания. У великих среднеазиатских мастеров было по несколько учеников, обучение которых проводилось бесплатно, учитель даже обеспечивал учеников питанием и одеждой, а они в свою очередь помогали ему по хозяйству. Через два-три года, когда учитель отпускал своих учеников, он дарил им новые халаты (см.: [9: 35–46; 7: 639]).

В сказительстве у большинства эпических культур мира, в том числе у абхазов, преобладала трансмиссия через семейные традиции: певцы в основном учились у своих отцов и дедушек, у матерей и бабушек. Правда, бывали случаи, когда учитель приезжал из другого поселка, деревни, а то и из далекой страны.

Как известно, в традиции сказительства фольклорные знания передавались прежде всего из уст в уста. Но в определенные периоды времени приходит влияние книги – пение, рассказывание, запоминание текстов по книге. Об этом свидетельствуют, например, позднейшие версии эпоса о Гильгамеше, средневековый французский эпос и т.д. У разных народов рукописи и печатные издания издавна оказывали влияние на устные традиции эпоса. Книга получила широкое распространение и в русском былинном сказительстве.

Глубоко изучивший этот вопрос Ю.А. Новиков писал: «Обращение сказителей к книге было явлением массовым, отвечало определенным потребностям аудитории, носителей былинной традиции и, конечно же, оказало существенное влияние на ее эволюцию – в частности, ускорило естественный процесс усложнения структур эпических песен, усилило тенденцию к контаминации сюжетов, созданию сводных былин о наиболее популярных богатырях» [11: 348]. В 1970-е гг., когда Б.Н. Путилов записывал эпические произведения в Черногории, он заметил, насколько традиция была жива, но, приехав в 1990-е гг., обнаружил, что знаменитых гуслиров трудно найти и влияние книги на восприятие эпоса стало сильнее [13: 244].

Влияние книги могло усилиться до такой степени, что, вместо устного повествования сказитель читал книги своим слушателям. Так поступали, например, турецкие профессиональные сказители, так называемые меддахы [14: 81]. Переходу устной традиции в книжную способствовали, на мой взгляд, и сказители, которые старались сами записывать свои сказа-

ния (например, как узбекский певец Эргаш Джуманбул-оглы, абхазские сказители Чычыкуа Цвижба и Куча Лакрба). Пишущие и читающие исполнители иногда писали свои эпические версии и передавали их в архивы и журналы.

В эпической традиции, как бы ни было сильно влияние книги, ученые пришли к выводу, что в сказительстве память и устное восприятие по-прежнему преобладают, в репертуарах многих сказителей сочетаются устные и книжные знания. Иными словами, даже современные сказители, пусть и грамотные, остаются в рамках традиционного стиля, их искусство обращено прежде всего к необразованным слушателям. В связи с этим можно с уверенностью сказать, что в передаче героического эпоса, по сравнению с устной традицией, книга не играет большой роли. Насколько я заметил, абхазская эпическая традиция была и остается устной, а книга оказывает на нее слабое влияние. Устная передача и устное восприятие, память преобладают и в эпических знаниях сказителей, читавших печатные фольклорные книги.

Важнейшей составляющей эпического повествования является фольклорное знание. Человек, не знающий традиций исполнения, языка фольклора, фольклорных формул, как бы ни была хороша его память, не может свободно рассказать услышанный им сюжет. На стиль эпического повествования влияет много факторов: эпические знания исполнителя, отношение певца к персонажам своего текста, к записывающим и другим слушателям, его настроение, а также содержание сюжетов, одинаково ли они подходят всем категориям слушателей: детям и взрослым, женщинам и мужчинам и т.д. Когда присутствуют все эти факторы, естественно, тексты певца будут звучать совершеннее, полнее и образнее.

Вопросы, касающиеся сказителя и его текста, – как он усваивает, запоминает и исполняет тексты и т.д. – весьма многочисленны и сложны, и в них немало еще нераскрытых тайн.

Вплоть до XX столетия не было до конца понятно, как можно запомнить в устной традиции эпические произведения больших масштабов, таких как, например, «Илиада» и «Манас». На эти вопросы ответили (или почти ответили) М. Пэрри и А. Лорд и поддержавшие их теорию другие фольклористы: Б.Н. Путилов, К.В. Чистов, В.М. Гацак, С.М. Боура, С.Ю. Неклюдов, Ю.А. Новиков, Н.Г. Черняева, К. Райхл, В.В. Илларионов и многие другие. Исследователи на основе многочисленных эпических материалов разных этносов, экспедиционных и полевых работ доказали, что сказитель может исполнять эпическое произведение устно, независимо от его объема, поскольку он не рассказывает текст, усвоенный целиком только от одного человека.

В эпическом творчестве запоминание, сохранение в памяти и воспроизведение эпоса – это одно целое. Устная поэзия рождена в процессе устного исполнения. «Каждое исполнение в действительности представляет собой

самостоятельную песню, поскольку каждое исполнение уникально и несет на себе печать поэта-сказителя» [10: 58].

В эпической традиции нигде (или почти нигде) не встречается исполнение текста абсолютно без изменений. Певцы не заучивали текст, они свободно комбинировали формульные стихи, меняли их различными способами, вводили в них новые варианты и вариации. На эпические импровизации способны те сказители, которые владеют сказительским мастерством как родным языком: «Народный певец или народный музыкант импровизирует не только на основе созданных им вариаций, но и большого запаса традиционных вокальных и музыкальных вариаций, которые он каждый раз выбирает по своему вкусу» [2: 399]. Хороший сказитель помнит множество коротких формул, так же как человек может знать немало фразеологизмов и устойчивых выражений; ему должно быть легко располагать их в семантическом и метрическом контексте. Ведь эпос, можно сказать, создается сам, но это можно сделать только посредством сказителей. Сказителями же становятся тоже на основе своей памяти, изучения традиции, эпических знаний и мастерства.

В.М. Гацак на основании исследования мастерства сказителя и его текста пришел к выводам о том, что певец прежде всего обладает эпическими знаниями; его сказительские способности многовариантны; эпическое знание шире, чем знание отдельного текста [4: 45]. Различия, отмеченные в вариантах, записанных в разное время, возникают не только в процессе исполнения текстов; они были заложены в самой традиции, входили в эпическое знание, информанты передавали их из уст в уста. Кроме изменений, которые мы наблюдаем в процессе передачи текстов сказителями, есть и другие отличия, в частности, версии и варианты могут основываться на исторически сложившихся традициях (см. [5: 236–238]). Иными словами, варианты «в основе своей намного старше, нежели сами певцы, передающие нам эти варианты» [5: 237]. Когда сказитель знает разные варианты одного произведения, он может исполнить его каждый раз по-разному либо способен создавать свою версию, творчески соединяя все варианты [5: 230–243]. Если певец «слышал песню не от одного какого-то сказителя и если услышанные им версии сюжетно различаются, он может свести их воедино» [10: 37]. Так поступал, например, известный киргизский певец Сагымбай Орозбаков (см. [6: 94]). Аналогично этому, как мне видится, «свои» версии, идущие из традиции, создавали такие абхазские сказители, как, например, Иазыгу Лазба, Сейдык Куарчия, Маадан Сакания, Кастей Арстаа, Мыща Аргун, Чычыкуа Цвижба.

Можно сказать, близко к истине деление К. Райхлом сказителей на две большие группы: «творческих» и «воспроизводящих» певцов. «Творцы» способны создавать «новую» песню или «новую» часть в эпическом цикле, приспособить исполнение эпической поэмы к запросам слушателей.

«Воспроизводители» обладают сильно развитым чувством текстуальной стабильности, но варьируют тексты от исполнения к исполнению, благодаря владению техникой эпического сказания [14: 83].

Исследователи выделяют множество факторов, влияющих на зарождение, развитие и художественную насыщенность произведений эпического певца. Из них, безусловно, большое влияние на текст оказывают слушатели. Они являются частью повествования, воспринимают этот процесс в качестве обряда, как особый сказительский ритуал.

Сказитель должен видеть, что все присутствующие ждут его слова, внимательно слушают, а зачастую своими возгласами дают ему знать, как им нравится его повествование. Слушатели калмыцкого сказителя Ээлян Овла настолько «вживались в мир эпических героев, что не могли сидеть спокойно, они восклицали – Бедняга! Бедняга! В самых патетических местах поэмы люди вскакивали, бросали шапки оземь» [1: 9]. Хороший певец и сам наблюдает за слушателями, по их потребностям расширяет, сокращает либо несколько меняет свои сюжеты. Если заметит, что его не слушают или кто-то вдруг засыпает, тотчас меняется все: речь пойдет нескладно или сказитель вообще может остановиться, сославшись на усталость слушателей и свою плохую память. «У хорошего сказителя слушатели плачут в сильных трагических местах и выражают живейшую радость, когда вдруг торжествует правда» (см. [12: 118–121]). Кроме сочувствия тяжелым событиям произведения, слушатели иногда подпевали певцу, этим самым выражая согласие с содержанием текста.

Между сказителями и слушателями существует особые узы, например, подобно тому как зрители древнегреческой трагедии были вовлечены в происходящее, как в обряде или ритуале. По образному выражению В.В. Радлова, «во время исполнения эпоса сказитель, освещенный костром и окруженный толпой людей, которые слушают его с напряженным вниманием, являет собой зрелище, достойное кисти художника» [14: 89].

Как и сказители в других культурах, абхазские сказители тоже ожидают внимания слушателей, строят свои тексты, учитывая их желание и настрой: сокращают, развертывают и даже могут менять содержание произведений. Чем внимательнее аудитория, тем больше воодушевляется сказитель, тем больше возрождаются навыки его искусства, память становится ярче, речь образнее. Как отмечал А.Н. Веселовский, певец ожидает похвалы от слушателей [3: 180], а иногда их эмоциональные всплески или сочувствие к персонажам, сентиментальность побуждают его говорить дальше.

Источники и литература

1. Биткеев Н.Ц. Поэтическое искусство джангарчи: Эпический репертуар Ээлян Овла. Певец и традиция. Элиста, 1982.

2. Богатырев П.Г. Вопросы теории народного искусства. М., 1971.
3. Веселовский А.Н. Избранное: Историческая поэтика. М., 2006.
4. Гацак В.М. Эпический певец и его текст // Текстологическое изучение эпоса / отв. ред. В.М. Гацак, А.А. Петросян. М., 1971. С. 7–46.
5. Гацак В.М. Устная эпическая традиция во времени. Историческое исследование поэтики / отв. ред. А.В. Кудияров. М., 1989.
6. Жирмунский В.М. Введение в изучение эпоса «Манас» // Киргизский героический эпос «Манас»: сб. ст. М., 1961. С. 85–196.
7. Жирмунский В.М. Тюркский героический эпос: Избранные труды. Л., 1974.
8. Жирмунский В.М. Фольклор Запада и Востока: сравнительно-исторические очерки. М., 2004.
9. Жирмунский В.М., Зарифов Х.Т. Узбекский народный героический эпос. М., 1947.
10. Лорд А.Б. Сказитель / подгот. изд., пер. с англ. и коммент. Ю.А. Клейнера и Г.А. Левинтона; изд. 2-е, испр. и доп. СПб., 2018.
11. Новиков Ю.А. Сказитель и былинная традиция / отв. ред. Т.Г. Иванова. СПб., 2000.
12. Путилов Б.Н. Эпическое сказительство: типология и этническая специфика. М., 1997.
13. Путилов Б.Н. Экскурсы в теорию и историю славянского эпоса / отв. ред. А.К. Байбурин. СПб., 1999. 288 с.
14. Райхл К. Тюркский эпос: Традиции, формы, поэтическая структура / пер. с англ. В. Трейстер; под ред. Д.А. Функа. М., 2008.
15. Хашиба И.М. Абхазские народные музыкальные инструменты. 2-е изд. / ред. В.А. Гвахария, Ш.Д. Инал-Ипа. Сухуми, 1979.

В.А. Попов, О.И. Шафранова

ТЕРСКОЕ КАЗАЧЕСТВО В ДИАЛОГЕ КУЛЬТУР НАРОДОВ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА

Возрождение казачества, начавшееся в постсоветский период, актуализировало научный интерес к изучению феномена российского казачества. Своевременно появились исследования, посвященные истории и культуре российского казачества как этносоциальной группы, его роли в военной истории России и становлении российской государственности.

Дореволюционная историография обобщила огромное количество источников по истории терского казачества, многие из которых уже утеряны для современного исследователя. Известный историк этого периода

В.А. Потто подробно изучил историю казачества, опираясь на данные трудов Н.Ф. Дубровина, Н.М. Карамзина, М.А. Караулова, И.Д. Попко, С.М. Соловьева и других исследователей. В работе «Два века терского казачества» он подробно описал историю войска, показал позитивную роль терского казачества в истории Российского государства, закреплении его власти на Кавказе [15].

Советская и постсоветская этнография оставила целый пласт исследований по материальной и духовной культуре народов Северного Кавказа, подчеркивая позитивный характер взаимовлияния, обмена духовными и материальными ценностями между русским и местными народами. В работах Н.Н. Великой [4], Л.Б. Заседателевой [6], М.О. Косвена [9], Т.А. Невской [13], Е.Н. Студенецкой [18] изучены повседневные практики межкультурного диалога, выразившиеся в традициях куначества и аталычества, традиционно горские, но широко распространенные и среди казаков. В куначеские, побратимские отношения вступали казаки с чеченцами, кабардинцами, ногайцами. Бывали случаи аталычества между казачьими и горскими семьями. Ученые отмечают общие ментальные элементы северокавказского казачества и горцев, выражающиеся в отношении к старикам, детям, женщинам, что прослеживается в казачьем фольклоре, пословицах, сказках, жизненных смыслах, отраженных и в художественной литературе.

Изучению роли терского казачества в присоединении Северного Кавказа к России, его интеграции в государственную систему в XVI – середине XIX в. посвящена диссертация Д.И. Савченко [17]. Историческая роль терско-гребенского казачества на раннем этапе развития подчеркнута в статье профессора А.А. Кудрявцева [11: 82]. Не детализируя широко известные факты, изученные указанными исследователями, можно отметить, что все они хронологически помещают время компактного заселения Терека казаками во вторую половину XVI в. и связывают его с геополитическими устремлениями и союзными обязательствами Русского государства и владельцев местных феодальных образований, подчеркивая позитивную роль терского казачества в интеграции северокавказских народов в российское социально-экономическое и политическое пространство.

Казачество Северного Кавказа явилось социальной группой, сыгравшей особую роль в процессе интеграции региона в российское социокультурное пространство. Установившиеся практики коммуникации в долгосрочной перспективе оказались достаточно успешными и дали возможность политического продвижения Российского государства на Кавказ и Закавказье. Справедливости ради надо отметить, что и до появления казачества местным народам были хорошо известны славяне, имелся опыт межгосударственных взаимодействий с ними на протяжении длительного периода истории. Россия имела многовековой опыт взаимодействия с народами Северного

Кавказа. К нему относится и включенное в местную социокультурную орбиту Тмутараканское княжество, взаимодействовавшее с адыгскими сообществами. Легендарный князь Мстислав Владимирович не только побеждал в поединках местных богатырей, но и умело руководил «этническим Вавилоном», уважая и принимая особый менталитет горских народов. В своеобразном багаже имелся и опыт династических союзов. Органичную роль играли и тысячелетние традиции местного христианства, выступавшие связующим звеном для ментального взаимодействия. Даже в творческом наследии великого А.С. Пушкина встречаются мифологические сюжеты, содержащие давние отголоски культурного взаимодействия (Шамаханская царица в «Сказке о Золотом петушке») [16].

Со второй половины XVI столетия своеобразным проводником для повседневного взаимодействия стало терско-гребенское казачество, игравшее не только роль военного авангарда для российского движения на Кавказ, но и агента внешнего культурного влияния.

Из сохранившихся сведений известно, что первые казачьи поселения на Северном Кавказе появились на Тереке и Сунже. Именно здесь формировалось гребенское казачество. Важно отметить, что заселение этой территории гребенцами не вызвало сопротивления со стороны местного населения. В этот период территория Северо-Восточного Кавказа включала Малую и Большую Кабарду, здесь проживали кумыки, чеченские общества и другие народы. Между собой народы находились в постоянной конфронтации, выражавшейся в претензиях на земли. Поход Тимура в 1395 г. полностью изменил этнополитическую картину региона и внес неразбериху в эти вопросы [8: 37].

Кроме того, для местных народов с XVI в. существовала постоянная угроза со стороны Крымского ханства, дагестанских горцев, Персии и Османской империи. И.Д. Попко отмечает: «Описанной неурядицей и разноплеменной объясняется легкость водворения русских пришельцев в крае, где сами распри на землю обуславливали существование незаселенных пустырей» [14: 21].

Так, после установления союзных отношений с кабардинской элитой, закрепленной династическим браком Ивана IV и дочерью Темрюка Идарова Кученей (в крещении Марией). Художественное отражение межкультурного диалога находим в повестях Л.Н. Толстого и А.А. Бестужева-Марлинского [19; 2]. Казаки сумели сохранить собственную культурную идентичность, несмотря на инокультурное окружение. При этом казакам и горцам удалось успешно коммуницировать несколько столетий.

Народное собрание Малой Кабарды приняло русских под покровительство. Князья Малой Кабарды видели в них новую силу в борьбе с Крымским ханством и дагестанскими шамхалами. Между казачеством и князьями

Малой Кабарды было заключено соглашение о взаимной помощи в случае опасности нападения на земли. Казаки заняли территорию, простирающуюся между Малой Кабардой и поселениями чеченцев. С чеченцами у гребенских казаков сложились крепкие культурные связи; путешественники, военные, этнографы, писатели отмечали, что в симбиозе русской и горской материальной и духовной культур сложилась культура гребенского казачества [1].

М.А. Караулов отмечал: «Домашний быт и характер гребенца и доньне сохранил на себе отпечаток любопытного соединения чисто русских основ с основами азиатскими: русский рубленый курень и азиатская мазанка – “избушка”; старинные медные складни в киоте в переднем углу и по стенам оружие и конская сбруя; замкнутость старообрядческого религиозного мирозерцания и постоянное общение с иноверцами – “азиатами”... широкий размах русского гулливого трепака и скромная, полная грациозности и плавности движений лезгинка; мужественная стойкость в пешем бою, несмотря ни на какие потери, и лихое наездничество и безумная отвага рукопашного боя “по-кавказски”, – все это невероятное смешение выработало из гребенца тип хозяина-воина редких качеств, всегда выделявших его из общей массы даже в среде таких войск испытаний отваги и удали, каковыми были всегда войска Кавказской армии» [10: 125].

На Тереке казаки с самого начала установили тесные добрососедские отношения с чеченцами, что выражалось в широком распространении куначества, аталычества и смешанных браков. Л.Н. Толстой оставил такое описание местной казачки: «Красота гребенской женщины особенно поразительна соединением самого чистого типа черкесского лица с широким и могучим сложением северной женщины. Казачки носят одежду черкесскую: татарскую рубаху, бешмет и чувяки; но платки завязывают по-русски» [19: 15].

Многие из казаков женились на чеченках, их потомки, хорошо помня свою родословную, могли указать дома в чеченских аулах, где жили предки их матерей и бабушек. Особенно тесными были контакты с представителями тейпа Гуной, которые в свое время перебрались на левый берег Терека, не желая принимать ислам. Взаимосмешение было настолько сильным, что у чеченцев появился особый термин для жителей терских станиц – гунойский народ [3: 35].

В XIX в. появляются художественные произведения известных русских писателей, волею судьбы оказавшихся на Кавказе, знакомившие русскую столичную публику с экзотичными горцами и не менее экзотичными кавказскими казаками. Художественное отражение завязавшегося диалога традиционно находим в произведениях А.С. Пушкина [16], М.Ю. Лермонтова [12], А.А. Бестужева-Марлинского [2], Л.Н. Толстого [19], Е. Хамар-Дабанова [20]. Важно подчеркнуть, что нет ни одного глубокого повествования о кавказских реалиях, в котором не прослеживалось бы разнообразное взаимодействие казаков и горцев. Казачья культура демонстрировала глубокий симбиоз

российских и кавказских традиций, являвшийся благодатной основой для имперской гуманитарной политики уже в период инкорпорации региона в российское пространство. Механизм адаптации казаков к кавказским реалиям стал объектом пристального внимания со стороны заинтересованных представителей правительственных структур, использовавших доступные материалы наблюдений в практической деятельности.

Глубокий симбиоз российских и кавказских традиций стал благодатной основой для успешного диалога русской культуры и культуры народов Северного Кавказа. Сложившийся межкультурный диалог казачества с кавказскими народами способствовал их приобщению к русской культуре, показав цивилизационную перспективу дальнейшего сотрудничества.

Источники и литература

1. Абдулвахובה Б.Б. Этнокультурные взаимодействия в материальной культуре чеченцев и терско-гребенских казаков (вторая половина XVI века – начало XIX века) // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 2009. № 3А. С. 38–42.
2. Бестужев-Марлинский А.А. Аммалат-Бек. Махачкала, 1968.
3. Варивода Н.В. Женская составляющая в горско-казацких отношениях в XVIII–XIX вв. // Вестник КБИГИ. 2021. № 4–2 (51). С. 35–46.
4. Великая Н.Н. О взаимоотношениях кабардинцев и казаков в Притеречье // Казачество России: история и современность. Тез. Междунар. науч. конф. (г. Геленджик, 8–11 октября 2002 г.). Краснодар, 2002. С. 31–34.
5. Давлетмурзаева А.Р. К вопросу о поселении на Северном Кавказе в XVI веке гребенско-терских казаков // Общество: философия, история, культура. 2017. № 5. С. 58–60.
6. Заседателева Л.Б. Терские казаки (середина XVI – начало XX в.). М., 1974.
7. Киржинова Ф.А. Научное наследие Павла Львовича Юдина и его общественная деятельность в Терской области в 1910–1917 годах: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Нальчик, 2012.
8. Клычников Ю.Ю. История народов Северного Кавказа: уч. пос. Пятигорск, 2013.
9. Косвен М.О. Этнография и история Кавказа. Исследования и материалы. М., 1961.
10. Караулов М.А. Терское казачество. М., 2007.
11. Кудрявцев А.А. Специфика формирования и историческая роль гребенского и терского казачества на раннем этапе развития // Гуманитарные и юридические исследования. 2015. № 4. С. 82–88.
12. Лермонтов М.Ю. Герой нашего времени. М., 2013.
13. Невская Т.А. Традиции кавказских горцев: пережитки или незыблемые традиции // Культурное наследие Северного Кавказа как ресурс

межнационального согласия: сб. науч. ст. / отв. ред. И.И. Горлова. М.; Краснодар, 2015. С. 397–409.

14. Попко И.Д. Терские казаки со стародавних времен: ист. очерк. СПб., 1880.

15. Потто В.А. Два века терского казачества (1577–1801). Ставрополь, 1991.

16. Пушкин А.С. Сочинения: в 10 т. СПб., 1887.

17. Савченко Д.И. Терское казачество в истории присоединения Северного Кавказа к России (XVI – середина XIX в.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Пятигорск, 2003.

18. Студенецкая Е.Н. Одежда народов Северного Кавказа. XVIII–XX вв. М., 1989.

19. Толстой Л.Н. Казаки. Кавказская повесть. М., 1963.

20. Хамар-Дабанов Е. Проделки на Кавказе. Ставрополь, 1986.

Б.А. Камкия, Ф.Г. Камкия

НАРТСКИЙ ЭПОС АБХАЗОВ КАК ПАМЯТНИК ПРАВА

Статья представляет интерес с точки зрения изучения традиционных культурно-правовых ценностей в истории права Абхазии. Она поможет исследователям обратить внимание на крупнейший в истории Абхазии и народов Кавказа памятник права – нартский эпос. Данный материал предоставит компаративистам новые материалы для сравнительного правоведения в области традиционного права, и что особенно важно, с позиции генезиса права.

В юридической науке практически не уделяется внимания источникам права в материальном смысле, с точки зрения потребности социума в правовом регулировании. Это могло бы пролить свет на проблему генезиса права и государства.

Данный ракурс позволяет рассмотреть известное латинское изречение *Ubi societas, ibi ius*, означающее «Где общество, там и право», в качестве научного тезиса. Как известно, спорность данной максимы часто становится предметом обсуждения среди исследователей. Действительно, при первом приближении эта мысль представляется вполне бесспорной в связи с необходимостью взаимосвязи общества и права и невозможностью существования социума без правовых установлений. Однако, по нашему мнению, смысл афоризма не столь тривиален, как может показаться на первый взгляд. При этом следует отметить, что значимость данного положения проливает свет на причины кризисных явлений современности в глобальном масштабе, выражающихся в девальвации и перепроизводстве права, значительном

увеличении обязывающих и запрещающих норм в ущерб дозволений. Все это позволяет резюмировать: там, где нет права, нет социума (стабильности).

Кризис правовых систем в современном мире обусловлен доминированием безопасности над свободой, что противоречит изначально замыслу права. По нашему мнению, в замысле права лежит такая цель, как признание, защита и раскрытие человеческого потенциала. В подтверждение такого вывода звучит и другое древнеримское изречение о том, что право есть искусство добра и эквивалента – *Jus est ars boni et aequi*, которое в нашей интерпретации звучит следующим образом: это искусство применения эквивалента, меры в целях раскрытия человеческого потенциала.

До сих пор ведутся в науке споры о том, «может ли догосударственное или безгосударственное общество существовать без права? Если верен тезис, что человек – существо общественное, то верно и то, что общество существует так же давно, как и род человеческий. Государство обычно считают образованием сравнительно недавним, возникшим после “неолитической революции”, которая началась около 10 тыс. лет назад. Решится ли кто-нибудь утверждать, будто в предшествовавшие многие десятки тысяч лет люди существовали в обществах, в которых не было ни права (в смысле норм социального поведения), ни прав и обязанностей?» [2: 250].

Попробуем сформулировать ответ на данный вопрос, апеллируя к материалам по истории Абхазии. На наш взгляд, данное изречение проливает свет на проблему генезиса права, так как оно отсылает к идее о том, что общество и право неразрывно связаны между собой. Юридическая антропология доказывает то, что человек «существо юридическое» – *Jon* есть *homo juridicus*. Концептуальный перевод означает, что человек, благодаря способности изобретать и следовать общеобязательным нормам, смог выжить. В научной литературе в большинстве учебников по теории государства и права недооценен такой признак права как всеобщность, обычно указываемый в перечне признаков на втором месте, а на первое место ставится признак «исходящее от государства». По нашему же мнению, именно всеобщность как свойство правовой нормы является первым существеннейшим признаком ввиду того, что она и есть преодоление справедливости по происхождению, или предписанному статусу, т.е. и по морали. Вспомним богиню правосудия Фемиду, повязка на глазах которой и означает, что судить будет она не в рамках морали, а по тому, что покажут весы, т.е. исходя из правовой справедливости, по деянию. Именно всеобщность является фундаментальным признаком права, прокладываящим закономерно дорогу к образованию всеобщего института, которым станет государство. Иными словами, всеобщность нормы права создает всеобщий институт публичной власти. Следовательно, такая характеристика, как всеобщность, эволюционно является фундаментом для развития публичных институтов. Там, где всеобщность, существует и право,

приводящее, в свою очередь, к формированию первичных публичных институтов, впоследствии развившихся до уровня государства.

Почему столь важное значение отводим такому признаку правовой нормы, как всеобщность? Потому как он предполагает преодоление предписанности как предпосылки формирования правовой справедливости в противовес справедливости по морали.

Поэтому памятником права в этом контексте может быть то, что демонстрирует идею справедливости независимо от происхождения, идею всеобщности. Нарсткий эпос с этой точки зрения, является, несомненно, памятником права, своеобразной правовой «визитной карточкой», так как он содержит демонстрацию идеи справедливости, независимо от происхождения, справедливости по происхождению (морали) противопоставляя праву справедливость (по деянию). Нартский эпос демонстрирует, почему недостаточна справедливость по происхождению (по морали) для регулирования социальных отношений. Мы полагаем, что социальное целое (семья, род, племя) не могло расширяться без справедливости по деянию (правовой справедливости), которая позволяла бы защитить индивида, его индивидуальные достижения (деяния), независимо от происхождения, соответственно, свободы. Почему понадобилась правовая норма, защищающая независимо от происхождения? На определенном этапе эволюционное развитие привело к осмыслению недостаточности укрепления социального целого с помощью норм, устанавливающих справедливость по происхождению, согласно которому достижения индивида не защищены. И тогда открывается возможность для социального целого расширяться благодаря правовой справедливости (по деянию), в противоположность справедливости по происхождению, защищающей предписанный статус.

Признак всеобщности, в противовес принципу по происхождению, является исключительно первым юстициабельным критерием правового [5]. Он позволил эволюционно расширяться социальному целому, прокладывая дорогу к всеобщим публичным институтам, которые обладают таким же признаком всеобщности, следовательно, к государству, потому что всеобщность – онтологическая характеристика права. С этой точки зрения, публичные институты, в том числе и государство, являются результатом принципа правовой всеобщности. Государственное принуждение, являющееся одним из признаков права, есть логическое следствие действий признака правовой всеобщности, т.к. право определяет меру должного и не должного на уровне всеобщности, оно исходит от права, то есть санкция (наказание) исходит не от государства, а от права. С этой точки зрения концептуально формируется теория происхождения права и государства, связывающее их возникновение вследствие развития принципа правовой всеобщности (независимо от происхождения). Право, являясь всеобщим регулятивом, прокладывает

дорогу к всеобщему же институту, который и обеспечивает силой принуждения правовую справедливость. И этот замысел не в полной мере реализовывался в истории, так государство становилось силой, подменяющей собой принцип правового регулятива. На современном этапе происходят, как было указано выше, в связи с подменой правовой справедливости, аналогичные процессы, характеризующиеся тем, что нацеленность на раскрытие человеческого потенциала подменяется политической целесообразностью.

Действительно, всеобщность как признак права предполагает справедливость по деянию, в противоположность справедливости по происхождению. Всё то, что не по происхождению, ближе к правовому по сути. Всякая норма, основывающаяся на всеобщности, и есть правовая. Всё то, что всеобще устанавливает справедливость, – правовое. Для выживания и развития социуму нужны достижения, поэтому востребованными оказались нормы, которые позволяют защитить достижения человека. Ими и стали правила, обладающие признаком всеобщности в противоположность справедливости по происхождению (по морали).

Памятником права нартский эпос является на основании того, как общество отразило в нём борьбу двух справедливостей: справедливости по морали (по происхождению) и справедливости по деянию (по достижению). Без такой трансформации социальный прогресс стал бы невозможным. Удовлетворение потребности социума в социальном прогрессе стало предпосылкой установления правовой справедливости, основанной на деянии, преодолевающей справедливость по происхождению (по морали). Об этом свидетельствуют решения Сатаней-Гуци, обладающие признаками юстициальности, так как, во-первых, они направлены на преодоление справедливости по происхождению (предписанность), что соответствует признаку всеобщности; во-вторых, направлены на расширение социального целого (семья – род – племя); в-третьих, нацелены на раскрытие человеческого потенциала в лице нарта – героя Сасрыквы.

Следовательно, прогресс становится возможным благодаря принципу: там, где общество, там и право. При иной ситуации катаклизмы истории налицо. Важно отметить, что данные принципы отражены и в современном конституционализме.

В качестве иллюстрации обозначим, что Сасрыкву, по рождению считающегося неравноправным, незаконнорожденным, ненастоящим нартом, в сложных взаимоотношениях с остальными нартами поддерживала Сатаней-Гуацей, которая сурово карала за несправедливость 99 остальных братьев. Отсюда непримиримый антагонизм между Сасрыквой (достижительный принцип, статус) и другими нартами (предписанный принцип, статус), которые не признают его своим братом. Однако Сатаней – на стороне младшего сына, благодаря чему он не только противостоит нартам,

но и превосходит их во всём. Необходимо отметить, что содержание справедливости, носителем которой выступает Сатаней-Гуаща, дистанцировано от естественной (первичной), кровно-родственной справедливости и непосредственно-эмоциональной оценки и устремлено к разуму (вторичной природе – неестественной естественности), что придает ему правовой характер. Сказанное объясняет, почему в нартских сказаниях наиболее художественно совершенным и значительным является образ всемогущей матери нартов Сатаней-Гуащи [3]. Она есть прообраз Фемиды, богини правосудия, абсолютного (безличного духовного) начала, по отношению к которому конкретное содержание становится относительным.

Проявлением правосознания абхазов является переживание права, которое своеобразное воплощение получило в противопоставлении мира порядка миру беспорядка – негативного образа жизни. В мире позитивном – нартском – в противовес негативному образу жизни в образах «коварных циклопов, людоедов», мира недоразвитых существ, характеризующего отсутствием какой-либо организованности и меры во взаимоотношениях людей, действия и поступки нартов обретают не просто желательный смысл, а восходящий к идеальному долженствованию, что характерно для моральных требований. В древних сказаниях абхазов нарты выступают как могучие воины-богатыри (носители активного позитивного начала – порядка). Они занимаются мирным трудом, земледелием и защищают свой мир от великанов – недоразвитых существ (носителей разрушительного начала – беспорядка). Нартский образ жизни складывается из реального опыта борьбы с социальной негативностью, в этом обретается правовой смысл, восходящий к нормативному долженствованию. Последнее вызвано естественной потребностью социальной органики в восстановлении попорченной, извращенной, нарушенной меры его функционирования. Потому нартские поступки и их образ жизни есть способ восстановления и устранения несправедливости, неравенства, бесправия.

Таким образом, в нартском эпосе получило отражение то, что при конкуренции двух видов справедливости приоритет отдается справедливости по деянию, а не по происхождению, то есть правовой справедливости. В силу этого реализуется идея правового (идея меры). Народное творчество закодировало правовую справедливость, идею равенства, опираясь только на достижения посредством борьбы справедливости по морали (исходя из предписанного статуса) с справедливостью по деяниям (исходя из достижительного статуса) [4].

Сказанное позволяет резюмировать, что Нартиада выступает не только как памятник устного народного творчества, но и как памятник права, являющийся источником познания права в разные исторические периоды, особенностей социально-экономического и культурного развития народа

от эпохи матриархата до установления отношений сословных привилегий и борьбы с ними с целью расширения социального целого и прогресса. Безусловно, с этой точки зрения нартский эпос является уникальным культурным памятником права как текст, демонстрирующий универсальную историческую борьбу человечества за правовое равенство: между привилегией (связанной с предписанным статусом) и равенством (связанным с достижительным статусом).

Необходимо признать одну историческую действительность, которая состоит в том, что генезис права вопреки общепринятым представлениям связан с необходимостью защиты достижительного статуса, который открывал новые возможности для развития социума. Представляется важным данное заключение в свете идеологических, политических, правовых и нравственных сфер развития абхазской культуры. В совокупности сказанное обосновывает тот факт, что в своем роде нартский эпос выражает вершину традиционного права абхазов на заре становления абхазской культуры. Можно сказать, что в нартском эпосе в определенной степени дается модель упорядочивания социума с позиции социальной справедливости. Это означало, с одной стороны, ценность предписанного статуса, и как развитие движущих сил, с другой стороны – защиту достижительного статуса, т.е. по деяниям, что способствовало не только развитию, но и формированию представлений о правовой справедливости в отличие от моральной справедливости. С этой точки зрения, нартский эпос выступает, без сомнения, впечатляющим памятником права, созданным, бережно передаваемым и приращаемым впоследствии для того, чтобы он как некое сакральное знание и опыт был передан современным поколениям. Как известно, история права традиционно уделяет большое внимание анализу общих и характерно-самобытных особенностей возникновения, функционирования, развития правовой культуры отдельных народов и стран. Еще одна из ее традиционных задач заключается в ознакомлении с лучшими образцами юридических текстов, или памятников права. По этому поводу известный российский правовед В.Г. Графский отмечал: «Всё это способствует поддержанию памяти об основных вехах развития права, а также восприятию права как неотъемлемого элемента культуры социального общения, высокой результативности и пользы» [1]. Именно с этой точки мы представляем сегодня научному историческому и правовому сообществу абхазский нартский эпос как один из своеобразных «кирпичиков» в «мировом правовом здании» и как сокровище не только абхазской, но и всей кавказской культуры, что обосновывает и важность проведения дальнейших исследований.

В современных условиях Абхазия находится на очень сложном и решающем историческом отрезке своего развития: в обществе существует запрос на совершенствование социально-экономической сферы, на развитие

государственных институтов, сохранение культуры. Все вместе предполагает активность процессов реформирования, направленных на решение обозначенных проблем. Одновременно системное изучение процесса становления, развития правовой системы Абхазии, его достижений и познание традиционных правовых ценностей нации имеют важное теоретическое и практическое значение. Именно подобное осмысление является одной из необходимых и актуальных задач, стоящих перед юридической наукой Абхазии, т.к. без уяснения историко-культурного наследия в широком смысле невозможно построение современной правовой системы Республики Абхазии, поскольку в значительной мере она является продуктом исторических условий, заимствований и взаимовлияния правовых систем в прошлом и настоящем. Сказанное позволяет резюмировать, что настоящее состояние абхазского права в целом обусловлено генетически его прошлым, является результатом, итогом всей предшествующей правовой истории Абхазии, ее диалектическим снятием и преемством.

Таким образом, научная новизна представленного материала заключается в том, что, во-первых, в научный оборот в сфере юриспруденции включается такой выдающийся эпический и мифологический текст, каковым предстает абхазская Нартиада, во-вторых, формулируется новый взгляд на проблематику генезиса права, который также вытекает из содержания нартского эпоса. Оригинальность представленного видения заключается в том, что впервые в научной юридической литературе рассматривается в качестве правового памятника нартский эпос. Такой подход позволяет выявить социально-политические, культурно-правовые, идейно-философские истоки правового мышления абхазов, обобщить положительные элементы в системе традиционных правовых ценностей абхазского народа, обосновать возможность и необходимость их использования в развитии современного права Республики Абхазии. Материал также ценен в рамках преподавания курса истории права и государства Абхазии.

Источники и литература

1. *Графский В.Г.* Традиции и обновление в праве: ценностное измерение перемен // Проблемы ценностного подхода в праве: традиции и обновление. М., 1996. С. 74.

2. *Демидов А.Б.* Спорная максима "ubi societas, ibi jus" // Наука – образованию, производству, экономике: материалы XXIII (70) Региональной научно-практической конференции преподавателей, научных сотрудников и аспирантов: в 2 т. (Витебск, 15 февраля 2018 г.). Т. 1. Витебск, 2018. С. 249–251.

3. *Инал-ипа Ш.Д.* Слово о нартах // Приключение нарта Сасрыквы и его девяносто девяти братьев. Сухуми, 1988.

4. Камкия Б.А., Камкия Ф.Г. Герб Республики Абхазия как культурный код абхазской государственности: социальный порядок в символах баланса и прогресса // Вестник Московского университета имени С.Ю. Витте. Сер. 2: Юридические науки. № 1 (45). 2025. С. 22–29.

5. Камкия Ф.Г. Критерии юстициальности в обычном праве абхазов // Вестник РУДН. Сер.: Юридические науки. 2017. Т. 21. № 2. С. 218–234.

Н.Г. Соловьева

ТРАДИЦИОННАЯ СЕМЬЯ КУБАНСКИХ КАЗАКОВ В КУЛЬТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ КАРАЧАЯ И ЧЕРКЕСИИ НА РУБЕЖЕ XIX–XX вв.

Кубанское казачество достаточно широко исследуется на юге России. Немало работ посвящено его культуре и этнопедагогике. Несмотря на это, регионалистика не охватывает все нюансы указанных проблем, не ориентируется на выявление актуальных, требующих глубокого анализа и освещения новых направлений научных изысканий по казачеству. При этом большая часть этнокультурных групп, входящих в кубанское казачество, но находящихся в разных субъектах Кавказа, в том числе и в Карачаево-Черкесской Республике, комплексно не изучалась, не рассматривалась в контексте внутреннего и внешнего диалога культурно насыщенного пространства России. Традиционная семья, являясь основой русского и кавказского мира, в рамках указанной проблематики не исследовалась. Решение этих и других задач будет содействовать не только продвижению гуманитарных знаний, но и консолидации российского общества, в котором точки культурного соприкосновения более очевидны и крепки, нежели элементы разобщения.

Культурное пространство Карачаево-Черкесии богато и разнообразно. В него входят разные народы и субэтноты, в том числе абазины, карачаевцы, ногайцы, черкесы и казаки. Несмотря на то что их традиционная культура, как и само общество, отличаясь патриархальностью и консерватизмом, имели свои специфические черты, принципы гуманизма и веротерпимости занимали в них ведущие позиции. В этом смысле особый интерес вызывает не только устройство и функционирование традиционной семьи кубанских казаков, но и социокультурные параллели, присутствующие между традиционными семьями указанных групп населения современной Карачаево-Черкесии.

В Карачае и Черкесии исконно жили абазины, карачаевцы, ногайцы и черкесы. Кубанские казаки на территории Карачаево-Черкесской Республики

в Баталпашинском отделе Кубанской области на месте военных укреплений в конце XIX в. основали 8 станиц: Баталпашинскую (1825 г.), Сторожевую (1858 г.), Исправную (1858 г.), Кардоникскую (1859 г.), Зеленчукскую (1859 г.), Преградную (1860 г.), Усть-Джегутинскую (1861 г.), Верхне-Николаевскую (1861 г.). Станичное общество в своем составе объединяло много больших семей, состоявших в основном из нескольких поколений представителей одного рода. Селились они вместе, занимая подчас целые кварталы традиционного крупного казачьего населенного пункта – станицы. Социальная, экономическая и культурная жизнь традиционной семьи кубанских казаков протекала совместно, строилась на принципах взаимопомощи и духовно-религиозного единства.

В состав типичной традиционной семьи кубанских казаков Карачая и Черкесии конца XIX – начала XX в. входили: глава фамилии, его жена, сыновья и дочери, снохи и внуки. Первенство мужчин в ней закреплялось изначально по праву самого рождения. Оно подчеркивалось повсеместно и не являлось преувеличением, а было лишь констатацией факта патриархального консерватизма, стоявшего в основе казачьего естества и бытия. Главенство мужчин также наблюдалось и в семьях абазин, карачаевцев, ногайцев и черкесов. Так, Х.А. Хабекирова указывает на то, что «признание верховенства мужчины у черкесов утверждалось всей системой общественных и внутри-семейных связей. Это был социум с выраженным доминированием мужчин во всех сферах социальной жизни» [11: 592–593]. В карачаевских семьях, как и в семьях других кавказских этносов, доминирующая роль также принадлежала мужчине: «Хозяин и старший сын в основном осуществляли общее руководство и управление, средние и младшие члены семьи мужского пола занимались посевом, охотой или уходом за скотом, рубкой дров и т.п.» [8: 195]. У абазин главенство старшего мужчины наглядно проявлялось в их этикете: «Первую принесенную воду невестка обязательно подносила старшему мужчине в доме, аккуратно зачерпнув чашей воду, неспешно подносила ему чашу с водой на двух открытых ладонях, заранее повернув ручку ковши под его правую руку» [9]. «Отношения доминирования и подчинения между полами поддерживались базовыми институтами этнокультуры, что в известной степени остается еще актуальным и сегодня», – отмечает З.Ю. Тугуз [10: 12].

Слово мужчины было законом. Его место в традиционной семье кубанских казаков четко определялось. Казак – глава семьи находился как бы на пьедестале, с которого он осуществлял управление своими «подчиненными» – остальными членами семьи. Соподчиненное положение младших старшим соответствовало не только возрастным критериям, но и социальному статусу, который определялся вкладом определенного лица в стабильность и развитие отдельно взятой семьи, своей фамилии-рода и казачьего

общества в целом, а также негласными правилами «казачьего бытия» – этикетом. Статус мужчин определялся также несением военной службы и получением чинов и наград за это. Статус женщин повышался в основном из-за замужнего положения многодетной матери.

Брак у кубанских казаков заключался в основном по сговору – предварительной договоренности между родителями брачующихся лиц. Поиск невесты осуществлялся обычно родственниками жениха в пределах станицы. Предварительно наводились справки о семье невесты. С особой тщательностью проверялись родственные связи, т.е. фамильное родство, которое не допускалось у казаков до 5 и более колен. Также существовало негласное мнение о принадлежности к «достойным» и «простым» казачьим фамилиям. Критерии данного определения заключались в основном в оценке имущественного состояния казаков и социального статуса основателя рода. Брак среди казаков Карачаево-Черкесии на рубеже XIX–XX вв. заключался исключительно между равноценными семьями. Если в станице было достаточно казаков-холостяков, то казачки отказывались выходить замуж в другие населенные пункты. «Мало было браков между казаками и иногородними. Казачка, выходя замуж за иногороднего, теряла свое привилегированное положение, чему противились ее родители» [4]. Следует отметить, что иногородние жены казаков хотя и встречались, но не оказывали никакого влияния на семейный казачий быт, так как их положение в доме было бесправным относительно типичного положения жен-казачек. Нельзя не отметить и то, что браки между православными казаками и представителями других конфессий, в том числе старообрядцами, не заключались. Лишь в случае принятия женщиной православия она могла войти в казачью семью в качестве невесты и жены казака, что было исключительно редким явлением.

В соответствии с казачьим этикетом женщина вела себя подчеркнуто уважительно ко всем мужчинам, не заводила первой с ними разговор, крайне редко взаимодействовала с посторонними лицами, в особенности не имеющими кровнородственных связей с ней, а также не являющимися казаками. Подобное поведение было характерно и для местных женщин Карачая и Черкесии. «В основе базового типа личности женщины у черкесов лежит набор требуемых черт и свойств характера (в их числе терпение, покорность, умение подчиняться), воспроизводство которого рассматривалось необходимым условием сохранения и трансляции базовых ценностей народа. “Знание своего места” женщиной означало ее соответствие нормам и модели социально одобряемого поведения», – отмечала Х.А. Хабекирова [11: 594]. При этом женщина должна была всячески демонстрировать свою покорность и послушание, делая это естественно и ненавязчиво, не как выполнение тяжелой повинности, а как проявление благородного воспитания [3: 112]. «Безусловно, патриархальный быт накладывал свой отпечаток

на положение женщины, но следует отметить, что моральный кодекс предписывал уважение к чести и достоинству женщины, предупредительное, почтительное отношение к женщине, особенно к женщине-матери, когда проявление грубости, непристойного поведения в ее присутствии, а тем более рукоприкладства не допускалось», – говорили о традиционном положении карачаевских женщин [18: 196].

При этом казачки в пределах своей семьи, внутренних взаимодействий, в рамках традиционных семейных ролей могли проявлять определенную самостоятельность, в том числе в решении повседневных домашних задач. Нельзя не отметить особое место казачки при отсутствии главы семьи, в частности на длительный период – во время несения военной службы. Находясь на передовой – на российском пограничье, казачка проявляла способности как в умении управлять большим казачьим хозяйством: брала ответственность за экономическую стабильность семьи и физическую «сохранность» своих домочадцев – могла дать отпор при нападении неприятеля. Казачки не только владели холодным и огнестрельным оружием, но и могли самостоятельно смастерить «поджиг» – самопальный обреза, сделать нагайку – плетку, состоящую из деревянной рукоятки и прикрепленной к ней кожаной «веревки», сплетенной из нескольких кусков кожи с грузилом на конце [6]. Казачий менталитет позволял совмещать гендерные навыки, не переходя при этом моральные нормы традиционного консервативного бытия казаков, т.е. женщины оставались женщинами, а мужчины мужчинами с четко определенными незыблемыми характеристиками: казачка – мать и защитница-воспитатель традиционных ценностей, а казак – воин-руководитель и опора-основа казачества в целом.

Воспитание в традиционной семье кубанских казаков строилось на принципах «Домостроя», осуществлялось в соответствии с принятыми этнокультурными правилами. До 6–7 лет дети обоего пола находились на женском попечении: матери и старших по возрасту казачек – снох и сестер. Затем мальчики попадали под мужскую опеку – отца и старших братьев, а девочки продолжали воспитываться женщинами и старшими мужчинами рода.

Казачата, находясь на женской половине куреня, погружались в этнокультурную среду, брали за пример поведение старших, что являлось залогом приобретения ими соответствующей идентичности. С 8 лет их переводили на мужскую половину. С этого времени мальчик приобретал навыки владения нагайкой, присутствовал на казачьих «беседах» (встречах-собраниях казаков). Воспитание в данный период в основном было направлено на выработку способностей регулирования эмоционального состояния в разных условиях казачьего бытия, в том числе умения справляться с собственным страхом. В 12 лет процесс физического обучения завершался, и подросток-казак окончательно «сливался» с боевым оружием – шашкой

и кинжалом (позже – винтовкой). В 16 лет казака подвергали завершающему испытанию – брали на охоту на хищника (кабана, волка и др.), что служило своеобразной инициацией во взрослую жизнь. По сути подобное воспитание получали и абазины, карачаевцы, ногойцы, черкесы, что роднило их с ментальными установками казаков, закладывало любовь к Родине, стремление ее беречь и защищать.

Воспитание девочки-казачки включало как формирование у нее хозяйственно-бытовых, воспитательно-духовных основ традиционного казачьего бытия, так и военно-оборонительных навыков. Большую часть времени она участвовала в приготовлении пищи, обучалась шитью и другому рукоделию, приобщалась к ведению домашнего хозяйства, полевым работам. Казачки, как и абазинки, карачаевки, ногойки, черкешенки, постоянно совершенствовали свои навыки, в том числе в шитье, в выстегивании одеял, украшении вышивкой и другим декором одежды и пр. При этом для молодой казачки считалось престижным уметь делать «всё», в том числе и «мужские дела», в частности знать азы столярного и шорного ремесла. Они владели и приемами самообороны, в том числе с использованием холодного оружия – шашки и кинжала. Казачки обучались стрельбе из огнестрельного заводского и самодельного оружия, умению управлять конем, плавать над и под водой. Они отличались самостоятельностью и гордым нравом. О казачках так писали современники: «Соедините красоту и обаяние русской женщины с красотой черкешенки, турчанки и татарки, да если прибавить бесстрашие амазонок – перед вами портрет истинной казачки» [2: 100].

Традиционная семья кубанских казаков, устои в ней, в частности касающиеся воспитания толерантного совмещения традиционных гендерных ролей, на рубеже XIX–XX вв. выделяли ее из общей концепции культурного пространства Карачая и Черкесии. Так, «у карачаевцев, как и у других народов Северного Кавказа, разделения труда между полами придерживались очень строго. Считалось верхом неприличия, если мужчина вмешивался в женские, а женщина – в мужские дела» [8: 196]. Следует отметить, что девочки-казачки наравне с мальчиками в XIX в. могли учиться в церковно-приходских школах и их домашнее воспитание также включало чтение законов божьих и другой религиозной литературы. При этом частичное замещение ролей в казачьей семье не мешало укреплению патриархальных отношений и консервативных взглядов в ней. Так, каждое воскресенье и в праздники девочки и девушки в нарядных одеждах вместе с бабушками шли в станичную церковь на службу. По вечерам им разрешалось находиться на широком крыльце своей хаты. Каждый раз, как только на горизонте появлялся молодой мужчина, они скрывались из виду, как требовал казачий этикет. Лишь под присмотром старших на свадьбах и больших церковных праздниках молодые казачки могли видаться с парнями. Здесь, при скопле-

нии народа, они танцевали, водили хороводы и пели, соблюдая нормы приличия в рамках этнокультурных традиций кубанского казачества.

Воспитание в семье кубанских казаков опиралось на практику воспроизведения действий более опытных лиц – старших казаков. В абазинских семьях роль старших в воспитании также была велика. И сегодня в абазинской семье ребенок с ранних лет окружен поддержкой бабушек, дедушек и других взрослых родственников, которые служат примером для подражания. Они не только передают жизненный опыт, но и помогают развивать ключевые моральные качества, такие как уважение, честность и трудолюбие [1]. При этом исследователи народных традиций Кавказа указывали на то, что «прививаемое молодежи уважение к старшим имело свои оттенки: например, по отношению к отцу оно сочеталось со страхом, по отношению к матери – с нежностью. Однако и в том, и в другом случае во главу угла ставились почитание и послушание» [5]. Все это можно отнести и к казакам Карачая и Черкесии.

Одновременно с «прикладным» воспитанием у кубанского казачества происходило и этнокультурное воспитание. Сама среда – семейный быт и отношения в нем, участие в обрядово-ритуальной жизни казачьего рода – содействовала усвоению идентификационных характеристик – маркеров самоопределения кубанских казаков. Так, участие всех членов казачьей семьи в церковных службах в рамках этнокультурных традиций накладывало определенный отпечаток на формирование менталитета и культурного кода в целом. Особое ритуальное значение имело первое введение в храм младшего сына (внука) главы казачьей семьи. Отец (дедушка) верхом на коне провозил его по станице, показывая преемственность поколений – продолжение казачьего рода и православных традиций. Неся младенца-мальчика на руках, он, сняв папаху с головы и перекрестившись, входил в церковь. Поздоровавшись с присутствующими, глава казачьей семьи просил благословения от батюшки себе и мальчику. «За ним следовали мужчины – сыновья и внуки, жена и снохи с малолетними детьми и девочками рода. Эта процессия проходила с учетом половых возрастных ролей и разграничений, широко бытовавших в традиционном обществе кубанских казаков» [7: 97]. Эта традиция соблюдалась всеми казаками Карачая и Черкесии, играя важную роль в объединении казачьей общины.

Семья как кирпич в фундаменте традиционного казачьего общества транслировала малую модель совместного существования, где вековые обычаи и традиции, пройдя процесс «современной» адаптации, приобрели заверченный радикально-строгий, этически-беспрекословный вид. Замкнутый образ жизни, устоявшиеся традиции в рамках ортодоксальной православной веры в сочетании со свободолобивым и независимым нравом, а также общепринятыми воинскими способностями наделяли кубанское казачество

той спецификой, которая во многом и определяла его обособленное место в российской истории и социуме, культурном пространстве Карачая и Черкесии.

Богатое и разнообразное культурное пространство Карачая и Черкесии на рубеже XIX–XX вв. обогатилось культурой кубанских казаков. Местные народы, взаимодействуя между собой, практически знакомились и с традиционным патриархальным устройством казачьих семей, во многом близким к устоям традиционных семей абазин, карачаевцев, ногайцев, черкесов, что проводило к сближению, содействовало консолидации северокавказского общества. Этот процесс продолжался и в последующие годы. Абазины подерживали с казаками куначеские связи. Они называли своих детей именами русских друзей, приглашали кунаков на свои семейные торжества. И сегодня об этом свидетельствуют многочисленные факты: «До настоящего времени семью Лафишевых из Красного Востока систематически посещают 5 уже пожилых братьев и сестер, русские по национальности. В 1930-х гг. они остались сиротами – их родители умерли от голода. Дети были приняты в абазинскую семью, получили там воспитание» [9]. Кишмаховы из аула Кубина породнились с Соловьевыми из станицы Усть-Джегутинской. Казачка-мать вскормила своим молоком в 1947 г. младенца из указанного рода.

Наличие однотипности ментальных установок, замкнутость внутрисемейной жизни и одновременно открытость к восприятию подобных друг другу систем семейных отношений на уровне этнокультурных взаимодействий в традиционных семьях Карачаево-Черкесии, да и всего северокавказского региона позволяют говорить об объединяющем социальном и культурном феномене северокавказской семьи, естественном вхождении в нее семьи казаков. Семейные ценности культурного пространства Карачаево-Черкесии имеют общность гуманитарного содержания, которое сегодня выражается в стремлении организовать общество, способное не только строить, но и сохранять свой мир на основе добра и взаимопонимания.

Источники и литература

1. Абазинские традиции воспитания детей // Карачаево-Черкесия. 18.03.2025. URL: <https://xn--09-1lcy8a.xn--p1ai/abazinskie-traditsii-vospitaniya-detej> (дата обращения: 22.04.25).
2. Бутова Е. Станица Бороздинская Терской области Кизлярского округа // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Вып. 7. Тифлис, 1889. С. 3–156.
3. Гутова Л.А. Путь женщины в свете адыгского этикета. Нальчик, 2010.
4. Мозговая-Гирянская Н.Н. Семейные традиции и обычаи у казаков и адыгов и их влияние на воспитание подрастающего поколения // Кубан-

ское казачье войско. 02.11.2011. URL: https://slavakubani.ru/news/arkhivnye-materialy/?ELEMENT_ID=6395 (дата обращения: 22.04.25).

5. Мусукаев А.И., Перишу А.И. Народные традиции кабардинцев и балкарцев. Нальчик, 1992.

6. Полевые материалы автора. Информатор З.А. Удалова, 1955 г.р., записан Н.Г. Соловьевой в городе Усть-Джегута Усть-Джегутинского района Карачаево-Черкесской Республики в мае 2025 г.

7. Соловьева Н.Г. Традиционная духовная культура казачества Карачаево-Черкесии. Черкесск, 2024.

8. Текеева А.А., Акбаева А.Д. Сущность семейно-ролевых отношений в карачаевской семье // Международный журнал медицины и психологии. 2019. Т. 2. № 4. С. 194–199.

9. Традиции сквозь века. Абазины // Республиканское информационное агентство «Карачаево-Черкесия». Сетевое издание. 13.04.2023. URL: <https://www.riakchr.ru/traditsii-skvoz-veka-abaziny/> (дата обращения: 22.04.25)

10. Тугуз З.Ю. Этнокультурные особенности гендерных отношений в Республике Адыгее: автореф. дис. ... канд. социол. наук. Майкоп, 2012.

11. Хабекирова Х.А. О традиции главенства в черкесской семье // Лавровский сборник: мат-лы XXXVI и XXXVII Среднеазиатско-Кавказских чтений 2012–2013 гг. Этнология, история, археология, культурология. СПб., 2013. С. 592–597.

Э.В. Сангулия

ОБРЯД ПОСЛЕСВАДЕБНОГО ЦИКЛА ВЫВОДА НЕВЕСТКИ К РОДНИКУ В СИСТЕМЕ АБХАЗО-АБАЗИНСКИХ СВАДЕБНЫХ ОБРЯДОВ

Свадебная обрядность абхазов и абазин представляет собой сложный, многоступенчатый комплекс ритуальных действий, направленных на легитимацию нового социального статуса молодоженов. Особое место в этой системе занимают послесвадебные обряды, завершающие переход невесты в статус полноправного члена семьи мужа. Среди них ключевое значение имеет обряд вывода невестки к роднику, символизирующий ее интеграцию в новую родовую общность и принятие хозяйственных обязанностей.

Обряд первого выхода за водой, венчающий послесвадебный цикл, являет собой не просто бытовую необходимость, а глубоко символический акт. Изучение этого ритуала позволяет проникнуть в социальные механизмы, посредством которых осуществлялась адаптация новобрачной в патрилокальном

обществе, а также приоткрыть завесу над религиозно-магическими представлениями, некогда неразрывно связанными с почитанием культа воды.

В свете вышесказанного автор ставит перед собой задачу представить по возможности систематизированное описание ритуала вывода невесты за водой, раскрыть его значение в контексте семейного и общественного уклада. Дальнейшей перспективой исследования может стать сравнение с аналогичными ритуалами у адыгов, где вода также играла роль «проводника» в новый статус.

Современный этап эволюции свадебных обрядов абхазов и абазин отмечен постепенным отходом от устоявшихся традиций. В частности, практически утрачена как у абхазов, так и у абазин традиция хождения невесты за водой в связи с появлением водопровода.

В работе был использован описательный метод исследования. Эмпирическим фундаментом послужил полевой материал, собранный автором в ходе этнографических экспедиций по Абхазии и Карачаево-Черкесской Республике. Тщательные этнографические записи, ведущиеся в полевых условиях, позволили воссоздать объемную и детализированную картину бытования исследуемого обряда у двух близкородственных народов, что проливает свет на его глубинные аспекты.

Свадебный обряд состоит из множества элементов. Анализ собранных сведений убедительно показывает, что, подобно многим другим народам, абхазы и абзины традиционно разделяют весь свадебный цикл на три этапа: предсвадебный, свадебный и послесвадебный.

Вступая в брак, как у абхазов, так и у абазин, молодая невестка оказывалась в пространстве строгих предписаний и ритуалов, требующих беспрекословного подчинения. Вуаль отчуждения ложилась на ее взаимоотношения со старшими родственниками мужа: общение со свекром сводилось к минимуму. Имена супруга и его родных исчезали из ее лексикона, заменяясь благоговейным молчанием. Подобные ограничения воздвигались и для мужа в отношении родни супруги. Молодые избегали совместного появления в присутствии старших, сторонились людных мест, воздерживались от проявления нежности к детям на публике, не упоминали их имена в разговорах с посторонними, ограждая их имена от посторонних ушей и т.д.

В первые недели после свадебного торжества новобрачная удостаивалась своеобразной передышки от повседневных забот, вплоть до проведения специальных обрядов посвящения, знаменующих ее новый статус. Наряду с другими послесвадебными обрядами, у абхазов на пятнадцатый день после свадьбы проводился обряд *амхаратгара* – выведение невестки из брачного домика и ввода ее в «большой дом» – *аьнду лхагара* [4: 138]. Способы проведения этих обрядов отличаются у абжуйцев и бзыпцев.

У абжуйских абхазов в этот день молодежь собиралась у невесты с утра. В этом обряде участвовали и мужчины, но зять не появлялся там. При проведении данного обряда, персонально приглашали парня (*ахаџаџыза*) и девушку (*атџаџыза*), которые сопровождали невесту в день свадьбы. Вывод невестки из комнаты возлагался на близкого семье молодого парня или одного из друзей жениха. О предстоящем событии его оповещали заранее. Парень, который выводил невестку из опочивальни, организовывал застолье за свой счет. Его тоже не оставляли без подарка: дарили скот или лошадь. Распевая песни, танцуя, стреляя, молодежь, окружив невесту, выводила ее из опочивальни.

Для подтверждения сказанного приведем воспоминания Сангулии (Крия) Шимы Естатовича, который в свое время ввел невестку логуовцев в их главный дом: «В старину, приведшие невестку, на пятнадцатый день после свадьбы приводили ее в главный дом. Этот обряд так и назывался “привод невесты в главный дом”. И вот, женился Юра Логуа. Его отец Андрушка (Андрей) очень любил меня. Он пришел к нам домой, тогда был еще жив бедный Тачиа (его отец. – Э.С.), накануне пятнадцатого дня после их свадьбы, т.е. за день до проведения обряда. “Шима, – обратился он ко мне, – я хочу, чтобы ты завтра привел мою невестку в главный дом”. Услышав это, Тачиа проявил негодование: “Как это так? Если ты завтра собираешься приводить невестку в свой дом, что он сможет?! Разве так это делается?! – вспыхнул он. – Когда женился Сангулия Тархана, чтобы я привел невестку в большой дом, мне сообщили за неделю до проведения обряда. Я запряг телегу, положил на нее свежемолотую муку, бочку вина, подвязал к ней убойное животное и со всем этим направился к ним. Вот так приводят невестку в большой дом”, – сказал он. Я тут же отправился в Очамчиру, купил подарки и на следующий день привел Майю в главный дом» [8].

При вводе невестки в «главный дом» старший хозяин закалывал животное. Вместе с соседями парень, которому поручили привести невестку, приходил в ее комнату и под песни и пляски молодежи выводил ее. Перед главным домом процессия останавливалась. Там хозяин, держа в одной руке нанизанные на ореховый прут сердце и печень животного, а в другой – стакан вина, благословлял пришедшую в их дом молодую невестку, прося божество процветания рода человеческого Ажбахара опекать ее, помочь ей стать сильной и плодотворной: «Иа, пусть Анцва породивший нас, даст тебе удачу! Пусть очаг, которому ты принадлежишь теперь, будет благосклонен к тебе!...» [5: 131] – просил он Анцву (Бога) [1: 155–156]. Затем невестка переступала порог главного дома, проходя под скрещенными кинжалами. Парень, выведший ее из комнаты, концом своего кинжала снимал с нее косынку. С этих пор невестка становилась полноправным членом семьи и могла приходить в главный дом. К парню, выведшему ее из опочивальни, она относилась как

к брату. В праздники она готовила ему подарки и навещала его. Если невестке приходилось идти в дальний путь, он сопровождал ее. При ссоре с мужем или каком-нибудь конфликте в семье, она могла поговорить с ним об этом. Он сразу принимался за урегулирование вопроса.

У бзыбских абхазов в день ввода невесты в «большой дом» проводили обряд *ажьахара*. Он заключался в том, что молодую невестку благословляла «чистая» женщина. В отличие от абжуйских абхазов, у бзыбцев мужчины в этом благословлении не участвовали. В день проведения данного обряда благословляющая женщина готовила сырный пирог, три отварных яйца, ставила на тарелку стакан с вином, брала свечку и направлялась в опочивальню невестки, в которой она ждала ее, стоя в углу, с покрытой косынкой головой. Благословив невестку с зажженной свечой, она обводила вокруг ее головы живую курицу и там же ее резала. После этого молодежь выводила невестку из опочивальни и сопровождала ее в главный дом. Там благословляющая ставила невестку на колени перед очагом. Обратившись с молитвой к божеству Ажьахара о даровании ей плодовитости, она зарезала курицу – пеструшку. Могла зарезать и еще одну на улице в дополнение. После того, как куры были сварены, невестка снова становилась на колени перед очагом. Произнесла молитву над сердцем и печенью кур и свечой – «Пусть не коснется тебя головная боль, пока я не накормлю своими руками Ачбовцев и Чачбовцев» [7], – благословляющая давала отведать все виды кушаний невестке, а оставшееся клала высоко на дерево, чтобы ни животные, ни птицы не могли его съесть. После проведения необходимых обрядов все садились вместе и ели. Невестка в застолье не принимала участие, ее отводили обратно в комнату.

Если обряд «вывода невестки из комнаты» у абжуйцев в настоящее время забыт, то моление Ажьахара, хоть и редко, но всё еще можно увидеть у бзыбцев. Некоторые семьи по сей день бережно хранят эту традицию. В подтверждение этих слов можно привести рассказ 25-летней Кардия Хагуш Гунды, молодой невестки из села Калдахуара Гудаутского района: «На второй день после того, как меня привели в дом мужа, я стояла в углу гостиной комнаты на втором этаже дома. В качестве подруги со мной была одна и незамужних сестер моего мужа (дочь брата отца). В комнату, где мы стояли, пришла соседка, «чистая» женщина, держа в руках тарелку с сырным пирогом, поверх которого лежали три отварных яйца, и стоявшим рядом с ним стаканом с вином. Она трижды обвела вокруг моей головы живую курицу и там же зарезала ее. Вторую курицу она зарезала на пороге кухонной комнаты главного дома. Третью курицу она зарезала на улице, в качестве дополнительной жертвы. После того, как кур отварили, она помолилась над сердцем и печенью и дала мне попробовать всю приготовленную пищу, а остатки еды вынесла на улицу и положила на высоком месте, на дереве. При всех этих делах,

она, не переставая, молилась. И когда резала кур, и когда угощала меня едой, она всё время произносила молитву, правда, я не помню слов, которые она говорила. После проведения обряда накрыли стол и все сели есть. Мне, по обычаю, не положено было принимать участие в застолье. При этом присутствовали только женщины, мужчины не приходили туда» [6].

После обряда вывода невестки ее вели к роднику. Положив сырое яйцо в ведро и подав его невестке, свекровь или другая пожилая («чистая») женщина, взяв с собой расческу, мыло и зеркало, шли к источнику и проводили там благословление. Невестка вставала на колени перед водой, женщина же молила владычицу воды Дзызлан-Дзахкуаж, чтобы она была добра к молодой невестке, не мешала бы ей, когда девушка будет приходить за водой: «Пусть с тобой пребывает благословление святой родниковой воды, владычицы вод Дзызлан-Дзахкуаж, всего того, что принадлежит Богу». Обернув трижды вокруг головы невестки яйцо, она бросала его в воду. Считалось, что с этого дня невестка беспрепятственно могла пользоваться водой источника. Расческу, мыло и зеркало – как подношение владычице Дзызлан – оставляли у воды. Их могли забрать дети или взрослые. «Этот ритуал показывает нам веру в магическую силу воды. Появляющаяся после ритуала Дзызлан могла, если ей что-то не по нраву, наказать обидчиков. Яйцо забрасывали в воду именно с той целью, чтобы задобрить ее», – пишет Ц.С. Габния, говоря о силе веры абхазов в могущество воды [3: 316].

У многих народов вода считается чуждым и опасным для человека местом обитания грешных душ, чертей и русалок [2: 386–390].

Немного отличаются послесвадебные обряды у абазин. Так же, как и у абхазов, у абазин послесвадебный цикл включает в себя множество элементов. Самым волнительным моментом для молодой невестки было знакомство с родственниками мужа, в первую очередь знакомство со свекровью. Интересен обряд снятия платка молодым парнем, который еще не имеет семьи. К послесвадебным обрядам относится еще и обряд *гвырркIра* – обряд передачи иглы и т.д.

В послесвадебный цикл входит, наряду с другими, поэтичный обряд первого выхода новобрачной за водой. Этот обряд, исполненный глубокого символизма, был посвящен проверке хозяйственных умений молодой невестки. День, когда новобрачная впервые направлялась к роднику, наступал спустя некоторое время после свадебных торжеств – от нескольких дней до месяца и даже года, в зависимости от благосостояния семьи.

У абазин первый выход невестки за водой носил праздничный и знаковый характер. После трех дней пребывания в доме мужа на четвертый день она отправлялась к источнику. Шествие невестки за водой организовывалось свекровью и соседскими женщинами. Роль распорядительницы возлагалась на старшую женщину рода или уважаемую соседку. К процессии

присоединялись золовки и молодые снохи, молодые парни из рода мужа. За водой обычно ходили ранним утром, чтобы набрать чистую, незамутненную воду.

В давние времена у абазин женщины носили воду в больших железных кувшинах, а позже стали использовать ведра с коромыслом. Распорядительница несла с собой корзину с символическими подарками и сладостями, которую невестка сама готовила: «мелкие вышитые вещички (кисеты, носовые платки, плетеные шнуры)», средства гигиены [14: 92], наборы для рукоделия, портсигары для мужчин. В качестве угощения несли халву, которую раздавали встречным от имени молодой невестки. В ответ люди одаривали ту благопожеланиями, знакомясь с ней таким образом.

Новоиспеченная невестка спускалась к воде одна, а женщины оставались в стороне, украдкой оценивая ее движения: как она подходит к воде, как черпает воду, удастся ли наполнить ведро с одного раза. Умение наполнить ведро одним движением свидетельствовало о ее ловкости, а неспешное возвращение с полными ведрами – о бережливости и терпеливости. О том, каким волнительным был первый выход невестки за водой, мы можем определить по рассказу нашего информанта: «Будучи городской девушкой, вышла замуж в 18 лет в аул. Родник, откуда набирали воду, находился в двух верстах от дома. В день, когда впервые предстояло идти за водой, объятая страхом опозориться, села и разрыдалась», – со смехом делилась она с нами своими воспоминаниями [10].

В каждом движении новобрачной, когда она несла на плечах коромысло с полными ведрами, угадывалось негласное испытание. Братья мужа и его друзья то и дело норовили подшутить: то попросят испить ключевой воды, то невзначай опрокинут ношу. Вспыхнет гнев – и осудят за несдержанность, проявит терпение – восславят ее стойкость, столь необходимую в семейной жизни. Невестка не опускала головы, несла воду гордо и плавно, перекладывая коромысло с одного плеча на другое. Если же коромысло ложилось на шею, говорили, что в ее доме не будет ни порядка, ни уюта, что она погрязнет в делах, которым не будет ни конца ни края. А вот если шла она с прямой спиной, не расплескивая воду, то сулили ей в будущем уют, порядок и благополучие [11].

На пути ей часто встречались женщины, порой казалось, что они нарочно выходили навстречу. По этикету пройти мимо них она не имела права, и часто случалось, что переливала свою воду в их ведра. И не только бабушкам, но и всем старшим женщинам, соблюдая строгую иерархию. Дважды, а то и трижды спускалась она обратно к воде, не смея отказать в просьбе. Не только женщины, но и мужчины испытывали сноровку и нрав молодой невестки, и от того, как она подаст воду, зависело многое. Подача воды с правого плеча выражала почтение. Но были и исключения. Если человек был

неприятен невестке, например, нежеланный сосед или кровный враг, то она протягивала ему воду левой рукой, давая понять, что не желает видеть его рядом с собой. И тот уходил, стараясь больше не попадаться ей на глаза [13]. После того, как невестка напоила путника, она возвращалась к реке, чтобы не нести в дом воду, тронутую чужими губами.

По возвращении свекровь и старшие оценивали полноту ведер. Если вода не расплескалась – быть жизни счастливой и полной. Коромысло же в дом никогда не заносилось. Считалось, что перенести его через порог – значит навлечь на дом проклятие, обречь его на запустение [9]. Коромысло бережно вешали на гвозди, специально для этого предназначенные, или на подложку, где оно всегда висело.

Первую воду невестка подносила старшему мужчине в доме. Зачерпнув воду в чашу, она неспешно, на раскрытых ладонях, преподносила ее, повернув ковш под правую руку мужчины, избегая случайных прикосновений. Держать ковш за ручку считалось проявлением неуважения к старшим [12]. Лишь после этого невестка медленно отступала, не поворачиваясь к нему спиной.

И лишь после того, как невестка возвращалась с водой, она становилась полноправной хозяйкой в доме. С этого дня ей дозволялось свободно исполнять все домашние обязанности. Ходить за водой, выполнять любую работу, связанную с водой, готовить пищу, мыть посуду, стирать белье. Самой прилежной и скромной считалась та невестка, которую реже всего видели у реки или колодца. Она успевала всё сделать на заре, не выставляя напоказ свои хлопоты.

Как и у абхазов, у абазин в городской среде данный обряд практически исчез, но его элементы, например, подношение воды свекрови, сохраняются как дань традиции. В сельских районах Карачаево-Черкесии обряд иногда проводится в упрощенной форме, без сакрального наполнения или же его элементы воспроизводят на фольклорных фестивалях.

В заключение следует подчеркнуть, что в системе абхазо-абазинских свадебных ритуалов обряд вывода невестки к источнику представляет собой важный элемент послесвадебного цикла.

В целом обрядность кавказских народов – краеугольный камень их традиционно-бытовой культуры, чьи функции многогранны и значимы, как в прошлом, так и в настоящем. Послесвадебные обряды широко распространены и у других народов, но именно кавказские ритуалы с их архаичными формами, обычаями и верованиями, неповторимо самобытны и полны местного колорита, что придает им уникальность. Как у абхазов, так и у абазин с момента проведения обряда вывода за водой забота о воде для семьи ложится на плечи невестки. Считалось большим позором, если свекровь продолжала носить воду, когда в доме есть молодая невестка. Передача этой

обязанности знаменовала собой первый шаг в преемственности поколений, когда хозяйственные заботы переходили от старших к младшим.

Обряд вывода невестки к роднику, будучи частью единого символического кода абхазо-абазинской свадьбы, выполнял важнейшую роль в социализации женщины. Его изучение позволяет не только реконструировать архаичные пласты семейной обрядности, но и понять механизмы адаптации традиции к меняющимся условиям современности. Обряд вывода к роднику – это не просто бытовая церемония, а сложный социальный механизм, регулирующий адаптацию невестки посредством тонкой системы запретов и разрешений. Он закреплял ее переход в статус «своей», полноправного члена семьи, через взаимодействие с родовым сакральным объектом – родником. Этот обряд наглядно демонстрировал общине, что семья приняла нового члена, соблюдая вековые традиционные нормы.

Источники и литература

1. Акаба Л.Х. К изучению генезиса культа домашнего очага у абхазов // Всесоюзная научная сессия по итогам этнографических и антропологических исследований 1986–1987 гг. Тезисы докладов. Сухуми, 1988. С. 155–156.
2. Виноградова Л.Н. Вода // Славянские древности. Этнолингвистический словарь в 5 томах. Т. 1. М., 1995. С. 386–390.
3. Габния Ц.С. Азы арра амотив апсуа мифкэа рыкны // Эволюция эпической традиции. К 80-летию академика АН Абхазии Шоты Хичовича Салакая. Сухум, 2014. С. 314–323.
4. Инал-Ипа Ш.Д. Очерки по истории брака и семьи у абхазов. Сухуми, 1954.
5. Камкия Шь.Т. Ажэакэа рдуinei. Апсуа енциклопедиагэ жэар хэычы. Аҟэа, 2009 (на абхаз. яз.).
6. Полевые материалы автора (далее – ПМА). 2006 г., с. Калдахуара Гудаутского района. Информант Г.В. Кардия-Хагуш, 1981 г.р.
7. ПМА. 2006 г., с. Отхара Гудаутского района. Информант М.Д. Беия-Коскир, 1923 г.р.
8. ПМА. 2009 г., с. Члоу Очамчирского района. Информант Ш.Е. Сангулия (Кирия), 1926 г.р.
9. ПМА. 2022 г., аул Апсуа Карачаево-Черкесской Республики. Информант М.И. Дармилова-Тлисова, 1969 г.р.
10. ПМА. 2022 г., аул Красный Восток Карачаево-Черкесской Республики. Информант С.А. Хутова (Абитова), 1946 г.р.
11. ПМА. 2022 г., аул Красный Восток Карачаево-Черкесской Республики. Информант И.М. Хутова (Камбиева), 1967 г.р.
12. ПМА. 2022 г., аул Мало-Абазинка Карачаево-Черкесской Республики. Информант А.П. Урчукова, 1976 г.р.

13. ПМА. 2022 г., г. Черкесск. Информант А.Р. Уша-Напшева, 1979 г.р.

14. Свадьба абазин / Я.С. Смирнова, И.М. Шаманов, Л.З. Кунижева // Свадебная обрядность у народов Карачаево-Черкесии: традиционное и новое. Сборник научных трудов. Черкесск, 1988. С. 85–103.

Д.С. Кидирниязов, Д.З. Аракчиев

РИТУАЛ НОГАЙЦЕВ В МЕСТНОСТИ ТАТАРТУП

Кавказ является уникальным историко-этнографическим регионом. Это местность, в которой сосредоточены многочисленные этносы, обладающие древними культурными традициями. Кроме красивой природы, кавказским народам от их предков достались древние истории и легенды, сюжеты которых часто пересекаются между собой, что говорит о близких межнациональных связях. Поэтому многие легенды одних народов так похожи на легенды их соседей, особенно расположенных в географической близости друг к другу [6].

Некоторые предания порождают суеверия в народе, что приводит к выполнению неких обрядов, которые затем передаются из поколения в поколение. Народ соблюдает их в каких-то особенных случаях или выполняет в определенное время года, придавая этому большое значение. В итоге такой обряд иногда может стать народным обычаем.

Термин «адаты» является общепринятым для народной традиции многих народов региона, идентичным также жителям плоскостной зоны Северного Кавказа. В документальных материалах понятие «адаты» используется в разнообразных толкованиях. Наиболее общее значение понятия «адат» – народная традиция, существующая в национальных поверьях, свод обычаев у народов Кавказа. Один из таких народных обычаев мы постараемся разобрать в этой работе.

Обычай, о котором далее пойдет речь, существовал в местности под общеизвестным названием «урочище Татартуп». Достоверно известно, что он соблюдался горскими народностями – кабардинцами и черкесами, но мало кто знает, что данный обычай ежегодно практиковался и у живших по соседству с ними ногайцев.

Татартуп – это древнее городище, в археологической литературе чаще всего используется название «Верхнеджугатское городище», которое расположено на левом берегу Терека у Эльхотовских ворот на территории современной Северной Осетии, датируется XIV–XVI вв. и является памятником эпохи Золотой Орды. Эта живописная местность по-осетински называется *арджы нараг* – «теснина аргов». Еще раньше в этом месте процветал

крупный аланский город Дедаков. В Симеоновской летописи сказано, что в 1277–1278 гг. русские князья участвовали в походе на Северный Кавказ вместе с татарами на этот город [8: 75].

После взятия Дедакова монголы решили усилить свой контроль и поставили здесь сильный гарнизон, а также начали городское строительство. С этого времени город надолго вошел в состав Золотой Орды и получил название «Татартуп» («татарский стан», «стоянка татар»). Он располагался на пути через Теснину аргов и Дарьял в Закавказье и имел важное экономическое и стратегическое значение. Через Татартуп можно было попасть к низовьям Волги и к столице Золотой Орды – городу Сараю. Местные средневековые аланы, жившие там, не исчезли бесследно, а приняли участие в этногенезе своих завоевателей. В зависимости от конкретных политических обстоятельств аланы-асы были приближены к правящим кругам номадов-завоевателей, которые активно использовали военный и экономический потенциал аланов. Считается, что потомки аланов были интегрированы в сложный конгломерат ираноязычной общности войска военачальника Ногая [1], возможно, постепенно перемещавшись с ним.

В период правления Золотой Орды в Татартупе строятся городские мечети и минареты, распространяется ислам. Однако стоит отметить, что одновременно с мусульманскими мечетями в городе строились и христианские церкви. Остатки трех церквей в Татартупе отмечали многие путешественники прошлого. Поэтому в городе жили представители не только разных народов, но и разных вероисповеданий. Постепенно Татартуп становился священным местом, очень почитаемым на Северном Кавказе. У ногайцев, осетин, кабардинцев и адыгов со временем сложился настоящий культ Татартупа. Особым почетом пользовалось святилище на вершине горы Татартупа. Татартупом клялись, здесь укрывались от кровной мести, тут запрещалось совершать какие-либо насильственные действия. Храмы и усыпальницы города являлись сакральными объектами и были приютом для подвергаемых преследованиям и угнетаемых. Помимо этого, в первой половине XVIII в. в зоне поселения, не испытывая опасения от своих врагов, проводили безопасную жизнь приблизительно тридцать семей вынужденных переселенцев. Роль культового запрета дошла до наших дней в наименовании этой средневековой крепости в народном творчестве абхазского и абазинского народов. У них отмечено обетное правило *Уаиш'эа Т'ам'арт'ун*, где *Уаиш'эуэ* – кабардинский отец богов, его личное имя нередко употребляется в торжественных высказываниях [3: 92].

Но, как оказалось, и ногайцы, проживающие на Западном Кавказе, также считали своим долгом накануне празднования нового года спуститься к долине Татартуп, упасть на колени и обратиться с просьбой к богу горы [9: 67]. Как известно из описания обряда, ногайцы отмечали первый день нового

года особым действием: они совершали паломничество в район Татартупа на берегу Терека, где проживает «Джин-Падишах, или царь духов. В память о своем визите паломники оставляли несколько винтовочных патронов, нож или другое оружие в углублении скалы. И ныне здесь можно найти груды заржавевших пуль, стрел, ножей, сабель, кинжалов. Считалось, что тот, кто исполнил этот обряд, будет защищен от вражеской пули и сабли, весь год ему будет сопутствовать удача» [13: 76]. Именно такое описание обряда у ногайцев обнаружено в печатных газетах на французском языке под названием «Посланник с Таити» от 21 июня 1857 г. и в газете «Страна» от 4 января 1857 г. [14].

Разбирая этот обычай, мы обратились к легендам горских народов. Выяснилось, что в этом обряде речь идет о царе духов, жившем на горе, которая всем известна как Эльбрус. Бытует поверье о живущем на ней небесном правителе птиц по имени *Джин-Падишах*. Оно широко известно многим, кто бывал в Кавказском крае, совершал путешествие через него либо проживал на этой территории. Известный отечественный историк XIX в. С. Броневский подчеркивает: «Горские народы вообще почитают сию гору за волшебную и полагают там всегдашнее местопребывание Царя духов, известного у них под именем Джин-падишах» [1: 11]. В кабардинском фольклоре упоминается, что бунтарскому господу Джин-Падишаху приносили жертвоприношения. Осуществивший жертвоприношение в преддверии нового года зарабатывал в ближайшие годы наговор от свинцовой мишени. [3: 93; 592].

Описание обряда, совершаемого ногайцами каждый новый год, сходится с описанием обрядовых действий, совершаемых как кабардинцами, так и черкесами [10]. По преданиям адыгов, на горе Эльбрус живет Джин-Падишах, который является королем призраков. Джигит, совершивший обряд принесения жертвы Джин-Падишаху, будет удачлив во всех своих начинаниях в течение всего года: ни вражеская пуля, ни шашка не могут ему навредить, весь год он живет с убеждением, что он недосыгаем для всех опасностей, пока не придет время снова следовать традиционному обычаю. Отдавая дань уважения Джин-Падишаху, паломники произносят какие-то загадочные слова и кладут в скалистое ущелье дробь, нож или другие предметы в память о своем визите. Таким образом, мы видим, что обряд поклонения и подношения духу горы является единым для кабардинцев, адыгов и ногайцев, что вызывает интерес к дальнейшему изучению этой темы, а также является показателем крепких связей между народами не только в культурном, но и в духовном плане.

Некоторые сведения нам говорят о том, что на вершине Эльбруса обитает Симург – седовласый царь птиц, одним оком озирающий прошлое, а другим проникающий в будущее. При полете его от ударов крыльев потрясается

земля, волнуется море. При столах его умолкают птицы, увядают цветы, горы одеваются облаками. Когда же с вершины Эльбруса слышатся звуки пения добрых духов, тогда небо ясно, снеговые вершины сверкают на солнце, ручьи текут спокойно, цветы благоухают, везде радостно и мирно [9]. Согласно турецкому автору XVII в. Э. Челеби, птица Симург обитает на горе Каф. А персияне считают Эльбрус главной горой на Кавказе и называют ее «Каф-Даг» [7: 264]. Исходя из персидской мифологии, Симург выглядит как огромный сокол с женской грудью или как хищная птица с чертами льва или собаки. Легенды об этой птице широко распространены среди тюркских народов. Например, в башкирском эпосе «Урал-батыр» общеизвестное женское божество Умай, изначально имевшее лебединый облик, является дочерью небесного Падишаха крылатых существ Самрау. Имя Самрау (Самыр-ау) созвучно с именем космических самыров в ногайском предании, согласно которому самыры – крылатые собаки – принесли жизнь на землю, это они были первыми наставниками, охранниками, помощниками людей. Затем они вымерли, а часть осталась на небе. Здесь обнаруживается сходство в описании внешнего облика Симурга или Самрау (ногайский вариант) как «птицы-собаки», и в том, что его называли «Падишахом», т.е. правителем. Исходя из этого, можно сделать вывод, что Джин-Падишах и птица Симург для народов, живущих на Северном Кавказе, являются одним и тем же мифологическим существом, обитающим на горе Эльбрус. А обряд поклонения и подношения этому духу горы является общим для черкесов и ногайцев. Также приведенное выше сравнение мифологии разных народов говорит о том, что, вероятно, этот обряд изначально мог практиковаться у ногайцев, а затем через межэтнические связи он попал в среду черкесов и распространился там, что, безусловно, вызывает интерес к дальнейшему изучению этой проблемы.

Следующим вопросом, стоящим при изучении этого обычая, было определение вероятной дислокации углубления в скале, где оставляли вышеуказанные предметы в качестве жертвоприношения. В мифах и нартском эпосе адыгов гора Эльбрус называется «Ошамахо». В легендах также говорится, что на Ошамахо «подняться невозможно» [2: 93]. Это неудивительно, ведь неподготовленному человеку без специального альпинистского снаряжения подняться на Эльбрус – неосуществимая задача, поэтому все жертвы для Джин-Падишаха по описанию обряда приносились в Татартупе. Это местоположение для паломничества подтверждает С. Филатов. Автор считает, что паломники обычно направлялись в урочище Татартуп (Татарский холм) на западном берегу Терека, на одной из стен которого когда-то были обнаружены изображения Богородицы и Иоанна Крестителя [12: 179]. Мы не можем подтвердить или опровергнуть данную версию, поэтому необходимы дополнительные наблюдения, чтобы проверить точность

указанного месторасположения и рассчитываем, что эта публикация чем-то поможет тем, кто в дальнейшем будет заниматься изучением данной проблемы.

Известна и еще одна общая легенда, бытующая практически среди всех народов Кавказа, о том, что в ущелье Эльбруса расположены ворота в страну духов Джинистан, где обитают вечно юные и очаровательные девы [4: 117].

Анализируя вышесказанное, неудивительно, что ногайцы исполняли подобный обряд и почитали царя духов на горе Эльбрус так же, как делали их соседи. Известно, что ногайцы издавна кочевали в пределах Эльбруса и эта гора являлась для них практически священной. В героической поэме ногайцев присутствуют Кавказские горы – *Кап тавлары* или обычно *Кап тав*. Западная возвышенность Кавказских гор в ногайском эпическом повествовании нередко называют *Шеркес-тав* («черкесские горы»). А ногайское наименование горы Эльбрус – *Аскар тав* – дословно транслируется как «Аская возвышенность» и символизирует величественность и грандиозность [7: 262–264]. Облик Аскар-тав широко распространен в ногайском фольклоре и является одним из любимых в творчестве ногайских поэтов. Еще в XV в. легендарный ногайский поэт Шал-Кийиз Тиленшиулы упоминал Эльбрус в своих стихах. Британский военный разведчик Дж. Белл, который был участником Кавказской войны на стороне адыгов, отмечал, что адыгское наименование горы Эльбрус – *Ногай Хусха* («гора ногайцев»), которое свидетельствует о том, что ногайцы давно проживали и в этой зоне региона [2: 16].

То, что ногайцы могли обитать в горах, подтверждают и осетинские предания, зафиксированные в 1920-х гг. В них говорится, что ногайцы проживали рядом с осетинами в Куртатинском, Тагаурском и Дигорском ущельях. Примечательно, что ногайцы, изначально проживавшие на равнинной территории нынешней Осетии, перебрались в горную ее часть после падения Золотой Орды (XV в.) [11: 61].

Можно предположить, что обычай, о котором шла речь выше, мог бытовать в основном у высшего ногайского и черкесского сословий. Трудно представить, что раб, крестьянин, чабан или землепашец, мог ежегодно приходить в Татартуп и оставлять там ножи, кинжалы, стрелы или сабли, чтобы получить себе неуязвимость от них на целый год. На это просто не было причины. Вероятно, жертвовать такие изделия могли позволить себе лишь ногайские князья или мурзы, а также кабардинские пши (князья) или уорки (сословие дворян). Ведь именно военное ремесло составляло исключительное занятие ногайских и черкесских дворян [3: 49; 5].

Таким образом, мы пришли к заключению, что культ Джин-Падишаха у ногайцев и черкесов относится к древневосточной мифологии, и, вероятно,

он практиковался еще до распространения ислама на Кавказе. Описанный обряд является самобытным и уникальным, и, несмотря на то что ногайцы и черкесы в XIX в. уже исповедовали ислам, этот ритуал всё же оставил след в их культуре и традициях. Исходя из вышесказанного, можно отметить, что народная легенда постепенно изменяется и становится народным обычаем, который, в свою очередь, превращается в адат.

Сегодня Татартуп позабыт вместе с его региональной значимостью. Эта работа приподнимает завесу над одним из интереснейших обрядов, который давно позабыт ногайцами, что в свою очередь дает новое понимание и осознание значимости для них урочища Татартуп.

Литература и источники

1. Броневский С. Новейшие географические и исторические известия о Кавказе: Ч. 2. М., 1823.
2. Бэлл Дж. Дневник пребывания в Черкесии в течение 1837–1839 годов / пер. с англ. Н. Данкевич-Пущиной. В 2 т. Т. 2. Лондон, 1840.
3. Кабардинский фольклор. М.; Л., 1936.
4. Кавказ. Вып. XIV. Покорение Эльбруса. Нальчик, 2014.
5. Канаметов З.Х. «Уэркъ хабзе» – кодекс чести адыгской феодальной знати // Культурная жизнь Юга России. 2007. № 6 (25). С. 91–94.
6. Леонтович О.И. Адааты кавказских горцев. Материалы по обычному праву Северного и Восточного Кавказа: [в 2 вып.]. Вып. 1. Одесса, 1882.
7. Ногайцы в известиях русских, западноевропейских и восточных авторов XV–XVIII в. Махачкала, 1999.
8. Полное собрание русских летописей, изданное по высочайшему повелению Археографическою комиссиею. Т. 18. Симеоновская летопись. СПб., 1913.
9. Рахно К.Ю. Осетинско-ногайские фольклорные параллели // Ногайцы: XXI век. История. Язык. Культура. От истоков – к грядущему: материалы Первой Международной научно-практической конференции (г. Черкесск, 14–16 мая 2014 г.). Черкесск, 2014. С. 320–323.
10. Сикалиев А.И.-М. Ногайский героический эпос. Черкесск, 1994.
11. Топчишвили Р.А. Осетины в Грузии: миф и реальность. Тбилиси, 2009.
12. Филатов С. Кабардино-Балкария в поисках религиозного мира // Экономические, социально-политические, этноконфессиональные проблемы афро-азиатских стран: ежегодник. Вып. 2. М., 2019. С. 179–199.
13. Collin de Plancy J. Légendes Du Calendrier. Paris, 1863.
14. Olrik A., Ranisch W. Ragnarök. Die Sagen vom Weltuntergang / übertragen von Wilhelm Ranisch. Berlin; Leipzig, 1922.

Е.Б. Бесолова

ЕЩЕ ОБ ОДНОЙ ИПОСТАСИ НАРТА АЦАМАЗА В НАРТИАДЕ

Универсальные ментальные модели древних, находящиеся в фольклорном тексте, позволяют рассматривать его возможности для реконструкции как определенных этнографических форм традиционной культуры, так и архаического мифологического мировоззрения. Синкретизм фольклора, оперирующего фактами лингвистики, этнографии, музыковедения, хореографии и др., привлекает тем, что одни символы могут вещать языком других, заменять их и даже расширять их семантику, и это положение лежит в основе понимания, что «для мифического всё существует во всём» [22: 214]. Попытаемся проиллюстрировать положение анализом «осколка» древнейшей формы архаического мифа, сохранившегося до форм более поздних и перешедшего в героический эпос, сказания «Песнь о нарте Ацамазе» (поэтический текст) [14: 332–334], а также сказания «Ацамаз и Агунда» (прозаический текст) [18: 378–380].

Образ певца Ацамаза всегда привлекал исследователей Нартиады, вызвал к жизни множество публикаций [18: 21–28]. «Песнь» «лучезарного» Ацамаза, зачаровывающего всю природу игрой на свирели, считается одной из жемчужин осетинской народной поэзии. Причем речь идет не просто о чудесной, магической, волшебной песне, а о песне, имеющей природу солнца, силу и действие солнца [2: 199]. Определив ее особенности, В.И. Абаев заключает: «Такое яркое единство микро- и макрокосмических элементов в мотиве чудесного певца не встречается ... в европейских орфических сюжетах. Ацамаз выступает здесь как солнечный герой, а брак его с Агундой оказывается не чем иным, как весенним мифом» [2: 200]. Там же выдающийся ученый пишет о том, что «мотив песни, приносящей весну, ведет нас, кажется, от Ацамаза не на запад, а на восток, к некоторым тюрко-монгольским эпическим образам» [2: 200]. На наш взгляд, скорее к ближневосточным.

Человек мифического времени «первотворения» понимал окружающий его мир природы тождественным как себе, так и сообществу, и это засвидетельствовали мифы, отображающие мышление древних людей о мире, сюжеты в которых о происхождении объектов Вселенной, явлений природы, человека, животных и т.д. В них же оформленные в различных сюжетных формах представления о выдуманных явлениях и персонажах высшей и низшей мифологии, далеких от реальности, но вполне правдоподобных для тех, кто создал их.

И мышление, и мировосприятие древних воспринимало календарные обряды, совершаемые ими во время переломных периодов в жизни человека

и природы, в качестве действенного способа для достижения основной цели любого ритуала – поддержания естественного порядка в природе, сохранения и продолжения во времени жизни человека и всего коллектива [5: 99].

Анализ мифов, по М.М. Маковскому, – это «средство выявления первичных структур сознания»; появление при этом «кажущейся алогичности, произвольности мифологической фантазии» объясняется тем, что «осмысление и обобщение явления мира происходит в мифе по семантическим эмоционально-ассоциативным рядам» [12: 18]. Данный тезис лег в основу предпринятой попытки прочтения мифа, отображающего миропонимание древних, в который можно проникнуть через изучение семантики языка. Именно язык, по мнению И.М. Дьяконова, выражает категории мышления, потому что самым трудным для древних было «воспринимать и выражать абстрактные понятия. А так как никакое суждение невозможно без известного обобщения, то это обобщение достигалось путем создания чувственно-наглядных ассоциаций (сопоставлений), <...> тем самым за всяким явлением мира мыслилось разумное движущее им существо, которое следует умиловить в свою пользу. Это существо, или божество, мыслилось материальным, могло отличаться от человека могуществом, злобностью..., не отличалось и бессмертностью, потому что человек не имел средств чувственно или словесно представить себе смерть как небытие» [9: 52–53]. Речь идет о времени, когда первостепенной была лишь традиция соблюдения определенных действий.

Сменяются разные хронологические эпохи, устаревают не только предметы, но и слова. Получается так, что устаревшее слово уходит из активного арсенала по причине утраты смыслового кода к предмету. В таком случае, как показала жизнь, он выпадает из контекста культуры, становится «мертвой вещью». Констатация заявленного положения важна в данном контексте.

Свирель – ирон. *уадындз* /диг. *хæтæл*. Лексема *уадындз*, сочетающаяся лишь с тремя глаголами: *зарын* ‘играть’ (‘петь’), *уасын* ‘играть на каком-нибудь духовом инструменте’ и *цæгъдын* ‘играть на музыкальном инструменте’, – возводится В.И. Абаевым к **uādāniči*- от **uad*- ‘играть на музыкальном инструменте’, ‘петь’ [1: 35].

Свирель *уадындз*... Этот архаический духовой инструмент использовался пастухом: ее звуки обладали организующими свойствами, способствовали умиротворению, принуждали к послушанию. Исполнение на свирели пастушьих наигрышей достигало такой удивительной устойчивости, что еще у древних стали проглядывать представления, обусловленные магической силой воздействия музыкального звука.

Уадындз вошел в такие древнейшие жанры устного творчества осетин, как сказки, предания, паремия, народные афоризмы, в которых музыкальный быт и будни пастушьи нашли отражение с присущим этим жанрам

меткостью, лаконичностью, образностью: *Хорз фыййау йае фос хъар амае ладзагай нае, фалае йае уадындзы цагъдаеи аздахы* – «Хороший пастух не окриком и палкой, а игрой на своей свирели управляет отарой (стадом)».

Хотя возникновение флейтовых инструментов относят к глубокой древности, уже ко времени первых цивилизаций эти «пастушеские» инструменты достигли в своем развитии высокого уровня. В результате становления музыкально-художественных представлений древние первичные орудия звукопроизводства превращались в осмысленные музыкальные инструменты. Как заметил яркий осетинский композитор Ф.Ш. Алборов, духовой инструмент «незамысловатой конструкции» эпохи позднего палеолита нес важную информацию как «об эволюции музыкального мышления», так и о «музыкально-техническом мышлении наших далеких предков» [4: 96–104].

Эта продольная открытая флейта *уадындз* изготавливалась из тростника (*хъазы заенгаи*), из однолетнего побега кустарника (бузины, борщовника или из стебля зонтичных растений) в конце лета – начале осени. Срезанный отрезок стебля длиной в 5–6 обхватов ладони руки сушили, к концу зимы удаляли мягкую сердцевину из него; со временем стали изготавливать инструмент и из отрезка ружейного ствола. Общая длина ствола *уадындз* колебалась в пределах 500–700 мм. В нижней части вырезали два (редко 3) боковых отверстия диаметром 7–10 мм, но изредка попадались экземпляры с четырьмя и даже с шестью игровыми отверстиями. Известно также, что искусные исполнители играли на нём и сложные мелодии в диапазоне двух и более октав [8: 19]. Заметим, что сегодня свирель – *уадындз* – встречается крайне редко, что подтверждает утрату смыслового кода и обуславливает его выпадение из контекста культуры.

История развития человеческого общества и музыкальной культуры, как известно, взаимообусловлены. У древних народов музыкальные инструменты представлялись принадлежностью богов, считались носителями не только сакральных, олицетворяя связь с божественными силами через музыкальный звук, но и музыкально-эстетических функций [7: 65]. В становлении и развитии древнегреческой, древнеримской, древнеармянской музыки, в появлении в этих культурах музыкальных инструментов, по мнению исследователей, значительна роль восточной и, в частности, малоазийской музыкальных культур, в которых было принято музыкальное сопровождение культовых ритуалов: посредством звуков музыкальных инструментов реализовывалась связь с божественными силами [5: 181–183]. Традиции таких музыкальных сопровождений культовых церемоний символизировали пробуждение животворных сил природы.

Игра на духовом инструменте, по поверьям Древнего Востока, магически способствовала не только пробуждению живительных сил природы, но спешествовала и воскрешению из мертвых. Духовой инструмент – символ

дыхания, жизни; ср.: ирон. *ud* /yð/ дигор. *od*/oð ‘дух’, ‘душа’, этимологически идентичны слову *wad*/yad ‘ветер’ ‘дуновение’ [1: 6–7].

Известно, что архаичная идея борьбы светлого начала и темных сил зла воплощена в символах. Древние воспринимали восход Солнца, уходящего каждую ночь в потусторонний мир, как борьбу солнечного божества с силами мрака, тьмы и пытались магически воздействовать на исход борьбы громкими звуками духовых инструментов в рассветный час, способствуя восходу и возрождению солнечного божества. К примеру, сохранившаяся в Армении традиция исполнения на зурне «рассветных» мелодий – *канч* ‘зов’ или *саари* ‘рассветная’, словно зовущих солнце к восходу. Исходя из идентичности представлений о борьбе солнечного бога с тьмой, мраком почти во всех мифологиях мира, в частности греческой, армянской и, добавим, осетинской, допускаем возможность проведения параллелей и в элементах музыкального сопровождения культов солнечного бога.

Размышления В.И. Абаева об Ацамазе – «песня героя имеет силу и действие солнца»; «осетинский Орфей типологически отличен от своих европейских собратьев и, может быть, древнее их» [2: 200] – послужили основой для параллели с Ваагном (Вахагном), богом грозы и молнии, имевшим первоначальную солярную функцию [21: 45–46].

Имя *Ваагн* (Вахагн) < парф.**Varhragn*, др.инд. *Vṛtrahan* ‘убийца Вритры’; родственен авест. *Vərəθraγna* ‘Веретрагна’. Миф о Ваагне сложился на основе индоиранских мифов в середине I тысячелетия до н.э., и, как заметила В.А. Арутюнова-Фиданян, «древнейший (индоевропейский) гимн о Вахагне» перешел в «предание о герое, впоследствии обожествленном», и произошло это «в период древнейшей диалектной армяно-индоиранской общности, после вычленения этого единства из общеиндоевропейского»; случается тогда же так, что «миф о Вахагне переходит в эпос...» [6: 303].

Ваагн (Вахагн) мифичен тем, что его рождением состоялось сотворение мира – космос, жизнь на земле; он не дает вновь слиться («упасть») небу с землей и вернуться в хаотическое состояние. Сообразно мифическому времени, младенец Ва(х)агн рос мгновенно, как все солярные боги – Индра, Аполлон и др. Эти герои идут на битву с тьмой, мраком (драконом) в день наивысшей энергии, т.е. когда они достигают возмужалости, готовности к испытаниям, чтобы завоевать право жениться. День наивысшей энергии, разумеется, совершеннолетие (солнце в наивысшей точке, в зените) [17: 207]. Сопоставим с Ацамазом в Нартиаде: «Æ мадаæ ‘й кæми истайдаæ. Уа-наæ-уа æй ку наæ ита, уæдта æ маэкъустгутаæй авдаæни фæрстаæ рараæдувта фæйнердаæмаæ ‘ма загъта: “Маæ фидæн бæхи зæронд некаæми байзадаæй æдта?!” Уосæ ба загъта: “Уæртæ æскъæти Ацæти уорс бæх фагуси ниххастæй, айдагъ æ гъостаæ ма зиннунцæ”. Биццеу æскъæтмаæ ниццудаæй, бæхи дууæ гъосебæл фæххуæстæй, фæ-‘й-æлваста ‘ма ‘й никкаæдзос кодта» [14: 317]. – «Как мать могла вынуть

его [из колыбели]? Когда она этого не сделала, то он своими плечами выбил боковины своей колыбели в разные стороны и спросил: “Неужели от моего отца не осталось где-нибудь старого коня?”. А женщина сказала: “Вон в стойле увяз в навозе белый конь Ацата, только его уши торчат”. Мальчик направился туда, схватил коня за уши, вытащил и вычистил его» [15: 315]. Сравним также определения Ацамаза в сказаниях: *минги(й) Ацәмәз «маленький Ацамаз»*; *нарти Уази фурт минги Ацамаз «сын нарта Уаза маленький Ацамаз»*; *Аци фурт минги Ацәмәз «сын нарта Ацы маленький Ацамаз»*; *чысыл Ацәмәз «маленький Ацамаз; биццеу «мальчик»*; также и в переводах: *маленький сын Аца, юный Ацамаз, мальчик*.

Исходя из малоазийского происхождения культа Аполлона, тоже солнечного бога, вполне можно допустить, что солярные функции Аполлона, Ваагна (Ва(х)агна) и Ацамаза идентичны и восходят к культу более древнего бога Солнца, который почитался древними народами Передней Азии. Сравним определения Ацамаза: *одноглазый маленький Ацамаз; малолетний сын Ацы с одним между двумя бровями глазом* по имени Ацамаз [15: 323, 330, 331]. Определению «с одним между двумя бровями глазом по имени Ацамаз» находим в тексте сказаний сравнение с Венерой: звездами *Бонвәрнон* и *Кәрдәджи стъалы* [16: 244], где Бонвәрнон – «утренняя звезда Венера», а Кәрдәджи стъалы – «вечерняя звезда Венера», их определяет близость к Солнцу.

На наш взгляд, приведенное дает основание для следующего вывода. Солярные функции Аполлона, Ваагна (Вахагна) и Ацамаза восходят к культу более древнего бога Солнца, который почитался древними народами Передней Азии, верившими в то, что Солнце каждую ночь уходит в потусторонний мир, и звуками духового инструмента необходимо способствовать его восхождению-возрождению.

Относительно же времени этого культа приводим суждение о том, что «ранние представления, связанные с культом Солнца, относятся к тому периоду обожествления природы, когда материальный мир совместно с природными явлениями воспринимался мифологическими образами» [7: 69] (ср.: индусский Индра, персидский Митра).

Язык культуры любого народа удивительно историчен, богат, гармоничен. О реализации определенного мифосемантического содержания, сдерживание или нереализация которого была бы равносильна нарушению антитабу на действие, на деятельность замыслу, можно вести речь, исходя из того, что ни один «предмет человеческой культуры не существует сам по себе, а исключительно в сложном контексте культуры»; что «он является тем, чем предполагает быть по своему замыслу, а также из того, что в предмете свёрнут миф» [13: 41].

Обрядность культа плодородия, как известно, связана с почитанием астральных объектов, причем эти объекты почитания эволюционировали

со временем в антропоморфные божества [19], но новые объекты культа сохранили прежние черты, а проявлялись они в атрибутике и символах. О существовании древнего культа небесных светил в системе представлений осетин свидетельствует и Нартовский эпос.

Не раз исследователями Нартиады отмечалось, что, несмотря на утраченную часть сказаний, кадаги (сказания) служат неоспоримым источником о древнем быте, миропонимании и мировосприятии предков осетин. Об этом же свидетельствуют слова В.И. Абаева: «Выступив на историческую арену как *народ пастухов и воинов*, осетины оставались такими на протяжении многих столетий», <...> характеризуются склонностью к *эпическому* творчеству; *эпическая песня* была от глубокой древности до наших дней той господствующей формой, в которую выливалось духовное творчество народа. <...> наряду с образами пастуха и воина, перед нами встает третий образ – образ *певца*, поющего о подвигах легендарных героев <...>. В древнейший период все три образа легко объединялись в одном лице» [3: 68].

Наблюдаемый архаический символический образ мыслей, образы и аллегории, закрепленные как в них, так и в генетической памяти человеческого подсознания, свидетельствуют о том, что приведенный нами текст – древнейший. В подтверждение этого положения было предпринято нами символическое «прочтение» описания *уадындз* (свирели).

Известно, что музыка символизирует порядок и гармонию творения, а музыкальный инструмент являет собой форму отношений или связей динамической природы [11: 102, 107]. В данном аспекте определения свирели – *æнусон сыгъæрин сауæфтыд уадындз* ‘вечная золотая чернью инкрустированная (отделанная черным) свирель’ – прочитываются таким образом: по форме свирель является фаллической и мужской, по звуку и свету – женской, по тону – золотой (следовательно, *солнечной*, потому что золото – металл Солнца). Определение *сауæфтыд* ‘черноинкрустированная’ означает, что свирель воплощает в себе вечно девственную жизнетворящую Природу.

Цвет инструмента (*сыгъæрин уадындз* – ‘золотая свирель’) подчеркивает его волшебную редкость, уникальность. В мифологии, фольклоре золотой цвет – цвет не только волшебных способностей, но и цвет востока; символ солнечного света и божественности. В магической реальности звук, цвет, запах, форма имеют одно общее происхождение: появляясь и исчезая, они соединяются с астральным светом, частью которого являются.

Древние, считая, что бог создал мир в танце, сравнивали движение Вселенной с танцем, связанном с магией и выступающем в качестве инструмента превращений. В тексте сказания у Ацамаза, играющего на свирели, роль руководителя танцев богов, суть которых – «упорядоченное движение Вселенной, божественные танцы которой, рожденные в ней самой, являются ее же воплощением» [10: 408].

Игра Ацамаза, посредника между людьми и иным миром, пробуждает спящие энергии, которые творят форму этого мира. Ритуальный танец вводит в экстатическое состояние, настраивает танцующих в унисон другим телам; способствует тому, чтобы танцующий стал совершенным инструментом для исполнения магических обрядов. Кружение и ритмичные движения рук и тел входят в гармонию с природой (танец дервишей «Сема») и вызывают благодатные дожди.

Любовь и сватовство солнечного божества Ацамаза к Агунде, на наш взгляд, символизирует союз Солнца и Земли с единственной целью: вызвать плодородие, обеспечить благотворное влияние божественных и магических функций на дождь и плодородие земли. В этом действе ясно проглядывает вера в оплодотворяющее воздействие, которое дух растительности оказывает как на окружающий мир, так и на человека [20: 303].

Источники и литературы

1. Абаев В.И. Историко-этимологический словарь осетинского языка. Т. IV. Л., 1989.
2. Абаев В.И. Нартовский эпос осетин // Избранные труды: Религия, фольклор, литература. Владикавказ, 1990.
3. Абаев В.И. Осетинский язык и фольклор. Т. I. М.; Л., 1949.
4. Алборов Ф.Ш. Музыкальная культура Осетии. Владикавказ, 2004.
5. Ардзинба В.Г. Ритуалы и мифы древней Анатолии // Собрание трудов в 3 т. Т. I. Древняя Малая Азия: история и культура. М.; Сухум. 2015. С. 48–364.
6. Арутюнова-Фиданян В.А. Устная история в ранней армянской историографии: к вопросу о механизмах культурной преемственности // Древнейшие государства Восточной Европы: Зарождение историописания в обществах Древности и Средневековья. М., 2013. С. 303–323.
7. Барсегян Э.А. Античная свирель на серебряном ритоне из Эребуни // Вестник общественных наук. 1990. № 10. С. 65–73.
8. Галаев Б.А. Осетинские народные песни. М., 1964.
9. Дьяконов И.М. История древнего мира. В 3 т. Кн. I. Ранняя древность М., 1989.
10. Жюльен Н. Словарь символов. Челябинск, 1999.
11. Закс К. Музыкальная культура Вавилона и Ассирии // Музыкальная культура древнего мира. Л., 1937. С. 102–107.
12. Маковский М.М. Сравнительный словарь мифологической символики в индоевропейских языках: Образ мира и миры образов. М., 1996.
13. Маковский М.М. Феномен табу в традициях и языке индоевропейцев: сущность, формы, развитие. М., 2012.
14. Нарты. Осетинский героический эпос. В 3 кн. Кн. 2. М., 1989.
15. Нарты кадджытæ. Дзæуджыхъæу, 1995.

16. Петросян Э.Х. Праздники армян в контексте европейской культуры. Ереван, 2011.
17. Плаева З.К. Мифологический контекст мотива игры Ацамаза на свирели в осетинской Нартиаде // Традиционная культура. 2022. Т. 23. № 4. С. 21–28.
18. Сказания о нартах. Осетинский эпос /пер. с осетинского Ю. Либединского. М.: Советская Россия, 1978.
19. Снесарев Г.П. Реликты домусульманских верований у узбеков Хорезма. М., 1969.
20. Фрэзер Дж. Д. Золотая ветвь: исследование магии и религии; 2-ое изд. М., 1983.
21. Хоренский М. История Армении / пер. Н.О. Эмина. М., 1893.
22. Цораев З.У. Мифический смысл и социальный код. СПб., 2007.

Д.Д. Чотчаев, М.А. Токов

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ НАРОДОВ СЕВЕРО-ЗАПАДНОГО КАВКАЗА В СФЕРЕ ПРОСВЕЩЕНИЯ В XIX – НАЧАЛЕ XX в. (на примере Карачая и Балкарии)

Народы Северо-Западного Кавказа имеют очень богатую историю, в которой много интересных и актуальных тем. Одной из них является становление и развитие системы просвещения, которая включает в себя религиозное и светское образование, а также взаимовлияние горцев региона и представителей русского народа в этом процессе.

В ходе нашего исследования мы постарались показать ошибочность точки зрения, согласно которой население Кавказа, в особенности представители духовенства, враждебно относились к культуре соседних народов, особенно к православному русскому миру и к светскому образованию. Наоборот, многие религиозные просветители из среды мусульман выступали за углубление интеграции с Россией, за развитие светского образования наряду с религиозным. Более того, некоторые из них отправляли своих детей на учебу в открывавшиеся в конце XIX в. русские школы.

Наше пристальное внимание к религиозному образованию в Карачае и Балкарии в обозначенный хронологический период обусловлено тем, что мусульманские учебные заведения в регионе в условиях отсутствия светских школ на тот момент были единственным источником получения знаний и формирования нравственных ценностей в обществе.

Факты свидетельствуют, что религиозное образование в регионе осуществлялось в условиях взаимодействия и взаимовлияния деятелей исламского

вероучения, представлявших разные регионы, а порою и с участием представителей арабских стран.

Мусульманское образование в Карачае начинается с деятельности первых эфенди, имамов, которыми были богословы из среды дагестанцев, турок, казанских и крымских татар. Одним из них был шейх Абдуллах (Айсандыр), получивший широкую известность в XVII в. под именами шейх Абдуллах Бухарский (Бухарчы Абдуллах шыйых), Карт-Баба Халалов (Халал улу Къарт-Баба), Абдул-кады и т.д. По сообщению источников, шейх Абдуллах обучался в Бухаре, где получил знания по арабскому языку и основам исламского вероучения [6: 219]. В Карачае шейх Абдуллах занимался распространением ислама. Он считается первым исторически зафиксированным кадием (духовным лидером) карачаевцев. Значительны его заслуги в открытии мечетей и медресе в Карачае и Балкарии, где обучались не только карачаевцы и балкарцы, но и представители других регионов.

В 1710 г. в ауле Карт-Джурт начал деятельность в качестве главы мусульман Карачая выходец из Дагестана первостепенный дворянин Али Асадуллаевич, окончивший в 1703 г. Каирский университет «Аль-Азхар». Он сыграл значительную роль в приобщении к исламскому вероисповеданию и обучении арабской грамоте местного населения [8: 37].

На конец XVIII в. приходится деятельность в Карачае одного из крупных и довольно грамотных дагестанских священнослужителей Османа-хаджи, окончившего высшее мусульманское учебное заведение в Саудовской Аравии. В 1793 г. Осман-хаджи прибыл в аул Хурзук, где вскоре был назначен эфенди. Здесь же им была построена мечеть. Осман-хаджи обучал молодежь арабскому языку, занимался распространением ислама в Карачае и вовлечением в него народных масс [10: 9–12].

В Балкарии распространением исламского вероучения занимались также выходцы из других регионов и стран. Так, исследователь Т.Ш. Биттирова отмечает, что в примечетском медресе в Верхнем Баксане преподавал Абдурахман ибн Юсуп Искандер из Бухары [3: 25–26].

Таким образом, приведенные выше факты свидетельствуют о том, что в Карачае и Балкарии вплоть до второй половины XIX в. жили и работали приглашенные священнослужители, которые имели достаточно высокий на то время уровень знаний и пользовались высоким авторитетом в обществе. Они сыграли важную роль в приобщении местного населения к исламу, в обучении карачаевцев и балкарцев арабскому языку и грамоте. Их деятельность способствовала развитию религиозного образования в Карачае и Балкарии.

Вместе с тем с приглашенными религиозными деятелями были связаны определенные трудности. Исследователь Ш.М. Батчаев пишет, что «в случае смерти или отъезда такого эфенди жизнь общества с ее обрядами, при

совершении которых были необходимы религиозные процедуры (браки, смерть, рождение, праздники), практически тормозилась, пока не находилась новый эфенди. В этой ситуации общество стремилось создать прослойку местного духовенства. Естественным в этой ситуации было решение отправлять молодежь на учебу в исламские учебные заведения, где они могли получить соответствующее образование» [2: 101].

Именно знания, которые давали здесь известные богословы, помогли в дальнейшем некоторым представителям карачаево-балкарского народа пройти обучение в крупнейших религиозных учебных заведениях. Причем вследствие отсутствия таковых на территории Карачая и Балкарии горцы обучались в мусульманских образовательных центрах других регионов Кавказа и за его пределами.

Так, в XVIII–XIX вв. ряд представителей карачаево-балкарского народа получали образование в Дагестане, Крыму, Саудовской Аравии, Турции и т.д. После завершения обучения и возвращения на родину они несли основы ислама и арабскую грамоту в среду соплеменников. По сути, эти люди становились первыми просветителями, ибо приобретенные ими в конфессиональных учебных заведениях знания в области арабской литературы, языка, философии, истории, астрономии и многих других наук делали их наиболее грамотной частью карачаево-балкарского общества.

Среди таких священнослужителей следует назвать уроженца аула Хурзук Кючюк-хаджи Дебоевича Байрамукова (Дебо улу Кючюк), получившего религиозное образование в медресе в кумыкском селении Аксай, а впоследствии в Стамбульском университете. По данным исследователя К.Т. Лайпанова, Кючюк-хаджи Дебоевич Байрамуков в первой трети XIX в. занимал должность кадия Карачая. Он был инициатором открытия школы при мечети аула Хурзук, в которой преподавались основы религии. Именно при его содействии на учебу в Дагестан было отправлено немало представителей карачаевского народа, среди которых был один из известных религиозных деятелей Хамзат-хаджи Кубанов [9: 3]. Здесь молодые карачаевцы получали основательные знания от крупнейших дагестанских и арабских богословов, которые серьезным образом повлияли на их становление.

Вторая половина XIX – начало XX в. стали временем активизации на Кавказе мусульманского образования, которое наряду с другими факторами было обусловлено присоединением региона к Российской империи. Ш.М. Батчаев объясняет данный факт стремлением царизма к установлению контроля над религиозной сферой в горской среде [2: 101].

Значительный интерес в этом плане представляет рапорт командующего Кавказским Отдельным корпусом генерала Е.А. Головина военному министру А.И. Чернышеву от 1838 г., в котором говорилось о необходимости открытия мусульманских школ «для воспитания духовенства, через которое

можно действовать на умы народа» [2: 101]. Как отмечает А.В. Авксентьев, только в 1849 г. было основано восемь духовных училищ [1: 62].

Во второй половине XIX в. в Карачае и Балкарии появляется собственная прослойка духовенства, представители которой учились в мусульманских учебных заведениях, расположенных в крупнейших религиозных центрах. В XIX–XX вв. за пределами Карачая учились: Магомет (Мухаммат) Хубиев и Мухаммат-эфенди Байрамуков в медресе в Дагестане; Хамзат Урусов в медресе Алиа Энеева в Балкарии, в Стамбульском университете и в Казани; Хусейн Урусов в Стамбульском университете [12: 351–352]; Шамаил Башлаев в Кабарде [3: 17]; Шогаиб Акбаев и Ибрагим Кубаев в Константинополе [2: 105]; Мурат Аджиев, Исмаил Акбаев, Хаджи-Бекир Батчаев, Сафиулла Чанкаев, Джагафар Хачиров, Умар Доюнов в мусульманских центрах Терской области [4].

Среди балкарцев, получивших образование за пределами своей родины, следует назвать следующих священнослужителей: Даут-хаджи Шаваев в Турции и на Ближнем Востоке; Сюлемен Чабдаров (шейх Сюлемен) в Каирском университете «Аль-Азхар»; Локман Асанов в Дагестане, а затем в Каирском университете «Аль-Азхар» и т.д. Обучаясь в вышеуказанных учебных заведениях, представители Карачая получали там знания Корана, арабского языка, грамоты, основ ислама и по другим необходимым дисциплинам. В процессе учебы они проходили курсы и занятия у известных богословов, в том числе и зарубежных. Под их влиянием происходило становление наших соотечественников как будущих религиозных деятелей.

Взаимодействие карачаевцев и балкарцев с представителями других регионов происходило в процессе их обучения в мусульманских учебных заведениях на территории Карачая и Балкарии. Так, в примечетском медресе Учкулана, которым руководил Хаджи-Мырза Эркенов, жили и учились представители Дагестана, Кабарды и некоторых других регионов. Учащиеся получали знания по арабской грамоте и изучали Коран. Выпускники этого медресе зачислялись в медресе в Темир-Хан-Шуре [12: 351–352].

В медресе в ауле Карт-Джурт, которое возглавлял Алиса-эфенди Узденов, на полном обеспечении содержались учащиеся не только Карачая, но и Балкарии, Кабарды и Дагестана [11]. Основам ислама, арабской грамоте, Корану обучал в ауле Кумыш Даут-хаджи Батчаев. Среди его учеников были молодые люди не только из Карачая, но и из других регионов Северо-Западного Кавказа [7: 293].

В Балкарии выходцы из Дагестана, Карачая и других северокавказских регионов обучались в медресе Сюлемена Чабдарова в Кенделене, примечетском медресе Локмана Асанова в селении Мухол, в медресе Даут-хаджи Шаваева в Чегеме и т.д. [12: 352].

Сотрудничество между религиозными деятелями Карачая, Балкарии и других регионов осуществлялось также в конце XIX – начале XX в. в период появления полусветских начальных джадидистских школ. Несмотря на то что в указанный период передовые традиции джадидизма не оказали такого существенного влияния на мусульманское образование в Карачае, как это происходило в мусульманских регионах России, все же здесь существовали новометодные школы. Так, в первой декаде XX в. подобная школа функционировала в Теберде. Ее возглавлял выдающийся религиозный и светский просветитель Исмаил Акбаев (Чокуна-эфенди), наладивший тесное сотрудничество с лидером джадидизма, крымско-татарским политическим и общественным деятелем, просветителем Исмаилом Гаспринским (Гаспралы) [2: 103].

В исторической литературе на протяжении многих десятилетий господствовало тенденциозное мнение, что религиозные деятели были противниками светского образования и русских школ в Карачае и Балкарии. Действительно, некоторая часть карачаево-балкарских мулл (эфенди) пытались воспрепятствовать открытию и функционированию подобных учебных заведений. Мы считаем, что это было следствием заблуждения и невежества этих людей, а не неприятия просвещения исламом. Известно, что ни Коран, ни любой другой мусульманский источник не отрицают необходимости научных знаний. Более того, ряд священнослужителей явились инициаторами открытия светских образовательных учреждений и отправляли туда своих детей.

В этом плане необходимо назвать кадия Карачая Магомета (Мухаммата) Байрамукова, который был инициатором открытия первой светской школы в Карачае – Учкуланского начального училища. Его сыновья стали учащимися вновь открываемых школ. Джагафар Хачиров также устроил своих дочерей в светские учебные заведения.

В открытии светской школы в ауле Карт-Джурт участвовал отец богослова и просветителя Исмаила Акбаева (Чокуна-эфенди) Якуб. Заслуга самого Исмаила Якубовича Акбаева в том, что он принял активное участие в организации школы в Теберде.

В школах, открываемых в Карачае и Балкарии, работали не только местные учителя. На первых порах, когда ощущался острый дефицит педагогических кадров из среды карачаевцев и балкарцев, в учебных заведениях работали русские учителя и представители других народов. Светское образование в Карачае и Балкарии осуществлялось в условиях тесного сотрудничества педагогов – выходцев из разных регионов России.

В рамках данного исследования нельзя обойти вниманием работавших в конце XIX – начале XX в. в Карачае таких русских учителей, как М. Алейников, М.И. Бруснев, Г.А. Лопатин, Е.Н. Нечесов, Н.И. Кириченко, З. Колес-

ников, И. Крупников, Л. Гриневич, В. Витковский, В. Басонцев, а также осетина И. Хурумова, татарина И. Субханкулова, грека М. Дибижева и других выдающихся педагогов [5: 21]. Вместе с горскими учителями они делали все возможное для развития системы образования в регионе, повышения культурного уровня горцев, вовлечения их в орбиту российской культуры и цивилизации.

Совместная деятельность учителей разных национальностей в светских школах Карачая и Балкарии имела прогрессивное значение для развития системы образования и культуры народов Северо-Западного Кавказа, в частности Карачая и Балкарии. Благодаря местной и русской интеллигенции, горцы приобщались к передовой русской и мировой культуре. Светские школы, основанные в конце XIX в., не только способствовали обучению их русской грамоте, но и позволили познакомиться с материальной и духовной культурой России, сформировать у горцев прогрессивное мировоззрение.

Таким образом, в ходе нашего исследования мы пришли к определенным выводам. Во-первых, в рассматриваемый период важным явлением в жизни горских народов, в частности карачаевцев и балкарцев, стало просвещение. Оно имело большое значение в повышении их культурного уровня.

Во-вторых, в Карачае и Балкарии в условиях отсутствия светского образования первостепенную роль играло религиозное просвещение. Оно осуществлялось в условиях тесного сотрудничества священнослужителей Карачая и Балкарии с религиозными деятелями из других регионов Кавказа, России и арабских стран.

В-третьих, мусульманские религиозные деятели, за исключением некоторых представителей, не являлись противниками светского образования и русского народа. Это доказывает факт открытия прогрессивными священнослужителями светских школ и направления ими своих детей в эти учебные заведения.

В-четвертых, для светского образования в Карачае и Балкарии в XIX – начале XX в. было характерно тесное сотрудничество педагогов-горцев и представителей других регионов России, работавших во вновь открываемых школах.

Следует отметить, что проблема взаимоотношения и взаимодействия народов Северо-Западного Кавказа между собой и с русским народом является актуальной, нуждается в глубоком и объективном изучении.

Источники и литература

1. Авксентьев А.В. Ислам на Северном Кавказе. Ставрополь, 1973.
2. Батчаев Ш.М. Система подготовки мусульманского духовенства в Карачае в конце XIX – начале XX века // Ислам в духовном пространстве

Северного Кавказа: история, философия, социология: мат-лы Всерос. науч. конф. Карачаевск, 2011. С. 100–105.

3. *Биттирова Т.Ш.* Религиозная культура и литература карачаево-балкарцев. Карачаевск, 1999.

4. Государственный архив Карачаево-Черкесской Республики. Ф. 314. Оп. 1. Д. 4. Л. 50.

5. *Джанибеков С.Ю.* 120 лет Учкуланской школе (1878–1998). Черкесск, 1988.

6. Известные люди Карачаево-Черкесии (краткий биографический словарь). Черкесск, 1997.

7. *Каракетов М.Д.* Из традиционной обрядово-культовой жизни карачаевцев. М., 1995.

8. *Лайпанов К.Т.* Карачай и карачаевцы. Черкесск, 2005.

9. *Лайпанов К.Т.* Уллу поэт Дебо улу Кючюк-хаджи (Великий поэт Дебо улу Кючюк-хаджи) // Карачай. 1994. 22 июня.

10. *Магаяева-Гаптовой А.И.* Джашауну къанатлары (Крылья жизни). Черкесск, 2002 (на карачаев. яз.).

11. Полевой материал автора. Информатор Узденов Таусолтан Аубекирович, 1971 г.р., записан в г. Карачаевске Карачаево-Черкесской Республики в 2013 г.

12. *Чотчаев Д.Д.* Ислам и просвещение в Карачае до 1917 года // Ислам в духовном пространстве Северного Кавказа: история, философия, социология: мат-лы Всерос. науч. конф. Карачаевск, 2011. С. 344–352.

Э.М. Чкок-Эшба

ОБ ИСТОРИИ НОВОАФОНСКОГО СИМОНО-КАНАНИТСКОГО МОНАСТЫРЯ (к 150-летию основания)

Одна из страниц истории Русской православной церкви и Абхазской православной церкви в Закавказье – основание Новоафонского Симоно-Кананитского монастыря на территории Абхазии в 1870-х гг. монахами русского монастыря св. Пантелеимона Афонской горы. Афон находился на территории Османской империи и в каноническом отношении был подчинен Вселенскому Константинопольскому Патриарху. Политическая история Афона, приобретшая во второй половине XIX в. ярко выраженный национальный характер, имеет большое значение не только для Балкан, Ближнего Востока, России, но и для Абхазии, так как неразрывно связана с историей возрожде-

ния православия здесь, и требует научно-объективного, свободного от политических и конфессиональных пристрастий исследования.

Следует обратить внимание на обстоятельства, которые сложились в русском монастыре св. Пантелеймона на Афоне накануне принятия решения об отъезде части братии в пределы Российской империи на Кавказ, в частности в Абхазию [12: 482–489], на проводимую в регионе религиозную политику и на ситуацию в самой Абхазии накануне данных событий.

В истории основания и развития Новоафонского Симоно-Кананитского монастыря значительную роль сыграла политика Российской империи, поощрившая переселение русских монахов с Афонской горы в Абхазию для возрождения христианской религии.

Роль религиозного фактора в политической истории Абхазии чрезвычайно велика. Абхазия пережила период православного византийского влияния, период османского протектората с постепенной исламизацией, а в 1810 г. вошла в состав Российской империи, что ознаменовалось реанимацией православия.

Вхождение Кавказа в состав России сопровождалось сложными и трудными процессами инкорпорации его народов в империю. В начале XIX в. Абхазия попала в орбиту геополитических интересов Российской империи. Цели и задачи правительства были направлены прежде всего на утверждение среди населения начал русской государственности и христианского просвещения.

Одним из существенных последствий Кавказской войны явилось изменение этнодемографической ситуации и политической карты Кавказа. Значительная часть его населения мигрировала за пределы Российской империи. На оставленных землях стали поселяться выходцы из внутренних губерний России. В регионе стала действовать общеимперская управленческая система.

С окончанием Кавказской войны меняются формы и механизмы управления Кавказом. Ставилась цель «водворить в недавно покоренном крае мир и порядок, создать здесь некоторую личную и имущественную безопасность и тем подготовить почву для проникновения в среду покоренных инородцев начала русской гражданственности и культуры» (цит. по: [9: 7]). Россия осуществляла единый курс, направленный на полномасштабную интеграцию региона в имперскую систему. Русская православная церковь активно способствовала реанимированию православия.

Особое место в русской политике занимал Афон, являясь важнейшей церковно-политической единицей Восточного Средиземноморья. Русское монашество служило опорой для укрепления авторитета России на Востоке. Со второй половины XIX в. известность Афона стала повсеместной. Значительно возросло русское присутствие на Афоне.

Религиозная ситуация, сложившаяся на Афоне, в русском монастыре св. Пантелеймона, ускорила процесс возрождения православия в Абхазии. В монастыре св. Пантелеймона на горе Афон произошло важное по своим последствиям событие. По желанию старца игумена о. Герасима 15 октября 1870 г. русский монах о. Макарий (М.И. Сушкин) был объявлен его «назначенным преемником» [2: 162; 10: 66]. Вся греческая братия горы Афон выступила против этого назначения.

Греческое влияние преобладало в русском монастыре. Греки не хотели признавать равенства с русской братией в правах. Ими был выработан устав совместной жизни, по которому русской братии могло быть не более одной четверти или, по крайней мере, одной трети от количества греческой братии, а за монашествующими греками сохранялось господствующее положение в обители [2: 158; 14: 111–112]. Вопрос о русском игумене вообще не рассматривался. Русские отказались от утверждения устава. В монастыре начались волнения. Борьба между русской и греческой братией, захватившей русский монастырь, имела своей целью овладение монастырем [11]. Греки возмущались: «Земля эта не принадлежит ни России, ни Турции, а есть достояние греческой нации, и надеемся, что нам помогут всем избавиться от русских, даже сами стены и камни, и постараемся не иметь не только в нашем монастыре, но и на всем Афоне ни одного русского» [6: 106].

Греки подняли вопрос об упразднении русского монастыря. Протат (Священный кинот) – центральный исполнительный соборный орган управления горы Афон, в котором по количеству голосов преобладали греки, – утвердил это решение. В результате о. Макарий перенес дело на суд Вселенской церкви [6: 109]. Именно в этот критический момент возникла идея «устройства на Кавказе Нового Афона... без ухода русских со св. Горы» [14: 113].

Константинопольский патриарх Иоаким III, в отличие от протата, признал права русских монахов на монастырь св. Пантелеймона и утвердил о. Макария игуменом монастыря (1875–1889) [14: 113]. Борьба греческой и русской братии за право управления Пантелеймоновым монастырем завершилась в пользу русского монашества. Главным подвигом о. Макария и его сподвижника о. Иеронима было закрепление за Русской православной церковью монастыря св. Пантелеймона.

Братия русского Пантелеймонова монастыря, предвидя неблагоприятные политические обстоятельства на Востоке, приняла решение, не разрывая связи с Афоном, устроить себе обитель на родине, в России. Незадолго до принятия этого решения инокам предлагалось в случае войны на Востоке поселиться в Абхазии. Новая обитель должна была стать «отделением, или отраслью», Пантелеймонова монастыря [7: 23], «от него зависимым, по уставу и чиноположению Афонской горы» [6: 115].

Первые упоминания об основании Новоафонского монастыря в Абхазии старцами Афонского русского православного скита (архимандрит о. Макарий, иеросхимонах о. Иероним, иеромонах о. Арсений) относятся к 1874 г. [3: 320; 4: 34; 7: 22; 8: 190; 11; 13: 54]. Стимулирующих этот процесс причин было много: национальная и религиозная дискриминация, неблагоприятные политические обстоятельства, кровопролитные войны. Наряду с этим русские монахи были очевидцами совершенно другого положения переселенцев в России, где не было всех удручающих явлений национальной и религиозной дискриминации, опасности физического уничтожения и т.д. Мало того, имперская Россия покровительствовала монахам, стремясь при помощи религии укрепить свои политические позиции в стране вообще и на окраинах в особенности.

Выбор места и роли будущей обители был делом нелегким. Необходимо было найти местность, отвечающую требованиям христианского подвижничества. Местность должна была быть, во-первых, уединенной и нуждающейся в распространении православной христианской веры, во-вторых, обладать удобным расположением для поддержания связей, так как новая обитель должна была стать отделением Пантелеймонова монастыря [7: 23; 8: 190].

Удобное географическое расположение, благоприятные условия для развития земледелия, торговли и скотоводства, предприимчивость монахов, взаимодействие географических, экономических и отчасти этнографических факторов способствовали появлению довольно крупного для своего времени и региона хозяйства.

Это время совпало с периодом, когда попытка правительства основать в Абхазии монастырь при Пицундском храме иноками Свято-Троицко-Сергиевой лавры оказалась неудачной. Посол России в Константинополе генерал-адъютант Н.П. Игнатъев, посетив очередной раз монастырь св. Пантелеймона и беседуя со старцами о. Иеронимом, о. Макарием, предложил им обосновать монастырь на Кавказе: «У Вас обитель благоустроенная, братии много... кавказская окраина нуждается в проводниках православной веры». Старец о. Иероним ответил: «Если мы действительно можем принести там пользу, то с радостью готовы послужить нашему дорогому отечеству» [1: 465].

Старцы русского Афонского скита стали ходатайствовать через посла Российской империи в Константинополе генерал-адъютанта Н.П. Игнатъева [5: 24] о возможности переселения и организации нового монастыря в Абхазии братией Пантелеймонова монастыря.

8 февраля 1875 г. Н.П. Игнатъев обратился к наместнику Кавказа великому князю Михаилу Николаевичу Романову с письмом, в котором указал на «затруднительное и тягостное положение тесного греками русского Пантелеймонова монастыря на св. горе Афон», отметив, что братия этой обители продолжает опасаться за его будущее. Посол сообщал далее, что,

предвидя возможность войны в Турции, Пантелеймоновой обители хотелось бы иметь точку опоры в России. Поэтому иноки русского монастыря представили ходатайство о передаче им уголка земли для устройства скита или монастыря, который был бы принадлежностью Афонской Пантелеймоновой обители на тех же условиях, что и московский Никольский греческий монастырь, принадлежащий Афонскому Иверскому монастырю [17: 6 об.; 5: 11–12]. В ответном письме от 27 марта 1875 г. наместник Кавказа одобрил просьбу братии Пантелеймонова монастыря и просил сообщить, в каком количестве и составе служащих иноки Пантелеймонова монастыря желают основать на Кавказе обитель и какое количество десятин земли требуется для удовлетворения их нужд [17: 8; 5: 13]. Ответ Н.П. Игнатьева последовал 17 мая 1875 г. Российский посол сообщал, что для первоначального поселения предполагается около 30 иноков и столько же послушников, земли для основания скита с хозяйственными при нем постройками и заведеньями (имея в виду впоследствии увеличить число братии) нужно «не менее 100 десятин и 200 десятин строевого и дровяного» леса; что же касается земли для удовлетворения нужд обители, то определение ее отдавалось на усмотрение правительства [5: 14; 17: 8 об.].

Начальник Главного управления наместника Кавказского возбудил ходатайство перед обер-прокурором Синода графом Д.А. Толстым и экзархом Грузии архиепископом Евсеем о разрешении иеромонаху о. Арсению, монахам о. Агапию и о. Иоанну отправиться на Кавказ с целью осмотра местности будущей обители. В ответе на представленное ходатайство 23 июля 1875 г. Синод сообщил, что не препятствует прибытию монахов на Кавказ [15: 48; 18: 4 об.]. 26 августа 1875 г. монахи Пантелеймонова монастыря прибыли в Тифлис (в настоящее время – Тбилиси) с целью выбора места в Сухумском округе для возведения храма на левом берегу реки Псыртсха, рядом с развалинами храма Симона-Кананита, где, по преданию абхазов, был погребен спутник св. апостола Андрея Первозванного – св. апостол Симон Кананит.

Устройство обители афонскими иноками на избранном ими месте велось в соответствии с законом. В докладе начальника Кавказского горного управления наместнику великому князю Михаилу Николаевичу Романову от 8 декабря 1875 г. излагалась просьба иеромонаха о. Арсения отвести братии земли для монастырских построек, организации ремесленных хозяйственных заведений, в которых могло бы обучаться местное население необходимым в сельском быту познаниям, а также отвести им находящиеся на берегу моря каменные развалины для строительства жилья с церковью и помещения для склада запасов, привозимых морем. В то же время о. Арсений просил отвести братии строевого леса 100 десятин, столько же дровяного, представить им исключительное право ловли рыбы у означенного

храма в реке Псыртсхе, а для обеспечения обители отвести ей отдельный участок земли, что могло бы послужить помощью и для строительства школы [5: 19; 17: 9].

Ходатайство о. Арсения было удовлетворено. Строящейся обители отводилось более 327 десятин земли, 100 десятин строевого и столько же дровяного леса [18: 4 об.]. Русская братия обратилась с ходатайством об отводе монастырю 1000 десятин земли для устройства и содержания школы, удовлетворения монастырских нужд. Наместник Кавказа Михаил Николаевич Романов 9 февраля 1876 г. дал согласие на отвод обители 1000 десятин земли тогда, «когда иноки кое-как устроятся в Абхазии и приступят к необходимым постройкам». Таким образом, под усадьбу монастыря наместник отвел 1327 десятин земли [16: 13 об.].

Для строительства монастырского комплекса с Афонской горы 27 ноября 1875 г. [5: 36–37] прибыли монахи, возглавляемые архитектором и экономом о. Иероном (И.В. Васильев). Русская братия приступила к заготовке материала для реставрации древней церкви Симона-Кананита и других предварительных монастырских построек. Монахи, прибывшие с Афона, расположились в Генуэзской башне (XIII в.) недалеко от причала. Позднее башня была превращена монахами в гостиницу для почетных гостей. Под руководством о. Иерона начались строительные работы. Иноки «вырубили деревья, расчистили местность и начали строить два шалаша из досок для себя в 4 аршина длины, 3 аршина ширины и для рабочих – 7 аршин длины, 4,5 аршина ширины. Покрыли дранью на один скат и здесь поселились» [5: 21, 37]. В воспоминаниях об основании монастыря о. Иерон рассказывал, что он 2 января 1876 г. приехал на место, называемое Псыртсха по речке, с ним на фелюге ночью прибыл и мастер-каменщик Христофор Пуло. Перед рассветом они остановились у старых развалин крепости, которая вся заросла лесом, а стены ее были обвиты плющом. Первый вопрос и просьба были указать, где какие есть воды на горе, в назначенном наделе. Осмотрев все родники и источники, они нашли место, где можно было приютиться, и увидели часть оставшейся старой крепостной стены [4: 42]. Шалаша были выстроены для склада и трапезы рабочих. В марте-апреле 1876 г. братия заложила 4 каменных здания на берегу моря, у развалин древней крепости. Размеры одного из зданий – 10,5 сажени длиной и 4,5 сажени шириной, с церковью во имя Покрова Пресвятой Богородицы [3: 199–203; 5: 21]. Для братии был построен двухэтажный дом с 20 кельями. Монахи реставрировали приморскую башню, разделив ее на два этажа. На первом этаже помещался склад монастырских вещей, на втором – 4 комнаты для почетных посетителей обители с коридором, портиком и балконом к морю. На крыше башни был установлен шпиг для поднятия сигнального флага проходящим пароходам.

К 1 октября 1876 г. первоначальные постройки нижнего монастыря были завершены. Церковь Покрова Пресвятой Богородицы была украшена резным золоченым иконостасом. Храм Покрова Пресвятой Богородицы был освящен благочинным Сухумского отдела протоиереем Давидом Мачавариани 17 октября 1876 г. [5: 21–22; 7: 34–35] в присутствии местного духовенства, военного начальства и многочисленных жителей Абхазии. С этого дня в Покровской церкви было открыто ежедневное богослужение по правилам Афонского монастырского устава.

Учрежденный в октябре 1876 г. Новоафонский монастырь требовал юридического признания своих прав. Это способствовало дальнейшему усилению его экономического и религиозно-политического удельного веса.

Мирная жизнь монастыря продолжалась недолго, и планы русской братии относительно дальнейших строительных работ рухнули. Начавшаяся Русско-турецкая война (1877–1878 гг.) изменила все предполагаемые планы монашеской обители на ближайшие годы. Церковная служба продолжалась в монастыре до 7 апреля 1877 г. Братство монастыря выехало в Кутаисскую губернию, в Гелатский монастырь, с церковной утварью и всем движимым имуществом. Спустя два года по окончании военных действий, 8 декабря 1879 г., императором Александром II был утвержден Устав Новоафонского Симоно-Кананитского монастыря [17: 13–15].

Детально ознакомившись с архивными документами относительно основания Новоафонского монастыря, нельзя не заметить, что правительство с одобрением отнеслось к ходатайству афонских иноков. В течение одного года для них были созданы все условия для переезда в пределы Российской империи. Основанию монастыря в Абхазии придавалось очень важное значение. Монастырь в Абхазии должен был стать крупным центром религиозной пропаганды на Кавказе, проводником политики самодержавия в крае. Вопросы, связанные с историей русского монастыря на горе Афон, и сегодня сохраняют свою актуальность.

Источники и литература

1. Бронзов А.А. Архимандрит Иерон, настоятель Ново-Афонского Симоно-Кананитского монастыря (14 августа 1912) // Христианское чтение. 1913. № 4. С. 458–468.
2. Дмитриевский А.А. Русские на Афоне. Очерк жизни и деятельности игумена Рус. Пантелеймон. монастыря священноархим. Макария (Сушкина). СПб., 1895.
3. И.Н. Абхазия и в ней Ново-Афонский Симоно-Кананитский монастырь. С планом Абхазского приморского берега, с рисунками памятников христианства в Абхазии и видами Ново-Афонского монастыря. М., 1898.

4. И.Н. Ново-Афонский Симоно-Кананитский монастырь на берегу Черного моря, в Абхазии, близ Сухума. Изд. 2. Одесса, 1901.
5. Живописное обозрение русских св. мест Ново-Афонский Симоно-Кананитский монастырь. Одесса, 1908. Вып. 9.
6. К свету. № 18. М., 2000.
7. Ново-Афонский Симоно-Кананитский монастырь на Кавказе и древний храм Успения Богоматери в Пицунде. Одесса, 1888.
8. Путеводитель по св. Афонской горе и указатель прочих достопримечательностей. М., 1885.
9. Пляскин В.П. Система военно-народного управления на Кавказе (вторая половина XIX – нач. XX в.) // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 2002. № 2. С. 7–12.
10. Соколов И. Афонское монашество в его прошлом и современном состоянии. СПб., 1904.
11. Черноморский вестник. 1897. 4 июля. № 147.
12. Чок-Эшба Э.М. К церковно-политической истории Русского Афона (Греция) в XIX в. // Абхазия в мировой истории и международных отношениях. Памяти Владислава Григорьевича Ардзинба. К 70-летию со дня рождения: матлы Междунар. науч. конф. (Сухум, 14–17 мая 2015 г.). Сухум, 2016. С. 482–489.
13. Шарапов С.Г. По Черноморскому побережью. СПб. 1896.
14. Шарапов С.Г. Путешествия: Десять дней на Афоне // Сочинения. Кн. 2. СПб., 1892.
15. Центральный государственный архив Абхазии (далее – ЦГАА). Ф. 1. Оп. 2. Д. 278.
16. ЦГАА. Ф. 1. Оп. 2. Д. 127.
17. Центральный государственный исторический архив Грузии (далее – ЦГИАГ). Ф. 416. Оп. 3. Д. 1262.
18. ЦГИАГ. Ф. 489. Оп. 1. Д. 65373.

И.Р. Текеев

«ВЕЛИЧЕСТВЕННЫЙ ВИД, ОТКРЫВШИЙСЯ ОТСЮДА, НЕ ПОДДАЕТСЯ ОПИСАНИЮ»: ВОСХОЖДЕНИЕ А.В. ПАСТУХОВА НА КАЗБЕК В 1889 г.¹

Формирование особого нарратива о совершении географических открытий являлось одной из форм интеллектуального освоения окраин европей-

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РНФ в рамках проекта проведения научных исследований «Кавказский центр российского военно-разведывательного изучения Востока в XIX – начале XX в.», проект № 25-28-00152.

скими государствами в XIX в. Помимо стратегического и экономического значения, которое имели географические открытия, они были важной составляющей имперской идеологии, призванной оправдать военно-политическую экспансию [13: 100]. Зарубежные авторы [12; 13; 14] активно занимаются проблемой «первооткрывательства» на примере других регионов, однако в отечественном кавказоведении эта тема развита недостаточно. В связи с этим цель данной статьи – показать процесс интеллектуального освоения Кавказа во второй половине XIX в. на примере экспедиции А.В. Пастухова на гору Казбек. В отечественной историографии научная деятельность А.В. Пастухова освящена преимущественно с фактической стороны [1; 2; 7], а вся культурно-идеологическая составляющая пока еще остается без внимания.

После окончания Кавказской войны и включения территории Северного Кавказа в состав Российской империи перед имперской администрацией встала задача хозяйственного и интеллектуального освоения новых земель. Активная работа Военно-топографического отдела при штабе Отдельного Кавказского корпуса под руководством И.И. Ходзько и И.И. Стебницкого позволила достичь серьезных успехов: в 1868 г. закончены и высоко оценены работы по триангуляции Кавказа [6: 10], съемки, проводившиеся в период с 1866 по 1872 г., завершились составлением целого ряда карт в масштабах от 200 саженей до 40 верст в дюйме [10: 227], за это время собраны значительные географические, этнографические и статистические данные, которые благоприятно повлияли на экономическое освоение региона, а также стали фундаментом для научного кавказоведения. Как отмечал один из современников в 1870-х гг., «успех геодезических и топографических работ в продолжение последних тринадцати лет может быть назван поистине замечательным» [4: 77].

Тем не менее в высокогорных районах Центрального Кавказа все еще оставались белые пятна, требовавшие топографического исследования. В числе таких труднодоступных и малоизученных территорий была гора Казбек и ее окрестности, изучение которых связано с именем Андрея Васильевича Пастухова (1858–1899), военного топографа, альпиниста и исследователя [1: 125].

А.В. Пастухов не был первым исследователем Казбека: еще в 1811 г. группа, включавшая ученых Дерптского университета Фридриха Паррота и Морица Энгельгардта, добралась по восточному склону до высоты 3907 м, но продолжить путь не смогла из-за снежной бури и развившейся снежной слепоты у участников восхождения [2: 39]. В 1844 г. чешский ботаник Фридрих Коленати отправился к вершине по тому же маршруту, пройдя по восточному склону со стороны ледника Орцвери. Он отметил, что его предшественники не смогли дать «отдельных наблюдений над растительностью, геогностиче-

ским составом, ледниками Казбека» [3: 394]. Ф. Коленати составил первое описание Казбека, по его измерению высота горы составляла 4502 м. Во время восхождения на высоте 4437 м группа Ф. Коленати встретила отвесный склон, который не смогла преодолеть, и была вынуждена вернуться. Высоту же вершины Ф. Коленати измерил на глаз, поэтому его данные не отличаются точностью: «По глазомеру судя, нам оставалось еще до самой вершины восточного отрога Казбека не более 35 туазов (68 м. – *И.Т.*)» [3: 404]. Таким образом, Ф. Коленати были собраны важные научные данные о Казбеке, но сама вершина оставалась непокоренной.

В 1868 г. состоялось первое успешное восхождение на вершину Казбека английского альпиниста Дугласа Фрешфилда, а также его компаньонов Адольфа Мура и Чарльза Такера, совместно с проводником-французом Франсуа Девуассу [2: 40]. Как и во время предыдущих экспедиций, маршрут группы Д. Фрешфилда лежал через восточный склон Казбека и ледник Орцвери. Преодолев отвесный ледяной склон, ледяные трещины и сильный морозный ветер, группа оказалась на вершине горы 19 июня 1868 г. «Был всего лишь полдень, когда мы увидели под собой долину Терека и осознали, что у нас под ногами высочайшая вершина Казбека», – писал Д. Фрешфилд [11: 91].

Летом 1889 г. А.В. Пастухов был командирован в горную Осетию, где ему предстояло проводить топографические съемки долин рек Геналдон, Кобандон и Фиагдон. Закончив снимать окрестности Казбека, А.В. Пастухов приступил к восхождению на вершину с целью ее изучения [9: 134].

Перед А.В. Пастуховым стояла непростая задача исследования северного склона горы. Дело в том, что восходители, отправлявшиеся на Казбек прежде, поднимались на гору с юга, идя по более пологому восточному или южному склону. Свою роль играла транспортная доступность: Военно-Грузинская дорога позволяла путешественникам добраться до почтовой станции Казбек, откуда до горы было рукой подать: «Почтовая станция не имеет других красот, кроме вида на великую гору, когда она не скрыта в облаках. Такой вид из окна нелегко забыть. Снова и снова его рисуют и фотографируют, его можно найти в любом путеводителе и даже на витрине магазинов Санкт-Петербурга. Это не вид, а просто подарок Кавказа на память, как и вид на Юнгфрау из Интерлакена» [11: 87]. А.В. Пастухову же приходилось идти к подножию Казбека по плохой дороге, проходящей вдоль русла реки Геналдон, а иногда и по самому руслу, пробираясь через нагромождения массы камней [9: 134].

26 июля 1889 г. группа, состоявшая из А.В. Пастухова, пяти сопровождавших его казаков Сунженско-Владикавказского полка и местного жителя Тепсарко Царахова, отправилась из селения Тменикау вдоль русла реки Геналдон в сторону термальных источников, расположенных у подножия

горы Казбек [9: 134]. Прибыв на источники, А.В. Пастухов осмотрел их, измерил температуру и выяснил, что еще 26 лет назад на этом месте был ледник, из толщи которого пробивался пар, постепенно ледник растаял, и на его месте обнажились теплые воды. По свидетельствам А.В. Пастухова, горцы, некоторые из которых приезжают издалека, используют источники как средство лечения «от золотухи, ревматизма и желудочных болей» [9: 134–135].

27 июля А.В. Пастухов вместе с двумя казаками, Лапкиным и Потаповым, и осетином Т. Цараховым в три часа дня отправился в путь к вершине Казбека. Стоит отметить, из снаряжения у них были «стальные кошки и палки со стальными наконечниками» [9: 136]. Однако провизии они взяли лишь на два дня, так как А.В. Пастухов «был уверен, что путешествие наше продолжится не более этого времени» [9: 136].

Важное место в европейском нарративе «первооткрывательства» занимают описания тех трудностей, с которыми сталкивались европейцы. Как отмечают зарубежные исследователи, это делается для перевода внимания читателя на преодоления путешественниками различных испытаний с целью придания большей значимости подвигу [14: 202]. Подобная логика повествования прослеживается и в отчете А.В. Пастухова, который насыщен подобного рода сюжетами.

Первым препятствием для группы А.В. Пастухова стали ледяные трещины, уходящие далеко вглубь ледника Майли, через который проходил маршрут. В одну из таких трещин А.В. Пастухов чуть было не провалился, но его спас длинный шест от флага, который он нес с собой, чтобы установить на вершине Казбека [9: 136]. Пройдя через ледник, путешественники оказались на скалах, где им пришлось преодолевать практически отвесные обрывы, карабкаясь по камням. На одной из скал они приняли решение остаться на ночь, здесь впервые группа А.В. Пастухова столкнулась с еще одним серьезным испытанием: ледяной ветер продувал склоны Казбека, помимо этого ночью было так холодно, что утром все камни вокруг были покрыты инеем [9: 137].

На следующий день приходилось идти через ледяные склоны, прорубая в них ступени. Одному из казаков во время движения стало не по себе: «...казак Потапов почувствовал тошноту и сильное головокружение» [9: 137]. Вероятно, сказывалась слабая акклиматизация, следствием этого стали симптомы горной болезни, которая, чем выше, тем сильнее проявлялась у восходителей, заставляя их останавливаться и переводить дух [9: 138]. Казака Потапова оставили вместе с провиантом и двинулись дальше налегке. К полудню А.В. Пастухов и его спутники достигли фирнового поля на высоте 4164 м. Казак Лапкин, увидев огромную снежную равнину, воскликнул: «Вот если бы здесь построить станицу и кататься на санях!» [9: 137]. Идти

приходилось по колено в снегу, так как фирн таял и представлял собой сыпучую массу, куда проваливались ноги, отчего они быстро становились мокрыми [9: 137–138].

Кроме того, поблизости нигде не было питьевой воды, а жажда у восходителей только увеличивалась, из-за чего приходилось глотать лед. Как пишет А.В. Пастухов, «от этого жажда нисколько не уменьшалась, а как будто даже увеличивалась» [9: 138]. На фирновом поле было принято решение остаться на ночь, здесь снова А.В. Пастухов столкнулся с сильным холодом, из-за чего приходилось спать по очереди: двое лежали с краю и согревали третьего, лежащего посередине, потом бегали по полю, согревались и менялись местами [9: 140]. Горная болезнь прогрессировала даже у проводника-осетина: у него «полилась из носа кровь, которую едва удалось остановить снегом» [9: 140]. Вскоре плохо стало и казаку Лапкину: «К головокружению прибавилась лихорадка, которая трясла его немилосердно, заставляя сильно стучать зубами. Наконец он остановился и объявил мне, что дальше идти не может, потому что в глазах темнеет и ноги не повинуются» [9: 140–141]. Путь дальше А.В. Пастухов продолжал лишь с Т. Цараховым.

Подъем в гору становился все труднее и труднее, приходилось рубить ступени вплоть до самой вершины. К 12 часам А.В. Пастухов и Т. Царахов достигли середины хребта, идущего от перевала к западной вершине Казбека, на спуске с хребта А.В. Пастухов нашел флаг, оставленный в прошлом году осетином Б.Б. Тулатовым во время неудачной попытки восхождения [9: 141]. Как вспоминал А.В. Пастухов, на перевале случилось чудо: «...вдруг я заметил летающую над нами красную бабочку. Это так поразило, что мы не верили своим глазам» [9: 141]. Тем самым опровергалось существовавшее в научных кругах представление о том, что на таких высотах не водятся птицы, а тем более бабочки [8: 38].

29 июля в четыре часа после полудня Андрей Васильевич Пастухов и Тепсарко Царахов достигли вершины Казбека, высоту которого А.В. Пастухов определил как 5043 м [9: 141], стоит отметить, что в настоящее время высота Казбека измеряется 5033 м [5]. Сделав топографические наблюдения и измерив температуру воздуха на вершине, А.В. Пастухов водрузил флаг, который «виден был в бинокль из Владикавказа, а из ближайших к Казбеку селений его видели простым глазом» [9: 142]. Жест водружения флага на пороченной высоте – важное идеологическое мероприятие, связывающее географический объект с конкретной страной [14: 205]. В этом контексте особо примечательны следующие сведения А.В. Пастухова: «Так как я слышал, что в конце июня на этой же вершине был англичанин Волей, то, осмотрев поверхность снега и не найдя никаких знаков, которые в подобных случаях всегда оставляются, я взял лопатку и начал рыть снег, а осетина заставил делать то же самое штыком, но, взрыв и прощупав на значительной глубине

снег по всей длине вершины, мы все-таки ничего не нашли, что заставило меня усомниться в справедливости этого слуха» [14: 142].

Мы видим, что А.В. Пастухов подошел со всей ответственностью к такому, казалось бы, незначительному вопросу, как поиск следов иностранного альпиниста на вершине, объяснить это можно не только понятным спортивным желанием оказаться первым, но и идеологическим стремлением закрепить восточную вершину Казбека за Россией, тем более западная вершина уже покорилась английскими альпинистами. Это было спланированное действие, ведь А.В. Пастухов и Т. Царахов заранее взяли с собой лопаты. К тому же, как пишет сам А.В. Пастухов, его одолевала усталость и голод, но он нашел в себе силы не только взобраться на вершину, осмотреть окрестности и установить флаг, но и потратить время на рытье жесткого снега. И все это А.В. Пастухов и Т. Царахов, если верить отчету, успели сделать за полчаса, ведь они «ровно в 4,5 часа пошли обратно» [14: 142].

На этом испытания для А.В. Пастухова не закончились, ведь предстоял еще спуск, во время которого сказывались голод, бессонная ночь и общая усталость. Лишь спустившись до того места, где дожидался восходителей казак Потапов, они смогли как следует утолить жажду, хотя А.В. Пастухов и отмечал: «...чем более мы пили, тем более хотелось пить» [9: 143].

Самой тяжелой для группы А.В. Пастухова стал вечер после восхождения: сняв промокшую насквозь обувь, поджав ноги, они провели в этом положении всю ночь, так и не заснув. На следующий день обувь замерзла и приходилось идти по скользким скалам, постоянно падая. Вернувшись к месту первого ночлега, они не застали там еды, ведь ее съел голодный казак, уверенный в том, что А.В. Пастухову не удастся вернуться [9: 143].

К следующему вечеру удалось вернуться к источникам, где уже собралась толпа лечившихся, которые до того считали участников экспедиции погибшими, встречали их «как выходцев с того света» [9: 144]. В это время шел сильный дождь, который на следующий день принес разрушения селениям около Казбека: «Уже созревшее зерно было снесено вместе с почвой, несколько саклей было размыто, мосты снесены и все мельницы разрушены» [9: 144]. Местные жители связали эти несчастья с восхождением А.В. Пастухова, как сказал ему один из жителей селения Саниба: «Вот во всем этом виноват ты; ты поднялся на Казбек, а нас Бог наказал за это» [9: 144]. Далее А.В. Пастухов приводит осетинскую легенду: согласно ей Бог оставил на вершине Казбека колыбель, в которой рос Иисус Христос, будучи младенцем. Все, кто пытался попасть на вершину – французы, немцы, англичане, осетины, – были или ослеплены, или погребены под снегом [9: 144]. Как видно, в этой легенде отразилось мифологическое сознание местных жителей, которые видели в горной болезни и непогоде, сражавших восходителей, проявление Божьей кары.

А.В. Пастухову первому удалось взойти на вершину Казбека по северному склону. Им были выполнены топографические съемки Казбека и его окрестностей, произведены замеры температуры и составлена первая подробная карта местности, включая территорию самой горы и ледников, а также определена высота горы. Однако географическое открытие считалось в европейской политико-культурной практике таковым лишь после своего обнародования в метрополии, причем в той форме, которая делала его легитимным: появления названия на карте, чтения доклада в Географическом обществе, публикации дневника и т.п. [14: 204]. Следуя общепринятому порядку действий, А.В. Пастухов составил по итогам экспедиции сообщение, опубликованное им в Известиях Кавказского отдела Русского географического общества, а также прочитанное в качестве доклада 13 декабря 1889 г.

Рассмотрев восхождение на Казбек А.В. Пастухова, мы увидели, что оно соответствует общеевропейским нарративам о географических открытиях. В сообщении Пастухова отразились некоторые характерные для подобного рода работ признаки: повествование об испытаниях, выпавших на долю восходителей; символическое водружение флага на вершине и закрепление местности за своей страной, обнародование открытия в метрополии в легитимной форме. Однако это не отменяет значения для отечественного кавказоведения, которое имели исследования А.В. Пастухова, а лишь подчеркивает, сколь многогранным был процесс интеллектуального освоения Кавказа.

Источники и литература

1. Асоян Л.С. Андрей Васильевич Пастухов – военный топограф, покоритель высочайших вершин Кавказа // Известия Российской академии наук. Серия географическая. 2014. № 5. С. 125–132.
2. Возиянова И.С. О зарождении альпинизма в Северной Осетии // Известия АлтГУ. 2008. № 4–3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-zarozhdenii-alpinizma-v-severnoy-osetii> (дата обращения: 23.05.2025).
3. Восхождение на Казбек в 1844 году (Доктора Коленати) // Библиотека древних рукописей. URL: https://drevlit.ru/docs/kavkaz/XIX/1840-1860/Kolenati_F/text1.php (дата обращения: 11.05.2025).
4. Де-Ливрон В.Ф. Исторический очерк деятельности Корпуса военных топографов... 1855–1880 гг. СПб., 1880.
5. Казбек // Большая российская энциклопедия: научно-образовательный портал. URL: <https://bigenc.ru/c/kazbek-be8360/?v=5606446> (дата обращения: 21.05.2025)
6. Колосовская Т.А. Роль российских военных топографов в основании и географическом изучении Кавказа периода Кавказской войны // Армия и общество. 2014. № 3 (40). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rol-rossijskih->

voennyh-tipografov-v-osnovanii-i-geograficheskom-izuchenii-kavkaza-perioda-kavkazskoy-voyny (дата обращения: 21.05.2025).

7. Королева Д.В. История исследований горы Эльбрус отечественными исследователями в XIX веке // Современные проблемы геологии, геофизики и геоэкологии Северного Кавказа. Т. 14: мат-лы XIV Всерос. науч.-техн. конф. с междунар. участием. М., 2024. С. 579–582.

8. Никитин П.Н., Вайнберг В.В. Андрей Васильевич Пастухов – военный топограф и альпинист. М., 1956.

9. Сообщение А.В. Пастухова о его восшествии на Казбек 29-го июля 1889 г. // Известия Кавказского отдела ИРГО. 1889. Т. X. № 1. С. 134–145. URL: <https://elib.rgo.ru/handle/123456789/213516> (дата обращения: 04.05.2025).

10. Ткаченко Д.С., Колосовская Т.А. «Мы на Кавказе воевали не для того, чтобы разбить неприятеля и уйти...». Социокультурная деятельность Кавказской армии (по воспоминаниям и исследованиям современников). Ставрополь, 2011.

11. *Freshfield D. W.* The Exploration of The Caucasus. London; New York, 1896. URL: <https://archive.org/details/explorationofcau01fres> (дата обращения: 17.05.2025).

12. *Nash G.* From Empire to Orient. Travellers to the Middle East, 1830–1926. London; New York, 2016.

13. *Paxman J.* Empire. What Rulling the World Did to the British. London, 2012. URL: <https://archive.org/details/empirewhatruling0000paxm> (дата обращения: 10.05.2025).

14. *Pratt M.L.* Imperial eyes. Travel writing and transculturation. London; New York, 1992. URL: <https://archive.org/details/imperialeystrav0000prat/page/n7/mode/2up> (дата обращения: 10.05.2025).

А.Н. Еремеева

ОПЫТ ПРОВЕДЕНИЯ ЭКСКУРСИЙ НА ПРОМЫШЛЕННЫЕ ПРЕДПРИЯТИЯ КАВКАЗА (конец XIX – начало XX в.)¹

Осмысление роли и места научно-технического наследия в туристической деятельности началось параллельно с укоренением образовательных

¹ Статья подготовлена в рамках выполнения государственного задания Южного филиала ФГБНИУ «Российский научно-исследовательский институт культурного и природного наследия им. Д.С. Лихачёва» по теме «Научно-техническое наследие как ресурс развития внутреннего туризма», номер государственной регистрации: 125021001868-6.

экскурсий во внеурочной деятельности учебных заведений. В дореволюционной России это произошло на рубеже XIX–XX вв., хотя зарождение организованных экскурсий относится к концу XVIII в., что отразилось в школьных уставах 1786 и 1804 гг. Так, для учащихся старших классов рекомендовались экскурсии в ремесленные мастерские, на мануфактуры и заводы [6: 53]. С середины XIX в., особенно после реформ 1860–1870-х гг., на волне модернизации общества, улучшения дорожно-транспортной инфраструктуры, естественно-научного и технического образования, появления общественных организаций (Русское техническое общество с его региональными отделениями, Общество распространения технических знаний и др.) и музеев научно-технического профиля (прежде всего Политехнический музей) экскурсии получили дальнейшее развитие. Осознание передовыми преподавателями роли исследования в образовательной деятельности привели к появлению гуманитарных и естественно-научных экскурсий с исследовательскими целями [8: 193]. Экскурсии включались в учебные планы гимназий, реальных и коммерческих училищ, профессиональных школ.

В сборнике научно-педагогических статей «Школьные экскурсии, их значение и организация» под редакцией Б.Е. Райкова [7] описана сложившаяся к тому времени практика экскурсий, в том числе на промышленные и научные предприятия. Так, ученики 1 класса Петербургского восьмиклассного коммерческого училища в Лесном посещали стеклянный, фарфоровый, газовый заводы, ботанический сад, ученики 2 класса – сталелитейный и механический заводы. Ученики 6 класса посещали минералогический музей Горного института, физическую лабораторию одного из вузов столицы, Константиновскую магнитно-метеорологическую обсерваторию в Павловске, электростанцию, а семиклассники – Главную палату мер и весов, лабораторию одного из высших технических учебных заведений, Пулковскую обсерваторию, прядильную или ткацкую фабрику [7: 53; 55; 56].

Туристско-экскурсионная деятельность учебных заведений регулировалась разнообразными предписаниями Министерства народного просвещения, циркулярами попечителей учебных округов. Эти документы транслировали главным образом организационные аспекты подготовки и проведения экскурсий, минимизацию расходов (так называемые экскурсионные тарифы, введенные Министерством путей сообщения, скидки, предоставляемые пароходными компаниями, бесплатное размещение в помещениях учебных заведений), обеспечение безопасности и др., но также и понимание образовательных приоритетов в разного рода учебных заведениях.

Экскурсионные комиссии при учебных округах (прежде всего при Московском) аккумулировали соответствующую информацию, разрабатывали экскурсионные программы и регламенты, опросные листы для экскурсантов. Данной деятельностью занимались и другие организации, в частности

учебный отдел Общества распространения технических знаний, Комиссия образовательных экскурсий по России при Российском обществе туристов, Крымско-Кавказский горный клуб, Кавказское горное общество в Пятигорске, Горный клуб при Владикавказском политехническом обществе, Санкт-Петербургское общество народных университетов, Педагогический музей военно-учебных заведений Петербурга, Санкт-Петербургское общество содействия физическому воспитанию с филиалами во многих городах России, а также уездные земства. Резкий рост экскурсионных комиссий и бюро различных обществ наблюдался с 1910 г., а за пять лет их число увеличилось до ста. Создавались они при общественных организациях и учебных заведениях, в том числе провинциальных [1: 83–84].

Министерство народного просвещения обязывало учебные заведения ежегодно отчитываться о планируемых или проведенных экскурсиях. Последние подробно описывал кто-либо из участников-преподавателей. Во время экскурсий ученики должны были вести дневники, которые позже трансформировались в сочинения. Самые интересные и информативные из них наряду с преподавательскими отчетами публиковались в брошюрах.

В данной статье рассматривается дореволюционный опыт проведения экскурсий на промышленные предприятия Кавказа. Ввиду обилия объектов туристического показа такого рода, особое внимание будет уделено нефтедобывающим и нефтеперерабатывающим предприятиям. В качестве важного источника выступают регулярно издаваемые в Тифлисе брошюры «Экскурсии учащихся Кавказского учебного округа», периодические издания, циркуляры Министерства народного просвещения и Кавказского учебного округа.

Среди преподавателей Кавказского учебного округа было немало энтузиастов экскурсионной работы: А.Н. Дьячков-Тарасов [3], Ф.А. Андерсон [5] и др. Объекты, связанные с развитием науки и техники (как в пределах, так и далеко за пределами учебного округа, поездки, предполагающие освоение дальних объектов, занимали подчас более месяца), привлекали особое внимание организаторов экскурсий – преподавателей технических и реальных училищ. Такие экскурсии фактически приравнивались к производственной практике. Они должны были углублять знания, полученные в аудиториях.

В текстах восьмиклассников Владикавказского реального училища описана пятидневная экскурсия в Баку в октябре 1903 г. [9]. Реализация культурной программы (осмотр достопримечательностей, походы в театр, встречи с бакинскими сверстниками) не мешала главной задаче – посещению предприятий Товарищества нефтяного производства братьев Нобель, где добывалась и обрабатывалась нефть. Подробная экскурсия по нефтеперегонному заводу с комментариями инженеров (для удобства учащихся делили на группы) завершалась осмотром виллы Нобеля – зеленого «остров-

ка» города, причем туда учащиеся добирались на конке, принадлежавшей заводу. В предместье Баку Балаханах, где располагалось множество нефтяных источников, экскурсанты знакомились со способами добычи нефти.

Заключительный день был посвящен осмотру бумагопрядильной и ткацкой фабрики крупного предпринимателя и филантропа Г. Тагиева. Первым объектом показа стала электростанция, обслуживавшая нужды фабрики. После детального осмотра цехов, поразивших не только сложным оборудованием, но и чистотой и порядком, учащиеся были приглашены на чай к хозяину фабрики. «При разговоре с нами он затронул вопрос о важности для России практической деятельности и высказал несколько веских соображений, поразивших нас своей глубиной», – вспоминал об общении с Тагиевым экскурсант К. Махровский [9: 49].

Заметим, что нефтеперегонный завод и вышки в те годы были одними из самых популярных объектов туристического показа в Баку. Судя по отчетам об экскурсиях, посещались также такие предприятия города, как опреснитель морской воды, ледоделательный завод.

На Северном Кавказе одним из крупных районов нефтедобычи и переработки были Грозненские нефтяные промыслы, где школьники могли познакомиться со всеми стадиями добычи нефти.

Одна из таких экскурсий, состоявшаяся в мае 1908 г., подробно описана. Началась она с осмотра промыслов Англо-Русского Максимовского общества – нефтяных фонтанов, машинного отделения, кочегарной с горящими печами. На вышке экскурсанты наблюдали канатное бурение, отличавшееся от штангового (различия были объяснены), посмотрели буровой инструмент, весивший более 150 пудов. На Ахвердовских промыслах (товарищество «Ахвердов и К^о») в механической мастерской шли токарные и кузнечные работы. «Ученики особенно удивлялись тому, что в мастерской строгают, обтачивают и буравят железо и медь, как дерево, и даже летят стружки. Немало удивлялись... и работе парового молота. На их глазах раскаленные куски железа под мощными ударами огромного молота превращались в тонкую и длинную пластинку», – писал организатор экскурсии заведующий Петропавловским двухклассным станичным училищем [4: 212–213]. Причем молот был пущен по распоряжению механика специально для экскурсантов (как и электрические машины на электростанции – следующем объекте посещения). В завершение была осмотрена нефтекачка, «где огромными насосами, приводимыми в движение паром, нефть из больших резервуаров перекачивалась в Грозный 12 верст на керосиновый завод» [4: 214].

В Кубанской области с ее простиравшейся в предгорьях нефтеносной полосой длиной более 200 верст, где происходили естественные выбросы нефти, имелось несколько точек с правильно оборудованными промыслами – близ ст. Ильской Екатеринодарского отдела, в долине р. Кудако и незадолго

до революции – в Майкопском отделе, в частности в ст. Ширванской. Сюда возили в основном школьников из близлежащих населенных пунктов. Многие скважины, в том числе давно не функционирующие, сохранились до наших дней. Вблизи старейших скважин (1864 и 1884 гг.) – в с. Киевское Крымского района и в пос. Ильском Северского района – установлены памятные знаки. Обе скважины в обиходе называют «бабушками», как и исторические скважины в некоторых других регионах России (в Башкирии, Пермском крае).

Практика проведения экскурсий, в том числе на промышленные предприятия Кавказа, не прерывалась даже в условиях Первой мировой войны. Новый министр народного просвещения граф П.Н. Игнатьев рассматривал образовательные экскурсии как обязательный фактор обучения и воспитания в средних учебных заведениях. Несмотря на дефицит в подвижном составе железных дорог, близость фронта, журналы регулярно информировали о производственно-технических экскурсиях. «Тихорецкое коммерческое училище (Кубанская область. – А.Е.) на Святках совершило экскурсию в Баку для осмотра нефтяных промыслов и керосиновых и масляных заводов в сопровождении 4 преподавателей и 47 учеников училища. Во время пребывания в Баку экскурсанты имели пребывание в бакинском коммерческом училище», – сообщал корреспондент издаваемого в Ярославле журнала «Русский экскурсант» [2: 35].

Как справедливо отмечает историк Т.А. Магсумов, такого рода экскурсии «способствовали формированию общих представлений о географии и уровне развития российской промышленности, к тому же во время производственных экскурсий учащиеся знакомились с новейшим оборудованием и передовыми технологиями, сведения о которых еще не были включены в программы преподавания учебных заведений» [6: 56].

Традиция экскурсий на промышленные предприятия Кавказа была продолжена в советский период. Многие из них, в том числе по разным причинам закрытые или перепрофилированные, и сейчас представляют большой интерес как объекты научно-технического наследия.

Источники и литература

1. Арцыбашев Д.В., Арцыбашева Т.Н. Становление и развитие экскурсионного метода обучения в отечественных учебных заведениях конца XIX – начала XX в. // Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета. 2018. № 4 (48). С. 80–86.
2. Движение экскурсий // Русский экскурсант. 1916. № 1. С. 34–36.
3. Кидакоева З.Ш. Историко-этнографическая полифония публикаций А.Н. Дьячкова-Тарасова: Кубанский период // Журналистика, мультимедиа: информационный и социокультурный потенциал: мат-лы V Всерос. науч.-практ. конф., посвящ. памяти Г.М. Соловьева. Краснодар, 2023. С. 80–84.

4. Коновалов Г. Краткий отчет об экскурсии, совершенной учениками 4 и 5 отделений Петропавловского 2-классного станичного училища на Грозненские нефтяные промыслы 8 мая 1908 года // Экскурсии учащихся Кавказского учебного округа. Вып. 1. Тифлис, 1909. С. 209–215.

5. Ламосова Н.В., Леусян О.А. Учитель, ученики, эпоха: жизнь и педагогическая деятельность Фёдора Васильевича Андерсона // Наследие веков. 2024. № 2. С. 89–110.

6. Магсумов Т.А. Образовательные экскурсии в средней профессиональной школе дореволюционной России // Былые годы. 2013. № 1 (27). С. 52–60.

7. Райков Б. Экскурсионный план Санкт-Петербургского восьмиклассного коммерческого училища в Лесном // Школьные экскурсии, их значение и организация: сб. ст. под ред. Б.Е. Райкова. СПб., 1910. С. 52–61.

8. Сизинцева Л.И. Естественно-научные экскурсии в России второй половины XIX – начале XX в. // История наук о Земле: Сборник статей / отв. ред. В.А. Широкова. М., 2011. С. 192–199.

9. Экскурсия учеников Владикавказского реального училища в Баку // Экскурсии учащихся Кавказского учебного округа. Вып. 3. Тифлис, 1904. С. 42–57.

Т.Ю. Красовицкая

ЗАКАВКАЗСКИЙ АВАНГАРД В ИНТЕРБЕЛЛУМЕ: ДИАЛОГ КУЛЬТУР В КОНТЕКСТЕ НЕОКОЛОНИАЛИСТСКИХ ПРАКТИК¹

Интербеллум, входивший в Новое время коротким антрактом между мировыми войнами, в актуальных исследованиях забвений, преодолений, ностальгий, фреймов, рессентимента, травм, фронтиров так или иначе воздействовал на диалог закавказских культур, особенно в неокOLONиалистских оценках формирования дискурса пространства разных практик первых лет формирования Советского государства [9; 17]. Их актуальные инверсии нуждаются в осмыслении и уточнении. В данной статье рассмотрим общественно-политические процессы, определившие синтез государственных задач и культурных ресурсов, послуживших развитию Закавказья в Интербеллуме с помощью русских авангардистов.

¹ Исследование выполнено в рамках Программы научных исследований, связанных с изучением этнокультурного многообразия российского общества и направленных на укрепление российской идентичности, 2023–2025 гг. Проект «Критический анализ концепта неокOLONиализма применительно к советскому опыту национальной политики и этнокультурного развития».

Анализ поведения и практик авангардистов существенно дополняет многомерную картину последствий революций и Гражданской войны, потерь и приобретений в Закавказье. Насыщенная, интересная история людей, полная драматизма, ошибок и побед разных этнокультурных сообществ бывшей империи, требует беспристрастного и объективного разбора. Ход модернизации касается культуры, языков, традиционных космологий, вариантов борьбы с неравенством в ситуациях, всегда по-разному отчаянных. В нем зияют колоссальные лакуны, нераскрытые ответы на загадки и вызовы современности [см. 2]. Все идеи, формы и способы осмысления жизни человека в культуре развивались в двойственных и тройственных сложных обстоятельствах, синтезируя разные начала, новые взгляды и пр. Потребность представить масштабы интерпретаций будущего Интербеллум напряженно и драматично осмысливал как глобальное столкновение разных мессианизмов. Это проявлялось революцией сознания, политической и социальной. Стремление к свободе реальной, к праву свободно мыслить и чувствовать преобладало в авангардных формах искусства, философии, движении к новому индустриальному миру, онтологическим изменениям, связанным с наступлением модерности на юго-восточных просторах бывшей империи. Особой теорией и интеллектуальным богатством большевики не располагали, но с авангардистами шли разными путями к одной цели: к кардинальному разрушению старого общества, чтобы на его руинах строить новый мир.

В научном дискурсе в рамках неоколониалистских штудий значительное место занимает тема виктимизации – цели информационной политики и политики идентичности, развития самосознания жертвы на фоне социальных потрясений и слома сложившихся ценностных установок, их предписанной аскриптивности [19]. Процессы могли иметь разные мотивы и источники в исследованиях политики нациестроительства, разжигания вражды по отношению к «другим» [18]. Внедрение в массовое сознание неуверенности в собственных силах, фрагментация и дезорганизация социума, стремление заставить забыть собственные подвиги, сосредоточившись на односторонней оценке своей государственности, истории и культуры, серьезным образом уточняет понимание деятельности авангардистов, их сложные пируэты, наполненные мощным живительным потоком, хлынувшим в ходе войн и революции на Кавказ. Русские археологи и другие ученые, колониальные администраторы привлекали к себе внимание, трансформируясь из исследователей в адептов культурного трансфера имперской и советской России, мобильными научными технологиями, приключенческим духом героев и художников в горных ущельях и древних городах Закавказья. Немалое количество работ проанализировала И.В. Агрба, изучая общественно-политические практики абхазской интеллигенции, грузино-абхазские взаимоотношения, перспективы взаимоотношения двух государств, отсылая читателя

в сложный период 1917–1921 гг. [1]. Для нас важны глубокие изменения в восприятии пространства и времени, грандиозных замыслов по перекройке культуры и человека, сосредоточение на преобразовательных процессах, в особенности на политике государственного устройства, программах смещения исторических процессов к реальным задачам. Накапливался огромный фактический материал, расширялся круг тем, прояснялись истоки и пути развития многопланового революционного Востока.

В Закавказье шли сложные процессы: «...в солнцедатном Тифлисе по-настоящему любили поэтов и так кахетинский принимали, что голова ходила лезгинкой», – вспоминал футурист В. Каменский [6: 508]. И. Зданевич набирал материал в экспедиции по занятой русской армией территории Турции для доказательства общих черт у грузинских, армянских, византийских храмов и соборов романского стиля Южной Франции и Испании. Весной 1919 г. почти все грузинские символисты из группы «Голубые роги» съехались поближе к новой власти в Тифлис (в настоящее время – Тбилиси). Сотрудничая с меньшевиками, они политически вписывали себя в миссию защиты культуры от разыгравшейся дикости «голиафов-соседей». На авансцену культурной политики выдвинулись художники. Считавшие себя футуристами, они эпатировали общественность, благодушная публика воспринимала их выходки доброжелательно [3].

Стремление к новому было присуще и правительству Азербайджанской Демократической Республики. М.Э. Расулзаде, знакомый И.В. Сталину вождь мусаватистов, выдвинул современный проект, предлагая «воспитание граждан, вооруженных современной наукой и техникой, преданных тюркской культуре, национальной истории, идее независимости и высоко ставящих идеалы свободы и общечеловеческой цивилизации» [11: 27]. В комиссию поступило 280 заявлений. Преимуществом пользовались знавшие тюркский язык и язык той страны, куда студент командировался, имевшие аттестаты с высоким баллом, а также принадлежащие к неимущим слоям населения: «Для получения высшего образования в различных областях знаний – от архитектуры и народоведения до самолето- и кораблестроения – около 100 студентов-азербайджанцев за счет государства были посланы в лучшие европейские учебные заведения» [11: 32]. Фракции «Иттихад» и «Ахрар» предложили: половина поступает на историко-филологический, естественный и физико-математический факультеты [11]. В сентябре 1919 г. парламент отпустил в распоряжение министра народного просвещения 7 млн руб. В начале 1920 г. на учебу в странах Западной Европы, России и Турции отправлено около 100 студентов. Но едва абитуриенты добрались до планируемых университетов, власть в Баку перешла к большевикам.

Наркомом просвещения Азербайджанской ССР стал Д.Х. Буниатзаде, его заместителем – известный ученик И. Бодуэна де Куртенэ формалист В.Б. То-

машевский. Заведую агитационным отделом политического отдела Волжско-Каспийской военной флотилии, он стал «наркомом и властелином всех театров Баку», возглавил академический отдел Наркомпроса АзССР. С деканом исторического факультета Л.А. Ишковым В.Б. Томашевский собирал тех, кто не желал «под разнообразными наименованиями дисциплин преподавать единый и единоспасующий марксизм и исторический материализм». Лидер символизма Вяч. Иванов писал философу С. Франку: спас А.В. Луначарский, «поехал я на Кавказ с фиктивной командировкой дать отчет об университетском преподавании на Северном Кавказе» [12: 363]. В Баку находили приют многие интеллектуалы. Из Минска прибыл опасный партийным властям Белоруссии исследователь истоков белорусской государственности М. Довнар-Запольский. Из Казанского университета был переведен не вписывавшийся в советские условия полиглот из православных арабов Иерусалима, специалист по праву и истории ислама П.К. Жузе, приехали чувашский филолог-тюрколог Н.И. Ашмарин и крымский татарин Б. Чобанзаде из Симферополя. Из Киева прибыл формалист А.В. Багрий, бывший посол Украинской народной Республики при Самарском комитете членов Учредительного собрания [4]. Они преобразовали восточное отделение Бакинского университета в отдельный восточный факультет: в нем открылось 10 филологических кафедр. Вяч. Иванов возглавил художественную секцию и отдел художественных школ Главного управления профессионального образования Наркомпроса АзССР, разработал учебные программы по классической филологии.

Авангардисты ставили основной задачей проблемы языка как платформы нового типа социальной консолидации. В отделе искусств Наркомпроса Азербайджанской ССР С. Городецкий привлек Вяч. Иванова и футуриста А. Кручёных к работе литературного отдела. В 1921 г. в Баку Вяч. Иванов встречался с О. Мандельштамом. Недолгий период пребывания В. Хлебникова в Баку был заполнен работой в отделении Российского телеграфного агентства (РОСТА), где делал подписи к плакатам его друг М.В. Доброковский. Они выезжали с В. Хлебниковым и в Персию. Авангардистские идеи улавливали ломку не только прежних правил, но и государственных границ Османской империи и Восточной Европы, укладывая их в ленинское видение мировой революции. В Персии Реввоенсовет считал В. Хлебникова и В. Доброковского необходимыми работниками, полагая, что они усиливали политические позиции Советской России [13]. Правда, от них требовали «частушечных», лубочных стихов, фольклорного духа и разговорной стихии. Вольнонаемный лектор В. Хлебников с трудом удерживался на платформе политпросвета [21]. С. Городецкий руководил работой «Окон РОСТА», украшал город агитплакатами, сотрудничал в газетах «Коммунист» и «Бакинский рабочий», возглавлял журнал «Искусство» и литературную часть политуправления Каспийского флота. А.Е. Костерин считал, что

«во Владикавказе, среди чеченцев и осетин Доброковский нашел поклонников поэзии Маяковского. Чеченец Заурбек Шерипов, брат героя чеченского народа Асланбека, был членом чеченского областного исполкома; осетин Дзахо Гагуев – журналист, работал в газете при Кирове – стал активистом журнала “Горская мысль”. В лице этих двух горцев Доброковский нашел благодарных слушателей для своих высказываний о футуризме <...>. В начале 1922 года Доброковский создал рисунок горца (возможно, послужил основой для изображенного Е. Лансере всадника, он... в миллионах экземпляров до сих “скачет” на папиросных коробках “Казбек”») [14: 36–42].

Помогая растить современные ресурсы, нарком просвещения АзССР Д.Х. Буниатзаде подписывал декреты об учете и охране памятников искусства (30 июня 1920 г.), о национализации кинематографических предприятий (4 июля 1920 г.), о преподавании языков в школах 1-й и 2-й ступени (18 сентября 1920 г.), о национализации музыкальных инструментов (10 ноября 1920 г.), об учреждении Политехнического института (13 ноября 1920 г.), об учреждении при Институте востоковедения и социальных наук высших курсов социальных наук (14 июня 1921 г.), об организации в Баку I Азербайджанской высшей музыкальной академии (25 августа 1921 г.), об учреждении в Баку Азербайджанского государственного мужского педагогического института (26 августа 1921 г.) [22].

В 1921 г. под редакцией С. Городецкого отдел изобразительных искусств Наркомпроса Азербайджанской ССР издал «художественно-беспартийный» журнал «Искусство». Вышло два номера, в одном из которых были опубликованы О. Мандельштам, М. Кузмин, Ю. Деген, В. Хлебников, А. Крученых, С. Городецкий. Помещены некрологи А. Блоку и Н. Гумилеву. В период работы Вяч. Иванова в Бакинском университете в город неоднократно приезжал грузинский символист Г. Робакидзе, с которым они встречались на заседаниях бакинского «Цеха поэтов».

Следуя за перемещениями воинских частей разных армий, художники формировали из этнографического материала образы строгих, спокойных и мужественных людей, идеалы новой красоты для новой прекрасной эпохи. Е. Лансере в Темир-Хан-Шуру пригласил один из трех ходоков к В. Ленину М.-М. Хизроев. Лансере писал портреты Шамиля и горцев времен Кавказской войны из рассказов Л. Толстого.

За Тифлисом, где меньшевики сохраняли власть, закреплялась репутация многоэтнического «маленького Парижа», приютившего С. Судейкина и А. Кручёных, В. Каменского и Н. Евреинова и других, покидавших столицы. Сложным путем оказался в Грузии и О. Мандельштам. С женой он поселился в «Доме искусств», получил работу референта, за которую имел два обеда в столовой – для тех времен предложение вполне выгодное. К членам местной ячейки «Левого фронта искусств» регулярно приезжал В. Маяковский.

В Баку А. Дункан композицией «Славянского марша» П. Чайковского изображала освобождение народностей. Помогал прибывавшим из беспокойной России вливаться в культурную жизнь полномочный представитель Народного комиссариата иностранных дел (далее – НКИД) РСФСР в Тифлисе Б. Лигран. Играя важную роль в советизации Закавказья, он снабдил статую дипкурьера И. Эрэнбурга (заведовавшего детской секцией театрального отдела Наркомпроса).

Символиста К. Бальмонта 1917 г. застал в Грузии. Он привез программу лекций «Мысли мировых гениев о Любви». Его перевод Ш. Руставели вывел на авансцену мирового модерна «Витязя в тигровой шкуре». Руставели внес в серьезную научную полемику личность героя как современный ресурс нации. Великий подвиг переводов В.Я. Брюсова помогал борьбе за армянскую государственность. Авангардист лингвистики Н.Я. Марр, мечтавший о грузинской академии наук, добивался в комиссиях наркомата по делам национальностей открытия научных институтов в Грузии [13].

Г. Робакидзе, интересуясь творчеством символистов, ценил вклад К. Бальмонта в рефлексию внутренней переоценки ценностей. С 1921 по 1925 г. он возглавляет отдел искусства при Комиссариате просвещения Грузинской ССР, но, разочарованный советскими практиками, в марте 1931 г. уедет в Германию. Проездной документ поможет получить Г.К. Орджоникидзе.

Недолгое властвование меньшевиков в Грузии О. Мандельштам назвал бессмысленным и жестоким балаганом. Молодецкая спесь местных хозяев позволила ему в статье «Кое-что о грузинском искусстве» ехидно заметить: «...они ублажают себя и своих читателей дешевой риторической настойкой на бодлерианстве, дерзаниях Артура Рэмбо и упрощенном демонизме» [10]. «Голуборожцы» с пафосом требовали пересмотреть оценку [5: 2–3]. И. Эрэнбург видел «меньшевицкую Грузию государством с будущим, но петербуржцы и москвичи, застрявшие на полустанке, торопливо упаковывали чемоданы; одни спешили на север, другие за границу... Различные века сосуществовали в этом удивительном городе» [23: 25]. Мандельштам уточнял: прививая восточной утонченности европейскую изысканность, «вы не Запад и не Восток, не Париж и не Багдад; глубокой воронкой врезалось в историческую землю ваше искусство, ваша художественная традиция. Вино старится – в этом его будущее, культура бродит – в этом ее молодость» [10].

Футуристы оставались маргинальным движением, хотя Тифлис дал им шанс. В 1917 г. образовалась группа «Синдикат футуристов», из которой в феврале 1918 г. выделилась группа «41°», состоявшая из И. Зданевича, И. Терентьева и А. Кручёных. Называя себя «дуэтом трех идиотов», они подчеркивали географическую широту, на которой находился Тифлис, и одновременно температуру тела, когда человек теряет сознание.

Сопряжение этнокультурной специфики с идеями модерна на Востоке шло с трудом. Идентификацию с Тураном питерские и московские интеллектуалы подпитывали синдромом «желтой угрозы» тюркской степной цивилизации. Но Закавказье находилось на перекрестке культурных связей между Ближним Востоком и Европой: Древней Грецией, Византией, Римом, Ираном, Индией, Китаем. Облик перекрестков определил многовекторный культурный трансфер с доминантами буддизма, ислама, христианства разных изводов. Самостоятельность Кавказа при секретарях Кавказского крайкома ВКП(б) была не меньшей, чем при царских наместниках, но процесс ликвидации независимости «шел быстрее, чем при царе», – иронизировал в Стамбуле Расулзаде в 1923 г. в книге «Азербайджанская Республика». Сталин назвал автора «утопическим попом от бесхребетного национализма» [15: 1]. В Сухуми по инициативе Н.Я. Марра в 1925 г. была создана Академия абхазского языка и литературы. В 1930 г. она преобразована в Научно-исследовательский институт абхазского языка и литературы. Тесные связи Академия налаживала с кавказоведами Азербайджана, сюда часто приезжали тюркологи В.В. Бартольд и А.Н. Самойлович.

Еще войска Красной армии освобождали от войск А.И. Деникина город за городом, А.В. Колчак еще правил крестьянской Сибирью, а на X съезде РКП(б) партийные страсти концентрировались на программе строительства социализма. В контексте Интербеллума русский авангард совмещал архаику с классикой модерна: он оказался эффектно контрастен и в равной степени с нею популярен. Тоньше чувствовалась специфика культурных традиций, роль общественных трансляторов. Под крышей новой власти авангардисты в Закавказье раскрывали тайны десятка цивилизаций, проявляя себя в разных политических практиках. Вписывая экскурсии разных веков в рамки молодых биографий, различных школ и авторитетов как командированных из центра, так и тех, кто ехал в эмиграцию, авангард искал ответы на вопросы: что это – «Евразия» или «Азия», понятие выдуманно или сконструировано путешественниками, исследователями, географами, историками и этнологами? Вывод на историческую и эпистемологическую проблематику ждал ответа: почему и как огромный ареал порождал такую богатую, но концептуальную неопределенность? Связана ли она с природными характеристиками территорий или это итог противоположных этноментальных стратегий, в рамках которых встроены устойчивые картины мира? «Остался... один верх для пространственного благополучия народов: кто выше из них взметнет творческую энергию, облюбит Марс, отремонтирует бездельничающую Луну, урегулирует тепло и холод межпланетных путей, – писал авангардист К. Петров-Водкин. – Матч предстоял всеземной, и победителем окажется тот, кто подвижнее в перестройке органических своих клеток и в приспособлении кровяных телец» [14: 42]. То, что видели и понимали авангардисты, было полезно политикам:

жители Закавказья примеряли в веках на себя больше разнообразных философий, чем жители Центральной России. Интербеллум осмыслял этнокультурное прошлое, государство направляло вектор осмысления.

Источники и литература

1. Агрба И.В. Общественно-политическая деятельность абхазской интеллигенции в 1917–1921 гг. Сухум, 2021.
2. Аманжолова Д.А., Красовицкая Т.Ю. Культурная сложность Советской России. Идеология и практики управления 1917–1941 гг. М., 2020.
3. Амиа М. Путь грузинской жиронды. Факты, документы и материалы к истории грузинских меньшевиков. Тифлис, 1926.
4. Багрий А.В. Формальный метод в литературе. Библиографическое пособие. Владикавказ, 1926.
5. Грузинская выставка // Сакартвело. 1919. № 115. С. 2–3.
6. Каменский В.В. Путь энтузиаста. М., 1990.
7. Костерин А. Русские дервиши // Москва. 1966. № 9. С. 216–221.
8. Котрелев Н.В. Вяч. Иванов – профессор Бакинского университета // Ученые записки Тартуского государственного университета. Тарту, 1968. Вып. 209. С. 326–339.
9. Кукулин И. «Внутренняя постколонизация»: формирование постколониального сознания в русской литературе 1970–2000-х годов // Там, внутри. Практики внутренней колонизации в культурной истории России: сб. ст. М., 2012. С. 846–909.
10. Мандельштам О. Кое-что о грузинском искусстве // Советский юг. 1922. 19 января.
11. Назарли А.Э. Народное образование в Азербайджанской Республике (1918–1920 гг.). Баку, 2008.
12. Переписка С. Франка и Вяч. Иванова // Мосты. 1963. № 10. С. 357–369.
13. Переписка Н.Я. Марра и Е.С. Такайшвили (1888–1931 гг.). Тбилиси, 1991.
14. Петров-Водкин К. В центре жизни жизней. Воспоминания, письма, документы. СПб., 2018.
15. Российский государственный архив социально-политической истории. Ф. 558. Оп. 1. Д. 4491.
16. Русская литературно-художественная критика в Грузии. 1918–1922. Белград, 2024.
17. Смола К., Уффельманн Д. Постколониальность постсоветских литератур: конструкции этнического // Новое литературное обозрение. 2017. № 2. С. 429–447.
18. Сургуладзе В.Ш. Виктимизация идентичности: проблема деидентификации и десуверенизации социогуманитарной сферы // Власть. 2023. № 6. С. 116–126.

19. Тишков В.А. Идентичность – ресурс общественного развития // Вестник РАН. 2025. № 2. С. 94–103.
20. Троцкий Л. Между империализмом и революцией: основные вопросы революции на частном примере Грузии. Берлин, 1922.
21. Широкопад А.Б. Персия – Иран. Империя на Востоке. М., 2013.
22. Энциклопедия русского авангарда / авт.-сост. В.И. Ракитин, А.Д. Сарбьянов. Т. 1. А-К. М., 2013.
23. Эренбург И. Люди, годы, жизнь. Кн. 2. М., 1990.

А.Г. Асатрян

РОДОМ ИЗ КИЗЛЯРА: КЛАССИК АРМЯНСКОЙ МУЗЫКИ РОМАНΟΣ МЕЛИКЯН

30 марта 1935 г. в полном расцвете сил ушел из жизни классик армянской музыки – композитор, музыкально-общественный деятель, хормейстер и музыкальный педагог 51-летний Романос Овакимович Меликян. Его могила находится в Ереване, в пантеоне деятелей культуры парка имени Комитаса. Рядом располагается могила великого Комитаса. Спустя 90 лет со дня смерти композитора мы вновь обратились к личности и историческому значению творческой деятельности Р.О. Меликяна, так как он оставил глубокий след в истории армянской музыки и музыкального образования.

Романос Меликян родился 1 октября 1883 г. в г. Кизляре. Расположенный в Прикаспийской низменности, в дельте реки Терек, Кизляр, сейчас являющийся административным центром Кизлярского района Республики Дагестан, в конце XIX в. был известен как крупный центр виноделия, а основной частью населения города являлись армяне – выходцы из Сюника [6: 7].

Кизляр имел очень важное значение для творческой судьбы Р. Меликяна. Именно здесь впервые проявились музыкальные способности мальчика, здесь же он получил свои первые музыкальные впечатления. Его отец Оваким Меликян был любителем музыки и в кругу семьи часто пел армянские народные песни, которые запали в душу маленького мальчика. В результате он отдал всю свою жизнь служению музыке.

В Кизляре Романос впервые пошел в школу и научился играть на мандолине, хотя мечтал о пианино. Здесь же он сделал первые шаги в качестве начинающего хормейстера. Романос часто собирал подруг сестры и разучивал с ними песни, с которыми познакомился в школе. Разумеется, девочки предпочитали не петь, а играть и бегать, но юному Романосу удавалось прививать им любовь к музыке [6: 8].

В Кизляре же 125 лет назад, 17 июля 1900 г., состоялся первый концерт студента Нор-Нахичеванской духовной семинарии 17-летнего Романоса. Следует отметить, что в семинарии его учителем музыки был Геворг Чорекчян¹, который спустя годы стал Католикосом всех армян. Он же руководил хором семинарии. Учитель сразу заметил музыкально одаренного ученика. От Г. Чорекчяна Р. Меликян получил первые музыкальные знания и под его руководством предпринял начальные опыты в сфере композиции, создав первые обработки армянских духовных, крестьянских и городских песен. Спустя некоторое время «он становится помощником своего учителя в работе с хором, а вскоре назначается руководителем хора Церкви Сурб Геворка» [12: 540]. Романос очень любил и ценил Чорекчяна: «Я очень многому научился у него, он – ученый человек» [11: 129], – признавался будущий музыкант своему другу Азату Манукяну.

Вскоре под руководством Романоса выступил четырехголосный хор из местных армян. В программу концерта вошли в основном собственные сочинения и обработки национально-патриотических песен Меликяна. Концерт не прошел незамеченным. Об этом событии издаваемая в Тифлисе армянская газета «Мшак» («Труженик») сообщила: «Из Кизляра нам пишут: “17 июля пятеро местных юношей, из которых четверо – Р. Меликян, Г. Алексанян, Д. Согомонян и С. Карапетян – учатся в Ново-Нахичеванской приходской школе, а один – Х. Мхитарян – в духовной семинарии Геворгян, при содействии студента Казанского университета Р. Аствацатряна дали одно семейное представление. Оно имело концертную часть, в которой небольшая, но прекрасно подготовленная четырехголосная группа Романоса Меликяна спела марш “Да здравствует Зейтун”, песни “Сыновья храброго Гайка”, “Фиалка под моим деревом”, “Рассвело”, “Нас позабыла армянская нация” и две русские песни, одна из которых – “Засвистали козаченьки” (на самом деле это украинская народная песня. – А.А.), а также одну латинскую песню – “Gaudeamus”. Эти песни доставили публике большое удовольствие, некоторые из них были спеты дважды, а последняя латинская песня – четырежды. Под аккомпанемент г-жи Гарибян Меликян исполнил отрывок из оперы “Жизнь за Царя”...” [13: 3].

Этот концерт Р. Меликян считал началом своей профессиональной музыкальной деятельности. В своей автобиографии в 1930 г. он написал: «Начало моей музыкально-общественной деятельности отсчитываю с того дня, когда в июле 1900 г., будучи еще 17-летним учащимся семинарии, я органи-

¹Геворг Чорекчян (1869–1954) в 1895–1913 гг. был учителем музыки, истории церкви и этики в семинарии Нахичевани-на-Дону, принимая активное участие почти во всех культурно-просветительных начинаниях города. Спустя годы, в 1941 г. архиепископ Геворг был единогласно избран наместником Католикоса всех армян, а 22 июня 1945 г. – Католикосом всех армян.

зовал в родном Кизляре свой первый публичный музыкальный концерт, состоящий из сочиненных и обработанных мною песен. Начиная с этого года, я непрерывно работал в нашей музыкальной сфере в качестве композитора, учителя-педагога, регента-хормейстера, и вообще был одним из организаторов армянской музыкальной жизни» [11: 209].

Хотя «Дон Романос», как называл его выдающийся армянский поэт Аветик Исаакян [11: 91], прожил недолгую жизнь, он оставил глубокий след в истории армянской музыки. По своему объему творчество Меликяна невелико вследствие активной и бурной музыкально-общественной деятельности и связано исключительно с вокальной музыкой. Тем не менее, его песни и романсы имели исключительное значение для армянской музыкальной культуры. По меткой характеристике доктора искусствоведения, профессора Георгия Геодакяна, Романос Меликян, этот «рыцарь армянской музыки», стал создателем нового для армянской музыки жанра – романса [5: 150]. Он был первым, кому удалось широко использовать в национальном музыкальном искусстве завоевания армянской поэзии, в частности стихов Ованеса Туманяна, Аветика Исаакяна, Ваана Терьяна и других армянских поэтов [5: 150].

Песня и романс стали ведущими жанрами в творчестве Р. Меликяна, именно «в них полностью раскрылось самобытное дарование композитора, своеобразие его гармонического языка» [3: 287]. В золотой фонд армянской камерно-вокальной музыки вошли романсы Р. Меликяна «Роза» (на стихи Гете в переводе О. Туманяна), «Дикий цветок» (на слова В. Терьяна), вокальные циклы «Осенние строки» (написаны в 1907–1913 гг. на слова В. Терьяна, изданы в 2009 г.) [10: 24–77], «Змрухти» («Изумруды», написаны в 1918 г. на слова О. Туманяна, Д. Демирчяна, А. Исаакяна, А. Хнкояна и других авторов, изданы в 1928 г.) [9] и «Зар-вар» («Блестки», написаны в 1922 г. на слова А. Хнкояна, А. Агабаба, О. Туманяна, а также народные слова, изданы в 1949 г.) [8].

Благодаря своим романсам Р. Меликян стал «мастером оригинальной камерно-вокальной миниатюры» [7: 120], реформатором армянской камерно-вокальной музыки. Реформа композитора коснулась как мелодии, так и гармонии, фактуры, ритма, а также других средств музыкальной выразительности романсов.

Одним из важных направлений деятельности Р. Меликяна была просветительская работа. В 1908 г. в Тифлисе он организовал армянское общество «Музыкальная лига», целью которого была обработка армянских народных песен, внедрение европейской культуры и распространение музыкального образования среди широких масс. Вместе с композитором А. Манукяном Р. Меликян создал предназначенный для армянских школ учебник по музыкальной грамоте «Азбука», который имел огромное значение

для музыкального воспитания армянских детей, так как был первым пособием, основанным на европейской нотной системе. «Музыкальная лига» стала основой для учреждения в 1912 г. «Тифлисского армянского музыкального общества».

Следует отметить, что Р. Меликян придавал пению большое значение. Он считал, что пение выступает «одним из важных факторов развития духовного мира детей. Оно является для них требованием столь же жизненным и необходимым, как движение, игра или смех. Пение развивает дыхание детей, их память, слух и художественный вкус» [1: 179]. К тому же, способствуя физическому и духовному развитию детей, «песня одновременно имеет также большое воспитательное значение – она приучает их к дисциплине, пробуждает чувства товарищества, любви к природе, к животным и формирует чувство меры» [1: 180].

В советский период своей деятельности Р. Меликян сочинил произведения, которые стали первыми попытками создания массовых песен в армянской музыке. Они вошли в сборники «Песни новых дней», «Красноармейские песни», «Пионерские песни» и т.д. «Время не ждет, – метко замечал он, – жизнь движется вперед 100-миллионными шагами: каждая эпоха имеет свои задачи и требования, как представитель искусства художник должен идти в ногу со временем, мы должны создать произведения, соответствующие новой эпохе, если не хотим отстать от требований жизни. Тот, кто хочет участвовать в больших работах строительства новой жизни, должен откликнуться на императивные требования, на требования наших масс. Даже если наши произведения будут не совсем оконченными и обработанными, настоящий художник всегда найдет время для доработки и совершенствования своих произведений» [11: 19].

Трудно переоценить роль Р. Меликяна в строительстве культурной жизни Советской Армении, в становлении и развитии в республике музыкального образования. Благодаря его усилиям 22 декабря 1921 г. в Ереване была открыта музыкальная студия. Работавшая под его руководством, она стала основой как для музыкального училища, которое сегодня носит имя Р. Меликяна, так и для Ереванской государственной консерватории.

Именно для создания музыкального учебного заведения Р. Меликян был приглашен из Тбилиси в Ереван. По поручению председателя Совета народных комиссаров Социалистической Советской Республики Армении Александра Мясникяна приглашение музыканту оформили народный комиссар просвещения Ашот Иоаннисян и выдающийся армянский поэт Егише Чаренц [4: 10]. Е. Чаренц очень высоко ценил творчество композитора: «Романсы Романоса будут жить вечно. Оценка “хороший” к нему не подходит – это великолепный композитор», – утверждал поэт [4: 11].

Фанатично преданный своему детищу – студии, Р. Меликян был убежден в грандиозной перспективе своего дела, его непоколебимая уверенность передавалась окружающим и, в первую очередь, коллективу студии. Р. Меликян всегда стремился к совершенству во всех областях своей многогранной деятельности. То же самое он ожидал от окружающих. В своей речи, произнесенной при открытии Ереванской музыкальной студии, он сказал: «Искусство можно сравнить с Жар-птицей, которая сидит на высоком, крутом утесе. К ней стремятся те, кто хочет стать Мастером. Путь к вершине труден: скользят ноги, осыпаются камни, иные сами возвращаются назад. Но счастлив тот, кто, преодолев все трудности, дойдет до вершины и достигнет Жар-птицы» [8: 10]. Р. Меликян был убежден: «Студия – это школа армянской музыки, где должно воспитываться студенчество, впитывая общечеловеческие музыкальные ценности духа и мысли. Студия – это лаборатория, которая должна облагородить наше искусство, где должны идти поиск и выявление стиля и духа новой армянской музыки на основе творческих достижений народа. Студия – это мастерская, где должна закаляться творческая сила армянской музыки в деле воспитания масс. Наконец, студия должна тесно связать музыку и трудящихся и иметь соответствующее эпохе содержание» [8: 13]. По свидетельству современников, вместе с грузчиками для студии композитор перетаскивал не только мелкие предметы, но и пианино, столы, стулья...

Он был как руководителем студии, так и активным участником всех образовательных и творческих процессов. Так, в ознаменование первой годовщины студии, 22 декабря 1922 г. в ереванском Государственном театре состоялся концерт педагогов студии, в котором Р. Меликян выступил в качестве концертмейстера.

Именно Р. Меликян организовал хор Ереванской музыкальной студии, в котором участвовали все ее учащиеся и любители – 120 человек. Под руководством Меликяна хор стал первым постоянным концертирующим коллективом Армении. Кроме того, созданные по инициативе Р. Меликяна бригады из учащихся летом 1923 г. были направлены в районы республики для налаживания работы по пению в школах и клубах, а также для собирания образцов народного музыкального творчества. Это свидетельствует о том, какое большое значение придавал музыкант народной музыке. Ведь первый изданный сборник композитора «Армянские эскизы» (1912 г.) состоял из шести обработок народных песен для голоса с фортепиано.

Р. Меликян прилагал большие усилия для того, чтобы знаменитые армяне-исполнители, которые жили и успешно творили за пределами Армении, переехали в Ереван для преподавания в музыкальной студии. Среди них были знаменитые скрипачи Давид Согомонян, его одноклассник по Нор-Нахичеванской семинарии, и Авет Габриелян, которые не только стали

педагогами студии и консерватории, но также вели активную концертную деятельность.

В день сорокалетия Р. Меликяна, 1 октября 1923 г., музыкальная студия была реорганизована в консерваторию, первым директором которой был назначен именно он (1923–1924). Р. Меликян также разработал проект Ереванской консерватории, в котором было закреплено следующее положение: «Народная консерватория Армении является высшим учебным заведением и имеет права университета» [2: 59].

Благодаря Р. Меликяну в 1925 г. в Степанакерте, административном центре Нагорно-Карабахской автономной области, был организован музыкальный техникум.

Классик армянского романса стал в 1933 г. первым художественным руководителем Ереванского государственного оперного театра (ныне – Ереванский национальный академический театр оперы и балета имени Александра Спендиаряна), внося огромный вклад в его становление.

Сегодня, спустя 90 лет со дня смерти Романоса Меликяна, в Армении чтят память своего великого сына. Его имя носит Ереванский государственный музыкальный колледж, который в 2023 г. отметил свой 100-летний юбилей. Среди выпускников – многие деятели армянской музыки: композиторы (народные артисты СССР Александр Арутюнян, Арно Бабаджанян, Эдвард Мирзоян, Эдгар Оганисян, Лазарь Сарьян, Константин Орбелян и др.), исполнители (дирижеры Эдуард Топчян и Карен Дургарян, хормейстеры Эмма Цатурян, Тигран Экекян, Роберт Млкеян и Сона Ованисян, певицы Алис Экимбашян, Лусине Закарян и Асмик Папян, пианистка Светлана Навасардян и др.), музыковеды (доктора искусствования Матевос Мурадян, Никогос Тагмизян, Анна Асатрян, Светлана Саргсян и Назеник Саргсян и др.), профессиональная деятельность которых обеспечила развитие армянской музыки.

В 2025 г. у Кизляра, родного города Романоса Меликяна, двойной юбилей – 290 лет со дня основания (1735 г.) и 240 лет со дня получения статуса города (1785 г.). И очень хотелось бы, чтобы в этом юбилейном году городские власти Кизляра рассмотрели вопрос о возможности присвоения имени Р. Меликяна одной из детских школ искусств Кизляра. Ведь классик армянского романса всегда с гордостью констатировал тот биографический факт, что он родился в Кизляре и здесь же начался его путь профессионального музыканта. Благодаря Р. Меликяну Кизляр прочно вошел в историю армянской классической музыки. Следующим шагом было бы установление тесного сотрудничества между детской школой искусств Кизляра имени Р. Меликяна и Ереванским государственным музыкальным колледжем имени Р. Меликяна. Это стало бы еще одним проявлением дружбы между братскими народами Армении и России.

Источники и литература

1. Армянские композиторы об искусстве / сост. Я.И. Хачикян. Ереван, 2007.
2. Асатрян А.Г. Краеугольный камень отечественной музыкальной культуры. Ереванская государственная консерватория имени Комитаса (посвящена 90-летию юбилею вуза) // Музыкальная Армения. 2010. № 3. С. 59–63 (на армян. яз.).
3. Барсамян А.А., Брутян М.А., Григорян А.Г. Камерно-вокальная музыка // Музыкальная культура Армянской ССР. Сборник статей / сост. М.А. Берко. М., 1985. С. 286–291.
4. Будагян А.Г. Ереванская государственная консерватория имени Комитаса в фотографиях, документах и высказываниях: 1923–2008. Ереван, 2008.
5. Геодакян Г.Ш. Пути формирования армянской музыкальной классики. Ереван, 2006.
6. Геодакян Г.Ш. Романос Меликян: жизнь и творчество. Ереван, 1960 (на армян. яз.).
7. Григорян А.Г. Армянская камерно-вокальная музыка. Ереван, 1982.
8. Меликян Р.О. Зар-вар: серия песен для пения с фортепиано. Ереван, 1949 (на армян. яз.).
9. Меликян Р.О. Змрухти. Сольные песни в сопровождении фортепиано. 4-е изд. Ереван, 1983 (на армян. яз.).
10. Меликян Р.О. Романсы. Осенние строки / сост. Г. Геодакян. Ереван, 2009 (на армян. яз.).
11. Меликян Р.О. Статьи, письма, воспоминания. Ереван, 1977 (на армян. яз.).
12. Мурадян М.О. Армянская музыка в XIX и начале XX века: дисс ... д-ра искусств. Ереван, 1970 (на армян. яз.).
13. Мшак («Труженик»). Тифлис. 1900. 16 августа. № 151 (на армян. яз.).

М.А. Гассиева

ПРОБЛЕМЫ СОХРАНЕНИЯ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ (на материале Республики Южной Осетии)

В Республике Южной Осетии (далее – РЮО) охрана памятников культурного наследия является актуальной и насущной задачей. На территории современной РЮО насчитывается около 1300 разновременных объектов, отнесенных в реестр памятников культурного наследия. Все они представляют интерес как памятники материальной и духовной культуры прошлого.

Согласно Федеральному закону РФ № 73 «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации»

от 25 июня 2002 г., под культурным наследием понимают в первую очередь недвижимые объекты культуры. В Республике Южной Осетии, законодательство которой опирается на российское, к объектам культурного достояния народа относятся: 1) здания и сооружения культурного и религиозного характера со связанными с ними произведениями живописи, скульптуры, декоративно-прикладного искусства; 2) ансамбли фортификационного, религиозного, дворцового, жилого, общественного, административного и т.д. назначения; 3) достопримечательные места («творения, созданные человеком, или совместные творения человека и природы, а также территории, представляющие ценность с точки зрения археологии, истории, градостроительства, эстетики, этнологии или антропологии» [3]).

Памятники истории и культуры РЮО охраняются государством в интересах будущих поколений, но все они нуждаются в реставрации или консервации. Негативное воздействие природных и антропогенных факторов, народные восстания позапрошлого века, Революция 1917 г. и военные события конца прошлого столетия усугубили состояние объектов культуры, расположенных на территории Южной Осетии.

В начале XIX в. большинство башен и крепостей были разрушены, в том числе и артиллерийским огнем. В дореволюционный период грузинские феодалы, заручившись поддержкой царской власти, пытались внедрить систему повинностей для жителей горной части Южной Осетии, которые отказывались платить подати грузинским эристави, вследствие чего горцы бунтовали, оказывали вооруженное сопротивление. Самые крупные вспышки восстаний на этой почве были отмечены в 1802, 1807–1810, 1812, 1830, 1840, 1850 гг. Сложившуюся ситуацию с непокорными осетинскими селами грузинские эристави преподносили в донесениях как сопротивление российскому подданству. В результате царская власть направляла карательные отряды в горную местность и силой оружия подавляла восстания. Сегодня лишь руины многих фортификационных сооружений являются молчаливыми свидетелями бурных событий той эпохи.

В советский период исторические памятники Южной Осетии также не получили должной оценки и признания в качестве исторического, культурного и духовного наследия. Советская идеология была основана на атеизме, в силу этого храмовая культура отвергалась официальной властью, культовые сооружения республики были превращены в складские и вспомогательные помещения.

После развала СССР в ходе грузино-осетинского конфликта аварийное состояние памятников Южной Осетии усугубилось. В августе 2008 г. в ходе нападения Грузии на Южную Осетию пострадали храм Пресвятой Богородицы (начало XVIII в.), церкви Николая Чудотворца, Святого Георгия Кавтинского (IX–XI вв.). В плачевном состоянии находится церковь Святого

Архангела Михаила в с. Хеит (конец XIII – начало XIV в.), где от попадания снаряда в купол обрушились две внутренние колонны.

Физическое состояние храмов и руинированных фортификационных сооружений в Южной Осетии можно оценить как остро аварийное. На протяжении XX–XXI вв. они не были должным образом оценены как объекты культурного наследия и не получили фундаментального изучения. Описание храмов в Южной Осетии связано с трудом графини П.С. Уваровой, которая в 1894 г. опубликовала на основе своих экспедиций по горному краю «Материалы по археологии Кавказа», где приведены и рассмотрены памятники Абхазии, Аджарии, Грузии (в те времена – Тифлисской губернии). В своей работе первая исследовательница Южной Осетии подробно описала церковно-религиозные сооружения края. Эти материалы по сей день пользуются авторитетом и вызывают интерес, а также представляют научную ценность для изучения памятников историко-культурного значения [6]. В советский и постсоветский периоды отдельные архитектурные памятники Южной Осетии были рассмотрены в работах С.В. Бессонова, Е.Г. Пчелиной, П.П. Закарая, Г.К. Отхмезури и других авторов.

На современном этапе стала очевидной необходимость разработки конкретных форм и методов комплексного сохранения культурного наследия. В РЮО выработаны законодательные и нормативно-правовые акты, предусматривающие охрану культурного наследия страны. В их числе Закон Республики Южная Осетия от 13 ноября 2012 г. «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народа Республики Южная Осетия» [3]; постановление Правительства «Об утверждении Положения о едином государственном реестре объектов культурного наследия (памятников истории культуры) народа Республики Южная Осетия» от 2 апреля 2012 г. [7] и др.

Несмотря на имеющуюся внушительную нормативно-правовую базу, в РЮО проблема сохранения памятников культурного значения в значительной мере не решена и до сих пор остается открытой. В республике не разработаны теоретические основы процессов реставрации и консервации, отсутствуют и специалисты этой отрасли. Вследствие этого не определены мероприятия и алгоритм их проведения соответствующими структурами по сохранению культурного достояния. Периодически вызывают негативный общественный резонанс неграмотно проведенные силами подрядных строительных организаций ремонтно-реставрационные и восстановительные работы по сохранению памятников культуры, выполненные за счет средств Инвестиционной программы содействия социально-экономическому развитию РЮО, местных меценатов и равнодушных жителей. Помимо этого, известны случаи несанкционированных действий, когда территорию вокруг объектов культурного наследия расчищали или выравнивали

трактором или другой строительной техникой, вследствие чего мог быть нанесен урон первоначальным археологическим слоям, древним руинам и другим историческим артефактам, которые могли находиться на территории памятника. Так, в Тирском монастыре, расположенном в Цхинвальском районе РЮО (XII–XIII вв.), строители, производившие реставрацию в 2015 г., допустили ряд нарушений: бригада, не имевшая опыта реставрации исторических памятников, повредила отделку стен, на которых были изображены фрагменты фресок XIV в.

В удручающем состоянии находится храм Святого Георгия Победоносца (XVII в.) на Згудерском холме к востоку от Цхинвала. На стенах храма появились трещины, культовое здание может обвалиться в любой момент, т.к. расположено на обрыве, и с годами земля под ним оседает. Кроме того, со стороны кладбища во время дождей потоки воды впадают в овраг у храма, они тоже размывают почву, сползание которой и привело к аварийному его состоянию. Храм нуждается в реставрации, хотя несколько лет назад были проведены ремонтные работы по возведению подпорной стены с южной стороны и укреплению площадки здания, а в 2019 г. к ней достроили новую лестницу. Это не решило основных проблем сохранности строения. В одном из интервью священнослужитель храма заметил: «Очень красивые лестницы к храму построили, но строительство провели неграмотно, потому что нельзя такие сооружения ставить на сыпучую породу. Когда эти лестницы поставили, трещины после этого стали катастрофически увеличиваться. Надо было посоветоваться со священником, можно ли там делать дорогу или нет. Можно было провести строительство грамотно и безопасно для храма. Сейчас храм трескается и через год – два, может, больше, он просто развалится» [10].

Эти примеры наглядно иллюстрируют круг проблем, которые сложились вокруг охраны памятников культуры в РЮО. В рамках статьи мы опускаем вопросы финансирования, которые не позволяют проводить реставрационные работы храмов и других объектов. При этом заметим, что даже при наличии материальных возможностей в процессе проведения реставрационных работ порой наносится еще больший урон зданию вследствие того, что не проработаны и не учтены критерии научной реставрации, на которых базируется современная наука.

Научная реставрация развивается на основе изучения исторических фактов, сбора и систематизации данных о памятнике, материалах и технологии создания объекта, причинах и видах его разрушений и искажений, физико-химических свойствах памятника и их совместимости с современными технологиями и др. Процесс реставрации в современных условиях считается вынужденной мерой, и его главная цель – сохранение аутентичности объекта культуры. Действия по сохранению памятника должны иметь комплекс-

ный характер. Реставрационный объект, подвергшийся ремонту, после завершения этого процесса не должен выглядеть как новодел.

Научная реставрация – это сохранение, продление срока существования культурного наследия, а также действия по укреплению и восполнению утраченных фрагментов. Согласно другой точке зрения, задачи реставрации – в принятии мер по восстановлению утраченного. Такая размытость понятия на практике приводит к стремлению восстановить первоначальный вид памятника, такую картинку, «которая всегда жила в массовом сознании, и которая теперь охватила умы заказчиков, владельцев, покровителей и спонсоров» [2: 8].

Новоделы (или поновления), в которых воплощена иллюзия возможности вернуть прошлое, придание произведению эстетической привлекательности рассматриваются в науке как реконструкция: «Под поновлением понимают воссоздание художественного облика произведения, часто с ориентацией на представления о его первоначальном, авторском решении» [5: 16]. Процесс реставрации не должен в конечном счете переходить в реконструкцию. Воссоздание первоначального вида памятника всегда приводит к разрушению подлинности тех остатков, которые история сохранила, изменению аутентичных элементов конструкции, что вредит объекту.

На современном этапе реставрация становится всё более консервативной. Общая тенденция при работе с памятниками сместилась в сторону консервации, и в большей мере это касается руин. На это указывают исследователи: «Наметился ряд принципиальных подходов в области практической реставрации. Мы наблюдаем новый взгляд на “подлинность”, методы реставрации и профилактики. Превентивная консервация становится всё более актуальной и признается неотъемлемой частью реставрационной деятельности, и тем более необходимой становится объективная обоснованность практических методов. От них зависит подлинность оригинала, в том числе самого материала, формы и ее исторической значимости» [4: 40].

Проблема консервации и реставрации руин является особенно сложной и не совсем разработанной как в отношении методических установок, так и практического осуществления: «Если вопросы реставрации памятников архитектуры являются вообще сложными и трудными, то вопросы консервации тех же памятников, находящихся в руинированном состоянии, являются несоизмеримо более сложными, трудными и ответственными» [1].

До сих пор различия между реставрацией и консервацией являются достаточно размытыми. Первая, в отличие от консервации, предполагает более активное вмешательство с целью сохранения объекта культурного наследия. Консервация же воспринимается как защита объекта от дальнейшего разрушения, сохранение его сегодняшнего облика (текущего состояния), стабилизация физического состояния памятника. В процессе консервации

вмешательство в облик памятника минимизировано, за исключением технологий укрепления объекта от разрушения.

В случае с руинами основным реставрационным методом является консервация, т.е. укрепление и защита конструкций и материалов памятника культуры без изменения его внешнего вида. «Предпочтительным для архитектурно-археологических сооружений является консервация методом анастилоза: укрепление и защита, желательно без разборки и перекладки сохранившихся стен, с инженерным укреплением конструкций. Консервация способствует тому, чтобы сделать памятник более доступным для восприятия посетителями, значительно увеличивая также срок его существования путем необходимых технических дополнений (установка на место обрушившихся ранее фрагментов, введение скрытых инженерных конструкций и т.д.)» [8: 363]. С научной точки зрения допустим вариант консервационно-реставрационных решений, когда архитектурно-археологический объект предстает перед публикой в объемном варианте при сочетании аутентичных и современных конструкций. Образцы научной интерпретации руин при сочетании методов консервации и фрагментарной реставрации известны в мировой практике, например, античный театр в Пловдиве, колоннада Пританея в Керчи и др.

Среди памятников истории и культуры РЮО преобладают фортификационные сооружения (крепости, башни), которые находятся в руинах. В большинстве случаев по отношению к руинированным памятникам не принимается никаких мер. Для их сохранения необходима серьезная консервационная работа с частичной реставрацией в отдельных случаях.

Самой знаменитой крепостью на территории Южной Осетии считается крепость «Зылды мэсыг» («Круглая башня») у подножья Кадласанского перевала у с. Ходз (общество Урс-Туалта) вблизи с. Едыс. Это одно из известных и интересных сооружений прошлого на территории республики, которое изучалось Е.Г. Пчелиной, Б.А. Куфтиным, В.А. Газзаевым, Б.В. Теховым, Р.Г. Дзаттиаты, И.Т. Маргиевым, А.А. Слановым и др. Крепость находится в неприступном месте, построена из бесформенных необработанных камней методом сухой кладки, стены достигают высотой до 5 м, а толщиной до 3 м. Сухая кладка сейсмически более устойчива при колебании земли.

В литературе крепость «Зылды мэсыг» получила название «циклопической». Согласно исследованиям, диаметр крепости составляет около 75 м, длина стен 225 м, а «для ее обороны требовалось не менее 100 человек (из расчета 1 боец на 2 м). Эта цифра превосходит военный потенциал любого близлежащего села и даже ущелья» [9: 258]. Фортификационное сооружение таких размеров могло служить убежищем всего общества во время вторжения врагов. Крепостной комплекс подобного размера на территории РЮО больше нигде не встречается. Для сохранения руин этого объекта

и предотвращения дальнейшего разрушения фортификационного сооружения необходима консервация, которая защитит его нынешний облик.

Консервации ждут не менее знаменитые оборонительные сооружения на территории республики: крепости Кехви, Ачабети, Белоти (XVII–XVIII вв.), Дзагина (XIII–XVII вв.) и др. Памятники истории и культуры представляют ценность для научного исследования архитектурных традиций прошлого народа и дают возможность обеспечить эффектный показ средневековых сооружений на природном фоне.

Подводя итоги вышесказанному, следует отметить, что на территории РЮО находится большое количество памятников истории, имеющих общемировое значение. Сохранение, бережное и рациональное использование исторического наследия способствует популяризации края и его экономическому развитию. Однако объекты культурного наследия (храмы, крепости, башни и др.) больше века не только не реставрировались, но и подвергались негативному воздействию разрушительных природных и антропогенных факторов, многие из них пострадали в ходе межэтнического конфликта и т.д.

В сложившихся реалиях РЮО расширяет и совершенствует базовое законодательство в области сохранения, использования и государственной охраны объектов культурного наследия, однако в действительности ими пренебрегают или обходят их вниманием. За неимением специалистов в области реставрации нередко целью работ становится возвращение памятнику первоначального облика или стремление придать ему эстетическую привлекательность, тогда как в реставрационной практике общепринятым становится научный подход, предполагающий приоритет сохранения аутентичности произведения.

Недвижимые объекты истории и культуры народа можно сохранить при условии оперативного принятия мер по укреплению и защите этих памятников. При этом наиболее эффективны и приемлемы научная реставрация и консервация памятников. Научная реставрация – это комплексный подход, который предусматривает научно-исследовательские, инженерно-технические, методические и научные разработки, детальное составление проектно-сметной документации, включающей поэтапную разработку самого процесса реставрации, а также привлечение специалистов разного профиля.

Источники и литература

1. Барановский П.Д. О методах консервации и реставрации руин архитектурных памятников по работам Кавказских экспедиций ИИИ АН СССР 1946–1947 гг. // РусАрх: электронная научная библиотека по истории древнерусской литературы. URL: <http://www.rusarch.ru/baranovsky4.htm> (дата обращения: 02.06.2025).

2. Бобров Ю.Г. Проблемы и философия современной реставрации памятников культуры: иллюзии и реальность // Сохранение культурного наследия: исследования и реставрация. Материалы II Международной конференции в рамках V Международного культурного форума (Санкт-Петербург, 1–3 декабря 2016 г.). СПб., 2018. С. 5–21.

3. Закон Республики Южная Осетия от 13 ноября 2012 года «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народа Республики Южная Осетия» // Южная Осетия. Республиканская общественно-политическая газета. URL: <https://ugo-osetia.ru/politika/ofitsialno/zakon-respubliki-yuzhnaya-osetiya-5?ysclid=m0cx6d21ji393869852> (дата обращения: 28.04.2025).

4. Лелеков Л.А. Проблемы теории и методологии реставрации // Реставрация памятников истории и культуры: обзорная информация. Вып. 2. М., 1986.

5. Макарова А.С. Теория реставрации культурных ценностей: к проблеме интерпретации противоречий // Культурное наследие России. 2021. № 1 (32). С. 16–20.

6. Материалы по археологии Кавказа, собранные экспедициями Московского археологического общества / под ред. и с предисл. гр. Уваровой. Вып. 4: [Христианские памятники графини Уваровой]. М., 1894.

7. Постановление Правительства «Об утверждении Положения о едином государственном реестре объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народа Республики Южная Осетия» от 2 апреля 2012 г. // АЛАНИЯинформ: информационное агентство [сайт]. URL: <http://alaniainform.org/34604-postanovlenie-pravitelstva-respubliki-yuzhnaya-osetiya.html> (дата обращения: 13.06.2025).

8. Постникова О.Н. К вопросу о сохранении и музеефикации архитектурных сооружений на территории городища Нимфей // Труды Государственного Эрмитажа: материалы юбилейных научных конференций, посвященных 50-летию Березанской археологической экспедиции, 75-летию Нимфейской археологической экспедиции Государственного Эрмитажа и 85-летию со дня рождения Н.Л. Грач (г. Санкт-Петербург, 23 января 2019 года). Т. 88. Перипл: от Борисфена до Боспора. СПб., 2017. С. 358–367.

9. Сланов А.А. Крепость «Зылды маэсыг (Круглая башня)» // Кавказ в системе культурных связей Евразии в древности и средневековье. XXX «Крупновские чтения»: материалы Международной научной конференции (Карачаевск, 22–29 апреля 2018 г.) / отв. ред. У.Ю. Кочкаров. Карачаевск, 2018. С. 258–260.

10. Церковь нуждается в срочном ремонте: настоятель Храма Святого Георгия отец Георгий о ее состоянии // Государственное информационное агентство «Рес». URL: <https://cominf.org/node/1166544856> (дата обращения: 02.06.2024).

Л.В. Цвейба

ЯЗЫКОВОЕ ПОВЕДЕНИЕ ЖИТЕЛЕЙ ГОРОДСКОЙ СРЕДЫ В УСЛОВИЯХ УРБАНИЗАЦИИ (на примере г. Сухума)

Языковое поведение жителей городской среды в полиэтническом обществе тесно связано с таким понятием, как урбанизационный процесс. В настоящее время темпы развития урбанизации увеличиваются всё больше, затрагивая практически все уголки земного шара и, изменяя городскую среду, оказывают влияние на языковое поведение людей.

Объектом нашего анализа является языковое поведение жителей городской среды. Это сферы использования языков, степень владения родным и вторым языками, желание улучшить знание родного языка, стремление изучать другие языки, практическое использование родного и неродного языков и т.д.

Влияние урбанизации на языковое поведение жителей Республики Абхазии изучалось на основе социолингвистического исследования, проведенного в 2024 г., в котором приняли участие 100 человек (42 % – мужчины, 58 % – женщины). Исследуемую совокупность составили горожане с высшим образованием, среди которых работники государственных учреждений, представители системы образования, здравоохранения, научного сообщества, интеллигенция (возрастной состав представлен в табл. 1). Анкета была составлена на абхазском и русском языках.

Таблица 1

Возрастные группы респондентов

20–29 лет	30–49 лет	50–59 лет	60+ лет
22 %	48 %	18 %	12 %

В силу разных исторических событий в XX в. население г. Сухума было разнородным, преимущественно этнически неабхазским. Доминирующим языком межнационального общения являлся русский язык. В советское время он стал первым языком для всех национальностей. Н.В. Багапш выделяет следующие основные причины такой ситуации:

1. Махаджирство, вызвавшее исход большей части абхазов в Турцию и приведшее к практически полному опустошению целых регионов, в частности Гумской Абхазии, в пределах которой расположен Сухум.

2. Царский запрет абхамам селиться в городах: несмотря на его отмену в 1907 г., многолетний запрет на поселение в городах именно в тот период,

когда они активно развивались и заселялись, эхом отразился на всей последующей этнодемографической истории Сухума.

3. Заселение Абхазии, сначала проводившееся российскими властями, а позже, в изменившихся политических реалиях, уже властями Грузинской Демократической Республики и советской Грузии.

4. Целенаправленная демографическая политика властей Советской Грузии, начиная с конца 1930-х гг., вызвавшая опережающий механический прирост именно грузинского населения города.

5. Сугубо аграрный характер абхазского общества в начале XX в.: абхазы не были вовлечены в товарно-денежные отношения и не занимались отхожими промыслами, что естественным образом ограничивало функциональную потребность в урбанизации этноса [3: 14–15].

Языковая ситуация в столице претерпела революционные изменения после Отечественной войны народа Абхазии 1992–1993 гг. В это время произошло тесное слияние местного городского населения с сельским. Н.В. Багапш пишет: «После войны, когда город покинула бóльшая часть неабхазского населения, в Сухуме пришли во взаимодействие две культурные страты абхазского этноса, связанные между собой не только общим этническим происхождением, но и непосредственными кровно-родственными связями. В то же время эти группы в целом характеризовались различным языковым поведением. Первая из них – *местные довоенные жители*, во многом встроенные в систему поликультурного советского русскоязычного города и являвшиеся его органичной частью; вторая – *выходцы из абхазского села*, в гораздо большей степени сохранившие естественные этнокультурные характеристики» [3: 118]. Далее, анализируя языковую ситуацию в городе, автор отмечает: «Подобное взаимодействие примерно равных по численности групп в условиях независимого абхазского государства могло бы привести к принятию первой группой языковых установок второй группы. Однако этого не случилось. Более того, в течение двух послевоенных десятилетий замечен обратный процесс» [3: 119].

Городская среда способствовала тому, что «культурное воспроизводство населения Сухума как сложившейся территориальной общности “устояло” под натиском эпохальных этнодемографических процессов послевоенного времени: активно мигрировавшее в город в последние два десятилетия абхазское сельское население в целом аккультурировано сложившимся языковым пространством столицы. Не сумев оказать на это пространство решающего влияния, эта группа населения во многом вынуждена была принять роль адаптирующейся» [3: 119].

Согласно переписи населения 2011 г., в г. Сухуме абхазы занимали и продолжают занимать первое место по численности (табл. 2).

Таблица 2

Национальный состав населения г. Сухума [1: 23–27]

Год	2011	2017	2018	2019	2020
Общая численность населения	62 914	64 640	65 168	65 439	65 530
абхазы	4 2342	43 503	43 858	44 042	44 102
русские	9 288	9 567	9 645	9 685	9 698
армяне	6 192	6 335	6 386	6 413	6 421
грузины	1 692	1 810	1 824	1 832	1 834
украинцы	697	711	717	720	721
белорусы	80	65	65	65	66
греки	645	646	652	654	655
мингрелы	58	65	65	65	66
осетины	215	194	196	196	197
татары	112	129	130	131	131
турки	217	194	196	196	197
цыгане	248	259	261	262	262
эстонцы	60	64	65	65	66
другие национальности	1 068	1 098	1 108	113	1 114

Данные нашего исследования подтверждают масштабы урбанизации в городской среде. 59 % опрошенных в детском и юном возрасте проживали в г. Сухуме, 13 % – в иных городах Абхазии, 27 % опрошенных – в сельской местности, 1 % – за пределами республики. 56 % живут в г. Сухуме с рождения, 4 % – около 10 лет, более 10 лет – 40 %.

Процессы урбанизации влияют как на ценностные ориентации, так и на языковое поведение носителей, в первую очередь, на отношение к использованию родного языка. Так, среди жителей городской среды (как уроженцев села, так и родившихся в городе) наблюдается разное языковое поведение. Как известно, среди абхазов, проживающих в городской среде, распространено двуязычие. При этом многие уроженцы сельской местности в условиях урбанизации склонны отдавать предпочтение изучению русского языка, что приводит к снижению уровня языковой компетенции в родном.

Важным показателем языкового поведения носителей является степень знания родного и второго языков. Так, думают и свободно говорят на абхазском языке – 68 %, 29 % – хорошо понимают, но говорят с затруднениями, 3 % – плохо понимают, не говорят.

Проследив данные по языковой компетенции (далее – ЯК) участников исследования разных возрастных категорий, можно заметить, что чем ниже возраст респондентов, тем выше процент переходящих из более высокой степени владения родным языком к более низкой (табл. 3).

Таблица 3

Языковая компетенция респондентов по возрастным категориям

ЯК	Возраст			
	20–29 лет	30–49 лет	50–59 лет	60+ лет
думают и свободно говорят	54,5 %	70,8 %	72,3 %	75 %
хорошо понимают, говорят с затруднениями	36,3 %	29,1 %	27 %	25 %
плохо понимают, не говорят	9,09 %	0 %	0 %	0 %

Однако ответ на вопрос «Какой язык Вы считаете своим родным языком?» убеждает в том, что абхазский язык в сознании абхазов занимает прочную позицию. Абсолютное большинство (94 %) считают его родным (табл. 4). При этом русским языком владеют 100 % опрошенных.

Таблица 4

Родной язык для городского населения

абхазский	русский	абхазский и русский	не указано
94 %	3 %	2 %	1 %

Сегодня урбанизация в г. Сухуме больше способствует формированию русского моноязычия или двуязычия с доминированием русского языка. Ответы респондентов на вопрос, на каком языке им легче излагать свои мысли, показывают, что большинство проживающих в современном городе, мыслят на русском языке (38 %). Только 20 % горожан легче излагают мысли на родном языке, 41 % – одновременно на абхазском и русском языках.

Другим примером определенного воздействия городской среды на языковое поведение людей является приверженность к национальной культуре. Ответы показали, что из средств массовой информации наибольшей популярностью пользуется абхазское телевидение, которое регулярно смотрят 39 % опрошенных. Вдвое меньше постоянно слушающих абхазское радио (19 %). Результаты анкетирования выявили относительно невысокий процент часто читающих абхазскую литературу (художественную – 22 % и периодическую – 15 %), слушающих абхазские песни (18 %), посещающих абхазский театр (34 %) (табл. 5).

Таблица 5

Интерес респондентов к абхазоязычным СМИ, художественной литературе, абхазскому театру

Проявления интереса	всегда	иногда	никогда
слушают абхазское радио	19 %	58 %	23 %
смотрят абхазское телевидение	39 %	57 %	6 %
читают абхазские газеты и журналы	15 %	59 %	26 %
читают абхазскую художественную литературу	22 %	66 %	12 %
слушают абхазские песни	18 %	70 %	12 %
посещают абхазский театр	34 %	62 %	4 %

Большое влияние оказывает урбанизация и на реализацию коммуникативной функции языка. Горожане в семье, наряду с родным, часто используют русский язык (30 %) или оба языка (10 %).

Такая же ситуация наблюдается и в отношениях респондентов со своими родственниками. Если с представителями старшего поколения общение происходит преимущественно на абхазском языке, то между собой и младшими членами родственных коллективов общение на абхазском языке резко сокращается. Однако, по данным исследования, в большинстве трехпоколенных семей (бабушки/дедушки – родители – дети) доминирующим языком семейного общения является абхазский язык (табл. 6).

Таблица 6

Использование языков в сфере семейного общения

Члены родственного коллектива	абхазский	русский	абхазский и русский	нет
дедушка	55 %	5 %	1 %	39 %
бабушка	59 %	5 %	3 %	33 %
отец	58 %	24 %	8 %	10 %
мать	64 %	21 %	10 %	5 %
сестра	43 %	28 %	14 %	15 %
брат	47 %	27 %	11 %	15 %
муж/жена	25 %	24 %	12 %	39 %
ребенок	40 %	17 %	13 %	30 %

В кругу друзей в условиях города используется главным образом русский язык (53 %). Кроме того, 19 % общаются с друзьями на абхазском и русском языках. Общение на абхазском языке происходит у 27 % городских жителей. Наши данные показывают, что в современном городе абхазский язык уступает русскому и в общении с соседями. 38 % горожан чаще говорят на русском, 26 % – на абхазском и русском, 36 % – общаются с соседями на абхазском. В трудовой сфере также чаще используется русский язык. 51 % говорят на работе на русском, 27 % – на абхазском, 21 % – на абхазском и русском (табл. 7). Это объясняется тем, что основным рабочим языком государственных учреждений является русский язык, который, согласно статье 6 Конституции Республики Абхазия, «наряду с абхазским, признается языком государственных и других учреждений» [4: 153].

Таблица 7

Языки, наиболее часто используемые в общении

	абхазский	русский	абхазский и русский	другое
с соседями	36 %	38 %	26 %	0 %
с друзьями	27 %	53 %	19 %	1 %
с коллегами	27 %	51 %	21 %	1 %

Социолингвистическое исследование, проведенное в государственных административных учреждениях г. Сухума, показало, что абхазский язык не является основным языком для работников (абхазский – 24%, русский – 50,7 %, абхазский и русский – 25,3 % [6]. Таким образом, русский язык выступает главным, а иногда единственным средством коммуникации с коллегами.

Данные другого исследования, проведенного в г. Сухуме среди горожан, свободно говорящих и думающих на абхазском, выявили более высокий процент использования родного языка в вышеуказанных сферах. Однако и среди данной категории в различных ситуациях общения наблюдается как преобладание двуязычия, так и доминирование русского языка [2].

Процессы урбанизации оказывают большое влияние и на язык семейного воспитания. Как свидетельствуют результаты наших исследований, основным языком воспитания являются абхазский или абхазский и русский языки. В общей сложности 17 % городских жителей говорят с детьми на русском языке. При этом абсолютное большинство опрошенных считают, что их дети должны знать абхазский язык. Это подтверждается и ответами на вопрос о языковых предпочтениях родителей для своих детей (табл. 8).

Таблица 8

Основные языки семейного воспитания

Язык	Доля опрошенных
абхазский	46 %
русский	0 %
абхазский и русский	17 %
абхазский, русский, английский	23 %
абхазский, русский, другой (турецкий, китайский, французский, испанский)	14 %

Данные исследования позволяют сделать вывод, что урбанизированная среда способствует распространению двуязычия в сфере семейного воспитания. В современных абхазских городских семьях 43 % опрошенных общаются на двух языках. Родной язык является языком семейного общения для 46 % горожан, 11 % чаще всего говорят в семье на русском языке.

Исследования, проведенные в детских садах и начальных классах абхазской школы Нового района г. Сухума где проживает большая часть урбанизированных абхазских семей, показывают, что городская среда оказывает существенное влияние на языковое поведение носителей. Во многих семьях, где оба родителя владеют родным языком, доминирующим средством общения становится русский (табл. 9).

Таблица 9

Степень владения родным языком (РЯ) среди детей дошкольного и младшего школьного возраста 2016–2023гг. [5: 47].

Образовательное учреждение		ДОУ «Ласточка»		ДОУ «Родничок»		ДОУ «Улыбка»		ДОУ «Гунда»		СШ № 5	
год		2017	2023	2016	2023	2016	2023	2016	2023	2017	2023
Степень владения РЯ*	1	45 %	25 %	33 %	36 %	23 %	23 %	19 %	33 %	50 %	48 %
	2	30 %	35 %	22 %	32 %	56 %	29 %	54 %	38 %	36 %	37 %
	3	7 %	5 %	38 %	15 %	12 %	25 %	17 %	9 %	12 %	13 %
	4	18 %	20 %	7 %	17 %	9 %	20 %	10 %	15 %	2 %	2 %

* Примечание: 1 – думают и свободно говорят; 2 – хорошо понимают, говорят с затруднениями; 3 – плохо понимают, не говорят; 4 – не понимают, не говорят.

Данные социолингвистических исследований подтверждают, что урбанизационные процессы способствуют распространению русского, сокращая область применения абхазского языка. 26 % опрошенных считают, что не владение родным языком не вызывает никаких трудностей. Однако почти половина респондентов отметили, что, не зная абхазского языка, невозможно ощутить себя частью абхазского общества. 37 % связывают трудности с обучением в абхазской школе, 10 % – с трудоустройством и 8 % – с поступлением в высшее учебное заведение (табл. 10).

Таблица 10

Сложности, связанные с невлаждением родным (абхазским) языком

сложно ощутить себя частью абхазского общества	49 %
сложно учиться в абхазской школе	37 %
сложно поступить в высшее учебное заведение	8 %
сложно устроиться на работу	10 %
нет сложностей	26 %

Социолингвистические исследования, проведенные в городах и сёлах Абхазии, подтверждают, «что для большинства абхазов абхазский язык является языком села, а русский язык – языком города» [7: 261]. Данная тенденция при нынешних масштабах урбанизации несет угрозу угасания родного языка. Укрепление абхазского села и создание абхазоязычной городской среды, как отмечает В.А. Чирикба, это две стратегические сверхзадачи, которые «спасут абхазский язык от затухания и позволят ему укрепить свои позиции» [8: 19]. Для этого нужно, чтобы абхазский язык был востребован во всех сферах жизни, что требует усилий как со стороны государства, так и каждого представителя общества.

Источники и литература

1. Абхазия в цифрах за 2019 год: официальное издание. Сухум, 2020.
2. Ахуба А.З., Цвейба Л.В. Об определении основного языка при двуязычии (на абхаз. яз., в печати).
3. Багатиш Н.В. Этнодемографические процессы в Сухуме (конец XIX – начало XXI вв.). Сухум, 2017.
4. Конституции Абхазии XX век: документы по политической истории Абхазии Вып. 2 / ред. В.А. Чирикба, сост. Т.А. Шанава, А.Ш. Хашба, С.З. Возба. Сухум, 2015.
5. Цвейба Л.В. Состояние абхазского языка в новом районе города Сухум (на основе исследований, проведенных в детских садах и школах) (на абхаз. яз.) // Вестник Академии наук Абхазии. Сер.: Гуманитарные науки. № 14. Сухум, 2024. С. 44–52.

6. Цвейба Л.В. О проблемах использования абхазского языка в государственных учреждениях (по результатам исследования, проведенного в г. Сухум) (на абхаз. яз., в печати).

7. Цвейба Л.В., Ахуба А.З. Языковая компетенция и ценностные ориентации абхазов в условиях глобализации (по результатам социолингвистических исследований) // Клычевские чтения – 2024: материалы международной научно-практической конференции. Карачаевск, 2024. С. 258–266.

8. Чирикба В.А. Развитие абхазского языка в условиях полиэтнического общества: вызовы и перспективы. Сухум, 2012.

Сведения об авторах

Абазов Алексей Хасанович – д-р ист. наук, доцент (Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук», Нальчик)

Абдусаламов Магомед-Паши Балашович – д-р ист. наук, доцент (Дагестанский государственный университет народного хозяйства, Махачкала)

Авдеев Евгений Александрович – канд. филос. наук (Северо-Кавказский федеральный университет, Ставрополь)

Авидзба Аслан Фазлыбеевич – д-р ист. наук, профессор (Абхазский институт гуманитарных исследований им. Д.И. Гулиа Академии наук Абхазии, Сухум)

Аганов Андрей Анатольевич – канд. ист. наук (Донской государственный технический университет, Ростов-на-Дону)

Аракчиев Даниил Зейнуллаевич (Таллинская Лиллекюлаская гимназия, Таллин)

Асатрян Анна Григорьевна – д-р иск., профессор (Институт искусств Национальной академии наук Республики Армения, Ереван)

Ашуба Арда Енверович – канд. филол. наук, доцент (Абхазский институт гуманитарных исследований им. Д.И. Гулиа Академии наук Абхазии, Сухум)

Багатиш Нури Валериевич – канд. геогр. наук, доцент (Абхазский институт гуманитарных исследований им. Д.И. Гулиа Академии наук Абхазии; Абхазский государственный университет, Сухум)

Багаутдинов Сапиюлла Магомедович – независимый исследователь (Махачкала)

Байрамкулова Аминат Ахматовна – канд. ист. наук, доцент (Карачаево-Черкесский республиканский ордена «Знак Почета» институт гуманитарных исследований им. Х.Х. Хапсирокова, Черкесск)

Баранов Андрей Владимирович – д-р ист. наук, д-р полит. наук, профессор (Кубанский государственный университет, Краснодар)

Башимаков Игорь Станиславович – канд. полит. наук, доцент (Кубанский государственный университет», Краснодар)

Бегуев Сулейман Ахьятьевич (Чеченский государственный университет им. А.А. Кадырова, Грозный)

Березутская Анастасия Алексеевна (Северо-Кавказский федеральный университет, Ставрополь)

Бесолова Елена Бутусовна – д-р филол. наук, профессор (Северо-Осетинский институт гуманитарных и социальных исследований им. В.И. Аббаева Владикавказского научного центра Российской академии наук, Владикавказ)

Боголюбов Александр Александрович – д-р гуманитарных наук в области новейшей истории, независимый исследователь (Пятигорск)

Бредихин Сергей Николаевич – д-р филол. наук, профессор (Северо-Кавказский федеральный университет, Ставрополь)

Васьков Максим Александрович – д-р соц. наук, канд. ист. наук (Институт социологии и регионоведения Южного федерального университета, Ростов-на-Дону)

Венков Андрей Вадимович – д-р ист. наук, профессор (ЮНЦ РАН, Ростов-на-Дону)

Веремейчик Максим Александрович (Белорусский государственный университет, Минск)

Виноградова Елена Валерьевна – д-р юрид. наук, профессор (Институт государства и права РАН, Москва)

Возба Саида Зурабовна – канд. ист. наук, доцент (Абхазский институт гуманитарных исследований им. Д.И. Гулиа Академии наук Абхазии, Сухум)

Гапуров Шахрудин Айдиевич – д-р ист. наук, профессор (Чеченский государственный университет им. А.А. Кадырова, Академия наук Чеченской Республики, Грозный)

Гассиева Мадина Александровна – канд. филос. наук, доцент (Юго-Осетинский научно-исследовательский институт им. З.Н. Ванеева при Президенте Республики Южная Осетия, Цхинвал)

Гегия Елена Геннадиевна (Абхазский Институт гуманитарных исследований им. Д.И. Гулиа Академии наук Абхазии, Сухум)

Гончарова Татьяна Евгеньевна (Институт языка, литературы и истории Федерального исследовательского центра «Коми научный центр Уральского отделения Российской академии наук», Сыктывкар)

Горюшина Евгения Михайловна – канд. полит. наук (Центр комплексных европейских и международных исследований Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (ЦКЕМИ НИУ ВШЭ), Институт Китая и современной Азии Российской академии наук (ИКСА РАН), Москва)

Гриценко Галина Дмитриевна – д-р филос. наук, профессор (ЮНЦ РАН, Ставрополь)

Гудимова Ольга Анатольевна (Карачаево-Черкесский республиканский ордена «Знак Почета» институт гуманитарных исследований им. Х.Х. Хапсирокова, Черкесск)

Гучетль Зухра Хачмафовна – канд. соц. наук (Адыгейский республиканский институт гуманитарных исследований им. Т.М. Керашева, Майкоп)

Дбар Мрана Гивиевна (Абхазский институт гуманитарных исследований им. Д.И. Гулиа Академии наук Абхазии, Сухум)

Джапуа Зураб Джотович – д-р филол. наук, профессор (Академия наук Абхазии, Сухум)

Джумагулова Айгуль Темерхановна – канд. ист. наук (Пятигорский государственный университет, Пятигорск)

Дзыба Айшат Хамидовна – канд. филол. наук, доцент (Карачаево-Черкесский республиканский ордена «Знак Почета» институт гуманитарных исследований им. Х.Х. Хапсирокова, Черкесск)

Дугинец Светлана Михайловна – канд. ист. наук (Северо-Кавказский федеральный университет, Ставрополь)

Дудайти Альберт Константинович – д-р ист. наук, профессор (Северо-Осетинский государственный университет им. К.Л. Хетагурова, Владикавказ)

Еремеева Анна Натановна – д-р ист. наук, профессор (Южный филиал Российского научно исследовательского института культурного и природного наследия им. Д.С. Лихачева, Краснодар)

Жеребцов Игорь Любомирович – д-р ист. наук (Институт языка, литературы и истории Федерального исследовательского центра «Коми научный центр Уральского отделения Российской академии наук», Сыктывкар)

Зозуля Игорь Викторович – канд. юрид. наук, канд. ист. наук, доцент (Северо-Кавказский федеральный университет, Ставрополь)

Иванова Светлана Юрьевна – д-р филос. наук, профессор (Северо-Кавказский федеральный университет, Ставрополь)

Камкия Беслан Астамурович – канд. филос. наук, доцент (Абхазский государственный университет, Сухум)

Камкия Фатима Гурамовна – канд. юрид. наук (Институт экономики и права Академии наук Абхазии, Сухум)

Картоев Магомет Мусаевич (Ингушский научно-исследовательский институт гуманитарных наук им. Ч.Э. Ахриева, Назрань)

Касландзия Наала Валерьевна – д-р ист. наук, доцент (Абхазский государственный университет, Сухум)

Кидирнязов Даниял Сайдахмедович – д-р ист. наук, профессор (Институт истории, археологии и этнографии Дагестанского федерального исследовательского центра Российской академии наук, Махачкала)

Кирчанов Максим Валерьевич – д-р ист. наук, доцент (Воронежский государственный университет, Воронеж)

Клочков Олег Борисович – канд. ист. наук, доцент (Кубанский государственный университет, филиал в г. Славянске-на-Кубани, Славянск-на-Кубани)

Клычников Юрий Юрьевич – д-р ист. наук, профессор (Пятигорский государственный университет, Пятигорск)

Кокова Элина Асламовна (Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова, Нальчик)

Кокорхоева Дугурхан Султангиреевна – канд. ист. наук, доцент (Ингушский государственный университет, Назрань)

Колесникова Марина Евгеньевна – д-р ист. наук, профессор (Гуманитарный институт Северо-Кавказского федерального университета, Ставрополь)

Колозов Даниил Павлович (Кубанский государственный университет, Краснодар)

Колосовская Татьяна Александровна – д-р ист. наук, доцент (Северо-Кавказский федеральный университет, Ставрополь)

Коробкина Ирина Александровна – канд. ист. наук, доцент (Северо-Кавказский федеральный университет, Ставрополь)

Красовицкая Тамара Юсуфовна – д-р ист. наук, профессор (Институт российской истории Российской академии наук, Москва)

Кратова Наталья Васильевна – канд. ист. наук, доцент (Карачаево-Черкесский республиканский ордена «Знак Почета» институт гуманитарных исследований им. Х.Х. Хапсирокова, Черкесск)

Кринко Евгений Федорович – д-р ист. наук, доцент (ЮНЦ РАН, Ростов-на-Дону)

Кузьминов Петр Абрамович – д-р ист. наук, профессор (Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова, Нальчик)

Кулиш Наталья Юрьевна (Государственный архив Ростовской области, Ростов-на-Дону)

Курмансеитова Аминат Хасановна – канд. ист. наук (Карачаево-Черкесский республиканский ордена «Знак Почета» институт гуманитарных исследований им. Х.Х. Хапсирокова, Черкесск)

Кускарова Ольга Ивановна – канд. соц. наук (Адыгейский республиканский институт гуманитарных исследований им. Т.М. Керашева, Майкоп)

Малышева Елена Михайловна – д-р ист. наук, профессор (Адыгейский государственный университет, Майкоп)

Мамсиров Хамитбий Борисович – д-р ист. наук, профессор (Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова, Нальчик)

Матиев Тимур Хусенович – д-р ист. наук (Ингушский государственный университет, Назрань)

Медвенский Николай Игоревич (Абхазский институт гуманитарных исследований им. Д.И. Гулиа Академии наук Абхазии, Сухум)

Морозова Ольга Михайловна – д-р ист. наук, профессор (Донской государственный технический университет, Ростов-на-Дону)

Мусаева Салихат Ибрагимовна – д-р ист. наук, профессор (Дагестанский государственный университет, Махачкала)

Оборский Евгений Юрьевич – канд. ист. наук (Северо-Кавказский федеральный университет, Ставрополь)

Осмаев Аббаз Догиевич – д-р ист. наук, доцент (Чеченский государственный университет им. А.А. Кадырова, Комплексный научно-исследовательский институт им. Х.И. Ибрагимова Российской академии наук, Грозный)

Пантюхина Татьяна Викторовна – канд. ист. наук, доцент (Северо-Кавказский федеральный университет, Ставрополь)

Плотников Дмитрий Сергеевич – канд. полит. наук (Пермский государственный национальный исследовательский университет, Пермь)

Полещук Алиса Валерьевна (Северо-Кавказский федеральный университет, Ставрополь)

Попов Владимир Александрович (Дума Ставропольского края, Ставрополь)

Попова Антонина Анатольевна (Ростовская-на-Дону городская централизованная библиотечная система, Ростов-на-Дону)

Пурен Кристина Александровна (Институт Китая и современной Азии Российской академии наук; Институт развития интеграционных процессов Всероссийской академии внешней торговли, Москва)

Рябиков Александр Николаевич – канд. ист. наук, доцент (Кубанский государственный университет, филиал в г. Славянске-на-Кубани, Славянск-на-Кубани)

Сангулия Элисо Вячеславовна – канд. ист. наук (Абхазский институт гуманитарных исследований им. Д.И. Гулиа Академии наук Абхазии, Сухум)

Сихарулидзе Арчил Теймуразович (Научно-исследовательский центр SIKHA Foundation, Тбилиси)

Скворцова Нино Автандиловна (Научно-исследовательский центр SIKHA Foundation, Тбилиси)

Скорик Александр Павлович – д-р ист. наук, д-р филос. наук, профессор (Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ) им. М.И. Платова, Новочеркасск)

Скрипкин Роман Дмитриевич (Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова, Нальчик)

Соловьева Наталья Георгиевна – канд. ист. наук, доцент (Карачаево-Черкесский ордена «Знак Почета» институт гуманитарных исследований им. Х.Х. Хапсирокова, Черкесск)

Студеникин Александр Львович – канд. ист. наук (Абхазский институт гуманитарных исследований им. Д.И. Гулиа Академии наук Абхазии, Сухум)

Султанбеков Рабадан Магомедович – канд. ист. наук, доцент (Дагестанский государственный педагогический университет им. Р. Гамзатова, Махачкала)

Тарханова Жанна Давыдовна (Северо-Осетинский государственный университет им. К.Л. Хетагурова, Владикавказ)

Татаринов Игорь Евгеньевич – канд. ист. наук, доцент (Луганский государственный университет имени Владимира Даля, Луганск)

Татаров Азамат Амурович – канд. ист. наук (Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова, Нальчик)

Текеев Ильяс Расулович (Северо-Кавказский федеральный университет, Ставрополь)

Текеев Сослан Османович (Карачаево-Черкесский государственный университет имени У.Д. Алиева, Карачаевск)

Терещенко Елена Анатольевна – канд. юрид. наук, доцент (Юридический институт Северо-Кавказского федерального университета, Ставрополь)

Тимошенко Алиса Анатольевна – канд. иск. (Российский институт истории искусств, Санкт-Петербург)

Ткаченко Дмитрий Сергеевич – д-р ист. наук, доцент (Северо-Кавказский федеральный университет, Ставрополь)

Токов Мурат Алибекович (Карачаево-Черкесский государственный университет имени У.Д. Алиева, Карачаевск)

Токова Астанда Руслановна – канд. филол. наук, доцент (Карачаево-Черкесский государственный университет имени У.Д. Алиева, Карачаевск)

Трофимов Максим Сергеевич – канд. юрид. наук, доцент (Северо-Кавказский федеральный университет, Ставрополь)

Тумов Аскер Асланбекович – канд. ист. наук (Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова, Нальчик)

Тхамокова Ирина Хасановна – канд. ист. наук (Институт гуманитарных исследований Федерального научного центра «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук», Нальчик)

Фаузер Виктор Вильгельмович – д-р экон. наук, профессор (Институт социально-экономических и энергетических проблем Севера Федерального исследовательского центра «Коми научный центр Уральского отделения Российской академии наук», Сыктывкар)

Фаузер Галина Николаевна (Институт социально-экономических и энергетических проблем Севера Федерального исследовательского центра «Коми научный центр Уральского отделения Российской академии наук», Сыктывкар)

Федина Ирина Михайловна – д-р ист. наук, доцент (Кубанский государственный университет, Краснодар)

Хаджиева Мадина Хамитовна – канд. ист. наук, доцент (Карачаево-Черкесский ордена «Знак Почета» институт гуманитарных исследований им. Х.Х. Хапсирокова, Карачаевск)

Хубулова Светлана Алексеевна – д-р ист. наук, профессор (Северо-Кавказский институт – филиал Российской академии государственной службы, Пятигорск)

Цвейба Любовь Валерьевна (Абхазский институт гуманитарных исследований им. Д.И. Гулиа Академии наук Абхазии, Сухум)

Чакветадзе Гульнара Владимировна – канд. ист. наук (Служба государственной безопасности Республики Абхазия, Сухум)

Чедия Анри Робертович – канд. ист. наук (Институт востоковедения Российской академии наук, Москва)

Чкок-Эшба Эльвира Михайловна (Абхазский институт гуманитарных исследований им. Д.И. Гулиа Академии наук Абхазии, Сухум)

Чотчаев Дахир Дзансохович (Карачаево-Черкесский государственный университет имени У.Д. Алиева, Черкесск)

Шафранова Ольга Ивановна – канд. ист. наук, доцент (Гуманитарный институт Северо-Кавказского федерального университета, Ставрополь)

Шишкин Борис Андреевич (Северо-Кавказский федеральный университет, Ставрополь)

Эльбуздукаева Тамара Умаровна – д-р ист. наук, доцент (Чеченский государственный педагогический университет, Академия наук Чеченской Республики, Грозный)

Яхутль Юрий Асланбиевич – д-р ист. наук, доцент (Кубанский государственный университет, Краснодар)

Содержание

Приветствия	10
Раздел 1. Современное кавказоведение от истоков к современным проблемам: подходы, оценки, источники	
<i>Колесникова М.Е.</i> Кавказоведение и его роль в процессах формирования научного пространства Кавказа (вторая половина XVIII – начало XXI в.): историографический аспект	17
<i>Чедия А.Р.</i> Восточное Причерноморье и Западный Кавказ на карте Хаджи Халифе Кятиба Челеби	24
<i>Кузьминов П.А., Кокова Э.А.</i> Картографические практики А. Бековича-Черкасского	32
<i>Картоев М.М.</i> Ареал расселения ингушских обществ в XVIII в. по материалам русских картографических и письменных источников	40
<i>Ткаченко Д.С.</i> Военное ведомство в разведке территорий российского Кавказа и прилегающих к нему земель в первой половине XIX в.	47
<i>Колосовская Т.А.</i> Как военная история Кавказа обрела своего летописца: неизвестный эпизод служебной биографии В.А. Потто	54
<i>Кирчанов М.В.</i> Вклад Н. Марра и И. Кипшидзе в воображение и конструирование периферийных регионов Закавказья в 1900–1910-е гг.: между имперской моделью знания и грузинским национализмом	61
<i>Султанбеков Р.М.</i> Отчет академика Д.Н. Анучина о поездке по Даргинскому округу как источник по социально-экономической истории даргинцев	69
<i>Пантюхина Т.В.</i> Большой Кавказ рубежа XIX–XX вв. в восприятии английской путешественницы	75
<i>Оборский Е.Ю.</i> Возможности применения концепции «социального пространства» А. Лефевра к изучению повседневной жизни городов Кавказских Минеральных Вод в 1920–1930-е гг.	81
<i>Кулиш Н.Ю.</i> «Раскрепощенная» черкешенка: портреты строителей новой жизни в Адыгее (по материалам бюллетеня Адыгоргбюро РКП(б), Адыгоблисполкома и Адыгоблплана за 1925 г.)	86
<i>Татаров А.А.</i> Саморефлексия в англоязычной историографии Второй мировой войны: проблема советско-германского фронта	89

Тимошенко А.А. Музыкальное кавказоведение в Российском институте истории искусств (органологические исследования)	93

Раздел 2. Политическое и социально-экономическое развитие Кавказа в XVIII–XXI вв.

Абазов А.Х. Некоторые особенности становления и развития институтов российской государственности на Центральном Кавказе на рубеже XVIII–XIX вв.	100
Клычников Ю.Ю., Рябиков А.Н. «Не достигли мы однако ж в пределах той части империи нашей тишины и безопасности...»: Крымское ханство и Северный Кавказ в политике Екатерины II	105
Багаутдинов С.М., Абдусаламов М.-П.Б. К вопросу о происхождении кайтагских уцмиев	112
Скрипкин Р.Д. Эволюция систем земледелия в Нальчикском округе Терской области во второй половине XIX – начале XX в.	116
Текеев С.О. К истории Каракентской угольной копи на территории Карачаево-Черкесии в XIX в.	123
Дугинец С.М., Полещук А.В. Сельскохозяйственные выставки 1850–1860-х гг. как один из факторов развития Ставропольской губернии	127
Боголюбов А.А. Военная и социально-экономическая деятельность поляков в Абхазии в XIX – начале XX в.	132
Морозова О.М. Криминальные события времен Азербайджанской Демократической Республики в 1918–1920 гг.	136
Джумагулова А.Т. Советизация землепользования: политика седентаризации ногайского населения в контексте земельно-водной реформы Дагестанской АССР (1920–1930-е гг.)	143
Аганов А.А. Деятельность Северо-Кавказского краевого отделения Общества бывших политкаторжан и ссыльнопоселенцев (по материалам Государственного архива Ростовской области)	151
Авидзба А.Ф. В.Г. Ардзинба – выдающийся абхазский государственный деятель	156
Дбар М.Г. Эпизод из дипломатической деятельности В.Г. Ардзинба (на примере Московской встречи 3 сентября 1992 г.)	164
Багаши Н.В. Этнодемографическая история Ткуарчала (1939–2024 гг.)	169
Чакветадзе Г.В. К вопросу о деятельности национальных общин Республики Абхазии	177

Раздел 3. Национальная политика и этнокультурные преобразования на Кавказе в советский период

<i>Яхутль Ю.А.</i> Политические предпосылки обретения национальной автономии северо-западными адыгами в 1917–1920 гг.	184
<i>Бегуев С.А.</i> Стремление народов Северного Кавказа к национальному и политическому самоопределению в 1917–1918 гг.	190
<i>Байрамкулова А.А.</i> Становление Карачаево-Черкесской автономной области: этапы и особенности	196
<i>Хубулова С.А.</i> К вопросу о политике «коренизации» в СССР	202
<i>Баранов А.В.</i> Создание и развитие Шапсугского национального района в контексте этнополитики «коренизации» (1920-е гг.)	210
<i>Кокорхоева Д.С.</i> Ликвидация неграмотности молодежи в автономиях Северного Кавказа в условиях начала коллективизации (1927–1929 гг.)	218
<i>Тхамокова И.Х.</i> Нальчик и развитие образования в Кабардино-Балкарии в 1920–1930-е гг.	224
<i>Попова А.А.</i> Деятельность донских писателей по сбору и сохранению фольклора горских народов в середине 1930-х гг.	231
<i>Чекалов П.К.</i> К вопросу становления писательской организации в Карачаево-Черкесской автономной области в конце 1950-х – 1960-е гг. (по материалам Государственного архива Карачаево-Черкесской Республики)	235
<i>Студеникин А.Л.</i> Лица советской эпохи: портрет служащих Абхазского банка	241
<i>Хаджиева М.Х.</i> Детская одежда как отражение социально-экономического развития страны в период «оттепели»	249

Раздел 4. Современный Кавказ: между традициями и модернизацией

<i>Виноградова Е.В., Трофимов М.С.</i> Правовое регулирование вопросов информационной безопасности и противодействия угрозам в информационной сфере в документах стратегического планирования государств Кавказского региона	255
<i>Бредихин С.Н., Шишкин Б.А.</i> Диалогизирующий потенциал сетевого комментативного дискурса Северного Кавказа	265
<i>Гапуров Ш.А., Эльбуздукаева Т.У.</i> Тенденции и перспективы внешнеполитических процессов в Чеченской Республике в начале XXI в.	271

<i>Сихарулидзе А.Т., Скворцова Н.А.</i> «Европейская Грузия» и «Настоящая Армения»: паттерны модернизации на Южном Кавказе	277
<i>Плотников Д.С.</i> Трансформация внешнеполитической стратегии Армении после карабахских войн 2020 и 2023 гг.	283
<i>Фаузер В.В., Жеребцов И.Л., Фаузер Г.Н., Гончарова Т.Е.</i> Национальные республики Севера России и Северного Кавказа	290
<i>Кратова Н.В.</i> Развитие мусульманской уммы в Карачаево-Черкесии в конце 80-х гг. XX в. – первой четверти XXI в.	299
<i>Гучетль З.Х., Кускарова О.И.</i> Об этнокультурных потребностях населения Республики Адыгеи: между традициями и модернизацией (на материале социологического исследования)	306
<i>Башмаков И.С., Колозов Д.П.</i> Гражданская активность казачьих обществ в целях развития местных территорий и сохранения традиционных ценностей в Краснодарском крае: основные практики и технологии	313
<i>Тумов А.А.</i> Ценностные конфликты в молодежной среде Северного Кавказа: результаты фокус-группового исследования	317
<i>Касландзия Н.В., Гучетль З.Х.</i> Женщина в современном обществе: взгляд молодежи Республики Абхазии (на материалах социологического исследования)	322
<i>Терещенко Е.А.</i> Формирование национального образовательного пространства как фактор обеспечения государственного суверенитета	328
<i>Токова А.Р.</i> Роль этнической журналистики в обеспечении преемственности культуры и консолидации общества в рамках единого информационного пространства	333

Раздел 5. Проблемы региональной безопасности и вооруженные конфликты на Кавказе

<i>Мусаева С.И.</i> Борьба великих держав за влияние на Кавказе (на материалах Дагестана)	338
<i>Венков А.В., Мамсиров Х.Б.</i> Прокси-фактор в боевых действиях на Кавказе в XVI–XIX вв.	345
<i>Курмансеитова А.Х.</i> Проект генерал-майора И.П. Дельпоцо о строительстве Баталпашинского участка Кавказской линии	351
<i>Скорик А.П., Федина И.М.</i> Крепость Анапа Черноморской береговой линии в годы Крымской войны (по рапортам генерала М.Г. Хомутова)	357

<i>Клочков О.Б.</i> Организация российского военного присутствия в Абхазии и охраны ее побережья в первой трети XIX в.	365
<i>Зозуля И.В., Березутская А.А.</i> Правоохранительные органы Северного Кавказа в экстремальных условиях военного лихолетья Первой и Второй мировых войн.....	369
<i>Мальшишева Е.М.</i> Государственные меры по мобилизации ресурсов республик Северного Кавказа в 1941–1943 гг.	375
<i>Матиев Т.Х.</i> Оборонительные действия 9-й советской армии на вознесенском участке в начале сентября 1942 г.	381
<i>Медвенский Н.И.</i> Оборонительные бои советской авиации в предгорьях и над перевалами западной части Главного Кавказского хребта в 1942–1943 гг.	388
<i>Татаринов И.Е.</i> Битва за Кавказ: подвиг старшины 723-го стрелкового полка Леонтия Кондратьева в бою у высоты 403.3.....	398
<i>Осмаев А.Д.</i> Награды бойцов и командиров РККА из Чечено-Ингушской АССР в Великой Отечественной войне по данным сайта «Подвиг народа».....	403
<i>Васьков М.А.</i> Украинские националисты в войне против Абхазии в 1990-х гг.: политико-идеологический аспект	411
<i>Коробкина И.А.</i> Миссия по наблюдению ООН в Грузии: участие миротворцев в урегулировании грузино-абхазского конфликта.....	416
<i>Дудайти А.К., Тарханова Ж.Д.</i> Информационные войны и конфликтогенез на Кавказе: роль медиа в эскалации и деэскалации насилия	421

Раздел 6. Проблемы исторической памяти и идентичности

<i>Горюшина Е.М.</i> Между наследием империй и современной политикой памяти: соперничество за Кавказ.....	428
<i>Гудимова О.А.</i> Исторические песни адыгов и кубанских казаков – народная память о событиях Кавказской войны	433
<i>Ашуба А.Е., Дзыба А.Х.</i> Феномен исторической памяти в художественном сознании абхазской и абазинской прозы XX в.	440
<i>Кринко Е.Ф.</i> Великая Отечественная война в исторической памяти современных государств Кавказа	447
<i>Веремейчик М.А.</i> Советское прошлое в политике памяти Грузии (1991–2018 гг.)	455

<i>Гриценко Г.Д.</i> Конфессиональная идентичность с гражданско-патриотической направленностью в полиэтничном обществе	460
<i>Иванова С.Ю.</i> Память о Великой Отечественной войне как фактор интеграции народов Северного Кавказа: опыт празднования юбилея 80-летия Победы	465
<i>Пурен К.А.</i> Символическое пространство Южной Осетии (на основе полевых исследований)	472
<i>Возба С.З.</i> Роль женщин в Отечественной войне народа Абхазии: по материалам устной истории.....	477
<i>Гегия Е.Г.</i> Об исторической памяти современной Абхазии: на примере событий национально-освободительного движения второй половины XX в.	483
<i>Авдеев Е.А.</i> Российские цивилизационные основания образа будущего: представления молодежи Северного Кавказа	488

Раздел 7. Кавказ как пространство диалога культур

<i>Джапуа З.Д.</i> Об абхазском эпическом сказительстве	496
<i>Попов В.А., Шафранова О.И.</i> Терское казачество в диалоге культур народов Северного Кавказа	502
<i>Камкия Б.А., Камкия Ф.Г.</i> Нартский эпос абхазов как памятник права	507
<i>Соловьева Н.Г.</i> Традиционная семья кубанских казаков в культурном пространстве Карачая и Черкесии на рубеже XIX–XX вв.	514
<i>Сангулия Э.В.</i> Обряд послесвадебного цикла вывода невестки к роднику в системе абхазо-абазинских свадебных обрядов	521
<i>Кидирнязов Д.С., Аракчиев Д.З.</i> Ритуал ногайцев в местности Татартуп	529
<i>Бесолова Е.Б.</i> Еще об одной ипостаси нарта Ацамаза в Нартиаде	535
<i>Чотчаев Д.Д., Токов М.А.</i> Взаимодействие народов Северо-Западного Кавказа в сфере просвещения в XIX – начале XX в. (на примере Карачая и Балкарии)	542
<i>Чкок-Эшба Э.М.</i> Об истории Новоафонского Симоно-Кананитского монастыря (к 150-летию основания).....	548
<i>Текеев И.Р.</i> «Величественный вид, открывшийся отсюда, не поддается описанию»: восхождение А.В. Пастухова на Казбек в 1889 г.	555
<i>Еремеева А.Н.</i> Опыт проведения экскурсий на промышленные предприятия Кавказа (конец XIX – начало XX в.)	562

<i>Красовицкая Т.Ю.</i> Закавказский авангард в Интербеллуме: диалог культур в контексте неоколониалистских практик	567
<i>Асатрян А.Г.</i> Родом из Кизляра: классик армянской музыки Романос Меликян	575
<i>Гассиева М.А.</i> Проблемы сохранения культурного наследия (на материале Республики Южной Осетии)	581
<i>Цвейба Л.В.</i> Языковое поведение жителей городской среды в условиях урбанизации (на примере г. Сухума)	589
Сведения об авторах	598

Table of Contents

Prefaces	10
Chapter 1. Contemporary Caucasian studies from the origins to the current problems: approaches, assessments, and sources	
<i>Kolesnikova, M.E.</i> Caucasian studies and their role in the formation processes of scientific space of the Caucasus (the second half of the 18 th – early 21 st centuries): a historiography aspect	17
<i>Chediya, A.R.</i> The Eastern Black Sea and the Western Caucasus regions on the map of Kâtip Çelebi (Hâjji Khalifa)	24
<i>Kuzminov, P.A. and E.A. Kokova.</i> Cartographic practices by A. Bekovich-Cherkasskiy	32
<i>Kartoyev, M.M.</i> Distribution geography of the Ingush societies in the 18 th century based on the Russian cartographic and written sources	40
<i>Tkachenko, D.S.</i> Military department reconnoitring the territories of the Russian Caucasus and neighbouring lands in the first half of the 19 th century	47
<i>Kolosovskaya, T.A.</i> The way the war history of the Caucasus acquired its chronicler: an unknown episode of V.A. Potto's service biography	54
<i>Kirchanov, M.V.</i> Input of N. Marr and I. Kipshidze to the 'imagining' and construction of the peripheral regions of the Southern Caucasus in 1900–1910s: between the imperial model of knowledge and the Georgian nationalism	61
<i>Sultanbekov, R.M.</i> Report on a trip to Dargin District (<i>Okrug</i>) by Academician Anuchin, D.N., as a source of social-economic history of the Dargins	69
<i>Pantyukhina, T.V.</i> The Greater Caucasus at the turn of the 20 th century as perceived by an English female traveller	75
<i>Oborskiy, E. Yu.</i> Possibilities of application of the H. Lefebvre's social space concept to the studies of everyday life in the cities and towns of the Caucasian Mineral Springs Region in the 1920–1930s	81
<i>Kulish, N. Yu.</i> 'Emancipated' Circassian woman: portraits of builders of a new life in Adygea (based on materials of the joint bulletin of <i>Adygorgbyuro RKP(b)</i> , <i>Adygoblispolkom</i> , and <i>Adygoblplan</i> of 1925)	86
<i>Tatarov, A.A.</i> Self-reflection in the WWII historiography in English: the Soviet-German front issue	89

<i>Timoshenko, A.A.</i> Musical Caucasian studies at the Russian Institute of Art History (organological research)	93

Chapter 2. Political and socio-economic development of the Caucasus in the 18th–21st centuries

<i>Abazov, A.Kh.</i> Some specific features of formation and development of the Russian statehood institutions in the Central Caucasus at the turn of the 19 th century	100
<i>Klychnikov, Yu.Yu. and A.N. Ryabikov.</i> ‘We, however, failed to reach the quietude and security within that part of Our Empire ...’: the Crimean Khanate and the Northern Caucasus in Catherine the Great’s politics and policies	105
<i>Abdusalomov, M.-P.B. and S.M. Bagautdinov.</i> On the issue of the Kaitag Utsmis origin	112
<i>Skripkin, R.D.</i> Evolution of agriculture systems in Nalchik <i>Okrug</i> (District) of Terek <i>Oblast</i> (Province) in the second half of the 19 th – early 20 th centuries	116
<i>Tekeyev, S.O.</i> On the history of Karakent coal mines on the territory of contemporary Karachay-Cherkessia in the 19 th century	123
<i>Duginets, S.M. and A.V. Poleshchuk.</i> Agricultural exhibitions of the 1850–1860s as one of the development factors of Stavropol Governorate	127
<i>Bogolyubov, A.A.</i> Military and social-economic activities of the Poles in Abkhazia in the 19 th – early 20 th centuries	132
<i>Morozova, O.M.</i> Criminal events of the Azerbaijan Democratic Republic period (1918–1920)	136
<i>Dzhumagulova, A.T.</i> Sovietization of the land use: sedenterisation policy towards the Nogai population in the context of the land-water reform in Dagestan ASSR (the 1920–1930s)	143
<i>Aganov, A.A.</i> Activities of the North Caucasus <i>Krai</i> (Territory) Department of the Society of the Former Political Prisoners and Settlers in Exile (based on materials from the State Archive of Rostov Region)	151
<i>Avidzba, A.F.</i> Ardzinba, V.G., – an outstanding statesman of Abkhazia	156
<i>Dbar, M.G.</i> Episode in the diplomatic activities of V.G. Ardzinba (the case of the Moscow meeting of 3 September 1992)	164
<i>Bagapsh, N.V.</i> Ethno-demographical history of Tkuarchal (1939–2024)	169
<i>Chakvetadze, G.V.</i> On the activities of the ethnic communities in the Republic of Abkhazia	177

Chapter 3. Ethno-national policy and ethno-cultural transformations in the Caucasus during the Soviet period

<i>Yakhutl, Yu.A.</i> Political preconditions for the ethno-national autonomy obtaining by the north-western Adyghe in 1917–1920	184
<i>Beguev, S.A.</i> Aspirations of the Northern Caucasus peoples for the ethno-national and political self-determination in 1917–1918	190
<i>Bairamkulova, A.A.</i> Formation of the Karachay-Cherkess Autonomous Region (<i>Oblast</i>): stages and specific features	196
<i>Khbulova, S.A.</i> On the 'korenization' policy issues in the USSR	202
<i>Baranov, A.V.</i> Establishment and development of the Shapsugs Ethnic District (<i>Shapsugskiy Raiyon</i>) in the context of the 'korenization' ethnic policy (the 1920s)	210
<i>Kokorkhoyeva, D.S.</i> Elimination of the youth illiteracy in the autonomies of the Northern Caucasus under the early collectivisation conditions (1927–1929)	218
<i>Tkhamokova, I.Kh.</i> Nalchik and development of education in Kabardino-Balkaria in the 1920–1930s	224
<i>Popova, A.A.</i> Activities of the Don Region writers on the collection and preservation of the folklore of the mountain peoples in the middle of the 1930s	231
<i>Chekalov, P.K.</i> On the formation issue of the writers' organization in the Karachay-Cherkess Autonomous Region (<i>Oblast</i>) in the late 1950s – 1960s (based on the materials of the State Archive of the Karachay-Cherkess Republic)	235
<i>Studenikin, A.L.</i> Faces of the Soviet epoch: portraits of employees of the Abkhazian Branch of the State Bank of the USSR	241
<i>Khadzhieva, M.Kh.</i> Clothes for children as a reflection of the social-economic development of the country during the Khrushchev Thaw	249

Chapter 4. The contemporary Caucasus between traditions and modernization

<i>Vinogradova, E.V. and M.S. Trofimov.</i> Legal regulation of information security issues and countermeasures against the threats in the sphere of information in the strategic planning documents of the states of the Caucasian Region	255
<i>Bredikhin, S.N. and B.A. Shishkin.</i> Dialogic potential of the online comment discourse in the Northern Caucasus	265
<i>Gapurov, Sh.A. and T.U. Elbuzdukayeva.</i> Trends in and prospects of foreign policy processes in the Chechen Republic in the early 21 st century	271

<i>Sikharulidze, A.T. and N.A. Skvortsova. 'European Georgia' and 'Real Armenia': modernization patterns in the Southern Caucasus</i>	277
<i>Plotnikov, D.S. Transformation of foreign policy strategy of Armenia after the Karabakh wars of 2020 and 2023</i>	283
<i>Zherebtsov, I.L., Fauzer, V.V., Fauzer, G.N. and T.E. Goncharova. Ethno-national republics of the North of Russia and of the Northern Caucasus</i>	290
<i>Kratova, N.V. Development of the Muslim Ummah in Karachay-Cherkessia in the late eighties of the 20th – first quarter of the 21st centuries</i>	299
<i>Guchetl, Z.Kh. and O.I. Kuskarova. On the ethno-cultural needs of the population of the Republic of Adygea: between traditions and modernization (based on data of a sociological study)</i>	306
<i>Bashmakov, I.S. and D.P. Kolozov. Civic activities of the Cossack communities for the development of local territories and traditional values preservation in Krasnodar Krai (Territory): the main practices and technologies</i>	313
<i>Tumov, A.A. Value conflicts in the youth milieu of the Northern Caucasus: results of a focus group study</i>	317
<i>Kaslandzia, N.V. and Z.Kh. Guchetl. Woman in a contemporary society: the youth perspective in the Republic of Abkhazia</i>	322
<i>Tereshchenko, E.A. Formation of the national educational space as a factor ensuring the state sovereignty</i>	328
<i>Tokova, A.R. Role of ethnic journalism when ensuring the culture continuity and the society consolidation within a single information space</i>	333

Chapter 5. Regional security issues and the armed conflicts in the Caucasus

<i>Musayeva, S.I. Struggle of great powers for the influence in the Caucasus (the case of Dagestan)</i>	338
<i>Venkov, A.V. and Kh.B. Mamsirov. Proxy-factor in hostilities in the Caucasus in the 16th–19th centuries</i>	345
<i>Kurmanseitova, A.Kh. Project by Major General Delpotso, I.P., on the construction of Batalpashinsk Section of the Caucasian Fortified Line</i>	351
<i>Skorik, A.P. and I.M. Fedina. Anapa Fortress of the Black Sea Fortified Coast Line during the years of the Crimean War (according to reports by General Khomutov, M.G.)</i>	357
<i>Klochkov, O.B. Organization of the Russian military presence in Abkhazia and protection of its coast in the first third of the 19th century</i>	365
<i>Zozulya, I.V. and A.A. Berezutskaya. Law enforcement authorities of the Northern Caucasus under the WWI and WWII extreme conditions</i>	369

<i>Malysheva, E.M.</i> State measures to mobilise the resources of the Northern Caucasus republics in 1941–1943	375
<i>Matiyev, T.Kh.</i> Defensive operations of the 9 th Soviet Army in Voznesenskaya combat area in early September of 1942	381
<i>Medvenskiy, N.I.</i> Defensive battles of the Soviet aviation over the foothills and mountain passes of the Western Greater Caucasus Range in 1942–1943	388
<i>Tatarinov, I.E.</i> The Battle for the Caucasus: the feat of Leontiy Kondratyev, Sergeant Major of the 723 rd Rifle Regiment in the battle for the elevation	398
<i>Osmaev, A.D.</i> Rewards of the Red Army (RKKA) fighters and commanders from the ChIASSR in the Great Patriotic War according to the Feat of the People (<i>podvignaroda</i>) website data	403
<i>Vas'kov, M.A.</i> Ukrainian nationalists in the war against Abkhazia in the 1990s: a politico-ideological aspect	411
<i>Korobkina, I.A.</i> The United Nations Observer Mission in Georgia: participation of peacekeepers in the regulation of the Georgian-Abkhazian conflict	416
<i>Dudaiti, A.K. and Zh.D. Tarkhanova.</i> Information wars and conflictogenesis in the Caucasus: the role of media in the escalation and de-escalation of violence	421

Chapter 6. Issues of historical memory and identity

<i>Goryushina, E.M.</i> Between the imperial heritage and legacy and the current memory policy: the rivalry for the Caucasus	428
<i>Gudimova, O.A.</i> Historical songs of the Adyghes and the Kuban Cossacks – the folk memory of the events of the Caucasian War	433
<i>Ashuba, A.E, and A.Kh. Dzyba.</i> Historical memory phenomenon in the artistic consciousness of the representatives of the Abkhazian and Abazin prose of the 20 th century	440
<i>Krinko, E.F.</i> The Great Patriotic War in the historical memory of the modern states of the Caucasus	447
<i>Veremeichik, M.A.</i> The Soviet past in the memory policy of Georgia (1991–2018).....	455
<i>Gritsenko, G.D.</i> Confessional identity with a civic-patriotic focus in a poly-ethnic society	460
<i>Ivanova, S.Yu.</i> Memory of the Great Patriotic War as a factor integrating the peoples of the Northern Caucasus: practices of celebrating the 80-Year Victory Anniversary	465
<i>Puren, K.A.</i> Symbolic space of South Ossetia (based on field studies)	472

<i>Vozba, S.Z.</i> Role of women in the Patriotic War of the people of Abkhazia: according to the oral history materials	477
<i>Gegia, E.G.</i> On the historical memory in contemporary Abkhazia: the case of events of the national liberation movement of the second half of the 20 th century	483
<i>Avdeyev, E.A.</i> The Russian civilization grounds for the image of the future: representations by the Northern Caucasus youth	488
 Chapter 7. The Caucasus as the space for the dialogue of cultures	
<i>Dzhapua, Z.D.</i> On the Abkhazian epic telling	496
<i>Popov, V.A. and O.I. Shafranova.</i> The Terek Cossacks in the dialogue of cultures of the Northern Caucasus peoples	502
<i>Kamkia, B.A. and E.G. Kamkia.</i> The Nart epos of the Abkhaz as a law monument	507
<i>Solov'yova, N.G.</i> Traditional family of the Kuban Cossacks in the cultural space of Karachay and Cherkessia at the turn of the 20 th century	514
<i>Sangulia, E.V.</i> Rite of the after-wedding series of rites and rituals of bringing a daughter-in-law to a spring in the system of the Abkhazian-Abazin wedding rites and rituals	521
<i>Kidirniyazov, D.S. and D.Z. Arakchiyev.</i> The Nogais ritual in the area of Tatartup	529
<i>Besolova, E.B.</i> On one more hypostasis of Nart Atsamaz in the <i>Nartiada</i>	535
<i>Chotchaev, D.D. and M.A. Tokov.</i> Interactions of peoples of the North-western Caucasus in the sphere of enlightenment and education in the 19 th – early 20 th centuries (the case of Karachay and Balkaria)	542
<i>Chkok-Eshba, E.M.</i> On the history of the New Athos Simon the Canaanite Monastery (to the 150-Year Establishment Anniversary)	548
<i>Tekeyev, I.R.</i> ‘The majestic view, here from the top, defies description’: A.V. Pastukhov’s ascending Mount Kazbek in 1889	555
<i>Eremeyeva, A.N.</i> Practices of excursions to the industrial enterprises of the Caucasus (the late 19 th – early 20 th centuries)	562
<i>Krasovitskaya, T.Yu.</i> Avant-garde of the Southern Caucasus in the Interbellum: the dialogue of cultures in the context of neo-colonial practices	567
<i>Asatryan, A.G.</i> Born in Kizlyar: Romanos Melikyan, the key figure of Armenian music	575
<i>Gasiyeva, M.A.</i> Issues and challenges of cultural heritage preservation (the case of the Republic of South Ossetia)	581
<i>Tsveiba, L.V.</i> Language behaviour of the city milieu dwellers under the urbanization conditions (the case of the city of Sukhum)	589
Information about the authors.....	598

Научное издание

**НАРОДЫ КАВКАЗА
в XVIII–XXI вв.:
история, политика, культура**

**Материалы XII Международного форума
историков-кавказоведов
(г. Сухум, 1–4 октября 2025 г.)**

Корректурa: *Ю.В. Безуглова, С.А. Шестак*
Оригинал-макет: *Л.В. Безбородова*
Перевод *Р.Г. Михалюка*
Обложка: *Л.В. Безбородова*

Подписано в печать 16.09.2025
Формат 70 × 100/16. Гарнитура Minion Pro
Бумага офсетная. Печать офсетная
Усл. печ. л. 50,37. Тираж 500 экз.
Заказ № 46.

Издательство ЮНЦ РАН
344006, г. Ростов-на-Дону, пр. Чехова, 41
Тел. (863) 250-98-21

Отпечатано в РУП «Дом печати»,
г. Сухум, ул. Эшба, 168.

